

РУССКИЙ
СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

XXVII

Модест Колеров
Москва 2020

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)
Р89

Р89 Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXVII. М. : Модест Колеров, 2020. 568 с.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books

ISBN 978-5-905040-50-4

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-905040-50-4

© Авторы статей, 2020
© Модест Колеров, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Дубровский</i> . Ричард Шелли и польско-литовское посольство к царю Ивану Грозному 1570 года	7
***	
<i>Г. Е. Аляев</i> . Рукопись «Очерков философии культуры» П. Б. Струве и С. Л. Франка. Текстологическое пояснение	73
***	
<i>В. А. Болтрукевич</i> . Бой парохода «Веста» (11 июля 1877 г.) в контексте военно-морской мысли России	110
<i>Кирилл Шевченко</i> . Униатская церковь и становление идентичности угорских русинов в XIX — начале XX в.	131
<i>С. А. Фалько</i> . Из истории оружейного экспорта в страны Азии во второй половине XIX — начале XX в.: особенности российского варианта поставок вооружения	140
<i>Ольга Кононова</i> . «Единение царя с народом»: празднование дня отмены крепостного права 19 февраля 1902 г. в Кремле как часть комплексной программы Московского охранного отделения по борьбе с рабочим движением	167
<i>Ф. А. Гайда</i> . Интеллигенция и преобразование: политический контекст произведений С. Н. Булакова 1909–1917 гг.	188
<i>А. А. Смирнов</i> . Об эффективности применения русской конницы холодного оружия в кампании 1914 года	200
<i>Энтони Хейвуд</i> . Логистическое значение турецких проливов, русско-османская война и место Галлиполийской кампании в Первой мировой войне с точки зрения России	228
<i>А. В. Ганин</i> . «Моя жизнь в обстановке и материальной и духовной очень тяжела (чтобы не сказать невыносима)»: Судьба генерала А. С. Мадритова	273

В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Советские потребительские практики в «маленьком СССР», 1945–1949 (по материалам Советской военной администрации в Германии) 308

***

В. А. Антонов. «В прекраснейшей стране под российским небом, в пределах украинских...»: Ф. А. Гайда. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. 200 с. 394

А. В. Толстиков, А. А. Селин. Столбовский мир 1617 года. Изд. 2-е, испр. СПб.: БЛИЦ, 2019. 208 с. 481

М. Ф. Шумейко. От члена тайного общества до тайного советника: Александр Федута. Филомат в Империи: Документальная повесть о Франтишке Малевском. Минск: Лимариус, 2019. 464 с. (Библиотека «Наш XIX век») 494

Андрей Тесля. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М.; СПб.: Петроглиф, 2015. 624 с. 502

Андрей Тесля. П. А. Вяземский и Эрн. Ф. Тютчева: Переписка (1844–1869) / Изд. подгот. А. В. Гладкова. М.: Наука, 2018. 667 с. 507

Андрей Тесля. Щербаков В. И. Д. И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 416 с. 512

Андрей Тесля. Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018. 672 с. (Славянофильский архив) 516

Андрей Тесля. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. 600 с.: [8] с. ил. (Славянофильский архив) 524

Свящ. Александр Ермолин. Диакон Павел Гаврилюк. Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. Письма 1947–1955 годов. М.: Издательство ПСТГУ, 2019. 448 с. 531

А. В. Короленков. Сталин и его эпоха: из новой литературы: О. В. Хлевнюк. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016; S. Fitzpatrick. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015 536

М. Р. Зезина. Гершзон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг. Очерки. М., 2018. 390 с. 560

Сведения об авторах тома 566

И. В. Дубровский

РИЧАРД ШЕЛЛИ И ПОЛЬСКО- ЛИТОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО К ЦАРЮ ИВАНУ ГРОЗНОМУ 1570 ГОДА

В истории восприятия Московского государства в Западной Европе есть ряд поворотных моментов, когда складываются и запоминаются сильные картины, получающие затем власть над умами. Хотя каждый из них сам по себе совершенно случаен, с середины XVI века они происходят с удивительной периодичностью на рубеже каждого следующего десятилетия. Всего таких эпизодов в это время можно насчитать три или, может быть, четыре.

Первый вызван книгой Герберштейна, впервые опубликованной в 1549 году. Нарисованная им картина московского самовластия, не связанного волей подданных и низводящего их до положения послушных орудий, разительно отличающегося от всех форм политической жизни в Западной Европе, стала хрестоматийной. Строго говоря, автор не пишет ничего нового, а лишь удачно развивает и суммирует традицию. Тем не менее после его книги выскочить из тисков выстроенного образа уже не удавалось¹. Этот умственный образ подчас заставлял западных европейцев терять всякое здравомыслие. Так, в Римской курии всерьез верили,

---

¹ *Poe M. Sigismund von Herberstein and the Origin of the European Image of Muscovite Government // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999/ hg. v. F. Kämpfer, R. Frötschner. Wiesbaden, 2002, S. 131–172. См. таблицу на с. 152.*

что необходимым и достаточным условием для победы католичества в России является обращение русского царя, чьи подданные якобы послушно за ним последуют².

Следующим потрясением, оставившим неизгладимый след, для германского общества в особенности, стала война Ивана Грозного в Ливонии. Первая реакция немецких князей на сообщения о громких победах «Московита» могла быть довольно вялой: всех страшила перспектива новых трат на войну за далекую окраину германской империи. Все переменилось, едва из Ливонии стали доходить подробности. Они не умещались в голове. По мнению немецкой исследовательницы Инге Ауэрбах, здесь во всю силу обнаружилось культурные различия между Россией и Западом. Начиная со средневекового движения «Божьего мира» на Западе стремились ограничить военную активность кругом воюющих, защитив от нее остальных. То, что творилось в Прибалтике, представлялось фантазмагорией, нарушающей все правила ведения войн. Ливонская война казалась и была нашествием пришельцев из другого мира. Идеология Московского царства, которую царь без стеснения демонстрировал внешнему миру, с ее историческими аргументами, которые образованному европейцу справедливо казались бредовыми и опасными, только нагнетала страсти. Она расценивалась как свидетельство угрозы, нависшей также над другими германскими землями, перед лицом которой ряды равнодушных стремительно таяли³.

Еще около десяти лет праведный гнев и идейная борьба в Германии против «москвитов» в основном питались картинами

---

² «Insomma è tanto gran Signore, che certo niuno lo può credere, non havendo vedute le sue parti e paesi; massime per la gran obediencia che ha, non occorendogli trattare con li suditi questo o altro, ma commanda assolutamente, riputandosi ognuno più che felice, ponendo per lui la vita, nonché la robba. Il che tutto perviene perché lo tengono per esecutore della volontà di Dio, e però fanno quanto commanda, senza eccettione alcuna. Onde è da credere fermamente che, s'egli si risolvesse hoggidi a venire in unione e communion della Santa Sede Apostolica, che tutti li suoi lo fariano», — пишет такой разумный и знающий человек, каким был Кобенцль. — Cavazza S. La «Relatione delle cose di Moscovia» di Giovanni Cobenzl // Aquileia e Gorizia tra storia e cultura. Studi e documenti (= Quaderni Giuliani di Storia, 34, 2013/1). Trieste, 2013. P. 97.

³ Auerbach I. Hessen und Moscovien in der Zeit Ivans des Schrecklichen. Zur Methodik der Analyse des deutschen Rußlandbildes // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 37 (1987). S. 73–97.

русских зверств в Ливонии и русской угрозы. Внутренняя жизнь царства Ивана Грозного никого за его пределами особенно не интересовала. Немногие могли ответить на вопрос, как царя зовут, а те, кто мог, уверяли, что того звать Василием. Военная сила безымянного «Московита» казалась беспорной и вызывала известное почтение. С начала 70-х годов быстро складывается и обретает силу новая повествовательная традиция. В немецких печатных «летучих листках», увидевших свет в 1571 и 1572 годах, появляются обстоятельные рассказы о кровавых событиях в Московском государстве, известных нам под именем опричнины⁴. Кто бы ни был автором сочинения, приписываемого Альберту Шлихтингу, оно пролагало путь новой европейской литературе о Московии. Размеренный страноведческий энциклопедизм старых авторов она сменила на описание текущего правления и текущих политических драм, оставлявших впечатление войны московского государя со своими подданными и крушения всей общественной жизни. Недаром в прямой связи с этой новой литературой в разных концах Европы вскоре рождаются планы завоевания России, которое вдруг стало казаться нетрудным. Такой поворот можно объяснить стечением обстоятельств. Немаловажным толчком к пробуждению болезненного интереса к кровавой тирании Ивана Грозного послужил поход царя на собственный город Новгород, перед которым меркли все его прошлые злодеяния. В соседней немецкой Ливонии, торговавшей с Новгородской землей, имели об этом обстоятельные сведения и примеряли участь новгородцев на себя. По мнению многих в Ливонии, погибнуть в борьбе с московским нашествием было лучше, чем отдаться во власть такого правителя. Тем не менее главную роль в появлении упомянутых печатных и рукописных текстов мы можем уверенно приписать действиям других лиц.

Пока царь чинил расправы в Новгородской земле, с начала весны 1570 года в Москве его дождалось большое польско-литовское посольство. Послов было четверо: два старших в воеводском звании — иновроцлавский воевода Ян Кротоский и минский каштелян Миколай Тальвош, и два младших посла — радзеевский староста Рафал Лещинский и литовский писарь Андрей Хоружий.

---

⁴ Kappeler A. Die letzten Oprіchninajahre (1569–1571) im Lichte dreier zeitgenössischer deutscher Broschüren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, Bd. 19, H. 1, März 1971. S. 1–30.

Их сопровождали полтора десятка шляхтичей, несколько сотен слуг, известных и неизвестных лиц, и еще такое же количество приехавших с посольством купцов. Что происходило в этой среде, среди тысячи с лишним приезжих, запертых в московских дворах, мы в основном можем только догадываться. Тем не менее очевидно, что становление интереса к кровавым событиям внутривосточной жизни страны непосредственно связано с историей данного посольства.

Сведения, переданные участниками посольства и польскими агентами, действовавшими в этот момент в Москве, отразились в упомянутых немецких «летучих листках». Это касается самого содержательного из них «Kurtze glaubwürdige Zeitung», в другом издании озаглавленного «Eigentliche Warhafftige Beschreibung». Данная газета есть в русском переводе⁵. Мы, со своей стороны, публикуем в приложении переводы документов, сообщающих о посольстве. Их родство лежит на поверхности. Можно ломать голову лишь над тем, какое из сообщений о посольстве содержит больше сходств и параллелей с упомянутым печатным листком. Еще одна немецкая газета того же времени отсылает к посольству в самом заглавии: «Истинная новая газета о свирепом враге христианства Московите с рассказом о том, как он принимал и держал послов его величества короля Польского, как самолично опустошил один свой собственный город и округу...». Основным содержанием данного «летучего листка» является немецкий перевод письма оршанского старосты Филона Кмиты с изложением сведений, полученных им из Москвы. Наконец, в третьей газете «Beschreybunge einer Reyse», «Описание одного путешествия», немецкий исследователь А. Каппелер находит местами дословные совпадения с письмом неизвестного участника польско-литовского посольства из Москвы от 24 июня 1570 года⁶. Мы снова просим

⁵ Каппелер А., Скрынников Р. Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–144.

⁶ Kappeler A. Die letzten Oprіchinajahre... S. 5–6. Польский историк Х. Граля предполагает, что письмо написано Альбертом Шлихтингом: Grala H. Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland / Hg. H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000. S. 150–151. Нам это кажется сомнительным, ибо Шлихтинг оставался в Москве еще три с лишним месяца, тогда как автор письма обещает своему корреспонденту рассказать новости при встрече: «Von newer Zeitung, wehre wol sehr viele zu-

читателя заглянуть в приложение: все сказанные материалы нами переведены.

А. Каппелер замечает, что сообщения упомянутых газет отличаются «удивительной трезвостью», которой вскоре станет заметно меньше. Очень быстро повествования о Московии начнут превращаться в безжалостное и однообразное нагнетание страстей⁷. Примером такого рода является, в частности, сочинение, обнаруженное год спустя от имени Альберта Шлихтинга. Шлихтинг, бывший в Москве слугой и переводчиком царского лекаря, являлся информатором посольства. «А нам, государю и Речи Посполитой панств наших уставичне верне служил, послом и гонцом нашим о всех справах неприятельских, што ведати мог, певную ведомость давал», — сказано о нем в жалованной грамоте польского короля, найденной Х. Гралей⁸. Бежав из Москвы в Польшу осенью того же года, он явно оказался игрушкой в чужих руках. Когда Алессандро Гваньини опубликовал в своей книге текст, основой которого кажется информация Шлихтинга, то был обвинен в воровстве и плагиате... польским писателем Матеем Стрыйковским.

Другие авторы, как известно, приняли эстафету, и образ картинного злодея «Ивана Ужасного» надежно осел в культурном багаже европейцев. Демонизировать русского царя, запруживающего реки трупами своих подданных, дальше было некуда, но совершенствовались формы идейной борьбы. Развернутую на рубеже 70–80-х годов сподвижниками и доброжелателями польского короля Стефана Батория кампанию в германской прессе — и, добавив от себя, в Италии — А. Каппелер называет едва ли не первым опытом большой информационной войны европейского правителя как части военной стратегии. Это были не просто некие пропагандистские усилия, пример которых мы наблюдаем в 1570 году, а скоординированная программа действий разного рода (предполагавшая, в частности, запрет отправлять письма из королевского лагеря и другие меры)⁹. Такие последовательные вехи в истории идеоло-

---

schreiben, gibt aber Gott, daß Ich an E[ure] L[iebden] gelange, will Ich mundtlich berichten».

⁷ *Kappeler A.* Die letzten Oprіchninajahre... S. 30.

⁸ *Grala H.* Zu Werk und Person Albert Schlichtings... S. 147.

⁹ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandsbildes. Bern, Frankfurt am Main, 1972. S. 59–60, 64, 65. Что касается Италии, укажем на нашу

гического противостояния — схематичную умственную картину политического устройства Московии, изложенную у Герберштейна, первый культурный шок и накал страстей в Германии в начале войны за Ливонию, новый предмет обличений, впервые апробированный в ходе польского посольства 1570 года и по его следам, а также метаморфозы информационной войны при Стефане Батории с продуманным захватом всего информационного пространства — можно уловить с достаточной определенностью¹⁰.

Польское посольство, о котором, как читатель уже понял, пойдет речь, запомнилось современникам надолго. Дадим слово одному из них. С 11 по 13 июля 1581 года в городе Дисне папский посланец Антонио Поссевино, направлявшийся к царю, беседовал с итальянским купцом Джованни Тедальди:

«По поводу поляков, которые во времена короля Сигизмунда ездили в Москву в качестве послов, он [Джованни Тедальди] говорит, что Московит не поступал с ними так дурно, как об этом ходят разговоры. Напротив, поляки по дороге в Москву и при дворе этого государя, глумясь над москвитами, вели себя так, что дали этому государю много поводов для неудовольствия. Помимо прочего, они взяли с собой лютеранского проповедника, да еще привели его проповедовать великому князю [свою веру]. Послушав того немного, он ответил: “Сейчас не могу тебя больше слушать, поскольку занят. Тем не менее изложи на бумаге то, что хотел мне проповедать, и принеси это мне”. Когда это было сделано, государь вскоре велел его позвать и воспретил его проповедь как еретическую. Он распорядился вернуть ему дар, который от него принял, — серебряную чашу с сотней венгерских золотых — и сказал ему: если бы

публикацию источника: Антонио Мартинелли. История взятия Полоцка польским королем Стефаном Баторием в 1579 году // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. Москва, 2017. С. 7–100.

¹⁰ Заметим, что эта схема описывает только часть фактов. О монолитной реакции Запада говорить не приходится. У англичан имелись свои источники сведений о Московии, которые, в свою очередь, не могли знать другие, причем не только в силу языкового барьера, а просто потому, что они долгое время почти не публиковались. В Италии внимательно отслеживали информацию, идущую с севера и востока Европы, однако не были до конца уверены в ее достоверности. Эти сомнения много раз обнаруживаются в документах о миссии Поссевино. В культурной жизни Запада существовали тенденции, но все же было больше разнообразия, чем общих течений.

тот не был человеком польского посла, он наказал бы его куда более строго ...

Еще тот же Тедадьди мне рассказывал о случае, который не сходит с уст поляков. Речь идет о коне одного поляка, явившегося в Москву с упомянутым посольством. По приказу Московита, этот конь был убит. Согласно Тедадьди, все произошло не так, как говорят. На самом деле, сказанный поляк преподнес Московиту коня в надежде получить за него справедливое возмещение, точно это был не дар, а продажа. Когда сей государь послал одарить его мехами, тот в негодовании попрад их ногами, посчитав, что они не стоят подарка, который он сделал. Эта выходка вкупе с другими поступками поляков вынудила государя приказать, чтобы того коня вывели на площадь перед его дворцом и там убили, а поляку тотчас выплатили ту цену, во сколько он его оценил, хотя обошлись с ним при этом возмутительно»¹¹.

Десять лет спустя, когда перемирие, ради которого приезжало польское посольство, давно осталось в прошлом и грохотала но-

---

¹¹ «Circa i Pollacchi poi, i quali al tempo del Re Sigismondo andarono in Moscovia per Ambasciatori, dice che il Moscovito non si portò così male con loro, come il rumore si sparse, ma che i Pollacchi per la strada in Moscovia, et alla corte di quel Principe usarono di tali modi, schernendo i Moscoviti, che diedero molta occasione di alterare quel Principe, et fra l'altre cose, condotto havendo con seco un predicatore luterano, il quale anco fu introdotto a predicare al gran Duca, egli havendolo alquanto udito rispuose: Per hora non posso più udirti per haver qualche negocio, nondimeno poni in iscritto ciò che volevi predicare, et portalo a me. Il che fatto, quel Principe facendolo non molto dappoi richiamare, gli proibì la predica come heretica, gli fece restituire un dono, che da lui haveva ricevuto di una tazza di argento con cento ungarì d'oro et gli disse, che se non era ch'egli dipendeva dall'Ambasciatore Pollacco l'havrebbe più gravemente castigato... Mi disse poi il medesimo Tedaldi che un fatto, il quale va molto per le bocche di Pollacchi circa un cavallo che per ordine del Moscovito fu fatto uccidere ad un Pollacco, il quale colla sopradetta Ambascieria era andato, non fu del modo che si dice. Ma che havendo quel Pollacco fatto dono di quel cavallo al Moscovito per haverne non come di dono, ma come di venduto giusta ricompensa, quando da quel Principe gli fu mandato a donare alcune pelli, egli per isdegno non stimandole per equivalente prezzo del dono gli diede de' piedi dentro, il che congiunto coll'altre maniere tenute da Pollacchi, fece che quel Principe fatto condurre quel cavallo inanti al suo palagio, et quivi uccidere, subito fece sborsare quanto il Pollacco stimava quel cavallo, usandoglisi però alcuno trattamento di risentimento contra». — *Pierling P. Un nonce du pape en Moscovie: préliminaires de la trêve de 1582. Paris, 1884. P. 173–174.*

вая война, два вопроса не утратили своей остроты и злободневности, продолжая будоражить умы: это нанесенные послам оскорбления, задевавшие честь польского короля, хотя на троне давно был другой, и общение царя с протестантским проповедником Рокитой, которого привез с собой посол Ян Кротоский. В напряженной конфессиональной атмосфере конца XVI века письменные рассуждения царя на религиозные темы одинаково интересовали протестантов и католиков. Ответы Ивана Грозного Роките были изданы как раз около этого времени, став первым русским сочинением, переведенным и опубликованным в Европе¹².

О посольстве 1570 года сохранилось много русских документов¹³, и они так обстоятельны и хороши, что в другие материалы исследователи часто заглядывают одним глазом. Из материалов польской стороны ряд текстов не издан по сей день. Это касается, в частности, венских писем аббата Цира, бывшего агентом императора при польском дворе. Они известны историкам только в пространных цитатах, приведенных в книге В. Новодвор-

---

¹² См. «Theologia Moscovitica. Translata in Latinum, et ubi necesse fuit refutata. A Iohanne Lasicio Polono», состоящую из двух частей: «Quaestiones theologicae Iohannis Basilii, Magni Ducis Moscorum, ad quas Io. Rohitam, ministrum Christi, in conspectu magnificorum Legatorum Sigismundi Augusti Serenissimi Regis Poloniae, et Magni Ducis Lituaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Kioviae, Voliniae, Podlassiae, Livoniae, in urbe Moscuua, ineunte, Anno 1570 responde-re iussit» и «Responsio Iohannis Basilii, Magni Ducis Moscorum, ad hanc Rahitae Confessionem fidei data ipsi in urbe Moscwa, Anno 1570 Kalend. Maii» в кн.: [Jan Łasicki] De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spiraе, 1582. P. 1–169 (значительную часть этого объема составляют комментарии Я. Лазицкого). Ср. рассказ Одерборна в кн.: Ioannis Basilidis magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. Witebergae, 1585. Его сообщение о посольстве, которое сводится к перечислению причиненных послам обид, довольно коротко (р. Ev. — E2), зато речь, с которой Рокита обратился к царю, излагается на 41 странице (текст начинается со слов «Inter caeteros autem Ioannem Rosutam...» за две никак не обозначенные страницы, предшествующие странице, обозначенной буквой F, и продолжается до конца Первой книги на странице H4).

¹³ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 616–762 (№ 24); Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. II: «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1475–1572 гг. М.; Варшава, 1997. С. 261–266; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержашая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843. С. 290–301, 304–309 (№ 188–190, 192).

ского¹⁴. Но существует еще более важный источник, ожидающий своей очереди. Неизвестным при этом данный документ не назовешь. Его содержание в общих чертах описано в старой работе Е. Ф. Шмурло. До того короткий фрагмент с рассказом о несчастном проповеднике Роките был опубликован П. Пирлингом¹⁵. На эти сведения иной раз ссылаются, но рукопись никто из исследователей больше не открывал. Документ начинается словами: «Il successo dell'imbasciaria del Re di Polonia al Principe di Moscovia a di 12 di Gennaro 1570», что можно перевести: «То, что было с посольством короля Польского к государю Московскому 12 января 1570 года». Это название первой темы, а не всего сочинения. Текст вообще местами выглядит неоконченным.

Есть свидетельство о рукописи, содержащей единственный список данного сочинения, оставленное Поссевино: «Antequam Roma discederet — сообщает он о себе в третьем лице, — legit quidquid Sigismundi Augusti Poloniae Regis Legati, in Moscoviam missi, ea de gente, moribusque Magni Ducis Moscoviae retulerant; quae D. Porticus Archiepiscopus Ragusarum legenda tradidit», «До отъезда из Рима [к царю Ивану Грозному Поссевино] прочел то, что послы польского короля Сигизмунда Августа, отправленные в Московию, писали о тамошнем народе и нравах великого герцога Московского, что передал ему для ознакомления архиепископ Рагузский Портико»¹⁶. Рукопись, о которой здесь скорее всего говорится, находится сегодня в Ватиканском архиве под шифром: Misc. Arm. II, t. 69. Е. Ф. Шмурло называет этот том фрагментом личного архива человека по имени Винченцо даль Портико. До своего архиепископства в Рагузе или Дубровнике, между 1568 и 1573 годами он исполнял должность папского нунция в Польше. Одним из заданий, которые он имел, была дипломатическая поездка в Московское царство. Она долго готовилась, откладывалась и так и не состоялась. Материалы о Московии, которые мы встречаем в бумагах Портико, собраны им в Польше в момент подго-

---

¹⁴ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). СПб., 1904. С. 3–5.

¹⁵ Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований. Т. 2 Вып. 2. СПб., 1913. С. 241–248; *Pieling P. Rome et Moscou (1547–1579)*. Paris, 1883. P. 146–147.

¹⁶ Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. С. 20 (№ 10).

товки несостоявшегося посольства. Текст, начинающийся со слов «Il successo dell'imbasciaria del Re di Polonia al Principe di Moscovia a di 12 di Gennaro 1570», помещен в рукописи первым. Третьим в ней идет список сочинения Шлихтинга. Напомним, оно называется: «De moribus et imperandi crudelitate Basillii Moschoviae tyranni brevis enarratio». Теперь остается понять, что имел в виду Поссевино. Назвать рукопись по первому помещенному в ней сочинению было возможно, а в отсутствии настоящего заглавия у записки «Il successo dell'imbasciaria...» Поссевино волей-неволей должен был сказать о ней описательно. Но можно рассудить иначе: его слова «de moribus Magni Ducis Moscoviae» могут быть отсылкой к названию сочинения Шлихтинга.

Чтобы двинуться дальше, нам потребуется вспомнить другое сочинение, посвященное польскому посольству. Речь пойдет о тексте, опубликованном А. И. Тургеневым под заглавием «Сообщение Монсиньора Джерио приора Англии, посланного из Венеции, об обращении герцога Московии с польскими послами...» («Discorso di Monsignor Gerio Priore d'Inghilterra mandato da Venetia, del trattamento che usò il duca di Moscovia alli ambasciatori Pollachi...») ¹⁷. Сочинение стало известно русскими историкам Н. М. Карамзину и затем А. И. Тургеневу по копии из собрания коллекционера конца XVIII века аббата Альбертранди, где оно озаглавлено таким образом ¹⁸. Альбертранди прямо называет оригинал, с которого был сделан его список: это ватиканская рукопись Vat. Lat., t. 6786. Заглянув в нее, мы увидим, что автор сообщения в заглавии, помещенном перед текстом, вообще не упомянут. Текст называется: «О варварском и зверском обращении герцога Московского с польскими послами...» («Del barbaro et bestiale trattamento che usò il duca de Muscovia alli Ambasciatori Pollacchi...»). В оглавлении рукописи, которое датировано 29 января 1653 года, появляется «приор Англии». Интересующее нас сочинение там озаглавлено: «Сообщение приора Англии венецианцам о варварстве герцога Московии в отношении польских послов» («Discursus Prioris Angliae ad Venetos de barbariae Ducis Moscoviae erga Ambasiatores Poloniae»). Все расставляет на свои

¹⁷ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841. С. 213–215 (№ 150).

¹⁸ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1866 год. СПб., 1867. С. 107.

места надпись на конверте, которая гласит: «Сообщение приора Англии, посланного из Венеции» («Discorso del Priore de Inghilterra mandato da Vinetia»). И выше другим почерком сделана секретарская пометка: «Mons. Gerio». Понимать ее можно двояко: либо это человек, кому следует отдать документ, либо тот, кто его передал.

Остается лишь удивляться тому, что абсурдность заглавия с упоминанием «Монсиньора Джерио приора Англии» никому, кроме автора этих строк, не бросилась в глаза. Напомним, что «монсиньорами» называли епископов и кардиналов, тогда как члены Мальтийского ордена до его главы включительно неизменно именовались «фра», «братьями». «Монсиньор Джерио» — видимо, не кто иной как Филиппо Джерио, уроженец Пистойи и епископ острова Искья, затем епископ Ассизи. Не похоже, чтобы он имел отношение к Венеции и Мальтийскому ордену и в 1570 году уезжал из Рима. На протяжении многих лет Филиппо Джерио служил секретарем кардинала Мороне. Кардинал Мороне периодически возглавлял в Римской курии проекты контактов с Москвией и собирал соответствующую информацию. Ватиканская рукопись, о которой идет речь, принадлежала главному библиофилу курии кардиналу Сирлето. Механическое соединение имен «Монсиньора Джерио» и «приора Англии, посланного из Венеции», допущенное в списке аббата Альбертранди, — ошибка, которую можно было исправить, даже не заглядывая в рукопись.

Самозванный «приор Англии», поселившийся в Венеции, — довольно известная и малопривлекательная личность, некто сэръ Ричард Шелли, наверное, типичный англичанин, человек настолько непорядочный и неблагородный, что рассказывать о нем нет никакого желания. Ограничимся теми подробностями, которые имеют отношение к нашей истории. Шелли знал множество языков и был специалистом по Востоку, например, идеальной кандидатурой для посольства к персидскому шаху, которого рассматривали в Европе как потенциального союзника в борьбе с «Турком». Однако и в связи с Москвией имя Ричарда Шелли мелькает довольно часто. Поездка Шелли в Московию была впервые была запланирована в 1562 году. Он должен был отправиться в качестве посла испанского короля Филиппа II и его дяди германского императора в Персию. Филипп II в письме португальскому королю Себастьяну от июня 1562 года поясняет план путешествия Ричарда Шел-

ли следующим образом: дорога в Персию должна была пролегать «через Польшу и Московию», а возвращение планировалось осуществить на португальских кораблях через Ормузский пролив¹⁹. Впрочем германский император вскоре заключил мир с турками, и потребность в посольстве Шелли отпала.

Позднее Ричард Шелли предлагал отправить его в Московское царство папе Римскому. Мы имеем в виду записку или, вернее, записки «приора Англии» на имя папы Пия V с изложением плана обращения в католичество Англии и Московии. Рукописей этих текстов много, пожалуй, добрый десяток, и их история не изучена. Мы воспользовались копией, где они представлены все — три латинских письма и их переводы на итальянский язык²⁰. В контактах с курией итальянский перевод кажется излишеством: нам остается думать, что автор текстов желал придать им широкую огласку. В жизни Шелли не бывало такого, чтобы он забывал о себе. Что касается самого плана, он не содержит ничего интересного. У автора пока явно смутные представления о Московском государстве. Единственная подробность, заслуживающая быть отмеченной, — задуманный путь в Московию: попасть туда автор поначалу намеревался не через Польшу, а освоенным англичанами кружным путем через Белое море. Таланты Шелли в Римской курии ценились впоследствии. В папском бреве на имя императора Максимилиана II от 10 октября 1576 года (за два дня до смерти последнего) Григорий XIII снова предлагал использовать «приора Англии» как известного и проверенного человека в качестве посла в Московию и Персию²¹.

Мы спотыкаемся на заглавии записки, адресованной венецианскому дожу: «Discorso del Priore de Inghilterra mandato da Vinetia». Может быть, отчасти оно двусмысленно: «Discorso... mandato da Vinetia» может значить «сообщение, посланное в Венецию». Тем не менее такой перевод кажется натянутым. Куда естественнее понять заглавие в том смысле, что «приор Англии [был] послан из Венеции». Однако это плохо согласуется с содержанием документа. Записка, изданная А. И. Тургеневым, написана

¹⁹ Machado D. B. Memorias para a historia de Portugal. T. II. Lisboa, 1737. P. 46.

²⁰ Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Fondo Capponi, cod. 24: Tre discorsi del Priore d'Inghilterra al Papa.

²¹ Schellhass K. Zur Legation des Kardinals Morone // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. XIII, 1910. S. 355.

лишь год спустя («hora fa l'anno») после описываемых событий. В ней автор всего лишь дает советы, как организовать венецианское посольство к русскому царю, и из текста не следует, что он сам побывал в Москве, будучи «посланным их Венеции», то есть по заданию Венецианской синьории. Венецианских документов, где бы говорилось о подобном задании, мы также не знаем. (Впрочем, последний аргумент слаб: пожар во Дворце дождей несколько лет спустя уничтожил значительную часть Венецианского архива.)

Справедливости ради надо заметить, что существует документ, где утверждается буквально следующее: приор Англии — «человек опытный в земных делах, и по этой причине Венецианская синьория вызвала его с целью отправить в Московию и Персию, дабы вооружить эти народы на войну против турок»²². Впрочем, что это за источник и к какому времени он относится, не совсем понятно. Перед нами бумага из архива уже упомянутого кардинала Мороне, которая, по-видимому, является подготовленным для него конспектом письма или записью беседы с английскими католиками, предлагающими сделать Ричарда Шелли римским кардиналом. Две подробности помогают датировать текст хотя бы примерно. О Шелли сказано, что он оставил родину и влачит жизнь изгнанника уже 14 лет. Известно, что он уехал из Англии окончательно весной 1560 года при королеве Елизавете, хотя уезжал и раньше во времена правления королевы-католички Марии Тюдор²³. Следовательно, наш документ составлен не позднее 1574 года. Другая подробность — участие Шелли в скандальном деле о назначении «туркопольера» Мальтийского ордена, о чем мы знаем из документов начала 1572 года²⁴. Таким образом, остается сделать вывод, что свидетельство из бумаг кардинала Мороне о намерении властей Венеции отправить Ричарда Шелли послом в Московию, как минимум, касается более поздних событий.

---

²² «Egli [il s. Prior di Inghilterra] è persona pratica delle cose del mondo, et per ciò da S.^{ri} Vinitiani fu chiamato per mandarlo in Moscovia, et in Persia per armar quelle genti contra Turchi». — Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. Lat. T. 6436, f. 261v.

²³ The History of Parliament: the House of Commons 1509–1558, ed. S. T. Bindoff. London, 1982. P. 309.

²⁴ Nunziature di Venezia, vol. X (26 maggio 1571 — 4 luglio 1573), a cura di A. Stella. Roma, 1977. P. 183.

По нашему мнению, поездка «приора Англии» в 1570 году скорее всего была секретным заданием Римской курии, искавшей в этот момент способ связаться с «Московитом». Не эта ли бумага с ходайством неизвестных английских католиков стала причиной путаницы в канцелярии кардинала Мороне, в результате которой текст Шелли был назван «Сообщением приора Англии, посланного из Венеции»?

Е. Ф. Шмурло высказывает мысль о поразительном сходстве записки «приора Англии», опубликованной А. И. Тургеневым, и анонимного сочинения «Il successo dell'imbasceria...». Мы скажем бы так: в сущности, это одно повествование, пересказанное дважды. Противоречия между двумя текстами сводятся к мелким деталям. Они похожи на ошибки памяти. Так, о подарках царю в одном случае говорится: «Всего было подарено 65 испанских и турецких коней», а в другой раз: «Всего подаренных коней было 67», и т. д. Это не те отличия, которые не могут уместиться в одной голове, тем более что оба текста написаны весьма расхлябанно. Отмерять и взвешивать каждое слово пишущий явно не собирается. Скорее ему приятно выглядеть полезным и знающим человеком, нежели в первую очередь им движет бескорыстное стремление передать надежные сведения. Он не потрудился даже заглянуть в свой старый текст, когда год спустя ему понадобилось написать другой. Это придется иметь в виду, пользуясь ими как историческими источниками. Для нас очевидно, что два сочинения написаны одним автором, имя которого Ричард Шелли. Мы публикуем и переводим оба, так что каждый может составить об этом собственное мнение.

Нам остается сказать о содержании «Il successo dell'imbasceria...», и удобнее начать с вопроса, сколько в тексте от литературной традиции. Отчетливее всего различимы заимствования и отсылки к книге Герберштейна (что, как известно, не удивительно). Такие отсылки могут носить в том числе полемический характер. Так, по словам Герберштейна, в московском православии не существует говений накануне церковных праздников («nullius sancti vigiliam ieiunio venerantur, praeter decollationem S. Ioannis»²⁵). Ричард Шелли решительно возражает: «Говеют обязательно: все

---

²⁵ Rerum Moscoviticarum commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg, et Guettenhag. Basileae [1556]. P. 42.

страшатся в такие дни не говеть». Еще один повод вспомнить Герберштейна — упомянутый Шелли царский посох «сделанный в виде креста» («un bastone tutto d'oro, fatto a modo d'una croce»). Дело в том, что таких посохов в Московском государстве никогда не существовало. В русских иконографических источниках XVI века мы неизменно встречаем жезл или посох «с поперечной рукоятью, имеющей вид очень вытянутой буквы Т»²⁶. Так же выглядят архиерейские, великокняжеские и царские жезлы-посохи, сохранившиеся в наших музеях. О «крестообразных посохах» в Московии сообщает один Герберштейн. Его высказывание о великокняжеском посохе, надо сказать, не совсем внятно: якобы это был «посох с крестом» («baculum cum cruce Posoch»). Но посохи митрополита и епископов на страницах его книги «сделаны в виде креста» («in modum crucis») ²⁷. Зависимость от Герберштейна можно увидеть еще в целом ряде сообщений: это и пресловутый таз, в котором московский правитель будто бы омывает руки после приема иноверцев; мысль о праве царя лишить собственности любого, страх и послушание, которые он внушает своим подданным и т. д. Впрочем, будет нелишним оговориться, что все это в основном «общие места», причем не только в литературе, но и в устоявшихся представлениях о Московии. Из других авторов Шелли, пожалуй, мог знать флорентийца Барберини, побывавшего в Москве несколькими годами раньше. Тут, кажется, угадываются две-три параллели. Это обычай русских женщин красить лицо — «приор Англии» и флорентийский купец одинаково отзываются об этом как о вопиющей распущенности (один: «non si vergognano ... cosa brutta da vedere», другой: «cosa vergognosa»), — невероятное число церквей, помногу на одной улице, и колокольный звон по случаю церковных праздников, длящийся сутки напролет, днем и ночью²⁸.

²⁶ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 119 и сл.

²⁷ *Rerum Moscoviticarum commentarii*... p. 27: porrectoque sibi baculo suo, quem in modum crucis ferebat, officium resignat (о низложении митрополита Варлаама); p. 30: hi [епископы] ferunt baculum, quo innituntur, quem gentiliter Possoch appellant, in modum crucis; p. 127 (о великокняжеском посохе).

²⁸ *Barberini M. G., Fei I. Relazione di Moscovia scritta da Raffaello Barberini. Palermo, 1996. P. 60: «le donne si lisciano e s'impiastrano di rosso e di bianco, oltre che con mala grazia, tanto che è una cosa vergognosa»; p. 73: «vi sono... chiese d'incredibil numero quali più piccole quali più grandi, murate e di legna-*

Начало записки Ричарда Шелли обескураживает. Напомним, она начинается словами: «То, что было с посольством короля Польского к государю Московскому 12 января 1570 года». Далее следует описание встречи, устроенной послам, как мы догадываемся, под Смоленском, которая якобы оканчивается избиением «406 придворных польского короля». Все наши источники сходятся в том, что, в действительности, польско-литовское посольство пересекло московскую границу значительно позже, а именно 2 февраля, а упомянутое «избиение» — наверняка драка, в которой отличились обе стороны, имевшая место при въезде посольства в Москву еще месяц спустя — 3 марта. Здесь удивляться не приходится, поскольку мы точно знаем, что «приора Англии» в этот момент в рядах посольства быть не могло. В начале 1570 года «брат Ричард Шелли» находился в Риме и давал показания против королевы Елизаветы в ходе судебного процесса, который окончился только 12 февраля. Результатом данного разбирательства две недели спустя стала папская булла *Regnans in Excelsis* об отлучении от церкви и низложении английской королевы. Наш герой был допрошен первым — 5 февраля, затем еще раз 10 февраля²⁹. Раньше этой даты уехать из Рима он не мог.

Добрался ли он до Москвы позднее, или вся его информация, на самом деле, собрана в Польше? Для нас это вопрос принципиальный. Дело в том, что все изложение кажется пересказом чужих историй, видимо, сведений лиц, к кому автор относится с доверием. Не факт, что хотя бы о чем-нибудь (по крайней мере в своей первой записке «*Il successo dell'imbasciaria...*») он свидетельствует как очевидец. Что из этого получается на практике, можно наглядно увидеть, обратившись к следующему рассказу, где говорится о въезде царя Ивана Грозного в Москву 3 мая. Нетрудно заметить, что один и тот же рассказ об этом событии в наших источниках изложен четыре раза: в обоих сочинениях Ричарда Шелли, в известном тексте «*Iter Nunciorum*» (одном из двух главных польских свидетельств о посольстве 1570 года), а так-

---

mi, si che non è strada dove non ne siano parecchie, di modo che il giorno e la notte di San Nicolò la quantità delle campane che si sentivano erano fastidiose ed intollerabili».

²⁹ Материалы процесса опубликованы в кн.: *Laderchi G. Annales ecclesiastici*. Т. XXIV. Romae, 1737. P. 197 sq.; слушания с участием Шелли — p. 198–200 и 207.

же в упомянутой выше немецкой газете «Kurtze glaubwürdige Zeitung» (в другом издании: «Eigentliche Warhafftige Beschreibung»). За исключением последнего сообщения, изложение неизменно начинается с рассказа о сооружении для торжественного въезда государя новой улицы, которая должна была пройти мимо жилища польского посольства, для чего потребовалось снести немало окрестных домов. Польский источник свидетельствует, что работы в окрестностях посольского двора продлились две недели. Шелли в первой записке утверждает, что они заняли два дня; во второй, написанной год спустя для венецианского дожа, — уже не два дня, а четыре.

Три текста из четырех, описывая саму царскую процессию, упоминают голову животного, которая была привязана к шее царской лошади. Ричард Шелли первый раз записывает, что это была «окровавленная голова волка», однако в другом его тексте последняя превращается в голову собаки. Немецкий «летучий листок» информирует, что собачья голова была, но не там. «Свежеотрубленная голова большой английской собаки», согласно последнему утверждению, красовалась на груди всадника, ехавшего перед царем³⁰, тогда как под грудью коня царя Ивана Грозного лягала зубами «большая голова собаки, сделанная из серебра». Конечно, Шелли было невдомек, насколько эта разноголосица, к которой он легкомысленно приложил руку, огорчительна для современного исследователя. Со времен Н. М. Карамзина и романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» повелось верить в то, что собачьи головы были приторочены к седам опричников. Между тем об этом говорится в единственном письменном источнике — известном послании служивших в опричном войске немцев Иоганна Таубе и Элрета Крузе. Все, что можно прибавить к этому документу, — некое изображение на подсвечнике сомнительного происхождения, датируемое по надписи концом XVII века, а также три упомянутых описания въезда Ивана Грозного в Москву 3 мая 1570 года. Зарубежный исследователь Ч. Гальперин,

---

³⁰ Именно всадника, а не его лошади: «Darnach ist auch ein anderer fürnemer Herr geritten auff einem Pferd [последнее слово должно быть среднего рода!], derselbig hat einen frischen Hundskopff von eine[m] Englichen grossen Hund forn an der Brust gehefft gehabt vnd geführt». — Eigentliche Warhafftige Beschreibung etlicher Handlung, so sich in Reussen, zur Moscow, plesskaw, Naugarthen... verlossen vnd zugetragen... Frankfurt am Main, 1572.

знающий из них два — мнимого «Джеро» и немецкую газету, — берется утверждать, что они являются независимыми свидетельствами, а, следовательно, по его мнению, заслуживают доверия: «Все три письменных источника [включая Таубе и Крузе — И. Д.], в которых упоминаются всевозможные собачьи головы у oprichnikov, предположительно были составлены очевидцами... Хотя рассказы иноземцев о Московии часто связывают кровосмесительные отношения, среди этих трех европейских текстов нет текстуального заимствования... И нет никаких следов текстуального заимствования между донесением Джеро и любым немецким текстом. Каждый европейский рассказ о собачьих головах уникален»³¹. У нас не получается разделить подобный оптимизм. Сообщения Шелли в издании А. И. Тургенева и упомянутого «летучего листка», известные Ч. Гальперину, в самом деле, выглядят разными. Но когда свидетельств о въезде царя у нас перед глазами оказывается не два, а четыре, сомневаться в их родстве не приходится. Разногласия описаний, на наш взгляд, здесь говорит только о том, как запоминают и как рассказывают. По-видимому, современники делают это не так, как хотелось бы историку в наши дни: нет ощущения, что их сильно заботит точность того, что они считают деталями. В нашем распоряжении имеются четыре картины одного монаршего въезда, но все сосредоточенные на одном эпизоде, скорее всего являющиеся вариациями одного случайного рассказа. По идее на роль протографа мог бы претендовать вариант, предложенный в тексте «*Iter Nunciogum*», ибо последний является наиболее достоверной дневниковой записью истории посольства. Но тут никаких собачьих голов вообще не упомянуто, тогда как во всех остальных свидетельствах отрезанные головы так или иначе присутствуют. Похоже, общий источник четырех рассказов был устным.

В пользу такого мнения говорит тот факт, что нам рассказано до обидного мало. Судя по всему, о церемонии 3 мая мы так и не узнаем самого интересного: ничего не сообщается о самой встрече царя со встречающими, ключевом моменте всей церемонии. По-видимому, это было продуманное театральное действие в духе

---

³¹ Halperin C. J. Did Ivan IV's Oprichniki Carry Dogs' Heads on Their Horses? // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 46 (2012), № 1. P. 40–67; цит. по с. 54–55.

царя Ивана. В приложении читатель найдет немецкую газету, откуда выясняется, что процессия, ехавшая навстречу царю, должна была быть не менее красочной. За две или три недели до царского въезда в Москве «приготовили семьдесят дородных холощенных бычков»: «На каждом должно было быть седло, набитое острыми гвоздями. В эти седла якобы должны будут сесть семьдесят знатных лиц, которые, вероятно, чем-то провинились, и явиться таким образом навстречу Московиту, когда он снова будет въезжать в Москву». Хочется спросить, где были наши рассказчики?! Меньше всего они походят на очевидцев. Что касается собачьих голов, мы узнаем, что они могли использоваться в подобных импровизированных церемониях. Утверждать что-то большее было бы рискованно.

Сказанного достаточно, чтобы читатель понял наши дальнейшие действия. Надежность публикуемого нами текста как исторического источника внушает столько сомнений, что любая подробность требует строгой проверки путем обращения ко всему комплексу документов о польско-литовском посольстве к царю 1570 года. Нам показалось уместным перевести на русский язык заодно все другие материалы. Естественно, кроме наших переводов, читатель должен воспользоваться публикациями, упомянутыми в примечаниях 5 и 13. Думается, это лучшая форма научного комментария, которую мы в силах предложить.

Пользуясь случаем, мы переиздадим также ряд источников. В частности, есть нужда переиздать бывшего «Джерико». Не хочется говорить плохо об издании А. Тейнера, верой и правдой служившем исследователям полтора века, но два опубликованных им текста о польском посольстве 1570 года «*Iter Nunciogum*» и «*Contumeliae*»³² можно переиздать аккуратнее. Оговоримся, что ценность их не одинакова. Второе из названных сочинений — перевод с польского, видимо, сделанный в окружении нунция Портико, но тот же источник сохранился одновременно в польском варианте. В пользу латинских «*Contumeliae*» говорит только то, что их польский протограф в некоторых подробностях отличался от известного исследователям польского текста. Польский вари-

---

³² *Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia: maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis. V. 2. Romae, 1861. P. 752–757.*

ант «Контумелий» — он называется «Despekty i obelżywości» — сам по себе не вполне исправен. В одном месте последнего текста мы предлагаем конъектуру, в которой твердо уверены, причем перед нами не ошибка издателя, поскольку в латинском варианте сочинения, тех самых «Контумелиях» встречается то же недоразумение. Чтобы облегчить читателю работу с текстом, мы дали себе труд во всем этом досконально разобраться. Наконец, мы постарались отыскать упомянутое письмо неизвестного из Москвы от 24 июня 1570 года. Оно сокращено предшествующим издателем едва ли не наполовину³³. Мы публикуем его целиком.

Эти купюры, кстати, оказались на редкость интересными. Цена информация о продолжении казней в начале лета 1570 года. Стало быть, в момент пребывания в Москве польско-литовского посольства и герцога Магнуса никакого особенного перерыва в них не было. Очень любопытны сведения о восприятии случившегося одновременно набега крымских татар. О сожжении Москвы Девлет-Гиреем на следующий год историки иной раз пишут как о трагическом стечении обстоятельств, своего рода случайности. Из этого и других наших текстов выясняется, что за год до того существовало ощущение неспособности противостоять татарской силе и надвигающейся катастрофы: «Все в один голос опасаются, что Московит в будущем не сможет уберечься от Турка». Картина нашествия Девлет-Гирея предстает, таким образом, в новом свете.

Нам остается поблагодарить наших коллег и товарищей М. А. Колерова, О. В. Русаковского и других за помощь в работе.

---

³³ *Busse K. H. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königtum. Auszüge aus gleichzeitigen Aktenstücken nebst einer Einleitung // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 8. Riga, 1857. S. 301.*

Archivio Segreto Vaticano, Misc. Arm. II, t. 69, f. 8–13v.

[f. 8] Il successo dell'Imbasciaria del Re di Polonia al Principe di Moscovia a di 12 di Gennaro 1570

Primo.

Incontro della Cortegiani del Principe di Moscovia alli Imbasciatori del Re di Polonia. Cavalieri Moscoviti furno 2000 mille [sic] in circa, adornati con vesti di più colori deviate, armati di Sable, arco, et pharetra.

Fu quasi una pugna nel darsi le mani per il loco superiore pur li Moscovitani restorno vincitori in quella pugna, furono battuti 406 cortigiani del Re di Polonia, con scorriggiate, che battano li cavalli.

Arrivati, che furono gl'Ambasciatori in Moscovia furono occlusi in un Palazzo con guardia di due mille archibuscieri fuori della Città.

Fu aspettato il Principe ivi tre mesi continui senza udir nova alcuna come impregonati.

Venuta del Principe in Moscovia con Cavalleria di 4 mille archibuscieri 2 mille quali stavano sempre a la sua guardia.

Fece far' in dui giorni per mezzo il Palazzo de gl'Imbasciatori una strada amplissima facendo distruere case, et Palazzi, perché prima non vi era strada, il che fece per farsi veder', essendo Principe vanaglorioso, et accioché gl'Imbasciatori non pensassero, che fussi stato in Moscovia, et ch'in tanto tempo non gl'avesse voluto ascoltare. Davante al Principe erano dui Pazzi uno vestito d'una grande pelle d'orso cavalcava un Bove di gran statura, l'altro, percioché era decrepito, cavalcava una cavalla, ch'appena poteva star' in piedi. Poi seguitava il Principe, qual cavalcava una chinea, nel Petto della quale stava infissa una Testa di lupo sanguinente, era armata di sabla, [f. 8v.] Arco, et faretra, et in mezzo era di quattro Giovani vestiti di velluto bianco con catene d'argento, acconciate in croce, tenevano in spalla ognuno una mandara, dimostrando quasi offender' il Principe.

То, что было с посольством короля Польского к государю Московскому 12 января 1570 года.

Первое.

Встреча, устроенная послам короля Польского придворными государя Московского. Конные москвиты числом около двух тысяч были в нарядных одеждах разных цветов и вооружены саблями, луком и колчаном.

Во время приветствия вышла почти битва за первенство [?], но москвиты остались в этой схватке победителями. Кнутами, которыми бьют лошадей, было избито 406 придворных короля Польского.

По приезде в Москву послов заперли во дворце, находящемся за городом, под стражей двух тысяч стрельцов.

Там прождали государя три месяца кряду, не имея никаких новостей, точно пленные.

Приезд государя Московского с четырьмя тысячами конных и двумя тысячами стрельцов, которые были его постоянной стражей.

Он приказал за два дня проложить широкую дорогу через дворец, где проживали послы, веля сносить дома и дворцы, ибо никакого проезда до того там не было. Он сделал это с целью показать себя, будучи тщеславным государем, и чтобы послы не решились, будто бы он был в Москве и за столько времени его не посетило желание их принять. Впереди государя ехали два дурака, один одетый в большую медвежью шкуру верхом на быке огромной величины, другой, будучи дряхлым, верхом на кобыле, которая едва держалась на ногах. Следом за ними на иноходце ехал государь. К груди лошади была прикреплена окровавленная голова волка, а из оружия приторочены сабля, лук и колчан. Он был окружен четырьмя юношами в белых бархатных одеждах с серебряными цепями крест-накрест. Они несли на плечах каждый по топору, являя собой почти поношение государю.

Principe.

Visitatione de gl'Imbasciatori al Principe. Furo no cavalli Polacchi numero 500 ben'adornati, littani 400 benissimo in ordine, Cortiggiani del Re numero 30 adornatissimi con cavalli honoratamesto hornati.

Fu non poca ammirazione de Moscoviti, accompagnati da essi in castello del Principe con gran custodia nell'intrar del Castello sin' a Palazzo del Principe erano 400 archibuscieri uno dietro a l'altro, si da una parte, come dall'altra, gionti che furono dal Principe, lo ritrovorno sentato in Maestà con settro, et corona Imperiale, lo salutorno in nome del suo Re, si levò il Principe in piede, dandogli la mano ad uno per uno insieme con li corteggiani, poi comandò, che si sedessero, gli dimandò il Principe della sannità del Re suo Fratello, che così lo nomina, poi honestamente et con grande authorità si escusò del' haverli tenuti tanto longo tempo serrati, senza havergli dato audientia, dapoi li pregò a desinar con esso insieme con tutta la gente sua.

Convito del Principe a gl'Imbasciatori.

Prima.

Il Principe bevette a gl'Imbasciatori una Tazza d'acqua vita, per sannità del Re su fratello. La prima vivanda fu una salvaticina, in un piatto solo fredda. Et ognuno di quel piatto [f. 9] mangiava, ivi taglieri non sono a la sua usanza, poi fu pesce eccellente ma mal concio per esserli sopra il Taffarano non pesto un dito et altre vivande tutte fredde.

De la adiratione del Principe con gl'Imbasciatori per haver gl'Imbasciatori mentito il Principe, havendo però prima, il Principe mentito il Re.

La sera seguente fece raddunare assai gente Moscovita, intorno al Palazzo de gl'Imbasciatori et dinanzi le porte fece metter' dui cannoni di artiglieria per metterli spavento.

Delli doni donati da li Ambasciatori et cortiggiani del Re al Principe.

Fu donato in tutto cavalli giannetti, et Turchi numero 65 tutti adornati di Selle d'oro, et d'argento recamate, cosa bellissima et sontuosissima, poi tazze d'argento di peso di mille, et cinquecento

Государь.

Приезд послов к государю. Были конные поляки числом 500 человек в нарядных одеждах, 400 литовцев в отличном порядке, придворные короля числом три десятка, необыкновенно нарядные, на богато украшенных лошадях, [чему] москвиты немало поразились. Они их препроводили в замок государя под большой охраной. От въезда в замок до дворца государя с обеих сторон стояли один за другим 400 стрельцов. Явившись к государю, послы нашли его сидящем на троне со скипетром и в императорской короне. [Когда] они поприветствовали его от имени своего короля, государь встал, подавая послам руку одному за другим вместе с придворными. Велев затем им сесть, государь спросил о здоровье короля своего брата, как он его называет, после чего благородно и убедительно извинился за то, что продержал их столько времени взаперти, не давая аудиенции. Потом попросил их обедать с ним вместе со всеми своими людьми.

Государев пир, устроенный послам.

Первое.

Ради послов государь выпил чашу водки за здоровье короля своего брата. Первой переменной была холодная дичь, поданная на единственном блюде, и каждый ел с этого блюда. Столовых приборов там в обиходе нет. Потом была рыба — отменная, но испорченная, ибо сверху был слой неизмельченного шафрана в палец толщиной, — а также другие блюда, все холодные.

О гневе государя на послов, поскольку те обманули государя, хотя прежде государь обманул короля.

На другой вечер у дворца, где проживали послы, он велел собрать много москвитов, а перед воротами поставить две пушки, дабы нагнать на них страху.

О дарах, преподнесенных послами и придворными короля государю.

Всего было подарено испанских и турецких коней 65, все были украшены седлами, расшитыми золотом и серебром, любо-дорого посмотреть, потом серебряные чаши весом в тысячу

marche pollacche, poi catene d'oro numero 36 di peso di VI mille ungarì d'oro, Ungarì numero 4 mille, poi una catena con pendenti di diamante estimata tallari tremila. Furono in ordine acconciati li cavalli, poi ciascun Servitore diedero due Tazze di argento, catena, et così in ordine portorno li doni al Principe et li donorno ognun per se. Il Principe gl'accettò amorevolmente, poi gli fece portare tutti nel Thesoro, et ivi il Thesoriere scriveva, ognuno quello, che donava, et quando ringratiati, che furono gl'Imbasciatori dal Principe si partirono.

Della disputa del Principe col Predicatore de gl'Ambasciatori Luterani.

[f. 9v.] Il Principe commandò, che venisse avanti a lui, poi gli dimandò, se gli era christiano, o luterano. Rispose il Predicatore che erano christiani. Il Principe gli domandò, in che credi, gli rispose: Io credo in Dio padre, figliolo, et spiritu santo, ma non credo, che li Santi siano Iddio, né meno credo, che le figure siano di adorare, come Voi adorate. Il Principe gli rispose: Non adoro le figure, né meno tengo li Santi per Dio, ma ben credo, che li Santi erano assai più homini da bene, che non sei tu. Però gli disse: Va, et domani mi darai in scritto tutta la tua fede. Et così si partì, la matina seguente gli portò tutto quello, che credeva in scritto.

Il Principe lo prese et letto, ch'ebbe, che fu con tanta admiratione si levò, et alta voce gridò: Va et qui non predicare nel mio Regno, né meno a li tuoi, altramente ti farò tagliar la Testa subito perché sei peggio che giudeo, et sei messo di Antichristo, così il misero si partì mezzo sbegottito, né più predicava, come era solito alli suoi.

Poi il Principe li mandò un libretto di tutto quello credeva, et gli fece dire, che ben studiasse quel libro, et che poi insegnasse, et predicasse a gli altri. Il giorno seguente il Principe commandò che fusse lasciata intrare tutta la gente Polacca, et litfana in chiesa, et quelli, che si segnavano gli

пятьсот польских марок, потом золотые цепи числом 36 и весом шесть тысяч венгерских золотых, венгерских 4 тысячи, потом цепь с бриллиантовыми подвесками, оцененная в три тысячи талеров. Кавалькада построилась, потом слугам дали каждому по две серебряных чаши, цепь, и так, соблюдая порядок, несли дары государю и преподносили их каждый сам. Государь их принял с любовью, потом велел нести все в сокровищницу, и там казначей записывал каждого и что он преподнес, и когда государь поблагодарил тех, кто являлся послами, они удалились.

О прениях государя с проповедником послов лютеран.

Государь повелел, чтобы тот предстал перед ним, потом его спросил, является ли он христианином или лютеранином. Проповедник отвечал, что они христиане. Государь спросил, во что он верует. Тот ответил ему: «Верую в Бога-Отца, Сына и Святой Дух, но не верю в то, что Богом являются святые и что надо поклоняться образам, как поклоняетесь им вы». Государь ему: «Я не поклоняюсь образам и не держу святых за Господа Бога, однако верю в то, что святые были люди лучше тебя». Впрочем прибавил: «Иди и завтра представь мне свою веру в письменном виде». И так проповедник удалился и на следующее утро принес запись всего, во что верует.

Государь ее взял и, прочитав с несказанным изумлением, вскочил и заорал во всю глотку: «Убирайся и здесь в моем царстве ты и твои приспешники не вздумайте проповедовать, а не то велю тотчас отрубить тебе голову, ибо ты хуже жида и ты есть посланец Антихриста». Так тот ничтожный человек, порядком обескураженный, удалился и больше своим приверженцам не проповедовал, как было раньше.

После государь послал ему книжицу с изложением всего, во что он верует, и велел передать, чтобы тот как следует ее изучил, а после учительствовал и проповедовал другим. На следующий день государь приказал, чтобы полякам и литовцам было позволено войти в церковь,

lassiassero intrare, quelli veramente che con poca riverentia intravano gli scacciavano fuori, con villanie, et urti, dicendoli pagani, et giudei.

Successe anche il giorno seguente, ch'il Principe, andando in chiesa [f. 10] disse al suo Pazzo: Come può essere, ch'il tuo fratello appresso del Re mio fratello sia così grande, e tu appresso di me sei un Pazzo? Rispose il Pazzo: Non sai tu, che il Re di Polonia è mio fratello ancora?

Poi con riso mostrò il culo nudo a tutta la gente Polacca, et litfana et di ciò grandemente il Principe rise.

Si dice esser qui in Polonia un Monscovito chiamato Crupshi appresso di Sua Maestà grande huomo, et per questo il Principe fece quest'atto, acciò che pensassero gli Ambasciatori costui esser di vil legnaggio.

Del Habito del Principe.

Il Principe porta veste lunga senza collare, ricamata dintorno di Margheriti, et pietre pretiosi, con recami larghi due palmi a torno a torno. In testa quando siede in Maestà porta una corona imperiale con sciettro in mano, poi ogni giorno porta un cappello d'oro massiccio fodrato di volpe nere, nel qual sono assaissime gemme in cima, poi ci è nel cappello una Margarita grossa, et rotonda, come un ovo di colombo cosa bellissima da vedere. Al collo porta una gran croce ben lavorata con diamanti grossi in tutte quattro le parti, in mezzo poi un Zaffiro grande, et smeraldo bellissimo cosa pretiosissima et miracolosa a vedere. In Mani porta anelli piene le dita grandi, et tanto piene, che appena può mover le mani, cioè diamanti grandissimi et altre pietre pretiose. Poi tiene un bastone tutto d'oro, fatto a modo d'una croce, in mano, in piede porta stivali azzurri di safiano ricamati di perle [f. 10v.] con una punta rivoltata in cima d'oro.

и кто перекрестился, тем дали войти. Тех же, кто при входе в храм не проявил большого почтения, погна́ли вон с бранью и рукоприкладством, называя их поганы́ми и жидами.

Случилось также на другой день, что государь по пути в церковь сказал своему шуту: «Как же так, твой брат у моего брата короля в такой чести, а ты при мне шут?» Шут отвечал: «А ты не знаешь, что польский король и мне брат?»

Потом со смехом он показал голый зад всем полякам и литовцам, над чем государь очень смеялся.

Говорят, здесь в Польше есть один москвит по имени Курбский, который у Его Величества в большой чести, и потому государь устроил эту сцену, чтобы послы подумали, будто тот из ничтожного рода³⁴.

Об одеянии государя.

Государь носит длинное платье без воротника, расшитое кругом жемчугом и драгоценными камнями, с вышивками шириной примерно в две ладони. Когда он восседает на троне, на голове у него императорская корона, а в руке скипетр. Его повседневный головной убор — шляпа из чистого золота, подбитая черной лисицей. Верх украшен крупными камнями. Кроме того, на шляпе помещена большая и круглая жемчужина величиной с голубиное яйцо, весьма примечательная вещь. На шее государь носит большой крест изрядной работы с крупными бриллиантами по всем четырём сторонам, а в середине огромный сапфир и прекрасный изумруд, вещь драгоценнейшая и удивительная. На руках носит крупные перстни, и пальцы унизаны ими так, что он едва может пошевелить рукой, а именно это огромнейшие бриллианты и прочие драгоценные камни. Он держит в руке посох весь из золота, сделанный в виде креста, обут в голубые сафьяновые сапоги, расшитые жемчугом, с золотым загнутым верхом.

³⁴ Шут Прозоровский был родней Курбского по линии ярославских князей.

Habito de suoi Cortigiani.

Li Cortigiani hanno habito longo di broccato d'oro, et argento, et hanno due cappelli uno di volpe nere, l'altro di velluto recamato di perle, et tutti hanno simile habito, mentre sono in consiglio, quando vengono di Palazzo si spogliano questi abiti, et si vestono di panno grosso, poi danno al Thesoriere del Principe un grosso per volta di Nolo, et tutti tanto grandi, come piccoli fanno a questo modo.

Habito di Donne.

Le donne hanno veste longhe con le manniche larghe come portano le venetiane, ma tutte di colore, fodratte di Dorsi, con cappello tanto devisato di varii colori, et tutte le donne communemente s'imbellano, giovane, come vecchie, et non si vergognano anco in Piazza publica imbellettarsi, cosa brutta da vedere, e tutte così fanno.

Cosa notabile.

Ch'in tutto il suo Regno non vi è solo ch'una fede, un habito, una obbedienza, et una moneta.

Della discortesia usata dal Principe a gl'Ambasciatori.

Succeffe un giorno la pace d'accordo per un'anno et mezzo la matina seguente haveano da scrivere, et giurare, a caso fuggì un servo delli Ambasciatori de litfani del Principe, et si giudica che [f. 11] narrò ch'il Re havea ordinato, che gli Ambasciatori dovessero far la pace, et triegua per anni tre. La matina seguente adirato il Principe manda da gli Ambasciatori et li fece venir da lui, et perchè sempre era usanza, che quando havevano gli Ambasciatori andar dal Principe gli significavano la sera, acciochè si potessero con comodità metter ad ordine, quella matina con furia non si messero così presto all'ordine.

Il Principe con maggior ira, rimandò un suo messo dicendo a gl'Ambasciatori: Sete voi venuti qua per commandare, o per Ambasciatori? Gli risposero, che non commandavano altramente, ma che così tosto non se potevano metter all'ordine et furno forzati andar subito che con una scarpa,

Одеяние придворных оного.

Придворные имеют платье длинное, из золотой и серебряной парчи, и шапок у них по две — одна из чернобурки, другая бархатная, шитая жемчугом. Во время заседаний совета они одеты одинаково. Когда уходят из двorca, то снимают эти платья и одеваются в грубое полатно, после чего платят казначею государя один грош за прокат, и все от мала до велика поступают таким образом.

Женская одежда.

У женщин одежды длинные с широкими рукавами, подобно тому, как носят венецианки, но непременно цветные, подбитые белыми спинками, с самыми разными головными уборами разных цветов, и все женщины от юных дев до старух обыкновенно красятся [?] и не стыдятся мазаться румянами даже в публичных местах, что видеть гадко, причем так поступают все.

Примечательный факт.

Во всем этом царстве есть только одна вера, одна одежда, одна служба и одни деньги.

О грубой выходке государя в отношении послов.

Настал день, когда стороны уже собирались на следующее утро подписать мир на полтора года и скрепить его клятвами, и надо было такому случится, чтобы один слуга литовских послов перебежал к государю, и, говорят, он поведал, что король велел своим послам заключить мир и перемирие на три года. На другое утро разгневанный государь отправил объявить послам приказ явиться к нему. А так как всегда было правило, что послам объявляли о том, когда им надо было идти к государю, накануне вечером, дабы те могли спокойно привести себя в порядок, в то утро, когда все делалось в спешке, они не собрались так быстро, как надо.

Государь в большом гневе вновь отправил своего посыльного, сказавшего послам: «Вы явились сюда хозяйничать или править посольство?» Они отвечали ему, что ни на что другое не претендуют, однако так быстро не могут привести себя в порядок. И их заставили

et senza berretta confusamente arrivati che furono in castello gli venne incontro gran moltitudine di Moscoviti armati tutti con un pezzo di legno lungo due braccia, posero le mani sopra le briglie alli cavalli, et dicendogli impetuosamente, che dovessero dismantare et furono forzati dismantar nel fango, che prima erano soliti dismantar su la sala³⁵ del Palazzo. Et chi non voleva dismantare, li davano delle bastonate, così ognuno timido, et mesto andò a piede di sopra, et così camminando la gente venne il Principe solo alla finestra dicendo alta voce queste formal parole: O Litfani, non volete far meco la pace, et io sono apparecchiato farvi tagliar tutti a pezzi.

Subito ch'arrivati furono di sopra, non andorno gli Ambasciatori a salutar il Principe al solito, ma furono menati in camera separati. Mandò poi il Principe li suoi Cortigiani. Et levò di testa il cappello al primo cortigiano del Re [f. 11 v.] poi metter sopra la Testa del suo pazzo comandoli, che ballasse alla litfana, et similmente fu fatto al Secretario, poi comandò, ch'il più bel cavallo et più ornato fusse tutto disfornito, et tagliato a' pezzi tutti li Fornimenti et così fecero, mandò poi il Principe li suoi Secretarii quali erano tutti messi dalli Ambasciatori essortandogli, che dovessero far la triegua per tre anni, come gli havea ordinato il Re, al fine furono astretti a conferire³⁶ a la voglia sua, poi comandò, che fosse dato dell'acqua vite da bere a Tutti, et vino, et così gli Ambasciatori andorno a casa mezzo sbegottiti.

La mattina seguente, comandò in presentia degli Ambasciatori che fussero letti tutti li patti della pace et fece portare una croce, et un libro, et così letto che furono i patti giurò lui prima, sopra la croce di mantenere tutto quello ch'era scritto, et il simile giurorno li Ambasciatori sopra l'Evangelio. Successo il giuramento il Principe toccò la mano a Tutti li Ambasciatori et cortigiani a un per uno, poi fece portare dell'aquavite, et fece

идти немедленно. Кто в одном башмаке, кто без шляпы, в беспорядке они достигли замка. Им навстречу вышла изрядная толпа москвитов, все вооруженные дубинами длиной в два локтя. Они схватили лошадей под уздцы и запальчиво потребовали сойти с них, и тем пришлось спуститься в грязь, хотя прежде они сходили с коней обыкновенно у дворцовой лестницы. Тех, кто не желал спешиться, они лупили дубьем. Со страхом и скорбью все пошли пешком наверх, и когда они совершали путь таким образом, государь один появился в окне, прокричав буквально следующее: «Ах вы литовцы! Не хотите вы мира со мной. Ужо велю разрубить всех вас на куски».

Поднявшись наверх, послы не пошли, как обычно, приветствовать государя, а никем не встреченные, сразу были отведены в палату. После государь прислал своих придворных. И он снял шапку с головы первого из придворных короля и потом надел ее на голову своего шута, велел тому плясать по-литовски, и то же поношение было учинено секретарю. Потом он велел, чтобы с наилучшего и самого украшенного коня сняли всю сбрую и порубили ее на куски, что было сделано. После государь послал своих секретарей, обычно приходивших к послам [?], и те увещевали их, что они должны заключить перемирие на три года, как им велел король. В конце концов, послы были вынуждены подчиниться воле государя, после чего он приказал, чтобы всем подали выпить водки и вина, и послы, порядком упавшие духом, пошли к себе.

На другое утро государь в присутствии послов велел зачитать условия мирного соглашения, да приказал принести крест и некую книгу, а как они были зачитаны, прежде всех покаялся на кресте соблюдать все написанное, и ту же клятву принести послы на евангелии. После клятвы государь коснулся рук всех послов и придворных одного за другим, затем велел нести водки и чокнулся с каждым,

³⁵ dismantar su la sala — конъектура: su la scala.

³⁶ conferire — конъектура: consentire.

un brindes a Tutti uno per uno, poi vino, et con mele, et commandò, ch'а tutti fosse dato da bere il vino suo ivi fanno di marasche, et di moronegre, ch'è bonissimo. Poi gli Ambasciatori tolsero licentia, et andorno a casa. Il giorno seguente rimanda a Tutti gli Ambasciatori et cortigiani, il contracambio delli suoi doni, cioè Zebellini, Marteri, et dorsi, et ad ognuno diedoro la sua parte per ordine.

Successes, che havendo già ricevute li doni, et ringraziati il Principe, il Secretario litfano, levatosi in piede con furia pigliò li Zebellini, che li furno dati, et con vittuperio li buttò in terra spezzandoli, et dandoli de piedi dentro, et dicendo: Ritornate questi Zebellini al Principe [f. 12] che non vagliono tanto, quanto il mio dono, et presente, che gli ho dato. Et così fu subito riferito al Principe, et rimandò subito i suoi doni, et fu domandato quanto voleva de i cavalli. Il Secretario rispose, cento Tuble, cioè è 300 Fiorini dell'uno, et subito li furno dati, et pagati, ma vista la presente furno ambidui li cavalli tagliati a pezzi minuti. Et al detto Secretario li cavorno la metà della barba stracciandoli vittuperosamente le vesti, che havea d'intorno. Poi il Principe commandò a Tutti li suoi mercanti, che sotto pena della vita, non dovessero vender' cosa alcuna a nisuno, poi anco commandò a gli Ambasciatori che partir si dovessero la mattina seguente sotto pena della vita.

Il Viaggio mentre tornavano dall'Imbasciaria.

Successes in viaggio che Moscoviti trovorno tre o quattro puttini nelli carri di quattro Mercanti, quali haveano tolti per l'amor' de Dio, subito ritrovati furno tolti insieme con li Mercantie, et fortune loro, et con gran violenza menati al Principe. Il Principe commandò, che fussoro del tutto spogliati, et mandati dal suo Re, et così li miseri tornorno tutti morti, di fame, et Freddo.

Intese anco il Principe, ch'erano alcuni mercanti Greci, cioè Armeni, commandò, che gli fosse tolta tutta la robba, et che fossoro solo menati in ferri da lui, et del suo Fratello Re di Polonia, gli Ambasciatori pregorno per loro dicendo, ch'erano suditi del Re, et non del Turcho, alla fine gli concesse la vita, ma le robbe non volse restituirglielle.

потом — вино и сосуды с медом. И он приказал, чтобы всем дали испить его вина, которое там делают из вишни-мараски и тутовых ягод. Оно отменное. Затем послы, получив разрешение удалиться, отправились в свое жилище. На другой день всем послаам и придворным государь шлет ответные дары за преподнесенные подарки, а именно соболей, куниц и белок, и каждому по порядку дали его долю.

И вышло следующее. Уже после того, как дары были получены и сказаны слова благодарности государю, литовский секретарь, вскочив на ноги, в ярости схватил соболей, которыми его одарили, и с бранью бросил их наземь и стал топтать и рвать их ногами со словами: «Верните этих соболей государю. Они не стоят столько, сколько мой подарок, который я ему подарил». Об этом немедленно донесли государю, и он тотчас отослал назад его дары. И секретаря спросили, сколько он хочет за коней? Тот ответил: сто рублей, то есть 300 флоринов, за каждого. Ему немедленно было заплачено, и на глазах у всех [?] оба коня были изрублены на мелкие куски. А сказанному секретарю вырвали полбороды, с позором разодрали платье, в которое он был одет. Затем государь запретил всем своим купцам под страхом смерти продавать что-либо кому бы то ни было, да еще велел послаам, чтобы они под страхом смерти уехали на следующее утро.

Обратный путь из посольства.

Вышло так, что москвиты нашли в телегах четырех купцов трех-четырех мальчишек, взятых Христа ради. Виновных вместе с товаром и другим их имуществом тотчас схватили и силой доставили к государю. Государь велел обобрать их до нитки и отослать к их королю, так что несчастные возвращались едва живыми от голода и холода.

Государь также проведал, что среди купцов были греки, то есть армяне, и велел отнять у них все и доставить их к нему в кандалах. И брата его польского короля послы просили за них, дескать, те подданные короля, а не Турка. Дело кончилось тем, что государь даровал им жизнь, но имущество вернуть не захотел.

[f. 12v.] Della Tirannia, che usa il Principe di Moscovia, verso li sudditi.

Principi, Duchi, Signori et di qualunque grado, et conditione essersi vogliono, non possono disporre nissuna cosa, né meno de beni della fortuna, senza licentia del Principe suo.

Il Principe istesso gli da vestimenti, et quando si adira con qualche d'uno lo chiama, et se non ha vogli di farlo morire, quel tale quando si getta in ginocchione, battendo la testa per terra, et distendendo una mano operta, et ancora quel tale ringratia, che non l'habbia fatto morire, batten-do la testa in terra, come suo costume. Et se ha animo di farlo morire, non gli trapassa la mano, ma subito è fatto levare dal conspetto suo, et fatto morire.

Succeffe in Moscovia sotto il dì XII d'Aprile 1570.

Il Principe havendo inteso, ch'il suo fratello congiurava contra lui, andò in persona a ritrovarlo in una Città chiamata Vieltri nuovagrotta in nostra lingua Città grande, et fece prigione detto Fratello, et fecelo decapitare, et abbruciare, et annegare tutti li sudditi suoi, così grandi, come piccoli, et Vecchi, et Giovani, né vi rimase in quella Città pure uno, et fa così sempre il Principe, che non solo fa morir' il Reo, ma tutta la sua progenie, amici, et parenti.

Succeffe anco in Moscovia sotto il dì XVIII di Maggio 1570, ch'il Principe mandò un suo Generale contra Tartari. Il Generale vedendo, che non poteva resistere all'Impeto dell'inimico, si salvò, et se ritornò dal Principe. Il Principe subito intese, ch'il Generale haveva temuto, né si era attentato contra il nimico, si fece dinanzi [f. 13] menare un grand'Orso, et Terribile col quale comandò, che detto Generale dovesse giuocare. Il Generale come nudo gli fu dato un bastone in mano, l'orso non si moveva per la presentia sola di esso, né li faceva alcuno dispiacere, ma il Principe, che ivi era presente comandò alta voce, che detto Generale dovessi batterli il naso con detto bastone, quasi scherzando, con dire, che l'orso scherzerebbe ancor lui. Il Miser

О тирании государя Московии в отношении подданных.

Принцы, герцоги, синьоры и лица какого угодно звания и общественного положения не могут распорядиться ничем, включая свое имущество, без позволения их государя.

Он же дает им одежды, и когда бывает рассержен на кого-то, то зовет того к себе. Если у государя нет намерения его казнить, тот бросается на колени, ударяясь головой оземь и протягивая покрытую руку [?], да еще и благодарит за то, что он не велел его умертвить, ударяясь головой оземь, по его [их?] обычаю. Если же государь задумал лишить того жизни, он не пронзает ему руку [?], а тотчас велит убрать его с глаз долой и умертвить.

То, что было в Московии 12 апреля 1570 года.

Государь, прослышав о том, что его брат устроил против него заговор, желая его найти, самолично явился в город, именуемый Великим Новгородом, что на нашем языке значит «большой город», и велел сказанного брата схватить. И велел его обезглавить и сжечь и утопить всех его [своих или брата?] подданных, от мала до велика, и стар и млад, и в этом городе не осталось ни души. И так государь всегда и делает: он обрекает на смерть не только преступника, но и все его потомство, друзей и родню.

Случилось также в Московии 18 мая 1570 года, что государь послал одного своего генерала против татар. Генерал, увидев, что он не в силах противостоять натиску врага, спасся бегством и вернулся к государю. Государь тотчас уразумел, что генерал струсил и не решился выступить против неприятеля. Было велено привести огромного и ужасного медведя, и государь приказал упомянутому генералу поиграть с ним. Поскольку генерал не имел оружия [?], ему дали в руку палку. От одного его присутствия медведь не пошевелился и не сделал тому ничего дурного. Но государь, присутствовавший при этом, громким голосом командовал, чтобы сказанный генерал упомянутой палкой, будто забавы ради,

Generale non potendo far'altro batté, et percosse il naso di detto orso, a talché esso sentitosi percosso incontinente li saltò a dosso, et lo devorò. Et il principe presente se ne rideva.

Sotto il dì 21 di Maggio 1570 arrivorno gl'Ambasciatori del Turco al Principe di Moscovia, et quando il Principe gli hebbe toccato la mano, subito si fece portar dell'acqua, et si lavò le mani, et simile fa quando viene da lui l'Ambasciatore de Tartari.

In quel Tempo ancora era venuto l'Ambasciatore di Suetia al Principe, subito che giunse dallui si levò con furia dicendo: Chi sei? Et perch' il tuo signore non è venuto in persona? Nominandolo per Villan suo, et suddito. Et poi subito fece spogliare l'Ambasciatore con tutta la sua Gente, et lo rimandò dal suo Re con grandissimo vittuperio. S'alcuno forastieri perdesse o gli fusse rubbato qualche cosa nel suo Regno, se non si trova, il Principe istesso lo paga si fosse ogni gran cosa. Del Tutto il suo regno non si trova Giudei, et se per sorte ne capitano sapendo, che sia giudeo subito l'annega.

Della riscossa delli Prigioni Polacchi.

[f. 13v.] Fu riscosso Prigioni Polacchi numero 400, il resto cioè tutti li nobili non volse dare per denari, ma promesse a gli Ambasciatori di rendergli, se il Re di Polonia li mandava una imagine della madonna che si ritrova in Vilna, ne la chiesa de ruteni, quale il Principe ha in gran devozione et si dice, che santo Luca la dipinse.

Dell'essito di Moscovia Città.

La Città di Moscovia intorno è murata a la Italiana circundata tre miglia Polacche, che sono II Italiane.

Dentro a la Città sono case picciole di legname, et rade, et per una, o due, o tre case si trova in mezzo una chiesa di muro, et ogni chiesa ha vinte campane grande, et vi sono una gran quantità de chiese tutte murate, né nissuno può murare,

ударил того по носу, прибавив, что, пожалуй, и медведь захочет позабавиться. Несчастному генералу не оставалось ничего другого, и он удалил сказанного медведя по носу. Почувствовал удар, зверь немедленно на него набросился и сожрал в присутствии государя, который над этим потешался.

21 мая 1570 года к государю Московии прибыли послы Турка, и дотронувшись до них, государь тотчас велел принести воды и помыла руки. И он поступает схожим образом, когда у него бывает татарский посол.

Тогда же к государю прибыл шведский посол. Едва тот предстал перед ним, как государь в ярости вскочил со словами: «Ты кто такой? Почему твой синьор не приехал сам?», называя его своим виланом и подданным. А потом тотчас велел обобрать посла со всеми его людьми до нитки и отослал его назад к его королю с величайшим поношением.

Если какой-либо иноземец потеряет что-то в его королевстве либо у того что-либо украдут и вещь не найдется, государь сам за это заплатит, сколько бы вещь ни стоила. Во всем его королевстве нет иудеев, а если случайно появятся, прознав, что иудей, такого тотчас утопят.

О выкупе польских пленнх.

Было выкуплено польских пленнх числом 400. Остальных, а именно всех знатных, государь не захотел отдать за деньги, но обещал послам их вернуть, если польский король пошлет ему образ Мадонны, который находится в русской церкви в Вильне. Этот образ государь чрезвычайно почитает, и, говорят, он написан святым Лукой.

О выезде из города Москвы [?!].

Город Москва кругом обнесен стеной на итальянский манер, протяженность которой составляет три польских мили, что равняется двум итальянским [?!].

Внутри города — редкие деревянные домишки, и на один, два или три дома есть посередине каменная церковь. И в каждой церкви имеется двадцать больших колоколов. И церковей огромное множество, сплошь каменных.

né fabricare Palazzi et case, solo, ch'il Principe. Per mezzo la Città passa un fiume che si chiama Mosca, grande, et velocissimo nel quale sempre sono infinite barchi, che vengono d'un porto di Narva così chiamato Città importantissima et bella. Poi ci è il castello a costa il fiume murato con assai bello artificio. Quando è vigilia di qualche santo et specialmente la vigilia di Natale, et pasqua tanto è il suono delle campane, che non s'intende quello che l'huomo parla, et tre giorni, et notti continuamente sonano, altri festi tutto il giorno, et notte, et fanno sempre vigilia, tutti temano in Tali giorni se non osservassero le vigilie.

Никто не может строить каменных дворцов и домов, помимо государя. Посреди города течет река, которая называется Москва. Она велика и стремительна. На реке всегда бесчисленное множество лодок, которые приплывают из порта Нарва. Так называется важнейший и прекрасный город. Затем на берегу реки есть замок, возведенный из камня с довольно большим искусством. Когда бывает канун праздника какого-нибудь святого и особенно канун Рождества и Пасха, звон колоколов стоит такой, что не слышно человека, и три дня и три ночи звонят беспрестанно. В другие праздники звонят весь день и ночь. И говорят [?] обязательно: все страшатся в такие дни не говеть.

Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. Lat., t. 6786, f. 2, 108–112v. и пронумерованный лист между ff. 112 и 113, оборот.

[Непронумерованный лист между ff. 112 и 113, оборот. Заглавие на конверте:]

Discorso del Priore de Inghilterra mandato da Vinetia.

[Выше другим почерком сделана секретарская пометка:]

Mons. Gerio

[f. 2. Заглавие в оглавлении, датированном 29 января 1653 года:]

15. Discursus Prioris Angliae ad Venetos de barbariae Ducis Moscoviae erga Ambasiatores Poloniae.

[f. 108. Заглавие, помещенное перед текстом и включающее описание приложенной газеты:]

Del barbaro et bestiale trattamento che usò il Duca de Muscovia alli Ambasciatori Pollacchi. Et d'una Invasione che fecero gli Tartari in que' paesi ove havendo vinte doe bataglie con grandissima mortalità de Paesani abrusciarono anchora sin a la città Metropoli del Duca fuggito et menorno via da 150 milla schiavi etc.

[f. 109] Serenissimo Principe.

Essendo io P. M. [Priore di Malta?] hora fa l'anno andato in Muscovia con li Ambasciatori del serenissimo Re di Polonia, al mio ritorno intesi che da vostra serenità si doveva mandar in Muscovia uno Ambasciator. Hora essendo qui in Venetia, io come suddito et fedel servitor suo, non ho voluto mancare fargli saper quello ch'io ho veduto acciò che conoscano la natura del Principe muscovito et l'usanza del Paese et altre cose simile secondo il paese.

Volendo mandar lo signor Ambasciatore fa bisogno prima haver il salvocondutto dal serenissimo Re di Polonia et mandar uno Corriero o ver suo Commesso honorevole con sei o ver otto o più

Сообщение приора Англии, посланного из Венеции.

Сообщение приора Англии венецианцам о варварстве герцога Московии в отношении польских послов.

О варварском и зверском обращении герцога Московского с польскими послами, а также об одном набеге татар на эту страну, в ходе которого, одержав победы в двух сражениях и истребив при этом великое множество народа, они сожгли [города] до столицы герцога, пустившегося в бега, и угнали в рабство свыше 150 тысяч душ.

Светлейший государь.

Я...³⁷ побывав год назад в Московии вместе с послами светлейшего короля Польского, после моего возвращения узнал, что от лица Вашей Светлости в Московию должны отправить посла. Теперь находясь в Венеции, как подданный и верный ваш слуга, я не премину дать вам знать то, чему я стал очевидцем, дабы познакомить вас с натурой государя московитов, обычаями этой страны и другими подобными вещами, ей свойственными.

Если угодно отправить посла, сначала надо иметь проезжую грамоту от светлейшего короля Польского и послать [в Московию] гонца или достойного посыльного, с которым

³⁷ В рукописи использовано сокращение, которое может означать: «приор Мальтийского ордена».

servitori qual dimandarà il salvocondutto per il Ambasciatore et subito gionto sarà espedito et bisogna ch'al tempo che dirà il salvocondotto trovarsi li in Muscovia et non tardare ch'altrimente saria tarda la espeditione.

Subito arrivato lo signor Ambasciatore alli Confini si va in uno bosco di deciotto leghe senza allogiamento et a mezo il bosco si ritrovano li moscoviti ad accettarlo per esser il Confine et si daran carri per condur le robbe alle città che si trovano. Si allogia nelli borghi con le guardie sempre et li signori Ambasciatori vengono incontrati dal Palatino dalla città accompagnato da molti Cavalli tutti con li archi et saette che queste sono l'armi della loro cavalleria.

Gionto che sarà in Moscovia gli sarà data stanza fuori della Città in uno Palazzo di legni alto³⁸ circondato et starà sotto guardia.

Bisogna che lo signor Ambasciatore sia vestito molto riccamente et ch'ogni volta che sarà chiamato dal Principe si possi cambiare di veste et cosi li servitori che siano di veste onorevole che altrimente saria tenuto di puoca stima.

[f. 109v.] La prima volta che sarà chiamato lo signor Ambasciatore bisogna che l'habbia qualche dono da donarli da parte di vostra serenità et anchora de lui medesimo perché non donando saria a lui maraviglia, però lui al partir del signor Ambasciatore anchora fa presenti a sufficientia per li doni ricevuti.

Volendo vostra serenità farli qualche dono saria bono Broccato rizzo che fusse ricco ma non sia seta rossa ma pavonazza così qualche veluto alto e basso et una pezza de scarlato de cento o ver lettera d'oro o tabbi con oro.

должно быть шесть-восемь или больше слуг. Он попросит проезжую грамоту для посла, и едва он вернется, того нужно будет тотчас отправить. Послу необходимо оказаться в Москве в срок, который будет указан в проезжей грамоте, и не мешкать, дабы не выехать с опозданием.

Безотлагательно прибыв на границу, посол встретит лес протяженностью в 18 лиг, где нет жилья для постоя. Посреди этого леса будут москвиты, прибывшие с целью его принять, ибо это и есть граница. И они дают телеги для перевозки вещей в города [или: дают телеги в городах], которые там имеются. Ставят на постой в предместьях и всегда приставляют стражу. Послов встречает воевода города в сопровождении большого числа всадников. Все они с луками и стрелами, чем вооружена их кавалерия.

Когда посол прибудет в Москву, ему отведут помещение вне города в каком-нибудь деревянном дворце, обнесенном высокой оградой, и приставят стражу.

Послу надо быть богато одетым, и всякий раз, когда его призовут к государю, он должен иметь возможность надеть новое, и то же касается слуг, которые должны быть одеты достойно. В противном случае, на него будут смотреть без достаточного уважения.

Когда его призовут [на аудиенцию] в первый раз, послу необходимо иметь какие-либо дары, дабы преподнести их от лица Вашей Светлости, а также от себя лично, ибо отсутствие даров [тамошнего государя] удивит. Впрочем, при отъезде посла тот велит одарить его в достаточной мере за полученные дары.

Если Вашей Светлости будет угодно сделать ему какие-либо подарки, подошла бы ворсистая [или волнистая?] парча, чтоб была богатая, однако не из красного шелка, а лиловая, еще рельефный бархат и штука лучшей [?] пурпурной ткани, либо золотое сукно, или табины с золотом.

³⁸ alto — мы сохраняем такое написание слова, которое показывает, что перед нами наречие, а не прилагательное, согласованное со словом «palazzo».

Perché questi Moscoviti sono superbi quando se danno le provisioni de carri per le robbe bisogna che li servitori dell' Ambasciatore siano alle volte pazienti ma se gli saran fatti torti lamentarsi delli soprastanti che subito saran castigati di buona maniera e questa sarà molto grato al Principe. Et perché li Polacchi hanno fatto molti insolenzie si è stato in ultimo travagli assai et pericoli della vita.

Bisogna che lo signor Ambasciatore advertisca bene di haver uno fidato che sappia polaccho e italiano perché bisogna per interprete Ruteno far parlare però quello ch'intende polaccho sentirà il tutto et questo dico acciò non riferisca quello che non li sarà commesso che ancora con nostri signori Ambasciatori erano huomini maligni et ch'hanno referto al gran Duca per il Contrario et altri sono fugiti dal Muscovito.

Bisogna che non si parli né si cerca li negotii né altro del Principe con li Moscoviti, perché subito gli sarà refferto et essendo lui fuori di modo sospetto et terribile nasceria poca gratia et scandoli pericolosi.

Io credo ch'il Turco non habbia quella obediencia ch'ha il Moscovito perché è tiranno grandissimo a talché temeno più lui ch'Iddio. [f. 110] Et chi farà errore alcuno gli da tal castigo che fa morire non solamente colui ch'ha commesso l'errore ma la famiglia sua tutta. Quando si fa guerra lui stesso è di primi a montar a cavallo et senza aspettare moltitudine di soldati si mette in via comandando che ogni un lo seguiti così ha fatto mentre che eravano li quando vennero li Tartari mandati dal Turco che correvano tutti dappoi lui et beato chi lo poteva seguitar più presto.

Lui può metter in Campo fino ducento millia huomini a Cavallo et più ancora et sono buoni soldati ma non hanno molti Cavalli grandi ma mediocri et fortissimi et sono tutti obligati andar alla guerra a sue proprie spese.

Quando lui gionse in Muscovia fece far una strada nova in quatro di per poter passar appresso il palazzo delli nostri Ambasciatori facendo gettar

Поскольку эти москвиты ведут себя надменно, когда происходит выдача телег для багажа, нужно, чтобы слуги посла иной раз проявили терпение, однако, если их обидят, пусть жалуются вышестоящим, и обидчиков немедленно как следует накажут, что государю будет весьма по душе. А поскольку поляки творили много непотребств, это кончилось для них немалыми тяготами и угрозой для жизни.

Послу стоит позаботиться о том, чтобы у него был надежный человек, знающий польский и итальянский языки, ибо разговор придется вести через русского переводчика, а тот, кто понимает польский, уразумевает все. Говорю это к тому, чтобы он [видимо, русский переводчик] не передавал того, что ему не будет велено. С нашими послами были дурные люди, которые передали великому герцогу [некто] им во вред [?], а иные [вообще] перебежали к Москвиту.

Не стоит говорить с москвитами и расспрашивать их о делах государя или о чем-то ином, ибо тот сверх меры мнителен и жесток. Едва ему донесут [о таких распросах], это вызовет немилость и опасные раздоры.

Думаю, Турок не внушает такой покорности, как Московит, ибо он величайший тиран, так что больше страшатся его, чем Бога. Того, кто допустит промах, он карает так, что обрекает на смерть не только провинившегося, но всю его семью. Когда бывает война, он сам в числе первых садится на коня и, не дожидаясь, пока соберутся солдаты, пускается в путь, веля, чтобы каждый за ним последовал. Он так поступил, пока послы были там, когда явились татары, посланные Турком. Все бросились за ним, и счастлив тот, кто сумел быстрее за ним последовать.

Он в состоянии выставить в поход до 200 тысяч конных воинов и еще больше, и это хорошие солдаты, но кони у них невысокие и очень сильные, а больших мало. И все обязаны идти на войну за свой счет.

Прибыв в Москву, он [государь] повелел за четыре дня проложить новую улицу, сравнивая с землей немало домов, дабы он мог проехать

molte case per terra. Così inanzi vennero circa trei millia archibuseri molto ben all'ordine poi seguitava il suo buffone a cavallo a un bove et un altro vestito di oro poi lui seguitava con l'Arco al lato et una testa di cane attaccata al collo del suo Cavallo poi dreto a lui circa quatro millia Cavalli quali dicevano ch'erano tutti Cavalli della posta.

Advertisco ancora che questo Principe è grandissimo Tiranno che nel tempo che eravamo in Muscovia lui era in una Città sua chiamata Violchi Novigrod la magiore è³⁹ più nobile di tutte l'altre eccetto Muscovia et per haver trovato un Correro con lettere de ribellarsi ha fatto morir circa deciotto millia persone, cioè huomini donne et fantolini e non solamente ha fatto morir li malfattori ma ancora tutti quelli ch'erano del suo sangue per eredicar quella linea di detti malfattori.

Poi uno suo Palatino seguitando li tartari che fugivano perdendo molti delli suoi soldati si ritirò con il resto così fu referto al Prin- [f. 110v.] cipe et chiamatolo per non haver fatto il debito de seguirli lo fece stracciar da un orso vecchio qual teneva per simili effetti et mentre che lo stracciava si vedeva compiacere.

Nel medesimo tempo pigliorno molti tartari prigionosi così tutto a un tempo li faceva gettar nel fiume con le mani ligate et noi altri le vedevamo così da lontano quando li conduceano alla morte.

Li nostri signori Ambasciatori havendo già fatta la triegua per sedeci mesi alcun de nostri avisò il Principe ch'era commissione del serenissimo Re di farla per anni tre. Così mandò la mattina a buon hora per li Ambasciatori et quando furno non molto lontano dal palazzo gli mandò in contro il Capitano de giustitia dicendoli: Il nostro

mimo дворца, [где проживали] наши послы. Впереди в отличном порядке шествовало около трех тысяч стрельцов. Затем ехал его шут верхом на быке, а также другой, одетый в золото. После — он сам, с луком на боку и собачьей головой, повешенной на шею его коня. Дальше за ним — тысячи четыре конных. Говорили, что лошади были сплошь почтовые.

Еще раз оговарюсь, что сей государь является величайшим тираном. Пока мы находились в Москве, он побывал в одном из своих городов, именуемом Великий Новгород, величайшем и превосходящем все прочие, за исключением Москвы. Из-за одного схваченного гонца, [который вез] письмо о [готовящемся] мятеже, он повелел казнить [в Великом Новгороде] около 18 тысяч человек: мужчин, женщин и малых детишек, и лишил жизни не только злоумышленников, но также всю их родню, дабы искоренить роды сказанных преступников.

Еще [была история:] один его воевода, преследуя убежавших татар, потерял много своих солдат. С остатком [людей] он отступил. Так донесли государю. Велел воеводе явиться, за то, что тот не преследовал неприятеля должным образом, государь приказал отдать его на растерзание старому медведю, которого держал для подобных дел. И пока медведь его драл, государь демонстрировал удовольствие⁴⁰.

Тогда же захватили в плен много татар. Государь вдруг повелел бросить их в реку со связанными руками, и мы их издали видели, когда их вели на смерть.

Когда наши послы уже было заключили перемирие на шестнадцать месяцев, один из наших сообщил государю, что у них было поручение светлейшего короля заключить его на три года. По этой причине с утра пораньше он отправил за послами, и когда те уже были недалеко от дворца, выслал им навстречу капитана

³⁹ è — конъектура: et.

⁴⁰ Кажется, у автора в голове, в данном случае, латинская конструкция.

signore vi fa dire se venite qui per comandare o per far le vostre Ambasciate? A cui rispose il maggior tra li Ambasciatori: Io comando a casa mia ma non qua. Ecco viene un altro nobile comandando che non debbiano dismantar alla scala del palazzo secondo il solito ma che dismontino dal Capo de la piazza. A cui rispose l'Ambasciatore: Et questo anchora me importa poco. Così quando furno appresso alla scala il Principe si fece a una fenestra et li archibusieri li circondorno con il fuoco su le serpentine et li nobili con uno bastono in mano et disse lui medesimo ad alta voce: Polacchi polacchi non voleti far meco pace son qui a posta per tagliarvi tutti a pezzi. Però li nostri andorno sopra la scala senza lesion alcuna ma ogniun pensava di morire et quella mattina pur si fece la triegua per anni tre.

Nel detto tempo un giovine polaccho haveva uno Cavallo del Regno con sella et fornimenti di Argento. Così li nobili tagliorno in pezzi quelli fornimenti et la sella et il Cavallo infuriato saltando faceva del male et lui si ne rideva.

[f. 111] Ancora andando uno giovane polaccho dapoi li signori Ambasciatori il Principe gli disse: Da me la tua veste foderata. Così subito spoliatosi la dette. Così a un tratto fu tolta una baretta de Zebelini a un altro Polaccho et fece vestir il suo buffone et dice: Fa la riverentia alla polaccha. Il Buffone recusando non saperla fare il Principe gli mostrò como se faceva et si ne rideva. Rimandò poi la veste et la baretta quale da detti polacchi non fu accettata et credo che già fussi pentito di ciò et andò poi in palazzo.

Il penultimo di della partita fece tagliar a pezzi uno Cavallo del Ambasciatore lituano et uno del Maiordomo del signor Ambasciatore Polaccho loro tutti presenti. Quali Cavalli furno donati al Principe a la prima visita da detti con altri Cavalli che arrivavano alla somma di numero 67 da altri Ambasciatori et gentilhuomini. Lui poi mandò tre di inanzi la nostra partita presenti a ogn'uno

правосудия со словами: «Наш синьор велел вас спросить, вы явились сюда, чтоб распорядиться или править посольство?» Старший среди послов ему ответил: «Я распоряджусь у себя дома, а не здесь». Тут явился еще один дворянин с приказом, чтобы те спешились не у лестницы дворца, как у них заведено, а на краю площади. Посол ему отвечал: «Мне и до этого мало дела». Когда они были подле лестницы, в окне показался государь, и их окружили стрельцы, готовые открыть огонь из серпентин, и дворяне с дубьем. Сам государь сказал громко: «Поляки, поляки, не хотите вы со мной мира. Вот я вас всех велю изрубить на куски». Впрочем, наши поднялись по лестнице без какого-либо ущерба, хотя каждый ждал смерти, и тем утром было-таки заключено перемирие на три года.

Тогда же [случилось следующее.] У одного молодого поляка была казенная лошадь с седлом и сбруей, украшенными серебром. Так вот, [московские] дворяне порубили на куски эту сбрую и седло. Рассвирепевший конь принялся скакать, рая [окружающих], а государь над этим потешался.

Еще одному молодому поляку, шествовавшему за послами, государь сказал: «Отдавай мне свое платье на подкладке», и оно тотчас было у него отобрано. Также вдруг отняли соболью шапку у другого поляка. Государь велел одеть своего шута и говорит тому: «Ну-ка, кланяйся по-польски». Шут отказался со словами, что не умеет. Тогда государь показал ему, как это делается, и все над этим смеялись [?]. Затем он вернул платье и шапку, которую сказанные поляки отказались взять назад. Кажется, он пожалел о содеянном и пошел затем во дворец.

В предпоследний день перед отъездом он велел разрубить на куски коней, которые были подарены ему: один литовским послом, второй мажордомом польского посла. Эти кони были преподнесены государю названными лицами в ходе первой аудиенции вместе с другими, подаренными прочими послами и дворянами. Всего подаренных коней было 67.

et perché gli pareano puochi l'Ambasciatore lituano et l'altro maiordomo dissero ch'il Cavallo solo valeva più delli suoi presenti⁴¹. Et essendo li referto rimandò non solamente li doi Cavalli, ma li rimandò tutti li 67 dicendo: Pigliati li vostri Cavalli indreto et ritenete li doni del nostro Principe ancora ch'el Principe vi ne fa un presente. Così il di sequente mandò scuti 200 al signor Ambasciatore et al maiordomo scuti 120 et fece condur li doi Cavalli in presentia di tutti li signori Ambasciatori et subito tagliati a pezzi come di sopra.

Il secretario lituano havendo ancora lui havuti doni di Zebelini li rimandò indreto dicendo che non stavano per il suo così li soprastanti li rimandorno al secretario et lui li gettò fuora con li piedi. Però fu sforzato ritenerli dove quando furno tagliati li Cavalli in pezzi pigliorno il [f. 111v.] ditto secretario per la barba dicendo: Perché rifiuti li doni del nostro signore? Però non gli fu fatto altro.

Questo signor moscovito fatto questo disse: Ambasciatori Polacchi il nostro Principe vi fa dir la sua gratia et vi saluta. Et alli altri non parlò altro così si partì via et il giorno sequente si partissimo.

Io come suddito et servitor di Vostra Serenità mi offerisco in Polonia et ovunque mi troverò far tutto quello che Vostra Serenità mi commandarà et essergli fidele senza remunerazione alcuna, bastami la grazia di Vostra Serenità alla quale riverentemente me gli rendo servitore indegno.

[f. 112] Ex Polonia die quarta Iulii 1571.

Tartari qui numerosissimo exercitu ex quatuor hordis contracto in mense Maii excurrerant in Moscoviam ipso die Ascensionis Domini prope Arcem dictam Kolyhoy ingentem deleverunt Moscorum numerum qui illis Duce Ivan Bylsky occurrerant. Inde post modum ad ipsam

За три дня до нашего отъезда государь прислал каждому подарки. Сочтя их недостаточными, литовский посол и мажордом сказали, что один конь [без сбруи?] стоит дороже того, что они получили в ответ... Когда это донесли государю, тот отослал обратно не только этих двух лошадей, а все 67 с приказом передать: «Заберите ваших коней назад и оставьте себе подарки нашего государя. А вас [двоих] государь жалует [?]». На другой день он послал 200 скудо послу и 120 скудо мажордому, затем велел привести обоих коней, и на глазах послов их тотчас разрубили на куски, как сказано выше.

Литовский секретарь, которому также подарили соболей, отослал их назад со словами, что они не стоят его подарка. Тогда начальники снова послали их секретарю, и тот вышвырнул их вон ногами. Тем не менее его заставили их взять. Пока рубили на куски коней, сказанного секретаря таскали за бороду, приговаривая: «Зачем отказался от даров нашего синьора?». Но ничего другого ему не сделали.

Окончив дело, этот синьор-московит [?!] сказал: «Польские послы, наш государь велит вас благодарить и кланяется вам». А другим ничего не сказал и так и уехал, а на другой день мы отправились [в обратный путь].

Как подданный и слуга Вашей Светлости в Польше и везде, где окажусь, я готов исполнить все, что Ваша Светлость мне поручит, и буду преданно служить без всякого вознаграждения, довольствуясь одним расположением Вашей Светлости, чьим недостойным слугой почтительно остаюсь.

Новости из Польши от 4 июля 1571 года. Татары с несметным войском, собранным из четырех орд, в мае месяце напали на Московию. В самый день Вознесения Господня [24 мая] у замка, именуемого Калута [?], они уничтожили большое войско москвитов, вышедшее им навстречу под предводительством

⁴¹ Далее написаны и зачеркнуты слова: «а ogn'uno et perché gli pareano puochi l'», доказывающие, что перед нами не автограф Р. Шелли, а секретарская копия.

contenderunt Moscam totius gentis urbem primariam quam cum a principe Tyranno paulo ante in Arcem Biallogiesori profugo reperissent desertam et indefensam triduo post triginta in locis simul incensam ita combusserunt quod multa hominum millia flammis et aquis in quas semiusti se praecipitarunt miseri una die absumpserint. Reliquos et incredibilem vim iumentorum secum domum traxerunt.

Promiscua miserorum hominum turba quam illi secum pecudum more in foedam servitutum abigunt scribitur a Palatino Russiae ad Dominum Vicecancellarium esse centum et quinquaginta millium. Infinita fere hominum omnis aetatis atque sexus multitudo ferro caesa igni absumpta et aquis suffocata dicitur. De quibus omnibus propediem multos hic occulatos testes habebimus. Adventat enim altera a Victore Tartaro legatio quae serenissimo huic Regi Victoriam hanc denunciet et debita stipendia exigat futura hic cum 200 et amplius equis intra Dies paucissimos.

[f. 112v.] Nomenclatura tam oppidorum atque Arcium quas Tartari exuserunt et exciderunt in Moscovia quam Ducum qui in duobus preliis interfecti sunt

Moskwa Zamek y miasto ze wsislhka⁴² possada, Taraslawicz, Cewieno, Kaluh, Worallhinck, Mozaysk, Pereslaw, Oicile, Pielio, Trubczesk, Kremeniecz, Taraslaw, Kythay, Wlodimierz, Borowick, Thula, Dziedzilow, Msczenik, Lychwyn, Wielky Luky.

Po Mozaysky a po volhe w zagoni Zachodzili Bielsky, Msczislawsky, Waradinsky tzy bely wysly spia cia Dzicsiat Thisieci Przed Moskwa bye sie statari alie Zaras tziel panowie Moskwa podali.

Ивана Бельского. Оттуда потом они устремились к Москве, главному городу всей страны. Найдя ее покинутой своим князем-тираном, незадолго до этого сбежавшим в замок Белоозеро, и беззащитной, тремя днями после они подожгли ее в тридцати местах одновременно, и пожар был такой, что в один день татары истребили много тысяч несчастных, погибших от огня и воды, куда бросались полусгоревшие люди. Остальных людей и невероятное множество скота они утнали с собой.

В письме воеводы Русского господину вице-канцлеру говорится следующее. Всего несчастных, кого те гонят с собой, точно скот, в гнусное рабство, 150 тысяч. Говорят, почти несчетное множество народу всякого пола и возраста посечено мечом, сожжено огнем и утоплено в воде. Обо всем этом в скором времени здесь у нас будет много очевидцев, ибо приезжает еще одно посольство от победителей-татар, которое должно объявить здешнему светлейшему королю об этой победе и взыскать положенную плату. Будут здесь на днях с 200 всадниками и больше.

Перечень городов и замков, сожженных и уничтоженных татарами в Московии, и список военных предводителей, убитых в двух сражениях:

Москва, замок и город со всем посадом, [Малый] Ярославец, Сөвиено, Калуга, Воротынский, Можайск, Переславль, Ойциле, Белев, Трубчевск, Кременск, Ярославль⁴³, Китай-город, Владимир, Боровск, Тула, Деидолов, Мценск, Лихвин, Великие Луки.

После Можайска и по Волге в загоны ходили Бельский, Мстиславский и Воротынский, вышли было с 50 тысячами биться с татарами перед Москвой, но сразу эти господа Москву сдали.

⁴² Видимо, писавший не знал польского языка, а буквально срисовывал текст по буквам.

⁴³ Taraslaw: похожие начертание прописных «Т» и «I» — частый источник недоразумений.

Archivio Segreto Vaticano, Segr. Stato, Polonia,
t. 4, f. 21–25, 26v.

[f. 26v. Заглавие на конверте:]

Iter Nunciorum Serenissimi Regis Poloniae ex
eadem provincia ad Moscorum Regem misso-
rum usque ad civitatem Moschoviae.

[f. 21] Dies erat 2 Februarii 1570 quando ad Flumen dictum Zuaeza, quod dividit Lituaniam, et Moscoviam, pervenimus, ubi adventum nostrum prestulabantur cum equitibus XX Przystavii duo, nominati Mathuicz et Vuasil, a Principe Moscorum missi, qui de equis suis descendendo ad Nuncios Maiestatis Regiae in hanc sententiam verba fecere.

Magnus Imperator Princeps alias Czor Magnus Dux Ioannes Basilius totius Russiae, Volodimiriae, Moscoviae, Novogardiae Czor, Xazexen Czor, Astralgn princeps ... Misit nos, vos ut in finibus eius exciperemus, vobisque victum omnem in terris ac ditione magni principis suppeditemus. Deinde ad loca, ubi victualia erant parata, illinc quatuor milliaribus, una proficisci iubemur. Verum nive copiosa, quae tunc potissimum vias occuparat, impediti, prefixam metam non attingentes, in sylvā quadam proprio contenti victu nosmet locare cogebamur, ubi aeris tempestatem magnam experti sumus.

3 Februarii pedem loco movimus, reliquum destinati quod erat itineris perficere conantes. Eece nobis adhuc medio quasi milliario a loco distantibus Palatinus Smalen magni Principis nomine Nuncius nos excepturus obviavit vehiculo picto supersedens, quingentis [f. 21v.] vel paulo plus equitibus filiis Boiarorum nobilium stipatus, quem 400 traiectores pharetrati comitabantur,

Путь послов светлейшего короля Польши из сказанной страны к королю московитов, добравшихся до самого города Москвы.

2 февраля 1570 года мы достигли реки Иваки⁴⁴, которая разделяет Литву и Московию, где наш приезд ожидали два пристава, которых звали Матвеец [Румянцев] и Василий [Чихачев], посланные государем московитов. С ними было двадцать всадников. Сойдя со своих коней, они обратились к послам его королевского величества со следующей речью: «Великий император, государь, иначе говоря, царь, великий герцог Иоанн Василий всяя Руси, Владимирщины, Московии, Новгородчины, царь Казанский, царь Астраханский, государь и т. д., послал нас, чтобы мы встретили вас на границе его [страны] и в землях, подвластных великому государю, снабжали вас всем необходимым». Затем нам велят ехать вместе [с ними] в место, где были заготовлены съестные припасы, которое находилось в четырех милях отсюда. Но не достигнув намеченной цели из-за глубокого снега, сильно засыпавшего тогда все дороги, мы были вынуждены остановиться в каком-то лесу, удовольствовавшись своей пищей. Там нам пришлось пережить большую бурю.

3 февраля мы оттуда бежать, полные решимости проделать остаток пути, который был нам предначертан. И вот, не успели мы отъехать от того места, кажется, с полмили, нам навстречу является смоленский воевода, посланный от имени великого государя, который должен был нас встретить. Он восседал в расписном возке, и вокруг было верхами 500 или

⁴⁴ Такое прочтение гидронима нам кажется правдоподобным, поскольку написания прописных букв «Z» и «I» часто путают. Известно, что посольство, выехав из Дубровны, свернуло в сторону и пересекло границу не там, где его ожидали. Отсюда неготовность по пути следования посольства жилья и провизии в первые дни, на что неизвестный составитель текста сетует ниже.

singuli equum alterum tenentes. Atque sic dum nobiscum congregarentur Palatinus cum carpento suo ad latus vehiculi, cui Nuntii Maiestatis Regiae insedebant, stetit. Tunc unus e Moscovitis equo descendens Palatini nomine Regios Nuncios sic est allocutus.

Princeps magnus Moscoviae etc. ut supra referens omnes titulos etc. Palatino huic Smolen homini cum primis nobili, ac generoso, deinde vero magnae auctoritatis viro, accurate mandavit ut vos nuncios magnos a Sigismundo Augusto Dei gratia Polonorum Rege, Imperatoris sui nomine quam honorificentissime exciperet, quod iam praestat ex animo evenire cupiens, ut praesens hic adventus vester tam faelix sit, qui pacem, et concordiam stabilire, vel saltem aliquem usum, utriusque Dominio secum adferre queat.

Quo quidem sermone finito Nuncios Regios premonere coepit, primi ut vehiculo descendant, et Palatinum Smolen salutando conveniant. Porro Regii Nuncii non ignari consuetudinis, et moris populi tam barbari omnino id facere recusarunt. Unde altercatio non levis fuit exorta, quae postea vespere illo fere iam instante etiam in frigore intenso ad id in nivibus desuper cadentibus usque adeo ingentem nauseam peperit, quod duo iuniores ex Nunciis Regiis (erant enim quatuor duo Palatini seniores, alii non) Capitaneus scilicet Vezt, Radzieremen, et unus secretarius exurgerunt, tandem et ille Palatinus Smolense levavit, ad extremum mox reliqui quoque Regii Nuntii vehiculo suo descenderunt. Longum

немногим больше знатных детей боярских. Его сопровождали 400 стрельцов⁴⁵ с кочанами, и каждый держал [под уздцы] второго коня [или двух коней?]. И когда они таким образом с нами съехались, воевода на своих санях поравнялся с возком, на котором восседал посол его королевского величества. Тогда один из москвитов, спешившись, от имени воеводы обратился к королевским послам со следующими словами:

«Великий государь Московии и т. д. — говорящий повторил все титулы, упомянутые выше, — предусмотрительно повелел сему воеводе Смоленскому, мужу наизнатнейшему и благородному, к тому же, наделенному великой властью, дабы он принял вас, великих послов, присланных от Сигизмунда Августа, Божьей милостью короля Польского, со всей возможной честью от имени своего императора, искренне желая, чтобы все прошло наилучшим образом ради благополучия этого вашего теперешнего приезда, способного установить мир и согласие либо, по меньшей мере, принести некоторую пользу обоим государствам».

Закончив сию речь, москвит вздумал [?] указывать королевским послам, чтобы те первыми вылезли из санок и обратились с приветствием к воеводе Смоленскому. Впрочем, наслышанные об обычаях и нраве этого народа, столь варварского во всех отношениях, те отказались, из чего возникла нешуточная перепалка. Потом, когда дело было уже почти к вечеру, мороз усилился, да к тому же, шел снег, она настолько осточертела, что двое младших из королевских послов (а было их четверо: два старших воеводы, двое других нет), капитан, то есть Vezt [?], Радзиевский и один секретарь встали. Тут поднялся, наконец, и воевода Смоленский, и остальные королевские послы

⁴⁵ Traiectores мы бы перевели словом «возчики», «перевозчики», но из дальнейшего изложения ясно, что автор называет так тех, кого Р. Шелли упоминает как «аркебузеров». Может быть, эта двусмысленность допущена автором сознательно, и он зло смеется над войском москвитов, которое кажется ему сборищем крестьян.

foret recensere [f. 22] dissensionem, quae tunc etiam intervenerat de eo potissimum, quis prior caput suum aperire teneretur. Et cum iam ad salutationes esset devenum, manus ac (pro ut mos gentis illius fert) amplexus, et oscula sibimet ad invicem se dedere.

His autem omnibus peractis Palatinus Smolen per aliam viam reversus est. Nos vero a przistmanis ad locum destinatum ducti sumus ubi satis misere tractabamur. Erant quippe loca vacua ac deserta pro Nunciis, quidem aliquae casae ex ramis arborum factae sub quibus cibum capere debebant. At nos sub dio quiescere erat necessarium, ubi et frigus, et inedia nivibus tecti, pati cogebarur. In summa eo in loco subsistimus, in quo praeter aquam, caetera omnia et ligna ad excitandum ignem, et victus necessaria acquirere non erat possibile. His autem ita se habentibus Nuncii Maiestatis Regiae, ne deinde pariter ab illis excipiantur, commeatum huiusmodi respuerunt.

4. Postridie venimus ad villam nomine Lubin, ibi aliquot tuguriola erant in quibus Nuncii pernoctabant, nos ut antea sub dio.

5. Quinta Februarii transivimus Smolenzam, per quam civitatem transit fluvius Boristhenes alias Dimpez. Arx ad meridiem constituta ex lignis extracta, bene munita, et satis ampla. In suburbio Monasteria aliquot noviter restaurata, quondam a nostris devastata. Ingressi autem Civitatem ipsam offendimus in plateis magnam satis frequentiam populi inter eos traiectores cum sagittis stantes iussu Principis ex Villis, et oppidis vicinis convocatos ad id saltem ut se iacet, et multitudinem hominum sibi subesse demonstret. Verum nos astutiam hominis tunc comperimus quando clam [f. 22v.] noctu sese subducere, et ad loca in quibus pernoctare debebamus nobis eosdem

сразу сошли со своих санок. Было бы долго рассказывать о том, какая и тогда приключилась свара из-за того главным образом, кто первым обнажит голову, и когда дело уже дошло до того, чтобы поздороваться, все подали друг другу руки и, как требует обычай этого народа, обнялись и поцеловались.

Продолав все сказанное, воевода Смоленский вернулся другой дорогой, а нас приставы отвели в назначенное место, где обращение с нами было весьма прискорбным. Это оказалось безлюдное и Богом забытое место. Правда для послов нашлись какие-то лаужи, сделанные из веток деревьев, в которых тем предстояло вкусить трапезу. А нас нужда заставила ночевать под открытым небом, где, засыпанные снегом, мы были вынуждены страдать от стужи и голода. Короче говоря, мы остаемся в таком месте, где, кроме воды, нельзя было раздобыть ничего: ни дров, чтобы разжечь огонь, ни пропитания. Очутившись в таком положении, послы его королевского величества, отказались от подобной трапезы, дабы впредь их принимали иначе.

4. На другой день мы прибыли в поместье Лубня, где нашлось несколько жалких хибар. В них заночевали послы, а мы, как и прежде, под открытым небом.

5. Пятого февраля мы миновали Смоленск. Через этот город протекает река Борисфен или иначе Днепр⁴⁶. К югу от реки поставлена крепость. Она сооружена из дерева, хорошо укреплена и довольно обширна. В предместье несколько монастырей, некогда разоренных нашими, заново отстроены. Вступив в сам город, мы застаем на площадях довольно большое стечение народа. По сторонам нашего пути [?] стояли стрельцы с колчанами, созванные по приказу государя из близлежащих сел и городков, что было сделано им из бахвальства и желания показать, какое множество людей ему подвластно. Но нам лукавство этого

⁴⁶ Палеографически нетрудно себе представить, как прочтение Dimpez могло возникнуть из написания Dniper или Днепер.

occurrere persensimus. Quibus inde technis Moscoviam usque sunt usi. Eodem die pervenimus ad Villam Bogdanova, alias Kolycza, ubi Nuncii cum Prisztzaviis conveniebant, quomodo, et quale victu per omne tempus quo illic permanent ab illis sustentari deberent. Stetit tandem sententia, quod singulis diebus haec offerebant, videlicet Boves novem, partes lardi 20, Arietes 15, gallos 50, caepas 400, aceti mensuras 8, salis 2, butiri urnas aliquot et leguminum ...⁴⁷ panis triticei, et seliginis 1400, mellis ad bibendum 180 urnas, Cervisiae 100, candelas 40, avenae mensuras maiores, quam folianlii [?]⁴⁸, Feni 200 currus, straminis⁴⁹ 50.

6. Ex villa Bogdanorum pervenimus ad Pinouui villam magni Ducis, ibi noviter edificata erat curia propter Nuncios, confecimusque illo die 40 Verstz, ut illi appellant, 8 scilicet vezas millia polonica. Nam 5 ... unum miliare polonicum faciunt.

7. De Pinouui ad Drozabicha 50 ... hoc est 10 milliaria polonica, ibi tribus diebus quievimus. Civitas et arx ex lignis constructa, fluvius Boristhenes praeterlabit.

8. Ex ... in villam ... pernoctavimus 8 miliaria polonica.

9. Unde in Civitate ... Civitas lignea, Arx bene munita, et ampla, fluvius eiusdem cognominis.

10. A ... ad Villam ... miliaria polonica tria. Ab ea villa in milliariibus tribus edificavit Magnus

человека стало понятно тогда, когда мы заметили, что ночью те самые люди тайком удалились и предстали перед нами в том месте, где нам предстояло заночевать. Такими удовольствиями они пользовались до самой Москвы. В тот же день мы достигли поместья Bogdanova alias Kolycza, где послы согласовывали с приставами, как и чем именно те должны их кормить в течение всего времени их пребывания. В конце концов, было решено, что ежедневно те будут поставлять следующее: быков 9, кусков солонины 20, баранов 15, петухов 50, луковиц 400, мер уксуса 8, соли 2, столько-то сосудов с коровьим маслом и гороху [крупы?] ... хлеба пшеничного и ржаного 1400, меда для питья 180 сосудов, пива 100, свечей 40, мер овса больших, чем солянки [?], 200 возов соломы, 50 острамков [сена].

6. Выехав из поместья Bogdanorum, мы доехали до поместья Pinouui, принадлежащего великому герцогу, где ради послов недавно поставили двор. В тот день мы проделали 40 верст, как они их называют, то есть 8 польских миль [?], ибо 5 [верст?] составляют одну польскую милю.

7. От Pinouui до Дорогобужа — полста [верст], иначе говоря, 10 польских миль. Там отдыхали три дня. Город и крепость деревянные. Протекает река Борисфен.

8. Из ... в поместье ... ночевали, 8 польских миль.

9. Оттуда в город [Вязьму]. Город деревянный, хорошо укрепленная и большая крепость, одноименная река.

10. Из ... до поместья ... три польских мили. В трех милях от того поместья великий герцог построил городок, которому дал имя ...

⁴⁷ После слов et leguminum следуют неясные нам слова, которые не совсем уверенно можно прочесть как solexnti pulezorum. Solexnti палеографически могут являться неверным прочтением не знакомой переписчику меры сыпучих тел «солянки». См. след. прим.

⁴⁸ folianlii — конъектура: solianki. Текст как таковой выглядит испорченным, так как о количестве мер овса ничего не сказано.

⁴⁹ straminis — наверняка имеются в виду не «подстилки», stramines, а польское и русское слово «острамки», то есть охапки, в данном случае, сена.

Dux oppidum, cui nomen indidit ... non procul ab eo oppido erat curia quoque aedificata, quo quidem in loco [f. 23] dicebatur Magnus Dux nuncios Regios excipere vellet ni res alia, quae tunc impediatur, propositum eius immutasset.

11. Ex ... ad ... 6 milliaria polonica.

12. A ... ad civitatem ... 6 milliaria polonica, Civitas lignea apud arcem porta murata, in monte prope arcem est capella, in ea imago sancti Nicolai, quam ... illi appellant, quo solet multitudo hominum certis diebus convenire devotionis gratia, ubi et pia opera exercent. Illic multa cadavera mortuorum videre nobis contingit, quae fame interiisse didicimus, nec in campis solum, verum, et in ipsa civitate matutino praesertim tempore. Sic et in alliis oppidis, et villis, ante hospicia, et Gazas illorum plerosque mortuos eiectiones vidimus.

13. Ex ... ad Villam Polan⁵⁰ 6 miliaria. Unde ad civitatem Mosckva 8 miliaria polonica ad quam 3 die Martii pervenimus, quae caput est totius principatus Moschoviae. Arx munita ad flumen Moschva dictum. Aedificia quoque vicina murata illi appellant...⁵¹ multae ligneae aedes extant. Propius autem nobis adventantibus tres ... obviarunt, Petrus, Andreas et Simieon, quilibet suo vehiculo vectus, cum quibus erant ultra 150 aequites equos varii coloris habentes, inter hos etiam de capite aperiendo lis fuit exorta, qua tamen facilius composita ab eisdem ad curiam usque antiquitus extractam per ipsam ... ducebamur.

Dominica palmarum nominata ... nuncios regios convenere et ita sunt allocuti.

Неподалеку от того городка также возведен двор, где, поговаривали, великий герцог хотел было принять королевских послов, если бы одно воспрепятствовавшее тогда обстоятельство не смешало его планов.

11. Из ... до ... 6 польских миль.

12. Из ... до города [Можайска] 6 польских миль. Город деревянный, ворота у крепости каменные [?], на пригорке подле нее — капелла, а ней изображение святого Николая, которое они называют ... где по определенным дням из благоговения обыкновенно собирается множество народу. Там творят и благочестивые дела. Нам доводится видеть там много мертвых тел, как выяснилось, умерших от голода, причем не только в полях, но и в самом городе, особенно по утрам. Также и в других городах и весях перед их постоялыми дворами и амбарами [божедомами, скудельницами?] мы видели множество выброшенных мертвецов.

13. Из [Можайска] до поместья [Вяземы] польских 6 миль [?], откуда до города Москвы, столицы всего княжества Московского, 8 польских миль. Мы достигли ее 3 марта, Хорошая крепость у реки, именуемой Москва. Соседние здания, обнесенные [каменной?] стеной, они называют [Китай-городом?] ... множество деревянных домов. Когда мы были уже поблизости, нам навстречу явились три [пристава?] Петр [Вольинский], Андрей [Клобуков] и Симеон [правильно: Семейка Иванов], каждый из которых ехал в отдельном возке. С ними было больше 150 всадников на разномастных конях. Между сторонами снова вышел спор по поводу шапок, но он разрешился проще, и эти люди провели нас через [город] до двора старой постройки.

В воскресенье, которое называют вербным⁵² ... встретились с королевскими послами и сказали так:

⁵⁰ Известно, что последним местом остановки посольства перед въездом в Москву были Вяземы. Вполне очевидно, что Polan — то, что осталось от определения polonica к слову miliaria.

⁵¹ Пропуск, за которым следует слово, которое нам не удается прочесть: что-то вроде circvicira. Это, безусловно, не слово circsumcirca, которое прочитывает в этом месте А. Тейнер.

⁵² 19 марта 1570 года.

[f. 23v.] Ioannes Basilius Magnus Dux Moscoviae, totius Rusciae Imperator etc. titulos eius quam latissime extendentes etc. de adventu vestro a Sigismundo Augusto magno Polonorum Rege ad magnum Moschorum Ducem certior factus, nobis in mandatis dedit uti vos mensa sua ducali exciperemus, ac pane, sale, aliisque etiam quam latissime ferculis tractemus. Erat quidem magni principis nostri animus vos hic invisere verum negotium quod illi iam cum terris quibusdam Pscor, et Novogod est, quominus id praestet eum avocet. Illius⁵³ tamen simulatque perfecit, vos adire non negliget, cui tunc legationem vobis commissam exponere peropportune potueritis.

Tulerunt subinde 12 scutellas magnas ex argento. Prior in se piscem continebat nomine ... integrum coctum, absque sale, aceto, alio, rafano reffectus; 2.^a dimidiam partem eiusdem speciei piscis⁵⁴ croco conditam cepis minutim dissectis aspersam; 3.^a eiusdem [sic] speciei piscem integrum in oleo coctum; 4.^a eiusdem piscis speciem cum iusculo, in caeteris scutellis erant pisces qui vocantur ... , pars eorum cocta, pars illorum more assa. Deinde tulerunt placentas cum ... Macarones quoque cum papavere, in oleo assas, post haec panis ferebatur magnus triticeus (Bula Ponsnaniensi maior) variis speciebus refertus, qui continebat in se pisces ad minus XX ut ... caepis, et croco similiter conditos, quod ferculum apud illos pro excellentissimo habebatur. Hos deinde secuti sunt 14 iuvenes nobilium filii, quilibet argenteum poculum inauratum manu tenens, quibus singulis alii 18 iuvenes binas cantheras stansas portantes erant adiuncti. [f. 24] Horum pars vinum malvaticum tulit, pars vinum simplex de terris, alii vinum melius, alii ... caeteri ... variis generis, et cervisiam ferebant. Quae quidem fercula pessime licet cocta gustavimus vix melle potius contenti.

«Иван Василий, великий герцог Московии, император всея Руси и т. д., — они растягивают его титул, как только можно, — прознав о вашем приезде с посольством от Сигизмунда Августа великого короля Польского к великому герцогу московитов, поручил нам приветствовать вас за своей княжеской трапезой и почтить хлебом, солью и иными кушаньями, как только сможем. Великий герцог хотел увидеться с вами нынче, да дела в неких землях Псков и Новгород, которые у него есть, не дают ему этого сделать. Но как только он закончит с делами, не преминет прибыть к вам. Тогда вы сможете самым удобным образом изложить ему возложенное на вас поручение».

Сейчас же принесли 12 больших чаш из серебра. В первой была целая рыба, называемая ... сваренная без соли. Она была приправлена уксусом, чесноком, редькой. 2. Полрыбы той же разновидности, приправленная шафраном, посыпанная мелко порубленным луком. 3. Та же рыба целиком, сваренная в масле. 4. Тот же сорт рыбы с похлебкой. В остальных чашах были рыбы, именуемые ... Часть их была вареной, другая жареной, как они это делают. Потом принесли пироги с ... пирожки с маком, жаренные в масле. После этого несли большой пшеничный хлеб (больше познанской булки), набитый разными специями, начиненный, по меньшей мере, двадцатью рыбами... приправленными сходным образом луком и шафраном. Это яство слывет у них бесподобным. Следом шли 14 молодых детей боярских, державших по золоченому кубку из серебра. В затылок за каждым — еще 18 юношей⁵⁵, которые несли по паре оловянных кружек. Одни из них принесли мальвазию, другие простое местное вино, иные ... прочие несли... разного рода и пиво. Все эти яства мы отведали, хотя они были отвратительно приготовлены, оставшись довольными разве что медом [?].

⁵³ Illius — вероятно, требуется конъектура: illud.

⁵⁴ piscis — слово подверглось исправлению и читается не совсем ясно.

⁵⁵ Некоторые написания цифр 4 и 8 бывают похожи. Может быть, в первой группе также было не 14, а 18 человек.

Die Mercurii post dominicam ... didicerunt ipsum ducem Moscum prope esse, congregatis aliquot centenis populo iam morituro pre inedia montem hospitii nostri vicinum disii cere iusserunt, qui miseri arreptis securibus et instrumentis ad id idoneis montem illum maxime congelatum summa cum difficultate, spacio duarum hebdomadarum dissiparunt, ea potissimum de causa quo faciliorem ingressum Duci proficiscenti redderent. Ut si quidem opus hoc sane, quod viam insolitam preparando peregerunt quamplurimos enecavit, etiam fame perire fecit, quantum cum erat ex illis animis quasi eiectis quidquid erat anxietatum, et dolorum aequi sufferebant, Deum precantes hoc citius quo ducem suum conspiciari adventantem possent. Manentibus autem ibi Maiestatis Regiae Nunciis captivi (quorum innumeram multitudinem esse constat) clam litteras ad Nuncios mittebant cum lacrimis et quaerelis summa ibi penuria tam victus quam vestitus esse notificantes. Ad hoc (quod auditu terribile est) usque adeo immanes Moschos esse renunciantes quod in propria ipsorum viscera saevire, corporibusque hominum pasci non dubitent. Equorum cadavera hoc consumere illisque vesci, talis iam usus est, quod in precio quorumlibet magno vix reperiantur. Princeps magnus [f. 24v.] Moschorum singulis per dimidium saltem grossum dare solet, pro quo victum tantum acquirere asserens sat illis esse omnino, quod est impossibile, unde Nuncii condolentes illorum tam miserae, et aerumnosae conditionis pecuniam illis distribuendam demandarunt, plerique etiam ultro, et aes, et vestes, et indusia sua illis offerebant.

3. Die Maii tandem venit magnus dux cum equibus suis sane miserimis, quem precedebant 1500 traiectores. His praeerant tres Duces desuper serico vestibus tecti, cerulei coloris, Fimbriae Margaritis intextae, quos tres histriones sequebantur ex his unus bovi insidens, post duo equi bene ornati illorum more ducebantur. Tum demum ipse Magnus Dux equo bono, et bene ornato

В среду после [вербного?] воскресенья... узнали, что сам герцог Московии поблизости. Согнав несколько сотен душ, те [московиты] велели людям, которые уже были обречены умереть от голода, срыть гору, находившуюся рядом с нашим пристанищем. Эти несчастные, похватав топоры и другой пригодный инструмент, с огромным трудом за две недели раскидали ту гору совершенно промерзшей земли главным образом для того, чтобы облегчить въезд уехавшему герцогу. Хотя дело, которое они сделали, строя столь необычную дорогу, изнурило пропасть народу, а иные умерли от голода, все, сколько было дохода, безразлично носили любые тяготы и страдания, моля Бога скорее о том, как бы им увидеть их герцога, который должен был приехать. Когда же послы его королевского величества находились в Москве, пленные (как известно, там их неисчислимое множество) тайно отправили им письмо, со слезами и жалобами ставя в известность о крайней нужде в тех краях как в еде, так и в одежде. По их словам (ужас берет такое слышать), московиты — до того дикий народ, что готовы надругаться над плотью собственных сородичей и питаться человечиною. Употреблять в пищу павших лошадей и насыщаться ими стало настолько обычным делом, что и за большие деньги их едва можно сыскать. Великий государь московитов обыкновенно выделяет на содержание каждого, дай бог, полушку [?], заявляя, что на нее они смогут купить столько еды, сколько им будет вполне достаточно. Но это невозможно. Потому они попросили послов, сочувствуя такой их нужде и бедственному положению, раздать им денег. Многие, впрочем, и сами давали им деньги и одежду, снимая с себя последнюю рубашку [?].

Наконец, 3 мая явился великий герцог со своими всадниками, весьма жалкими. Перед ним шествовали 1500 стрельцов. Впереди них верхами [?] — три генерала в шелковых одеждах голубого цвета, по краям расшитых жемчугом. За [стрельцами] следовали три комедианта: один верхом на быке, позади двое на лошадях в хорошей сбруе на их манер. Только после

insidebat, vestem habens auro intextam fimbriae margaritis artificiose depictae. Ad cuius latus dextrum proficiscebantur duo vestibus albis induti, manu securim detinentes similiter ex alia parte, quem sequebantur centum Aulici in vestibus auratis, hoc deinde reliqua fex, et multitudo populi ad millia credo 4 millia equis macilentis, et miseris supersedentes, et quos interdum relinquere cogebantur. Nos vero longe melius nobis de Moscho, et eius exercitu semper pollicebamur, posteaque cum illorum ignominia detecta vidimus secus admodum persuadere, ipsis etiam nostris villanis longe imbecilliores cernere cepimus.

Die VII Maii Magnum Ducem convenimus, primam autem portam ingressi offendimus ad secundam usque portam protrahentes se traiectores stantes ex utraque parte, tandem ad Principem intrantes dextras illi suas Maiestatis Regiae Nuncii porrexerunt. Quo salutato legatione sua fungebantur.

[f. 25] Qua finita ad prandium ab eo sunt invitati, ubi tractabantur ad eum quem superius descripsi modum Triginta in lorice mensae inservire astabant, fercula singalis [sic] a principe porrigentes et magna voce dicentes: Magnus Dux Imperator et Princeps ex gratia sua tibi ferculum hoc mittit, solus enim illis distribuebat illi tandem aliis deferebant his verbis alloquentes. Czor ... extreme tandem illi cui manum suam Dux extendit, sic tria pocula mellis confestim erant oblata.

них на хорошем коне в богатой сбруе ехал великий герцог. На нем было шитое золотом одеяние, по краям искусно украшенное жемчугом. По правую руку от него выступали двое одетых в белое с топорами в руках, и то же было по левую руку. За ним шествовало человек сто придворных в отделанных золотом одеждах, после — прочий сброд и простонародье тысяч, думаю, до четырех на клячах, [столь] изможденных и жалких, [что] подчас всадникам приходилось спешиваться. В самом деле, о Московите и его войске мы всегда думали намного лучше. Потом, когда мы узрели, что их отрывшаяся срамота вынуждает думать иначе, то стали понимать, что они намного немогуще даже наших крестьян.

7 мая мы встретились с великим герцогом. Миновав первую дверь, мы неожиданно видим шеренги стоявших с обеих сторон стрельцов, протянувшиеся до следующей двери. Войдя, наконец, к государю, послы его королевского величества подали тому руки. Поприветствовав его, они стали исполнять свое посольство.

Когда они закончили, тот позвал их к столу, где с ними обращались описанным выше образом. Три десятка человек в доспехах стояли у стола, готовые к услугам. Они подавали каждому кушанья от имени государя и громким голосом говорили: «Великий герцог, император и государь из своей милости посылает тебе это кушанье». Ибо он распределял [яства] между ними единолично. После несли [кушанья] остальным с такими словами: «Царь...». Наконец, тому, к кому герцог простер свою руку, тотчас бывали принесены три чаши меда.

Archivio Segreto Vaticano,
Misc. Arm. II, t. 69, f. 140–142v.

Przeździecki A., Szujski J. Ja-
giellonki polskie w XVI. wieku.
Uzupełnienia, rozprawy, ma-
teryaly głównie z Ces. tajne-
go Archiwum Wiedeńskiego
czerpane. T. 5. Kraków, 1878.
S. 166–172. Реплику польско-
го текста из Литовской ме-
трики нам показалось умест-
ным не размещать в отдель-
ной колонке, которых выхо-
дит слишком много, а отнес-
ти в примечания.

Наша реконструкция в ос-
новном представляет собой
перевод с польского. Дан-
ные латинского текста вы-
делены курсивом. Жирным
шрифтом — более-менее точ-
ные цитаты из русского ори-
гинала письма бояр послам
от 12 июня 1570 года по из-
данию: Сборник император-
ского Русского исторического
общества. Т. 71. СПб., 1892.
С. 747–748.

[f. 140] Contumeliae ac iniu-
riae, quibus Nuncii Serenissimi
Poloniae Regis, ac etiam Aulici,
et reliqui homines subditi, cum
ipsis existentes, a Duce Мо-
schorum eiusque Aulicis, in iti-
nere ipso, et reliquis locis, dum
irent in Moschoviam et rursus
inde redirent sunt affecti.

Despekty i obelżywości, które
się działy nam posłom JKМо-
ści i dworzaninom JKМоści i
naszym ludziom, przy nas бę-
дącym, tak na drodze do Мо-
сквы jadąc od przystawów, ја-
ко на miejscu od samego Кня-
ззя i dworzan jego, i назад na
drodze z Moskwy jadąc.

Обиды и оскорбления, нане-
сенные нам послам его коро-
левского величества и дворя-
нам его королевского величе-
ства, и нашим людям, при нас
бывшим, по дороге в Москву
приставами, на месте самим
князем и его дворянами, а так-
же на обратном пути из Мо-
сквы.

In Dorocholicza.

Andreas Kreszny curator, im-
pexit duos Colaphos, sine cul-
pa uni ex servitoribus Capitanei
Radzieiowiensis, honesto Nobi-
li, vocato Sziedleccki.

In Iasmio.

Nobilis Lewontha Boleius, cum
aliis Nobilium filiis, aulicum Sa-
crae Regiae Maiestatis Theodo-
rum, et quatuor servitores Nun-
ciorum, honestos Nobiles fu-
stibus concussit, inspectanti-
bus curatoribus, nec defenden-
tibus, imo unus ex ipsis Basilius
Cichacius, valde illos hac in re
iussit.

W Dorohobuży.

Andrzej Brezny przystaw dał
dwa policzki niewinnie służeb-
nikowi memu Starosty Radzie-
jewskiego, poczciewemu szlach-
cicowi imieniem Jedleckiemu.

W Wiazmie.

Syn Bojarski Lewontiej Bokie-
jow z inszemi synami Bojar-
skiem, służę Króla JM. Sidora,
i też naszych sług poczciwych
szlachciców czterech kijami
zbili; na co i sami przystawo-
wie patrzali a nie bronili i jeden
przystaw Wasiliej Czychaczow
sam do tego im dopomagał.

В Дорогобуже пристав Ан-
дрей Брезны [Kreszny] дал ни
за что две затрешины слуге
моему, старосты Радзиевско-
го, достойному шляхтичу по
имени Jedlecki [Sziedleccki].

В Вязьме сын боярский Ле-
wontiej Bokiejow [Леон-
тий Бокеев?] вместе с други-
ми детьми боярскими поби-
ли дубьем слугу [придворного]
его величества короля по име-
ни Сидор [Федор], а также че-
тырех наших слуг достойных
шляхтичей, что и сами приста-
вы видели, а не встали на их
защиту, мало того, один при-
став Василий Чихачев сам им
помогаа.

In Mosaisko.

W Możajsku.

В Можайске двух слуг моих,

Duo servitores Castellani Minscensis honesti Nobiles a lictoribus Ducis Magni fustibus affecti.

Duos etiam servitores Nobiles Domini Secretarii fustibus affecerant, non sine vitae periculo. Ac unius eorum frameam perforerunt.

Similiter etiam servitorem Domini Grodecii, et aurigam Constantinum de Zalinaczino fustibus affecerunt.

Harmenum vero Carastam Adamisum mercatorem iidem lictores graviter fustibus offenderunt.

In Mosqua.

Praeter haec omnia ingredientibus Nunciis urbem Mosquam, aulici [f. 140v.] Magni Ducis, et filii Nobilium cum essent obviam Nuntiis egressi, una cum nonnullis Senioribus Aulicos Sacrae Regiae Maiestatis qui praeibant Nuntios fortasse ex Commissione Seniorum, flagellis ad capita et scaepulas, ac etiam equos percuciebant.

Ibidem in Curia Nunciorum. Servitorem Domini Ilimi, honestum Nobilem ex mandato Curatoris Nunciorum, Simeonis Archatezenii filii Nobilium, sine ulla culpa vehementer fustibus offenderunt, flagellis ita ante se cedendum mandavere, ut vix a suis sit defensus. Posthac die dominico Andreas Clobucius curator, veniens in curiam ebrius, servitorem Capitanei Radzieioviensis honestum Nobilem, ibidem in curia Nunciorum iam post occasum solis et nonnullos alios homines prope portam graviter afflixit et vulneravit.

Moich, Kasztelana Mińskiego dwu sług poczcwiych szlachciców Oprziczincy [sic] Kniazia Wielkiego kijmi zbili. Moich Sekretarzowych dwu szlachciców sług poczcwiych szkodliwie zbili, na jednego szabłą oberwawszy, złamali. Także Pana Goreckiego sługę Konstantyna Zaliwaczyna kijmi zbili. A Ormianina Tarasa Adamowicza kupca Oprzyczyńcy okrutnie kijmi zbili.

W Moskwie.

Nadto wjeżdżając nam do Moskwy, kiedy spotkali nas dworzanie Kniazia Wielkiego, tedy syny Bojarskie i insi, którzy z temi starszemi na ten czas byli, rozkazaniem tych swoich starszych, dworzan JKMości co przed nami jechali, biczami przez oczy, po głowach, po plecach, i po koniach pod nimi, i tém nas samych nie uczyli i obelżyły.

W dworze poselskim w Moskwie.

Sługę Pana Ilina, poczcwiwego szlachcica, za rozkazaniem przystawa naszego Siemiona Archatoczenskiego, syny Bojarskie niewinnie okrutnie zbili i zmordowali; Knucciem [sic] go przed sobą bić kazali, aż ledwie ludzie nasi obronili.

Potém w niedzielę, Andrzej Kłobakow, przystaw upiwszy się i przyjechawszy do dworu, sługę mojego, Starosty Radziejowskiego, poczcwiwego szlachcica, tamże w dworze poselskim, już po zachodzie słońca

каштеляна Минского, слуг достойных шляхтичей опричники великого князя били дубьем. Двух моих — секретарских — шляхтичей, достойных слуг, поколотили сильно [дубьем отделили так, что едва не убили]. С одного сорвавши саблю, сломали. Также пана Горецкого слугу [и кучера] Константина Заливaczyna били дубьем. А армянина Тараса Адамовича купца опричники жестоко избili дубьем.

В Москве. Сверх того, при нашем въезде в Москву, когда нас встречали дворяне великого князя, дети боярские и иные люди, которые с теми старшими тогда были, [возможно] по приказу тех своих старших, дворян его королевского величества, что перед нами ехали, давай лупить кнутами по глазам, по головам, по спинам и по коням под ними, и тем нас самих не почтили и обидели.

На посольском дворе в Москве слугу пана Ilina, достойного шляхтича, по приказу пристава нашего Семейки [Siemiona, Simeonis] Архангельского, дети боярские без вины жестоко избili [дубьем] и замучили. Они велели бить его кнутами у них на глазах, пока наши люди не смогли еле-еле его защитить.

Потом в воскресенье пристав Андрей Клобуков, приехав на двор пьяным, слугу моего, старосты Радзиевского, достойного шляхтича [и некоторых других] добрых людей

Circa eundem servitorem Pierziczki vocatum permultos alios nobiles mercatores, ex commissione eiusdem Andree Curatoris, reliqua Plebs Moscovitica fustibus et flagellis ad faciem cedebat et vulnerabat. Expectabant autem Nuncii Magnum ipsum Ducem in Urbe Mosqua, a die tertia Mensis Martii ad diem tertiam Maii, nam ea die, quae fuit Mercurii ipse in Mosquam est ingressus.

Post eius adventum in Mosquam die quarta, quae fuit Dominica, accesserunt ad eum Nuncii, Septima die Maii, legationemque ei detulerunt, cum vero ad extremum facta esset mentio unionis Ducatus Litwaniae, cum Regno Poloniae, subito non uuditis reliquis verbis, suam in negotium unionis iniecit orationem et vehementer ridens clara voce est locutus, quod non nunc primum unitus est Ducatus Litwaniae Regno Poloniae, sed adhuc ab annis Centum viginti, vel etiam triginta, qua de re eodem in momento, Ivanum Vislokovatensem suum Cancellarium rogavit, an res ita se haberet. Qui signo sui patroni vel principis Magni ad instar iuramenti [f. 141] dato, ita se rem habere affirmavit,

podle wrot, ludzi dobrych pobili i poranili, przy tymże sludze moim Gierzyckim, i trzech kupców, zacnych ludzi i innych nie mało, za rozkazaniem tego Jędrzeja Przystawa in-sza Moskwa kijmi i biczami potwarzy bili, poranili i pomordowali.

I mieszkaliśmy na miejscu w Moskwie póki on sam [t. j. W. Kniaz] przyjechał, od miesiąca Marca trzeciego dnia aż do miesiąca Maja trzeciego dnia; bo tego dnia we środę miesiąca maja dnia trzeciego do Moskwy on przyjechał.

Po przyjechaniu jego do Moskwy byliśmy u niego czwartego dnia, w niedzielę Maja miesiąca 10 dnia, i sprawili przed nim poselstwo. A gdy przyszło ostatnie mówić około złączenia Uniję Wielkiego Księstwa Litewskiego z Koroną, tedy on nie słuchawszy ostatka słów, ale zarazem w rzecz się werwał około złączenia i rozśmiawszy się wielkim śmiechem, mówił głosem, iż nie dopiero się złączyli, ale od stu dwudziestu albo trzydziestu lat; o czém zarazem Iwana Wiskowatego Pieczętnika swego zawołał, pytając: «jeśli to tak?» On mu odpowiedział, pod znakie Hospodarie, tak jest, albo i więcej, czego dobrze nie pamiętam. Także potem kazał mówić; wysłuchał poselstwa aż do końca,

там же на посольском дворе уже после захода солнца у ворот [крепко] побил и поранил. Наряду с тем слугой моим Гierzyckim [Pierziczki], по приказу того пристава Андрея, прочие московиты дубьем и кнутами били по лицу, изранили и замордовали трех купцов, знатных людей, и немало других⁵⁶.

И жили мы там в Москве, пока он сам не приехал, с месяца марта третьего дня аж до третьего мая, потому что в этот день в среду месяца мая третьего дня в Москву он приехал.

После приезда его в Москву мы были у него на четвертый день, в воскресенье мая месяца 10 дня [седьмого дня] и справили перед ним посольство. Когда же оставалось рассказать о соединении посредством унии Великого княжества Литовского с короной, он, не дослушав того, что ему говорили, тотчас перебил и, рассмеявшись громким смехом, громко сказал, что не сейчас они соединились, а сто двадцать или сто тридцать лет назад. Он тут же подозвал своего печатника Ивана Висковатого и спросил, так ли это. Тот, перекрестившись [точно давая присягу], ему ответил: «Так и есть, господарь, а то и больше, чего я толком не упомяну». И потом

⁵⁶ Перевод немного гадательный и зависит от того, что мы выберем: было ли это одно избивение, детали которого постепенно уточняются (мы склоняемся к этому), либо две или три разные сцены, произошедшие в один вечер.

neque tamen eius meminisse bene significavit. Ac tandem Nuncios reliquam legationem absolvere permisit, qua ad extremum audita, nuncios ad prandium invitavit. In quo prandio serviebant eius officiales et reliqui Camerarii in Armis cum frameis, quasi vestiti ad certam pugnam. Ibidem etiam omnes gestus ipsius histrionum inspicere licuit, quorum ut aliqua fiat certio vel mentio, sive verbo sive scripto non est aequum, quod non quasi coram Domino, verum coram aliquo histrione peracti sunt.

Die 19 Mensis Iunii.

Magna affecti sunt contumelia Nuntii, et reliqui Sacrae Regiae Maiestatis Aulici, nam omnibus ad curiam Ducis venientibus, mandatum est, ut in media curia, procul ab aedibus Principis ex equis descenderent. Lictores vero circumquaque stabant, cum fustibus parati, maiori adhuc iniuria nuncios afficere, si forte, uti mandabatur ex equis non descendissent. Postquam vero nuntii sunt aedes Principis ingressi, servitores et equos eorum, ac nonnullos etiam ex aulicis fustibus verberabant Duce ipso inspectante. Dux vero ipse, pileos diversi generis, cum ornamentis magni pretii, ac vestes etiam nonnullorum aulicorum, et servitorum Nunciorum tolli mandavit, quae omnia penes eum manent. Cum vero allatae erant vestes ad eum, subito iis ornavit suum histrionem, ac iussit ut more Polonico, genua coram se inflecteret, verum id facere nesciente

i prosił nas do siebie na obiad. Przy którym obiedzie służyli jemu urzędnicy jego stołowi i wszyscy jego Zelczy [sic] to jest komornicy w pancerzach z szabłami, ubrawszy się jako ku potrzebie. A przytem jakie sprawy błaznów jego przed nim u stołu jego widzieliśmy, o tem jako o ceremoniach sprośnych pisać nie podobno, gdyż nie jako przed panem, ale jako przed błaznem wszystko się działo.

Miesiącu Junii 19 dnia w poniedziałek.

Stała się obelżywość nam Posłom i Dworzanom Króla JM. iż nam samym rozkazano zsiąść z koni daleko na pół dworu przyjechawszy; a oprzeczności jego wszyscy stali w kole na dworze z kijmi nagotowawszy się, jeślibyśmy się sprzeciwili, tak mamy sprawę, coby wam lekkość wyrządzić. Wszakże gdyśmy na pałac jego weszli, tedy na dworze przed nim samym sługi i konie nasze kijmi bito i niektórych dworzan obelżono.

A Książ Wielki sam przed sobą czapki i kucznie z oponami kosztownymi i suknie z niektórych dworzan i sług naszych pobrać kazał; i to przy nim zostało; i gdy do niego suknie przyniesiono, tedy na błazna swego kazawszy wdziać, kazał mu się przed sobą po polsku kłaniać; a iż błazen nie umiał, on sam przed nim po polsku się kłaniał, i wstrząsając ręką

[великий князь] велел продолжать, выслушал посольство до самого конца и просил нас к себе отобедать. Во время этого обеда служили ему его стольники [столовые начальники?] и вся его челядь, то есть коморники в панцирях с саблями, точно собирались на войну. А что при этом у нас на глазах перед [великим князем] у его стола вытворяли шуты, о тех непотребствах зазорно писать, ибо все происходило точно не в присутствии пана, а в присутствии [такого же] шута [как они].

Июня месяца в 19 день в понедельник нам послам и [другим] дворянам его королевского величества было нанесено оскорбление тем, что, когда мы прибыли [ко двору князя], нам было приказано слезть с коней, не доезжая середины двора. А опричники его все встали на дворе, окружив нас, с дубьем на тот случай, если бы мы вздумали перечить, [приговаривая:] «У нас есть чем сделать вас порасторопнее». Однако, когда мы вошли в его дворец, во дворе на глазах у него наших слуг и коней били палками и нескольких дворян оскорбили.

А великий князь сам велел в своем присутствии отобрать шапки и кучмы [копачки? треухи?] с дорогими воротами [?], да одежды у некоторых дворян и слуг наших, что на его глазах и произошло. И когда ему принесли одежды, он [тотчас] повелел надеть их на своего шута

histrione, ipsemet coram eo inflectebat, ac manu elevata clamabat: Hoida, Hoida, Hoida etc.

wolał: «hojda, hojda, hojda, hojda»⁵⁷.

и приказал тому кланяться перед собой по-польски, а поскольку тот этого не умел, сам перед ним по-польски кланялся и, трясая рукой [*воздевши руку*], вопил: «Гойда, гойда, гойда, гойда».

Iaroslaviensi Duci mandavit, ut coram eo denudatis natibus, manibus aequae ac pedibus terram tangentibus incederet, nobilesque et Aulicos eius adstantes, pudendis denudatis, terraret, quae de re scribere verecundum est.
[f. 141v.] Ibidem in Curia equum Domini Grodzieczki, aulici Sacrae Regiae Maiestatis ornamentis omnibus, ex argento et auro confectis spoliaverunt, et rotam argenteam cum cute Leopardi abriperunt, et in frustra⁵⁹ disseuerunt, et omnia collecta tapeto involverunt, ac deinde ad ipsum Ducem attulerunt, quae dum aspiceret irridebat.
Eodem quoque tempore, curatorem Andream Clobucium,

Jerosławskiemu Kniaziowi odkrywszy zad, na rękach i na nogach przed sobą chodząc kazal i rzeczmi sromotnemi Bojar i Dworzan swoich straszyc kazal; czego przez pismo wstyd i strach wspominac, ktorzy tam stali.
Tamże na dworze i konia Pana Grodzieckiego dworzanina JKMości oszarpali, to jest siodło i rząd srebrem i pozlotem opravione, oberwali i lampart przy siodle z kolem srebrnym spozłotą kosztownie opravionu urwali i w sztuki porzezali, i to wszystko w kobierzach które u tegoż siodła byli, skladszy, przed samego Kniazia Wielkiego przynieśli; co on sam oglądal i z tegoż stroju usarskiego się naśmiewal⁶¹.

Ярославскому князю велел, открывши зад, ходить перед собой на четвереньках⁵⁸ и срамными местами постращать бояр и дворян своих, стоявших рядом, о чем упоминать письменно постыдно и ужасно.
Там же на дворе ободрали коня пана Grodzieckiego [*Grodzieczki*], дворянина его королевского величества, то есть отняли у него седло и сбрую, отделанные серебром и позолотой, содрали леопардовую шкуру, прикрепленную к седлу [?], с серебряным кольцом [?] с позолотой, роскошно отороченную⁶⁰, и порезали на куски. Все это, сложив в ковер [из тех?], которые при том

⁵⁷ Ср.: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского ... (с 1545 по 1572 год). М., 1843. С. 292 (№ 188): «Которие ж то послы его Королевское милости великие, бывши у Князя Великого Московского в посельстве, звернулисе назад и пришли до Господара его милости, до Варшавы, и дали справу его Королевской милости, же будучи им у Князя Великого, сталасе обелживость им самим и двораном его Королевское милости. А то тым обычаем, иж самим паном послом розказано зсестъ з коней далеко на поддвора, а опричинцы его вси стояли около на дворе, с киими наготовавшисе; и если бы се противили, так мели справу, же хотели им легкость выредити, ведь же кгда панове послове на палац его взышли, тогда на дворе его, перед ним самим, слуги и кони наши киими бито и некоторых дворан обелжоно. А Князь Великий сам, перед собою шапки и кучмы з запонками коштовными и сукни з некоторых дворан и слуг их милости побрати велел, и то при нем зостало. И кои до него сукни принесено, тогда на блазна своего казавши узложити, велел ему перед собою по польску кланятисе; а иж блазен не вмел, и он сам перед ним по польску се кланял».

⁵⁸ Князь Прозоровский, бывший шутом.

⁵⁹ in frustra — конъектура: in frustra.

⁶⁰ Темное место. Латинские перевод, видимо, ошибочно сообщает о «серебряном колесе с леопардовой шкурой».

⁶¹ Ср.: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского ... С. 292 (№ 188): «Там же на дворе, коня Кгродецкого дворанина его Королевское милости ошарпали, то ест седло и рад сереб-

cum centum hominibus in Curiam misit, ut Demetrium Iarreczki caperet et ad eum duceret, quem graviter verberatum in Curia Nuntiorum, in carcerem postea iniecit, ac tantisper detinuit, quoad Nuntii ab illo erant discessuri.

In Mense Julio 1 Die Sabbati. Acceptis iam induciis, postque finitam actionem de eis, octava die misit nobis dona sua, contra nostra quae ipsi praesentaveramus, sed quia aliquibus praesertim vero mihi Andreae Secretario Aulicoque Sacrae Regiae Maiestatis, Domino Iacobo Iastrzebski, Domino Stanislao Seligowski et aliis, erga eorum dona dignam ac convenientem recompensationem noluit exhibere, dolebant de hoc, hecque munera seu dona nolebant recipere, sed ante Curatorem reponerent, dicendo, ut haec dona ab eis accepta forent, suaeque res ut ipsas traditae essent.

Wtenczas sam poslawszy przystawa naszego Andrzeja Klobukowa i z nim człowieka sto więcój, do dworu naszego poselskiego, sługę pana Skarbnego pana Jarzeckiego Dymitra, pojmać i do siebie przywieść kazał; którego niewinnie gwałtem pojmwawszy, w dworze poselskim jego okrutnie zbiwszy i zmordowawszy, nie wiedząc do niego, w więzienie wsadzili i aż po kilku dniach przy odprawie naszój wypuścić kazał z więzienia.

Miesiąca Lipca 1 dnia w sobotę. Już wzięwszy przymierze i po skończeniu téj sprawy około przymierza, ósmego dnia, przysłał nam podarki, przeciwko upominków naszych, któreśmy jemu dawali; ale iż niektórym, a zwłaszcza mnie Andrzejowi Sekretarzowi i dworzaninowi JKM., panu Jakubowi Jastrzębskiemu, panu Stanisławowi Suligowskiemu, panu Mikołajowi Górskiemu, panu Bartoszowi Konarskiemu, panu Balcerowi Miklaszewiczowi, panu Iwanowi Dessiamku przeciwko uczynić upominków jemu danych, słusznej i przystojnej nagrody téj nie chciał; tedy oni potemu jako przedtém obyczaj tego

сидле были, принесли самому великому князю, что он самодлично осмотрел и над тем гусарским убором насмехался. Тогда же он послал на наш посольский двор пристава нашего Андрея Клобукова и с ним больше ста человек с приказом схватить и привести к нему слугу пана казначея пана Дмитрия Jarzeckiego [Iarreczki]. Коего безвинно силой схватив, жестоко избив на посольском дворе, без нашего ведома [?] они посадили в тюрьму, и только при нашем отъезде несколько дней спустя [великий князь] приказал его отпустить.

Месяца июля в 1 день в субботу уже после того, как перемирие было заключено и переговоры о нем окончены, на восьмой день [великий князь] прислал нам подарки против наших подарков, которые мы давали ему. Но некоторым, а особенно мне Андрею секретарю и дворянину его королевского величества, пану Якубу Ястржембскому, пану Станиславу Suligowskiemu [Seligowski], пану Миколаю Гурскому, пану Бартошу Конарскому, пану Бальцеру Миклашевичу, пану Ивану Dessiamku за подарки, которые ему преподнесли, он не захотел дать более справедливой и достойной награды,

---

ром и съ позолотою оправленный оборвали, и лямпарт при сидле с колом серебряным с позолотою, коштовне оправленный, урвали и в шуки порезали; и то все в коверец, который у того ж сидла был, склавши, перед самого Князя Великого принесли, чого, он сам огледел, и с того строю гусарского насмеваесе».

w Moskwie bywał, w czym się zachowali, a tych upominków jego albo podarków brać nie chcąc, przed przystawem kładli, mówiąc aby te dary od nich wziął, a ich rzeczy im zasię wrócone były.

нежели те [ответные подарки, которые принесли от его имени]. Тогда они поступили в соответствии с обычаем, существовавшим в Москве: не желая брать его гостинцев или подарков, они положили их перед приставом со словами, чтобы те дары он у них забрал, а их вещи были бы возвращены им назад.

Dux Magnus nescimus qua de causa contra iuramentum suum servande pacis factum in crastino Mensis Iulii secunda die, misit servitores suos in Curiam nostram, cum quibus servitoribus misit aulicum suum nomine Bulath, et cum illo aliquot centa hominum armatorum, in equis, frameis, arcubusque et cum vario genere armorum. Nobis nuntiis mandatum est descendere, de habitacionibus superioribus in terram, illique nobis turpia verba nomine domini sui Ducis Moschovieae proferebant, et postea duos equos sibi dono a nobis datis⁶², hoc est a Castellano Menscensi et Stanislao Soligostowski Aulico Sacrae Regiae Maiestatis datos, coram nobis iussit servitoribus suis in frustra⁶³ secare [f. 142] cadavera vero illorum equorum congregare, et ad limen ostii gradus ponere et illic remanere. Ex aliis vero Nuntiis et aulicis Regiae Maiestatis vestes deponerentur, pedibusque dicti Bulath conculcabantur, et in illis vestibus taliter conculcatis dona a Duce

A potem Książ Wielki nie wiedząc dla której przyczyny przez przysnego [?] jego na ztwierdzenie przymierza uczyniono, nazajutrz w niedzielę miesiąca Lipca 2 dnia, przysławszy do dworu naszego poselskiego z przyczyny dworzanina swego niejakiego Batata, a z nim kilkaset ludzi zbrojno w pancierzach, na koniach, z sajdakami, szablami i z inszemi broniąmi, nam samym Posłom JKMości obelżenie niemałe uczynił i rozkazawszy nam na dół z naszego mieszkania ze wschodu, przed siebie na dwór przyjść, niektóre słowa obrzydliwe i niepoczciwe mówił towarzyszom naszym. A dwa konie w podarkach jemu dane, jednego mego, Kasztelana Mińskiego, a drugiego pana Stanisława Soligoszowskiego, Dworzannina JKMości tuż przed nami rozsiekać kazał, a ścierzwa pobite przed wschodem mieszkania zostały. A tym wszystkim wyżej pomienionym, którzy tych podarków jego nie przyjęli, jako mnie Andrzejewi Sekretarzowi,

Потом великий князь, по неизвестной причине поправ свою клятву, скрепившую перемирие, на следующий день в воскресенье месяца июля 2 дня, приславши на наш посольский двор вместе с приставами одного своего дворянина Булата [Арцыбашева], а с ним несколько сотен вооруженных людей в панцирях, на конях, с сайдаками, саблями и иным оружием, нам послал его королевского величества учинил немалое бесчестье. [Булат Арцыбашев], велел нам из нашего жилища, располагавшегося на верхнем этаже, спуститься вниз и предстать перед ним на дворе, говорил товарищам нашим отвратительные и нелюбезные речи [от имени господина своего князя Московии]. А двух коней, подаренных ему [великому князю], одного моего, каштеляна Минского, другого — pana Станислава Soligoszowskiego [Soligostowski], дворянина его королевского величества, премо перед нами

⁶² datis — конъектура: datos.

⁶³ in frustra — конъектура: in frustra.

Moschoviae in vilipendium ponebantur, aliis vero crines ex Barbis trahebantur. Qua de re in maximo periculo, timore pavoreque fuimus per totam viam usque ad fines domini Sacrae Regiae Maiestatis, propter magnum cohortem hominum Moschovitarum, per Ducem Moschoviae, nobiscum usque ad fines missorum.

так и Дворзаном обелзывость великя czynił i z sukien rozwlekając, pod nogi swoje kładł i deptał; a na tych sukniach one dary odbierał i odliczywał; i niektórych za brodę rwał; zaczem wielkiego niebezpieczeństwa używaliśmy.

W drodze jadąc oprzyczyńców jego wojsko ludzi, aż do ziemi jego granic nas prowadzili, i w drodze będąc także nie pomalū przyczyn do zwady szukali⁶⁴.

велел [своим слугам] разрубить [на куски], а их изрубленные останки остались лежать перед лестницей, ведущей в наше жилище [а останки тех коней приказал собрать и положить на порог двери у лестницы [?] и там оставить]. А всем тем вышеупомянутым, кто подарков его [великого князя] не принял, как мне секретарю Андрею, так и дворянам, великую обиду чинил и, стаскивая одежды, клал себе под ноги и топтал. На тех одеждах оные дары он отбирал и отсчитывал [на те одежды, растоптанные таким образом, глумясь над нами, клали дары от князя Московского]. Некоторых [Булат Арцыбашев] таскал за бороду [а иные рвали волосы из бороды]. Потому мы были в большой опасности. На обратном пути войско его опричников провожало нас до самой границы его земли, и в дороге они также всячески искали поводов для ссоры. [Потому мы были в величайшей опасности и трепетали от страха всю дорогу до границы державы священного королевского величества из-за большого отряда московских людей, отправленных с нами до границы князем Московским].

⁶⁴ Ср.: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского ... С. 292–293 (№ 188): «Потом, въ кольку днях, Князь Великий, не ведати с которое причины, через присегу его, вжо на здержанье перемирья учиненую, которую тые панове послы на три года зуполные от светого Петра з ним постановили, на завтрее по присязе, приславши до двора посельского, з опритчины свое дворанина своего неякого Булата, а з ним о колько сот людей збройно у панцыхах, на конях, з сагайдаки, з шаблями и з ыншими бронями, самим послом его Королевское милости обелжение немалое вчинил, и росказавши имъ з мешканья ихъ на дол со всходу перед себе на двор прийти, некоторые слова попуddивые и неповстяжливые паном послом мовил. А два кони у подарку ему даных, одного пана Менского, а другого Станислава Суликгостовского тут же перед ними розсекати казал, и стерв побитый перед усходом мешканья панов послов зостал; а тым всем, которые подарков его не приняли, яко пану Андрею секретарю так и паном дворяном, обелживость великую чинили, и сукни з них зволекаючи, под ноги свои клал и ногами топтал; а на тых сукнях дари оные отбирал и отличивал, и некоторых за бороды рвал, зачим великого небезпеченьства их милость панове послове уживали. В дорозе также, их милость панов послов войско людей опричинцов его аж до границ з земли его проводили, и великие прикrostи так до Москвы яко из Москвы едучи, чинили, слуг посельских и дворяньских кийми били, а инших слуг и купцов самих и з маетности их брали, и их самих ани маетностей их не вернули; и многие а великие шкоды поделали».

10 Mensis Iulii feria secunda. Ex servitute Moschorum, veniendo ad locum Polpilie, illic tres mercatores, viros probos, subditos Regiae Maiestatis ex Civitate Vilmensi, quartum ex Civitate Sluczko, quintum mercatorem, Chimara Castellani Menscensis cum omnibus illorum mercibus in via vi et violenter rapuerunt, et aliis multis mercatoribus, Ruthenis, Armenis, subditis Sacrae Regiae Maiestatis totam substantiam, mercisque eorum ad Curiam Ducis Moschoviae vi, et violenter rapuerunt, illos vero vacuos dimiserunt, et aliis multis mercatoribus, similia damna in illorum mercibus adimendis intulerunt, quorum damnorum Regestra dicunt se habere in Cancelleria Ducis Moschoviae.

Miesiąca Lipca 10 dnia w poniedziałek.

Z więźniami jadąc ku Koltipile i na staniu w Koltipile kupców JKM. trzech człowieków z miasta Wileńskiego, z Łucka, piątego służę mego Kasztelana Mińskiego, rymarza w drodze pobrali, ze wszystkimi majątnościami ich, mało przyczyny do nich najdując, by oni chłopiąt z sobą poddanych Kniazia Wielkiego wywodzić mieli; których i do wyjechania naszego z ziemi Moskiewskiej nie wypuszczono.

A osobliwie u Greków i Ormianów poddanych JKM., którzy z nami w Moskwie byli, wszystkie towary, majątności ich, cokolwiek oni u siebie mieli, na Kniazia Wielkiego zabrano i zapłaty nieuczyniono. Także i od naszych niektórych sług i od wszech kupców JKM. wielkie towary do kazny Kniazia Wielkiego przez przystawów naszych pobrano i za częstém napominaniem i nabieganiem nie zapłacono im ich, ani towarów także nie wrócono; jakoż ich wszystkich szkód w Kaźnie Kniazia Wielkiego, także i drugim kupcom w

Месяца июля в 10 день в понедельник по дороге из Вязьмы в Калпиту и во время остановки в Калпите⁶⁵ арестовали купцов его королевского величества трех человек из Вильны, из Луцка [четвертого из города Слущка] и пятого слугу моего, каштеляна Минского, шорника⁶⁶, со всем их имуществом, найдя ничтожный повод, дескать, те собирались вывезти с собой мальчишек подданных великого князя. Им не дали доехать вместе с нами даже до границы московской земли.

А особливо у греков и армян, подданных его королевского величества, бывших вместе с нами в Москве, все товары и все их имущество, которое у них было, забрали в казну великого князя и ничего за это не заплатили⁶⁷. Также и у нескольких наших слуг и у всех купцов его королевского величества наши приставы побрали в казну великого князя великое множество товаров, и, сколько за приставами ни ходили и ни увещевали, те не согласились ни заплатить им за отнятое, ни вернуть

⁶⁵ W poniedziałek z więźniami jadąc — конъектура: z Wiaźmą my jadąc. Русский ответ на жалобу послов, кажется, повторяющий ее слова, приурочивает происшествие к выезду посольства из Вязьмы: «понеделок, как вы ехали есте из города Вязьмы». — Сб. РИО. Т. 71, с. 752. О проезде посольства через деревню Колпиту или Калпиту, расположенную на середине пути между Вязьмой и Дорогобужем, см. там же, с. 750. «Вязни», то есть «пленные» явно упоминались в протографе латинского текста. Латинский переводчик, не сумев понять этого места, пишет: «По пути из московского рабства ...».

⁶⁶ Латинский переводчик, очевидно, не знает польского слова «шорник» («гумарза»), которое превращается под его пером в «купца Химару».

⁶⁷ Упоминание латинским переводчиком, вместо греческих купцов, русских — безусловная ошибка. Репрессии Ивана Грозного в отношении явившихся с посольством греков и армян связаны с тем, что он принимает их за подданных турецкого султана, считая это грубым попранием посольского обычая.

drodze pobranym, stało się szkody na kilkanaście tysięcy kop groszy liczby litewskiej: których szkód i regest mianowicie wypisany przy kancelarii zostawion jest; także do Kniazia Wielkiego Moskiewskiego od nas posłów JKM. o tych szkodach oznajmiono przez list i registr posłano.

товары назад. От казны великого князя им всем, а также другим купцам, кого обобрали по дороге, стаось ущерб больше чем на десять тысяч коп грошей литовских. Регистр, то есть список этих убытков составлен при канцелярии. Также великому князю Московскому нами послани его королевского величества о тех убытках было объявлено письмом и отправлен регистр.

Cum autem venimus ad confinia sacrae Regiae Maiestatis consilii Ducis Moschoviae, qui nobiscum causas occasione Graniciarum tractabant, scripserunt ad nos literas suas premissis primis titulo Ducis Mosci ac titulo suo in hunc modum, quod Dominus Dux Moschoviae arcem, quem noviter construxerat, in loco dicto Polotsczina, iussit illam ex illo loco amovere, propter confines, quibus nondum assignatus est certus locus, inter Regem vestrum et Dominum nostrum Ducem Moschorum.

Literas vero in modum hunc scripserunt illi consilii, quod Dominus illorum Dux Moschoviae, iussit arcem novo, aedificatam in finibus Lithwaniae destruere, eam ob causam, satisfaciendo iuramento suo pacto, quod per Nuntios Sacrae Regiae Maiestatis cum Rege accepit, dicens ne et Rex [f. 142v.] faciat arces aliquas in locis adhuc non limitatis inter fines

Przyjechawszy nam ku granicom Państwa JKM. W. Ks. Litewskiego, pisali do nas list swój Bojarzy Kniazia Wielkiego, którzy z nami na rozmowach zasiadali, iż Książ Wielki zameczek nowo zbudowany w Poloczynie rozmiatać kazał. A pisali temi słowy, wypisawszy tytuł Hospodara swego i swój: «co mówiliśmy z wami o granicach Połockich i tych zamków Hospodara naszego, także i waszego Króla przeciwko Połocku postawionych. A tak iż na pewne granice nie zmówili, a podawali między się, jako k tym granicom być. Ino i in-sze Wielkiemu Hospodarowi Bożę Miłością i Wielkiemu Kniaziu Iwanu Wasilewiczu wszystkiej Rusi Hospodaru naszemu, pisali, ojczyzny jegoż Połocka, Bojar Jego Hospodarskiego i Wojewody, co Hospodara naszego, Cara i Wielkiego Kniazia ludzie na jeziorze Ommena ostrowie poczęli zamek stawić; a posłie tego u Rzemienia, jako

Когда мы доехали до границы державы его королевского величества Великого княжества Литовского, писали нам письмо бояре великого князя, которые вместе с нами заседали на переговорах [по поводу границ], что-де великий князь малый замок, недавно построенный на Полотчине, приказал разметать. А выписав [сперва] титул господара своего и свой собственный, писали такими словами: «Мы говорили с вами о границах полоцких и тех замков господара нашего, а также [замков] вашего короля, против Полоцка поставленных. И [вышло] так, что о точных границах мы не сговорились, а обменялись [списками], как тем границам [надлежит] быть [?]⁶⁸. И ныне к великому господарю Божию милостью... великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, ко господарю нашему писали из вотчины его из Полоцка бояре его

⁶⁸ В русском оригинале сказано иначе: «чтоб о тех спорных землях меж государей на обе стороны ведомо было».

Moschorum Litwanorum-
que edificare, causa pacis, tam
diu donec integraliter occasio-
ne Gramciarum⁶⁹ erit certus fi-
nis. Datum Wotra ex solio Ducis
Moschorum Anno 18 Iulii
12 die.

Wielki Książ Iwan Wasilowicz,
Wszystkiej Rusi, Bratu swemu
Zygmuntowi Augustowi Kró-
lowi przed wami posły jego, na
przemiernych liściach prawdę
uczynił; ale jezioro Homnie u
Hospodara naszego graniczy,
pisano, z Królem naszym Zy-
gmuntem Augustem na prze-
mienioném wrzamieniu w spo-
rze i Wielki Hospodar Bożą
Miłością i Wielki Car i Książ
Iwan Wasilewicz, wszystkiej
Rusi Hospodar nasz, pisał do
swojej ojczyzny do Połocka,
ku swoim Bojarom i Wojewo-
dom, na tém jeziorze Homnie
ten zamek kazal zrzucić i stawić
go ludziom swoim nie kazal,
i Hospodar, by wasze ludzie
na spornych miejscach po-
temż miast nie posiadali i zam-
ków nie stawiali, po przemier-
nym listem, jako w przymier-
nych liściach pisano, i wam o
tém, tym listem wiadomo da-
jemy. Pisano u Hospodara na-
szego Carstwie stolniejszym
grade Moskwie lata siedmdzie-
siątego ósmego lipca 12 die».

господарские и воеводы, что
господаря нашего царя и ве-
ликого князя люди на озере
Гомне на острове у чааи го-
род ставити после того вре-
мени, как... великий князь
Иван Васильевич всея Ру-
сии брату своему Жигимон-
ту Августу королю перед ва-
ми послы его на перемир-
ных грамотах правду учи-
нил. А то озеро Гомне во го-
сударя нашего рубеже писа-
но с... вашим Жигимонтом
Августом королем на пере-
мирное время в споре. И ве-
ликий господарь Божию ми-
лостью царь и великий князь
Иван Васильевич всея Русии
господарь наш писал в свою
отчину в Полотеск к своим
бояром и к воеводам: на том
озере Гомне тот город велел
изрушити и ставити его лю-
дем своим не велел. И госпо-
даря бы вашего люди на спор-
ных местах потомуж мест
не поседали и городов не ста-
вили по перемирным грамо-
там, как в перемирных грамо-
тах писано. И вам о том сем
листом ведомо даем. Писан
в господаря нашего царстве
столнейшем граде Москове
лета 7078 июля в 12 день»⁷⁰.

Postea cum iam nos Nuncii hic
Varsoviam venimus, et per ali-
quot dies mansimus, ex merca-
toribus nomine Kuprianus Civis
Udnensis⁷¹, qui erat in via, cum

Potém będąc nam owdzie u
JKM. w Warszawie, przyszedł-
szy jest do Warszawy z ziemi
Moskiewskiej do Króla JM. z
tych kupców jeden Kupryan

Потом, когда мы уже были
у его королевского величества
в Варшаве [и прошло сколь-
ко-то дней], из тех виленских
купцов, которых по дороге

⁶⁹ Gramciarum — конъектура: Graniciarum.

⁷⁰ Мы оставляем без комментариев целый ряд вполне очевидных ошибок в польском переводе русского письма.

⁷¹ Udnensis — конъектура: Vlnensis.

aliis mercatoribus, illorumque universis mercibus in Moschoviam raptis, nunciavit, quod Dux Moschoviae fecit illos in maxima custodia, carceribusque ac catenis et compedibus fovere, tam diu donec Nuntii Sacrae Regiae Maiestatis ex illius dominio exirent.

Cum autem nunciatum est ei quod iam Nuntii Regiae Maiestatis ex illius terra exirent iussit illos mercatores, ex vinculis liberare, merces illorum vestes, pileos, tunicas, calceos, caligas accipere, solos vero de terra sua in unis indusiis, nudis pedibus, absque pileis expellere, prout et expulsi sunt.

Idem mercator Civis Vilenensis, nomine Kuprianus dixit, quod Dux Moschoviae, post discessum Nuntiorum Regiae Maiestatis omnes Captivos qui erant apud illum detenti, tam Poloni, Germani, litwani, Ruteni, iussit omnes vario genere mortis perdere, dicens, ut nullus ex praedicta natione subditis Regis, in terra mea maneat, et in super ut neque canis illius Provinciae Polonae aut Litwanae, apud me vel in Ducatu meo [maneat].

Wilnowych, których w drodze ziemi Moskiewskiej od nas odjęli i ich pohamowali byli. Powiedział, iż towary i majątności ich wszystkie z końmi i z wozami Książ Wielki do kazny swojej pobrać kazał, a ich wszystkich mordowawszy i niemakiem czas w okowach okrutnych i więzieniu dzierżyć kazawszy; potem gdy usłyszał, że my posłali w ziemie jego za granicę wyjechali, ich wszystkich pieczę i odzienie z nich obrawszy, w jednych koszulach bez czapek i boso za granicę wygnąć kazał. Tenże kupiec wileński powiedział, iż więźnie i w innych poddanych JKМ., którzy się w Moskwie zostali, sam Książ do Thuri [?] przyjechawszy przed sobą posieć i potracić kazał; a do innych zamków swoich rozszesławszy, gdzie więźnie naszego narodu, poddani JKМ. byli, także wszystkich wysieć i wytracić kazał, mówiąc tak, powiada, aby się człowiek Polski albo Litewski a na ostatek i pies z tej ziemi w państwie mojem nie został.

в земле московской от нас отняли и задержали, к его величеству королю в Варшаву из земли московской приехал один Куприян. Он поведал, что товары и все их имущество вместе с лошадьми и повозками великий князь велел забрать в свою казну, а их всех мучить и долго держать в лютых оковах и в тюрьме [так долго, пока послы священного королевского величества не оставят пределов его державы]. После того, как он прослышал, что мы послы выехали из пределов его земли, он приказал их всех освободить [?] и, отобрав у них одежду, в одних рубашках без шапок и босых выгнать из пределов [Московии]. Тот же виленский купец [по имени Куприян] сообщил, что [всех] пленных [какие у него были, будь то поляки, немцы, литовцы или русские] и иных подданных его королевского величества [после отъезда послов его королевского величества] князь, самолично приехав к башне [?] ⁷², велел у себя на глазах посечь и [всяческими способами] истребить, и в прочие свои замки, где находились пленные нашего народа, подданные его королевского величества, разослал приказ их всех также порубить и уничтожить, со словами: «чтоб не осталось в моем государстве поляка или литовца, ни даже собаки из той земли».

⁷² Do Thuri — понятное без перевода старое польское слово «turma», очевидно, восходит к лексеме многих европейских языков со значением «башня», в частности — к немецкому «Turm».

Warhafftige Neue Zeitung vom grausamen Feindt der Christenheit dem Moscowiter, wie er der Kön. Mayestat in Polen Abgesandten, vnd zugleich jre Mitgefertden vnd Kauffleut empfangen vnd gehalten. Item, Wie er etliche seiner eignen Sted vnd Landschafften selbst Persönlich verwüestet, vnd mit dero Einwoneren, Edlen vnd Vnedlen, Bürgern vnd Bawren gantz jemmerlich vnd erbermlich vmbgangen. S. I. et a.

Copey des schreibens, so der Hauptman zu Orscha an die Kön. Maiestat in Polen gethan.

Aller Durchlechtigster, Grosmechtigster König, Aller gnedigster Herr E. Kön. Maiestat, thu ich zu wissen, das heut Dato den 2 Maii der Ehrnehste Jarmula Andretziewitz, etwan ewer Kön. Ma. vnterthan, vnd deren einer so auff Polotzko gefangen, vnnd sampt den seinen in die Moscau geführt ist worden, allhie zu Orscha, nach dem er auff den 18. Aprilis aus der Moscau gezogen, ankommen sey, vnnd mir diesen nachfolgenden bericht gethan.

Fürs erste, das E. Kön. Ma. abgesandte, den 5. tag Martii in abwesen des Moscowiters, so da zumal zu Alexandria Slobodi gewesen, in die stadt Moscum seien ankommen, vnnd in den hoff, dahin man der grösten Herrn abgesandte pflaget zu losieren, vorieret [?] worden. Den Kauffleuten aber so mit ihnen darkommen, hette man die gassen so zur rechten dem hoff gelegen, eingeben. Demnach aber, als dem Moscowiter der abgesandten ankunfft vnd einziehung in die stadt mit drommen vnnd posaunen ist kunt worden, sey er hefftig auff sie ergrimmet, vnd hab als bald befehl gethan, sie mit Grossen Guardi zu verwaren, vnd verboten bey halsstraff, vber etliche gewisse personen, so inen zugeordnet worden, niemand bey jhnen aus oder eingehen zu lassen, noch zu gestatten, das der gesandten oder jhrer diener einer von der stell kommen, oder aus den höfen sich begeben möchte. Gleicherweis

Копия письма, написанного оршанским старостой [Филоном Кмитой] его величеству королю Польскому [2 мая 1570 года].

Наисветлейший, могущественнейший король, всемилостивейший государь, Ваше Королевское Величество, сообщая, что сегодня 2 мая сюда в Оршу прибыл почтеннейший Ермолай [?] Андреевич, некогда подданный Вашего Королевского Величества. Он один из тех, кто попал в плен в Полоцке и вместе с товарищами по несчастью был отведен в Москву. Он выехал из Москвы 18 апреля и донес мне следующее.

Во-первых, что послы Вашего Королевского Величества 5 марта в отсутствие Московита, так как тот был в Александровой Слободе, приехали в его город Москву и были отведены⁷³ на двор, где обыкновенно ставят на постой послов самых больших государей. Прибывшим же с ними купцам, по его словам, отвели переулки по правую руку от двора. Когда Московиту сообщили о прибытии послов и об их вступлении в город с барабанным боем и трубами, он сильно на них рассердился и тотчас приказал их охранять, приставив большую стражу, не разрешать никому, кроме определенных лиц, которые были назначены им в помощники, к ним входить и выходить под страхом смертной казни и не позволять, чтобы кто-либо из послов либо их слуг смел двинуться с места или уйти со двора. Равным образом и польских и литовских купцов,

⁷³ Глагол нам не ясен, и мы переводим по смыслу.

wurden auch die Polnische vnd Littawische Kauffleut, so mit den gesandten dahin kommen waren, fleissig bewachtet vnd verwaret.

Item, es würde allein E. Kön. Ma. abgesandten Proviandt, doch in gemessener anzal, von den Moscowitern gereicht. Die Kauffleut aber mustens alles vber haupt aus anordnung des Moscowiters bezalen. Als nemlich ein mass Haber auff ein Ross, vmb 40. Polnische groschen, vnd ein Kolasse, das ist ein kleines kernlein Haws, als viel zwehen leichtlich mögen tragen, vmb 30. groschen. Idem, ein Eimer wasser, vmb 2. groschen. Das Brot aber, Fisch vnnnd Fleisch, schetzt man jhn vber macht vnd vngleublich.

Ferners, hat obgedachter Jarmula, auch zu gleich diesen beständigen vnnnd warhafftigen bericht gethan, mit anzeigung, das er selbst persönlich darbey gewesen, vnd es mit seinen augen gesehen. Nemlich, das der Moscowiter mit ettlichen Stedten vnd Landschafften, als da ist Nowogrod, Thorska, Wierss, Persckow, vnd Thorgen, gantz jemmerlich vnd erbemlich sey vmbgangen, vnd dis hab sich also zugetragen.

Der Moscowiter war bericht worden, als solte in gemelten Stedten vnd Heusern, sich eine vertherey erreget haben, vnnnd sich haben ansehen lassen, als hetten sie an die E. Kön. Ma. jhre gesandten abgefertiget, vnd dero sich zu ergeben erbotten. Weil dann diese vertherey zu Nowogrod, so die grosse Stadt genennet wird (denn sie fast reich, vnd derselben landsart nach, eine schöne Stadt ist) verzeichnet funden, und dem Moscowiter were zugeschickt worden, habe er sich als bald mit vierzig tausent mann auffgemacht, vnd erstlich auff Wierss zugeruckt, alda den Adel vnd gantze Bürgerschafft durchaus erwürgen, vnd auch die armen leut, so vor der zeit zu Poloczko, als der Moscowiter diese Stadt sampt dem Schlos eingenommen, gefenglich weggeführt, vnd eins teils noch in Türmen vnnnd harten gefengnüssen von der selben zeit her, waren gehalten worden, eins teils sonst in der Stadt jhre wonunge gehabt hatten, mit weib vnd kind alle bis in die 500.

прибывших туда с послами, усердно охраняли и стерегли.

Он рассказал, что провиант, хотя и его в умеренном количестве, станут давать только послам Вашего Королевского Величества. Купцам же за все совершенно, по распоряжению Московита, пришлось платить, а именно за меру овса на одного коня — около 40 польских грошей, за один «колос» [?], то есть ничтожный клоч сена, каких легко можно поднять два или больше, — около 30 грошей. Ведро воды — примерно два гроша. А за хлеб, рыбу и мясо с них спрашивают непомерную и невероятную цену.

Далее, вышеназванный Ермолай передал заодно следующую надежную и доподлинную историю с заверением, что он сам лично при этом присутствовал и видел это своими глазами, а именно, что Московит прискорбно и ужасно обошелся с рядом городов и земель, как-то Новгородом, Торжком, Тверью, Псковом и Thorgen⁷⁴, а вышло это так.

Московиту донесли, будто в указанных городах и домах должна была возникнуть измена, и дело выглядело так, будто они отправили к Вашему Королевскому Величеству своих послов с предложением отдаться в вашу власть. Так вот, поскольку эта измена в Новгороде, как называется большой город (а он весьма богатый и, по меркам своей страны, красивый город), якобы была обнаружена и весть об этом послали Московиту, он будто бы тотчас пустился в путь с сорокатысячным войском, и первым делом двинулся на Тверь. Там он велел знать и всех лучших жителей города [?] удавить, а также жалким образом перебить несчастных, с полоцких времен, когда Московит овладел тем городом и замком, угнанных в плен, частью с тех самых пор все еще содержавшихся в тюрьмах и мрачных застенках, частью имевших свои жилища в городе, с женами и детьми всего до 500 душ.

⁷⁴ Похоже, Торжок назван в списке дважды.

personen iemmerlich tödten lassen.

Nach dem er solches zu Wierss verbracht, ist er gen Torskaw gezogen, vnd daselbst gleicher weis mit den einwonern gefahren.

Von Torskaw, ist er auff die Stadt, Gros Nowogrod genant, verrücket, daselbest für die Stadt sich gelegert, vnd die fürnemsten Bürger vnd Kauffleut, deren namen er mir auffgezeichnet, zustellte, in anzal auff drithalb hundert Personen heraus zu sich gefordert.

Da sie nu kommen, hat er sie von stund an, vnuerhörter sachen vor seinen augen, entheupten lassen. Bald darauff hat er auch den Adel desselbigen kreiss, zu sich beruffen, sie gleichsals alle vmbracht, doch mit etlichen ist er tyrannischer vnd grewlicher umgangen, in dem er sie, nemlich hat in fewrige öfen setzen, oder sonst mancherley, sonderliche vnd erschreckliche marter jnen anthun lassen.

Alle Münche hat er auch aus den Klöstern gefordert, vnd nur in einem jeden gelassen einen Münch, die andern, deren 150. gewesen, hat er hingericht, vnnd allen schatz sampt den glocken aus den Klöstern genommen.

Entlich hat er das Kriegs volck in die Stad heissen rücken, vnd alles was noch vbrig gewesen von Man, Weib vnd Kind jemmerlich lassen ermorden, auch darneben ernstlich befohlen, kein Cörper zu begraben, sondern alle in das wasser Wolawiam zu werffen. Vor vnd in dieser Stad gros Nowogrod genant, hat er mit seinem Kriegesuolck sieben gantzer wochen zubracht. Das gantze land vmbher geplündert vnd verherget. Was von Gold, Silber, Kloster geschmuck, vnd andern herrlichen wahren vnnd gütern, er aus dieser reichen landt art zusammen gerafft, hat er alles miteinander gen Alexandriam Slobodi führen lassen.

Von dannen hat er auff Perskow, seinen zug genommen, alda inn die Stadt sich geleget, an der seiten des grossen wassers, da das Schlos Perskow ligt, welche gegent vmbher der Herrn Woiwoda ist. Da kam jm Fürst Görg entgegen, fiel für jm nieder, vnnd hat mit auffgehoben henden, er wölte doch das Haus vnnd die Leute vmbher

После того, что он сделал в Твери, он направился в Торжок и там творил с тамошними жителями то же самое.

Из Торжка он двинулся в город, именуемый Великим Новгородом, там встал лагерем перед городом и вызвал оттуда к себе самых знатных горожан и купцов числом три с половиной сотни человек, чьи имена Ермолай записал и передал мне.

Едва они явились, он велел тотчас без суда у себя на глазах их обезглавить. Затем немедленно призвал к себе также знать того же города и точно так же всех лишил жизни, но с некоторыми обошелся еще более тиранически и ужасно, а именно приказал сажать их в огненные печи или иначе доставлять им всяческие особенные и страшные мучения.

Он вытребовал из монастырей всех монахов, оставил на каждый монастырь всего по одному, остальных, коих было 150, казнил и все богатство вместе с колоколами из монастырей забрал.

Наконец, он приказал двинуть войска на город и всех, кто там оставался, будь то мужчина, женщина или ребенок, жалкой смертью истребить, и, сверх того, настоятельно предписал ни единого тела не погребать, а бросить все в водоем Wolawiam. Под городом, именуемым Великим Новгородом, и в нем самом Московит со своим войском провел семь полных недель. Все окрестные земли разграбил и опустошил. Собрав в одно место золотые и серебряные вещи, ювелирные украшения из монастырей и другие роскошные изделия и имущество этого богатого края, он приказал все скопом везти в Александрову Слободу.

Затем он пошел походом на Псков. Там расположился в городе на той стороне реки Великой, где находится замок Псков, а местность вокруг принадлежит воеводам. Тут ему навстречу явился князь Юрий, пал перед ним наземь и, воздев руки, просил не погубить дом и людей, а вызвался своей торжественной

nicht verderben, denn er sich erböte mit seinem leiblichen Eidt, zu beweisen, vnd warzumachen, das sie keiner verretherey schuldich weren.

Also geschahe es, das auff seine bitt, vnd geleisten Eidt, der Moscowiter des Schlosses vnd der Leut, so disseit des wassers woneten, da das Schlos stehet, verschonete. Was aber auff der andern seiten des Wassers gewesen, hat er alles tödten lassen. Vnnd am selben ort zwo wochen zubracht. Was von köstlichen Güter, Silber, Goldt vnd anderm da gefunden ist worden, hat er alles gen Alexandriam Slobodi abgesandt, vnd auch eigner Person auff der Post dahin verreiset, desgleichen allem Krieguolck auff den Sonnabend vor Palmarum alda bey ihm zu sein befohlen. Welche edle Knaben aber nicht folgen haben mögen, deren etlich hundert gewesen, die hat er mit Peitschen nachtreiben vnnd schlagen lassen. Nach dem er nu gen Alexandriam kommen, hat er das beste vom Raub, vnd den armen Leuten benommenen Gütern in seine Schatzkammer lassen wenden. Das ubrige aber vnter die Kriegseuleute zugleich ausgeteilet.

Es hat aber aller gnedigster König der obgemelte von diesen verlauffenen Geschichten mir so gründtlichen bericht gethan, das, wie er anzeigt, wol erscheint, er sey eigner Person, neben seinem Herren einem Moscowitischen ansehnlichen Edelman Iwan Matt, weiowitz genant, dem er damals gedienet, mit vnd darbey gewesen. Derhalben E. Kön. Ma. solchs alles für ohngezweifelt halten mögen.

Er vermeldte auch vnter anderm, wie das er teglich in der Mascaw etlichmal bey dem Hoff, da E. Kön. Ma. abgesandte ni nen [innen?] waren, sey fürüber gangen, darneben auch die Gassen besucht, dahin die Kauffleut losiert worden, vnd solchs nur der vrsach halben, das er etwan

клятвой⁷⁵ доказать и удостоверить, что они не повинны ни в какой измене.

Так вышло, что по его просьбе и в ответ на принесенную им клятву Московит пощадил замок и людей, проживавших с той стороны реки, где стоит замок, однако приказал умертвить все, что было на другом берегу. И в том самом месте он пробыл две недели. Все найденные там сокровища, серебряные и золотые вещи и прочее он отослал в Александрову Слободу и туда же отправился на почтовых лошадях собственной персоной. Равным образом он повелел всему войску в субботу перед вербным воскресеньем⁷⁶ быть там у него. Благородных детей [боярских], не пожелавших [за ним?] последовать, коих было несколько сотен, он приказал гнать и бить кнутами. Прибыв после этого в Александрову Слободу, лучшую часть добычи, добро, отнятое у бедных людей, он велел обратить в свою казну, а прочее тогда же [или: по ровну?] разделил между войском.

Об этих минувших событиях вышеупомянутый Ермолай сделал мне, всемилоостивейший король, столь основательный доклад, что верится в то, что, как он сам говорит, он лично [там] был со своим господином, одним московитом, важным знатным лицом по имени Иван Матвеевич, которому он тогда служил, будучи при нем и при всем сказанном. Потому все подобные рассказы Ваше Королевское Величество может считать несомненными.

Среди прочего он сообщает также, как в Москве по несколько раз на дню проходил мимо двора, где находились послы Вашего Королевского Величества, а также ходил по переулкам, где отвели жилье купцам. Он делал это с единственной целью, так как хотел встретить

⁷⁵ Употребленное здесь выражение «телесная клятва» (der «leibliche Eid» или «iuramentum corporale») для западноевропейского читателя означает касание в момент принесения клятвы священного объекта – св. Писания, креста или мощей святых – либо клятву «с воздетыми ввысь пальцами», то есть с символическим прикосновением к божеству («mit zu Gott emporgerichteten Fingern»). Ее обычно отличают от «плохой клятвы», являющейся простым произнесением формулы.

⁷⁶ То есть 18 марта 1570 года.

einen von den Angesandten, jhren Dieneren, oder Kauffleuten sehen möchte, vnd mit jn sich vnterreden. Aber da sey jhm solchs nie vergönnet worden, sintemal alle Thor vnd Thüren so fest vernagelt vnd zugeschlagen gewesen, vmb den gantzen Hoff, darin die gesandten Herren innen waren, dazu auch solche blancken herumb gefürt, das nicht ein loch gelassen war, dadurch man in den Hoff het sehen mögen.

Item, das man beim Hoff grosse vnd fleissige wach hielte, das vnmüglich wer einigem Menschen hinein zu kommen, jrer einen zu sehen, oder mit jm zu reden. Dis allein höre man, das teglich im Hoff, darin E. Kön. May. abgesandten innen sein, die Posaunen drey mal geblasen würden, des Morgens, Mittags vnd Abendts.

Item, das er in der Moscau vernommen, wie man siebenzig wolgemester Far ochssen also zubereitet hette, das jeder ein Sattel trüge mit spitzigen Negeln gespicket, darauff würden siebenzig vom Adel, die etwas sollen verschuldt haben, gesetzt werden, vnd also dem Moscoviter, wenn er wider in die Moscau einzeucht, entgegen kommen.

Item, das der Moscoviter neben der Stad Jazimowitz ein städtlichen grossen Schutz oder Festung für sich, vnd ein Hoff für die Gesandten bawen liesse, daher die rede gehet, er werde fort hin keiner frembden Herren vnd Potentaten Abgesandte in die Moscau kommen lassen, sondern daselbst sie anhören, vnd von dannen abfertigen.

Ich hab auch aller gnedigster König für mich selbst allerley fleissige nachforschung gehabt, wie es vmb E. Kön. May. Abgesandten stünde, vnd wie bald man sich jrer abfertigung zu uersehen, vnd zu uerhoffen. Sonderlich hab ich an den Woiewoda zu Smolentzko geschrieben, kan aber kein gründtlichen bescheidt erlangen. Ohn allein dis menniglich bewust ist, wird mir auch glaubwürdig fürbracht, das der Moscoviter in die

кого-нибудь из послов, их слуг или купцов и переговорить с ним. Однако такой возможности ему ни разу не предоставилось, ибо все ворота и двери были накрепко заколочены и забиты гвоздями по всей окружности двора, где были послы. К тому же, двор был окружен таким дощатым забором, что в нем не было оставлено ни одной дыры, через которую можно было бы заглянуть на двор.

Также он сообщил, что при дворе якобы был большой и усердный караул, так что никому нельзя было войти внутрь, с кем-нибудь из них увидеться или заговорить. По его словам, слышно только то, как во дворе, где находятся послы Вашего Королевского Величества, трижды в день трубят в трубы — утром, днем и вечером.

Еще он рассказал, что слышал в Москве, будто [там] приготовили семьдесят дородных холощенных бычков. На каждом должно было быть седло, набитое острыми гвоздями. В эти седла якобы должны будут сесть семьдесят знатных лиц, которые, вероятно, чем-то провинились, и явиться таким образом навстречу Московиту, когда он снова будет въезжать в Москву.

Еще — что Московит около города Jazimowitz⁷⁷ будто бы повелел построить большое убежище или крепость для себя и двор для послов, и поэтому идут разговоры, что в будущем он не станет разрешать являться в Москву послам чужеземных государей и властителей, а будет выслушивать их там и оттуда отсылать.

Я и сам, всемилолюбивший король, постарался всячески разузнать, как обстоят дела у послов Вашего Королевского Величества и как скоро надо ожидать их отъезда и надеяться на это. В частности, я написал воеводе Смоленскому, но не могу добиться обстоятельной информации, кроме того, что известно всем и мне тоже кажется правдоподобным, а именно, что Московит еще не явился в Москву, а,

⁷⁷ Видимо, Вязьма. Ср. Iter Nunciorum.

Moscow noch nicht kommen, sondern das er sey zu Jazimowitz, vnd besehe den newen Baw, der jm alda verfertigt wird. Doch von dannen werde er wider in die Moscow sich begeben, vnd E. Kön. May. Abgesandten am tage Trinitatis annemen vnd verhören. Sol aber auch E. Kön. May. Abgesandte, wie mir von Smolentzko vnd aus andern orten kundt gethan, nicht ehe bedacht sein abzufertigen, sie hetten denn so lang gewart, als seine Gesandten, die er bey E. Kön. May. vor der zeie⁷⁸ gehabt, warten hetten müssen. Wolle also zeit gegen zeit gleich machen.

Endtlich wird mir für gewis angezeigt, das der Moscowiter eigner Person gen Smolentzko sol kommen, vnnnd das auff dem Wasserstrom Nepiers eine grosse merckliche anzal Holtz gefüret werde. Darumb wol etliche sagen, er wöll jm daselst ein sonderlich Haus zu richten, andere aber wöllens gewislich dafür halten, er sey willens, jm ein newe Festung am Wasserstrom Nepiers zu bawen vnd zu Jazimowitz das Hoffleger zu halten.

Dis ist, so ich auff dismal, wie es in der Moscow ein gestalt hat, erfaren hab mögen, welchs ich denn E. Kön. May. meinem aller gnedigsten Herren vnthertheniger meinung hab zu erkennen geben wöllten vnd sollen.

вероятно, находится в Jazimowitz и осматривает новые постройки, которые для него там готовят. Но оттуда он вернется в Москву и примет и выслушает послов Вашего Королевского Величества на Троицын день. Как мне передают из Смоленска и других мест, пусть послы Вашего Королевского Величества даже не помышляют от том, что их отпустят, пока они не пробудут там столько времени, сколько были вынуждены ждать послы Московита, бывшие прежде у Вашего Королевского Величества. Он, стало быть, хочет уравниять время ожидания тех и других.

Наконец, мне передали как достоверный факт, что Московит собственной персоной должен прибыть в Смоленск и что по реке Днепру везут [или: сплавляют?] на удивление большое количество дерева. Некоторые об этом толкуют, что он, дескать, хочет построить там опричный дворец [?], но другие не сомневаются, что его намерение — построить себе на реке Днепр новую крепость, а двор держать в Jazimowitz.

Вот то, что на сей раз я смог разузнать о том, как обстоят дела в Москве, что, по моему верноподданническому мнению, я был должен и желал дать знать Вашему Королевскому Величеству моему всемиловитейшему государю.

---

⁷⁸ zeie — возможно, опечатка; см. то же слово ниже.

Landeshauptarchiv Schwerin, 02.11–02/1 Auswärtige Beziehungen, Nr. 1132. S. 101–103.

[S. 101] Zeitung aus der Muskaw vom 24 Juni Anno 70. Известие из Москвы от 24 июня 1570 года.

Es sollen E[ure] L[iebden] wissen, daß durch der Konninglichen M[ayes]t[ät]t zu Polen botschafft der Handel mit den grossfürsten In der Moßkau den 24 Juni ein ende genommen vnd ein stilandt auf 3 Jhar gemachet, Anfangende von S. Petri vnd Pauli, Worauf der großfürst sampt vnsern gesandten denselben tagk, welcher ist Johannis B[aptistae] geschworen, vnd haben auch die gesandten eben denselben tagk geseget. Wir verharren aber noch wol ein tagk oder funff damit ein Jeder einkauffe waß er bedarf.

Von newer Zeitung, wehre wol sehr viele zuschreiben, gibt aber Gott, daß Ich an E[ure] L[iebden] gelange, will Ich mundtlich berichten. Der Hunger ist alhier in der Moßkaw so groß, alß nie gehoret, oder gesehen worden, daß auch ein Mensch den andern, wo einer den andern ubeweldigen kan auffrist, Ja eß hawet ein Mensch den andern in Tonnen und saltzet ihn ein, vnd friisset einer den andern, daß ein grawen zu horen ist. Wir aber haben Gott Lob leibs notturfft gehabt, wiewol von vnserm Volgk viel hinwegk gestorben durch allerley Kranckheit.

Vnser gnedigster Herr der Konig zw Polen soll daß Theil so Ihre May[estät]t ihn Lifflandt haben, die gantze Zeit deß stille standeß mit frieden behalten vnd besitzen, Eß sol auch frey sein von beiden theilen, einen Jedern seines gefallens nach zuuorreisen, kauffen vnd verkauffen, wo eß vonnoten sein wirdt.

Hertzog Mangnus ist den 10 Juni mit 150 Pf[er]den Ihn die Moßkaw ankommen, vnd ist dem großfürste[n] ein angenehmer gast gewesen, Aber Gott weiß ob die gnade lange veber Ihn schweben werde, Man hat Ihme aber nicht lange getrawet, Sond[ern] drey tage nach seiner ankunfft hat er dem Großfürsten schweren musen.

Vашей Милости следует знать, что 24 июня в Москве переговоры посольства Его Величества короля Польского с великим князем окончились, и было заключено перемирие сроком на три года начиная с праздника св. Петра и Павла. Великий князь вместе с нашими послами принес в этом клятву в тот же день, который был днем Иоанна Крестителя, и послы в тот же день простились. Но мы останемся еще на день или дней на пять, чтобы каждый закупил, что ему надо.

Новостей столько, что всего не опишешь, и лучше я сообщу о них устно, дай Бог только добраться до Вашей Милости.

Голод здесь в Москве стоит такой, о каком и не слышали и какого никогда не видели. Доходит до того, что люди пожирают друг друга, если один в состоянии одолеть другого. Человек рубит другого, складывает в бочку, солилит его и пожирает один другого, что страшно слышать. У нас, слава Богу, есть пища, хотя многие из наших людей скончались по дороге от всевозможных болезней.

Во все время перемирия наш милостивейший государь король Польский ту часть Ливонии, которой Его Величество обладает, должен с миром сохранять и владеть ей. Также обе стороны должны позволять любому [подданному чужого государства] по своей воле [приезжать,] уезжать, покупать и продавать, где ему понадобится.

10 июня в Москву прибыл герцог Магнус с провождением 150 всадников и был принят великим князем как дорогой гость. Впрочем, одному Богу известно, долго ли его будет осенять царская милость. Доверие к нему оказалось коротким, ибо через три дня после своего приезда ему пришлось принести Московиту клятву.

[S. 102] Eß sollen auch E[ure] L[iebden] wissen, daß Ihn der Mußkaw so grosse tewrung ist, daß ein solch maß Roggenn wie zur Wilda die groste Tonne oder 3 saltz Tonnen seindt, für 30 f. Polnisch gekaufft wirt, dass auch viel Leute Hungerß sterben am meisten aber gefangene, Nicht allein von den vnsern sondernn auch vonn denn Moßcowittern.

Der Großfürst horet noch nicht auf seine Tiraney zu uben, vnd gehet kein tagk hinweg, das er nicht solle 30 oder Ja zum weingisten 20 Menschen viertheilen, Vnd In stucke zw hawen lassen, oder vnder die Behren werffen, Er leget Ihnen vielerley Plag an, welches er selber teglich ansiehet, vnd sein frolocken daran hat, Bei Nachtlicher weile lasset er viel leute erseuffen, Vnd vmb ein geringes da auch vnschuldig lasset er sie marttern, Wan nur einer auf den andern etwaß saget. Seinen Sohn furet er fein an, welcher dan solche Tiraney wol gefasset, Vnd wirts so wol wie der Vater wo nicht erger können.

Von den vnsern so auffm Schloß Ißborgk gefangen worden, wil der Moßcowitter keinen loß geben, biß Ihme der gantz domalß zugefugter schade erstattet werde, welchen ehr sehr hoch vnd groß schatzet.

Der Moßcowitter hette vber der Hern gesandten verhoffen gerne lenger friede gemachet, Weil daß Turckische Krigs Volck, welcheß nur 40 Meilen von der Moßkaw gewesen grossen schaden vnd mordt gethan, Vnnd Ihme daß gantze Landt Resom verhöret vnnd verbrandt, vnd merglichen schaden zugefuget, Vnd ist also der Turck abgezogen, Eß besorget sich auch Jederman daß der Moßcowitter vor dem Turcken nicht sicher sein werde.

[S. 103] So ist vns auch domalß angst gewesen, daß der Turcke der Mußkaw so nahe gegrentzet, Ich habe E[urer] L[iebden] mehr schreiben sollen aber die Zeit hat eß nicht leiden wollen. Datum Moßkaw am 24 Junij Anno LXX.

Также Вашей Милости следует знать, что в Москве такая великая дороговизна, что одну меру ржи, равную в Вильне большой бочке либо трем бочкам для соли⁷⁹, продают за 30 польских злотых, что много народу умерло от голода, а больше всего пленных. Мрут не только наши, но и московиты.

Великий князь еще не перестал чинить свою тиранию, и не проходит дня, чтобы, по его приказу, 30 или, по меньшей мере, 20 человек не четвертовали и не рубили на куски или не бросали медведям. Он причиняет [своим жертвам] всевозможные мучения, на что ежедневно взирает лично и находит в этом для себя радость. По ночам он велит топить множество людей и велит истязать за самую малую провинность, а то и вовсе без вины потому только, что один оговорил другого. Сына своего он наставляет отменно: тот хорошо усвоил подобное тираническое правление и сумеет быть таким же, как отец, если не хуже.

Из наших взятых в плен в Изборске Московит не желает отпустить никого, пока ему целиком не возместят нанесенный тогда ущерб, который он считает большим и оценивает очень высоко.

Московит охотно заключил бы, паче чаяния послов, более длительный мир, ибо турецкое войско, находившееся всего в 40 милях от Москвы, чинило великий вред и смерть. Оно разорило у него и спалило огнем целую область Рязань и нанесло ощутимый ущерб. И, совершив сказанное, Турок отступил. Все в один голос опасаются, что Московит в будущем не сможет уберечься от Турка.

Потому и нам тогда было страшно, что турок так близко от Москвы. Мне следовало написать Вашей Милости больше, но время не позволяет этого сделать. Дано в Москве 24 июня 1570 года.

⁷⁹ Возможно, имеется в виду уже упомянутая мера сыпучих тел «солянка».

Реплика того же письма в немецкой газете: Beschreybunge einer Reyse oder eins zuges, eins fürnemlichen Polnischen Herrn, von Königlicher Polnischen wurden, Botschafftweiß gen Constantinopel, vnd von dannen inn die Tartarey gezogen. Mit bericht vnd meldunge mancherley seltzamer hendel, vnd grossen schaden, so die Türcken dazumal erlitten, sehr nützlich vnnnd wol zu lesen. Nürnberg, 1571. S. 27–28 (фрагмент сообщения о герцоге Магнусе, озаглавленного: «Aufzüge auß einem scheiben, für gantz warhafftig geacht, wie das einer hohen Fürstlichen person zugekommen»).

Der hunger ist inn der Moscaw vnmesslich groß, vnnnd nimpt die theurunge vberhand, also, das man ein maß rocken (so groß als drey Saltzdonnen) umb dreyssig Polnische gülden nit wol zu kauffen bekommen mage, sterben derowegen viel Leute hungers, vnd tragen sich geschichte zu, welche vnmenschlich seind, vnnnd grausam zu hören, ich geschweige zu sehen, Denn es auch dahin kommen, das die armen Leute, menschenfleisch essen, Nichts destweniger wird mit wütere y fortgefaren, vnd teglich viel menschen geuiertheylt, zu stücken gehawen, vnd den Beeren fürgewoffen, von denen sie jemmerlich, etwa in beywesen des Großfürsten, als sehe er daran sein luste, zuriessen vnd sonst elendigklich auff andere weise, die armen Leute geplaget vnnnd gepeyniget werden, Es hat auch das Türckisch kriegßuolck, welchs auff 40. meyl von der Stadt Muscaw gelegen, grossen schaden vnd mordt gethan, das nahetgelegene lande mit schwerdt vnd fewer verheret, vnd also wider abgezogen, da man es ihm von nöten, Hertzog Magnus ist mit 350. am 10. Augusti, inn der Moscaw angekommen, vnd dem Großfürsten ein angenehmer Gast gewesen. Aber Gott weiß, ob die genade lang vber im schweben wird. Man hat im nit lang getrawen wöllen, sondern drey tag nach seiner ankunfft hat er dem Moscowiter schweren müssen.

Zwischen Polen vnd Moscowiten, ist der fride gemacht auff drey jar, vnd solle jedermeniglich frey stehen, vnnnd zugelassen sein, seins gefallens zu uerreysen, kauffen, vnnnd verkauffen wo vnnnd wenn es ihm von nöten. Hertzog Magnus ist mit 350. am 10. Augusti, inn der Moscaw angekommen, vnd dem Großfürsten ein angenehmer Gast gewesen. Aber Gott weiß, ob die genade lang vber im schweben wird. Man hat im nit lang getrawen wöllen, sondern drey tag nach seiner ankunfft hat er dem Moscowiter schweren müssen.

Голод в Москве безмерно велик, и настала такая дороговизна, что меру ржи (величиной в три соляных бочки) едва можно купить за цену около тридцати польских гульденов, отчего много людей умирает от голода, и происходят чудовищные события, о которых страшно слышать, не говоря уже о том, чтобы видеть. Ибо дошло до того, что бедные люди едят человечину. При этом тиран продолжает неистовствовать как ни в чем не бывало, и ежедневно множество людей четвертуют, рубят на куски, бросают медведям. Те жалким образом их задирают, иной раз в присутствии великого князя, который, говорят, находит в этом удовольствие. Да и иными способами бедных людей прежалко мучат и истязают. Кроме того, турецкое войско, находившееся в 40 милях от города Москвы, причинило большой ущерб и смерть, так что окрестные земли оказались опустошены огнем и мечом, после чего отступило назад, так что возникло сильное беспокойство, что Московит в будущем не сможет уберечься от набегов и нашествий с турецкой стороны.

Между поляками и московитами был заключен мир на три года, и любой [подданный чужого государства] может свободно находиться [на территории другого] и допускаться, по своей воле уезжать, покупать и продавать, где и когда ему понадобится. Герцог Магнус с 350 людьми 10 августа прибыл в Москву и был принят великим князем как дорогой гость. Впрочем, одному Богу известно, долго ли его будет осеять царская милость. Доверие к нему оказалось коротким, ибо через три дня после своего приезда ему пришлось принести Московиту клятву.

РУКОПИСЬ «ОЧЕРКОВ ФИЛОСОФИИ
КУЛЬТУРЫ» П. Б. СТРУВЕ И С. Л. ФРАНКА.
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЯСНЕНИЕ

В фонде П. Б. Струве Российского государственного архива социально-политической истории хранится рукопись, краткое описание которой гласит: «Статья П. Б. Струве “Культура и личность”. Автограф Н. А. Герд-Струве с пометками П. Б. Струве. 36 лл. (ранее 1905). Оpubл.: “Полярная звезда”, 1905, № 2, 3»¹. Между тем, статьи с таким названием в богатой библиографии Струве мы не найдём, но в указанных номерах журнала «Полярная звезда» имеется две части работы «Очерки философии культуры» совместного авторства П. Б. Струве и С. Л. Франка, причём вторая часть этой публикации имеет подзаголовок «Культура и личность». В каком отношении находится данная рукопись к опубликованному тексту?

Впервые этот документ атрибутирован М. А. Колеровым в комментарии к публикации «Очерков философии культуры» в 1999 г.:

«Сверка с неполной авторизованной рукописью, хранящейся в фонде Струве в РЦХИДНИ (Фонд 279), дает представления о перспективах дальнейшей работы соавторов. Во втором параграфе главы “Что такое культура?” (фрагмент “Порвав внутренне с наивной верой...”) в первой редакции было написано (в квадратных

---

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 54.

скобках восстанавливается опущенный авторами при публикации текст): “Порвав внутренне с наивной верой [в разные вещи (во что мы не можем в настоящее время верить, об этом еще не раз будет речь ниже)], на чем же утвердит свое духовно-общественное бытие современный человек?”. В отличие от опубликованного, окончание текста выглядело следующим образом: “Принцип личности и принцип культуры (...) сплетаются в цельное и внутренне-согласованное культурно-философское мирозерцание, которое можно назвать *гуманистическим индивидуализмом*. [Нам предстоит теперь развить это мирозерцание в его философских, моральных и политических разветвлениях и показать, какие точки зрения оно дает для решения отдельных культурных и общественных проблем, волнующих современность]”².

На самом деле, в архиве хранится *полная* рукопись двух частей «Очерков философии культуры», опубликованных в № 2 и 3 «Полярной звезды»³, а не только второй части, как могло бы показаться из названия. В архивном описании документа, правда — кроме того, что не указано имя соавтора, — есть ещё две фактические ошибки. Во-первых, манускрипт выполнен не рукой жены Петра Бернгардовича Нины Александровны, а рукой С. Л. Франка, кроме двух листов, написанных рукой П. Б. Струве (пометки на рукописи тоже принадлежат и Струве, и Франку). Во-вторых, датировка «ранее 1905» является неточной, о чём далее.

Внешний вид рукописи — относительно небольшое количество исправлений по тексту и достаточно хороший почерк Франка (листы одинаковые, в линию, исписаны с одной стороны) — даёт основание предполагать, что она готовилась уже как чистовик, которому предшествовали, скорее всего, более ранние заметки и наброски. Тем не менее, текст ещё правился Франком и Струве (в основном эти правки имеют характер улучшения стиля или уточнения смысла), а также, как уже сказано, было добавлено два листа с вставками Струве, по количеству исправлений гораздо более похожих на первоначальные наброски. Листы рукописи, вклю-

---

² П. Б. Струве. Избранные сочинения / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999. С. 454.

³ См.: Полярная звезда. 1905. № 2 (22 дек.). С. 104–117; № 3 (30 дек.). С. 170–184.

чая первую вставку Струве, были первоначально пронумерованы, возможно, Франком (всего 35 листов). Вторая вставка, обозначенная Струве «К стр. 17», была включена в общую нумерацию поэмы, при этом получила номер 17, а листы франковской рукописи с № 17 были пронумерованы заново (возможно, как раз Ниной Александровной), и получилось уже 36 листов.

Кроме того, небольшая редакция была сделана уже при непосредственной подготовке к печати. Отличия опубликованного текста от рукописи в целом невелики. Существенными (но совсем не большими) являются только два опущенных фрагмента, которые были выявлены М. А. Колеровым (см. прим. 63 и 200 к публикуемой рукописи). Некоторые отличия имеют стилистический характер; в некоторых случаях можно говорить об опечатках или неудачных заменах⁴. Например, таковыми можно признать замену слова «плоды» на «труды» («величайшие плоды общечеловеческой культуры» звучит, кажется, более органично, чем такие же «труды культуры» — см. прим. 23), замену слова «предносится» на «преподносится» (очевидно, «шевелиющийся в душах идеал» всё-таки «предносится», а не «преподносится», как цветы или сюрприз — см. прим. 46), и некоторые другие (напр., см. прим. 67; возможно — прим. 184). Особый интерес, и даже интригу можно усмотреть в замене определения «трансцендентальная» («связь культуры с личностью») на «метафизическая» (см. прим. 119). Дело в том, что о метафизике в положительном контексте Франк начал упоминать только с 1907–1908 года, а до этого предпочитал писать о «фантастичности метафизических построений»⁵. Таким образом, либо мы имеем в данном случае первый сигнал — в конце 1905 года — начавшегося поворота Франка к положительному восприятию метафизики, либо, что следует признать более вероятным, это была правка Струве⁶, который гораздо раньше признал

---

⁴ В этой связи сразу вспоминаются слова С. А. Франка из письма к Н. А. Струве от 29 декабря 1905 г. — как раз перед выходом номера со второй частью «Очерков»: «Приезжайте скорее, будем работать вместе в Пол<ярной> Звезде». Я погибаю от корректур, пропускаю массу опечаток и служу за это объектом, на который изливается ярость П. Б.» (С. А. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905) // М. А. Колеров. Изнутри. М., 2018. С. 107).

⁵ См.: С. А. Франк. О критическом идеализме // Мир Божий. 1904. № 12. С. 225.

⁶ Такое же мнение в частном общении высказано М. А. Колеровым.

права метафизики и недостаточность кантианской «трансцендентальности» (впрочем, в таком случае Франк, по крайней мере, эту правку принял).

Наконец, важнейшее отличие публикации от рукописи состоит в изменении разбивки текста. Как свидетельствует документ, первоначально это была цельная статья под названием «Культура и личность», имевшая четыре главки, и призванная (судя по опущенному в публикации завершению) действительно сыграть роль вступления («вступительной главы») к дальнейшему, более развернутому и детализованному тексту. Однако для публикации — очевидно, из-за большого объёма для относительно маленького формата «Полярной звезды», — текст был разделён на две статьи, получив общее название «Очерки философии культуры». Первые две главки рукописи были опубликованы под названием «Что такое культура?», при этом вторая главка была разделена на две; третья и четвёртая главки рукописи были опубликованы под первоначальным названием «Культура и личность», при этом четвёртая главка также была разделена на две, превратившись во вторую и третью главки второй статьи. Таким образом, вместо одной статьи с четырьмя главками получилось две статьи с шестью главками.

Но когда же появилась сама рукопись? Прежде всего, нельзя принимать во внимание обозначенную на архивной папке дату — «ранее 1905». Она отразила, возможно, незнание того, что 2-й и 3-й номера «Полярной звезды» вышли не в начале, как можно было подумать, а в самом конце 1905-го года (22 и 30 декабря). Из воспоминаний Франка известно, что замысел книги по философии культуры возник во время его пребывания во Франции вместе с семьёй Струве в августе — начале октября 1905 г. Отмеченная выше высокая степень готовности рукописи отражает уже определённый этап реализации этого замысла.

Здесь необходимо напомнить, что П. Б. Струве с семьёй с конца 1901 г. жил за границей, где с июня 1902 г. выпускал журнал «Освобождение» — сначала в Штутгарте, а с сентября 1904 г. — в Париже. Ему был запрещён въезд в Россию, хотя, конечно, с началом революционных событий он рвался туда, и как только узнал о манифесте 17 октября, сразу выехал, не дождавшись амнистии, весть о которой, впрочем, настигла его в дороге. С. Л. Франк в конце 1904 — начале 1905 г. был в России, видел воочию на-

чало революционных событий и некоторым образом участвовал в них, но быстро «пресытился политикой», и, выехав весной за границу, пытался сосредоточиться на подготовке задуманной «Социальной психологии», отказываясь даже от сотрудничества в «Освобождении». Однако в августе, после полуторамесячной напряжённой работы в библиотеках Гейдельберга, он всё-таки поехал к Струве во Францию — через Париж на морские купания в Бретань, «в рыбацкую деревню St. Cast, около St. Malo»⁷. Пётр Бернгардович, как вспоминает Франк, «был в исключительном благодушно-беззаботном настроении, наслаждался отдыхом и с увлечением поглощал устриц; политические и литературно-редакционные заботы и волнения временно были забыты; беседы касались больше философских тем»⁸.

Далее в своих воспоминаниях Франк непосредственно описывает не только возникновение идеи новой книги, но и конкретную форму их соавторской работы, в результате которой, очевидно, и появилась данная рукопись: «Осенью я вместе

---

⁷ С. Л. Франк. Воспоминания о П. Б. Струве // С. Л. Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 424. Очевидно, речь идет о местечке Сен-Ка-ле-Гильдо (Saint-Cast-le-Guildo) на берегу залива Сен-Мало.

⁸ С. Л. Франк. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 424. Этот же эпизод находим в воспоминаниях сына Ариадны Тырковой А. Бормана: «На лето мы уехали в Бретань в местечко Сэн Ка (St. Cast), снявши дом вместе с семьей Струве. Там образовалась довольно большая русская колония и русские отвоёвывали для себя часть пустынного пляжа. Помню Струве и Франка в купальных костюмах, ведущих какие-то серьезные разговоры о книгах» (А. Борман. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 62). Судя по письму С. Л. Франка к Н. А. Струве от 14 июля 1905 г., домик в Бретани был снят уже в начале июля (см.: С. Л. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905). С. 85). При этом письма Нины Александровны к мужу свидетельствуют, что были и другие варианты месторасположения — в частности, Динар: «Dinard — морское купание в 2 ч. езды отсюда, очень красивое место. Там бы мы поселились с тобой вместе: мама (Антонина Михайловна Герд. — Г. А.), ты, Нюнич и я и прожили бы недели две <...>» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Л. 175 об.). Очевидно, что сам П. Б. Струве провёл в Бретани значительно меньше времени, чем жена с тещей и детьми, и даже отлучался (или уехал раньше) в Париж, когда в Сен-Ка находился С. Л. Франк: «Доволен ли ты своей поездкой, друг дорогой. С Нюничем мы большие друзья. Он опять чувствует, что политика его начинает увлекать. Но бездельничая я ужасно. Море, купанье и самый воздух как-то расслабляют и трудно себя заставить что-нибудь делать» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Л. 181).

со Струве вернулся в Париж, поселился рядом с ними на rue de la Tour, проводя целый день в их квартире⁹. Наряду с редакционной работой, мы задумали тогда написать совместно книгу по “философии культуры”, в которой должны были быть выражены основные общественно-философские идеи, к которым мы совместно пришли в то время (мы формулировали тогда нашу веру так, что определяющим началом ее было несколько неопределенное понятие “духовной культуры”, во всем многообразии ее содержания). Мы оба начали одновременно писать вступительную главу этой книги; каждый писал в отдельности, мы читали друг другу написанное и сводили его в одно целое; споров по содержанию у нас не было, хотя и не легко было согласовать два весьма разнородных стиля и писательских темперамента. Остальное содержание задуманной книги — которое я теперь уже не помню — было распределено по главам между нами. Но эта работа так и остановилась на вступительной главе (напечатанной в 1906 г. в двух номерах “Полярной Звезды”); она была прервана сперва моим внезапным отъездом (я был вызван телеграммой в Москву из-за болезни моего отчима), а потом октябрьской революцией 1905 г., закрутившей П. Б. в новом вихре политической и публицистической деятельности»¹⁰.

Очевидно, публикуемая рукопись и есть как раз это «сведённое в одно целое», которому, как мы и предположили, предшествовали черновые наброски и заметки обоих авторов. Описанный Франком порядок совместной работы не позволяет, между прочим, на основании того, что большая часть рукописи написана рукой Франка, делать вывод о том, что этот текст ему и принадлежит, а Струве принадлежат только упомянутые две вставки и некоторые правки. Текст аккумулирует идеи обоих авторов, хотя Франк, очевидно, не просто объединял первоначальные заметки, но и обрабатывал единый текст, придавал ему цельность и стилистическое единство. Что касается вставок Струве, то они могут быть как остатками первоначальных заметок, сделанных ещё в Париже, так и более поздними дополнениями, сделанными уже в Петербурге. То же самое можно сказать и о правке по тексту.

---

⁹ Струве жили в районе Passy, на rue Bellini, 14.

¹⁰ С. Л. Франк. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 424—425.

Таким образом, хотя относительно небольшое отличие рукописи от опубликованного текста могло бы дать основания предполагать, что она была подготовлена незадолго до публикации — например, в ноябре — начале декабря, когда Франк и Струве вновь встретились уже в Санкт-Петербурге, — на основании воспоминаний Франка можно утверждать, что данная рукопись «вступительной главы» была составлена в сентябре — начале октября в Париже. Дальнейшую её «судьбу» помогают проследить письма Франка.

Очевидно, 12 октября (по новому стилю) Франк выехал из Парижа по телеграмме матери о болезни отчима — 13-го он посылал Струве открытку из Берлина, а уже 16-го, или 3 октября по старому стилю, приехал в Москву¹¹. Там он оказался не только в кругу домашних забот и волнений, но и в водовороте политических событий — Октябрьская политическая забастовка, I съезд конституционно-демократической партии, в котором он участвовал, провозглашение Манифеста 17 октября, — однако при этом надеялся продолжить работу над книгой, которая, кстати, судя по письму Франка к Н. А. Струве от 8 (21) ноября 1905 г., могла иметь название «Культура и свобода»¹². В письме к П. Б. и Н. А. Струве от 19 октября (1 ноября) 1905 г., выражая благодарность Нине Александровне за два письма и телеграмму, Франк добавляет: «рукопись тоже получил»¹³. С большой вероятностью можно утверждать, что речь шла именно о данной рукописи, которая после срочного отъезда Франка осталась в Париже, но с которой он ещё хотел поработать, и потому попросил прислать, не рассчитывая на скорый приезд Струве (уже зная об амнистии, в следующем письме от 22 октября Франк предполагал, что «вы можете быть здесь самое раннее через месяц»¹⁴). Однако Пётр Бернгардович, получив известие о Манифесте, оставил в Париже только что родившую пятого сына жену с детьми и немедленно уехал в Петербург. И уже через неделю, 27 октября, Франк делает приписку к письму П. Б. Струве из Петербурга: «Дорогая Нина Александровна! П. Б. сидит у меня

---

¹¹ См.: С. А. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905). С. 88, 89.

¹² Там же. С. 106.

¹³ Там же. С. 96.

¹⁴ Там же. С. 97.

в комнате¹⁵, и мне все чудится, что это какой-то сон. И все-таки это действительность — не знаю только, насколько прочная. Приезжайте скорее, заживем на славу!»¹⁶.

Времени для продолжения работы над книгой, однако, уже не было. Струве целиком окунулся в текущую политическую работу, максимально стараясь вовлечь в неё и своего друга — встречался со многими политиками, участвовал в заседаниях руководства партии кадетов («На общих собраниях я поддерживал П. Б., но вообще последние дни отстал от этих дел и споров»¹⁷, — писал Франк Нине Александровне Струве уже 1 ноября), ездил в Москву на земский съезд (6–13 ноября), ходил вместе с Франком на заседания Петербургского совета и даже выступал с ним перед рабочими: «Вчера с С. Л. впервые выступали среди рабочих. Какие это славные интеллигентные люди!! И нам с этой армией можно было бы побеждать, если бы те люди, которые сунулись все в полководцы, не были безумцами, желающими насиловать все, и в том числе народную душу»¹⁸.

Едва ли не важнейшим делом — в условиях прекращения выхода «Освобождения» — стала организация выпуска своего журнала. История «Полярной звезды» хорошо описана¹⁹, и здесь отметим лишь самое важное для нас: журнал был задуман в формате немецкого «Zukunft» — как небольшой еженедельник «без беллетристики, без хроники и обзоров, а только с оригинальными статьями по политическим и философским вопросам»²⁰. Такой формат не позволял разместить в одном номере целиком уже написанную «вступительную главу», а откладывать публикацию до написания книги целиком — что, очевидно, уже выглядело далёкой перспективой, — Франк и Струве не хотели. Поэтому, как

---

¹⁵ Адрес С. Л. Франка в Петербурге в эти дни — Разъезжая ул., 23, кв. 20 (см.: Там же. С. 101, 106).

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Л. 136 об. Процитировано М. А. Колеровым — см.: С. Л. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905). С. 101, прим.).

¹⁷ Там же. С. 100.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Л. 138. Письмо П. Б. Струве к Н. А. Струве, без даты, относится, очевидно, к началу ноября 1905 г. — в нём также идёт речь о забастовке наборщиков, о которой писал С. Л. Франк к Н. А. Струве 8 ноября (см.: С. Л. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905). С. 103).

¹⁹ См.: М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 132–151.

²⁰ С. Л. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905). С. 101.

сообщал Франк в письме к Н. А. Струве от 1 (14) ноября, «будем помещать в этом журнале по кусочкам нашу предполагавшуюся книгу»²¹. Таким образом, очевидно, уже в ноябре публикуемая далее рукопись вступительной главы «Культура и личность» была подвергнута описанной выше трансформации и превратилась в две статьи под общим названием «Очерки философии культуры», опубликованные в конце декабря. Через два месяца, в № 11 «Полярной звезды», уже под авторством только П. Струве была опубликована как отрывок из будущей книги статья «Индивидуализм и социализм». В примечании Струве пояснял, что эти размышления «задуманы и написаны как главы предпринятого С. А. Франком и мною более обширного сочинения о культуре и свободе»²². К сожалению, на этом публикация «кусочков» задуманной книги прекратилась.

Таким образом, идея книги о философии культуры (или о культуре и свободе) родилась у Франка и Струве в момент относительного затишья как в революционных событиях, так и в жизни авторов, вынуждено или преднамеренно от этих событий дистанцированных на побережье Бретани, а затем на берегу Сены напротив Эйфелевой башни. Было ясно, однако, что волна революции ещё поднимается, и было стремление как можно быстрее оказаться на гребне этой волны — по крайней мере, у Струве. С другой стороны, собранное его титаническими усилиями вокруг «Освобождения» в 1902–1904 годах пёстрое и довольно разнородное сообщество земцев и интеллигентов, либералов левых и правых, умеренных консерваторов и почти радикалов, объединённых неприятием самодержавия, начало распадаться в горниле революции, прежде всего из-за различного выбора необходимых и допустимых форм и методов борьбы, а также в свете намечавшихся принципиальных разногласий в отношении позитивной программы. Книга в этом смысле должна была иметь не только теоретиче-

---

²¹ Там же. Хотя местом написания письма указана Москва (см.: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 67. Л. 169), это следует признать опiskeй Франка — и его дополнение к письму П. Б. Струве от 27 октября, и указанный уже в данном письме адрес (ул. Разъезжая), и всё содержание письма, описывающее бурную деятельность Струве в первые дни после возвращения в Россию, однозначно указывает на то, что письмо писалось в Петербурге.

²² П. Б. Струве. Индивидуализм и социализм (Размышления и отрывки) // Полярная звезда. 1906. № 11 (25 февр.). С. 755.

ское значение, но и значение философско-политического манифеста, мировоззренческой платформы, на которой можно было бы строить идейную партию. Попав в октябре на съезд конституционно-демократической партии, которая создавала впечатление «Ноева ковчега», Франк убедился в необходимости такой платформы: «< ... > Я горячо стою за философское размежевание (которое мы хотим осуществить нашей книгой) < ... >», — но одновременно пришёл к выводу, что если произвести такое необходимое принципиальное размежевание на основе признания философского либерализма, то «вся партия не наберет и двух десятков людей. Это печально, но это факт»²³. Возможно, это осознание, наряду с бурным водоворотом событий конца 1905 года, тоже сыграло свою роль в том, что книга практически «остановилась» на вступительной главе.

Заметим в заключение, что «Очерки философии культуры» — единственный, к тому же неоконченный, пример писательского соавторства П. Б. Струве и С. Л. Франка за всё время их совместной работы и более чем сорокалетней дружбы. Возможно, при всей идейной и мировоззренческой близости (не исключавшей, впрочем, определённые, иногда и существенные, расхождения, в том числе некоторое отличие во взглядах отражают и письма Франка конца 1905 года), «разнородность стиля и писательских темпераментов» оказалась слишком велика, и в дальнейшем их творческое сотрудничество не шло далее совместного редактирования журналов.

В публикации сохранены подчёркивания оригинала. Нумерация страниц рукописи даётся в квадратных скобках. В примечаниях отражены сделанные в рукописи исправления и отличия рукописи от опубликованного текста. Указаны также вставки, сделанные рукой П. Б. Струве (весь остальной текст написан рукой С. Л. Франка).

Благодарю Модеста Колерова и Дарью Ченцову за помощь в разыскании рукописи.

Работа «Очерки философии культуры» вошла во второй том Полного собрания сочинений С. Л. Франка (М. : Изд-во ПСТГУ, 2019), где даётся развёрнутый содержательный комментарий к этому тексту.

---

²³ С. Л. Франк. Письма к П. Б. и Н. А. Струве (1901–1905). С. 94, 95.

[1]

Культура и личность

I

Новейшая история русской культуры отмечена одной характерной особенностью²⁴, которую можно было бы назвать раздвоенностью общественного сознания. У нас существует не одно, а два общественных мнения, живущих совершенно самостоятельной жизнью и почти не считающихся одно с другим. Это, с одной стороны, инстинктивно вырабатываемое, питаемое текущими интересами и непосредственным опытом жизни мнение широких слоев общества и народа, и с другой стороны — свободно развивающееся, руководимое идеальными запросами и теоретическим образованием мировоззрение духовного авангарда²⁵ страны — интеллигенции.²⁶ Этот факт, который часто эксплуатируется в тенденциозно искаженном виде нашими реакционерами²⁷ ради их, менее всего национальных и общерусских интересов, сам по себе, однако, остается бесспорным и нередко ощущается с болезненной ясностью. Его можно подметить всюду — за вычетом²⁸, быть может, только русской художественной литературы, которая, силою своего исключительного гения, сумела преодолеть эту раздвоенность и, усвоив величайшие плоды²⁹ общечеловеческой культуры, оставалась верно настроению и духовному складу нации³⁰. В политике, в религии, в морали, — везде русская интеллигенция живет обособленно не только от народа, но и от более [2] широких кругов культурного общества. Мы указываем здесь совсем не на практический разлад; правда, он также³¹ иногда чувствуется в отноше-

²⁴ Ранний вариант: В новейшей истории русской культуры можно подметить одну характерную особенность.

²⁵ Ранний вариант: духовных руководителей.

²⁶ В публикации далее — с красной строки.

²⁷ Ранний вариант: Этот факт, которым часто пользуются наши реакционеры, тенденциозно искажая его.

²⁸ Ранний вариант: за исключением.

²⁹ В публикации: труды.

³⁰ Ранний вариант: национальному настроению и духовному складу. В публикации добавлено слово: всей нации.

³¹ В публикации: тоже.

ниях между интеллигенцией и наименее образованными слоями народа — достаточно напомнить о культурно-исторической трагедии, разыгрывающейся в деяниях «черной сотни»; но в общем, вопреки утверждению реакционеров, можно сказать, наоборот, что практические действия и стремления интеллигенции³² в конечном счете всегда гармонизировали с действительными потребностями и интересами страны.³³ Практический дух жизни, подлинные страдания, подлинные нужды и упования³⁴ народа всегда пробивались сквозь толщу чуждых доктрин и учений интеллигенции и находили в последней чуткий и смелый отголосок. Мы указываем только на теоретическое разногласие мировоззрений. Оно вытекает из общей некультурности нашей жизни, из отсутствия у нас прочных, глубоко коренящихся культурных традиций; немногочисленный класс образованного общества представляет собою поэтому как бы культурный оазис огромной пустыни; он живет обособленно, он свободно усваивает последние плоды европейской цивилизации, но зато усваивает их только отвлеченно, не переваривая их органически, не пропитывая соком народной жизни.

Это разногласие с особенной силой сказывается в судьбе самой идеи культуры в русском обществе. В практическом мирозерцании [3] общества она пользуется чрезвычайной популярностью. Все крупные прогрессивные движения, осуществленные в России — реформы Петра, как и реформы Александра II, — опирались на идеи цивилизации и культуры и черпали из них свое влияние и силу; все реакционные течения и эпохи боролись с культурой и просвещением и именно в силу этого осуждались общественным мнением. Инстинктивное уважение, которое страна питает к интеллигенции³⁵ — к тому слою общества, который сосредоточивает в себе все русское просвещение, русскую науку и русское искусство, — есть одна из главных причин неотрастимости либеральных идей, исповедуемых интеллигенцией. Все наше западничество выросло и держится на этой почве; оно больше, чем отдельное культурное и политическое движение: оно есть культурно-психологическая тенденция всякого русского человека.

---

³² Ранний вариант: что интеллигенция в своих практических действиях.

³³ В публикации далее — с красной строки.

³⁴ Ранний вариант: вождения.

³⁵ Ранний вариант: испытывает по отношению к интеллигенции.

Перед западно-европейской культурой русский человек чувствует себя в положении школьника и неуча; даже когда он ненавидит ее, как нечто чуждое и антипатичное ему, он не может не уважать ее, не стыдиться себя перед нею. Материальная культура и культура духовная в равной степени принуждают его к признанию превосходства запада³⁶ над Россией; эта культура распространяется на все области и направления жизни; она подымает всю [4] жизнь целиком, без различия тенденций, верований, учреждений, на объективно более высокий уровень;³⁷ не только либеральные идеи и учреждения победоноснее в культурной среде, но в ней успешнее действует³⁸ и власти, и духовенство, и полиция³⁹: культура — и притом не только материальная, но и духовная — во всех направлениях сказывается, как сила, помощник и двигатель. И потому, оглядываясь на себя и на свою страну, русский человек не может не чувствовать, что, каковы бы ни были наши последние идеалы, к чему бы мы ни стремились, нам нужно учиться, просвещаться и воспитываться. Если знание и просвещение не приобрели еще в России того безусловного официального признания со стороны государства и общества, каким они пользуются на Западе, если нам еще приходится защищать цивилизацию и доказывать ее значение, то, с другой стороны, именно в силу молодости и непрочности нашей культуры, быть может, нигде нет такого наивного непосредственного почтения к образованию, такой веры в неизведанную еще силу и плодотворность культуры, как именно в России.

Оглянемся теперь на то, что составляет⁴⁰ ум [5] и душу народа — на нашу литературу и общественную мысль.⁴¹ Не трудно заметить, что идея культуры⁴² не занимает в ней подобающего ей

---

³⁶ В публикации: Запада.

³⁷ Далее зачеркнуто несколько вариантов продолжения: «даже реакционные явления западноевропейской жизни»; «культура — и притом не только материальная, но и духовная — дает большую силу, эффективность, лучшую организацию: насколько культурная полиция, культурный <нрзб.>, настолько же лучше справляется с своей задачей».

³⁸ В публикации: действует.

³⁹ Ранний вариант: лучше функционирует и полиция, и чиновничество, и власти, и духовенство.

⁴⁰ Ранний вариант: образует.

⁴¹ В публикации далее — с красной строки.

⁴² Далее зачеркнуто: совсем.

места. У нас были и есть сильные течения, прямо и сознательно отрицающие⁴³ эту идею: толстовство и народничество. Политические радикалы в принципе не отрекаются от культуры, а среди них «марксисты» даже кладут в основу своего мировоззрения идею развития⁴⁴ материальной культуры; прогрессисты всех оттенков озабочены просвещением народа. Но всюду — идет ли речь о культуре материальной, или о культуре духовной — преобладает утилитарное понимание культуры. А утилитарная оценка культуры есть собственно отрицание ее самостоятельной, объективной ценности. Мысль о значении⁴⁵ культурного прогресса, как такового, идеал духовного совершенствования, развития науки, искусства, религии ради них самих, ради присущего им величия и святости, — можно сказать, чужды или почти чужды русскому самосознанию. А если этот идеал и шевелится в русских душах, если он предносится⁴⁶ многим, как прекрасная и великая задача, то он остался почти невыраженным, нашел себе слишком мало пророков и глашатаев. Поскольку эти пророки являлись, их голос находил себе мало отзвука в душе общества. Чаадаев пророчествовал о культуре в пустыне николаевской⁴⁷ эпохи; не только правительство объявило его сумасшедшим — [6] и для своих современников он остался одиноким чудаком. Но и мы, потомки, с любовью вспоминаящие об этом глубоком мыслителе-страдальце, — многие ли из нас понимают⁴⁸, как своевременно и нужно⁴⁹ еще сейчас⁵⁰ существо мыслей Чаадаева, независимое от парадоксальных и субъективных деталей их содержания? После Чаадаева другой, еще более великий писатель, один из гениальнейших людей, которых имела Россия — Тургенев — защищал идею самоценности культуры и цивилизации; но Тургенев, признанный тотчас же и навсегда, как художник и гордость русской изящной литературы, в своем культурно-философском мировоззрении был сшиблен и оттиснут волной народнически-нигилистического дви-

---

⁴³ Ранний вариант: отрицавшие.

⁴⁴ Ранний вариант: исходят из мысли о развитии.

⁴⁵ Ранний вариант: Идея значения.

⁴⁶ В публикации: преподносится.

⁴⁷ В публикации: Николаевской.

⁴⁸ Ранний вариант: знают.

⁴⁹ Ранний вариант: важно.

⁵⁰ В публикации: и теперь.

жения 60-х годов, которую он сам первый подметил и обрисовал.⁵¹ Его Базарова, отрицавшего широкое понятие культуры, но признававшего по крайней мере научное просвещение или его частицу⁵² — естествознание — сменили народники, потерявшие вкус и к науке; народников сменило толстовство, в угоду морали отрешившееся и от науки, и от политики; с тех пор еще много новых общественных волн набегало и разливалось⁵³, но их культурно-философское содержание держалось все же в круге духовных привычек и симпатий, сложившихся в пору нигилизма. И философско-политические [7] идеи Тургенева еще доселе не получили достойного признания. Но, быть может, наиболее трагическое крушение потерпела идея культуры в духовной эволюции одного человека, который смело может быть назван величайшим русским мыслителем. Мы говорим о Герцене. Герцен, воспринявший, как никто, все богатство западноевропейской культуры, предвосхитивший своими мыслями те духовные плоды, которая⁵⁴ эта культура начинает приносить только на наших глазах — Герцен отрешился⁵⁵ от культуры, стыдился ее и желал⁵⁶ променять цивилизацию, науку, искусство, свободу на маленький, наивный духовный мирок мужика-общинника.

Отрицательное отношение к идее культуры есть столь же глубокая и типичная черта нашей национальной идеологии, мирозерцания, господствующего в интеллигенции и ею выработанного, сколь характерно в практической жизни нашего общества его психологическое влечение к культуре и почтение к ней. Откуда этот разлад? Какие моральные побуждения заставляют интеллигента⁵⁷, единственного носителя культуры в русском обществе, быть равнодушным к ее идее и даже бороться с нею?

Но прежде, чем ответить на этот вопрос, мы должны сказать, что такое вообще есть культура.

[8]

---

⁵¹ Далее зачёркнуто: И с того времени Тургенев, как философ и политический мыслитель, далеко и до сих пор еще не реабилитирован в достойной степени.

⁵² Ранний вариант: науку или частичку наук.

⁵³ В публикации: разбивалось.

⁵⁴ Так в рукописи. В публикации: «которые».

⁵⁵ В публикации: отрекался.

⁵⁶ В публикации: подчас готов был. Ранний вариант: готов.

⁵⁷ Ранний вариант: русского интеллигента.

II

Человечество становится все менее и менее наивным. Конечно, говорить о целом человечестве неудобно. Но этим выражением для нас охватываются те люди, которые более или менее сознательно участвуют в духовном творчестве истории. Эти люди несомненно все больше теряют то наивное состояние духа, которое характеризуется верой. Утрачивая непосредственную уверенность в способность творческих замыслов воплотиться в действительность и дать духу удовлетворение задачи выполненной, исчерпавшей себя в осуществлении, люди охлаждаются и разочаровываются в самих⁵⁸ идеалах и нравственных побуждениях, дающих⁵⁹ жизни смысл и цену. Становясь менее верующими, люди в то же время делаются односторонними. Правда, одно как бы противоречит другому. Односторонние люди верят в ту «одну сторону», в тот кусочек жизни или культуры, которым они занимаются. Но верить в кусочек не значит вообще верить в том смысле, в каком вера есть важное, глубокое, определяющее состояние духа. Верить в статистический метод или даже в бактериологию — не значит верить в науку, и, веря в статистический метод, можно совсем не иметь понятия о том, что же такое есть наука, не ощущать ее величия и значения в жизни человечества⁶⁰.

[9]⁶¹ Мы маловеры. С маловерием, и неустранимым маловерием человека, внутренне приобщившегося к современной культуре, должно считаться всякое философское жизнепонимание и даже всякое политическое направление современности. А в то же время в душевных глубинах и у современного человека таится вера в некоторые абсолютные ценности, без которых жизнь теряет смысл, и дух, лишенный всякой опоры и всякого строя, может только прозябать, но не жить и не шириться.

Порвав внутренне с наивной верой⁶² в разные вещи (во что мы не можем в настоящее время верить, об этом еще не раз будет речь

---

⁵⁸ В публикации: самых.

⁵⁹ Ранний вариант: двигающих.

⁶⁰ Ранний вариант: в человеческой истории.

⁶¹ Лист 9 написан рукой П. Б. Струве, бумага в клетку. Начало текста зачёркнуто: Понимать не значит однако верить. Мы, современные люди <нрзб.>, мы маловеры.

⁶² Далее зачёркнуто: — во что же может верить современный человек?

ниже)⁶³, на чем же утвердит⁶⁴ свое духовно-общественное бытие⁶⁵ современный человек? Доступно ли ему, при еретическом направлении его ума, целостное мирозерцание? И как можно иметь целостное мирозерцание, сохраняя духовную свободу, не попадая в плен к идолам и фетишам?

[10] Ответ на этот вопрос дает понятие культуры. Как невозможно определить жизнь, но всякий ясно понимает, более того, чувствует, что такое жизнь, так же бесполезно гоняться за точным определением культуры, и в то же время несомненно, что культура — не пустой звук и не призрак. Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие. В сознании человечества живет ряд вечных идеалов — истина, добро, красота, святость, — подвигающих⁶⁶ его на творчество научное, художественное, моральное и религиозное. Плоды этого творчества, все духовные приобретения сменяющейся⁶⁷ работы поколений, образуют живую атмосферу сознательного бытия, постепенное воплощение абсолютного идеала в собирательной жизни человечества. Это — непреходящий и непрерывно растущий осадок того, что было и есть вечно-ценного в чувствах, помышлениях и действиях людей, истинное сошествие на землю духа святого в трудах и завоеваниях всего человечества. Можно отвергать то или иное отдельное явление, почитаемое в данное время продуктом культуры; можно отбрасывать, как несостоятельные, целые сферы и целые эпохи культурной жизни; можно отрицать религию во имя науки, или науку во имя религии, политическую жизнь ради морального совершенствования, и мораль — ради успешности политического творчества. И это не только можно; [11] отрицание и неверие, разрушение и борьба столь же нужны в культурном творчестве, как вера и созидание, ибо это творчество движется путем непре-

---

⁶³ Слова: в разные вещи (во что мы не можем в настоящее время верить, об этом еще не раз будет речь ниже), — в публикации опущены (в рукописи это вставка на полях).

⁶⁴ Ранний вариант: может утвердить.

⁶⁵ Далее зачёркнуто:; свою философию.

⁶⁶ Ранний вариант: определяющих.

⁶⁷ В публикации: сменяющиеся, — и перед этим словом стоит запятая, что переводит слово «работы» в именительный падеж множественного числа, в то время как в рукописи оно стоит в родительном падеже единственного числа.

рывной смены старого новым, непрерывных трений и столкновений между культурными силами и течениями⁶⁸. Но нельзя иначе, как по недоразумению и непониманию, отрицать культуру, как целое, ибо она есть тот великий и неисчерпаемый⁶⁹ запас духовных возможностей, из которого каждый черпает то ему нужно, и который каждый пополняет тем, что есть истинного и вечного в его индивидуальном своеобразии. Лев Толстой, отрицающий культуру политическую и научную во имя субъективной морали, есть, во-первых, сам одно из грандиозных порождений европейской культуры⁷⁰ и был бы невозможен без Христа, Руссо, Шопенгауэра и Пушкина; и с другой стороны, он против своей воли обогащает и обновляет презираемую им культуру своим моральным реформаторством. Неверие имеет свои абсолютные, логические и естественные пределы. Системы, направления, верования гибнут и проходят; культура, как взаимодействие и совокупность всего, что творится духом идеала и правды на земле, неразрушима и вечна, и в своей вечности и своем всеобъемлющем богатстве находит себе непререкаемое⁷¹ абсолютное оправдание. Чей духовный взор может охватить достаточно широкое пространство, чтобы усвоить богатство содержания и непреходящую связь во времени культурного достояния человечества, тот излечен от скепсиса. Или, [12] вернее, лишь обозревая культуру, как целое, человек постигает, что никакое неверие в отдельные стремления и идеалы не может мешать ему верить в культуру и трудиться для нее.

С точки зрения этого понятия культуры не может быть, собственно говоря, культуры в материальном смысле; то, что обычно зовется материальной культурой, имеет значение только подготавливающее, служебное по отношению к истинной культуре: оно есть его⁷² необходимый спутник и пособник. Кельнский собор, Акрополь, Сикстинская мадонна, Шекспир, Пушкин и все вообще искусство есть сама культура. Но железные дороги, телеграфы и телефоны, вообще вся техника, будучи порождением научной культуры и содействуя развитию культуры, сама по себе

---

⁶⁸ Ранний вариант: непрерывного трения между его составными частями. *Правка сделана рукой П. Б. Струве.*

⁶⁹ Ранний вариант: неисчерпаемый.

⁷⁰ Далее зачёркнуто: XIX-го века.

⁷¹ Ранний вариант: имеет свое непоколебимое и.

⁷² В публикации: ее.

не есть культура. Лишь в самом широком и элементарном смысле, совпадающим с этимологическим значением слова «культура», можно говорить о культуре материальной. Подобно истинной, духовной культуре, она есть также продукт труда, усилий⁷³, сознательной воли человечества, завоевание и приобретение неустанно движущегося вперед и развивающегося человеческого разума. Не будучи культурой в истинном смысле, она однако отмечена ее печатью; это ее символическая и реальная близость⁷⁴ к культуре духовной, равно как услуги, оказываемые ею развитию последней, распространяет на нее психологически то уважение, которое мы питаем к цивилизации и просвещению. Но от этого далеко до смешения одного [13] с другим; напротив, в интересах культуры духовной чрезвычайно важно не упускать из виду чисто утилитарного, вспомогательного значения т<ак> наз<ываемой> «материальной культуры». Часто случается — до известной степени, вся современная европейская жизнь отмечена этой чертой — что увлечение технической, внешней стороной культуры отвлекает внимание от тех абсолютных самодовлеющих идеалов, воплощение которых образует истинную культуру. Такое увлечение накладывается на душу современного европейца печать утилитаризма и «практичности», несовместимую с пониманием идеального, антиутилитарного духа культуры⁷⁵. Культура в себе самой носит свою ценность. Поэтому все от культуры, будучи самым нужным для человека, в известном, другом смысле отличается полной ненужностью. «Практическим» людям не нужна ни религия, ни искусство, ни мораль, ни наука в высшем ее значении;⁷⁶ «культурным людям» в смысле Щедрина не нужна и чужда культура. И в самом деле, для того, чтобы «заказывать платье у Шармера», не нужно никакой культуры.⁷⁷

Если практическая ненужность культуры порождает ей врага в лице утилитаризма, то ее многообразие и богатство, ее широта и универсальность заставляет восстать против нее другое моральное направление — аскетизм.⁷⁸ Несмотря на кажущуюся проти-

---

⁷³ В публикации в обратном порядке: усилий, труда.

⁷⁴ Ранний вариант: символическая связь.

⁷⁵ Ранний вариант: наиболее враждебную духу культуры.

⁷⁶ В публикации здесь двоеточие.

⁷⁷ Далее в публикации начинается глава III первой статьи.

⁷⁸ В публикации далее — красная строка.

воположность между этими двумя главными противниками идеи культуры, корень их враждебности к ней одинаков. Обоим общее стремление сузить [14] духовное содержание человеческой жизни, выделив из него то, что признается единственно нужным и существенным, и решительно отбросив и уничтожив все остальное. Утилитаризм отвергает⁷⁹ культуру, так как не признает вообще никаких абсолютных ценностей, выводя все ценности из практической пользы, из низших субъективных потребностей; аскетизм отвергает⁸⁰ культуру, так как признает только одну абсолютную ценность — моральную — и считает все остальные ценности призраками и порождениями сатаны. Утилитаризм отрицает божественный дух человека во имя его земных стремлений⁸¹ и нужд, аскетизм отрицает земное строительство человека во имя его божественного существа: обоим — по крайней мере, в принципе — чужда идея богочеловечества, идея воплощения абсолютных ценностей духа в земной жизни и ее средствами — идея, лежащая в основе философского понятия культуры. Оба не достигают высшего единства трансцендентного с эмпирическим и его не допускают. Образую взаимно противоположные моральные тенденции, они совпадают в своем отрицании возможного слияния тех начал, в которых они односторонне замыкаются.

Говоря об утилитаризме и аскетизме как двух главных врагах идеи культуры, мы тем самым отметили источник⁸² непопулярности этой идеи в русском образованном обществе. История русской общественной мысли за последние полвека [15] стоит под знаменем этих моральных направлений; она создана утилитаристами и аскетами, людьми, отрекавшимися от культуры то во имя мужика⁸³, то во имя Бога и нравственного спокойствия. Утилитаризм и аскетизм сплелись в сознании русского интеллигента в одно логически неуклюжее, но психологически стройное и цельное мирозерцание, и жало этого мирозерцания направлено прежде всего против идеи культуры, против признания самодовлеющей ценности духовных идеалов, воплощаемых в исторической жизни. Писарев, отвергавший Пушкина ради «печного горшка» и со-

---

⁷⁹ Ранний вариант: отрицает.

⁸⁰ Ранний вариант: отрицает.

⁸¹ Ранний вариант: возделений.

⁸² Ранний вариант: причины.

⁸³ Ранний вариант: «печного горшка».

ветовавший Щедрина писать популярные брошюры по естествознанию, «кающиеся дворяне», отказывавшиеся от политической свободы ради благополучия народа, Лев Толстой, проклявший науку, искусство и политику ради чистоты нравственной жизни, исполнения воли Божией⁸⁴, — все они сочетают⁸⁵ в себе аскетизм с утилитаризмом и стремятся ради совести и⁸⁶ «хлеба единого» сузить⁸⁷ и выхолостить богатство культурного содержания жизни.⁸⁸ Типичный русский интеллигент, жизнепонимание и духовный склад которого определил⁸⁹ культурную и моральную философию современного общества, есть, так сказать, помесь нигилиста с толстовцем;⁹⁰ если его мировоззрение определяется чудовищным силлогизмом: «человек происходит от обезьяны и потому должен жертвовать собою для общего блага» (в остроумной формулировке [16] Вл. Соловьева), то это потому, что Базаров в его душе слился с монахом-иконоборцем⁹¹ в одно неразрывное и неразличимое целое. «Нигилизм» есть, быть может, наиболее подходящий термин для этого мировоззрения, — разумеется, если под нигилизмом понимать не политический радикализм⁹², и не «отрицание авторитетов», а философскую тенденцию идейного упрощения и опрощения⁹³.

Мы⁹⁴, верящие в культуру,⁹⁵ усматривающие в науке, искусстве, религии, морали и политике одну общую великую сокровищницу человечества, которую надо беречь и пополнять, а не разрушать и отвергать, не могущие допустить, чтобы идеал состоял не в духовном богатстве, а в духовной бедности, — мы противопоставляем этому традиционному русскому нигилизму идею гуманизма.

---

⁸⁴ Слова: исполнения воли Божией, — добавлены между строк рукой П. Б. Струве.

⁸⁵ Ранний вариант: соединяют.

⁸⁶ В публикации слова: совести и, — опущены.

⁸⁷ Ранний вариант: исказить.

⁸⁸ Далее зачёркнуто: Можно сказать, что.

⁸⁹ В публикации: определяют.

⁹⁰ В публикации здесь стоит точка и далее — новое предложение.

⁹¹ Ранний вариант: монахом-столпником.

⁹² Ранний вариант: нигилизм, конечно, не как политическая кличка и не как.

⁹³ Ранний вариант: философскую тенденцию отрицания многогранного содержания культуры с определенной узкой и замкнутой точки зрения.

⁹⁴ Ранний вариант: Этому нигилизму мы.

⁹⁵ Далее зачёркнуто: и не желающие.

Под гуманизмом мы разумеем идеализм, веру в абсолютные ценности, соединенную с верой в человечество и его творческие задачи на земле. Это направление, рожденное в великую эпоху расцвета культуры — в эпоху возрождения — до сих пор лежит, в разных оттенках и под разными названиями и кличками, в основе всего культурного прогресса⁹⁶ в Европе. Подобно Ницше, мы хотим, несмотря на весь скептицизм и неверие, необходимо присущие [17/18]⁹⁷ современному человечеству, остаться «добрыми европейцами»; мы не хотим разрывать традиции, которая соединяет наши нынешние запросы, духовные томления и упования текущего дня со всем, что есть ценного и непреходящего в европейской культуре, начиная с античного мира и христианства, и кончая величайшими завоеваниями современной науки, тонкостью и богатством современного искусства, последними идеалами этической и политической мысли. Понимая и ценя национальность — тоже как культурный фактор — мы хотим быть гражданами европейского мира и участниками его культуры, *citoyens du monde civilisé*, и твердо веруем, что приобщение к культуре не убивает, а развивает совесть, что содействие культурному прогрессу⁹⁸, основанное на уважении к человеческому духу⁹⁹, не может быть грехом ни перед Богом, ни перед народом¹⁰⁰. Страна, создавшая такие культурные светила первой величины, как Пушкин, Герцен, Тургенев, Толстой — эта страна не только не может — она не вправе¹⁰¹ отречься от культуры.¹⁰²

[17]¹⁰³ К стр. 17

---

⁹⁶ Ранний вариант: движения.

⁹⁷ Два номера (здесь и далее) связаны с тем, что к листу 17 была сделана вставка П. Б. Струве (см. далее); соответственно, лист с его вставкой был дополнительно пронумерован как 17-й, а лист Франка — уже как 18-й, хотя вставка Струве относилась скорее к концу, а не к началу листа. Соответственно, была изменена последующая нумерация листов.

⁹⁸ Ранний вариант: вера в духовное значение человечества и его исторического развития.

⁹⁹ Ранний вариант: на вере в духовное значение человечества.

¹⁰⁰ В публикации: Народом.

¹⁰¹ В публикации: не в праве.

¹⁰² На этом месте в тексте Франка заканчивалась предыдущая глава, и далее начиналась глава III. Однако позднее горизонтальной чертой перед номером главы обозначено место вставки Струве.

¹⁰³ Вставка: К стр. 17, — написана рукой П. Б. Струве (до раздела III). Лист испи-сан с обеих сторон, бумага в линию.

Культура учит широте и терпимости¹⁰⁴. Вот почему идее культуры так претит умственное сектанство¹⁰⁵, которое отвергает все¹⁰⁶, не подходящее под его «складку», все, не подчиняющееся его идейной или моральной команде. В культуре рядом живут, как яркие, льющие свет и жизнь лучи, и языческая Венера, и христианская Мадонна, и красота нагого тела¹⁰⁷, и величие бесплотного, над всякой телесностью поднимающегося духа. Культуре дорога одинаково и суровая работа уединенной мысли¹⁰⁸, и¹⁰⁹ страстная песнь торжествующей плоти. Культуре принадлежит¹¹⁰ религиозное упоение, которое ощущает Бога в биении своего сердца и видит его в небесах. Но в культуру на равных правах входит и безбожие непокорной, во всем сомневающейся, все подрывающей человеческой мысли. Всякая мысль, лишь бы она была глубока и своеобразна, всякое произведение искусства, лишь бы оно было красиво, всякое моральное усилие, лишь бы оно было искреннее и творческое, всякое искание истины, красоты и правды созидает культуру. В культуре, как в Пантеоне, есть место для всех богов,¹¹¹ а боги культуры — все те, на коих почил¹¹² благодать творческой силы и красоты. Войдите в Парижский Пантеон. Там от стенных картин, от этих ликов св. Женевьевы и Девы Орлеанской, веет духом католичества и средневековья, а в подземной усыпальнице покоятся великие скептики Вольтер и Ренан. Под готическими сводами Вестминстерского Аббатства рядом с верующими¹¹³ католиками и католичками лежит разрушитель благочестивых легенд, революционер естествознания, безбожный в глубине души Дарвин.

Вот символы культуры, красноречивее слов проповедующие широту и терпимость, свободу и искренность.¹¹⁴

---

¹⁰⁴ Ранний вариант: Культура широка и терпима. В ней все у <нрзб.>

¹⁰⁵ Ранний вариант: Перед величием культуры смолкает дух умственного сектанства.

¹⁰⁶ Ранний вариант этого места плохо читается.

¹⁰⁷ Далее зачёркнуто несколько слов, плохо читается.

¹⁰⁸ Ранний вариант: уединенного духа.

¹⁰⁹ Далее зачёркнуто: веселая песнь любви.

¹¹⁰ Ранний вариант этого места плохо читается.

¹¹¹ Далее зачёркнуто: лишь бы.

¹¹² Ранний вариант этого места плохо читается.

¹¹³ Ранний вариант этого слова плохо читается.

¹¹⁴ На этом месте заканчивалась публикация первой статьи «Очерков». Вторая статья была озаглавлена «Культура и личность» и начиналась без нумерации

III

Культура несет сама в себе свою ценность. Ее нельзя ни для чего употреблять, ее можно только переживать. Но это не значит, что культура есть сама в себе цель. Культура есть содержание личности, [18/19] и потому служит личности, но не так, как платье, которое можно всегда снять или заменить другим, или вагон железной дороги, в котором мы сидим¹¹⁵ и из которого мы на станции назначения выходим, а как самое важное и дорогое в личности, что не только принадлежит ей, но и принадлежит к ней, ее составляет и определяет. Таким образом, рядом с культурой, как ее единственный носитель¹¹⁶, стоит личность. Конечно, выражение «личность стоит рядом с культурой» неточно. Культура существует не вне людей, а в людях и ими. Но в то же время каждая живая личность, рождаясь в данной культуре и живя ею, все-таки, как личность, и противостоит ей. Для каждой данной личности культура есть нечто объективно¹¹⁷, вне ее данное, из чего она черпает, что она оценивает и критикует. Отсюда возникает вопрос об отношении между культурой и личностью.

Культура, сказали мы,¹¹⁸ есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие. Из этого определения вытекает высшая, трансцендентальная¹¹⁹ связь культуры с личностью. Мы не знаем и не можем допустить иного творца и носителя абсолютных ценностей, кроме личности и ее духовной жизни. Воплощение идеала в действительность, образующее сущность культурного [19/20] творчества, может совершаться, лишь проходя через ту точку бытия, в которой мир идеала скрещивается с миром действительности и¹²⁰ творение абсолютных ценностей совмещается с их реализацией в эмпирической жизни; эта точка есть личное сознание, духовная жизнь мыслящей и действующей личности. Все идеалы, без различия их содержания, суть свободные творе-

---

первой главки. В рукописи далее — с обозначения главки III — идёт окончание страницы 17 (18) рукописи Франка.

¹¹⁵ В публикации: садимся.

¹¹⁶ В публикации: единственная носительница.

¹¹⁷ В публикации: объективное.

¹¹⁸ Вставка; сказали мы, — в публикации опущена.

¹¹⁹ В публикации: метафизическая.

¹²⁰ Далее зачёркнуто: которая совмещает в себе создание.

ния личности. Личность создает науку, искусство, мораль; даже в религии, где¹²¹ личность часто отрицает самое себя, склоняясь перед высшим началом, это начало творится ею же. Не в материальной силе и не во внешней обстановке жизни лежат источники и корни культуры; они таятся в глубинах личного сознания, и все великие перевороты, определявшие судьбу царств и народов и изменявшие лицо земли, питались мыслями и упованиями, родившимися в тиши уединенной работы духа. «Мир неслышно вращается вокруг тех, кто открывает новые ценности¹²²» (Ницше).

Отсюда следует, что свобода личности есть первое и существеннейшее условие культуры. Простор для духовного творчества, безусловное признание за каждою личностью права созидать идеал и действовать во имя его, образует принцип, непосредственно указуемый самой идеей культуры и из нее вытекающий. Нарушить этот принцип значит подрезать у дерева культуры его самые глубокие питательные корни. Везде, где это совершается ради торжества определенного учения, общественного [20/21] порядка, господствующего склада жизни, — во имя части, уголка, клочка культуры отвергается и попирается идея культуры, как целого, как неистощимого развивающего запаса духовного богатства. Кто хочет культурного прогресса, тот должен хотеть и свободы личности; даже борьба против явно антикультурных идей не оправдывает нарушения свободы личности, ибо никто не призван судить, какая роль этим идеям и тому, чему суждено из них родиться, предназначена в общем ходе исторического творчества¹²³. Вот почему¹²⁴ полицейское преследование клерикализма в современной Франции, являясь по замыслу его вдохновителей борьбой за культуру, есть в действительности прегрешение против духа культуры.

Говоря, что свобода личности есть условие и средство культурного прогресса, мы отнюдь не хотим дать утилитарное обоснование этому принципу, который в наших глазах имеет верховное и абсолютное значение. Дело в том, что свобода личности, будучи средством культурного прогресса, в то же время есть и его последняя цель. Точнее говоря, как культура, так и личность заимствуют

---

¹²¹ Ранний вариант: в которой.

¹²² Далее зачёркнуто: неслышно он вращается.

¹²³ В публикации: какая роль предназначена этим идеям и тому, чему суждено из них родиться, в общем ходе исторического творчества.

¹²⁴ В публикации добавлено слово: Вот почему, например.

свою ценность из своей внутренней, имманентной связи с абсолютной¹²⁵ святостью — духом и его идеалами. Преклоняясь перед духом, перед священным и неугасимым пламенем высшей правды,¹²⁶ мы должны почитать культуру — отблеск и зарю этого пламени на земле, и¹²⁷ мы должны¹²⁸ уважать личность, человеческую душу — единственную хранительницу на земле искр того же¹²⁹ священного пламени. Поэтому задача личности — [21/22] творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечить ей простор и неприкосновенность ради того, что лишь в ней живет дух, горящий правдой и творящий ее на земле.

Уважение к человеческой личности есть само продукт культурного развития; человечество лишь путем долгих усилий и героической борьбы пришло к сознанию, что в каждой личности есть нечто, что должно быть признано священным и неприкосновенным. Но, однажды установившись, эта идея имеет уже абсолютное, сверхисторическое¹³⁰, вечное значение и непререкаемую обязательность; иначе говоря, она стала моральной аксиомой современного человечества. Являясь приобретением культуры, она отныне есть абсолютное начало культуры и, в силу этого, ее моральное мерило. Отныне, независимо от всяких споров о том, что такое человеческая личность, мы можем исходить из простого культурного или, точнее, морального факта, что человек уважает человека. Это не фраза, а именно факт, и ничто не служит столь наглядным его доказательством, как популярные в новейшее время на Западе теории неуважения к человеку. Они возникли, как теоретическая реакция против морального факта, и их полнейшая безнадежность, совершенно очевидная и для их авторов, делает из них невинную игру ума и [22/23] только ярче подчеркивает этот факт. Конечно, действительность полна и фактами неуважения к человеку. Но ни один человек, кроме теоретиков рабства, пишущих книги и статьи на эту тему, не станет принципиально отрицать, что человек должен уважать человека. Таким образом, уважение к че-

---

¹²⁵ Ранний вариант: высшей.

¹²⁶ Далее зачёркнуто: нельзя не.

¹²⁷ Далее зачёркнуто: точно также.

¹²⁸ Ранний вариант этого слова не читается.

¹²⁹ Ранний вариант: этого.

¹³⁰ Ранний вариант: внеисторическое.

ловеку есть принцип, на котором построено и которым фактически держится современное человеческое общежитие.

Всякая человеческая личность, как таковая, есть абсолютная ценность. К каждому человеческому существу мы должны относиться, как к внешней оболочке или физико-психическому проявлению высшего, трансцендентного начала — того духа, который для нас есть святыня. Отсюда вытекает идея равноценности всех людей. Люди бесконечно разнообразны и потому неравны, но они для нашего морального сознания равноценны, как человеческие личности, как носители того, что имеет абсолютную,¹³¹ беспредельную ценность. Их равноценность не есть физический факт или правило удобства, оно не есть даже признание фактической идеальной или культурной равноценности всех людей. Никто не будет спорить, что Шекспир или Пушкин в культурном отношении выше будочника Мырцеова¹³², что за одного Пушкина можно было бы отдать многих Мырцеовых¹³³ и не остаться в накладе. И все же, чтобы взрастить Пушкина, мы не имели бы права убить Мырцеова. Оба они суть человеческие личности. Это есть, пожалуй, единственное, в чем они тождественны, но этого вполне достаточно, чтобы [23/24] признать их морально равноценными. Это — равноценность существ, которые, будучи эмпирически совершенно неравными величинами, в ином, трансцендентном смысле, обладают все без исключения бесконечной, а потому и равной ценностью. Это есть равенство бесконечных величин, и равноценность есть лишь морально-психологическое выражение и отражение абсолютной ценности личности. Человек есть святыня; он не должен быть средством ни для других людей, ни для каких-либо объективных, вне его лежащих целей. Стоит только отказаться от этого начала, и нет уже более никакой остановки на пути превращения человека в средство. Для тех, кто не признает святости человеческой личности, вопрос об употреблении человеческого мяса есть в конце концов такое же дело вкуса, как вопрос об употреблении конины или ядении улиток.¹³⁴

---

¹³¹ В публикации вместо запятой — союз: и.

¹³² Ранний вариант: выше Аракчеева.

¹³³ Ранний вариант: Аракчеевых.

¹³⁴ Далее перечёркнутый абзац: Человек есть цель, а не средство. Не противоречит ли это тому, что назначение человека — творить культуру, и притом творить ее собирательно, совокупными усилиями многих? Только поверхност-

В известном смысле идея культуры чисто логическим путем вступает в столкновение с идеей личности. Культура есть творчество, сознательное и намеренное преобразование действительности в соответствии с идеалами, замена стихийного, от человека независящего состояния вещей разумно и целесообразно выработанными условиями и формами духовно-общественного бытия. Культура есть гуманизация, подчинение стихии природной, как и стихии общественной, духу¹³⁶ мыслящего человечества, борьба сознания и воли¹³⁷ с «древним хаосом». Подобно тому, как в отдельной личности рост сознания и духовности выражается в подчинении инстинктов, произвольных влечений, случайных ассоциаций мысли центральному руководящему «я», так и в коллективном бытии людей культура означает развитие планомерности и сознательности собирательной жизни, расширение власти духа¹³⁸ над исторической жизнью¹³⁹. Человечество берет свою судьбу в свои собственные руки, хочет двигаться вперед не наугад по воле слепого случая и стихийного столкновения сил, а сознательно, в полном согласии со своими идеалами и целями. Но что значит планомерность и сознательность в коллективной жизни человечества? Это значит организация, включение личностей, как звеньев и органов, в состав большого целого, установление сильной и сосредоточенной надындивидуальной воли¹⁴⁰. В этом смысле сама идея культуры, можно сказать, наталкивает сознание на мысль о власти и ее деспотизме¹⁴¹. [25/26] Человечество бредет по своему великому пути без плана и цели, у каждого есть свои желания, свои задачи и потребности, поэтому каждый приходит в столкновение с другими, и из этой слепой борьбы всех

ное отношение к вопросу или софистика мысли может отрицать, что вопрос этот имеет в высшей степени серьезный смысл и таит в себе глубокие моральные и культурно-философские трудности.

¹³⁵ В публикации здесь начинается глава II второй статьи.

¹³⁶ Ранний вариант: сознанию.

¹³⁷ Далее зачёркнуто: против.

¹³⁸ Ранний вариант: коллектива.

¹³⁹ Ранний вариант: над судьбами человечества.

¹⁴⁰ Ранний вариант: и централизованной власти. *Правка сделана рукой П. Б. Струве.*

¹⁴¹ Ранний вариант: о деспотизме. Слова: власти и ее, — вставлены рукой Струве.

против всех, из этого хаотического столкновения страстей и идеалов бессознательно складывается историческое движение. В ком живет вера в великое общее предназначение человечества¹⁴², тот не может не желать замены этого состояния разброда и анархии¹⁴³ планомерным и разумным сотрудничеством людей. Люди должны согласиться между собою о своих целях и, раз согласившись, прямо идти вперед, не уклоняясь по сторонам, не топчась на месте и не теряя сил на социальное трение и взаимную борьбу. Отсюда невольно рождается убеждение, что развитие культуры может быть обеспечено только подчинением личностей воле целого, только разумным, руководимым общими идеалами, деспотизмом. В разнообразных оттенках и формах эта мысль высказывалась и действительно проявлялась в культурной истории человечества. Она образует основу «просвещенного деспотизма», она вдохновляет якобинцев на кровожадную борьбу со всеми, кто в их глазах является противником исповедуемого ими культурного идеала; она открыто формулируется некоторыми из виднейших основателей социалистических учений¹⁴⁴. Человечество должно научиться разумно использовать свои страсти и управлять ими, как оно управляет стихиями природы, — говорит Фурье. Человечество должно выяснить [26/27] свою общую цель — говорит Бюше — и все его действия должны быть подчинены задаче достижения этой цели; таков смысл всякого управления, и государственная власть при этом не имеет иной границы, кроме сознания своей обязанности¹⁴⁵. Человечество должно от социальной анархии перейти к социальной организации — говорит Маркс — и этот переход будет величайшим всемирно-историческим событием, после которого только и начнется истинная история, тогда как нынешнее состояние есть лишь прелюдия к ней, до-историческая эпоха в жизни человечества. Всюду на свете — говорит Рёскин — анархия и соперничество есть закон смерти, сотрудничество и управление — закон жизни.

Но социалистический идеал демократического деспотизма, определяемого необходимостью организовать человечество, соб-

---

¹⁴² Ранний вариант: сознание, что человечество имеет великую цель.

¹⁴³ Слова: разброда и, — добавлены рукой Струве.

¹⁴⁴ Далее зачёркнуто: — Фурье, Бюше, Марксом.

¹⁴⁵ В публикации: своих обязанностей.

ственно говоря, останавливается на полпути. В самом деле, что гарантирует нам, что все человечество когда-либо способно будет столкнуться между собою и подчинить свои действия¹⁴⁶ единой великой задаче? И есть ли вообще основания надеяться, что массы сами поймут эту задачу, захотят служить ей и пойдут по верному пути? Не лучше ли справиться с этой задачей немногие мудрецы, чем неразумная и разнородная толпа? Надо признаться открыто: если для осуществления культурного прогресса необходимо организовать человечество, установить безусловную планомерность в движении социального механизма, и если это средство имеет абсолютное значение и не ограничивается никакими иными ценностями и мотивами, то единственным целесообразным строем должен быть признан не демократический, а только аристократический деспотизм, безграничная власть лучших и умнейших над толпой. Никакая [27/28] демократия не может обеспечить той стройности и планомерности функционирования социального механизма, которая была осуществлена¹⁴⁷, напр., иезуитами в Парагвае на почве абсолютного порабощения управляемых. Эта мысль блестяще, и можно сказать навеки разъяснена «Великим инквизитором» Достоевского. С другой стороны, только лучшие и умнейшие¹⁴⁸ могут усваивать и хранить те великие цели, служить¹⁴⁹ которым есть предназначение человечества. Поэтому мыслители, серьезно и глубоко задумывавшиеся над идеей культурного прогресса и дорожившие культурой больше всего, вплоть до готовности жертвовать для нее человеческой личностью, как напр., Ренан и Ницше, склонялись именно к идеалу аристократического деспотизма.

Вопрос, однако, сложнее, чем он представляется мыслителям, увлекшимся одной стороной и одним из многих значений идеи культуры. Оставляя пока в стороне этический постулат свободы личности, достаточно вспомнить, что эта свобода есть также необходимое условие самого культурного прогресса. Развитие культуры предполагает рост планомерности и требует его. В отдельной личности планомерность и сознательность, с одной сто-

---

¹⁴⁶ Ранний вариант: идеалы.

¹⁴⁷ В публикации: которые были осуществлены.

¹⁴⁸ В публикации: мудрейшие.

¹⁴⁹ В публикации: служение.

роны, и свобода — с другой, не стоят в противоречии.¹⁵⁰ Напротив, то и другое суть лишь различные обозначения для одного и того же духовного факта — зависимости всех психических переживаний от единого¹⁵¹ разумного «я», от глубочайшего центра личности.¹⁵² Сознательность и планомерность в личности потому и ценна, что она есть ее свобода, ее самоопределение, и потому обеспечивает ей простор и богатство творчества. Конечно, подставляя в это рассуждение, взамен личности, общество, как единое существо, мы имели бы право сказать, что и для общества в его целом организация и планомерность есть свобода творчества. Исходя из этой идеи Энгельс объявил, что организация общества в социализме будет для человечества «прыжком из царства необходимости в царство свободы». Но дело в том, что общество [28/29] именно в этом отношении не может рассматриваться, как единое существо с центральным руководящим сознанием. У общества нет единого «я», нет общей души и общего мозга. Осуществляемое им культурное творчество коренится в последнем счете все же в отдельных личностях и из них истекает. Если эти личности могут в известных отношениях объединяться, согласовывать свои желания, действия и идеалы, и выделять¹⁵³ из себя особый центр, которому они вверяют управление и руководство, то они не могут никому делегировать всю свою душу, не могут никому отчуждать без остатка все свое право на культурное творчество и все силы для него. Величайшие идеи и помыслы, как мы уже говорили, рождаются только в тиши уединенной мысли мудрецов. Поэтому, сколь ни правомерна и полезна для культурного прогресса организация и дисциплина — все организовать и все дисциплинировать значит убить, задушить самый дух, рождающий культуру. Мудрейшее правительство не сосредоточивает в себе всей культуры своего времени и не исчерпывает всего культурного богатства, содержащегося и рождающегося¹⁵⁴ в душах личностей. Собирабельная¹⁵⁵ культура народа и человечества всегда выше, полнее

---

¹⁵⁰ В публикации здесь точка с запятой и продолжение предложения.

¹⁵¹ Ранний вариант: от одного центрального.

¹⁵² В публикации далее — красная строка.

¹⁵³ В публикации: объединиться, согласовать свои желания, действия и идеалы, и выделить.

¹⁵⁴ Ранний вариант: развивающегося.

¹⁵⁵ Далее зачёркнуто: неорганизованная.

и богаче культуры руководителей, и эта общая культура по самому существу дела может зреть и развиваться только путем неорганизованного брожения, путем столкновения духовных сил и стремлений¹⁵⁶. Дисциплина, организуя и упорядочивая подвластную ей часть культурного творчества, вместе [29/30] с тем отбрасывает в последнем все, несоответствующее ее задаче, т. е. сужает его и делает более бедным¹⁵⁷. Для того, чтобы оно не умерло и не заглохло, необходимо, чтобы оно находило для себя простор и свободу, и этим свободным развитием¹⁵⁸ питало и обновляло также ту свою часть, которая подчинена порядку и организации. Государство должно быть достаточно сильно и организовано, чтобы планомерно проводить в общественную жизнь культурные идеалы; но оно не может цензурировать и подчинять себе само культурное творчество, источники которого всегда свободны. Идея рационализации общественной жизни, приведения всего к одному знаменателю, распределения всего в точном порядке и на своем месте есть в принципе антикультурная идея. Это — хула на духа святого, этого творца культуры, который не может¹⁵⁹ быть превращен в машину, работающую по команде. Культура никогда не фабрикуется; она всегда творится¹⁶⁰. В качестве идеала общественного устройства, приспособленного к культурному прогрессу, для нас вырисовывается не деспотизм — все равно, демократический или аристократический, — а общежитие¹⁶¹, строй которого тонко и тщательно приспособлен к равновесию между общественной организацией и свободой личности. Но это равновесие всегда будет оставаться колеблющимся, неустойчивым, и именно эта неустойчивость есть условие творчества и жизни культуры.¹⁶²

[30/31] Но конфликт между планомерным культурным творчеством и свободой личности коренится еще глубже; здесь приходится решать не только вопрос¹⁶³ целесообразности, но и во-

¹⁵⁶ Далее зачёркнуто: а не путем <нрзб.> упорядоченности и дисциплины.

¹⁵⁷ В публикации: скудным.

¹⁵⁸ В публикации несколько иная редакция: ему необходимы простор и свобода, необходимо, чтобы этим свободным развитием оно.

¹⁵⁹ Далее зачёркнуто: действовать по команде и.

¹⁶⁰ Предложение вписано между строк рукой П. Б. Струве.

¹⁶¹ Ранний вариант: тонко и тщательно взвешенное.

¹⁶² В публикации далее начинается глава III второй статьи — в рукописи такого разделения нет.

¹⁶³ В публикации порядок слов изменен: вопрос не только.

прос морального принципа. Мы видели, что этически личность есть сама в себе цель и не должна служить простым средством ни для чего; и однако всякое массовое творчество культуры, всякое стремление к прогрессу помощью совокупных усилий многих рассматривает и необходимо должно рассматривать отдельную личность, как средство и орудие своей задачи. Ни одно великое дело на земле не осуществляется без жертв; и жертвы эти — те самые личности, которые нравственное чувство велит считать неприкосновенными и высшими святынями. Кто действительно серьезно считается с этой моральной заповедью, тот, по-видимому, должен отказаться от всякого культурного творчества, от всякого участия в общественном деле, преследующем широкую и отдаленную цель; таково рассуждение толстовцев, аскетов и стоиков всякого рода. И наоборот, кто имеет перед глазами одну великую и священную цель, которой он посвящает все свои силы и помыслы, тот должен прибегать ко всяким средствам, и для того отдельная личность должна быть лишь орудием, звеном большого механизма, приводимого в движение ради достижения намеченной цели:¹⁶⁴ так рассуждают иезуиты, маккиавеллисты и якобинцы всех оттенков и направлений.

Достоевский утверждает¹⁶⁵, что весь прогресс и вся достижимая им гармония мироздания не стоит одной слезинки¹⁶⁶ ребенка, и еще задолго до него ту же мысль высказал апостол революции Руссо, говоря, что целая нация не вправе совершить самую желанную ей революцию ценою крови одного невинного; с другой стороны, Ницше учит, что ради творчества и великих целей надо быть твердым и безжалостным, уметь жертвовать и собой, и другими. Мы имеем здесь дело с действительной моральной антиномией, с двойственностью, лежащей в самой основе нашей нравственной жизни и принципиально неустранимой. [31/32] Фанатики того и другого из сталкивающихся принципов могут объявлять эту антиномию мнимой и признавать предрассудком или даже грехом то культурное творчество, то уважение к личности. Но кто беспристрастно вдумывается в эту проблему и охватывает ее во всей ее широте, тот не может не сознавать, что обе стороны неправы,

---

¹⁶⁴ В публикации здесь — точка с запятой.

¹⁶⁵ Ранний вариант: высказывает мысль.

¹⁶⁶ Далее зачёркнуто: невинного.

и что истина лежит где-то посередине между ними. Точнее говоря, обе стороны правы в том, что они признают, и неправы в том, что отвергают.¹⁶⁷ Человечество никогда не откажется, не может и не должно отказаться от общественной деятельности, от преследования отдаленных идеалов ценою жертв многих поколений; и, с другой стороны, человечество также не может и не должно отказаться от принципа уважения к человеческой личности. Что лучше — трудиться для идеала, греша, или быть святым, отказавшись от осуществления идеала¹⁶⁸? То и другое плохо — то и другое не может нас удовлетворить. Нравственное чувство велит нам найти исход, равно далекий от обеих крайностей.

Надо сказать прямо, — как бы это ни было тяжело для людей, ищущих абсолютных руководящих начал в практической морали: принципиального решения дилеммы здесь быть не может, по крайней мере в реальной морально-общественной обстановке современности и обозримого для нас будущего. Оно было бы возможно только в обществе святых и мудрецов, там, где не только отсутствует всякого рода физическое и юридическое принуждение, но нет места и для духовного насилия, для давления и гипноза, производимого общественным мнением или вообще духовно-сильными людьми над слабовольными и неразмысляющими. Только там [32/33] жертвы, падающие ради великих целей, были бы свободными¹⁶⁹ в полном и действительном смысле слова; поэтому только там преследование этих целей, руководство людьми в борьбе за них не нарушало бы принципа уважения к личности и ее свободе. Отсюда уясняется¹⁷⁰, в качестве предельной цели общественного развития, идеал общества, в котором отсутствовало бы всякое принуждение, насилие и давление, где¹⁷¹ люди¹⁷² соединялись бы в свободные союзы и, принося себя в жертву свободно признанному долгу и святыне¹⁷³, сохраняли бы в этом

---

¹⁶⁷ В публикации далее — красная строка.

¹⁶⁸ В публикации: от его осуществления.

¹⁶⁹ В публикации курсива нет.

¹⁷⁰ Ранний вариант: вытекает.

¹⁷¹ Ранний вариант: в котором.

¹⁷² Далее зачёркнуто: „будучи свободными и неприкосновенными святынями один для другого“.

¹⁷³ Ранний вариант: свободно жертвуя ради нравственного подвига реальными благами жизни и самой жизнью.

культурном подвижничестве неприкосновенность и своей, и чужой личности. Этот идеал, служа неподвижной путеводной звездой¹⁷⁴ наших общественных стремлений, намечает практически¹⁷⁵ путь постепенного расширения сферы¹⁷⁶ свободы личности, защищенной от посягательств всяких политических интересов и действий. Но это¹⁷⁷ не разрешает морального конфликта, в который, при современных условиях действительности, должна неизбежно вступать культурно-политическая деятельность с принципом уважения личности. Оба моральных импульса живут одновременно и потому вечно сталкиваются в душе общественного деятеля. Не признавая беспринципного девиза¹⁷⁸ «цель оправдывает средства», наоборот, будучи обязан считаться с¹⁷⁹ абсолютными моральными принципами, он может только живым нравственным чутьем угадывать для каждого случая этически-правомерный компромисс между двумя противоречащими обязанностями, столкновение которых образует вечную трагедию¹⁸⁰ сознательного духа, все обнажающего своим критическим ножом, и в своем чувстве доходящего до последних глубин. Моральный [33/34] такт должен указывать ему, в каких случаях его действие представляет¹⁸¹ настолько насущную нравственно-политическую необходимость, что не может остановиться даже перед самым жестоким насилием, и в каких случаях, наоборот, уважение к человеческой личности должно ставить абсолютную преграду его деятельности. Руководясь постоянно стремлением прибегать в своих действиях только к совершенно неизбежному минимуму насилия, он, где возможно, будет предпочитать пути насилия и давления путь свободного убеждения и воспитания, но вместе с тем не продаст судьбе своих великих идеалов за полное спокойствие и незапятнанность своей совести. Есть случаи, когда даже пролитие крови, оставаясь грехом, становится нравственной обязанностью; и есть другие

---

¹⁷⁴ В публикации: неподвижную путеводную звезду.

¹⁷⁵ В публикации: практический.

¹⁷⁶ Далее зачёркнуто: неприкосновенности и.

¹⁷⁷ В публикации более развёрнутое начало предложения: Но постановка этой идеальной конечной цели совершенствования человека и человечества.

¹⁷⁸ Ранний вариант: не признавая принципа.

¹⁷⁹ Ранний вариант: считая себя связанным известными.

¹⁸⁰ Далее зачёркнуто: его жизни. Последующий текст до конца предложения — вставка П. Б. Струве.

¹⁸¹ В публикации далее добавлено: собой.

случаи, когда¹⁸² самый серьезный общественный интерес не может оправдать даже чисто морального неуважения к человеческой личности. Кто ищет точного и незыблемого правила для всех положений и условий жизни, тот будет беспомощно блуждать от одной крайности к другой; здесь может решать лишь живой и несводимый ни к каким формулам дух морали, а не буква принципа. Русская общественно-этическая мысль, вообще¹⁸³ часто предпочитающая догматическую ясность¹⁸⁴ убеждений их многосторонности и жизненности, в этом вопросе как бы замерла между двух крайних точек: на одном полюсе¹⁸⁵ нравственного мира укрепилось толстовство, во имя спокойствия совести осуждающее человека на общественную бездеятельность [34/35] и неотзывчивость к нуждам жизни, тогда как на другом его полюсе зреет нетерпимое и беспринципное якобинство, которое в борьбе за свой идеал не хочет считаться¹⁸⁶ ни с какими моральными правами чужого мнения, чужой веры и свободы, если они стоят поперек его дороги. Но живая нравственная правда так же мало¹⁸⁷ на стороне Толстого, как и на стороне Робеспьера. Нельзя нести в мир добродетель, замыкаясь¹⁸⁸ в моральном самоуслаждении и оградившись китайской стеной от столкновения¹⁸⁹ с «мутным потоком жизненных тревог»; но, быть может, еще меньше можно научить добродетели, рубя головы¹⁹⁰ направо и налево. Толстовство, которое в своем нынешнем догматическом виде есть мертвящий и бесплодный, с точки зрения культурного творчества, аскетизм, могло бы принести обильные и ценные нравственные плоды, если бы в критически очищенной и утонченной форме¹⁹¹ оно было внесено в само культурно-политическое творчество и признано его руководящим моральным принципом. Активность и страстность общественной борьбы должны сочетаться с широчайшей терпимостью, предан-

---

¹⁸² Далее зачёркнуто: даже.

¹⁸³ Далее зачёркнуто: любящая всякого рода крайности.

¹⁸⁴ В публикации: цельность.

¹⁸⁵ Ранний вариант: на одной стороне.

¹⁸⁶ Ранний вариант: презирает и готово растоптать.

¹⁸⁷ В публикации: мала.

¹⁸⁸ Ранний вариант: замкнувшись.

¹⁸⁹ В публикации: столкновений.

¹⁹⁰ Далее зачёркнуто: своим.

¹⁹¹ Ранний вариант: очищенном и утонченном виде.

ность¹⁹² культурно-политическому идеалу и настойчивость в его осуществлении должны органически пропитаться духом уважения к каждой личности. Великое учение Толстого, что идеал достигается не насилием, а проповедью и примером¹⁹³, что победа добра над злом не может совершиться¹⁹⁴ средствами¹⁹⁵ зла, должно быть усвоено не как церковный¹⁹⁶ догмат, ради буквы которого надо отказать [35/36] от всякой связи с жизнью, от всякого вмешательства в ее социальное и моральное неустройство, а как широкое гуманное настроение, голос которого будет звучать нам¹⁹⁷ даже в пылу страстной борьбы и не допустит, чтобы боец превращался в изувера и насильника.

* * *

Итак¹⁹⁸, культура и личность стоят в теснейшей внутренней связи между собой. Личность и одна только личность творит культуру, и в свою очередь задача культуры есть утверждение свободной духовности, воспитание богатой и полной ценного содержания индивидуальности. Принцип личности и принцип культуры, вступая в многообразные и мучительные конфликты, тем не менее по существу вытекают из одного морального источника — уважения к духу и его творчеству — и сплетаются в цельное и внутренне-согласованное культурно-философское мирозерцание, которое можно назвать гуманистическим индивидуализмом.

Нам предстоит¹⁹⁹ теперь развить это мирозерцание в его философских, моральных и политических разветвлениях и показать, какие точки зрения оно дает для решения отдельных культурных и общественных проблем, волнующих современность.²⁰⁰

---

¹⁹² Ранний вариант: настойчивость преданности.

¹⁹³ Ранний вариант: воспитанием.

¹⁹⁴ В публикации: совершаться.

¹⁹⁵ В публикации: силами.

¹⁹⁶ Ранний вариант: исключительный.

¹⁹⁷ Ранний вариант строки плохо читается.

¹⁹⁸ Перед этим зачёркнут незаконченный абзац: Итак, цель культуры есть утверждение свободной духовности, воспитание богатой и полной ценного содержания личности, и задача личности — уверить.

¹⁹⁹ Ранний вариант: Наша задача.

²⁰⁰ Последний абзац в публикации опущен.

БОЙ ПАРОХОДА «ВЕСТА»
(11 ИЮЛЯ 1877 г.) В КОНТЕКСТЕ
ВОЕННО-МОРСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ

В июле 1877 г., через несколько месяцев после начала очередной турецкой войны, произошло событие, мало кого оставившее равнодушным. Речь идет о сенсационном бое между вооруженным пароходом «Веста»¹ (командир — капитан-лейтенант Н. М. Баранов²)

---

¹ Пароход «Веста» построен в 1856 г. в Ньюкасле для нужд английской фирмы. В 1858 году был продан своими прежними хозяевами РОПиТу. В 1865 и 1874 годах проходил ремонт, причем в ходе последнего была заменена паровая машина. В 1877 году, в начале войны, был зачислен в состав Черноморского флота как пароход активной обороны. 11 июля 1877 г. выдержал бой с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». После окончания войны возвращен РОПиТу. 5 ноября 1887 г. погиб от столкновения с пароходом РОПиТ «Синеус». См. Трифионов Ю. Н., Лемачко Б. В. Русское общество пароходства и торговли. 1856–1932 годы (краткий исторический справочник). СПб., 2009. С. 23, 24.

² Баранов Николай Михайлович (1837–1901) — генерал-лейтенант, государственный и военно-морской деятель. Окончил в 1856 году Морской кадетский корпус. В 1860–1870-х гг. — начальник Морского музея. Предложил использовать быстроходные вооруженные коммерческие суда для действий на коммуникациях противника. Участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг.; командуя пароходом «Веста», выдержал бой с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», затем на пароходе «Россия» захватил турецкий транспорт «Мерсина». В 1880 году переведен на полицейскую службу; после убийства императора Александра II в течение шести месяцев занимал пост Петербургского градоначальника. Позднее, в 1882–1897 гг., был Нижегородским губернатором. С 1897 года — сенатор.

и турецким казематным броненосцем «Фетхи-Буленд».³ Согласно мнению некоторых представителей военно-морского сообщества, ему «суждено было решить один из главнейших морских вопросов настоящего времени», и он стал «очевидно доказанной возможностью... борьбы легкого судна... с сильным представителем броненосного типа».⁴

Современники крайне неоднозначно оценивали этот бой. Значительная часть русского общества (включая морских офицеров и близкие к ним общественные слои) видела в нем еще одну победу, добавившуюся в копилку славы русского флота. Достаточно распространенным для этой части общественных кругов было сравнение боя у Кюстенджи⁵ с подвигом брига «Меркурий»⁶. Эта аналогия была важна тем, что подчеркивала историческую преемственность в действиях русского флота. В современной историографии бытует мнение, что сопоставление этих эпизодов является вполне справедливым.⁷

Некоторые представители русского военно-морского сообщества трактовали поединок русского парохода с турецким броненосцем как новое слово в военно-морском деле.

---

³ «Фетхи-Буленд» (Feth-i Bülden), турецкий казематный броненосец (по турецкой классификации — броненосный корвет); построен в Англии на верфи Thames Iron Works в 1867–1870 гг.; силовая установка: 1 паровая машина в 3520 и.л.с.; скорость 13 уз.; вооружение: орудия 4222-мм (по другой версии: 2229-мм и 4178-мм); 31 октября 1913 г. потоплен греческим миноносцем NF 11. См. *Tarac A. E. Энциклопедия броненосцев и линкоров*. Минск; М., 2005. С. 159; *Langensiepen B., Gülerüz A. The Ottoman Steam Navy 1828–1923*. London, 1995. P. 138.

⁴ *Истомин В.* Значение подвига «Весты» // *Русский вестник*. 1877. № 8. С. 888–889.

⁵ Кюстенджи — современное название румынского города Констанца, одного из крупнейших портов на Черном море. Около него и произошел бой «Весты» с «Фетхи-Булендом».

⁶ Дело парохода «Веста» с турецким броненосцем по иностранным описаниям и обсуждениям // *Морской сборник*. 1877. № 9. *Морская хроника*. С. 38; *Степанов В. В.* Капитан-лейтенант Баранов. Очерк, составленный капитаном 2 ранга Вениамином Васильевичем Степановым по материалам, предоставленным семьей Н. М. Баранова. Одесса, 1909. С. 17. В ходе Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. 18-пушечный бриг «Меркурий» выдержал неравный бой с двумя турецкими линейными кораблями (110- и 74-пушечными). Награжден Георгиевским кормовым флагом. Кроме того, до 1917 года в состав Черноморского флота входило три корабля с названием «Память Меркурия»: винтовой корвет и два крейсера 1-го ранга.

⁷ *Гребенщикова Г. А.* Великая освободительная война. Операции на море // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 5. С. 9.

Так, В. Истомин видел в итогах боя «Весты» новое возможное направление русской морской политики: «Не подлежит сомнению, что в недалеком будущем русский крейсерский флот неизмеримо усилит наше военное значение».⁸ По его мнению, немаловажным был и финансовый аспект концепции Н. М. Баранова. В случае ее принятия государство получило бы большие выгоды: «десятки миллионов рублей, ежегодно затрачиваемые на постройку плавучих крепостей, могли бы найти себе другое применение...».⁹ То же отмечалось и А. Хребтовым: «Если бы подобное мнение оказалось справедливым, то тогда, весьма вероятно, перестали бы строить [броненосцы]... и обратились бы к судам не броненосным, что сэкономило бы Государственной казне многие миллионы рублей. Но вопрос этот мог быть решен только войной, только действительным боем легких судов с броненосцем».¹⁰

Примером официальной благосклонной реакции на дело «Весты» может служить рапорт главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала Н. А. Аркаса¹¹, где, в частности, указывалось: «Неприятель, имевший броню, сильную артиллерию и превосходство в ходе, вынужден был постыдно бежать от железного слабого парохода, вооруженного только 6-ти дюймовыми мортирами и 9-ти фунтовыми орудиями, но сильного геройским мужеством командира, офицеров и команды. Ими одержана пол-

---

⁸ Истомин В. Значение подвига «Весты». С. 894.

⁹ Там же. С. 887.

¹⁰ Хребтов А. Бой Весты. Чтение для народа. Читано в С.-Петербурге, в аудитории соляного городка, в Москве, в народных читальнях комиссии по устройству народных чтений. М., 1878. С. 18.

¹¹ Аркас Николай Андреевич (1816–1881) — адмирал; общественный деятель. Поступил волонтером в Черноморский флот в 1829 году; в 1833-м — произведен в офицеры. Во время службы совершил продолжительные плавания по Черному морю и Архипелагу; неоднократно участвовал в делах против горцев. В 1844 году назначен командиром Каспийской флотилии; ввел на Каспии пароходство. Затем — командирован в Англию для наблюдения за постройкой там парохода-фрегата «Владимир»; стал первым его командиром. С 1852 года — флигель-адъютант, переведен на Балтийский флот. В 1856 году стал одним из учредителей РОПиТ и впоследствии его директором. В 1857 году получил под командование Гвардейский экипаж. С 1871 — вице-адмирал; командир Николаевского порта и военный губернатор города Николаева. Затем — главный командир Черноморского флота и портов Черного моря. Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. лично руководил подготовкой мобилизованных пароходов РОПиТ и шхун для боевых действий; организовал испытания мин заграждения. В 1881 году был уволен по болезни.

ная победа, и морская история должна будет внести в свои страницы этот блистательный подвиг ...».¹²

В свою очередь, профессор Николаевской морской академии Е. И. Аренс¹³, высоко оценивая значения этого боя, отмечал его большую нравственную роль.¹⁴ Эта оценка, безусловно, подтверждается тем фактом, что описание боя «Весты» открыло популярную серию «Действия русских моряков на Черном море в настоящую войну с турками (Труды комиссии педагогического музея по составлению чтений для войск и народа)». Составлявшие ее брошюры, издававшиеся по горячим следам, еще до окончания боевых действий, были предназначены для широких слоев населения.

С другой стороны, некоторые представители военно-морских кругов были недовольны ажиотажем, созданным вокруг командира «Весты», и считали, что его подвиги были искусственно раздуты. Именно обвинение в приукрашивании результатов боя стало одним из главных упреков Н. М. Баранову.¹⁵ Как пример такой точки зрения можно привести мнение адмирала И. А. Шестакова.¹⁶

---

¹² Рапорт Главного командира Черноморского флота и портов Управляющему Морским министерством от 14 июля [1877 г.] // Морской сборник. 1877. № 9. Морская хроника. С. 25, 26.

¹³ *Аренс Евгений Иванович* (1856–1931) — генерал флота (1915), ординарный профессор Николаевской морской академии (1910); русский военно-морской историк. Окончил Морской кадетский корпус. Гардемарином принимал участие в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг.; награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (23 июня 1877 г.). В 1882–1883 гг. командовал миноносной «Дельфин»; в 1884–1885 гг. — минный офицер клипера «Стрелок». Окончил Николаевскую морскую академию (1896). Читал в академии курс лекций по истории русского флота. В отставке с 1916 года. Автор многих трудов по военно-морской истории, а также воспоминаний о службе на Дунае в 1877–1878 гг., о кругосветном плавании на клипере «Стрелок».

¹⁴ *Аренс Е. И.* Роль флота в войну 1877–1878 гг. СПб., 1903. С. 87.

¹⁵ См. напр.: *Мецкерский В. П.* Воспоминания. М., 2003. С. 624.

¹⁶ *Шестаков Иван Алексеевич* (1820–1888) — адмирал (1888), русский военно-морской и политический деятель. В 1830 году поступил в Морской кадетский корпус, в 1836 году отчислен из-за конфликта с преподавателем. Благодаря протекции друга отца, вице-адмирала М. П. Лазарева, вышел в офицеры флота. В 1837–1843 гг. служил на Черном и Средиземном морях; принимал участие в исправлении гидрографического описания Черноморского побережья. Адъютант вице-адмирала М. П. Лазарева (1843–1845). Командир тендера «Скорый» (1847–1850), затем — винтовой шхуны «Аргонавт» (1851). Командирован в 1852 году в Англию для наблюдения за постройкой винтовых корветов. Во время Крымской войны служил на Балтике. В 1856 году командирован в США для постройки деревянного фрегата «Генерал-Адми-

Он указывал, что именно бой «Весты», «удачно размалеванный в рапорте, доставил ему славу и почести...».¹⁷ Отметим, что подобный отзыв адмирала мог быть мотивирован тем, что будущий морской министр и Н. М. Баранов, по некоторым свидетельствам, находились во взаимной неприязни.¹⁸

Однако эту позицию поддерживали и другие морские офицеры, в том числе лейтенант С. О. Макаров¹⁹, посетивший паролот сразу же после боя и опросивший команду. Он отмечал, что это дело «не может выдержать даже слабой критики», и из него «можно научиться только тому, что важно не сделать, а суметь рассказать».²⁰

Подобное расхождение во мнениях настолько накалило атмосферу, что вскоре после подписания мира с турками было начато судебное разбирательство, посвященное деятельности Н. М. Баранова во время минувшей войны, особенно — бою при Кюстенджи, завершившееся вынужденной отставкой Н. М. Баранова из флота. По иронии судьбы, одним из инициаторов пересмотра результатов боя стал один из его участников, лейтенант З. П. Рожественский, что еще более усугубляло ситуацию.²¹ Как отмечал впоследствии князь В. П. Мещерский, известный русский общественный деятель

рал». В 1859–1860, 1862 гг. — член Морского ученого и Кораблестроительного советов. В 1860–1861 гг. — командующий Средиземноморской эскадрой. С 1864 года — на гражданской службе: таганрогский градоначальник (1866–1868), виленский губернатор (1868–1869). С 1873 по 1881 год — военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии. В 1881 году — председатель Кораблестроительного отдела Морского технического комитета. С 1882 года — Управляющий Морским министерством.

¹⁷ Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. СПб., 2006. С. 627.

¹⁸ «Увидя бегство броненосца...» / Вст. ст. и комм. Р. В. Кондратенко // Гангут. Вып. 41. СПб., 2007. С. 4.

¹⁹ Макаров Степан Осипович (1848–1904) — вице-адмирал (1896), русский военно-морской теоретик, гидрограф. В 1845 году окончил Мореходное училище в Николаевске-на-Амуре. Участник Русско-Турецкой 1877–1878 гг. и Русско-Японской войн. Принимал участие в Ахал-текинской экспедиции 1881 года. Разработал теорию непотопляемости, внес много новаций в использовании минного оружия; командуя корветом «Витязь», совершил кругосветное плавание (1886–1889 гг.), в ходе которого произвел океанографические исследования. Автор многих трудов по кораблестроению, тактике, океанографии.

²⁰ Цит. по: «Увидя бегство броненосца...» С. 7.

²¹ Мещерский В. П. Воспоминания... С. 618. Лейтенант З. П. Рожественский в ходе боя заменил убитого артиллериста и способствовал нанесению турец-

второй половины XIX века, «шум из-за этого дела был поднят большой, и моряки разделились на две партии: барановцев и рождественцев, хотя большинство ставило в вину Рождественскому самый факт создания... скандала во флоте и обвинения, недостаточно доказанного, взводимого на товарища по службе».²²

Одним из обвинений, выдвинутых против Н. М. Баранова, был упрек в трусости. Адмирал А. А. Попов впоследствии писал великому князю Константину Николаевичу: «Баранов, на «Весте», весьма натурально бежал от сильного неприятеля, а в понятиях народа оказался героем, победителем броненосца...».²³

Положение Н. М. Баранова усугублялось антипатией, которую, по свидетельствам современников, испытывал к нему великий князь Константин Николаевич из-за его критической оценки проводимой в то время морской политики.²⁴ Их взаимоотношения были настолько сложными, что даже дали основание для возникновения версии о том, что генерал-адмирал, соглашаясь на вооружение «Весты» приборами Давыдова²⁵, «ожидая провала капитан-лейтенанта [Н. М. Баранова] и дискредитации его идей о пользе крейсеров и бесполезности броненосцев».²⁶

Чтобы разобраться в значении боя при Кюстенджи, необходимо более подробно остановиться на его предыстории, а также на некоторых современных ему тенденциях развития военно-морского дела.

кому броненосцу повреждений, заставивших его выйти из боя. Был послан Н. М. Барановым в Санкт-Петербург с рапортом.

²² Мещерский В. П. Воспоминания... С. 618.

²³ Цит. по: «Увидя бегство броненосца...» С. 11, 12.

²⁴ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 148; Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни... С. 680; Кондратенко Р. В. Кораблестроительные программы Российского флота в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. // Гангут. Вып. 51. СПб., 2009. С. 9.

²⁵ Прибор Давыдова — один из первых аппаратов для управления стрельбой. Описание его см.: Голицын-Головкин. Приемы при автоматической стрельбе посредством приборов системы Давыдова // Морской сборник. 1878. № 9. С. 145–158. Давыдов Алексей Петрович (1826–1904) — поручик по артиллерии (1857), изобретатель. В 1847 году окончил Московский университет; поступил на службу на Балтийский флот. В 1854 году разработал образец ударно-механической мины, успешно прошедшей испытания. С 1857 года — в отставке, продолжает свои опыты с минным оружием; с 1869 по 1877 гг. работает над системой наведения артиллерийских орудий.

²⁶ Кондратенко Р. В. О вооружении парохода «Веста» // Гангут. Вып. 100. СПб., 2017. С. 101.

Прежде всего, следует отметить, что поединок «Весты» и «Фетхи-Буленда» не являлся по своей сути случайным, частным столкновением, или экспромтом военного времени, как его характеризует, например, граф Н. П. Игнатъев.²⁷ Напротив, он стал логическим завершением разработки концепции боя небронированного корабля с броненосцем. Соответственно, это был «не подвиг безумной храбрости, а давно задуманное дело, к исполнению которого ему представлены были морским министерством все возможные по обстоятельствам средства».²⁸ Один из современников описываемых событий, А. Хребтов, прямо указывал на подобную мотивацию Н. М. Баранова: чтобы доказать возможность неброненосного судна противостоять броненосцу, он и «желал получить в свое командование легкое судно и иметь случай вступить в бой с броненосцем».²⁹

Еще в марте 1877 года капитан-лейтенант Н. М. Баранов в одном из номеров газеты «Голос» опубликовал программную статью.³⁰ Основным ее тезисом являлся вывод «о неправильности господствующей в нашем флоте системы».³¹ При сравнении возможностей России с прочими европейскими странами, одним из главных преимуществ первой являлось, по мнению Н. М. Баранова, почти полное отсутствие русской морской торговли.³² Тем самым отпадала необходимость ее защиты. С другой стороны, «ахилессовой пятой наших морских противников» являлись колонии, большая населенность берегов и широко развитая морская торговля, и «не воспользоваться уязвимостью их было бы более чем преступлением». В подобной ситуации он считал наиболее дешевой и действенной мерой воздействия «флот из хороших крейсеров».³³

---

²⁷ *Игнатъев Н. П.* Походные письма 1877 года. Письма Е. А. Игнатъевой с балканского театра военных действий М., 1999. С. 124, 125.

²⁸ *Истомин В.* Значение подвига «Весты» ... С. 889.

²⁹ *Хребтов А.* Бой «Весты» ... С. 19.

³⁰ Голос. 1877. 2 (14) марта.

³¹ *Истомин В.* Значение подвига «Весты» ... С. 886.

³² Интересно отметить, что аналогичные мысли высказывались некоторыми представителями русских военно-морских кругов уже с самого начала паровой и броненосной эры в начале 1860-х гг.

³³ Записка Н. Баранова по вопросу о строительстве броненосцев для русского флота // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 425. Л. 12 об., 13–13 об.

Данная статья вызвала бурную реакцию в русских военно-морских кругах: Н. М. Баранов получил массу писем и телеграмм от морских офицеров.³⁴ Так, один из современников констатировал, что она, при всей смелости своих выводов, «приходит к прямому и осозаемому выводу по отношению к главному предмету и потому составляет ступень в развитии вопроса о типе военных судов отечественного флота».³⁵

Существуют косвенные свидетельства того, что проект Н. М. Баранова обратил на себя внимание самых высоких сфер. Так, например, в фонде императора Александра III нами была обнаружена рукописная копия этой статьи.³⁶ Кроме того, в фонде «Коллекция рукописей Царскосельского дворца» выявлена газетная вырезка с текстом статьи, сопровождающаяся кратким пересказом взглядов Н. М. Баранова на развитие военно-морской доктрины, адресованная императору Николаю II³⁷.

Необходимо отметить, что в личном фонде императора Александра III сохранилась записка неустановленного лица, датированная 20 мая 1877 г.³⁸ В ней доказывается, что прибор, сконструированный поручиком в отставке А. П. Давыдовым, можно приспособить для стрельбы из нарезных мортир, которые, благодаря их малому весу, могут быть установлены на быстроходные небольшие яхты и коммерческие суда. При использовании этого устройства у них появляется возможность уничтожить любой броненосец, так как для этого достаточно «одного навесно попавшего снаряда...».³⁹ Автор записки предлагает использовать в качестве «крейсера-бомбардира» императорскую яхту «Ливадия», вооружив ее четырьмя нарезными мортирами. Если боевой опыт окажется положительным, то «целым рядом блестящих крей-

³⁴ Истомин В. Значение подвига «Весты» ... С. 887.

³⁵ -ай-ъ. Какой нужен России флот? // Сборник морских статей и рассказов. Ежемесячное прибавление морской газеты «Яхта». 1877. № 5. С. 210.

³⁶ Записка Н. Баранова по вопросу о строительстве броненосцев для русского флота // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 425. Л. 1–17.

³⁷ Всеподданнейшая записка верноподданного Н. Баранова // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 77. Л. 25–28 об.

³⁸ Записка неустановленного лица о возможности вооружить яхту «Ливадия» и использовать ее в войне против Турции. 20 мая 1877 года // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 366. Л. 1–3 об.

³⁹ Записка неустановленного лица о возможности вооружить яхту «Ливадия» ... Л. 1об.

серств яхта сможет уничтожить турецкие броненосцы, распоряжающиеся теперь на Черном море». Успех эксперимента окажет влияние не только на ход текущей войны, но и будет полезен в будущем, поскольку «сила броненосных флотов сделается анахронизмом, и Русскому Правительству более не пришлось бы нести громадных затрат на создание броненосцев...».⁴⁰

Вопрос об авторстве записки о яхте «Ливадия» остается спорным. Она была написана в период между публикацией статьи Н. М. Баранова в «Голосе» и реализацией его идей в ходе боя у Кюстенджи. Учитывая, что на яхте, как и на «Весте», предполагалось установить приборы А. П. Давыдова, возникает вопрос, не является ли сам Н. М. Баранов автором предложения по вооружению «Ливадии»? Нам это представляется вполне возможным, особенно если учитывать, что он смог приобрести доверие великого князя Александра Александровича.⁴¹ Это предположение кажется тем более реальным, что в личном фонде императора Александра III находится ряд записок Н. М. Баранова по разным вопросам.

Как показывает изучение исторических свидетельств, идея о вооружении коммерческих пароходов и установке на них приборов управления стрельбой являлась достаточно распространенной в конце 1870-х гг. Весьма трудно определить, кому принадлежит приоритет в разработке этой концепции. Так, одно из наиболее ранних предложений в этом ряду принадлежит директору РОПиТа⁴² контр-адмиралу Н. М. Чихачеву.⁴³ В записке от 11 дека-

---

⁴⁰ Там же. Л. 1об — 3.

⁴¹ *Мецкерский В. П.* Воспоминания... С. 595.

⁴² Российское Общество Пароходства и Торговли (РОПиТ) — русская судоходная компания, основанная на Черном море в 1856 году. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. безвозмездно предоставила часть своих судов Морскому министерству.

⁴³ *Чихачев Николай Матвеевич* (1830–1917) — адмирал (1892), русский военно-морской деятель. Окончил Морской корпус в 1848 году. В 1848–1850 гг. служит на Балтийском море на ряде кораблей русского флота (линейном корабле «Лефорт», фрегате «Церера», винтовом фрегате «Архимед»). С 1850 по 1858 г. — на Дальнем Востоке; участник Амурской экспедиции Г. И. Невельского. В 1860–1862 гг. — командир фрегата «Светлана». В 1862–1876 гг. — директор-распорядитель РОПиТ. Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник морской обороны Одессы. С 1884 года — начальник ГМШ. В 1888–1896 гг. — Управляющий Морским министерством. С 1896 года — член Государственного Совета.

бря 1876 г. он указывал, что «палуба броненосца уязвима навесному огню мортир с расстояния 20–25 кб, тогда как ответный огонь самого броненосца на такой дистанции неэффективен». Имея преимущества в скорости, крейсер с такого расстояния мог бы обстрелять броненосец, нанести ему повреждения, а затем — сблизиться на дистанцию минной атаки. Кроме того, он предлагал установить на вооруженный пароход новейший на тот момент прибор управления стрельбой, разработанный А. П. Давыдовым⁴⁴. По другим данным, инициатива в использовании новейшей аппаратуры для оборудования вооруженных коммерческих пароходов могла исходить с самого верха, от управляющего Морским министерством вице-адмирала С. С. Лесовского.⁴⁵

Только после начала боевых действий у Н. М. Баранова и его сторонников появилась возможность подтвердить делом свои теоретические выкладки. С началом войны он, «убежденный в правоте своего взгляда, хорошо знакомый с новейшими изобретениями, ... счел настоящий момент единственным удобным для убеждения неверующих, сознавая, что только дело могло придать значение его ... словам», и добился, чтобы ему разрешили взять под свое командование один из пароходов РОПиТа — «Весту», товаро-пассажирский пароход, «не отличавшийся особенно быстрым ходом, разумеется, вовсе не приспособленный к морскому бою и таким образом почти не отвечавший главнейшим условиям всякого крейсера».⁴⁶ Тем не менее, он получил вооружение, в том числе шестидюймовые нарезные мортиры. Кроме всего прочего, он был оборудован устройствами для автоматической стрельбы А. П. Давыдова. Необходимо отметить, что на момент начала войны с турками этот прибор еще не состоял на вооружении нашего флота.⁴⁷ Более того, как отмечал один из современников, «опытов с ним вообще делано было немного», поэтому «на пароходе, когда он вышел в море, занялись сначала стрельбой из орудий, при помощи сказанного прибора, в мишени».⁴⁸

---

⁴⁴ См.: «Увидя бегство броненосца...» С. 4.

⁴⁵ Гребенникова Г. А. Великая освободительная война. Операции на море ... С. 5.

⁴⁶ Истомин В. Значение подвига «Весты» ... С. 888.

⁴⁷ Гребенникова Г. А. Великая освободительная война. Операции на море ... С. 5

⁴⁸ Хребтов А. Бой «Весты» ... С. 21

В связи с тем что замысел командира парохода был очень опасным, в его команду вошли только добровольцы.⁴⁹ В их число попали и матросы яхты великого князя Александра Александровича «Царевна».⁵⁰

Учитывая нестандартность тактической концепции, предложенной Н. М. Барановым и его сторонниками, не удивительно, что она вызвала разнообразные, в том числе скептические оценки. В частности, в статье под названием «Разоблачения военно-морских подвигов», опубликованной в газете «Неделя», указывалось, что бой парохода «Веста» с турецким броненосцем, несомненно, «один из выдающихся эпизодов только что закончившейся войны», оказавший огромное воздействие на общество. Именно под чрезмерным впечатлением от этого события в «нашей печати появились было даже скороспелые суждения о возможности успешной борьбы деревянных судов с броненосцем: чего лучше, когда деревянное судно не только спаслось от броненосца, но и обратило его в бегство? Правда, многие по поводу этой самой истории сомнительно покачивали головой, но до настоящего времени дело оставалось не разъясненным окончательно».⁵¹

Как нам кажется, эта заметка представляет собой в сконцентрированном виде все претензии, предъявленные Н. М. Баранову его противниками из среды военно-морской общественности. Сразу отметим, что некоторые суждения корреспондента «Недели», мягко говоря, являются неточными: например, «Веста» имела не деревянный, как утверждает автор статьи, а железный корпус.

С другой стороны, скепсис автора заметки, как и всех тех, чье мнение он разделяет, вполне справедлив. Действительно, трудно поверить в реальность того, что вооруженный коммерческий пароход может справиться с боевым кораблем специальной постройки. Как правило, результат являлся предсказуемым.⁵² Исклю-

---

⁴⁹ *Истомин В.* Значение подвига «Весты» ... С. 888.

⁵⁰ Очерк боцмана Шахова «Краткий обзор плаваний яхты «Царевна» за 25 лет. 1874–1899» // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 123. Л. 2об.

⁵¹ Разоблачения военно-морских подвигов // Неделя. 1878. № 31, 30 июля. Внутренняя хроника. С. 998.

⁵² Достаточно вспомнить судьбу многих германских вспомогательных крейсеров в обеих мировых войнах, погибших в безнадежных боях с боевыми кораблями британцев.

чения, если и встречались, были редки и объяснялись большим количеством случайностей.⁵³

Между тем, в деле «Весты» все не так однозначно. Мы уже писали выше, что этот бой явился следствием вполне продуманной теории, которая в то время и при том уровне развития вооружения имела все шансы на успех. Краеугольным ее камнем являлась «установка на пароходы мортир и приборов для ведения сосредоточенного автоматического огня», что, по словам советского военно-морского историка Н. В. Травина, было попыткой выйти за рамки пассивной обороны и начать активные действия против более сильного турецкого флота.⁵⁴ Рассмотрим каждую из этих составляющих.⁵⁵

Одним из главных аспектов концепции применения быстроходных безбронных судов против броненосцев было использование мортир. Это не было новостью: подобные идеи появились практически одновременно с зарождением броненосных кораблей. Крымская война показала опасность навесного огня, и уже в годы Гражданской войны в США для защиты уязвимых палуб использовались рангоут и такелаж, рельсы и другие железные изделия, тюки из шерсти, хлопка и прочие импровизированные прикрытие.⁵⁶

Обоснованием угрозы навесного огня служило то, что по мере развития кораблестроения происходило постепенное уменьшение высоты надводного борта у броненосцев. Следует отметить, что уже в 1860–1870-х гг. считалось, что корабль, имеющий низкий надводный борт, «обладал повышенным риском получения навесных попаданий».⁵⁷ Другим доводом в пользу мортир должны были стать: легкость их установки, небольшой вес, полное прикрытие прислуги при «относительно большом угле обстрела»,

---

⁵³ Например, бой немецкого вспомогательного крейсера «Корморан» и австралийского легкого крейсера «Сидней» (19 ноября 1941 г.), закончившийся гибелью обоих кораблей.

⁵⁴ *Травин Н. В. Боевые действия русского флота в войне 1877–1878 гг.* Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1954. С. 10.

⁵⁵ Подробности перипетий вооружения «Весты» смотри в статье: *Кондратенко Р. В. О вооружении парохода «Веста»* // Гангут. Вып. 100. СПб., 2017. С. 98–107.

⁵⁶ *Михайлов.* Значение нарезных мортир при обороне берегов против броненосного флота // Военный сборник. 1879. № 1. С. 247.

⁵⁷ *Целиков Е. Броненосный таран «Аффондаторе»* // Морская Кампания. 2018. № 3 (79). С. 13.

«удобоподвижность и независимость мортир от места их установки».⁵⁸ На наш взгляд, именно последние особенности обратили на себя внимание Н. М. Баранова.

Как показывал боевой опыт, аргументы в пользу установки мортир имели под собой определенные основания. Вот несколько примеров. В феврале 1864 года во время австро-пруско-датской войны⁵⁹ датский монитор «Рольф Краке»⁶⁰ спокойно выдерживал огонь 24-фунтовых нарезных прусских пушек, «снаряды которых оставляли на бортах его лишь незначительные углубления».⁶¹ По некоторым данным, в него было достигнуто около сотни попаданий с дистанции порядка 1 300–1 550 метров.⁶² Однако, когда пруссаки стали действовать теми же орудиями по палубе броненосца, последний был вынужден ретироваться вследствие того, что одна из бомб пробила палубу и вызвала потери среди экипажа корабля.⁶³ Более того, по мнению одного из представителей военно-морских кругов, капитана Михайлова, именно этот инцидент «указал на действительность навесного огня и привел к введению мортир в вооружение береговой артиллерии».⁶⁴

С другой стороны, существует иная точка зрения на результаты поединка «Рольф Краке» с прусскими батареями. Согласно официальной датской версии, «несмотря на то, что на этот раз вражеская артиллерия вела огонь с большой точностью, и на “Rolf Krake”, получившем почти 100 попаданий, один офицер и два матроса получили ранения, корабль получил лишь мелкие повреждения корпуса и такелажа. Когда в 10:45 броненосная батарея подняла якорь и, выйдя из фьорда, пошла на рейд Зондерборг, куда

---

⁵⁸ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 250.

⁵⁹ Конфликт между Австрией и Пруссией — с одной стороны, и Данией — с другой, за обладание герцогствами Шлезвиг и Гольштейн. Считается первой войной за объединение Германии вокруг Пруссии.

⁶⁰ «Рольф Краке» — первый европейский башенный броненосец. Построен в Англии в 1863–1864 гг. по проекту капитана К. Кольза. Подробнее о нем см.: Тарас А. Е. Энциклопедия броненосцев и линкоров... С. 161, 162.

⁶¹ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 249.

⁶² Действия флота против берега в ходе Датской войны. От объявления войны до начала боев на Дюпелельских позициях / Перевод А. Черкасова // Морская война: люди, корабли, события. 2011 № 5. С. 20, 21; Тарас А. Е. Энциклопедия броненосцев и линкоров... С. 162.

⁶³ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 249.

⁶⁴ Там же.

прибыла в полдень, башни, артиллерия и машины были исправны и готовы к бою». ⁶⁵ Однако следует отметить, что в перечне повреждений монитора, приложенного к рапорту его командира, орлог-капитана Роте, все же имеется указание на то, что «палуба в нескольких местах пробита». ⁶⁶ Тем самым, как нам представляется, обе версии интерпретации событий не противоречат друг другу: хотя броненосец вышел из боя по инициативе его командира, но огонь прусских батарей, в том числе по палубе, мог явиться косвенной причиной его ухода.

Другим примером может стать гибель турецкого монитора «Лютфи-Джелиль» ⁶⁷ в 1877 году на Дунае под Браиловом от удачного попадания 6-дюймовой мортирной бомбы. ⁶⁸ Следует отметить, что именно указанный эпизод получил широкую огласку. Согласно информации Д. А. Скалона, адъютанта великого князя Николая Николаевича, в Ставке Верховного Главнокомандования встретили эту новость с большой радостью: «Это было первое имеющее для нас крупное значение известие и понятно, почему: эти броненосцы держали нас под шахом, теперь полагаю, мы их будем держать под оным». ⁶⁹

В современной историографии существует версия, что гибель этого турецкого броненосца оказала определенное влияние на развитие военно-морской мысли: «Легкость, с которой он отправился на дно, продемонстрировала беззащитность кораблей того времени против навесного огня и позволила сделать вывод о необходимости внедрения горизонтальной защиты — броневой палубы». ⁷⁰

---

⁶⁵ Действия флота против берега в ходе Датской войны... С. 20.

⁶⁶ Там же. С. 21.

⁶⁷ «Лютфи-Джелиль» (Lütf-ü Celil), турецкий башенный монитор, строился в 1867–1868 гг. на верфи SA des Chantiers et Ateliers de la Gironde (Франция, Бордо) по заказу Египта, но был перекуплен Турцией; в 1870 году вошел в состав турецкого флота: силовая установка — 1 паровая машина в 2 000 и. л. с.; скорость 12 (в 1877 году — 10) узлов; вооружение (на 1875 год): орудия 2 225-мм, 2 178-мм и 1 120-мм; 10 мая 1877 г. взорвался и затонул вследствие попадания снаряда русского полевого орудия (по другим данным — полевой мортиры) под Браиловом на Дунае. См.: Тарас А. Е. Энциклопедия броненосцев и линкоров. С. 158, 159; Langensiepen B., Güleryüz A. The Ottoman Steam Navy 1828–1923. P. 137.

⁶⁸ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 253.

⁶⁹ Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. В 2-х т. СПб., 1913. Т. 1. С. 72.

⁷⁰ Тарас А. Е. Энциклопедия броненосцев и линкоров. С. 159.

Представляется интересным, что эта проблема оставалась актуальной в течение достаточно продолжительного времени. Например, в начале XX столетия указывалось на то, что «навесной огонь, как известно, наиболее опасен для флота, ибо броневые палубы кораблей не достигают толщины бортовой брони...».⁷¹ Более того, уже после завершения Первой мировой войны некоторые представители военно-морского профессионального сообщества сетовали, что броневые палубы «не могут вполне предохранить корабль ни от навесного огня тяжелых орудий, ни от современных аэробомб».⁷²

Вернемся в 70-е годы XIX века. Справедливости ради следует отметить, что тогда среди флотской общественности существовали и противники использования мортир против броненосцев. По словам полковника Генерального штаба В. А. Мошнина, главным фактором, приведшим к отказу флота от этого вида артиллерии, являлась низкая меткость мортир.⁷³ Не менее важной причиной этого отношения являлась сложность расчетов при наводке по сравнению с пушками.⁷⁴ Дополнительной иллюстрацией этого служат и сомнения в оценке обстоятельств гибели «Лютфи Джелиля». Так, генерал от инфантерии П. Д. Зотов считал потопление турецкого броненосца «не особым подвигом, а счастливой случайностью».⁷⁵ Аналогичное мнение (по словам английского морского историка рубежа XIX–XX вв. Х. Вильсона) имели и сами турки, считавшие гибель этого корабля несчастным случаем.⁷⁶

Однако все эти недостатки мортир возможно было исправить. Капитан Михайлов был убежден, что опыты в Ольмюце, Николаеве и особенно в Кронштадте помогли справиться с проблемой неточности огня. Благодаря усовершенствованию мортир была достигнута возможность быстрой ее вертикальной наводки. Кроме

---

⁷¹ Бубнов А. Д. Записки по морской тактике. Боевая деятельность флота. СПб., 1907. С. 148.

⁷² Лобач-Жученко Б. М. Военно-морской флот. М., 1927. С. 26, 27.

⁷³ Мошнин В. А. Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. Опыт исследования Генерального штаба полковника В. А. Мошнина. СПб., 1901. С. 100, 339.

⁷⁴ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 247, 248.

⁷⁵ Зотов П. Д. Война за независимость славян в 1877–1878 гг. Посмертные записки генерала от инфантерии П. Д. Зотова // Русская старина. 1886. № 1. С. 220.

⁷⁶ Вильсон Х. Броненосцы в бою. 1855–1895. М., 2003. С. 320.

того, новый прицел сильно упростил наводку и позволил наводить мортиру, как обычную пушку.⁷⁷ Не следует забывать и о появлении примерно в это же время первых средств наведения артиллерийских орудий — приборов Давыдова. Отметим, что не случайно автор записки о вооружении «Ливадии» помимо установки мортир настаивал на необходимости оборудования ее еще и этими устройствами. Насколько серьезно оценивалось современниками появление этих аппаратов, видно из письма графа И. И. Воронцова-Дашкова, от 21 мая 1876 г., адресованного великому князю Александру Александровичу: «Я верю, что прибор Давыдова сделает переворот во всех Европейских флотах и что благодаря ему Черное море через 2–3 месяца будет Русским».⁷⁸

Помимо внедрения новых технических средств планировалось бороться с низкой меткостью мортир простым увеличением их количества и через это — числом выстреливаемых снарядов.⁷⁹

Вернемся к «Весте» и ее бою. Любопытно, что среди военно-морской общественности существовало мнение, что этот пароход активной обороны «обязан своим успехом той же мортире, которая одним попавшим снарядом на палубу остановила наступление громадного турецкого броненосца, вполне могшего задавить своим тараном маленькую «Весту»». Более того, снаряд с «Весты» пробил палубу турецкого броненосца и, проникнув в кубрик, разорвавшись там, произвел пожар».⁸⁰ Интересно отметить, что эта точка зрения совпадает с официальной опубликованной версией: «Во время боя «Веста» сильно пострадала; но от удачных выстрелов из мортир неприятельский броненосец бежал из боя, а «Веста» возвратилась в Севастополь, куда и прибыла на рассвете 12 июля».⁸¹

Выше было отмечено, что одним из обвинений, предъявленных капитан-лейтенанту Н. М. Баранову, была трусость: он просто сбежал от врага, а затем «придумал» свою победу. Однако, при

⁷⁷ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 250, 251.

⁷⁸ Переписка И. И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // Исмаил-Заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М., 2005. Приложение 2. С. 206.

⁷⁹ Мошин В. А. Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. С. 339.

⁸⁰ Михайлов. Значение нарезных мортир при обороне берегов... С. 253.

⁸¹ Перечень действий по обороне Черноморского побережья с 1 по 15 июля // Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 17. Оборона Черноморского побережья. СПб., 1899. С. 137.

знакомстве с обстоятельствами боя, выясняется, что командир «Весты» согласно полученной им инструкции, был обязан при встрече с турецким броненосцем сразу отходить в сторону своей базы, ведя ретирадный огонь.⁸² Примером того, как реализовалась на практике эта инструкция, может служить эпизод с яхтой «Ливадия». Она, совершая крейсерство, встретила турецкую корабельную группу в составе двух броненосных фрегатов. Командир яхты, капитан 1-го ранга А. Е. Кроун⁸³, незамедлительно повернул в сторону Севастополя и преследовался турками, пока они не были отогнаны огнем наших береговых батарей.⁸⁴

С другой стороны, как нам представляется, степень соответствия действий командира корабля официальным указаниям зависела от его личных качеств и инициативы, поскольку не все можно было предусмотреть. Так, М. А. Бирилев указывал, что трудно составить для каждого крейсера отдельную подробную инструкцию, поэтому командиру крейсера должна быть предоставлена свобода распоряжаться кораблем и его средствами.⁸⁵ Возможно, сложность составления всеобъемлющей инструкции для командиров кораблей крейсерского класса привела к тому, что подобные документы долгое время не разрабатывались, о чем писал в конце XIX века вице-адмирал Кавелье-де-Кювервиль.⁸⁶

---

⁸² «Увидя бегство броненосца...» С. 9.

⁸³ Кроун Александр Егорович (1823–1900) — контр-адмирал (1888). Закончил Александровский кадетский (1835), затем — Морской кадетский корпус (1841). С 1856 года — офицер особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири генерал-лейтенанте Н. Н. Муравьеве; с 1858 года — дежурный штаб-офицер морского управления при штабе генерал-губернатора Восточной Сибири. В 1860 году, командуя мореходной канонерской лодкой «Морж», совершил переход из Англии во Владивосток. С 1862 года — морской агент в США, с 1864 года — в Англии. В 1870 году назначен главным командиром портов Восточного океана и военным губернатором Приморской области. В 1877 году — командир императорской яхты «Ливадия». Участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. В 1884–1885 гг. командовал отрядом судов на Тихом океане.

⁸⁴ Об этом эпизоде см.: Донесение Гобарта-паши о погоне за «Ливадией» // Морской сборник. 1878. № 9. Морская Хроника. С. 27–31; Извлечение из рапорта Главному командиру Черноморского флота и портов, командира императорской яхты «Ливадия», флигель-адъютанта капитана 1 ранга А. Е. Кроуна // Морской сборник. 1877. № 9. Морская хроника. С. 21–27.

⁸⁵ Бирилев М. А. Крейсер в военное и мирное время. Николаев, 1883. С. 27.

⁸⁶ Кавелье-де-Кювервиль. Положение вопроса о крейсерах // Морской сборник. 1893. № 6. С. 103.

Критика действий Н. М. Баранова в бою с турецким броненосцем могла иметь доктринальный характер. В военно-морском сообществе того времени существовала точка зрения, согласно которой командир крейсера не имеет права отвлекаться от своей основной задачи, состоящей в нарушении коммуникаций противника. По словам М. А. Бирилева, командир крейсера, ввязавшийся в бой, *«безусловно, виноват, даже если б ему посчастливилось одолеть военное боевое судно»*. Более того, *«он, невзирая ни на какие благоприятные шансы, должен уклоняться от такого боя»*.⁸⁷ Нам представляется интересным тот факт, что эти рекомендации командиру корабля крейсерского класса повторяют уже упомянутую нами официальную инструкцию.

В свою очередь, идея ведения боя вооруженными коммерческими пароходами, лишенными брони, с неприятельскими броненосными кораблями *«считалась невозможной, так как они по сравнению с броненосцами очень слабы и выдержать бой с ними не могут»*. Причинами этого являлось то, что, во-первых, *«военные суда ... гораздо больше»* и, во-вторых, *«что всего важнее, строятся совершенно иначе, чем суда, предназначенные для торговых целей»*.⁸⁸ Более того, было ясно, что *«с подобными кораблями вступать в бой торговым судам, сделанным из дерева или очень тонкого железа, не имеющим ни башен, ни больших пушек, ни железных толстых палуб, ни тарана — очень опасно»*.⁸⁹ Любой боевой корабль *«без всякого для себя страха и риска может вступать в бой с каким бы то ни было пароходом, и раздавит его как скорлупу; пустит ко дну одним удачным выстрелом, и притом на таком расстоянии, на котором ядра с парохода не будут даже вовсе долетать до него; да если бы и долетали, то большого вреда броне его сделать не могут. Разве произойдет особенно какой-нибудь счастливый случай, когда бомба попадет, например, в машину, которая двигает судно, или в тонкую, пробиваемую крышу башни броненосца, и там разорвется. Но на такие случайности рассчитывать трудно»*.⁹⁰

Среди критических высказываний в адрес капитан-лейтенанта Н. М. Баранова, как нами было отмечено выше, одним из наиболее

---

⁸⁷ Бирилев М. А. Крейсер в военное и мирное время... С. 8. Курсив в тексте — М. А. Бирилева.

⁸⁸ Хребтов А. Бой «Весты»... С. 14.

⁸⁹ Там же. С. 16.

⁹⁰ Там же.

частых был упрек в искажении в своем рапорте обстоятельств боя при Кюстенджи. Однако следует отметить, что внезапный выход из боя более сильного противника трудно назвать иначе, чем бегство.⁹¹

На подобной точке зрения было основано скептическое мнение адмирала С. О. Макарова. Он в беседе с Н. М. Барановым признавал, что «броненосец мог отступить благодаря их огню, но что он не утопил их единственно [по причине] скверной стрельбы и счастьем».⁹²

В свою очередь, зарубежная пресса в оправдание действий турецкого корабля сообщала, что он не мог развить полной скорости, так как был загружен различными припасами для турецкой армии. Главной же причиной ухода броненосца стало решение его командира, что стрельба из тяжелых орудий по «Весте» — пустая трата снарядов.⁹³

Напомним, что удачное попадание мортирного снаряда в турецкий броненосец, согласно официальной версии, считалось главной причиной прекращения боя турками.⁹⁴ В свою очередь, один из русских морских публицистов, называл три главные причины, сделавшие возможным успех «Весты»: «геройский дух командира, офицеров и команды...», «превосходные качества той артиллерии, которой был вооружен пароход» и «удобство маневрирования легким судном».⁹⁵

Подобная оценка совпадает с мнением, закрепившимся как в советской⁹⁶, так и в современной российской историографии.⁹⁷ Аналогичным было видение этого боя иностранными историками. Весьма авторитетный английский исследователь истории флота Х. Вильсон прямо указывал, что «Фетхи Буленд» прекратил

---

⁹¹ Рапорт командира парохода «Веста» капитан-лейтенанта Баранова Главному командиру Черноморского флота и портов, от 12 июля 1877 года // Морской сборник. 1877. № 8. Морская хроника. С. 33.

⁹² Цит. по: «Увидя бегство броненосца...» С. 11, 12.

⁹³ Дело парохода «Веста» с турецким броненосцем... С. 37.

⁹⁴ Перечень действий по обороне Черноморского побережья с 1 по 15 июля... С. 137.

⁹⁵ *Истомин В.* Значение подвига «Весты»... С. 889.

⁹⁶ См. напр.: *Травин Н. В.* Боевые действия русского флота в войне 1877–1878 гг. С. 334.

⁹⁷ *Грибовский В. Ю.* Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. С. 130, 131.

преследование «Весты» после того, как «снаряд ударил в боевую рубку... Дымовая труба броненосца была вся изрешечена, палуба продырявлена, а кроме того, может быть, в один из его котлов попал снаряд».⁹⁸ В свою очередь, офицер французского флота С. Шабо-Арно констатировал, что турецкий броненосец «имел малосчастливую для него перестрелку с русским крейсером «Веста»; хорошо направленный огонь этого слабого противника заставил его отступить».⁹⁹ Тем самым, мы можем констатировать: мнение о том, что турецкий броненосный корвет, превосходивший своего противника по всем статьям, сам прервал с ним контакт и вышел из боя, являлось лучшим подтверждением факта превосходства русского вооруженного парохода над своим соперником, либо в материальном, либо в моральном аспекте.

Подведем итоги. Мы можем предполагать, что в деле оценки результатов боя «Весты» свою роль сыграло неоднозначное отношение представителей военно-морских кругов и широкой общественности к личности капитана-лейтенанта Н. М. Баранова, обладавшего, вероятно, весьма сложным характером и большим честолюбием. Именно субъективные факторы, а не действительные или мнимые недостатки предложенной им новаторской для того времени тактики боя (ставка на навесной огонь мортир и приборы управления огнем) дали жизнь большинству оценок современниками деятельности командира «Весты». Кроме того, следует отметить, что на него нельзя возлагать всю полноту ответственности за восторженную реакцию на подвиг «Весты» представителей как официальных, так и неофициальных военно-морских кругов.

С другой стороны, на наш взгляд, идеи, заложенные в тактический замысел Н. М. Баранова, в тот исторический момент и при технических возможностях того времени вполне могли стать новым словом в военно-морском деле. Таким образом, мы можем согласиться с мнением некоторых представителей военно-морского профессионального сообщества, которые видели основную заслугу этого морского офицера в том, что он одним из первых сформулировал и применил на практике концепцию боя неброненосного корабля с броненосцем. «За Барановым остается честь

---

⁹⁸ Вильсон Х. Броненосцы в бою. 1855–1895. С. 335.

⁹⁹ Шабо-Арно С. История военных флотов. СПб., 1896. С. 475.

первого специалиста, воплотившего затаенные помыслы...», — писал В. Истомин, с мнением которого были, безусловно, согласны многие русские моряки.¹⁰⁰ На наш взгляд, подтверждением признания заслуг командира «Весты» в деле развития военно-морского строительства Российской империи служит присвоение в начале XX века его имени одному из новейших черноморских эскадренных миноносцев.¹⁰¹ Хочется верить, что когда-нибудь объективная историческая наука сможет по достоинству оценить этого незаурядного человека, внесшего свой вклад в развитие теории и практики военно-морского искусства.

---

¹⁰⁰ Истомин В. Значение подвига «Весты» ... С. 887.

¹⁰¹ Степанов В. В. Капитан-лейтенант Баранов. С. 21. См. также: Энциклопедия кораблей Российского Императорского флота. 1892–1917 / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2000. С. 152.

Кирилл Шевченко

УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ УГОРСКИХ РУСИНОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

С приходом кочевых мадьярских племен на Паннонскую равнину на рубеже IX–X веков автохтонное восточнославянское население южных склонов Карпат постепенно вошло в состав образовавшегося здесь Венгерского государства. С окончательным утверждением в Венгрии римско-католической церкви социокультурная дистанция между православным русинским населением северо-восточной Венгрии (историческая Угорская Русь) и венгерской католической аристократией постепенно нарастала, все в большей степени приобретая ярко выраженную социальную окраску с оформлением в Венгрии крепостных отношений. Стремление римско-католических иерархов к полному подчинению православной церкви Риму и к превращению её в инструмент реализации политических целей польской и венгерской правящих элит достигло своего пика в XVI–XVII веках, при этом ключевую роль в этом процессе сыграли иезуиты.

По словам известного русского историка-слависта Н. А. Попова, «чтобы успешнее достигнуть своей цели, иезуиты... решились сделать некоторые уступки православным, если те присоединятся к римской церкви, и схватились за мысль об унии, как менее резком переходе из православия в латинство. Мысль об унии была высказана еще в 1582 г. иезуитом Антонием Поссевином, замечательным по своему многостороннему образованию и по рев-

ностным миссионерским подвигам... Чтобы скорее привлечь к католической церкви южно-русский народ, Поссевин предполагал нужным допустить унию как переход от православия к латинству».¹ При этом Н. Попов обращал внимание на то, что «едва только свершилось принятие унии южно-русскими епископами..., как у польской шляхты уже явилась мысль превратить русских при помощи унии в поляков... Жалобы русско-униатских иерархов на латинизацию обряда в их церкви и на полонизацию русского народа, подававшиеся то папам, то польским королям, продолжались в течение всего XVII столетия...».²

Известный канадский историк-славист П. Р. Магочи обращает внимание на то, что идея церковных уний, предполагавшая переход под юрисдикцию папы римского при сохранении православных обрядов, возникла в общем контексте контрреформации в Речи Посполитой, возглавлявшейся иезуитами. По словам Магочи, «брестская модель церковной унии 1596 г.»³ была использована полстолетия спустя в той части Карпатской Руси, которая входила в состав Венгрии. В 1646 г. в Ужгороде была заключена Ужгородская церковная уния; её распространение, однако, было осложнено противодействием со стороны протестантских феодалов Трансильвании, контролировавших восточные области Карпатской Руси. Кульминационным пунктом Ужгородской унии стало собрание 63 священников, проживавших в имениях католического магната Г. Другета и съехавшихся «по его приглашению» в Ужгородский замок для принятия унии. При этом первоначально унию приняло лишь 10% священников Мукачевской епархии. Говоря о причинах распространения унии в Угорской Руси, Магочи указывает на то, что для ряда православных иерархов принятие унии было привлекательным по причине связанных с этим социальных привилегий, вытекавших из господствующего статуса католической церкви в Венгрии и Польше. Кроме того, существенную роль сыграло падение Константинополя в 1453 г. и связанное с этим «понижение статуса православия в условиях турецкого господства».⁴

¹ Попов Н. Судьбы унии в русской Холмской епархии. М., 1874. С. 12–14.

² Там же. С. 25–27.

³ Magosi, P. R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest — New York, 2015. P. 81.

⁴ Ibidem. P. 82.

Хотя принятие унии изначально предполагало полное сохранение православной обрядности, включая использование церковнославянского языка в литургии и причастие под двумя видами, впоследствии «римско-католическое влияние проникло в греко-католическую церковь и стало проявляться даже на уровне сельских приходов».⁵ Констатируя постепенную латинизацию греко-католической церкви в Венгрии и Польше, Магочи подчеркивает, что «к XX веку униатская/греко-католическая «промежуточная церковь» становилась все более католической, нежели православной».⁶

Тем не менее, в конце XVIII — начале XIX в. среди греко-католического духовенства Угорской Руси, включая высшую церковную иерархию, было немало патриотов, стремившихся к укреплению и развитию традиционного национального самосознания русинов. Мощный толчок развитию образования и подъему культурного уровня греко-католического русинского духовенства в конце XVIII — начале XIX в. дал глава Мукачевской епархии епископ А. Бачинский (1773–1809), многогранная просветительская деятельность которого подготовила почву для появления целого ряда самобытных карпато-русских мыслителей и общественных деятелей. Бачинский был убежденным сторонником использования русского литературного языка, в том числе в образовательных учреждениях Угорской Руси. В открытых по инициативе Бачинского духовной и учительской семинариях преподавание велось на русском языке. По словам галицко-русского ученого и публициста Д. Н. Вергуна, «в эпоху Андрея Бачинского в Карпатской Руси употреблялся язык, напоминающий язык Ломоносова и Тредьяковского».⁷ В одном из частных писем А. Бачинский выражал пожелание, чтобы карпато-русские священники «обучались тому языку, патриархом которого был Ломоносов. В учрежденной по его ходатайству семинарии все богословие читалось на русском языке, на то же языке велась корреспонденция епископской канцелярии... Но попытка эта не могла иметь тогда большого успеха, ибо народ был еще под крепостным правом, свя-

---

⁵ Ibidem. P. 86.

⁶ Ibidem.

⁷ Вергун Д. Н. Евгений Андреевич Фенцик и его место в русской литературе. Ужгород, 1926. С. 10.

щенники же не получали еще жалованья от казны... При Алексее Повчие, втором после Бачинского, епископе мункачевском, было отменено все, что могло поощрять развитие русской народности. В семинарии русский язык заменен латинским, который заменил тоже и всю епархиальную русскую корреспонденцию...».⁸

Русинское греко-католическое духовенство сыграло ведущую роль в ходе «первого» карпато-русского возрождения в 1848–1868 гг. Примечательно, что ключевая фигура русинского национального возрождения в XIX в. — Александр Духнович (1803–1862) — был греко-католическим священником и убежденным русофилом. Так, Духнович трактовал угорских русинов как составную часть единого русского народа от Карпат до Камчатки, выступал за принятие угорскими и галицкими русинами русского литературного языка и многое сделал для его популяризации в Угорской Руси. Самые крупные достижения карпато-русского возрождения XIX в. — основание культурно-просветительских обществ св. Иоанна Крестителя в Прешове (1862) и св. Василия Великого в Ужгороде (1864), издание еженедельной литературной газеты «Свет» на русском языке (1867), а также другие успешные издательские проекты — являлись заслугой патриотически настроенного греко-католического духовенства. Вместе с тем, как замечает словацкий историк П. Шворц, «большинство греко-католического духовенства было настроено провенгерски и поддерживало революцию 1848 г. по причине того, что её инициаторами были венгры... Революция была направлена на усиление позиций Венгрии... Греко-католическое духовенство, представлявшее большинство русинской интеллигенции, не занималось нуждами своего народа».⁹ Уже в это время отличительными чертами значительной части русинской интеллигенции были отчуждение от собственного народа и «добровольная мадьяризация», обеспокоенность по поводу которой неоднократно выражал и А. Духнович, и другие представители карпато-русского возрождения XIX века.¹⁰

Трансформация Австрийской империи в Австро-Венгрию в 1867 году, карт-бланш, предоставленный Веной венгерской эли-

---

⁸ Терлецкий В. Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии. Киев, 1874. С. 15–16.

⁹ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007. S. 13.

¹⁰ Ibidem. S. 16.

те во внутренней политике, связанное с этим резкое усиление венгерского национализма во второй половине XIX века и системная дискриминационная политика Будапешта по отношению к славянским народам Венгрии, — все это прервало карпато-русское возрождение. С ростом ассимиляционной политики венгерских властей греко-католическое духовенство Угорской Руси постепенно превращается в эффективный инструмент денационализации и мадьяризации русинского населения. Ярким символом подобной деятельности стал глава Мукачевской греко-католической епархии епископ С. Панкович, который, будучи рьяным мадьяроном и «преданнейшим мадьярским ставленником»¹¹, в 1870-е годы сумел парализовать деятельность Общества св. Василия Великого в Ужгороде и подверг гонениям патриотически настроенных русинских деятелей.

Инициированная официальным Будапештом политика мадьяризации была особенно востребована среди значительной части греко-католического духовенства Угорской Руси, охотно поддерживавшего курс властей на мадьяризацию. Ряд высших греко-католических иерархов, в том числе епископы Прешовской и Мукачевской епархий (Н. Товт, Ш. Панкович, А. Папп) относились к числу наиболее рьяных сторонников мадьяризации. Часть мадьяризованной духовной и светской карпато-русской интеллигенции инициировала процесс замены церковно-славянского языка литургии в греко-католической церкви венгерским языком. По словам Магочи, «хотя это нарушало постановление Ватикана., карпато-русинские мадьяризаторы достигли своей цели».¹² В приходах созданной в 1912 г. греко-католической епархии с центром в г. Хайдудорог в северо-восточной Венгрии в церковных богослужениях стал использоваться венгерский язык; при этом провенгерские активисты из числа мадьяризованной русинской духовной и светской интеллигенции трактовали местное население не как славян, а как «мадьяр греко-католической веры».¹³

Характеризуя русинское греко-католическое духовенство в Венгрии в конце XIX в., известный русский историк-славист

---

¹¹ *Путник*. Современное состояние Угорской Руси // *Русский вестник*. 1900. Т. 265. С. 640.

¹² *Magosi P. R. With Their Backs to the Mountains*. P. 137.

¹³ *Ibidem*. P. 138.

В. А. Францев отмечал, что иерархи греко-католической церкви в Угорской Руси «заботятся не о просвещении народа, а о вытравлении в нём всех оригинальных черт и признаков русской национальности. ... Дом священника в деревне зачастую является центром мадьяризаторской деятельности на весь приход».¹⁴

Затрагивая вопрос о церковной и общественной деятельности греко-католического духовенства, Францев отмечал, что «эти «мадьярские священники русских мужиков», как во многих случаях они себя величают, ревностно учат народ петь в русской церкви мадьярские церковные и даже нецерковные песни ... ; мадьярский язык они знают в совершенстве, но со славянскими ектеньями справляются с трудом. Есть между угро-русскими просветителями и такие глубокие умы, которые дерзают громогласно заявлять в мадьярской печати, что для угро-русского народа не надо издавать никаких русских книг, а следует прежде всего позаботиться о полной мадьяризации его, и только по достижении этой высокой цели можно приступить к просвещению его на единственном венгерском языке ... Некоторые русские священники вводят в богослужение обряды и обычаи латинской церкви, безо всякого позволения употребляют при богослужении мадьярский язык, ставят в церквях статуи., опускают ектении и т. п.».¹⁵

Отчуждение греко-католического духовенства от народа произошло и в крайне тяжёлом материальном бремени, которое было возложено на русинских крестьян их униатскими пастырями. Это выражалось в целом ряде феодальных по сути повинностей в виде «коблины» и «роковины», то есть системы платежей и отработок в церковном хозяйстве униатского духовенства. Кроме того, греко-католические священники, демонстрируя запредельную алчность, взымали с крестьян чрезмерно высокую плату за церковные требы. Хорошо информированная о положении в Угорской Руси пражская газета «Час» характеризовала греко-католических священников как вымогателей, которые «требуют от крестьян не только платить, но даже посылают экзекуторов выбивать деньги за простейшие церковные обряды. Везде священники выслушивают исповедь бесплатно. Русинский же поп берет за исповедь от 4 до 10 крон. Поп жиреет, народ худеет и беднеет, — заме-

---

¹⁴ *Путник*. Современное состояние Угорской Руси. С. 631.

¹⁵ Там же. С. 631–632.

чал “Час”. — Кроме того, эти попы — мадьяроны, добровольная и оплачиваемая государством полиция...».¹⁶

Анализируя причины превращения греко-католического духовенства в орудие мадьяризации, В. А. Францев обращал внимание на систему образования униатского духовенства в Венгрии, прежде всего в духовных семинариях Ужгорода и Прешова, подчёркивая «ложность образования и воспитания угро-русской молодёжи». По словам русского слависта, «школа, которую проходят эти ближайшие наставники народа, не подготавливает их к великому делу служения народу, она служит прежде всего интересам мадьяризации и в этом направлении воспитывает всю угро-русскую молодёжь...».¹⁷

Стремительная мадьяризация школ в Угорской Руси имела место вопреки тому, что по закону 1868 г. преподавание на невенгерских языках в Венгрии было юридически возможным. По мнению исследователей, мадьяризация системы образования в Угорской Руси шла на практике очень быстрыми темпами по причине того, что более $\frac{3}{4}$ школ в русинских селах и семинарии в Прешове и Ужгороде контролировались греко-католическим духовенством, в значительной массе настроенным провенгерски, которое явочным порядком вводило венгерский язык в качестве языка преподавания. Так, «число начальных школ с русинским языком обучения упало с 571 в 1874 г. до 23 в 1906 г.»¹⁸ при одновременном росте числа венгерских и двуязычных венгеро-русинских школ. После принятия в 1907 г. закона Аппоньи, по которому венгерский стал единственным языком обучения в государственных школах, темпы мадьяризации системы образования возросли.

Растущее недовольство русинского населения греко-католическим духовенством вызвало широкие протестные настроения, которые выразились в движении за возвращение к православию. По мнению современного венгерского исследователя А. Гёнци, «главной причиной перехода в православие можно считать бедность населения, нехватку земли и отталкивающее поведение священников (греко-католических. — К. III.). Однако правительство создало из социального движения политическое дело: выступив

---

¹⁶ Čas. 4 března 1914. Číslo 62.

¹⁷ Путник. Современное состояние Угорской Руси. С. 630.

¹⁸ Magocsi P. R. With Their Backs to the Mountains. P. 140.

открыто против обратившихся в православие, оно хотело подчеркнуть опасный характер этого процесса для государства и церкви... В декабре 1913 года в Мараморош-Сигете правительство организовало показательный процесс, чтобы обвинить неграмотных крестьян, не говорящих по-венгерски, в измене родине и ведении панславянской агитации».¹⁹ После более чем двухмесячного судебного процесса 32 обвиняемых русинских крестьянина были признаны виновными. Главный обвиняемый, о. А. Кабалуок, был приговорен к 4 годам и 6 месяцам тюрьмы и 1 000 крон штрафа; остальные фигуранты дела были приговорены к менее длительным срокам тюремного заключения и денежным штрафам. Славянская общественность, пресса Австро-Венгрии и российская общественность с негодованием встретили решение венгерского суда, обращая внимание на произвол и политическую ангажированность венгерской судебной системы. Символично, что данный приговор был вынесен накануне Первой мировой войны, став, по сути, трагическим предзнаменованием тех массовых репрессий, которые обрушились на угорских и галицких русинов в годы «Великой войны».

Правительственный курс на тотальную мадьяризацию русинского населения Венгрии достиг своего пика во время Первой мировой войны в условиях антирусской и антиславянской истерии; при этом русинское греко-католическое духовенство в основном продолжало лояльно исполнять свою традиционную роль практического инструмента реализации политики мадьяризации. В условиях военного времени «провенгерская часть карпато-русинской интеллигенции, особенно греко-католические иерархи и священники, были готовы на всё, чтобы дистанцироваться от любой возможной ассоциации с «русским» востоком. Символичной для этой пропитанной страхом атмосферы была петиция, принятая в апреле 1915 г. группой греко-католических священников., которая призывала отменить сам термин «русин» и называть карпатских русинов «католиками восточного обряда» или же просто «мадьярами».²⁰ Еще до начала Первой мировой войны венгер-

---

¹⁹ Гёнци А. Мараморош-Сигетский русинский процесс // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. М. ; СПб., 2016. С. 304.

²⁰ Magocsi P. R. *With Their Backs to the Mountains*. P. 174.

ское правительство изменило местные названия на венгерские; были приняты законы, требующие регистрировать новорожденных только под венгерскими именами.

Примечательно, что наиболее рьяными мадьяризаторами были иерархи греко-католической церкви. Так, греко-католические епископы Мукачево (А. Папп), Прешова (И. Новак) и Хайдудорога (И. Миклош) на встрече с венгерским правительством в июне 1915 г. «приняли план введения «западного» григорианского календаря вместо традиционного юлианского и замены кириллицы латиницей. Сложный латинский алфавит, основанный на венгерской латинице, был разработан профессором Прешовской семинарии карпато-русинского происхождения И. Семаном. В течение года этот алфавит был введен в школьные учебники и в прессу. Епископы Новак и Папп официально запретили использование кириллицы в своих епархиях; популярная финансируемая правительством газета также отказалась от кириллицы и в итоге в 1916 г. «Неделя» превратилась в газету под названием «*Negyelya*».²¹ Все это означало, что, по словам профессора Магочи, «довоенные предсказания о скором превращении карпатских русинов Венгрии в мадьяр были близки к тому, чтобы сбыться».²²

Однако поражение Австро-Венгрии в войне и её последующий распад в 1918 г. резко изменили ситуацию в пользу карпатских русинов. После вхождения Угорской Руси в состав Чехословакии в 1919 г. движение за возвращение к православию среди карпатских русинов резко активизировалось. Так, если в 1910 в Венгрии по данным венгерской переписи среди угорских русинов насчитывалось всего 558 православных, то в 1921 г. в составе Чехословакии среди русинов насчитывалось уже 60 997 православных, а чехословацкая перепись 1930 г. зафиксировала 112 034 православных русинов.²³ Столь стремительный рост числа православных русинов в значительной степени был вызван их недовольством греко-католическим духовенством.

---

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. S. 124–125.

ИЗ ИСТОРИИ ОРУЖЕЙНОГО
ЭКСПОРТА В СТРАНЫ АЗИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.:
ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО
ВАРИАНТА ПОСТАВОК ВООРУЖЕНИЯ

История догоняющих преобразований вооруженных сил ряда азиатских государств во второй половине XIX в. — начале XX в. — тема многогранная. Она является востребованной темой среди современных историков.¹ Одна из ее составляющих — экспорт современного, для того времени, вооружения из Европы и США в страны этого обширного региона. На примере слабо изученного аспекта указанной проблемы — поставок оружия из России в страны Востока и сравнения с характером экспорта вооружений из других промышленно развитых стран того времени рассмотрим этот элемент военной модернизации в Азии.

Данное исследование является продолжением материалов посвященных влиянию европейского военного дела на преоб-

---

¹ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М., 2012; Cronin S. War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present. Londres et New York, 2008. P. 224; Пастухов А. М. Артиллерия «новых войск» империи Цин во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. II международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. Т. 2. СПб. С. 176–200; Erickson Edward J., Uyar Mesut. A Military History of the Ottomans: From Osman to Ataturk. Santa Barbara, CA, 2009; Naci Yorulmaz. Arming the Sultan. German Arms Trade and Personal Diplomacy in the Ottoman Empire Before World War I. London, 2014.

разование армий стран Востока, опубликованных автором ранее.²

Тема является актуальной и позволяет определить роль и место оружейного экспорта в системе реализации внешнеполитических концепций и военной стратегии ряда азиатских и европейских стран. Она дает возможность проследить исторические паттерны и их традиционализм в современных условиях. С её помощью можно вычленил исторически сложившиеся механизмы влияния экспорта вооружений на цели внешней и оборонной политики стран-экспортеров и проследить их эволюцию.

Исследование поможет определить генезис новых явлений и тенденций в современной практике оружейного экспорта: глобализации и локальности поставок, использовании механизма санкций, политике блокирования передачи критических технологий, механизме создания технологической и логистической зависимости стран-получателей военной помощи и др.

Постараемся установить исторически сформировавшийся алгоритм поставок оружия в зависимости от географического фактора, геополитических условий и кризисных фаз в международных отношениях.

В научной литературе изучение истории экспорта европейского и американского оружия в Азию неразрывно связано с исследованием проблем военных преобразований на Востоке. На наш взгляд, рассматривая историографию вопроса, наиболее целесообразно использовать региональный подход.

Впервые тему передачи оружия из России в Китай в 1862 г. исследовали востоковеды А. Н. Хохлов³ и И. М. Попов.⁴ Одна

---

² Фалько С. А. Военно-инструкторская миссия в под руководством полковника К. В. Церпицкого в 1884 г. // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Год. ред. В. М. Вашкевич. К., 2016. Вып. 109. (№ 6); С. А. Фалько. Из истории деятельности инструкторских миссий Русской императорской армии в Азии во второй половине XIX в. // Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга / Русский Сборник. Т. XXVI. М., 2018.

³ Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая: сб. ст. М., 1968. Хохлов А. Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1982.

⁴ Попов И. М. Россия и Китай триста лет на грани войны. М., 2004.

из проблем, вокруг которой раскручивался сюжет работ этих авторов, — первый факт передачи российского оружия в войсках цинского Китая. Более детально к вопросам перевооружения войск Цинской империи в конце XIX — начале XX в. подошел исследователь военной политики империи Цин А. М. Пастухов.⁵ Автор предпринял попытку анализа китайских закупок оружия в процессе так называемой «политики самоусиления».⁶ Однако, к сожалению архивные источники в своих исследованиях историк почти не использовал. Экспорт немецкого оружия в Китай изучала исследовательница из Дрездена Elisabeth Kaske в контексте деятельности военной миссии из Германии в войсках империи Цин в 1884–1894 гг.⁷

Вопрос поставок вооружений из России в Персию в контексте изучения преобразований в армии Шаха освещали историки Н. К. Тер-Оганов,⁸ О. А. Красняк,⁹ О. А. Гоков,¹⁰ S. Cronin.¹¹ Обстоятельства передачи новейшего стрелкового оружия из России в Бухару в 80-е гг. XIX в. исследовал С. А. Фалько.¹² Главной проблемой материалов относящихся к исследованию поставок европейского оружия является то, что этот вопрос, как правило, не выделяется из общего контекста модернизации вооруженных сил стран Азии. Это осложняет раскрытие причинно-следствен-

---

⁵ Пастухов А. М. Артиллерия «новых войск» империи Цин во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. II международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. Т. 2. СПб; Пастухов А. М. Формирование офицерского корпуса в империи Цин после подавления Тайпинского восстания // Общество и государство в Китае: Т. XLIII. Ч. 1 / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М., 2013.

⁶ Движение самоусиления — этап истории Цинской империи от второй Опиумной войны до первой японо-китайской войны (1862–1895 гг). Основной целью лидеров «самоусиления» была модернизация армии и флота путём оснащения их иностранным оружием и техникой. Подробнее о политике «самоусиления» см.: Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. М., 2005. С. 451–461.

⁷ Kaske Elisabeth. Bismarcks Missionare: deutsche Militarin-struktureure in China 1884–1890. Wiesbaden, 2002.

⁸ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М., 2012.

⁹ Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. М., 2007.

¹⁰ Гоков О. А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. М., 2018.

¹¹ Cronin S. War and Peace in Qajar Persia. P. 224.

¹² Фалько С. А. Военно-инструкторская миссия в под руководством полковника К. В. Церпицкого 1884. С. 106–115.

ных связей оружейного экспорта с экономической и политической мотивацией европейских правительств в исследуемое время.

Детально и глубоко изучал вопрос оружейных поставок в Османскую империю А. С. Силин.¹³ Автор рассмотрел влияние, казалось бы, частной инициативы ряда оружейных фирм Германии, по вопросу перевооружения армии Турции с политическим курсом Берлина на Ближнем Востоке. А. С. Силину удалось показать масштабность борьбы французских и немецких оружейных гигантов за турецкий рынок. Интересна более современная работа турецкого исследователя Naci Yorulmaz,¹⁴ который провел всестороннее научное исследование на базе архивов в Германии, Турции, Великобритании и Соединенных Штатах посвященное истории перевооружения армии Турции в исследуемый нами период. Изучая историю армии султана невозможно обойти высокопрофессиональные работы военного историка из США Edward J. Erickson.¹⁵

Для понимания вопросов, связанных с общими трудностями, проблемами перевооружения и эволюции концепций использования оружия в бою в исследуемый период полезны работы У. Мак-Нила,¹⁶ О. Р. Айрапетова,¹⁷ Б. Меннинга,¹⁸ Т. Н. Ильиной.¹⁹ Овладение профессиональной спецификой темы помогают работы, военных профессионалов того времени Н. П. По-

---

¹³ Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.

¹⁴ Naci Yorulmaz. Arming the Sultan. German Arms Trade and Personal Diplomacy in the Ottoman Empire Before World War I, London 2014.

¹⁵ Erickson Edward J., Uyar Mesut. A Military History of the Ottomans: From Osman to Ataturk. Santa Barbara, CA, 2009; Erickson Edward J. Defeat in Detail: The Ottoman Army in the Balkans, 1912–1913. Greenwood Publishing Group, 2003.

¹⁶ Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008.

¹⁷ Айрапетов О. Р. Испытание войной: реформы и вооруженные силы России и Турции в 1860–1870-е гг. // Российская история. 2016. № 6. Айрапетов О. Р. Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX — начале XX века // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 1. М., 2018.

¹⁸ Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М., 2015.

¹⁹ Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. СПб., 2008.

тоцкого²⁰ и В. Г. Федорова.²¹ Они раскрывают ряд направлений преобразований в сфере производства и использования оружия.

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, относящиеся к поставкам вооружений из России, стран Европы и США на Восток находящиеся в фондах РГВИА.²² Эти документы, как правило носили секретный гриф и позволяют понять отношение к перевооружению армий азиатских стран правящих элит стран Европы и США. Полезны для исследования мемуары офицеров-инструкторов наблюдавших за преобразованиями в вооруженных силах некоторых стран Азии — Меняева,²³ В. А. Косоговского,²⁴ Афоняева, Н. Ц. Грудзинского.²⁵ Значительной ценностью для изучения нашей проблематики обладают официальные издания того времени, принадлежащие военному ведомству России: «Военный сборник», «Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств», «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии».²⁶ В них мы видим системный статистический анализ состояния вооруженных сил ряда азиатских стран.

Нижней временной границей нашего исследования является время начала масштабных поставок европейского оружия в цинский Китай инициированных в результате военных поражений в борьбе с восставшими тайпинами и европейскими вооруженными силами в Опиумных войнах в 60-е гг. XIX в., верхней — Первая мировая война 1914–1918 гг.

Для того, чтобы понять генезис военных поставок в страны Азии необходим экскурс в историю эволюции оружия исследуемой эпохи. Рассматривая сложнейшие процессы изменений в военной сфере, связанные с продолжавшейся в то время промышленной революцией и построением индустриального общества,

---

²⁰ *Потоцкий Н. П.* Турецкие ружья во время войны 1877 года. Сравнение турецкого вооружения с русским. СПб., 1878.

²¹ *Федоров В. Г.* Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904.

²² Российский государственный военно-исторический архив — далее РГВИА.

²³ *Мысль — Рустем.* Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб., 1897.

²⁴ *Косоговский В. А.* Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М., 1960.

²⁵ *Афоняев 1-й, Грудзинский Н.* Русские инструкторы в Корее в 1896 г., 1898 г. Хабаровск, 1898.

²⁶ Периодические, официальные военные издания Военного министерства Российской империи. Выходили в 1850-х — 1917 годах.

следует уделить внимание открытиям, повлиявшим на темпы перевооружения армий.

Для вооруженных сил восточных государств задача военных реформ была особенно сложной вследствие неотложности её разрешения, неопробованности новых видов оружия и колоссальности затрат.²⁷ Войны в Европе и США, происходящие в середине XIX в., окончательно доказали превосходство казнозарядного оружия над дульнозарядным. Военным пришлось выбирать между двумя дорогостоящими решениями: либо принимать на вооружение новое оружие, либо переделывать имеющиеся винтовки в казнозарядные. Необходимость увеличения объема выпуска ружей и повышения их качества обратила внимание оружейников Европы на технологию, разработанную в 1820–1850 гг. на Спрингфилдском арсенале в США. Главным принципом было использование автоматических или полуавтоматических фрезерных станков для производства деталей заданных размеров. Эти машины производили взаимозаменяемые части, так что винтовка могла быть собрана без дополнительных шлифовки и подгонки, необходимых при менее точном ручном производстве. В условиях объемного спроса на ружья и экономики массового производства автоматические устройства окупались многократно. Правительства многих стран Европы осознали возможности новых машин в массовом производстве необходимого стрелкового оружия. К 1870 г. Россия, Испания, Турция, Швеция, Дания и Египет закупили американское оборудование для производства винтовок.²⁸ В большинстве стран Азии в те времена военная промышленность не знала этих технологий.

После многочисленных дискуссий, экспериментов и сравнительных испытаний зачастую итог модернизации мог оказаться и с сомнительными результатами, как это было в процессе перевооружения сильнейших армий Европы и США в конце 50-х — начале 90-х гг. XIX в., когда вооруженные силы пережила несколько волн перевооружения.²⁹

В Азии, непрерывающиеся в этот период войны в Китае и Османской империи обеспечили превосходный рынок сбы-

---

²⁷ Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи. С. 51.

²⁸ Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. С. 269.

²⁹ Подробнее см.: Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи.

та для устаревшего оружия, которыми европейские и американские торговцы наводнили эти страны. Схожая ситуация с перевооружением была и в армии Персии. Впрочем, имели место и закупки современных образцов оружия. Как это было в Турции в Крымскую войну 1853–1856 гг.,³⁰ или в войну с Россией в 1877–1878 гг.³¹ В этих конфликтах закупленное во Франции, Германии и США оружие превосходило по качеству винтовки и орудия Русской армии. Во время так называемой Тонкинской войны 1883–1885 гг. между Китаем и Францией массу современного оружия в Европе и США закупили китайские власти и доставили контрабандой.

Вместе с тем, это была не только проблема азиатских империй. Например, после проигранной Крымской войны 1853–1856 гг. Россия энергично приступила к перевооружению своей армии. Тогда всем стало ясно, что время гладкоствольного оружия прошло.³² Был использован потенциал военных агентов русской армии с целью сбора данных о новшествах в военном деле, в том числе и использовании нового оружия.³³

Проблемы начались в 1867 г., когда Военное министерство организовало закупку 200 тыс. винтовок, переделанных в казнозарядные, шведским изобретателем И. Карле, так как в оружии выявились серьёзные дефекты. В 1869 г. Россия отказалась от системы Карле в пользу системы Крынка, приобретя 800 тыс. этих винтовок. Однако и это оружие отличалось непрочностью и часто создавало проблемы с извлечением гильз в условиях продолжительной стрельбы. Всё это приводило к громадным затратам.³⁴

Следующим этапом закупок новейшего оружия Россией в США стала закупка патента на выпуск винтовки модели Бердана. Военный министр России генерал-адъютант Д. А. Милютин вспоминал: «В начале апреля (1869 г. — С. Ф.) начали прибывать из Америки первый транспорт с бердановскими ружьями, изготовленными на Кольтовском заводе, которые и выработали

³⁰ *Erickson Edward J., Uyar Mesut. A Military History of the Ottomans. P. 160.*

³¹ *Айранетов О. Р. Испытание войной: реформы и вооруженные силы России и Турции в 1860–1870-е гг. С. 20–25.*

³² *Федоров В. Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию.*

³³ Подробнее см.: *Persson G. The Russian Army and foreign wars. 1859–1871. London, 1999; Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. СПб., 2008..*

³⁴ *Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи. С. 51.*

окончательно принятый у нас образец малокалиберного ружья». ³⁵ Таким образом, в 1868 г. в русской армии была принята на вооружение винтовка американского изобретателя Х. Бердана. ³⁶ Эти случаи, позволяют судить об остроте проблемы перевооружения армий, волнующей правящие европейские элиты, осознававшие степень ответственности за судьбы своих стран.

Схожие проблемы мы встречаем и в вооруженных силах Германии, где принятая на вооружение в 1840 г. винтовка Дрейзе ³⁷ отменно показавшая себя на полях боев во время Австро-прусской войны 1866 г., считалась уже устаревшей ко времени в Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Это привело к большим потерям в противостоянии с французской пехотой, вооруженной лучшими винтовками, по сравнению с Дрейзе, ружьями Шаспо. ³⁸

Так же Франко-прусская война 1870–1871 гг. подтолкнула военные ведомства Европы к ускорению перевооружения армий новой артиллерией. ³⁹ Интересно, что и здесь, как и в случае со стрелковым оружием турецкое правительство оказалось инициативней, чем Россия, закупив накануне войны 1877–1878 гг. новейшие артиллерийские орудия на немецких заводах фирмы Круппа.

Однако темп технологических изменений в следующем десятилетии был так велик, что и оружие быстро устаревало. Не в малой степени этому способствовало то, что в 1884 году француз Поль Вьель изобрёл бездымный порох. Таким образом, в основе новых систем ручного оружия, которые начали появляться к тому моменту, лежали два новшества — применение бездымного пороха и изобретение достаточно надёжных механизмов магазинного питания. Бездымный порох позволил конструкторам увеличить дальность и начальную скорость пули, в результате чего новое оружие било дальше и точнее, размер пуль уменьшился, а их убойная сила повысилась.

---

³⁵ Миллютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 185.

³⁶ Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. С. 20.

³⁷ Ружье Дрейзе имело скорострельность 5–7 выстрелов в минуту, более чем вдвое выше, чем у ружья Минье, находившегося на вооружении многих стран Европы.

³⁸ Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. С.287

³⁹ Подробнее о перевооружении русской армии см.: Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи; Айрапетов О. Р. Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX — начале XX века. С. 18–54.

Таким образом, как мы видим, динамика технологического и научного прогресса сильно влияла на гонку вооружений среди развитых стран того времени. А активная колониальная экспансия европейских держав вынуждала страны азиатского континента стремиться к военным преобразованиям и одним из ключевых вопросов военных реформ в этих странах в исследуемый период стали закупки вооружений в Европе и США.

Причины для поставок оружия в Азию из Европы и США у разных стран были разнообразны. Если мы посмотрим на пример России, то увидим, что внешнеполитическая активность у границ с Российской империей, как правило, приводила к предложениям от дипломатов или военных о вооружении возможных союзников на случай войны с противниками России. Так было в 1859–1862 гг с Китаем, когда цинским властям было передано 10 000 современных нарезных ружей и артиллерийской батареи.⁴⁰ Подобная мотивация присутствовала и в деле передачи Персии 600 винтовок Бердана в 1879 г.⁴¹ Так было с передачей оружия в Бухару⁴² накануне инцидента на границе с Афганистаном в Таш-Кепри в 1885 г. или с тайными поставками винтовок в Сеул незадолго до русско-японской войны 1904–1905 гг. Таким образом, главные мотивы в этих случаях были политические. Во всех перечисленных случаях о коммерческом интересе при передаче оружия не приходится говорить. Все оружие было передано безвозмездно.

Отдельным пунктом для Военного министерства России стоял вопрос о наблюдении за закупками азиатских стран в Европе и США. Служебные документы Военно-ученого комитета Главного штаба обращали внимание командования русской армии на качество закупок современного оружия вооруженными силами главных вероятных противников России в Азии — Китая и Турции.⁴³ Например, в ноябре 1883 в инструкции военно-

⁴⁰ РГВИА. Ф. 38. Департамент Генерального штаба. Оп. 5. Д. 729: По отношению МИД, о прикомандировании инженерного и артиллерийского офицеров к духовной миссии нашей в Китай и о прочем (1.01.1857–27.11.57). Л. 2

⁴¹ *Гокон О. А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам*, М., 2018.

⁴² РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 3205: Об отпуске орудия и огнестрельного оружия с патронами эмиру бухарскому и хану хивинскому 7.01.1904–10.07.1909.

⁴³ О деятельности военной агентуры России в Китае и Турции см.: *Асиновская М. Ю. Русская военная разведка на Балканах в конце XIX в. // Вопросы*

му агенту России в Китае полковнику Н. Я. Шнеуру было указано: «в виду низкого уровня военного обучения китайской армии вообще, важно не столько узнать число людей, содержимых в мирное время, важно какое количество имеется в Китае оружия современного образца...». ⁴⁴ Аналитический документ Главного штаба за 1884 г. гласил: «Вооруженные силы европейских государств (...) а также военное положение Турции и Китая заставляют Военное министерство деятельно следить за нашими соседями». ⁴⁵ Опубликованные в 2018 г. исследователями-востоковедами М. К. Басхановым и И. Кемальоглы архивные документы Главного штаба русской императорской армии дают возможность оценить интерес военных агентов России к вопросам перевооружения армии Турции. Российские военные агенты в Стамбуле системно изучали закупки, обслуживание, обучение обращению с новым европейским оружием и его боевым использованием. ⁴⁶

Рассмотрим страны Азии, которые активно получали европейское вооружение со второй половины XIX в. Основу исследования составляют архивные материалы РГВИА, и поставки оружия в армии азиатских государств из Российской империи будут изучены более детально.

Обратим внимание на географию стран, в которые попало оружие из России. Факты и обстоятельства его передачи. На наш взгляд, это позволит понять, чем руководствовались в Петербурге при принятии решений о передаче оружия в те или иные регионы Азии. Это даст возможность сравнить, используя компаративный метод, какие объемы вооружений и боеприпасов были поставлены в указанные страны из России и других стран.

Первой страной в Азиатском регионе, куда попало русское оружие во второй половине XIX в., был цинский Китай. Обсуж-

---

сы истории. 2002. № 11; Фалько С. А. Военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1884 гг.) // Клио. 2015. № 2 (98); Каширин В. Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 89–112; Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 219.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 401 Канцелярия Военно-Ученого комитета Главного штаба. Оп. 4/928. Д. 9: О доставлении сведений военным агентом в Китае. 1884. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Л. 49.

⁴⁶ *Bashanov Mikhail, Kemaloğlu İlyas. Rus Genelkurmay Belgelerinde II. Abdülhamid ve Osmanlı Ordusu. — İstanbul, 2018.*

дение возможной военной помощи империи Цин относится еще к 1857 г., когда российские власти одобрили посылку двух офицеров в Пекин вместе с православной духовной миссией. Цель, поставленная перед русскими военными, обозначалась так: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил командировать двух офицеров, одного артиллериста и одного инженера [в Китай. — С. Ф.] (...), которые бы могли оказать услуги китайскому правительству своими познаниями по артиллерийской и инженерной частям».⁴⁷ События, связанные с организацией передачи оружия, носили длительный временной характер. Они проходили в контексте русско-английского противостояния на Востоке и были вызваны военно-политическим кризисом в Цинской империи, начавшимся в середине XIX в. Первая инициатива Петербурга связанная с помощью Китаю конкретно оружием встречается еще в 1858 г.⁴⁸ Итогом этому начинанию была передача Пекину 10 тыс. ружей, 6 орудий, 500 боевых ракет с двумя станками и более 70 ящиков с запасными частями к ружьям, пушкам. Это событие произошло в апреле 1862 г.⁴⁹ Главной мотивацией передачи оружия являлась помощь Китаю в борьбе с Великобританией и Францией — недавними соперниками России в Крымской войне 1853–1856 гг. Архивные документы рассказывают и о планах продажи оружия в Китай, но они оказались безрезультатны.

В 80-х — 90-х гг. XIX в., когда на китайском оружейном рынке, где уже господствовали производители компании западных стран и США, российские военные пытались организовать поставки ружей Бердана. В 1883 г. китайские власти обратились к военному агенту России в Пекине полковнику Н. Я. Шнеуру с предложением о закупках русского оружия для нужд отрядов одной из провинций Китая. Полковник Н. Я. Шнеур доносил в Главный штаб: «В Тяньзине решено создать особую милицию в 1 500 человек. Китайский мандарин, которому поручено набирать это вой-

---

⁴⁷ РГВИА. Ф. 38. Департамент Генерального штаба. Оп. 5. Д. 729: По отношению МИД, о прикомандировании инженерного и артиллерийского офицеров к духовной миссии нашей в Китай и о прочем (1.01.1857–27.11.57). Л. 2.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 38. Департамент Генерального штаба. Оп. 8. Департамент Генерального штаба по Сибирским Дела. Д. 34: О посылке оружия в Китай 1858–1859.

⁴⁹ Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. С. 212.

ско, на днях был у меня. Увидев у меня винтовку Бердана, он попросил позволить взять ее для испытания. Испытание настолько его удовлетворило, что он выразил желание вооружить свои части берданками. Если интриги немецких и английских поставщиков оружия его не собьют с толка, то мне кажется, следовало бы подержать это намерение».⁵⁰ Рассматривался вопрос о возможности продажи китайскому правительству от 50 до 100 тыс. винтовок.⁵¹ Однако заключить контракт в результате противодействия конкурентов не удалось. Позже несколько раз русские офицеры пытались организовывать поставки стрелкового вооружения, но реализовать эти планы не получалось. Главной причиной этих неудач было непонимание некоторыми высокопоставленными офицерами Главного штаба реалий оружейного рынка Китая, механизмов организации закупок Пекином и активность европейских оружейных концернов. Как ни странно, но информация о масштабных поставках европейских вооружений для китайцев системно поступала в Главный штаб, в том числе и от полковника Н. Я. Шнеура еще раньше в 1881 г. Он: «...уже теперь достаточно оснований утверждать, что армия, выставленная против нас, будет вооружена отлично».⁵² Предшествующий Шнеуру военный агент России в Пекине подполковник В. А. Бодиско в 1881 г. перечислял внушительный список оружейных поставок из Европы, полученных китайцами.⁵³

Более успешно в плане передачи оружия Петербург действовал на южных рубежах империи. Так, в 1879 г. 600 винтовок Бердана были переданы Персии для вооружения формирувавшихся казачьих частей в армии Шаха.⁵⁴ В дальнейшем, до конца XIX в. военная помощь поставками оружия со стороны России воору-

---

⁵⁰ РГВИА. Ф. 401 Канцелярия Военно-Ученого комитета Главного штаба. Оп. 4/928. Д. 9: О доставлении сведений военным агентом в Китае. 1884. Л. 38.

⁵¹ Там же. Л. 39.

⁵² РГВИА. Ф. 400. Главный штаб Оп. 1. Д. 646. Доклад заведующего Аз частью генерал-адъютант Г. В. Мещеринова Военному министру Д. А. Милютину о необходимости командирования офицеров для сбора сведений о военных приготовлениях Китая. 12.06.1880. Л. 57.

⁵³ Вооруженные силы Китая и Японии ГШ подполковника Бутакова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 3. 1883. С. 41.

⁵⁴ Гокос О. А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895). С. 82.

женным силам Персии осуществлялась еще не один раз.⁵⁵ Например, в 1883 г. шаху от имени Александра III были подарены 4–87-мм орудия образца 1877 г. производства Обуховского завода с 532 зарядами.⁵⁶

Вообще с персидской державой у Петербурга были особые отношения. О чем говорят нижеприведенные факты. В начале XX в. военные власти России часто разрешали транзит оружия из Европы в Персию, о чем свидетельствовали служебные документы Главного штаба русской армии того периода. В июле 1906 г. по ходатайству персидских дипломатов военные власти России санкционировали провоз 55 ящиков, содержащих пушку и 400 снарядов к ней, подаренные шаху бельгийским королем.⁵⁷ В ноябре 1906 г. транзитом через Россию прошли 200 ружей системы Маузер и 30 тыс. патронов к ним для Марандской конницы, выписанные из Бельгии. Постепенно масштабы оружейного транзита увеличивались. В феврале 1907 г. через Россию проследовал транспорт с полевыми орудиями в сопровождении персидских офицеров.⁵⁸ Это был еще один вариант военного сотрудничества в процессе перевооружения союзной для Петербурга державы. Следует отметить, что в этот период Персия не смогла организовать постройку собственных оружейных заводов и избавиться от закупок оружия за границей.

Позже Тегераном был сделан большой заказ оружия в России. Под предоставленный очередной заем персидское правительство заказало 5 тыс. трехлинейных пехотных винтовок, 6 тыс. казачьих винтовок, 8 пулеметов Максима, 2,5 млн патронов и 200 револьверов системы Наган с 10 тыс. патронов, всего на сумму в 477,5 тыс. рублей.⁵⁹ В июне 1908 г. из России была направлена большая партия оружия, состоявшая из 8 французских скорострельных орудий системы Шнейдер-Канье, а для каждого из орудий по 650 снаря-

---

⁵⁵ Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.

⁵⁶ РГВИА. Ф.400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 831: Об отпуске персидскому правительству безвозмездно 4 орудий конной артиллерии с принадлежностями. 31.12.1882–13.06.1884 г.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 3206: О пропуске оружия и боеприпасов через пограничные таможи в Туркестане и на Кавказе 2.03.1904–15.10.1908. Л. 6

⁵⁸ Там же. Л. 7.

⁵⁹ Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. С. 97.

дов, а также 4 пулемета системы Максим с 34 тыс. патронов.⁶⁰ Таким образом, мы наблюдаем увеличение поставок из России.

Другим направлением с начала 80-х гг. XIX в., куда было передано оружие из России была Бухара.⁶¹ Впервые, в 1884 г. со складов Туркестанского военного округа сарбазам Бухарского эмира была вручена 1 000 винтовок системы Бердана № 2, и для обучения обращению с новейшими образцами оружия из Ташкента была направлена военная миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого.⁶²

Кроме того, власти эмирата постоянно стремились пополнить оружейные запасы своего войска. Бухарские купцы, приезжавшие в Россию на Нижегородскую ярмарку, где часто закупали здесь партии оружия. В частности, весной 1888 г. купец Латиф-ходжа нелегальным путем доставил в Бухару 500 ружей-берданок, что не скрылось от русских властей.⁶³ В это время политические агенты России в Бухаре⁶⁴ системно доносили о состоянии войск эмирата и способствовали запрету тайных покупок оружия в России для нужд эмирата.⁶⁵ Вообще, кроме войска эмирата и вооруженных формирований хивинского хана, только туркменской кон-

---

⁶⁰ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. С. 157.

⁶¹ *Бухарский эмират* — узбекское государство, существовавшее с 1753 по 1920 год в Средней Азии. В 1868 году попал в вассальную зависимость к Российской империи и получил статус её протектората.

⁶² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 912. О командировании полковника Церпицкого, 13.12.1883–04.05.1885; Фалько С. А. Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого в Бухарский эмират. С. 106–115.

⁶³ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 2533: Об отпуске оружия русским поселенцам Закаспийской обл. и о запрещении провоза и продажи оружия в Бухару и Персию. 16.01.1899–04.10.1901. Л. 18.

⁶⁴ В январе 1885 г. Указом Александра III в Бухаре было учреждено представительство России — «Российское императорское политическое агентство» во главе с политическим агентом, который назначался Министерством иностранных дел и подчинялся как Туркестанскому генерал-губернатору и, следовательно, Военному министерству, так и Министерству иностранных дел. Агентство, таким образом, было органом, проводившим колониальную политику царской России в Бухарском эмирате. Подробнее: *Перевезенцева Т. В. Бухарский эмират под протекторатом Российской Империи (конец XIX — начало XX века) // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.)*. Казань, 2015: <https://moluch.ru/conf/hiist/archive/129/7342/>.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 2533: Об отпуске оружия русским поселенцам Закаспийской обл. и о запрещении провоза и продажи оружия в Бухару и Персию. 16.01.1899–4.10.1901. Л. 32.

ной милиции в этом регионе было разрешено передать стрелковое оружие из армейских складов русской армии.⁶⁶ Заметим, в каждом конкретном случае выдача оружия разрешалась только после одобрения императора.

В 1888 г. по просьбе бухарцев была передана дополнительно еще 1 000 винтовок системы Бердана № 2.⁶⁷ А в 1896 г. генерал-губернатор Туркестана барон А. Б. Вревский выступил с инициативой о вооружении бухарских частей, дислоцированных на границе эмирата с Афганистаном. Просьба барона была поддержана в Петербурге, и в 1897 г. сарбазам эмира, дислоцированным в Кала-и-Хубе и Кулябе, были переданы 1 тыс. берданок с 132 тыс. патронов к ним.⁶⁸ В начале XX в. бухарцы получили в подарок от Николая II еще и 4 артиллерийских орудия вместе с стрелковым вооружением.⁶⁹

Следует отметить, что главными целями поставок оружия в Бухару были полицейские мотивы и удержание под контролем эмира власти.

Конец XIX в. стал временем, когда Петербург активизировал свою внешнюю политику в Восточной Азии. Усилилось русское влияние в Корее, где возникло противостояние с Японской империей.⁷⁰ В мае 1896 г., после просьбы корейского правительства, российский пароход инкогнито доставил партию стрелкового оружия из Владивостока в порт Чемульпо. Речь шла о передаче с армейских складов Приамурского военного округа 3 тыс. берданок с необходимым количеством патронов для вооружения корейской армии.⁷¹

---

⁶⁶ РГВИА Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 1408: О переформировании Туркестанской конной милиции. 22.05.1890–29.03.1891.

⁶⁷ РГВИА Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 1085: О пожаловании эмиру 1000 ружей сист. Бердана. 25.02.1886–30.03.1887.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 2025: О безвозмездном отпуске бухарскому эмиру одной тысячи винтовок Бердана, с комплектом патронов. 30.10.1896–15.12.1898. Лл. 2, 26.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 3205: Об отпуске орудия и огнестрельного оружия с патронами эмиру бухарскому и хану хивинскому 7.01.1904–10.07.1909; *Бартольд В. В.* Сочинения. II (1). Общие работы по истории Средней Азии. М., 1963. С. 410.

⁷⁰ *Симанский П. Н.* События на Дальнем Востоке предшествующие русско-японской войне (1891–1903 гг.) Ч. 1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910.

⁷¹ *Ким Ен-Су.* Русские военные инструкторы в Корее и Корейская армия // Русский сборник. Т. II. М., 2006. С. 223; *Хохлов А. Н. Д. В.* Путья и его план мо-

Сильное воздействие на русский оружейный экспорт оказала Первая мировая война 1914–1918 гг. В этой связи интересен факт передачи 2 тыс. винтовок Бердана властям Хивы, ранее уже получившим оружие из России.⁷² События разыгрались в 1915 г., хотя начало этой истории относилось к довоенному времени, когда, в начале 1914 года Военный министр России генерал-адъютант В. А. Сухомлинов выразил свое согласие на вооружение хивинских нукеров современными винтовками Мосина. Однако начавшаяся Первая мировая война внесла свои коррективы, и вопрос длительное время не был решен. Получить оружие от русских хивинцам помог случай. В апреле 1915 г. после панических телеграмм, переданных из Хивы в Петроград о восстании туркменских племен, спровоцированном немецкими агентами, ханским властям в срочном порядке были переданы 2 тыс. винтовок Бердана № 2 и 400 тыс. патронов к ним.⁷³ Таким образом, в чрезвычайных случаях Главный штаб действовал достаточно оперативно.

В начале XX в. российские власти поддержали организацию вооруженных сил Монголии поднявшей восстание против Китая. В 1907 г. Штаб Иркутского военного округа выделил восставшим монголам 500 берданок и патроны. В течение 1912 г. в страну, где активизировало антикитайское движение, было ввезено еще около 15 тыс. берданок и патроны к ним. Летом 1912 г. российское правительство разрешило продажу Монголии 6 тыс. винтовок, 3 млн патронов, 2 тыс. драгунских шашек, 2 вьючных пулемета и 2 конно-горных орудий со снарядами.⁷⁴ В 1913 г. Военное министерство разрешило даже увеличить отпуск монгольскому правительству 10 тыс. 3-лин. винтовок Мосина и 9 милл. патронов.⁷⁵

дернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб., 2013. С. 178.

⁷² РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 3205: Об отпуске орудия и огнестрельного оружия с патронами эмиру бухарскому и хану хивинскому 7.01.1904–10.07.1909.

⁷³ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 4433: По личному ходатайству хана Хивинского о разрешении уступить для хивинского правительства 1 000 трехлинейных карабинов с патронами за установленную плату. 8.04.1915–4.08.1915. Л. 10.

⁷⁴ Пауллер О. Независимая Халха (Внешняя Монголия) до превращения в МНР: http://samlib.ru/o/oleg_pauler/istorijahalhi-wneshnejmongolii.shtml.

⁷⁵ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. II. М., 1949. С. 255.

Нижеприведенная таблица предварительных данных позволяет обобщить и оценить приблизительные объемы передачи русского оружия в страны Азии во второй пол. XIX — нач. XX в.

	Год	Передано оружия
Цинская империя	1862	10 000 ружей и 6 орудий
Корея	1896	3 000 винтовок Бердана № 2
Бухарский эмират	1884	1 000 винтовок Бердана № 2
	1888	1 000 винтовок Бердана № 2
	1897	1 000 винтовок Бердана № 2
	1904	4 76-мм орудия
Хива	1915	2 000 винтовок Бердана № 2
Персия	1879	600 винтовок Бердана № 2
	1883	4 орудия Круппа
	1896	1 000 ружей и 4 орудия
	1906	11 000 винтовок Мосина; 8 пулемётов Максима и 2,5 млн патронов
Монголия	1907	500 берданок и патроны
	1912	15 000 берданок, 6000 винтовок Мосина, 3 млн патронов, 2 пулемётов и 2 горных орудия
	1913	10 000 3-линейных винтовок и 9 млн патронов

Для понимания общей ситуации на оружейном рынке Азии в исследуемый период используем компаративный метод анализа. Он даст нам возможность сопоставить масштабы русского военного экспорта с поставками оружия в этот регион из стран Европы и США.

Если мы вернемся к последней трети XIX в., то увидим, что в Персии к 1877 г. согласно сведениям русского генерала В. А. Франкини, на вооружении иранской армии находились в основном европейское оружие — 8 тыс. ружей системы Шаспо, 30 тыс. нарезных ружей системы Шнайдера, 20 тыс. нарезных французских ружей системы Минье, а также 20 тыс. более или менее годных для использования гладкоствольных ружей разного калибра.⁷⁶

⁷⁶ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. С. 45–46; Франкини В. А. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сен-

На 1886 г., по официальным данным Главного штаба Российской империи, в армии Персии на вооружении числилось 8 тыс. ружей Шаспо, Верндля — 12 тыс. устаревших ружей Снайдера — 30 тыс., 20 тыс. ружей системы Минье, 20 тыс. устаревших гладкоствольных ружей. В 1886 г. персидское правительство купило в Австрии еще 4,5 тыс. ружей Верндля. В иррегулярной кавалерии числилось 10 тыс. скорострельных ружей системы Генри-Мартин, попавших туда после русско-турецкой войны 1877 г.⁷⁷ В конце 80-х гг. XIX в. на этом оружейном рынке успешно реализовали свои амбиции австро-венгерские оружейники. Тогда, Тегераном в Австрии были закуплены около 70 тыс. винтовок системы Верндля.⁷⁸ Таким образом, очевидно, что в это время главная масса стрелкового оружия у персов была австрийского и французского производства. Ружья Бердана, подаренные русским царем Александром III, не влияли на общую картину.

Качество состояния артиллерии персидской армии было еще хуже, там числилось лишь 165 нарезных орудий старых конструкций и лишь 40 современных орудий австрийского производства образца 1875 г. системы Ухациуса.⁷⁹

К началу XX в. дело сильно не изменилось.⁸⁰ В наиболее боеспособной части персидской армии — казачьей бригаде, по сообщению заведующего обучением Персидской казачьей бригады полковника В. П. Ляхова: «Устарелость артиллерийского вооружения [в Персии. — С. Ф.] не требует доказательств (...) орудия едва ли пригодны для боевой стрельбы...».⁸¹

На этом фоне, в 1906 г. был сделан большой заказ оружия во Франции. Франция продала Персии большое количество снятых с вооружения во французской армии винтовок Гра. Также

тября 1877 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 4. 1883. С. 1–34.

⁷⁷ Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств / Под ред. П. О. Щербов-Нефедовича. 6-е изд. СПб., 1887. С. 560.

⁷⁸ Гоков О. А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. С. 94.

⁷⁹ Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств. С. 561.

⁸⁰ Подробнее см: *Мысль-Рустем*. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г.

⁸¹ Цит. по: Ляхов. Записка полковника Ляхова о персидской армии и о перевооружении казачьей бригады, 1906 // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. С. 149.

Персия закупила в Японии карабины Арисака образца 1895 г., использовавшиеся во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и проданные после Персии.⁸²

Отдельно от вооруженных сил в Персии шло снабжение оружием полунезависимых племенных вождей. Например, в начале XX в. Бахтиарские племена могли выставить до 35 тыс. всадников, вооруженных в основном винтовками системы Мартини, многозарядными ружьями Макензи, полученными от англичан.⁸³

В конце XIX в. Китай был самым большим оружейным рынком в Азии для европейцев и американцев. К началу 1880-х годов с заводов Круппа в Китай было поставлено 275 полевых орудий и 150 крепостных и морских орудий разных калибров.⁸⁴ Согласно официальным данным о состоянии вооружения армии Цинской империи, взятых из военного справочника Главного штаба за 1887 г., отмечалось: «Китайцы ежегодно делают обширные заказы артиллерии и оружия в Европе (...) до 1883 г. число орудий и количество оружия европейских систем в Китае (...) 1) орудий 586; 2) ружей Энфильда — 50 тыс. Винчестера, Снайдера и Альбини — 6 тыс., Маузера — 6 тыс., Ремингтона — 16 тыс., Шаспо — 8 тыс. и магазинных — 5 тыс. всего 91 тыс.»⁸⁵ Накануне XX в. объемы оружейного импорта из-за границы только увеличился и к имеющимся на вооружении 500 тыс. современных европейских винтовок в войска и начали поступать магазинные винтовки Маузера. Так, по контракту 1891 г. их было закуплено 20 тыс. единиц. Были закуплены винтовки Манлихера в Австори-Венгрии. Как писали авторы русского военного справочника: «Китайцы ежегодно делают обширные заказы орудий и ружей из Европы, за которыми трудно уследить».⁸⁶

---

⁸² Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. С. 97.

⁸³ Там же: С. 48.

⁸⁴ Пастухов А. М. Артиллерия «новых войск» империи Цин во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2011; Бутаков А. М. Вооруженные силы Китая и Японии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1883. Вып. 3.

⁸⁵ Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств. 6-е изд. С. 531.

⁸⁶ Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств / Под ред. В. П. Целебровского. 15-е изд. СПб., 1896. С. 531.

Япония, во второй половине XIX в., на начальной стадии своих военных преобразований также закупала значительное количество оружия. Корреспондент одного из российских военных журналов М. И. Венюков в 1876 г. сообщал: «Пехота вся имеет нарезные ружья... с 1859 г. в Японию, иностранные продавцы полагают, (ввезенными. — С. Ф.) свыше полумиллиона единиц стрелкового оружия».⁸⁷ Однако, в дальнейшем, благодаря избранной правительством стратегии вооружения армии оружием японского производства в 1880-е года вооруженные силы империи Микадо перешли на винтовки системы Мурата образца 1880 г., хотя на 1883 г. в арсеналах хранились 20 000 ружей модели Снайдерса и 15 000 ружей Пибоди-Мартини, купленные в Америке.⁸⁸ По открытым данным военной статистики в 1885 г. в армии Японии на вооружении еще находились ружья Энфильда-Снейдера образца 1869 г. и Альбини-Брендли бельгийского производства.⁸⁹ Не успели японцы перевооружить свои войска винтовками Мурато и к 1887 г. В этот период артиллерия армии Микадо была вооружена 4-х фунтовыми полевыми орудиями системы Реффи⁹⁰, гвардейский и 1-й полевой артиллерийский дивизионы были вооружены орудиями Круппа.⁹¹ На стрелковое оружие японского производства страна перешла в 1890 г. В этот период на склада еще сохранялись 80 000 ружей системы Снайдера 20 000 Пибоди.⁹² Таким образом, японская модель перевооружения, основанная на постройке собственных оружейных заводов, была наиболее удачной.

В конце XIX в. на оружейном рынке Османской империи стала господствовать Германия, постепенно вытесняя своих фран-

⁸⁷ Венюков М. И. О вооруженных силах Японии и Китая // Военный сборник. 1876. № 5–6. С. 106.

⁸⁸ Унтербергер П. Ф. Несколько слов о военной реформе в Японии // Инженерный журнал. 1883. № 3. С. 369.

⁸⁹ Вооруженные силы Японии капитана Бугуэна (Bougouin). Часть 1 // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1885. Вып. 14. С. 285.

⁹⁰ Французское орудие образца 1870 г., казнозарядное «Canon de 7» 85-мм орудие де Реффи, первоначально имевшие бронзовый ствол с четырнадцатью нарезками.

⁹¹ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. 6-е изд.

⁹² Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.; 1890.

цузских и британских конкурентов.⁹³ Уже в 1875 г. накануне восточного кризиса 1875–1878 гг. концерн Круппа получил заказ на 1 млн франков и занял доминирующее положение в снабжении артиллерией османской армии.⁹⁴ Но подлинное завоевание Турции немецкими оружейными фирмами было осуществлено в 80-х гг. XIX в. В своих многочисленных проектах в области реорганизации турецкой армии офицеры немецкой военной миссии фон дер Гольца настойчиво твердили о пользе унификации вооружения армии, с тем чтобы в рядах ее не было оружия различных систем, лоббируя покупку немецкого оружия. В июне 1885 г. был подписан контракт с фирмой Круппа на поставку 500 орудий полевой артиллерии, крупнокалиберных пушек для обороны проливов Босфор и Дарданеллы. Общая сумма заказов составляла 14,5 мил. франков. Уже в следующем 1886 году турки подписали с Круппом новый контракт на поставку 425 орудий для полевой артиллерии. Следующий крупный заказ оружия получили немецкие предприятия Маузера и Лёве, впервые появившиеся на турецком рынке в 1887 г. Турецкое правительство решило тогда заменить в армии ружья систем Ремингтона и Генри-Мартини более современным оружием. В результате ожесточенной борьбы с австрийским Манлихером и французской фирмой «Шнайдер-Крезо» немцы победили. В феврале 1887 г. турецкое правительство подписало с немцами контракт на поставку 500 тыс. ружей и 50 тыс. кавалерийских карабинов, принятых на вооружение в германской армии, на общую сумму 30 млн марок. Это был явный успех германских оружейников.⁹⁵ К концу 1890 г. в Турции было получено около 200 тыс. винтовок Маузера образца 1871 г. но дело осложнялось отсутствием патронов. В 1890 г. немецким заводам Лёве было заказано 15 млн патронов к этим винтовкам. В 1892 г. у Маузера было заказано еще 200 тыс. винтовок. К 1 марта 1893 г. в Стамбул было доставлено 228 тыс. ружей Маузера калибра 9,5 мм и 150 тыс. калибра 7,65 мм. Общее число винто-

---

⁹³ Подробнее см: *Yorulmaz Naci. Arming the Sultan; Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.)*. М., 1976.

⁹⁴ Газенкамф М. А. Вооруженные силы Турции // Военный сборник. 1876. № 12. С. 37.

⁹⁵ *Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века.* М., 1971. С. 125–129.

вок, закупленных Турцией в Германии в 1885–1897 гг., равнялось 700 тыс.⁹⁶ (из них 472 тыс. — калибра 7,65 мм.)⁹⁷. Архивные документы свидетельствуют о жестокой борьбе между французскими и немецкими оружейниками. При этом, турецкие военные показали себя с достаточно профессиональной стороны в отношении испытаний и отбора оружия.⁹⁸

С началом нового XX в. Восток захлестнула очередная волна гонки вооружения. В августе 1903 г. турецкое правительство подписало контракт с Крупном на поставку 192 скорострельных орудий и 96 тыс. снарядов общей стоимостью 17, мил. франков. Заказ был выполнен к октябрю 1906 г.⁹⁹

Младотурецкая революция не остановила поток оружия из Франции и Германии. Но борьбу за перевооружение опять выиграла немцы. К этому времени армия Турции обладала уже 900 тыс. ружей Маузера.¹⁰⁰ Таким образом, статистика показывает, что для европейского сбыта оружия вторым по величине после китайского был турецкий рынок. И к началу XX в. на нем господствовали немецкие оружейные концерны. Сравнивая этот экспорт с передачами русского оружия на Восток становится ясной несопоставимость объёмов поставок из России с немецким экспортом.

В этот период на Дальнем Востоке в гонку вооружений включилась Корея. После 1897 г. корейское правительство развило лихорадочную деятельность по приобретению ружей. Закупали, где могли и что могли. В результате в армии оказались ружья самых разных систем. До 1898 г. в арсеналах Сеула уже имелось от 13 до 15 тыс. ружей (в том числе 3 тыс. Бердана, 8–10 тыс. Маузера и 2 тыс. других устаревших). Позже было закуплено 12 300 винтовок Маузера, 300 кавалерийских карабинов той же системы, 10 тыс. ружей Гра, 200 Кольта и 10 тыс. японских ружей — всего около 33 тыс., и ожидалось получение 12–50 тыс. ружей Гра. Таким образом, у Кореи имелось до 100 тыс. ружей, что namно-

---

⁹⁶ Там же. С. 172.

⁹⁷ В период с 1893 по 1896 год Османской армии было поставлено 481 900 винтовок. Данные по: *Naci Yorulmaz. Arming the Sultan*. P. 128.

⁹⁸ *Bashanov Mikhail, Kemaloğlu İlyas. Rus Genelkurmay Belgelerinde II. Abdülhamid ve Osmanlı Ordusu*.

⁹⁹ *Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.)*. С. 144.

¹⁰⁰ Там же. С. 138–164.

го превышало потребности армии. Что касается артиллерийских орудий, то к 1901 г. в Сеуле было 15 медных дульнозарядных пушек, 10 стальных горных Круппа, 10 митральез и 2 полевые пушки Круппа, но снарядов для них не было. В 1901 г. закупили 4 полевые 75-мм. пушки с 800 снарядами, 8 горных такого же калибра с 1,5 тыс. снарядов, 6 картечниц с 200 тысячами патронов, а в следующем году завезли из Японии 6 старых полевых крупновских пушек. В результате имелось 61 орудие (12 полевых пушек Кольта и Максима, 18 таких же горных, 15 полевых медных дульнозарядных и 16 митральез Кольта и Максима).¹⁰¹ Таким образом, и на корейском оружейном рынке российские 3 тыс. ружей Бердана переданные в 1896 г. оказались в явном меньшинстве.

Как мы видим из приведенных выше данных, статистика оружейного экспорта в Азию далеко не в пользу России. Отметим, что лишь в Персии Петербург смог добиться увеличения поставок оружия из складов и заводов Российской империи.

Для уточнения ситуации с объемами поставок русского оружия на Восток, следует вспомнить, что оно попало еще и в Эфиопию. В феврале 1887 г. в Военном министерстве России обсуждались планы о поставках в эту страну 10 тыс. винтовок и 1 млн патронов. Но они не были реализованы.¹⁰² Однако позже оружие все же было поставлено. Перед началом войны с Италией 1895–1896 гг. в ноябре 1895 г. армия Эфиопии, опять же в дар получила от Российской империи 30 тыс. винтовок Бердана, 5 млн патронов и 5 тыс. сабель.¹⁰³ В ноябре 1897 г. «из арсенала с Высочайшего соизволения для доставки Негусу 30 000 ружей, 3 000 000 патронов и артиллерийские снаряды».¹⁰⁴

---

¹⁰¹ Волков С. В. Деятельность иностранных военных инструкторов и реформы корейской армии в конце XIX — начале XX вв. // Российское корееведение. Альманах. Вып. 5. М., 2007. С. 47.

¹⁰² Хренников А. В. Россия и Эфиопия: развитие двухсторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992. С. 33.

¹⁰³ Цыткин Г. В., Язьга В. С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989. С. 105, 111; Морозов Е. В. Российско-эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию // Научно-теоретический журнал: Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10 (1). История и исторические науки. Пятигорск, 2011. С. 79.

¹⁰⁴ Цит. по: Памятная записка Н. С. Леонтьева С. Ю. Витте о своей деятельности в Эфиопии // Российско-эфиопские отношения в XX — начале XX в. Сборник документов. М., 1998. С. 269.

Но наиболее масштабное русское оружие поставлялось на Балканы. При организации армии Болгарского княжества в 1878–1879 гг. из запасов русской армии были переданы 144 орудия разных систем. Из стрелкового оружия системы Крынка — 57 тыс. единиц, Снайдера — 15 тыс., Шаспо — 8 тыс., Пибоди-Мартин — 7 тыс., т. е. 87 тысяч ружей и 18 млн патронов к ним.¹⁰⁵

В справочнике русского военного ведомства за 1902 г. в Болгарии на вооружении армии пехоты находилось уже 54 тыс. винтовок Бердана № 2 (производились в России) и 160 тыс. — австрийских ружей Манлихера образца 1888 и 1895 г.¹⁰⁶

Поставляла Россия оружие и в королевство Сербия. В 1890 году Сербия получила от России 76 тыс. винтовок Бердана № 2 и партию патронов к ним. Зимой 1902–1903 гг. сербам поставили из России 70 тыс. ружей Бердана и 10 миллионов патронов.¹⁰⁷ Однако следует отметить, что основной винтовкой сербской армии была винтовка системы Маузер.

Масштабные поставки русского оружия осуществлялись и в соседнюю Черногорию. В мае 1894 г. российское правительство приняло решение об отпуске 30 тыс. винтовок Бердана и 12 млн патронов за счет русской казны. Затем из России было направлено 30 тыс. трехлинейных винтовок Мосина М 1891 и к ним 12 млн 900 тыс. патронов.¹⁰⁸ На вооружении войска княжества к 1902 г. было 30 тыс. винтовок Мосина, 30 тыс. — Бердана № 2, 20 тыс. — Верндля, 10 тыс. — Крнка, 4 тыс. — Генри-Мартина и Снайдера.¹⁰⁹ Вышеприведенная статистика доказывает, что основное количество оружия вывезенное из России в это время попало на Балканы.

---

¹⁰⁵ Овсяный Н. Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–78–79 гг. СПб., 1904. С. 77–78.

¹⁰⁶ Сборник новейших сведений о вооруженных силах государств Балканского полуострова. Изд. 21-е. СПб., 1902. С. 17.

¹⁰⁷ Максимович Воин. Военные связи и отношения Сербии и России (1806–1917) // Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. / Сост. А. Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М., 2014. С. 28.

¹⁰⁸ Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.: Москва — Подгорица, 2003. С. 28.

¹⁰⁹ Сборник новейших сведений о вооруженных силах государств Балканского полуострова. Изд. 21-е. С. 58.

Обобщая материал по русскому оружейному экспорту в страны Азии можно выделить ряд особенностей, отличающих русский вариант этой формы военного сотрудничества.

Следует отметить, что в большинстве из указанных случаев оружие из России было передано безвозмездно. Поставки оружия Россией происходили с целью продвижения своих политических интересов. Европейцы и американцы практически всегда оружие продавали. С 50-х гг. XIX в. это была коммерческая политика с далеко идущими политическими и экономическими целями. Так, в этот период возникло глобальное, индустриализованное оружейное предпринимательство.¹¹⁰

Рассматривая вопрос о механизме передачи в изучаемый период винтовок, боеприпасов и артиллерийских орудий в Бухару, Хиву, Китай, Корею и Персию стоит подчеркнуть, что, как правило, решающую роль в принятии решения по поставкам оружия в страны Азии играла российская военная и политическая элита. Передача оружия предшествовала проработка внешнеполитических вопросов, связанных с возможными для империи последствиями от экспорта оружия в МИД и Военном министерстве России, но последнее слово всегда оставалось за императором.

В отличие от европейских стран, где с середины XIX в. всё большее значение играла инициатива частного оружейного бизнеса, которой активно использовал любую возможность открыть новые оружейные рынки, в том числе и на обширном азиатском континенте.

Напомним, что в Российской империи монополия на оружейный бизнес принадлежала государству, т. е. формально были частные полуказенные заводы — Путиловский, Ижорский и др., но они выпускали вооружение только под заказ правительства и не имели права самостоятельного выхода на внешний рынок. На Западе и в США существовали коммерческие производители вооружения и именно им принадлежала инициатива в экспорте оружия.

Как правило, ведущую роль в решении вопроса об экспорте оружия в страны азиатского континента в России принадлежало внешнеполитическому ведомству, а не коммерсантам и даже не военным. Хотя Военное министерство России в большинстве

---

¹¹⁰ Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. С. 276.

случаев с передачей оружия постоянно выступало с более активной позицией, чем представители МИД. Военные предполагали возможным использовать реформируемые войска Бухары, Кореи или части Персидской казачьей бригады как вспомогательные контингенты в случае конфликта с внешнеполитическими противниками России. Еще одной целью передачи оружия русские власти рассматривали поддержку режимов в азиатских странах, ориентирующихся на Россию.

Масштабы помощи оружием Китаю, Ирану, Бухаре, Хиве или Корее со стороны Петербурга значительно отличались, например, от объемов германских поставок стрелкового оружия и артиллерии в армию Османской империи и цинского Китая, а также и от поставок российского оружия в изучаемый период на Балканы, где счет шел на десятки тысяч единиц. Они были существенно скромнее. Схожая ситуация была и у других оружейных производителей из Европы и США.

К концу XIX в. поставки устаревших систем — ружей Бердана — осуществлялись не только в страны Азии, но и в Эфиопию. Дело в том, что новейшее оружие было в дефиците в самой русской армии. Это показала та же Первая мировая война. Кроме того, была общая политика военного ведомства — не поставлять за рубеж то оружие, которое считалось современным и состояло на вооружении русской армии. В этом коренное отличие русской политики от, к примеру, германской. Кроме того, оружейные промышленные мощности России были несопоставимы с теми, что имелись у Франции, Германии и США. Уже к Первой мировой войне наметилось заметное отставание России в таких сферах, как массовое производство вооружений. Соответственно, Россия не являлась крупным игроком мирового рынка вооружений, порой уступая даже таким странам как Австро-Венгрия поставившая своего оружия в Персию и Китай больше, чем Россия.

Относительно влияния европейского оружия на обороноспособность стран Азии отметим, что закупки новейшего оружия зачастую не означали, как того хотели местные элиты, решения их главной задачи — защиты независимости страны. Это подтверждали войны и военные конфликты. В 1878 г. поражением закончилась война Турции с Россией, несмотря на громадные закупки американского и немецкого оружия накануне. В 1885 г. китайские войска потерпели военную неудачу в войне с Франци-

ей, хотя накануне войска Китая были вооружены современным для того времени оружием. Катастрофой для китайцев закончилась война с Японией в 1895 г. Хотя и в этом случае войска Цинской империи были неплохо вооружены оружием из Европы. С новым оружием нужно было еще уметь обращаться. Официальный военный наблюдатель от России во время этой войны полковник К. И. Вогак так описывал свои впечатления с мест боёв: «... прекрасные пушки Круппа до того заржавели, что у большей части нельзя отворить замков (...) господствует полное смешение разного рода систем [винтовок. — С. Ф.] (...) японцы взяли [трофей. — С. Ф.] 16 митральез (...) 15 в не раскупоренных ящиках (...) что может быть красноречивее для характеристики военного развития китайцев».¹¹¹

Таким образом, в конце XIX в. правящим элитам ряда азиатских стран стало ясно, что, несмотря на необходимость перевооружения армии, военная модернизация заключается не только в этом. Военные неудачи стали причиной новой серии преобразований в вооруженных силах стран Азии, давших свои плоды позже, например во время Первой мировой 1914–1918 гг. в боях за Галлиполи и на Месопотамском фронте, где турецкая армия дала достойный отпор войскам Антанты.

Автор выражает искреннюю благодарность за значительную помощь в проведении исследования доктору исторических наук, действительному члену Королевского общества по изучению Востока (The Royal Society for Asian Affairs) (Глазго, Великобритания) Михаилу Казбековичу Басханову.

---

¹¹¹ Вогак К. И. Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1895. Вып. 60. С. 199.

«ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ С НАРОДОМ»:
празднование дня отмены крепостного права
19 февраля 1902 г. в Кремле как часть комплексной
программы Московского охранного отделения
по борьбе с рабочим движением

«А рабочие шли все так же густо, нестройно и не спеша; было много сутулых, многие держали руки в карманах и за спиной. Это вызвало в памяти Самгина снимок с чьей-то картины, напечатанный в «Ниве»: чудовищная фигура Молоха, и к ней, сквозь толпу карфагенян, идет, согнувшись, вереница людей, нанизанных на цепь, обреченных в жертву страшному богу».

М. Горький. Жизнь Клима Самгина

В начале XX в. Москва, благодаря инициативной деятельности начальника охранного отделения С. В. Зубатова, стала «полем экспериментов» в решении рабочего вопроса, представлявшего к тому времени проблему государственного масштаба. К 1902 году уже был испробован опыт сотрудничества полиции с либеральной профессурой Московского университета (И. Х. Озеровым, В. Э. Дэном, А. Э. Вормсом и др.), окончившийся их скомпрометированной репутацией и последовавшим, в связи с этим, разрывом с «зубатовцами»¹. В начале 1902 г. у охранного отделения по-

---

¹ Московская профессура одинаково настороженно относилась и к рабочим, и к полиции. В своем докладе в Департамент полиции в 1901 г. Зубатов со-

является новая «группа поддержки» с иным идейным окрасом в лице епископа Можайского Парфения, председателя московского цензурного комитета В. В. Назаревского и бывшего народолюбца Л. А. Тихомирова. Условно, этот этап деятельности Зубатова можно обозначить как «консервативный» (в противовес предыдущему «либеральному»).

Вскоре после получения от московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича разрешения на организацию «Общества взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом в механическом производстве», Зубатов инициировал проведение верноподданнической манифестации рабочих, приурочив ее к дате опубликования Манифеста об отмене крепостного права. Зубатовец Ф. А. Слепов сообщает в своих воспоминаниях, что в январе 1902 г. у Совета рабочих (организованного осенью 1901 года по решению охранного отделения) «возникла мысль отпраздновать приближавшийся день 19-го февраля». И поясняет, что член Совета И. Соколов принес на одно из собраний «кем-то составленное воззвание»². Целью Зубатова было, с одной стороны, продемонстрировать «договороспособность» рабочего, а с другой, через опыт переживания праздничного экстаза поселить в рабочем веру в желание власти идти ему навстречу. «Методы сопротивления, привитые рабочим, сделали последних в глазах общества «чудовищем обло, стозевно и лайй». Как же вступить власти (или фабриканту) с таким субъектом в договорные отношения? Надо было доказать, что это не так и дать ослу предметный урок. День 19 февраля представился для сего подходящим», — так разъясняет Зубатов преследуемые им цели³. Иными словами, вместе с властями рабочие должны были пора-

---

общает, что «профессор, выслушав явившихся к нему рабочих, хотя и обещал принять их под свое покровительство, но в то же время отнесся крайне недоверчиво к искренности их намерения, и степени распространенности такого мирного направления в рабочей массе». (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 229. ОО ДП 1901 г. Д. 801. Ч. 1. Л. 16 об.). В 1902 г. Озеров публично объявил об отказе быть почетным членом Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве (Курьер. 1902. № 256. С. 3). Собственно, не случайно было выбрано именно это издание, имеющее славу «либерального» (См.: Гиляровский В. А. Москва газетная // Гиляровский В. А. Избранные сочинения : в 3 т. М., 1961. С. 190–198).

² Русское дело. 1905. № 30. С. 24.

³ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М. ; Л., 1928. С. 86–87.

зиться своей смиренности и принять ее как данность. Манифестация явилась «высшим кульминационным пунктом Зубатовщины в Москве»⁴.

Разрешение на митинг было получено в «частном порядке». В Российской Империи на тот момент и союзы, и, тем более, митинги рабочих находились под запретом. Даже утверждение различных касс взаимопомощи, потребительских обществ и т. п. превращалось, как правило, в длительный процесс с неизвестным результатом: «Рабочие не могли объединяться в кассы взаимопомощи: обыкновенно это не разрешалось, а если и утвердят устав, то в таком обезображенном виде, что касса являлась мертворожденным ребенком, так как она не могла удовлетворить в таком виде даже самые спокойные элементы»⁵. Властями не осознавалась разница между благотворительностью и основами гражданской взаимопомощи, а ведь это именно то, что делает из верноподданного активного члена общества⁶. В то же время, во многом, что касалось наведения полицейского порядка на промышленных предприятиях, местная администрация имел простор для маневров. Зубатову был дан карт-бланш, о чем он сам свидетельствует: «Министерство внутренних дел согласилось видеть в деятельности московской администрации некоторый опыт, в зависимости от результатов которого оно и ставило свое дальнейшее поведение»⁷.

⁴ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1924. С. 25.

⁵ Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 20. Следует пояснить фразу Озерова «обыкновенно это не разрешалось» — формально организация вспомогательных касс не запрещалась, но и подобная практика долгое время не приветствовалась властями, а рабочие попросту не умели их устраивать. Уставы фабричных касс утверждались министром финансов, уставы прочих обществ взаимопомощи — министром внутренних дел. Одним из первых был утвержден Устав «Харьковского Общества взаимной помощи занимающихся ремесленным трудом». Характерно, что министерство внутренних дел вычеркнуло из списка управляющих делами общества Совет и наложило запрет на открытие филиалов, т. к. «подобная постановка вопроса весьма затрудняет надлежащий контроль и наблюдение за деятельностью общества» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 10 (1897 г.). Д. 328. Л. 19, 68).

⁶ С. Н. Прокопович об этом пишет так: «Экономическая отсталость России настолько велика, что мы до сих пор еще не вышли из периода филантропической организации помощи неимущим. Переживаемый нами период лучше всего характеризуется тем обстоятельством, что общества взаимопомощи находят себе место в списках благотворительных обществ и учреждений» (Прокопович С. Н. К рабочему вопросу в России. СПб, 1905. С. 2).

⁷ Вестник Европы. 1905. № 3. С. 435.

Создание общества не произошло одновременно, почва была уже подготовлена. Работа информаторов охранного отделения активно велась в рабочей среде на протяжении нескольких лет. Исследователь И. А. Шмелева полагает, что начало регулярной поставке информации и деятельности провокаторов было положено в 1896 г. и связывает этот факт с арестом членов «Московского Рабочего Союза» и вербовкой из их числа наименее стойких⁸. Но, возможно, это произошло и ранее. Известно, что непосредственно с рабочими организациями Зубатов столкнулся еще в 1887 г., выполнял задание в качестве агента в организации, действовавшей в Московской губернии и объединявшей мастеровых ряда крупных фабрик, он сам попал под подозрение и даже готовилось его физическое устранение⁹. Мы не знаем, какие связи ему удалось сохранить, продолжить и развить уже в качестве официального сотрудника Охранного отделения. Но вполне можем предположить, что таковые могли быть. В 1901 г. именно от своих агентов Зубатов получает информацию о недовольстве рабочих фабрики Листа в связи спотерянной возможностью посещать Пречистенские рабочие курсы после переноса производства в другой район Москвы¹⁰. Среди рабочих, посещавших упомянутые курсы, и были осведомители. Собственно, фамилия рабочего М. А. Афанасьева, лидера зубатовских Советов, появляется в числе приближенных к преподавательнице Дмитриевой.¹¹

Вот как передает сам Зубатов суть беседы с задержанными рабочими, которых он пытался убедить в том, что их интересы «не требуют политической свободы» и при взаимодействии с полицией проблемы могут быть решены: «Но тут же является вопрос: а поверит ли нашей корректности правительство и разрешит ли нам какие-либо учреждения самопомощи (потребительские общества, кассы взаимопомощи, конторы юридической по-

---

⁸ Шмелева И. А. Борьба против зубатовщины в Москве по воспоминаниям рабочих // Ученые записки. Шуйский государственный институт. Вып. 9. 1960. С. 58.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3-е ДП. Д. 664. 1887 г. Л. 15 об.

¹⁰ Этот инцидент, собственно, и послужил началом организации рабочего общества. См: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1901 г.. Оп. 229. Д. 801 (1).

¹¹ Воробьева Ю. С. Документы царского политического розыска о Пречистенских рабочих курсах. // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. Сб. ст.. М., 1983. С. 84.

мощи и проч.). Отвечаю на это, что сей вопрос может быть решен лишь практически: можно начать разрешать лишь тем, кого знаешь, а в широком смысле этим пользоваться еще нельзя, ибо рабочее мало еще осознало свои действительные интересы...»¹². Помочь осознать «действительные интересы» должна была полиция в тандеме с благонадежной интеллигенцией.

В Москве складывалась благоприятная ситуация для убеждения рабочих в искренности властных намерений. Прежде всего, благодаря слаженности действий охранного отделения, полицмейстера и генерал-губернатора. Накануне торжества, 6 февраля 1902 г., вел. кн. Сергей Александрович принял депутацию рабочих из 13 человек, пришедших выразить благодарность за представление на утверждение Устава Общества. Губернатор уделил каждому из членов депутации личное внимание и напутствовал пожеланием успеха. Конечно, такое видимое расположение родного дяди императора вселяла в рабочих доверие, уверенность в не бесполезности дела.

Итак, 19 февраля 1902 года рабочие должны были собраться у памятника Александру II, расположенному в Кремле, отслужить панихиду и возложить венок, на который Совет Общества собрал деньги. Как свидетельствует один московский рабочий, написавший письмо в газету «Искра», «... на следующий день все рабочие, подписавшиеся на венок, получили от своих хозяев в 5 раз больше того, сколько подписали»¹³. Также он сообщает, что в городе циркулируют слухи о том, что охранное отделение израсходовало на эту акцию 100 тысяч рублей.

Отметим, что лидеры зубатовцев (Афанасьев, Слепов, Н. Т. Крапивский и др.) получали регулярное вознаграждение в «охранке». Суммы выплат составляли от 20 до 100 рублей в месяц. При попытке Зубатова прекратить выдачу денег членам Совета, последовал ультиматум: «Возлагаемые на нас охранным отделением в некоторых случаях чисто агентурные поручения нам не по силам, и мы не в состоянии выполнять их в будущем»¹⁴. Сомневаться в непосредственной работе на полицию «верхушки» Совета не приходится. Широко известна и во многих исследованиях уже не раз

¹² Цит. по: Бухбиндер Н. А. Зубатовщина в Москве (По неизданным материалам) // Каторга и ссылака. № 1 (14). М., 1925. С. 97.

¹³ Искра. № 18.

¹⁴ Ростов Н. (Беленький Д. М.) Крушение одного опыта: Зубатов и Гапон. М., 1927. С. 15.

цитировалась фраза из письма самого Зубатова в Департамент полиции: «Мы организовали «Рабочий Союз» — из 17 чел., проводя туда всю агентуру»¹⁵. В переписке с «летописцем» русского революционного движения В. А. Бурцевым Сергей Васильевич в ответ на настойчивые предложения последнего писать мемуары, категорически отказывается в т. ч. и потому что «агентурный вопрос (шпионский по терминологии других) ... так легко задеть в своих воспоминаниях»¹⁶. Слепов (включая себя) называет тринадцать фамилий рабочих, которые представляли Совет: Афанасьев, Красивский, Ф. Игнатов, И. Володин, А. Орлов, Ф. Долин, П. Емелин, А. Яковлев, В. Булгаков, Н. Сопов, И. Соколов, Ф. Жилкин. По его словам «своим» в охранном отделении был только Афанасьев, бывший революционер. Скорее всего, он, действительно, был особо приближенным к Зубатову. Вот что сообщает последний в защиту своего протеже в Петербург, когда возник ряд вопросов к его революционному прошлому: «Вся игра идет на легальном обществе ... Рабочие очень довольны. Но все это может идти лишь тогда, когда я говорю устами Михаила Афанасьева (на нем все держится)»¹⁷. Слепов же с умысленной (или неумысленной) наивностью рассказывает, как начались его финансовые отношения с полицией, вовсе не пытаясь их отрицать. «После праздника мне очень нужны были деньги, а взять было негде. Я попросил у Афанасьева, но тот отказал мне, сказав, что сам не имеет лишних. — Да ты сходи в охранное отделение и попроси, — посоветовал он, — и это, действительно, оказалось не трудно. Получив от начальника филеров Е. И. Медникова в это первое посещение 10 золотых, он начал ежемесячно получать в «охранке» по 25 рублей»¹⁸.

Параллельно с официальным митингом готовилась протестная акция социал-демократов и студентов у памятника Пушкину, призванная открыть глаза рабочим на политическую сущность рабочего вопроса, разоблачить тактику «успокоения», используемую московскими властями. Многие рабочие были готовы поддержать оппозицию, и этот вопрос активно обсуждался на районных собраниях «зубатовцев»¹⁹.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1901 г. Оп. 229. Д. 801 (1). Л. 9.

¹⁶ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 91.

¹⁷ ГАФР. Ф. 102. ОО. 1901 г. Оп. 229. Д. 801 (1). Л. 13.

¹⁸ Русское дело. 1905. № 28 (особое прибавление). С. 8.

¹⁹ Там же. Л. 54.

Накануне манифестации МК РСДРП распространил прокламацию, в которой призывал рабочих не проявлять наивность, не соглашаться на «синицу в руке»:

«Убедившись в бессилии кнута подавить рабочее движение, пустившее уже глубоко корни в стране, оно решило поманить нас сладким (несколько слов нельзя прочесть — залом на бумаге. — *мое прим.*)“На них оно старается всеми силами убедить нас, что оно все для нас сделает, лишь бы отказались от (слово неразборчиво. — *мое прим.*) завоевания политической свободы“Но позволяет ли оно говорить на этих собраниях о борьбе с капиталом, об устройстве стачечных касс, этих важнейших орудий в руках рабочих для завоевания лучшей доли? О, конечно нет: ведь это политика! Позволяет ли оно устраивать кружки самообразования, рабочие клубы? О, да идите в чайные общества трезвости, там вы в обществе оборванцев, чуждых сознания своего человеческого достоинства найдете — полные лжи и грязи газеты «Свет», «Московские ведомости», «Новое время», да в приправу — грубое обращение заведующих“За то вы можете свободно устраивать потребительные лавочки, копилки да... хоры для пения: «Коль славен наш Господь в Сионе”, и еще... что же еще? — да больше ничего! Товарищи! Вот за какие блага разные изменники рабочего дела вроде Афанасьева, Красивского и др“предлагают вам отказаться от борьбы за социализм и политическую свободу!»²⁰.

Текст заканчивался призывами к борьбе за политическую свободу и демократическую конституцию.

Непосредственно перед готовящимся промонархическим митингом по Москве прошли задержания «неблагонадежных лиц». Из сохранившихся полицейских документов мы можем сделать вывод, что студенты действительно могли рассчитывать на поддержку рабочих. В докладной записке по Охранному отделению от 6 февраля 1902 г. читаем следующее: «... в ночь на 6-е февраля была произведена ликвидация 2-ой группы лиц, задумавших подготовить и устроить в феврале месяце политическую демонстрацию при участии рабочих».²¹ Всего за январь-февраль 1902 г в Мо-

²⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 44.

²¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 138–139. Л. 1.

ске было арестовано более 150 человек. Причем еще раз важно отметить, что рабочие из этого числа составляли значительную часть. Только за один день 22 января было задержано 26 рабочих.²²

В данном контексте любопытно отметить, как П. Б. Струве проводит параллель между попытками решить сверху студенческий и рабочий вопросы и обнаруживает точки соприкосновения, позволяющие учащимся и рабочим выступить единым фронтом:

«Студентов то садают в солдаты, то ублажают обещаниями университетской реформы, то сажают по тюрьмам и ссылают в Сибирь: никакой последовательности, никакого плана действий. То же самое имеет место и в отношениях правительства к рабочим. За стачки их ссылают в Сибирь и «усмиряют» при помощи войска, но под давлением стачек же издается закон об ограничении рабочего дня. Оставаясь последовательным в своей непоследовательности, правительство совершенно аннулирует этот закон министерским циркуляром. Жестоко преследуя рабочие организации, правительство само, по совету Зубатова, начинает организовывать рабочих. Эта попытка, по-видимому, начинает казаться ему опасной, и оно готово уже уничтожить дело рук своих, оно вечно колеблется из стороны в сторону»²³.

И не случайно Зубатов задумался и о «приручении» студентов. В конце 1901 г., к докладу, подготовленному для Департамента полиции и посвященному истории возникновения и развития рабочего революционного движения, он приложил записку с предложениями по студенческому вопросу²⁴.

---

²² Там же. Л. 7.

²³ Освобождение. 1903. № 4. 1903. С. 241.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 229. Д. 801 (1), 1901 г. Л. 40–43. Модель решения проблемы, которая предлагалась Зубатовым в данном случае, аналогична проблеме с рабочими — «с одной стороны, оградить учащуюся молодежь от доминирующего влияния на нее злонамеренного меньшинства, а с другой, при наличии условий, дающих возможность предполагать о возможности возникновения беспорядков, — изыскать способы, при которых решение по волнующим студенчество вопросам не составляло бы, как ныне, монополию крайнего меньшинства, а сознательное участие в таковых было бы доступно всей массе студенчества, от которой в таком случае всегда можно ожидать решение, действительно согласное с мнением большинства, — большинства не бунтарского, а умеренного». В письме Бурцеву от 18 декабря 1906 г. Зубатов пишет: «Студенты не менее беспокоили московскую администрацию своими беспорядками. Применительно к принципам по рабоче-

Власти панически боялись любого скопления народа. (В качестве анекдота можно привести телеграмму начальника Саратовского ГЖУ, который выражал обеспокоенность слухами о тысячной толпе, якобы занявшей Кремль)²⁵. Ober-полицмейстер Трепов был также встревожен грядущим событием. «Надлежало прежде всего испросить разрешение, а потом уж пропагандировать идею», — написал он на ходатайстве рабочих, что, в свою очередь, является лишним свидетельством того, что Зубатов позволял себе «бежать впереди» начальственных дозволений²⁶. Официальное прошение властям от рабочих о проведении митинга было подано 24 января 1902 г.. В заявлении подчеркивалось, что поводом к торжеству явилась дата отмены крепостного права и, что особенно важно, обозначался патриотический характер данного события, «выражение глубокого чувства любви к Родине»²⁷. Этот идеологический «ход», скорее всего, был подсказан Тихомировым, к текстам которого, написанным специально к 19 февраля, мы еще вернемся. Тональность заявления была уверенной: «рабочие со всех районов», «многочисленные подписи», «изъявили желание не только праздновать, ... но также отслужить ... панихиду», «рабочие уже начали сбор денег на венки». Все это не оставляет сомнений в том, что организовано подобное дело могло быть исключительно при участии надежных покровителей.

Вел. кн. Сергей Александрович продолжал выказывать абсолютную поддержку — он «пришел в восторг от их затеи, разрешил считать этот день нерабочим и выразил желание лично присутствовать при этом патриотическом празднике»²⁸. В официальном разрешении со ссылкой на Его Императорское Высочество в частности говорилось, что мероприятие будет назначено на 10.30 утра²⁹. Еще раз подчеркнем, что решающее слово принадлежало именно вел. кн. Сергею Александровичу.

Ранним морозным утром 19 февраля со всей Москвы толпы рабочих (по разным подсчетам — более 50 тысяч человек) целы-

---

му вопросу, мы выработали и взгляды на студенческие дела». (Цит. по: *Козмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 71–72*).

²⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 90.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ *Бухбиндер Н. А. Зубатовщина в Москве. С. 103.*

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1 (2). Л. 128.

ми семьями начали стягиваться в центр. По предписанию властей, рабочие должны были передвигаться небольшими группами, соблюдать порядок и дисциплину. Трепов постарался подготовиться к непредвиденным событиям. Количество полицейских, жандармов и казаков, наводнивших сам Кремль, и прилегающие улицы, превышало 1 000 человек. Всем чинам наряда было приказано явиться при полном вооружении³⁰. Также были вызваны пожарные наряды. У членов Совета были специальные значки, выделявшие их из общей массы. Зубатовцы были кем-то наподобие народной дружины. Кроме открытой охраны, во дворе Чудова монастыря скрывалась специальная группа жандармов и городских, готовых открыть огонь при малейших признаках нарушения порядка. Народ запускали небольшими группами через Спасские, Боровицкие и Никитские ворота. У стен Кремля толпилась огромная масса людей, «отрезанная» и разгоняемая полицией. К 9.30 на место прибыли представители московской администрации, духовенство, хоругвеносцы. Губернатор появился в 10.00 и процессия направилась к памятнику. В галерее, окружавшей монумент, выстроились хоругвеносцы. Справа — депутации от рабочих, слева — хоры певчих. Напротив памятника располагался специально сооруженный помост для совершения панихиды. После ее окончания под торжественные звуки оркестра мастерских Рязанской железной дороги, исполнившего «Коль славен», «Боже, царя храни» и «Преображенский марш» к подножию памятника был возложено два венка депутациями от московского фабричного района и от машиностроительного завода Струве в Коломне. Первый — серебряный с надписью «Великому Царю Освободителю в незабвенный для русского народа день 19 февраля — от трудов Московских заводско-фабричных рабочих 19 февраля 1902 года», стоимостью 1400 рублей. И второй, фарфоровый, «От мастеровых Коломенского машиностроительного завода — Царю Освободителю». Затем в храме Христа Спасителя был отслужен молебен за здравие Николая II. В завершении мероприятия Сергей Александрович поднялся к памятнику и выразил благодарность собравшимся: «Передайте всем вашим товарищам, как я рад был помолиться вместе с ними об упокоении души незабвенного моего родителя и о благополучном царствовании и здравии наше-

---

³⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 13–15.

го возлюбленного государя»³¹. Вечером этого же дня в Народном доме на Тишинке состоялся семейный вечер для рабочих.

Конечно, впечатление от митинга было велико. «Что касается опыта, произведенного г. Зубатовым 19 февраля перед памятником Царю-Освободителю, то он поразил всех благомыслящих москвичей, потому что такая манифестация была и необычайна, и произведена вопреки закону».³² Трепов слал восторженные сообщения в Петербург: «Патриотическая манифестация рабочих в числе 60 тысяч прошла блистательно и в удивительном порядке»³³.

Инициатива рабочих, поддержанная властью — вот в чем заключался посыл, обращенный не только к рабочим, но и ко всем подданным. Образное, но вместе с тем и осязаемое (по крайней мере, в пределах митинга) единство царя (власти) и народа не могло не задеть чувства и эмоции простых людей, не имеющих никакого опыта активной социально-политической жизни.

Идея использовать образ Царя-Освободителя как умиротворяющий символ была, несомненно, удачной. Ведь кроме того, что Александр даровал свободу крестьянам, он еще и погиб мученически от рук «интеллигенции», ненависть к которой буквально насаждалась в газетах типа «Московских ведомостей». Связать идеологически освобождение крестьян с долгожданным освобождением рабочих от гнета эксплуатации было не трудно.

«Добрые люди не оставьте такого великого дела дабы нас и царь не оставил — вот, как мы уже слышали, как откликнулись сердца наших собратьев и так давайте же соберемся и мы по примеру ихнему если не отблагодарить за такое великий подвиг Нашему Императору Александру Николаевичу вспомнить про то время когда тяготились наши отцы и деды под гнетом барства, вот други мои это время уже миновало и за эту то добродетель и надо отблагодарить нашему Государю Александру Второму. По этому поводу нашлись такие люди и хотят облегчить нашу горькую участь фабричную (фраза в тексте подчеркнута. — О. К.) как некогда облегчил участь крестьян от ига барства Государь Александр Николаевич»³⁴, — листовки с таким содержанием, написанные

---

³¹ Московские ведомости. 1902. № 51. С. 2.

³² Морской А. (Штейн В. И.). Зубатовщина. М., 1913. С. 102.

³³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 92.

³⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101. Ч. 1. Л. 17 об.

умышленно неграмотным языком, распространялись рабочими-зубатовцами.

О том же, что думал по поводу происходящего действующий император Николай II, мы можем лишь догадываться. В его дневнике за 19 февраля 1902 г нет ни слова о московском митинге, но, по обыкновению, о лошадях и поездке в оперу. Здесь нам могут быть интересны записи Тихомирова, который, погружаясь в рабочий вопрос, получал от знакомых информацию, в том числе и из Петербурга, и, кажется, не ждал ничего хорошего. Слухи о связи членов Совета с полицией уже циркулировали в Москве и, отмечая это, Лев Александрович пишет:

«Все бы это не беда, если бы власти Питерские были на высоте. А то, того гляди, сами помогут революционерам задушить Совет, если не разрешат организации рабочих. Победоносцев, говорят, против, высказывал, что русские рабочие способны только на революции... Откуда он их знает? ... Последний умный человек одурел...»³⁵.

И несколькими днями позже:

«Царь, не знаю, что ему Господь положил на сердце. До сих пор он очень осторожен и это хорошо. Но если он кончит этим, что не возьмется за дело, то это будет очень скверно»³⁶.

Опасения Тихомирова были вполне оправданы.

День 19 февраля не являлся государственным праздником и, вообще, на официальном уровне напоминание об эпохе реформ Александра II было нежелательно на официальном уровне. Сразу же после манифестации министром внутренних дел Д. С. Сипягиным был издан циркуляр, предписывающий средствам массовой информации не делать акцент на прошедшем мероприятии:

«В Москве 19 февраля в Кремле происходило у памятника Императора Александра II торжественное молитвословие, на коем присутствовали рабочие некоторых московских фабрик. Этому со-

---

³⁵ Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.

³⁶ Там же. Л. 62 об.

вершено местному торжеству, обусловленному именно тем, что в московском Кремле сооружен памятник почившему монарху, некоторые органы печати стараются придать характер знаменательного события, имеющего очень реальную общественную ценность, служащего выражением пробуждающегося общественного сознания в трудящихся массах, и как бы указывающего на официальное признание существования у нас класса рабочих. Такое объяснение упомянутого события, представляясь по существу неверным и крайне тенденциозным, отнюдь не должно быть допускаемо в подцензурной печати. Не следует обобщения этого отдельного факта и сообщения ему характера всероссийского события»³⁷.

Фабрикантов, находившихся под покровительством министерства финансов, зубатовская активность также совершенно не устраивала. Сам Зубатов в донесении в Департамент полиции объясняет этот факт следующим образом: «Фабриканты эти очевидно обозлены за 19 февраля, которое состоялось де без соглашения властей с ними, и во-вторых, огорчены организацией рабочих, в чем чистосердечно покаялись перед обер-полицмейстером и оповестили его, что 18-го они устроили на Бирже специальное собрание».³⁸ Полицейский «социализм» Зубатова почему-то не учитывал протекционистский характер русского капитализма. Задумывался ли он вообще на эту тему? Несколько дней спустя, после успешно проведенной манифестации, в объяснительной записке в Департамент полиции, написанной в ответ на нескрываемое недовольство Министерства финансов, спровоцированное в т. ч. и Заявлением московских промышленников во главе с Ю. П. Гужоном,³⁹ Зубатов с нескрываемой радостью сообщает, что Сергей Александрович «хочет... добиваться у государя воспрещения сим иностранцам-хозяевам (Мусси, Гужон, Мейер) заниматься впредь фабрично-заводской деятельностью в России»⁴⁰. Подобные заявления демонстрируют крайнюю недалекость (если не сказать хуже) и московского губернатора, и Зубатова.

³⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 114.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1 (2). Л. 107 об.

³⁹ Ю. П. Гужон (1852–1918) — крупный промышленник, председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов. Заявлял, что не потерпит трэд-юнионов.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1 (2). Л. 107 об.

Зубатов будет резко отрицать любые обвинения рабочих в не-самостоятельности. Что характерно, эти обвинения сыпались не только со стороны оппозиции. «Народная манифестация 19 февраля, явившаяся непосредственным результатом распространения в массе рабочих идеи мирного движения, а равно по мысли и инициативе самих рабочих, в заявлении получает следующее толкование: «Рабочими высказывалось, что празднование это было разрешено при условии, если они не примкнут к студенческим беспорядкам, и при этом было обещано предоставление им различных льгот и облегчений». Приводя в заявлении такое толкование якобы рабочих, а стало быть и разделяя его, фабриканты тем самым сияются доказать, что празднование 19 февраля не есть следствие вполне сознанного рабочими мирного движения, а является лишь уловкой администрации отвлечь рабочих от врожденной будто бы им страсти к беспорядкам. Мнение совершенно не соответствующее истине».⁴¹ Противоречие самому себе Зубатов как будто не замечает или не хочет замечать. Что, видимо, было обусловлено утопической попыткой «объять необъятное», а именно решить рабочий вопрос в рамках абсолютной монархии. Ведь ему же принадлежат слова о «глупости и серости рабочих», не способных на самостоятельные суждения.⁴²

Возвращаясь к освещению действия в Кремле на страницах газет, надо сказать, что в Москве, выражаясь современным языком, оно получило моментальную информационную поддержку. В газете «Московские ведомости» друг за другом был опубликован ряд статей, принадлежавших перу Тихомирова, посвященных как непосредственно митингу в Кремле, так и в целом рабочему вопросу и путям его решения. Также была издана специальная брошюра «На память всем участникам празднования 19-го февраля 1902 г. в Московском Кремле», с целью её распространения в рабочей среде, но она, почему-то, по словам Слепова, «не особенно ходко раскупалась»⁴³. Эти публикации надо считать частью единой про-

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1 (3). Л. 113 об.

⁴² Цит. по: Корелин А. П. Крах идеологии «полицейского социализма» // Исторические записки. Т. 92. М., 1973. С. 117.

⁴³ Русское дело. 1905. № 30. С. 24. В переписке Зубатова и Бурцева упоминаются «три литографированные тетрадки»: «Записка о задачах русских рабочих союзов и началах их организации» (15 стр.) и «Проект устава» (4 стр.), «Профессиональная организация рабочих» (24 стр.), «Значение 19 февраля 1902 г. для

граммы Охранного отделения, так как Зубатов подробно отчитывался о них перед Департаментом полиции⁴⁴.

Сразу после митинга, 20 февраля, в «Московских ведомостях» выходит наполненная пафосом колонка Тихомирова под названием «Русское народное чувство». Та самая ненависть к «интеллигенции», о насаждении которой говорилось выше, противопоставление «народа» образованному сообществу и явились ее ключевыми тезисами, пронизывающими весь текст. (Понятия «народ» и «интеллигенция» берутся в данном случае в кавычки, так как используются в значении, употребляемом автором колонки).

«Среди мрачного тумана, обволакивающего ум и чувство столь обширных слоев нашего так называемого интеллигентного общества, ярким лучом света прорезывается все, а чем сказывается голос русского народного чувства. Чистое и свежее, полное любви к вековым идеалам, на которых выросла и держится Русь, народное сердце бьется чистым и свежим энтузиазмом каждый раз, когда заговорит свободно, все мрачных и желчных «интеллигентных» влияний», — такими, буквально, поэтическими образами рисует Тихомиров картину происходящего⁴⁵.

Союз царя и народа — вот то, что по мнению автора, противопоставляет «европейской политической деморализации», то, что, видимо, не требует серьезного анализа и должно восприниматься как данность.

В этом же номере можно было прочитать подробное описание «кремлевского торжества» под одноименным заголовком, заканчивающееся словами: «Венки, как мы слышали, будут отвезе-

---

московских рабочих» (8 стр.). Зубатов утверждает, что они были им «воспроизведены на множительных аппаратах». (Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 83–86). Указанная брошюра «На память участникам празднования 19-го февраля 1902 г. в Московском Кремле» представляет собой компиляцию статей, опубликованных в «Московских ведомостях». «Радостное чувство, испытанное каждым участником этого всенародного торжества, трудно передать словами. Но для того, кто сам пережил это святое чувство и хранит его в глубине своего сердца, особенно приятно вспомнить о всех подробностях знаменательного дня. Мы предлагаем поэтому всем участникам этого торжества настоящее издание, в коем содержатся и описание празднования 19-го февраля, и некоторые отголоски этого празднования, появившиеся в печати», — говорилось в брошюре, издана в типографии Товарищества Кушнеров и К^о в 1902 г. (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 121).

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1 (2). Л. 82–83 а.

⁴⁵ Московские ведомости. 1902. № 51. С. 2.

ны в Петербург и возложены на гробницу Царя-Освободителя». К судьбе этих венков мы еще вернемся чуть ниже.

Через пять дней выходит важный и уже не такой эмоциональный текст «Наш рабочий вопрос», который адресован, скорее властям, чем праздно листающей газеты публике. В нем говорится, что рабочие полны глубокой благодарности, что они осознают «заботливость... Государя Императора» и готовы оправдать «оказываемое им доверие». И вот теперь, по мнению автора, важно не упустить момент — именно сейчас, когда «рабочие обнаруживают самое отрадное патриотическое чувство, служащее живым укором далеко не патриотическому в настоящее время поведению иных лиц образованного слоя»⁴⁶.

Тяжелые сомнения, переживания будут мучить Тихомирова в эти же февральские дни спустя совсем немного времени, в 1905 году. Он делает запись в дневнике:

«Этот несчастный безумный народ. О, эта ужасная ничтожная власть, доведшая всех до безумной кровавой расправы! Сколько она всем делает муки и зла»⁴⁷. А упоминание его имени в контексте деятельности Зубатова, вызовет раздражение: «Сегодня в [“]Слове[“] (№ 80) появилась мерзейшая выходка какого-то Бобыля (“Отблески”) против меня: говорит, что “Тихомиров перешел от Липецкого съезда к Зубатовским подвигам”... Мерзавец! Послал Перцову протест против этой инсинуации»⁴⁸.

Почему обвинение в соучастии с Зубатовым вызвало у Тихомирова такое возмущение? В дневнике Тихомирова за 1902 г. мы встречаем следующую странную запись, 24 февраля он пишет:

«Что это за вредоносная штука — связи с полицией: вот теперь лопай голову, что за человек этот Афанасьев? Каковы его связи с полицией? Нравится он мне весьма, умен, дело ведет хорошо, а этот проклятый вопрос все портит! [...] Ну, конечно, можно допустить, что действительный Рабочий Совет, как целое, может входить в сношение с полицией, de puissance a puissance, в той мере, в какой

⁴⁶ Московские ведомости. 1902. № 56. С. 2.

⁴⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015. С. 62.

⁴⁸ Там же. С. 66.

сам хочешь. Это — политика, которая иногда неизбежна. Но иметь в кружках человека, который с полицией в более тесных связях, нежели с кружком — это значит быть в руках полиции, а не входить в соглашение. При таких условиях — очевидно — ничего не стоит делать. Вот мерзейшее сомнение, и я сам начинаю сомневаться, стоит ли помогать рабочим, находящимся в руках полиции. С кем Афанасьев ближе: с Зубатовым или со своими товарищами?».

И далее Тихомиров, со свойственной ему нервной неуверенностью продолжает размышление:

«С другой стороны крайне соблазнительно воспользоваться случаем организовать рабочих. Связи кого-нибудь с полицией не вечны, а рабочая организация, раз окрепшая, уже не будет никакими силами уничтожена»⁴⁹.

Итак, свое участие Тихомиров считал лишь необходимой «политикой». Видимо, он проводил грань между использованием полицейского ресурса, как ему казалось, в интересах рабочих, и работой на полицию за вознаграждение. Здесь просматривается некоторая схожесть со взглядами Георгия Гапона, который также думал использовать властные структуры в своих целях, но серьезно просчитался.

Похоже, что Тихомиров не посещал (в отличие от И. Х. Озерова) Зубатова в Отделении или имел с ним встречу лишь в конце 1901 года по поводу участия в делах рабочего Совета, но после этого более не встречался. Дневниковые записи Тихомирова дают нам возможность предположить, что Зубатов, зная повадки и страхи бывшего революционера, намеренно держал дистанцию от Совета, чтобы у того создавалось убеждение в самостоятельности рабочих. В письме же Бурцеву в 1906 г. Зубатов так описывает свою свое непродолжительное общение с Тихомировым:

«Ко Л. А. (Тихомирову. — О. К.) я вынужден был обратиться за помощью тотчас же, как только обнаружилось, что большие книги по рабочему профессиональному движению рабочие читают плохо и нуждаются в популярном и кратком изложении дела. Принял

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 70.

меня Л. А. весьма нерадушно: мое служебное положение его крайне шокировало. Но видя, что я его заинтересовал и как будто указал ему нечто новое, назвав Бернштейна и только что вышедших авторов по профессиональному рабочему движению (Рузье, Вигуру, Геркнер, Метен, Зомбарт и др.), я претерпел в интересах дела неприятное чувство при сношении с ним и после нескольких свиданий сдал ему рабочих, а его самого — Трепову»⁵⁰.

Данную реплику из письма я уже рассматривала в статье, посвященной непосредственно совместной работе Тихомирова и Зубатова⁵¹. Отмечу лишь, что она вызывает сразу несколько вопросов. Мог ли Зубатов «шокировать» Тихомирова? Разве Тихомиров не знал того, кто к нему пришел? Действительно ли Тихомиров узнал «нечто новое» по теории рабочего движения от начальника охранного отделения и Зубатов в этом вопросе был более компетентен? Но, оставив эти вопросы за скобками, читая письмо далее, обратим внимание на другую фразу:

«Я все время держался в стороне, оберегая одной рукой рабочих от бестактности, а другой — примиряя Трепова с находимой ими интеллигенцией. В этом и вся моя провокация! В желании свести воедино рабочих, администрацию и интеллигенцию! Последняя имела дело непосредственно с Треповым и меня вовсе не знала»⁵².

Тихомиров, действительно, имел дело с Треповым. Он посетил его 5 марта 1902 г., о чем и сообщает подробно в своем дневнике. Инициатором встречи был сам Тихомиров. Он собирался выяснить «как правительство относится к рабочему делу», возможно, и для того, чтобы убедить себя в том, что это не полицейская провокация, а комплексная политика властей. Но, кроме чувства неопределенности, которое и без того постоянно преследовало бывшего революционера, эта встреча ничего ему не принесла:

---

⁵⁰ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 85–86.

⁵¹ Кононова О. А. «Опыт «полицейского социализма»: к истории сотрудничества С. В. Зубатова и Л. А. Тихомирова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Слю-2011». М., 2011. С. 58–60.

⁵² Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 86.

«Просидел полтора часа в самой дружественной беседе с Треповым. Человек милый, и я не заметил никакой разницы в наших взглядах. Рассказал, что он уже лет пять старается водворить справедливость в отношении рабочих. В конце концов он считает необходимым для этого организацию рабочих .... За это крепко стоит Великий Князь, а в СПб — Муравьев и Святополк-Мирский, но Витте против, Сипягин колеблется. Государь очень интересуется этим вопросом... Положение совершенно неопределенное»⁵³.

Кроме статей Тихомирова, в своих докладных письмах в Департамент полиции Зубатов упоминает опубликованный в эти же дни в «Московских ведомостях» объемный текст (он был разбит на несколько номеров) Л. Н. Воронова «Свергнутый кумир», посвященный теории К. Маркса. Воронов придерживался умеренно-либеральных взглядов, как и профессор Озеров, полагал, что «очевидна настоятельная необходимость существенных реформ» в фабрично-заводской жизни, но путь насилия недопустим. Он указывал на преобладающий аграрный характер российской экономики, из чего выводил, что, «... если теория капитализма несостоятельна, .., даже в государствах Западной Европы, обладающих всеми условиями, необходимыми для развития капиталистического хозяйства, то совершенно невозможно придавать этой форме хозяйственной деятельности преобладающее значение в России»⁵⁴.

«Малосознательные рабочие считали, что Александр II благодетельствовал крестьян, освободив их от крепостной зависимости. Такую мысль им внушали зубатовцы. Эти же малосознательные рабочие решали, что и им может помочь царь, стоит только обратиться к нему с просьбой»⁵⁵. Но очень часто рабочие понимали смысл создания рабочих кружков совершенно иначе. Например, зубатовец Т. Янченков заявлял: «Рабочие об отводе им помещений для собраний не станут спрашивать разрешения, ни в конторе, ни у хозяев, ни у станового пристава, а сами выберут подходящее место и будут там собираться. Прошло то время, когда были рабовладельцы и рабы, и когда рабы уподоблялись

---

⁵³ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 78.

⁵⁴ Московские ведомости. 1902. № 70. С. 2.

⁵⁵ *Игнатьев В. Н.* Борьба против зубатовщины в Москве. М., 1939. С. 33.

пчелам и кормили своих господ задарма; теперь и рабы будут жить, как господа»⁵⁶. К этому ли стремилась московская администрация?

Здесь самое время вспомнить о судьбе венков, возложенных к монументу Царя-Освободителя. По мысли Зубатова, они должны были быть переправлены в Петербург и депутатией рабочих возложены на могилу Александра II в Петропавловском соборе. Но и тут власти увидели что-то подозрительное и неблагонадежное. Заведующий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев спешно шлет в Москву предупреждение:

«По приказанию г. Директора, поспешаю покорнейше просить Ваше Высокоблагородие не отказать уведомить по телеграфу, в какой мере указания на намерение рабочих перевезти венки в Петербург справедливы, и если такое намерение действительно существует, то благоволите принять меры к задержанию депутации, о порядке отправления которой со стороны Департамента полиции будут преподаны особые указания»⁵⁷.

После длительной чиновничьей проволочки (причем в это время рабочим сообщалось, что венки уже благополучно доставлены) их отвозит в Петербург в конце апреля не депутация рабочих, а ротмистр московского охранного отделения В. В. Ратко.

Сергей Васильевич Зубатов хотел, по его же словам, «дать... предметный урок» властям и фабрикантам — продемонстрировать покорность и управляемость рабочей массы при должном обращении с ней и при поддержке казаков и штыков⁵⁸. Вера в монархический идеал нуждалась в материальном подкреплении административным и военным ресурсом, чтобы газеты с гордостью смогли написать: «Велики и торжественны эти светлые минуты, когда на Руси раздается истинный голос Русского (с прописной буквы у автора. — О. К.) народа, и каждый раз, когда раздается он, — он свидетельствует о непрерывном единстве Царя и народа, под сенью Церкви Православной»⁵⁹.

⁵⁶ Мицкевич С. Очерки истории московской партийной организации // Мицкевич С. На заре рабочего движения в Москве. М., 1919. С. 43.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 101 (1). Л. 105.

⁵⁸ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 87.

⁵⁹ Московские ведомости. 1902. № 51. С. 2

Советские исследователи выносили однозначный приговор зубатовским союзам: «...“либеральная” зубатовщина выступала как порождение полицейского произвола и великокняжеского самодурства. Здесь мы сталкиваемся с очередным проявлением кризиса абсолютистской государственной машины»⁶⁰. Но так ли уж несправедливы эти суждения? В данном случае мы не должны поспешно обвинять советских историков в излишней идеологизированности и вынуждены прислушаться к их мнению. Действительно, неспособность монархии реагировать на изменения в обществе в полной мере проявила себя в «зубатовщине» и «гапоновщине», когда даже такие неполноценные, основанные на договоренности с властью формы рабочих союзов не только не выполнили своего прямого назначения — успокоения недовольства рабочих, но сами же выступили своего рода катализатором революционной ситуации 1905 года. Консервативная газета «Русское дело» открыто обвиняет Зубатова, Гапона и «одобрившего и благословившего» их Плеве, в «кровавых днях 9 и 10 января»⁶¹. Кто из них виноват более — вопрос риторический. Скорее всего, виновата неповоротливая, исторически изжившая себя государственная система, в недрах которой и зарождались такие нездоровые формы.

---

⁶⁰ Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже 19–20 вв. М., 1980. С. 65.

⁶¹ Русское дело. 1905. № 4. С. 3.

Ф. А. Гайда

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ:
политический контекст произведений С. Н. Булгакова
1909–1917 гг.

Обычно считается, что перелом в политическом мировоззрении С. Н. Булгакова произошел в 1907 г., в период его работы во II Государственной думе. Сам он позднее придерживался именно этой версии¹. Наступил «веховский» период, совпавший с интимно-монархическими переживаниями, которые Булгаков назвал «трагической эротикой»². Однако мистическое сочувствие «Белому царю» не мешало Булгакову одновременно разоблачать политику министра народного просвещения Л. А. Кассо, клеймить Св. Синод и «церковную бюрократию» за «засилие Распутина» и Афонское дело (1913 г.), а МИД — за бессильную внешнюю политику на Балканах³. Мыслитель не переходил в ряды приверженцев государственного строя. Более того, настроения молодых лет давали себя знать даже в эмиграции. А. В. Карташев вспоминал об о. С. Булгакове:

---

¹ Булгаков С. Н. *Агония* // Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 302.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 306–309; Булгаков С. Н. На выборах (из дневника) // Русская мысль. 1912. № 11. II паг. С. 192; Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 437, 533, 553–554.

«В начале тридцатых годов мы были вместе в Лондоне, в день пролетарского 1-го мая. Мы попали в поток демонстрации, несшейся неистово и бурно с тучей красных флагов и крикливых плакатов. (...) Я удивился, как возбужденно, с искрящимися глазами о. Сергей созерцал это отвратительное для меня зрелище. Он признался, что он ощутил знакомое ему энтузиастическое волнение»⁴.

Критика революционной традиции связывается с известным сборником «Вехи» (1909 г.). В рамках сборника Булгаков действительно оказался одним из наиболее суровых в оценке русской интеллигенции. Именно его статья стала образцом разоблачения «интеллигентской подделки под христианство». Однако стоит отметить, что вместе с тем Булгаков попытался найти для интеллигенции новую, позитивную роль:

«Для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной — для осуществления «реформ», экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии».

Важно отметить, что Булгаков не отрицал необходимости сохранения интеллигенцией оппозиционного духа:

«Церковная интеллигенция, которая подлинное христианство соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям), если бы таковая народилась, ответила бы насущной исторической и национальной необходимости. И даже если бы ей и на этой череде пришлось подвергнуться преследованиям и гонениям, которых интеллигенция столько претерпевает во имя своих атеистических идеалов, то это имело бы огромное историческое

---

⁴ Карташев А. В. Мои ранние встречи с о. Сергием // Православная мысль. Париж, 1951. Вып. VIII. С. 55.

и религиозно-нравственное значение и совершенно особенным образом отозвалось бы в душе народной»⁵.

Оппозиционный дух лишь надо было правильно проявить и направить.

Новое направление интеллигентской активности Булгаков связывал с преображенным пониманием личности. Разработку этого «правильного учения о личности» Булгаков считал своим собственным «общественным “послушанием”»⁶. С этим, в частности, было связано написание работы «Философия хозяйства», которая оказалась проникнута как антикапиталистическим, так и антимарксистским пафосом. Экономическая проблематика рассматривалась в контексте учения о личности. Несколько позднее Булгаков напишет: «Стиль хозяйства соответствует духовному стилю эпохи (напр., довольно прозрачна связь, существующая между капитализмом и новоевропейским гуманизмом)»⁷. Булгакову предстояло открыть духовное измерение личности, способной преодолеть материалистические искушения современного мира и преобразить его.

Первым специфически богословским произведением Булгакова стал «Свет Невечерний», написанный в 1911–1916 гг. и опубликованный в мае 1917 г., уже после Февральской революции. Центральной «земной» проблемой этой работы является обоснование «христианского мира» — общества, построенного на христианских ценностях. Булгаковский проект вовсе не является апологией существующего порядка. Но одновременно в «Свете Невечернем» Булгаков пытается противопоставить идею Церкви секулярной идее исторического прогресса. Земная Церковь по Булгакову — естественное учреждение, существующее испокон веков:

«Из кафоличности, как общего качества религиозного сознания, следует, что в религиозном сознании, по самой его, так сказать, трансцендентальной природе, уже задана идея церковности, подобно тому как в гносеологическом сознании задана идея объективности знания. (...) Идея церкви родилась не в христианстве, она существует

⁵ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 48–49, 74–75, 81–82.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Булгаков С. Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1917. С. 359.

и раньше, и вне христианства. Поэтому можно (хотя бы в формальном и, так сказать, религиозно-трансцендентальном смысле) говорить о церкви иудейской, о церкви языческой, буддийской и пр.»⁸.

Естественная Церковь у Булгакова может быть сравнима с политической партией или философской школой. Но, разумеется, Булгаков признавал и мистическую составляющую: «Церковь не есть только «община последователей», какую оставляли после себя великие учителя и пророки, но некое Существо, живой организм, Тело Христово». Далее следует логический прыжок: «Это не мешает и тому, что она есть иерархически организованное общество, причем иерархия владеет божественною властью свершения таинств, преемственно через апостолов врученной ей самим Христом». Истинная Церковь по Булгакову есть центр и смысл мироздания, этим оправдываются видимые нестроения:

«Церковь есть душа души мира и души истории. Онтология истории и есть церковная история, конечно, не внешняя «история церкви», как учреждения, но внутреннее свершение ее судеб. Эти последние сплетены с общим ходом истории, но эта связь лежит так глубоко, что недоступна природному, непросветленному благодати Божией человеку; она раскрывается в откровении, но и оно остается запечатленной тайной»⁹.

Таким образом, церковная иерархия и церковная история Булгаковым признаются, но они плохо соответствуют и Церкви естественной, и Церкви мистической. Это сочетание дается мыслителю с большим трудом, вне общей стройной логики булгаковских построений.

Ущербность конструкции восполняется критикой альтернативных теорий. Оправдание Церкви связано с тем, что остальной мир намного хуже нее. Мир вне Церкви обречен. Общественная эволюция не приводит к нравственному прогрессу человечества:

«Падший человек сохранил в себе образ Божий, как основу своего существа, и присущую ему софийность, делающую его цен-

---

⁸ Булгаков С. Н. Свет Невечерний... С. 56–57.

⁹ Там же. С. 346, 409.

тром мироздания, но утратил способность найти свою энтелехийную форму, осуществить в себе подобие Божие. (...) Поэтому своими силами, как бы они ни были велики, человек не может извлечь себя из пучины греха и оздоровить свою природу, но обречен все более увязать в болоте греха, утопая в объятиях жадного ничто. Близоруким заблуждением является мысль, что в человечестве просто в силу “эволюции”, — времени и “прогресса”, усиливается добро за счет зла, почему оно становится силою вещей, как бы автоматически, все совершеннее. В действительности таким образом накапливается только зло, добро же осуществляется в мире лишь свободным подвигом. Поэтому обожение человечества никоим образом не может быть достигнуто эволюционным путем»¹⁰.

Булгаков отрицает прогресс именно в силу отсутствия в нем конечного смысла. «Демократия» и «социализм» претендовать на такой смысл не могут:

«История свершится не тем, что падут великие державы и будет основано одно мировое государство с демократией, цивилизацией и социализмом, — все это, само по себе взятое, есть тлен и имеет значение лишь по связи с тем, что совершается в недрах мира между человеком и Богом. Для самого же “прогресса” не существует конца, он есть “вечный жид”, не знающий покоя»¹¹.

Бесконечное движение никогда не увенчается истинным торжеством человечества, потому что ложные земные ценности не дают избавления от эгоизма и смерти:

«Видеть в истории подготавливающееся торжество гармонии или ликующий “прогресс” значит обнаруживать слепоту и глухоту душевную. Возможно подниматься выше трагедии, религиозно и благодатно ее преодолевая, — об этом говорит нам опыт святых, но это преодоление совершается лишь путем крестного подвига, вольным изживанием трагедии в наиболее острой форме. Можно временно оставаться ниже трагедии, погружаясь в мещанское самодо-

---

¹⁰ Булгаков С. Н. Свет Невечерний... С. 341–342.

¹¹ Там же. С. 409.

вольство, обманываясь цветами, растущими над бездной; однако никому не дано вовсе загородиться от трагической стороны жизни, с ней неизбежно встречается всякий, хотя бы пред лицом собственного умирания»¹².

Преображение личности в таких рамках невозможно, а именно оно является главной задачей. Без реализации этой задачи историческое развитие чревато лишь крахом всего мироустройства:

«Социальный прогресс, наряду с успехами гуманности, а отчасти и в связи с ними, может сопровождаться и самыми утонченными формами зла духовного, как и сама она может в конце концов стать личиной антихриста»¹³.

Подобные рассуждения совершенно не вписывались в идеологию либеральной оппозиции, к которой, казалось бы, был так близок Булгаков. В период Первой мировой войны в России в помощь фронту были созданы всероссийские общественные организации (Земгор, военно-промышленные комитеты), которые быстро включились в политическую борьбу на стороне оппозиции. Именно эти организации назывались тогда «организованной общественностью», претендовавшей на самостоятельную роль по отношению к государственной власти. Более того — на способность заменить собой государство. Однако Булгаков отмечает несостоятельность подобных лозунгов:

«Задача организованной общественности имеет две стороны: не только свободу, но и подчинение, не только равенство, но и различие, не только братство, но и принудительную организацию. Иначе говоря, общественный идеал стремится к осуществлению не одной всеобщей свободы и равенства, но и истинного иерархизма, вне которого нет общественной сплоченности. На чем же должен утверждаться такой иерархизм? На это не может быть ответа в порядке социологическом»¹⁴.

---

¹² Там же. С. 352.

¹³ Там же. С. 405.

¹⁴ Там же. С. 402.

Через критику общественной самоорганизации Булгаков идет к критике демократической государственности. Демократию он соглашается признать только в утилитарном ключе:

«Любить эту власть, ощущать к ней религиозный эрос можно, лишь принимая участие в культе демократического Калибана, “принося жертвы зверю”. Следует принимать государственность, сведенную к политическому утилитаризму, так же, как и бремя хозяйственных забот: признавая честность этого труда, аскетически нести его как жизненное “послушание”; однако “честность”, корректность, есть лишь религиозно-этический минимум, между тем как религия во всех делах хочет максимума. И тем не менее эта обмирщенная государственность есть уже своего рода отрицательное откровение о власти. Это разросшееся и дифференцировавшееся тело власти есть тоже “земля проклятия”, растрескавшаяся и иссохшая, и она жаждет небесной влаги. “Правовое государство” с его правовыми гарантиями, со всей своей земной мудростью и человечески-относительной правдой, не угасит тоски об ином царстве, не только холодного права, но и любви, об иной власти — теократической»¹⁵.

Любая абсолютизация демократии, как полагал Булгаков, прямо противопоставляет ее небесной Церкви:

«Возникает своего рода гуманистическая теократия, которая видит задачу в том, чтобы верно определять и осуществлять истинную “волю народа”. Но как же этого достигнуть и где ее искать? Сознание явной недостаточности для этой цели “баллотировочных ящиков” и избирательных бюллетеней, годных разве только для решения отдельных практических вопросов, вызывает длительный “кризис правосознания” (как его пережила в эпоху Платона, при совершенно аналогичных обстоятельствах, афинская демократия). Вопрос о “праве права” становится для мыслящих юристов своего рода квадратурой круга. Для демократической религии человекобожия государство есть высшая форма жизни, — лжецерковь. Даже больше того: человечество, организованное в государство, есть земной бог»¹⁶.

---

¹⁵ Булгаков С. Н. Свет Невечерний... С. 400.

¹⁶ Там же. С. 407.

Булгаков предрекает демократии неизбежное сползание в вождистскую диктатуру с ярко выраженным антихристианской идеологией:

«Но всякое духовное движение в добре или зле, в святости или сатанизме, требует для себя личного воплощения. Его требует и вновь возродившийся культ государственности в религии демократического человекобожия. Государственность народобожия рано или поздно должна получить такого личного главу, который всем существом своим вместит притязания царства от мира сего. Этим и будет предельно выявлена мистика человекобожия в сознательном противлении христианству»¹⁷.

Казалось бы, написавший эти строки Сергей Николаевич окончательно перешел в лагерь консерваторов. В публицистике 1915 г. он посетует на поведение оппозиции, возобновившей политическую борьбу с властью. Поиск «виновных» в бюрократической среде в конечном счете бессмыслен, причины временных поражений России носят, в первую очередь, характер естественный:

«Мы страдаем теперь от недостатка снаряжения и силится его навестать. При этом естественно общественная совесть ищет и находит виноватых в нашей беде, но при подавленности и растерянности легко теряет историческую перспективу, забывает всю ту непреложную разницу, которая имеет основу во всем историческом бытии России и Германии и проявляется в степени их индустриализации (ведь даже и более близкие и сродные Германии страны Англия и Франция оказались слабы перед ней по технической подготовке). Дело в том, что если теперь мы и будем делать крайние усилия, чтобы оборониться от Германии не только живою силой, но и техникой, однако мы вообще в нашей жизни в этом отношении не можем сравниться с немцами, даже более того, этого захотеть».

Но, наряду с естественными причинами, есть также нравственные и мистические. Мы отступаем, потому что мы лучше. Немцы наступают, потому что они обладают колдовскими чарами. Сергей

---

¹⁷ Там же. С. 405.

Николаевич буквально входит в роль председателя инквизиционного трибунала:

«Чтобы стать третьеразрядными немцами, нам следовало бы отречься от своего духовного естества, проглотив волшебный аршин магической системы. Это значило бы духовно умереть, отравившись наиболее удушающим газом из выдуманных немцами; сравнившись с ними в этом отношении, мы потеряли бы духовную почву для борьбы с ними и источник нашей силы. Ибо, как живые, свободные духом люди, рассыпным строем боремся мы с этими человеческими машинами-“фалангами”. И если мы непреложно веруем в победу, то вера эта основана не на том, что мы надеемся сравниться с немецкой техникой, но на уверенности, что исход мировой войны не может быть решен силами черной магии»¹⁸.

Русские не прибегают к магии, русское народное сознание лишено гордого духа империализма, а потому России все же, несмотря ни на что, суждено одолеть тевтонов¹⁹.

Однако Булгаков не был бы Булгаковым, если бы не развернул свой пафос и в противоположную сторону. Его теократический проект мистичен и с существующим государственным порядком не связан: «Является онтологически правым и глубоко обоснованным стремление к преодолению власти, — не к безвластию, которое сулит анархия, но к сверхвластию: одно голое отрицание власти пусто и мертво, как и всякое отрицание. А сверхвластие есть не что иное, как боговластие, теократия, которая и есть онтологическое ядро власти, а потому и скрытое ее задание. Как все в мире, и власть стремится “себя перерасти”: она тоскует по теократии. Абсолютный ее идеал дан в христианстве, где обещано, как предварение, “тысячелетнее царство Христово” на этой земле, а за порогом этого зона — “царствие Его, которому не будет конца”». При этом славянофильский идеал власти для мыслителя привлекателен еще менее, чем грядущая демократия: «Когда русский народ лелеет апокалипсический идеал “Белого Царя”, то не о самодержавной

---

¹⁸ Булгаков С. Н. Кольцо Нибелунгов (Из размышлений о германизме) (1915) // Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018. С. 309.

¹⁹ Там же. С. 309–310.

конституции славянофильской идет здесь речь (ибо эта кабинетная и маниловская мечта сродни подобным же мечтаниям у анархистов и, вообще говоря, ничего не имеет в себе апокалипсического), но о некоем преодолении власти. О нем же порою говорил и Достоевский как о растворении государства в Церкви, и Вл. Соловьев как о “свободной теократии”. Характерно, что желание евреев иметь земного царя, хотя и помазанника Божия, представляло уже измену этой теократии: “не тебя они отвергли, — говорил Бог Самуилу, — но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними” (1 Цар. VIII, 7)²⁰.

Государственному строю Российской империи уже вынесен смертный приговор:

«Так или иначе, но «священная империя» не удалась, она оказалась побеждена тяжестью плоти, греха и маловерия. Оказался висящим в воздухе и высокий политический идеал русских славянофилов, которые сами отказались видеть его осуществление в петербургском абсолютизме немецкого образца. И менее всего приходится теперь думать о реакции или реставрации старого государственного строя даже тем, кому немило то, что приходит на смену: все равно гальванизация исторического трупа даст еще худший результат»²¹.

Своего апофеоза предреволюционная политическая диалектика Булгакова достигает в предисловии к «Свету Невечернему». Оно писалось в декабре 1916 г., что автор посчитал нужным особо отметить. Политическим фоном стало убийство Г. Распутина и слухи о подготовке самодержавием сепаратного мира с Германией. Предисловие было посвящено хлыстовству и вышло остро политическим. Булгаков провел параллель между внешними и внутренними врагами России, придавая им мистический и цивилизационный характер. Сергей Николаевич начал издаелека:

«Давно уже назревало и то столкновение германства с православно-русским миром, которое внешне проявилось ныне, не теперь только началась война духовная. С германского запада к нам давно

---

²⁰ Булгаков С. Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. С. 394–395.

²¹ Там же. С. 398.

тянет суховой, принося иссушающий песок, затягивая пепельной пеленою русскую душу, повреждая ее нормальный рост. Эта тяга, став ощутительной с тех пор, как Петр прорубил свое окно в Германию, к началу этого века сделалась угрожающей».

Виной всему не русская рецепция германизма, а Германия как таковая, вся ее духовная и историческая традиция, не от Канта, как заявил В. Ф. Эрн, но от Реформации:

«И, конечно, существеннее было здесь не внешнее “засилие” Германии, но духовное ее влияние, для которого определяющим стало своеобразное преломление христианства через призму германского духа. Это — арианское монофизитство, все утончающееся и принимающее разные формы: “имманентизма” и “монизма” — от протестантства до социалистического человекобожия. И для сознательного противления нужно прежде всего познать и понять угрожающую стихию, столь многоликую и творчески могучую. Лютер, Бауэр, А. Ричль, Гарнак, Эккегарт, Я. Бёме, Р. Штейнер; Кант с эпигонами, Фихте, Гегель, Гартман; Геккель, Фейербах, К. Маркс, Чемберлен — все эти столь далеко расходящиеся между собою струи германства в “имманентизме”, однако, имеют общую религиозную основу. Столь слабо ощущается в нем расстояние между Творцом и творением, что он роковым образом приближается к миро- и человекобожию разных оттенков и проявлений»²².

После этого Булгаков осуществляет головокружительный маневр в рамках своего интеллектуального блицкрига:

«Но все это в то же время есть не что иное, как многоликое хлыстовство западного типа, религиозно-соотносительное, а до известной степени и эквивалентное в тоне своем нашему русскому хлыстовству. Последнее же представляет собой всегда подстерегающий соблазн православия и в этом смысле как бы нормальный от него уклон в сторону мистического человекобожия, “хлыстовства”, т. е. тоже монофизитства. Если западное, германское хлыстовство зарождается и культивируется в дневном сознании и потому вообще страдает интеллектуализмом, то русское хлыстовство

---

²² Булгаков С. Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. С. III.

гнездится в ночном подсознании, его стихия враждебна рассудочности, — чужда интеллектуализма: в нем открывается глубина хаоса, первобездна, издревле ведомая Востоку. И таинственно перекликаются столь несходные и, однако, религиозно созвучные голоса: тезис и антитезис хлыстовства. Хлыстовство соблазняется божественностью мира и человека: антропология подменяется антрополатрией, молитва — радением или медитацией, око веры — интеллектом, таинство — экстазом, религия — мистикой»²³.

Иными словами, Петр не только пустил в Россию Германию, он, создав синодальную систему, открыл дорогу Гришке Распутину. Свержение распутинской монархии и духовного ига «Канта с эпигонами» выступает двуединой задачей.

Февральская революция в рамках подобного подхода пришла как спасение от цивилизационной катастрофы. При всех личных переживаниях, связанных с фигурой последнего царя, самодержавие для Сергея Николаевича было обречено. Формулируя «новое учение о личности», философ также выступал против капитализма, западного социализма и борьбы классов. Булгаков формулировал программу общественного русского православия и национал-либерализма. Отечественная интеллигенция, преобразившись в русле нового учения о личности, должна была воплотить на земле идеал мистической Церкви, что ранее никому сделать не удавалось.

---

²³ Там же.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РУССКОЙ КОННИЦЕЙ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В КАМПАНИИ 1914 ГОДА

По мере накопления фактических знаний о действиях русских войск в Первую мировую войну все настоятельнее встает вопрос об изучении эффективности этих действий. Эффективность их определяется степенью выполнения поставленных перед войсками задач и величиной понесенных при этом потерь. Но и то, и другое зависит в том числе от уровня боевой выучки войск, а он, в свою очередь, — от степени владения войск своим оружием.

А значит, необходимо выявить и степень владения русской конницей (т. е. как регулярной, так и иррегулярной кавалерией) 1914–1917 гг. холодным оружием — а также и причины, обусловившие эту степень. По крайней мере, применительно к кампании 1914 года — в которой и действия конницы, и холодное оружие сыграли еще более или менее заметную роль. До сих пор историки ограничивались здесь лишь предельно общими оценками, отнюдь не подкрепляя их конкретными фактами¹.

---

¹ Сливинский А. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославце. Сербия, 1921. С. 50; Драгомиров В. Подготовка русской армии к великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования. Кн. 6. Белград, 1925. С. 63, 67; Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 219; Оськин М. В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в первой мировой войне. М., 2009. С. 28, 30.

К подобной постановке исследовательской задачи нас подтолкнул также парадокс, подмеченный нами при сопоставлении результативности применения холодного оружия русской конницей в 1914 г. и в эпоху наполеоновских войн. Заключается он вот в чем.

Предлагая в октябре 1755 г. императрице Елизавете Петровне перевооружить драгун со шпаг на палаши — чтобы клинковым оружием можно было не только колоть, но и рубить, — Военная коллегия отметила, что «в российском народе известна природная к рублению способность»². Подобного же мнения придерживался и видный военный публицист пореформенной эпохи Р. А. Фадеев — писавший в 1867 г., что русскому кавалеристу «нужно оружие, которым бы он рубил как топором», что «в русских руках, бесспорно, лучшее лезвие — широкий, но тонкий палаш длиной 17 вершков, шириной около $\frac{7}{8}$ вершка, довольно тяжелый, с грузинскою рукоятью. Такой палаш рубит страшно и не требует никакой особенной ловкости в приемах»³.

Однако еще и во времена наполеоновских войн боевая практика не раз показывала, что одних лишь «природной к рублению способности» и палаша недостаточно. К примеру, 20 ноября (2 декабря) 1805 г., в сражении при Аустерлице, два эскадрона (Его Высочества и полковника Оленина 1-го) лейб-гвардии Конного полка обратили в бегство 1-й батальон французского 4-го линейного полка. Но, по французским данным, из более чем 200 порубленных конногвардейскими палашами пехотинцев убитыми оказались лишь 18 (т. е. менее 9%). Старший сержант Гувьон Сен-Сир получил 20 ударов палашом, но остался жив; майор О. Ж. Бигарре — 25 (по голове, плечам, рукам) — и тоже остался жив⁴... Выжили и шеф эскадрона 4-го кирасирского полка Ф.-К. Шипо — получивший 29 мая (10 июня) 1807 г., в сражении под Гейльсбергом, 52 (!) рубленых раны (но ни одной тяжелой)⁵, — и ар-

² Цит. по: Масловский [Д. Ф.] Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М., 1886. Прил. С. 126.

³ Фадеев Р. А. Вооруженные силы России // Фадеев Р. А. Собр. соч. Т. II. Ч. 1. СПб., 1889. С. 238.

⁴ Васильев А. А. Русская гвардия при Аустерлице 2 декабря 1805 года // Старый барабанщик. № 1. [М., 1993.] С. 11.

⁵ Nougaret P. J. B. Anecdotes militaires, anciennes et modernes, des Français; contenant les actions sublimes et courageuses des généraux, des grands capitaines, des officiers et des soldats, les traits de dévouement extraordinaire de plusieurs villes assiégées, des particularités sur plusieurs batailles mémorables, soit de

тиллерийский полковник Ф. А. Эльяр де Колонж — которому 6 (18) августа 1812 г., в первом сражении под Полоцком, чины того эскадрона (полковника Ершова) Кавалергардского полка, что входил в состав Сводного кирасирского, нанесли 5 ударов палашом по голове и руке (по другим данным, 7 ударов по голове)⁶.

Французский 111-й линейный полк в бою при Шевардине 24 августа (5 сентября) 1812 г. практически все свои кровавые потери (641 человек) понес от палашей чинов Малороссийского и Глуховского кирасирских полков. Однако убитые составили лишь 13,4% этих потерь (86 человек)⁷, т. е. качество рубки у русских кирасир оказалось не сильно выше, чем при Аустерлице.

По выборке, образованной теми боями корпуса П. Х. Витгенштейна и армии А. П. Тормасова в июле — сентябре 1812 г., для которых А. И. Попов приводит данные противника о потерях, причиненных ему холодным оружием конницы, можно судить, что не эффективнее рубили и саблей. (Разумеется, русские источники приписывают противнику гораздо бóльшие потери.) Так, по сведениям командира 10-го армейского корпуса Великой армии маршала Э. Ж. Макдональда, в стычке между партиями Изюмского гусарского полка и прусского 1-го лейб-гусарского полка под Дубной (близ Прейли, Латгалия) 28 июля (9 августа) пруссаки понесли потери только ранеными и пленными. После боя эскадрона тех же «гусар смерти» с изюмцами из эскадронов майора Бедряги и майора Чурсова (входивших в состав Сводного гусарского полка и подкрепленных командой казачьего полка Родионова 2-го) 30 июля (11 августа) у латгальского же местечка Вышки Макдональд сначала сообщил о потерянных пруссаками 40–50 убитых, раненых и пленных, а затем (видимо, уточнив сведения) — о 50–60 «раненых или пленных»⁸. То есть убитых русскими саблями, похоже, не видели.

---

terre, soit de mer, et sur les stratagèmes de guerre curieux et remarquables. Paris, 1808. P. 305. Оружие, которым рубили Шипо, обозначено как «sabre»; так во Франции называли тогда и саблю, и палаш.

⁶ Попов А. И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле — августе 1812 г.). М., 2010. С. 99–100.

⁷ См.: Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 36–42, 46.

⁸ Попов А. И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле — августе 1812 г.). С. 51, 55.

После боев 1 (13) августа 1812 г., при отступлении Торماسова от Городечны к Кобрину, с Александрийским, Павлоградским и Лубенским гусарскими, Татарским уланским и казачьими полками австрийская кавалерия имела «много раненых»⁹. Убитых, следовательно, было очень мало — а, может, быть, и вовсе не было. В конном бою 9 (21) сентября у Чарукова (юго-западнее Луцка) в саксонских Гусарском и шvoleжерском Поленца полках жертвами сабель и пик александрийских гусар и татарских улан оказались лишь 8 раненых, а австрийский шvoleжерский полк О'Рейли кровавых потерь вообще не имел¹⁰. (Правда, русские гусары были не только велико-, но и малороссами, а Татарский уланский состоял сплошь из литовских татар.)

А вот в кампанию 1914 г. русская конница продемонстрировала очень высокую эффективность применения клинкового оружия.

Так, 29 июля (11 августа) 1914 г., после атаки 4-го и 5-го эскадронов 9-го уланского Бугского полка (9-я кавалерийская дивизия) у местечка Заложче в Галиции на австрийскую пехоту, уланы — за которыми осталось поле боя — раненых австрийцев «не нашли. Лежали лишь трупы изрубленных шашками и исколотых пиками»¹¹.

Осмотрев 10 (23) августа 1914 г., у села Джуриин (близ галицийского же Бучача), атакованную и захваченную 2-й сотней 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (2-я Сводная казачья дивизия) 1-ю батарею 7-го конноартиллерийского дивизиона австрийцев, старший адъютант штаба 2-й Сводной казачьей дивизии Генерального штаба капитан Н. А. Петровский также удостоверился, что «раненых не было, все были убиты: удары казачьих шашек были жестоки и смертельны»¹². (Петровский насчитал 43 трупа; по австрийским данным, в батарее погибло 39 человек¹³.) «Молодецкую

⁹ Попов А. И. Война 1812 года: боевые действия на южном фланге. Т. 3. Война на Вольни. М., 2016. С. 14. По А. И. Попову, такая ситуация сложилась после боев 3 (15)–4 (16) августа между Кобрином и Дивином. Но в них кавалерия уже не участвовала.

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Пафнутьев Г. Конная атака бугских улан 29 июля 1914 г. // Часовой (Брюссель). 1959. Декабрь. № 404. С. 11.

¹² Цит. по: Тихоцкий Е. С. 1-й Линейный полк Кубанского казачьего войска в боях под г. Чертков и г. Бучач в августе 1914 г. // Кавалеристы в мемуарах современников. 1900–1925. Вып. 3. М., 2001. С. 52.

¹³ Там же. С. 50–51.

работу казачьих шашек» отметил и проехавший через взятую батарею полковой адъютант 17-го Донского казачьего полка¹⁴...

8 (21) августа 1914 г., после того, как у деревень Маково и Плыты (западнее города Скерневицы, Польша) 5-й эскадрон 17-го драгунского Нижегородского полка (Кавказская кавалерийская дивизия) обратил, атаковав в шашки, в бегство запасный эскадрон германского 2-го лейб-гусарского полка, ротмистр князь Д. З. Чавчавадзе приказал собрать убитых и раненых «гусар смерти». И первых насчитали до 60, тогда как раненых — всего 6¹⁵. А когда 7 (20) сентября, у села Блашки (восточнее Калиша, Польша), эскадрон Его Величества тех же нижегородцев опрокинул, действуя шашками, запасный эскадрон германского 1-го конно-егерского полка, драгуны обнаружили на поле боя до 70 убитых «королевских конных егерей» — и лишь 12 раненых¹⁶.

¹⁴ *Баклановец*. Пример одностороннего шока. Эпизод из кавалерийского боя у сел. Джурын (Г. Бучач) 10. VIII. 14 // Часовой (Париж). 15 октября 1936. № 176. С. 7.

¹⁵ *Трубейской Н. С.* Дело 5-го эскадрона Нижегородского драгунского Его Величества полка 8-го августа 1914 года у города Скерневицы // *Вестник союза офицеров участников войны* (Париж). 1928. № 2. С. 23; *Ден [П. В., фон]*. Три атаки. Из боевой хроники 17 драгун. Нижегородского Его Величества полка // *Военная Белья* (Париж). 1963. Ноябрь. № 64. С. 32. Номер гусарского полка авторами не назван, но в том районе действовал тогда запасный эскадрон XVII армейского корпуса (*Der Weltkriege 1914 bis 1918. Die Operationen zu Lande. Bd. 2. Die Befreiung Ostpreußens. Berlin, 1925. S. 358, 361*) — кавалерию которого до войны составляли «гусары смерти» — 1-й и 2-й лейб-гусарские полки. Поскольку первый из них с началом войны сформировал 1-й резервный гусарский полк, указанный эскадрон был выделен, скорее всего, вторым — тем паче, что 2-й лейб-гусарский и дислоцировался как раз на Калишском направлении — в Позене (Познань).

¹⁶ *Ден [П. В., фон]*. Три атаки. (Продолжение) // *Военная Белья* (Париж). 1964. Январь. № 65. С. 13. Номер конно-егерского полка автором не назван, но указано, что он имел шефство Вильгельма II, — а таким из конно-егерских был только 1-й (*Regiment Königs-Jäger zu Pferde Nr. 1*; Вильгельм II числился его шефом не как император Германии, а как король Пруссии). К августу 1914-го он дислоцировался как раз на Калишском направлении — в Позене (Познань); к сентябрю пять его эскадронов убыли на Западный фронт, но один (превращенный в запасный) остался на Восточном (*Der Weitkriege 1914 bis 1918. Die Operationen zu Lande. Bd. 2. Die Befreiung Ostpreußens. Berlin, 1925. S. 362, 363*). Впоследствии писали, что изрубленные под Блашками конные егеря были саксонскими (Баратов Н. Нижегородские драгуны // *Военная Белья* (Париж). 1972. Июль. № 117. С. 41). Но таковых никогда не существовало; все конно-егерские полки германской армии были прусскими.

Скорее всего, цифры убитых немцев — обнародованные не участвовавшими в этих боях ветеранами-нижегородцами, полковниками князем Н. С. Трубецким (относительно первого боя, в 1928 г.) и П. В. фон Деном (относительно второго боя, со слов дравшегося там в чине штабс-ротмистра князя Б. Л. Голицына, в 1964 г.) — все же преувеличены. Порукой тому — казус с еще одним ветераном 1914-го, М. В. Красовским. В 1955-м он утверждал, что после стычки разъездов 6-й сотни 3-го Донского казачьего полка (в котором Красовский служил тогда, в чине сотника, полковым адъютантом) и 2-го эскадрона германского 9-го конноегерского полка близ фольварка Александрово (западнее Кальвари, Литва) 30 июля (12 августа) 1914 г. на поле боя обнаружили 13 убитых немцев¹⁷. Однако командир 6-й сотни есаул Н. Н. Попов и в отправленном в тот же день донесении, и в журнале боевых действий сотни указал, что его люди уничтожили лишь 1 и ранили 3 человек. А согласно именному списку потерь 9-го конноегерского, во 2-м эскадроне еще и на 11 сентября нового стиля убитыми числились лишь двое (причем на уничтожение их претендовали также чины 105-го пехотного Оренбургского полка)¹⁸.

Но, с другой стороны, в бою у Маково — Плытя нижегородцы захватили 40 лошадей¹⁹. А это означает, что, как минимум столько же «гусар смерти» были либо убиты, либо ранены так, что упали с коня (или не смогли сесть на него) — и попали поэтому в плен. Поскольку раненых было пленено только 6, можно считать, что 30–35 немцев все-таки погибли. И что, соответственно, процент убитых среди порубленных русскими кавалеристами был не 9–13 (как во времена Аустерлица и Бородина), а порядка 85...

Прежде чем разъезд германского 4-го гусарского полка (5-я кавалерийская дивизия) смог оторваться от внезапно атаковавших его 20 ноября (3 декабря) 1914 г. у деревни Дружбице (западнее Петрокова (ныне Пётркув-Трыбунальский), Польша) кавалергардов из 2-го и 4-го эскадронов Кавалергардского полка (Гвардей-

---

¹⁷ Красовский М. В. Кузьма Крючков — первый Георгиевский кавалер Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Русский путь (Париж). 1955. № 66. С. 11.

¹⁸ Нелинович С. Г. «Вырвались от противника и прибыли порезанные и израненные...» Документы РГВИА о подвиге первого георгиевского кавалера Великой войны К. Ф. Крючкова // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 75–82.

¹⁹ Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 24; Ден [П. В., фон]. Три атаки. Из боевой хроники 17 драгун. Нижегородского Его Величества полка. С. 32.

ская кирасирская дивизия), те «в несколько мгновений» зарубили насмерть четверых «коричневых гусар» — а ранили лишь одного (и то его спас лишь принявший на себя удар шашки приклад карабина). По свидетельству В. Н. Звегинцова (в то время поручик, командир 4-го взвода 4-го эскадрона Кавалергардского полка), 5 (18) декабря 1914 г., под польской же деревней Гоноратов, в погоне за разъездом австрийского 1-го драгунского полка (9-я кавалерийская дивизия), кавалергарды из его взвода и из эскадрона Его Величества зарубили всех троих драгун, которых сумели настичь²⁰.

В стычке 1 (14) августа 1914 г. под Маргтрабовой (Восточная Пруссия) между 1-м и 5-м эскадронами 1-го уланского Санкт-Петербургского полка (1-я кавалерийская дивизия) и подразделениями германского 10-го конно-егерского «тех, кого настигали наши уланы, сбивали с коней ударами шашки или пикой»²¹. Т. е. русские удары причиняли либо смерть, либо тяжелое ранение...

Конечно, в 1914-м рубить насмерть русским было проще, чем в наполеоновскую эпоху: мягкие суконные кепи австро-венгерских пехотинцев и артиллеристов не представляли той защиты, что треугольные шляпы, кожаные каски с гребнем и высокие пустотелые кивера французской пехоты и немецких шволежеров и гусар. То, что обмундирование способно защитить от холодного оружия, показал и 1914-й. Достаточно указать на бой у галицийской деревни Ярославиче 8 (21) августа 1914 г. — где восемь эскадронов и сотен русской 10-й кавалерийской дивизии (1-й, 3-й и 5-й эскадроны 10-го уланского Одесского полка, 4-й и 5-й эскадроны 10-го драгунского Новгородского полка, 1-й и 2-й эскадроны 10-го гусарского Ингерманландского полка и 5-я сотня 1-го Оренбургского казачьего полка) схватились с семью эскадронами австрийской 4-й кавалерийской дивизии (1-м и 3-м эскадронами 13-го уланского полка и 1-м, 2-м, 4-м, 5-м и 6-м эскадронами 15-го драгунского полка)²². Русские участники боя в один голос

---

²⁰ Звегинцов В. Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 год. Paris, 1936. С. 120, 143.

²¹ Скальский В. Из воспоминаний. (Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка) // Военно-Исторический Вестник (Париж). 1965. Май. № 25. С. 19.

²² Васильев А. А. Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославиче 8 (21) августа 1914 г. М., 2016. С. 47–66.

отмечали потом, что от ударов клинковым оружием австрийских драгун и улан хорошо защищало обмундирование²³.

Во-первых, левый бок и спину у них прикрывал наброшенный на мундир ментик — так что противнику тут надо было прорубить не один, а два слоя сукна (а если удар приходился по рукаву ментика, то и четыре). Нелегко было прорубить и прикрывавший плечи и шею овчинный воротник ментика. «Ваше благородие, как его достать, когда он уткнул голову в воротник!», — жаловался в бою С. Н. Ряснянскому (в то время штабс-ротмистр, младший офицер штаба 10-й кавалерийской дивизии), ингерманландский гусар вахмистр Ф. Николенко²⁴. А болтаясь на отлете, рукава или полы ментика могли попасть под шашку еще до того, как она коснется туловища или руки — и вообще сорвать удар.

По крайней мере, для новгородских драгун — вышедших на войну с неоптимально отточенными (для рубки лозы, а не людей) шашками²⁵ — эти ментики создали столько проблем, что, найдя после боя раненого австрийского офицера, драгуны пытались стащить с него мундир, крича: «На них надет панцырь, надо их осмотреть!»²⁶

Не отсюда ли пошла легенда о «стальных пластинах», подложенных «под погоны» австрийских кавалеристов 1914-го (погон вообще не имевших), — легенда, зафиксированная, в частности, писателем А. Н. Толстым?²⁷

Во-вторых, голову у австрийских улан и особенно у драгун хорошо защищали каски. Начать с того, что нанести удар по облежавшему голову копаку каски мешали возвышавшиеся над ним квадратная площадка (у улан) или продольный гребень (у дра-

---

²³ См.: Там же. С. 59, 64–65, 86; Ганин А. В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 404.

²⁴ Бой 8 авг. 1914 г. у д. Ярославце по свидетельству Генерального Штаба Полковника С. Н. Ряснянского // Первопоходник. 1976. Декабрь. № 34. Прил. С. 6.

²⁵ Головин Н. Н. Конный бой у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун // Военный сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования. Кн. 9. Белград, 1928. С. 199.

²⁶ Там же. С. 193.

²⁷ Толстой А. Н. Хожение по мукам // Толстой А. Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М., 1959. С. 383.

гун) из толстой кожи. (Площадка была обтянута сукном, а гребень усилен жестяной накладкой по верху и латунными — по бокам.) Именно об этом вспоминал рубившийся с «белыми драгунами» 15-го полка П. В. Нейман (в то время поручик 10-го драгунского Новгородского полка): «Наши сабельные [точнее, шашечные. — А. С.] удары срезали целые куски этих касок, не причиняя вреда головам носивших их»²⁸.

Крайне сложно было прорубить и сам колпак — выштампованный из толстой же кожи. Особенно колпак драгунской каски — со столькими металлическими деталями (жестяные передний и задний козырьки, латунные герб, накладка у основания гребня, ребра жесткости на боках и чешуя подбородного ремня), что некоторыми русскими участниками боя при Ярославице эта каска воспринималась как цельнометаллическая²⁹. При ударе по нормали металл мешал прорубить колпак, а при ударе под углом к нормали шашка соскальзывала с металлических деталей и поражала не голову, а шею или плечо — и уже не с той силой... После вступления в бой австрийских драгун к начальнику 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту графу Ф. А. Келлеру «поддетел» новгородец, драгун Д. Голдава и пожаловался: «Рублю, рублю этих с... с... [сукиных сынов. — А. С.] по голове, но никак не могу рубить ихней шапки (каска)»³⁰... Шашечный удар, вспоминал Й. Брюль (в то время лейтенант 15-го драгунского), «сдвинул набок мою каску и попал мне в голову. Я не почувствовал никакой боли, только сотрясение от удара». То же ощутил и кадет «белых драгун» Р. Прагер: удар по голове «лишь помял мою каску, не поранив меня»³¹. Эксперименты, произведенные потом новгородцами над австрийской драгунской каской, показали, что даже «самые сильные удары не просекали ее»³².

Металлические детали (жестяная окантовка козырька, латунные герб, ребра жесткости на боках колпака и чешуя подбород-

---

²⁸ Цит. по: *Васильев А. А.* Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославице 8 (21) августа 1914 г. С. 59.

²⁹ *Сливинский А.* Указ. соч. С. 42; *Ганин А. В.* Указ. соч. С. 404.

³⁰ *Сливинский А.* Указ. соч. С. 16.

³¹ Цит. по: *Васильев А. А.* Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославице 8 (21) августа 1914 г. С. 69, 78.

³² *Головин Н. Н.* Конный бой у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун. С. 199.

ного ремня) мешали прорубить и уланскую австрийскую каску («шапку»).

В итоге, согласно наиболее полным австрийским данным, в конном бою при Ярославлице австрийцы потеряли 48 человек убитыми, 44 ранеными и 239 пропавшими без вести³³. А. А. Васильев резонно предположил, что большая часть последних попала (будучи ранеными или лишившись лошади) в плен, а часть погибла³⁴. Однако по сведениям А. В. Сливинского (в то время поручик, старший адъютант штаба 10-й кавалерийской дивизии), под Ярославлице было пленено около 250 австрийских кавалеристов³⁵. Кроме того, все 9 австрийских офицеров, записанных после конного боя в *пропавшие без вести*, оказались в плену — и все ранеными³⁶. Примем поэтому, что практически все 239 пропавших без вести были в действительности ранены и пленены. Тогда кровавые потери австрийцев в конном бою составят около 50 убитых и около 280 раненых — и доля убитых будет равна примерно 15%. С учетом того, что часть убитых стала жертвой не шашек, а пик, качество рубки у русских окажется не выше, чем при Аустерлице. И это при том, что к 1914-му 10-я кавалерийская дивизия действительно «достигла высочайшего уровня боевой подготовки»³⁷. При том, что граф Ф. А. Келлер активно боролся за то, чтобы приблизить обучение рубке к условиям реального боя, за то, чтобы учить не фехтованию в пешем строю «шеренга на шеренгу», а «вольному бою»³⁸.

Случай с 10-й кавалерийской не единичный. Когда 31 августа (13 сентября) 1915 г. взвод эскадрона Ее Величества Кавалергардского полка (1-я гвардейская кавалерийская дивизия) преследовал между деревней Яканы и выселком Абкарты (близ Лодзее, ныне Лаздияй, Литва) германцев из 19-го драгунского и 13-го уланского полков, кавалергарды не могли прорубить кожаные каски германских драгун — имевшие металлические (из томпака) герб, накладку на верх колпака, навершие и ребро жесткости на тыльной

---

³³ Подсчитано по: *Васильев А. А.* Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославлице 8 (21) августа 1914 г. С. 93–95.

³⁴ Там же. С. 94.

³⁵ *Сливинский А.* Указ. соч. С. 23.

³⁶ Подсчитано по: *Васильев А. А.* Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославлице 8 (21) августа 1914 г. С. 94.

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ *Келлер Ф. А.* Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб., 1914. С. 31.

части колпака — и томпаковые же «чешуйчатые эполеты» германских улан: «шашки со звоном отскакивали от металла»³⁹.

Правда, часть этой информации — сообщенной в 1931 г. не участвовавшим в бою полковником Кавалергардского полка В. Н. Зевинцовым — вызывает недоумение. Для того, чтобы перерубить металлический чешуйчатый эполет, требовалась недюжинная сила удара. По воспоминаниям генерала от кавалерии князя И. Г. Амилахвари, в бою с горцами под Чир-Юртом в Дагестане 31 января 1853 г. капитан Нижегородского драгунского полка князь З. Г. Чавчавадзе получил такой шашечный удар по плечу, что, не будь на его сюртуке эполет, он был бы разрублен надвое. Но кованый чешуйчатый эполет ослабил силу удара, и капитан отделался лишь рассеченным плечом⁴⁰. По сведениям другого кавказского ветерана, А. Л. Зиссермана, удар вообще не смог перерубить эполет и не причинил даже ранения⁴¹, но Амилахвари — как сослуживец Захария Чавчавадзе — наверняка был осведомлен лучше. Проблема, однако, заключается в том, что металлические эполеты германские уланы носили лишь на мундирах мирного времени. При надетой ими с началом войны серой полевой униформе полагались суконные погоны.

Однако, как мы видели выше, в 1812-м русская кавалерия не показывала в рубке с неприятельскими кавалеристами даже и тех результатов, что дивизия Келлера при Ярославце. Зарубить на смерть австрийского, саксонского или прусского шволежера или гусара в 1812-м, как правило, вообще не удавалось.

Поэтому гораздо большее значение имели происшедший в 1860 г. отказ русской кавалерии от палаша и перевооружение всей её после 1881 г. на шашку.

Не будучи знакомы с теорией конструирования холодного оружия (в XVIII в. она и не была еще разработана), и Военная коллегия в 1755 г., и Р. А. Фадеев в 1867-м ошибались, считая, что рубка

---

³⁹ В. З. Кавалерийское дело // Вестник союза офицеров участников войны (Париж). 1931. № 10. С. 10–11.

⁴⁰ Из записок князя Амилахвари // Кавказский сборник, издаваемый с Высочайшего соизволения по указанию Великого Князя Михаила Николаевича в бытность Его Императорского Высочества Главнокомандующим Кавказскою Армию. Т. XXVI. Тифлис, 1907. С. 86. (отд. pag.).

⁴¹ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 2. 1851–1856. СПб., 1879. С. 187.

палашом подобна рубке плотницким топором, и что палаш является оптимальным для рубки оружием. Палаш с его прямым, сужающимся к концу клинком (и смещенным поэтому к эфесу центром тяжести) оптимизирован больше для колющего, нежели для рубящего удара. Наиболее эффективный, наносящий более обширный разрез удар — не по нормали, а под углом к перпендикуляру, проведенному от касательной к лезвию клинка к поражаемой части тела — легче нанести не палашом, а клинком изогнутым и с центром тяжести, смещенным к острию. То есть саблей (с ее не сужающимся или даже расширяющимся к концу клинком) и шашкой (с ее облегченным эфесом)⁴². А по сравнению с гвардейским кирасирским палашом образца 1798 г. — которым рубили конногвардейцы при Аустерлице — даже, возможно, и плотницким топором! Ведь топориче последнего специально изогнуто так, чтобы удар наносился не по нормали — а рукоять палаша образца 1798 г. (в отличие от кирасирского палаша образца 1810 г., которым рубили в 1812-м) составляла с клинком одну прямую⁴³.

(Кстати, палаш, предлагавшийся Фадеевым, имел почти такую же ширину клинка (около 39 мм), что и у образцов 1798 и 1810 г. (около 37 мм), но существенно меньшую длину (756 мм против соответственно 890 и 960 мм)⁴⁴, т. е. центр тяжести у него располагался еще ближе к эфесу, и, значит, эффективность рубки была бы еще ниже.)

Заметим, что, если не «природная способность», то, по крайней мере тяга к «рублению» у русских, похоже, действительно была: в кампанию 1807 г. в Восточной Пруссии многие офицеры гвардейской пехоты, Кавалергардского и лейб-гвардии Конного полков — как явствует из дополнения к приказу командующего гвардией цесаревича Константина Павловича от 22 мая (3 июня) 1807 г. — самочинно заменяли свои шпаги и палаши на сабли⁴⁵. Ведь эти последние были лучше приспособлены для рубки.

Случайно ли то, что наибольших успехов в рубке в 1914 г. добились 1-й Линейный полк Кубанского казачьего войска и 17-й дра-

⁴² Федоров В. Г. Холодное оружие. СПб., 1905. С. 21.

⁴³ См.: Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. Определитель. СПб., 1994. С. 21–22, 28–29.

⁴⁴ Там же. С. 21, 28; Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 238.

⁴⁵ Панчулидзева С. История кавалергардов. 1724–1799–1899. Т. 3. СПб., 1903. С. 130.

гунский Нижегородский? Ведь первый из них был вооружен не казачьей шашкой образца 1881 г., а (как и все кубанские и терские казачьи части) шашкой кавказских казачьих войск образца 1904 г. А второй (наряду с 3-м драгунским Новороссийским, 15-м драгунским Переяславским, 16-м драгунским Тверским и 18-м драгунским Северским) — не драгунской шашкой образца 1881 г. (как вся остальная регулярная кавалерия), а шашкой азиатского образца 1834 г. (кстати, в каждом нижегородском эскадроне имелось по несколько «заветных», вручавшихся лучшим драгунам, шашек изготовления 1834 же года)⁴⁶.

В самом деле, шашка образца 1834 г. имела более кривой, чем у образцов 1881 г., клинок и была легче солдатской драгунской шашки образца 1881 г. (около 1 400 г против 1 650 г), а шашка кавказских казачьих войск образца 1904 г. была легче казачьей шашки образца 1881 г. (в варианте для нижних чинов — до 1 000 г против 1 350 г)⁴⁷. А чем больше кривизна клинка и чем меньше его вес, тем проще нанести им тяжелую рану. О значении кривизны уже говорилось, а меньший вес увеличивает скорость удара — и, следовательно, его силу, которая зависит больше от скорости, нежели от массы (зависимость энергии от массы — линейная, а от скорости — квадратичная: $E = mv^2/2$)⁴⁸.

Большей эффективности рубки шашками образцов 1834 г. и 1904 г. способствовало и то, что их рукоять составляла с нижней (до начала изгиба) частью клинка одну прямую — а не была отклонена в сторону лезвия, как у драгунской и казачьей шашек образца 1881 г. (благодаря этому отклонению ими было легче колоть, но труднее рубить).

Однако и замена прямых клинков искривленными не исчерпывает всех причин возрастания к 1914 г. у русских кавалеристов эффективности рубки. Изюмские и александрийские гусары в 1812-м рубили саблями — а результат был тем не менее низкий.

---

⁴⁶ Трубецкой Н. С. О Нижегородской шашке // Военная Бель (Париж). 1964. Январь. № 65. С. 28; Андоленко С. К статье «Русское холодное оружие царствования императора Николая II-го» («Военная Бель» № 65) // Военная Бель (Париж). 1964. Июль. № 68. С. 46.

⁴⁷ Кулинский А. Н. Указ. соч. С. 73–74, 78, 80, 82, 84, 88–90; Молло Е. Шашка Кавказских казачьих войск образца 1904 года // Военная Бель (Париж). 1970. Сентябрь. № 106. С. 44.

⁴⁸ Федоров В. Г. Указ. соч. С. 21, 25.

Здесь приходится вспомнить свидетельство ветерана наполеоновской армии М. барона де Марбо — дравшегося в 1812-м (в бытность свою, в чине шефа эскадрона, исправляющим должность командира 23-го конно-егерского полка, а затем, в чине полковника, командиром того же полка) под Друей, Клястицами, в первом сражении под Полоцком и на Березине. «[...] Русские кавалеристы, — утверждал Марбо, — обычно неловки во владении холодным оружием»⁴⁹.

К 1914-му ситуация здесь явно изменилась! В том же 17-м драгунском Нижегородском, «не пренебрегая остальными отраслями обучения, необходимыми кавалеристу», «было обращено особое внимание на рубку [...] причем обращалось внимание не только на меткость, но и на силу удара»⁵⁰! То же самое и в другой отменно рубившей в 1914-м части — в 1-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Рубил он «издавна хорошо», подчеркивал служивший в нем в 1900–1915 гг. полковник Е. С. Тихоцкий⁵¹. Еще в одном из своих приказов 1900–1903 гг. командующий войсками Киевского военного округа генерал от инфантерии М. И. Драгомиров отмечал, что в этом полку (до 1906-го он именовался 1-м Урупским) «способны не только рубить, но и изрубить»⁵².

В той же 10-й кавалерийской дивизии здесь явно не достигли максимума возможного (хотя в том, что касается умелых действий одиночного бойца в конном бою, результаты получили прекрасные⁵³). Да, некоторые шашечные удары под Ярославлице «были настолько сильны, что голова распадалась на две половинки, как разрезанный пополам арбуз, причем, идя дальше, шашка глубоко впивалась в туловище жертвы»⁵⁴. Но то были удары, нанесенные по лицу, не встретившие на своем пути каску. А вот нижегородцы в бою под Маково — Плытя прорубали и аморти-

⁴⁹ Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 560.

⁵⁰ Ден [П. В., фон]. Три атаки. (Продолжение). С. 13–14.

⁵¹ Тихоцкий Е. [С.] Атака Австро-Венгерской Конницы на 2-ю Сводную Казачью Дивизию под м. Городок 4–17 августа 1914 г. Белград, 1930. С. 5.

⁵² Цит. по: Там же. Верхняя и нижняя границы датировки приказа определяются тем, что Е. С. Тихоцкий — помнивший этот приказ — прибыл в 1-й Урупский полк весной 1900 г., а М. И. Драгомиров оставил пост командующего войсками округа в сентябре 1903 г.

⁵³ См.: Сливинский А. Указ. соч. С. 40–41; Васильев А. А. Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославлице 8 (21) августа 1914 г. С. 110.

⁵⁴ Сливинский А. Указ. соч. С. 41.

зировавшие удар меховые шапки германских гусар⁵⁵, а в бою под Блашками — и металлические каски германских конных егерей! Если у кавалергардов в 1915-м шашки «отскакивали» от металлических деталей кожаной каски, а у новгородцев даже в условиях эксперимента и даже «самые сильные удары не просекали» кожаную каску, то нижегородец старший унтер-офицер Г. Г. Люфт одним ударом и прорубил металлическую каску, и разрубил голову немца — «причем шашка, скользя с головы, рассекла еще круп лошади». А подпрапорщик С. М. Козлов первым же ударом отрубил германскому гусару кисть руки⁵⁶.

Но нижегородцы и линейцы — это далеко не все части, где увлекались рубкой! Еще в 1901–1904 гг. на рубке «были помешаны все» в 1-й отдельной кавалерийской бригаде⁵⁷, т. е. в 49-м драгунском Архангелогородском и 50-м драгунском Иркутском полках (с декабря 1907 г. — 19-й драгунский Архангелогородский и 16-й гусарский Иркутский). В 17-м гусарском Черниговском полку (2-я отдельная кавалерийская бригада) на проверке командира бригады 7–8 (20–21) апреля 1910 г. учебная команда показала «блистательную» рубку (из 96 ударов лишь 3 дали промах), а молодые солдаты — «меткую и звонкую»: более 80% «чистых» ударов (т. е. ударов, нанесенных с такой скоростью, что верхняя часть перерубленной лозы не отлетала в сторону, а падала вертикально, «упершись концом в землю». — А. С.)⁵⁸. Вряд ли этот успех был случаен: по свидетельству вышедшего в черниговские гусары в том же 1910 г. Я. Я. Смирнова, «весь полк положительно щеголял рвением к службе, и результаты этого были очень наглядны»⁵⁹.

А вот воспоминания князя В. С. Трубецкого о лейб-гвардии Кирасирском Ея Величества полку (1-я гвардейская кавалерийская дивизия) 1911–1914 гг.: «Во время сменной езды много времени

⁵⁵ Кавказские драгуны в первые дни войны 1914–1917 гг. // Военно-Исторический Вестник (Париж). 1971. Май. № 37. С. 23.

⁵⁶ Ден [П. В., фон]. Три атаки. (Продолжение). С. 13; Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 23.

⁵⁷ Дрейер В. Генерал П. К. Ренненкамф. (Из готовящейся к печати книги воспоминаний) // Военная Быль (Париж). 1965. Июнь. № 74. С. 29.

⁵⁸ Куторга Г. А. Черниговские гусары. (Окончание) // Военная Быль (Париж). 1960. Сентябрь. № 44. С. 13; Корвин-Верзбицкий А., фон. Из воспоминаний конника // Военная Быль (Париж). 1957. Июль. № 25. С. 22.

⁵⁹ Смирнов Я. Черниговские гусары. (Памяти Е. И. В. Великого князя Михаила Александровича) // Военная Быль (Париж). 1957. Сентябрь. № 26. С. 11.

уделялось рубке. [...] Многие молодые офицеры сами увлекались этим делом, возводя его в спорт, и, надо сказать, солдат выучивали рубить до степеней виртуозности. На полном скаку без промаха перерезали шашкой маленькую картошку, висящую на нитке, вдевали шашку в узенькое колечко, лихо рубили на карьере глиняные головы; толстые соломенные жгуты, лозы и прочее рубили, прыгая через препятствия»⁶⁰.

Командовавший в 1907–1913 гг. III армейским корпусом генерал-лейтенант П. К. фон Ренненкампф обязал командиров эскадронов и сотен своей 3-й кавалерийской дивизии (3-й драгунский Новороссийский, 3-й уланский Смоленский, 3-й гусарский Елисаветградский и 3-й Донской казачий полки) добиваться только «отличной» рубки — чтобы были «начисто срублены» не менее 75% поставленных прутьев. И, например, в Елисаветградском полку волей-неволей завели «т[ак. — А. С.] наз[ываемые. — А. С.] «карусели» для упражнения в рубке»⁶¹...

Вообще, эффективная рубка требовала не столько «природной способности» (или хотя бы тяги) к «рублению», сколько *длительной учебы*. Сначала, описывая принятую к 1914-му в русской коннице методику обучения рубке В. С. Литтауэр (в 1913–1914 гг. корнет 1-го гусарского Сумского полка 1-й кавалерийской дивизии), — солдаты учились пользоваться шашкой в пешем бою. Затем в седле, постепенно увеличивая скорость на шаг, рысью и, наконец, галопом. В качестве макетов для отработки удара служили глиняные [из влажной глины. — А. С.] пирамиды в человеческий рост или длинные прутья, установленные в специальных держателях. Отрабатывались сила и меткость удара»⁶².

Так же, похоже, было и в Кавалергардском полку. Да, в 1915-м силы удара его чинам не хватало — но тут, видимо, сказалась детренированность. В обоих случаях, когда им довелось рубить в 1914-м, они демонстрировали выдающиеся по силе удары.

---

⁶⁰ Трубецкой В. [С.]. Записки кирасира // Наше наследие. 1991. № 2. С. 69.

⁶¹ Рябинин А. Записки старого офицера // Часовой (Брюссель). 1965. Январь. № 463. С. 16–17.

⁶² Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 116 (цитата дана в обратном переводе с английского). См. также воспоминания офицера 16-го драгунского Тверского полка (Кавказская кавалерийская дивизия): Тануэров Г. (Жук). Мирная полковая жизнь // Военная Быль (Париж). 1958. Январь. № 28. С. 16.

В стычке у Дружбице кавалергард Сорокин нанес германскому «коричневому гусару» удар «исключительной силы» — не только разрубив «в щепы» попавший под шашку приклад карабина, но и сбив немца с лошади. А под Гоноратовом младший унтер-офицер Плигин (из того самого эскадрона Его Величества, где в 1915-м не «просекали» каску германских драгун) не только прорубил пресловутую австрийскую драгунскую каску, но и разрубил австрийцу голову⁶³ — почти как нижегородец Люфт.

Значение *тщательной отработки техники и силы удара клинковым оружием* хорошо показывает и провал попыток применить это оружие, предпринимавшихся в 1914 г. теми, кто недооценивал обучение рубке — германскими и австрийскими кавалеристами. Так, в бою 27 июля (9 августа) 1914 г. у деревни Бельцонцен (близ Бялы, Восточная Пруссия) гусар 4-го гусарского Мариупольского полка, которого рубили саблями германцы из 10-го драгунского, отделался лишь «полосами как от ударов бича» на плечах и спине⁶⁴. У корнета 10-го драгунского Новгородского полка Д. А. Трингама в бою под Ярославце были «изрезаны сабельными клинками» австрийских драгун (не то «зеленых» из 9-го драгунского полка, не то «белых» из 15-го) и кожаная амуниция, и футляр бинокля, и козырек фуражки, и рубаха — но «ни одной колотой или рубленой раны он не получил», его тело покрыли лишь «черно-синие следы от ударов и ушибов»⁶⁵. Окружив другого новгородца, драгуна Горбенко, «белые драгуны» «в ключья» изрубили его седло и притороченную к седлу шинель — но самому Горбенко сумели нанести лишь одну рану⁶⁶.

Если 8 русских эскадронов и сотен в конном бою под Ярославце вывели из строя холодным оружием до 330 человек (около 50 убитыми и около 280 ранеными), то почти столько же (7) австрийских эскадронов — только до 100 (в конном бою русские потеряли, по их данным, 5 человек убитыми и 105 ранеными, но значительная часть их была поражена не саблей, а револьверной или пистолетной пулей; относительно как минимум 10 чело-

⁶³ Звезгинцов В. Н. Указ. соч. С. 120, 143.

⁶⁴ Шишков А. 4-й гусарский Мариупольский Императрицы Елисаветы Петровны полк // Военная Бьяль (Париж). 1970. Март. № 103. С. 12.

⁶⁵ Васильев А. А. Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославце 8 (21) августа 1914. С. 52, 87.

⁶⁶ Цит. по: Там же. С. 58.

век это известно точно)⁶⁷. С учетом того, что и многие из австрийских кавалеристов стали жертвами не шашки, а пики, и того, что соотношение убитых и раненых холодным оружием у них составило примерно 1 : 5, а у русских не менее чем 1 : 19, можно заключить, что эффективность рубки у австрийских кавалеристов оказалась хуже, чем у русских, раза в три.

Конечно, тут сказались и плохая отточка австрийских сабель, и их разношерстность⁶⁸ — мешавшая единообразному обучению рубке. Но это явно не главное: как мы уже видели, по части отточки не на высоте была и как минимум часть русских участников боя. Главное заключалось в другом: офицеры ингерманландских гусар отмечали после боя «очень слабое владение холодным оружием австрийцев»⁶⁹, а журнал боевых действий 1-го Оренбургского казачьего полка — что «рубаки австрийцы плохие»⁷⁰.

Австрийских драгун и улан вообще обучали не столько рубить саблей, сколько колоть⁷¹. Иное дело венгерские гусары. В конном бою под Камёнкой-Струмиловой в Галиции 11 (24) августа 1914 г. с 5-м гусарским гонведным полком (11-я гонведная кавалерийская дивизия) 11-й уланский Чугуевский полк (11-я кавалерийская дивизия) потерял, по русским же данным, 17 человек убитыми и 30 ранеными (по меньшей мере один из последних был поражен не саблей, а пулей). То есть убитые составили до 35% русских кровавых потерь — а не до 5%, как в конном бою при Ярославце. (Правда, большинство ран, причиненных венгерскими саблями, были легкими.)⁷²

Таким образом, прогресса в деле овладения клинковым оружием русская кавалерия к 1914 г. достигла не только благодаря пере-

---

⁶⁷ Подсчитано по: Там же. С. 72, 74, 96–97. Из опубликованных А. А. Васильевым выписок из журналов боевых действий 1-го и 2-го эскадронов ингерманландцев явствует, что все погибшие и 10 из 19 раненых под Ярославце гусар стали жертвами артиллерийского огня либо огня стрелкового оружия. Цифры австрийских потерь обоснованы нами выше.

⁶⁸ Ганин А. В. Указ. соч. С. 403.

⁶⁹ Бой 8 авг. 1914 г. у д. Ярославце по свидетельству Генерального Штаба Полковника С. Н. Ряснянского. С. 7.

⁷⁰ Цит. по: Ганин А. В. Указ. соч. С. 403.

⁷¹ Васильев А. А. Кавалерийские атаки Великой войны. Бой при Ярославце 8 (21) августа 1914. С. 148.

⁷² Арсеньев П. По поводу статьи «Атака 9-го гусарского Гонведного полка на 18 конную батарею» // Русский военный вестник (Белград). 1 мая 1927 (18 апреля 1927 ст. ст.). № 90. С. 3.

вооружению на шашки и облегчению обмундирования противника, но и за счет повышения внимания к обучению солдат рубке.

Сравним теперь результаты применения русской конницей наполеоновской эпохи и ею же, но образца 1914 года пики. В сражениях 1805–1814 гг. пику у русских использовали в основном донские казаки; кроме них, ею были вооружены первые шеренги сначала трех «конных» полков, с 1807 г. — уланских (в том числе бывших «конных»), а с весны 1812 г. — и гусарских, а также конно-татарские (из крымских татар) полки.

Полковник 17-го драгунского Нижегородского полка П. В. фон Ден — солидаризируясь с елизаветинской Военной коллегией и Р. А. Фадеевым — писал в 1964 г., что «русскому человеку» «больше по душе» шашка, нежели пика⁷³. А вот командовавший в 1812-м 2-й Западной армией генерал от инфантерии князь П. И. Багратион отмечал иное. Новое оружие гусар — пика, — докладывал он военному министру генералу от инфантерии М. Б. Барклаю де Толли 21 апреля (3 мая) 1812 г., «быв народным, родило какое-то удовольствие в людях при введении вооружения и при учении действовать оными»⁷⁴.

Однако результаты применения «народного оружия» в 1812-м были не самыми эффективными. «В среднем, — писал бывший хирург вюртембергского 3-го конно-егерского полка Г. фон Роос, — удары пикой редко бывают опасны. Я назвал бы их в общем легкими поранениями, ибо они всегда задевали лишь кожу и мускулы и лишь редко давали глубокие и сквозные раны, — только тогда, когда удары пики были особенно сильны, когда пикой действовали с разлета [...] было много таких, которые в нескольких сражениях получали по 10–15 ран казацкими пиками; был даже один егерь, раненый пикой 24 раза; звали его Гегеле ...»⁷⁵

Целый ряд эпизодов кампании 1812 г. вполне согласуется с таким мнением. Так, при налете донского казачьего полка Мельникова 3-го на Шклов 15 (27) июля 1812 г. командир 5-й роты французского 2-го конно-егерского полка капитан П. Ноказ был,

⁷³ Ден [П. В., фон]. Три атаки. (Продолжение). С. 14.

⁷⁴ Цит. по: Валькович А. М. О вооружении гусар пиками // Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С. 78.

⁷⁵ Роос Г. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. М., 1912. С. 162–163.

по его словам, пронзен пикой «сквозь все тело», но мог еще после этого долго ехать верхом, — а шесть эскадронов 6-го и 25-го конно-егерских полков потеряли в бою с казаками 18 человек ранеными, но только 3 (т. е. 14,5% кровавых потерь) убитыми⁷⁶. При падении донцов из отряда генерал-майора А. В. Иловайского 3-го на конвой Наполеона под Городней 13 (25) октября 1812 г. французский гвардейский конно-егерский полк потерял ранеными 25–30 человек, а убитыми — только 6⁷⁷ (т. е. убитые составили примерно 18–20% кровавых потерь).

В бою 27 июня (9 июля) 1812 г. под Миром в Белоруссии с семью донскими казачьими полками (а также четырьмя полками татар, башкир и калмыков) из корпуса генерала от кавалерии М. И. Платова польские 3-й, 15-й и 16-й уланские полки потеряли ранеными до 300 человек (после боя Платов отправил в тыл 216 пленный, которые «все» были «переранены»; еще 65 раненых нижних чинов остались, согласно рапорту их корпусного командира, дивизионного генерала В. Латур-Мобура королю Вестфали Жерому Бонапарту, в вынесших основную тяжесть боя 3-м и 16-м полках⁷⁸ — и примерно 15–20 могли остаться в 15-м полку). Убитых же — даже если мы (сделав явную натяжку) примем, что все 80 нижних чинов 3-го и 16-го полков, зачисленные Латур-Мобуром в убитые и пленные, погибли, — окажется (с учетом 30 пленный, умерших от ран в первую же ночь после боя)⁷⁹ — не более 110. То есть даже с явной натяжкой процент убитых у поляков едва сможет превысить 25. Да и вряд ли все убитые стали жертвой именно казачьих пик.

Сравним с этим результаты атаки тех же донцов — 3-й сотни 17-го Донского казачьего генерала Бакланова полка (2-я Сводная казачья дивизия) — на полтора эскадрона венгерского 14-го гусар-

---

⁷⁶ Попов А. И. «Поиски» казаков Платова на Днепре // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2017 г. М., 2018. С. 316–317.

⁷⁷ Васильев А. А. Императорское «Ура». Бой казаков с конвоем и свитой Наполеона под Городней 13 (25) октября 1812 года глазами очевидцев // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С. 33.

⁷⁸ Булдыменко П. В., Кузнецов П. Е. Польская кавалерия в бою под Миром // Воин. 2002. № 10. С. 46.

⁷⁹ Там же.

ского полка⁸⁰ (1-я кавалерийская дивизия) 10 (23) августа 1914 г. у галицийского села Джурин (близ Бучача). «[...] Начались бесподобные, захватские и беспощадные уклады пикой по-Баклановски», вспоминал наблюдавший эту атаку бывший полковой адъютант 17-го Донского — и, «как оловянные солдатки, повалились с коней не пожелавшие даже обнажить сабель жалкие гусары»; «следы пик на убитых гусарах, валявшихся на месте схватки (*шока*), были ужасны»⁸¹. Старший адъютант штаба 2-й Сводной казачьей дивизии Генерального штаба капитан Н. А. Петровский — в чьей достаточной точности в подсчетах мы уже могли удостовериться выше — насчитал на месте схватки свыше 50 венгерских трупов⁸²...

«[...] Удары наши были ужасны. Например: пикой в лицо и сзади выворочено полчерепа», — записали после боя 8 (21) августа 1914 г. под Ярославце в журнале боевых действий 1-го Оренбургского казачьего полка (10-я кавалерийская дивизия)⁸³.

После конной атаки 1-го Астраханского казачьего полка на германскую пехоту под Нешавой (северо-западнее Влоцлавска в Польше) 14 (27) августа 1914 г., свидетельствовал участник боя Г. А. Иванов (в то время хорунжий лейб-гвардии Атаманского полка), остались трупы немцев «со страшными ранами пиками и шашками»⁸⁴.

При столь эффективных ударах доля убитых среди пораженных пиками, безусловно, должна была превышать те от силы 15–25%, что обеспечивали донцы в 1812-м.

В 1812-м явно не лучше казаков колола пикой и регулярная русская кавалерия. Так, 5 (17) июля 1812 г., восточнее Пинска, в стычке между разъездом австрийского гусарского полка Кайзера и разъездом, составленным из чинов Литовского уланского полка и казачьего полка Исаева 2-го, пики русских улан и казаков причинили лишь ранения трем «кайзер-гусарам» (причем, по край-

⁸⁰ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Кн. 2. Т. 3. Галицийская битва (до 1 сентября нового стиля). Т. 4. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). М., 2014. С. 179–180.

⁸¹ Баклановец. Указ. соч. С. 7.

⁸² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Кн. 2. С. 180. Петровский ошибочно указал, что убитые принадлежали к 12-му гусарскому полку.

⁸³ Цит. по: Ганин А. В. Указ. соч. С. 404.

⁸⁴ Иванов Г. А. Распятый казак // Родимый край (Париж). 1972. Январь — февраль. № 98. С. 9.

ней мере, двум из них — легкие)⁸⁵. 13 (25) июля, восточнее Брест-Литовска, преследуя эскадрон саксонского шволежерского полка принца Клеменса, чины Татарского уланского полка сумели ранить пиками до 15 саксонцев, но убить — ни одного. При этом секунд-лейтенант Ф. фон Зальца унд Лихтенау упал с коня лишь получив четыре удара пикой⁸⁶.

В первом сражении под Полоцком, 6 (18) августа 1812 г., в схватке с эскадроном полковника Беннигсена (входившим в Сводный гвардейский полк) лейб-гвардии Гусарского полка французский 23-й конно-егерский полк, по свидетельству М. барона де Марбо (в то время шеф эскадрона, исправляющий должность командира полка), потерял около 30 человек ранеными, но лишь 8 или 9 убитыми⁸⁷ — т. е. убитые составили лишь 21–23% кровавых потерь. (Марбо считал, что дрался с лейб-гвардии Казачьим полком, но этот последний находился в тот день за 200 с лишним верст от Полоцка — под Смоленском. Барон явно принял за лейб-казачей лейб-гусар — которые тоже носили редкие в русской армии «красные куртки» и тоже имели пики. Сражавшийся левее 23-го, в рядах 24-го конно-егерского полка, Ж. Т. Колоссо (в то время старший сержант) свидетельствовал потом, что и 23-й, и 24-й атаковали именно гусар. Это крепко врезалось ему в память, потому что «их [гусар. — А. С.] первый ряд был вооружен пиками. Случай чрезвычайный, это было первый раз, когда мы видели их на войне»⁸⁸ ...)

В 1914-м же картина была иной. Вот, например, свидетельства офицеров 10-й кавалерийской дивизии — участников боя под Ярославце.

«[...] Благодаря работе пик первая шеренга противника была снята [с седла]», — писал М. Н. Стеллецкий (в то время поручик 10-го уланского Одесского полка)⁸⁹.

---

⁸⁵ Попов А. И. Война 1812 года: боевые действия на южном фланге. Т. 1. Дело при Кобрине. М., 2013. С. 51.

⁸⁶ Там же. С. 61. В бою участвовала также часть Евпаторийского конно-татарского полка, но, судя по тому, что потери понесли лишь уланы, раненые саксонцы были именно на их счету.

⁸⁷ Мемуары генерала барона де Марбо. С. 558–560.

⁸⁸ Цит. по: Попов А. И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле — августе 1812 г.). С. 102.

⁸⁹ Головин Н. Н. Новые документы о конном бое у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования. Кн. 8. Белград, 1926. С. 210.

«Особенно поражали величиной и жестокостью раны многих убитых и раненых австрийцев — то были следы уколов пики, — вспоминал А. В. Сливинский (в то время поручик, старший адъютант штаба 10-й кавалерийской дивизии). — [...] Уколы пик были ужасны, особенно если пика попадала в скачущего навстречу противника; она вонзалась в него и выходила с обратной стороны туловища, производя широкие рваные раны»⁹⁰.

«Тяжелое впечатление производили ранения пиками», — вторил ему А. И. Рожнятовский (в то время поручик 10-го драгунского Новгородского полка)⁹¹.

«[...] Кучками лежат убитые конно-артиллеристы со страшными ранениями от пик», — так описывал Г. А. (Ю. А.) Валувев (в то время поручик 10-го драгунского Новгородского полка) результаты атаки группы гусар 10-го гусарского Ингерманландского полка на 1-ю батарею 11-го конно-артиллерийского дивизиона австрийцев по завершении конного боя под Ярославице⁹².

Участник конной атаки под Заложче 29 июля (11 августа) 1914 г. Е. Пафнютьев (в то время корнет 9-го уланского Бутского полка 9-й кавалерийской дивизии) был свидетелем, как «разлетаются расколотые черепа, фонтанами бьет кровь из проколотых пикой тел» австрийских пехотинцев⁹³.

Участник боя под Камёнкой-Струмиловой в Галиции 11 (24) августа 1914 г. П. А. Арсеньев (в то время штабс-ротмистр 11-го уланского Чугуевского полка 11-й кавалерийской дивизии) видел, как трое улан 5-го эскадрона с такой силой вонзили пики в венгров из 5-го гонведного гусарского полка (11-я гонведная кавалерийская дивизия), что не сразу, только «с ругательствами», смогли их вытащить. А «передние ряды венгерцев буквально были смяты пиками наших улан»⁹⁴.

---

⁹⁰ Сливинский А. Указ. соч. С. 21, 44.

⁹¹ Головин Н. Н. Конный бой у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун (окончание) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования. Кн. 10. Белград, 1929. С. 135.

⁹² Головин Н. Н. Конный бой у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун. С. 193. Георгий Валувев именовал себя также и Юрием (русский вариант греческого имени «Георгий») и подписывался и как «Ю. А. Валувев».

⁹³ Пафнютьев Г. Указ. соч. С. 10.

⁹⁴ Арсеньев П. Указ. соч. С. 3.

После атаки 2-го, 4-го и 5-го эскадронов 12-го гусарского Ахтырского полка (12-я кавалерийская дивизия) на подразделение австрийского 2-го либо 7-го драгунского полка (8-я кавалерийская дивизия) у галицийской деревни Демня 13 (26) августа 1914 г. русские, по сведениям ахтырца В. А. Скачкова (в то время поручик), обнаружили на поле боя 80 убитых австрийцев, «почти все с [о смертельными, как видим. — А. С.] ранами от пик»⁹⁵.

В. В. Тараторин попытался объяснить невысокий процент смертности среди пораженных казачьими пиками в 1812 г. высокой посадкой казаков на лошади — не дававшей наносить сильный удар прижатой к боку пикой без риска вылететь из седла⁹⁶. Однако высокую посадку (обусловленную специфической конструкцией казачьего седла) казаки сохраняли и в 1914-м. Тут, скорее, сказалось то, что в 1812-м они имели менее эффективные, чем сто лет спустя, пики.

Все разнокалиберные пики, которыми были вооружены казаки в наполеоновскую эпоху, явно позволяли наносить только колющий удар — а не более опасный колюще-режущий. Ведь Г. фон Роос прямо противопоставлял тогдашнюю казачью пикую копьё: «Гораздо серьезней и в общем опаснее бывают удары копьем, ибо они одновременно и колют и режут»⁹⁷. Потому что «поражающий элемент копья — это *двулезвийный* [выделено мной. — А. С.] клинок с острием». А у классической пики поражающим элементом является только острие; режущих поражающих элементов (лезвий) у нее нет — так что такая пика «применяется исключительно как колющее оружие»⁹⁸. Если у наконечника копья поперечное сечение представляло собой сильно вытянутый ромб, то у наконечника классической пики — ромб, близкий к квадрату, где все грани примыкают одна к другой под углом слишком большим для того, чтобы образовать режущую кромку, лезвие ...

---

⁹⁵ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Кн. 2. С. 303–304.

⁹⁶ Тараторин В. В. Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Мн., 1999. С. 401–402.

⁹⁷ Роос Г. Указ. соч. С. 163.

⁹⁸ Бискуп Н. Р. Оружие на древках из собрания Государственного Эрмитажа: проблема терминологии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. I. СПб., 2014. С. 169.

Однако после 1815 г. — когда был введен единый образец пики для донских и черноморских казаков — казачья пика в России, по существу, уподобилась копью. На каждой из четырех граней ее наконечника появились долы — углубления; в результате поперечное сечение наконечника из ромбовидного превратилось в крестообразное — где каждый из концов креста представлял собой *лезвие*⁹⁹. Не случайно после 1815 г. наконечник пики в России стал официально именоваться *лезвием*, а к началу XX в. — *копьем* (а наконечником стали называть то, что раньше именовалось подтоком).

Таким же *колюще-режущим* оружием были и пики, применявшиеся русской конницей в 1914-м — казачья образца 1901 г. и кавалерийская образца 1910 г. (последняя имела и в казачьих частях). Только заготовки для их копий делали не четырех-, а трехгранными — так, что поперечное сечение копья представляло собой не крест, а трехлучевую звезду, и лезвий было не четыре, а три¹⁰⁰.

Не исключено также, что на силе ударов казачьими пиками в 1812 г. сказывалось неоптимальное расположение центра тяжести у «старых казачьих пик» — слишком близко к наконечнику/копью. Из-за этого пика «много теряет в своих боевых свойствах»¹⁰¹.

Однако в 1914 г. пика германской кавалерии (австрийская и венгерская пика не имели) была конструктивно идентична русским пикам (только не с тремя, а с четырьмя лезвиями на копье) — а попытки применять ее оказались поистине жалкими.

Так, в упомянутой выше знаменитой стычке между 4 казаками 6-й сотни 3-го Донского казачьего полка и примерно 15 германцами из 2-го эскадрона 9-го конно-егерского полка близ Александрово 30 июля (12 августа) 1914 г. казак И. Щегольков получил (согласно журналу боевых действий 6-й сотни и донесению командира сотни есаула Н. Н. Попова) 2 колотые раны пикой (в спину и руку), казак М. Иванков — 4 (в спину и ногу), а приказный К. Ф. Крючков — целых 16 (в спину, предплечье, плечо и ухо).

---

⁹⁹ См.: *Гамель И.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 116, 257; Табл. III.

¹⁰⁰ *Кулинский А. Н.* Указ. соч. С. 137, 140.

¹⁰¹ *Федоров В. Г.* Указ. соч. С. 39.

Тем не менее все трое остались живы, а Иванков и раненый же казак В. Астахов были даже в состоянии ехать после боя верхом¹⁰².

«Королевские конные егеря» 1-го конно-егерского полка в бою 7 (20) сентября 1914 г. с нижегородскими драгунами под Блашками «беспомощно вертели своими пиками» — и сумели лишь ранить ими нескольких драгун¹⁰³. А плененный в ноябре 1914-го под Спалой (Польша) обер-лейтенант 13-го конно-егерского Л. фон Вернер, в дружеской беседе с офицерами лейб-гвардии Атаманского полка, заявил, что в его части «ни один солдат не владеет пикой»¹⁰⁴.

Правда, конные егеря получили пику только в 1913 г. Но не лучше владела этим оружием и остальная часть германской кавалерии 1914-го — имевшая пику еще с XIX в. К примеру, после упомянутого выше боя 27 июля (9 августа) 1914 г. под Бельцонценом у фельдшера 4-го гусарского Мариупольского полка, которого пытались заколоть пиками немцы из 10-го драгунского, «ран не нанесли, а лишь 4–6 синих точек на спине»¹⁰⁵.

Иного и не могло быть, так как в германской кавалерии не учили наиболее эффективному удару пикой — из положения «прижата к боку». Их учили колоть, держа пику на отлете, надетой при помощи прикрепленного к древку темляка (петли) на плечо. Это, правильно подметил (по словам беседовавшего с ним в лазарете казака Ф. С. Родина) К. Ф. Крючков, «не позволяет им сделать сильный размах рукой и нанести достаточно сильный удар, чтобы сразу приколоть меня»¹⁰⁶. То же самое отмечал в те же дни, после

---

¹⁰² Нелипович С. Г. Указ. соч. С. 75–82.

¹⁰³ Ден [П. В., фон]. Три атаки. (Продолжение). С. 13. По утверждению не известного нам офицера 18-го драгунского Северского полка той же Кавказской кавалерийской дивизии, «легкие царпины» этим «двум-трем драгунам» были причинены не пикой, а палашом (Кавказские драгуны в первые дни войны 1914–1917 гг. С. 25).

¹⁰⁴ Михайлов Т. Лейтенант Вернер // Военная Быль (Париж). 1966. Июль. № 80. С. 17. Номер полка автором не назван, но указано, что в конные егеря Вернер был переведен из гессенских лейб-драгун, т. е. из 24-го лейб-драгунского полка, — а чинов этого последнего направляли (в сентябре 1913 г.) на укомплектование 13-го конно-егерского. Согласно спискам потерь этого последнего в Первую мировую войну, на момент пленения Людвиг фон Вернер был уже обер-лейтенантом.

¹⁰⁵ Шишков А. Указ. соч. С. 12.

¹⁰⁶ Родин Ф. Козьма Фирсович Крючков. (Воспоминания о подвиге Крючкова его однополчанина Ф. С. Родина, служившего во время войны в том же

стычки его разъезда с разездом германского 4-го уланского полка у границы Восточной Пруссии и Литвы, А. З. Грибов (в то время поручик 3-го драгунского Новороссийского полка 3-й кавалерийской дивизии): если русские держали пику «прижатой между рукой и телом подмышкой», то немцы — «на весу, чем не могло быть достигнуто сильного удара»¹⁰⁷.

Поэтому — как и в отношении рубки — успехи русской конницы в применении пики в 1914 г. следует объяснить прежде всего эффективной боевой подготовкой. В самом деле, регулярная кавалерия получила пику только в 1912-м, то есть прекрасно освоила новое оружие всего за два года. «Владение пикой, упражнения и уколы (в висащие кольца) не были трудны, но обучение требовало затраты времени», — подчеркивали офицеры 1-го гусарского Сумского полка¹⁰⁸. И если двух лет оказалось достаточно, то, значит, времени (и сил) обучению колке пикой уделяли тоже достаточно.

Больше того. Как обнаружилось в бою под Ярославице, «пассивный» (нанесенный не с силой) удар пикой даже не пробивает ментик и мундир австрийского кавалериста¹⁰⁹. Возможно, причиной тому действительно была тупость копья русских пик (на что грешили после Ярославице новгородские драгуны¹¹⁰). Но раз значительное количество ударов этими пиками приводило все-таки к смерти пораженного, то, значит, обучение колке пикой было нацелено на выработку умения наносить именно сильные удары. То есть было (в отличие, видимо, от русской конницы 1812 г.) поставлено правильно.

«На «действия пикой» в полку напирала не менее, чем на рубку, — подтверждает наш вывод князь В. С. Трубецкой (в 1912 г. — вольноопределяющийся лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка). — [...] Кололи на галопе стоячие или лежа-

---

3-м Донском казачьем полку, что и К. Ф. Крючков) // Родимый край (Париж). 1965. Январь — февраль. № 56. С. 8.

¹⁰⁷ Грибов А. Новороссийские Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елены Владимировны драгуны на службе Царю и Отечеству. 1914–1917 гг. Париж, [1940]. С. 41.

¹⁰⁸ Сумские гусары. 1651–1951. Буэнос-Айрес, 1954. С. 118.

¹⁰⁹ Головин Н. Н. Конный бой у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун. С. 199; Ганин А. В. Указ. соч. С. 404.

¹¹⁰ Головин Н. Н. Конный бой у деревни Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун. С. 199.

чие соломенные чучела, одетые в старые кирасирские вицмундиры. Учились также на всем скаку вдевать пику в небольшие колечки, развивая этим упражнением меткость удара»¹¹¹. Для пущего уподобления человеческому телу чучела, конечно, лучше было плести не из соломы, а из прутьев или каната (как справедливо подчеркивал уже в 1937 г. комкор М. В. Сангурский, люди «несколько тверже соломы»¹¹²). Но наиболее сильный удар действительно получался именно на галопе (и на карьере, на всем скаку).

В общем, резкое возрастание с 1805 по 1914 г. в русской коннице эффективности работы холодным оружием следует объяснить прежде всего усилением внимания к обучению рубке и колке пикой, а уже во вторую очередь — принятием на вооружение образцов клинкового оружия, более пригодных для рубки, и отменой для большей части войск европейских армий обмундирования, способного защитить от холодного оружия.

---

¹¹¹ Трубецкой В. [С.] Указ. соч. С. 70

¹¹² РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 373. Л. 235.

Энтони Хейвуд

ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ТУРЕЦКИХ ПРОЛИВОВ, РУССКО-
ОСМАНСКАЯ ВОЙНА И МЕСТО
ГАЛЛИПОЛИЙСКОЙ КАМПАНИИ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РОССИИ

Для военного и политического руководства царской России Первая мировая война стала борьбой не на жизнь, а на смерть с двумя враждебными великими державами, с которыми страна граничила на западе; в этих кампаниях против Германии и Австро-Венгрии в период между 1914 г. и произошедшей в 1917 г. Февральской революцией были задействованы миллионы людей. И наоборот, сопутствующая война с Османской империей была для российских лидеров не более чем второстепенным конфликтом. Численность российских войск на Кавказе, в Персии и восточной Турции ограничивалась цифрой примерно в 300 тыс. человек, которых поддерживал Черноморский флот — этих сил хватало для того, чтобы оказывать противодействие более малочисленной турецкой армии, но не для достижения быстрой победы в войне. Более того, опасаясь ослабить свой западный фронт, российское верховное командование в 1915 г. вопреки требованиям англичан и французов не пожелало отправлять в район Босфора крупные экспедиционные силы, чтобы те оказали содействие союзникам в их злополучной попытке захватить турецкие проливы между Эгейским и Черным морями в ходе так называемой Дарданельской или Галлиполийской кампании.

Историкам в целом свойственно такое же пренебрежительное отношение к этой региональной войне. Она едва упоминается в классических работах Нормана Стоуна и У. Брюса Линкольна об участии Российской империи в Великой войне, и то же самое верно в отношении более современных книг, принадлежащих перу таких авторов, как Джошуа Сэнборн¹. Дэвид Стоун в своей новой книге о российской армии военного времени даже уделяет целую главу боевым действиям на южном Кавказе, в восточной Турции и северной Персии — так называемому Кавказскому или Турецкому фронту, — но в реальности автора интересуют лишь западные рубежи страны; его книга имеет подзаголовок «Восточный фронт, 1914–1917»². Также и в томе о 1915 г. в составе многотомной работы О. Р. Айрапетова об участии России в Великой войне Кавказскому фронту и Галлиполийской кампании посвящены всего три короткие главы³. Майкл Рейнольдс в «Рушащихся империях», своей заслужившей много похвал работе о сложных взаимоотношениях между Российской и Османской империями в 1908–1918 гг., делает вывод о том, что «для России Кавказский фронт был второстепенным»⁴. Существенно, что с этим вердиктом соглашается А. В. Олейников, несмотря на то, что он подчеркивает стратегическое значение проливов для итогов мировой войны и убежден в том, что летом 1916 г. нападение России на Босфор, скоординированное с Брусиловским наступлением, могло бы сократить войну на два года⁵. Против такой оценки не возражает даже Шон Макмикин, невзирая на его сомнительное утверждение о том, что Россия в 1914 г. активно разжигала

---

¹ Stone, *Eastern Front*; *Lincoln, Passage through Armageddon*; *Sanborn, Imperial Apocalypse*. Существует несколько работ, посвященных данному театру военных действий, а также обширная литература об одном его аспекте, геноциде армян, а также о кампании союзников в Дарданеллах, но консенсус в отношении ограниченного стратегического значения данного конфликта остается неизменным.

² Stone, *Russian Army in the Great War*. Западный фронт русской армии за пределами России обычно называют Восточным фронтом, чтобы отличить его от Западного фронта во Франции и Бельгии.

³ Айрапетов. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915.

⁴ Reynolds, *Shattering Empires*, 139.

⁵ Олейников. Турецкий фронт. Эта книга, заявленная как научно-популярная работа, представляет собой хороший образец современной русской националистической мысли.

европейскую войну с целью захвата Константинополя и турецких проливов⁶. Неудивительно, что военные действия между Россией и Турцией остаются маргинальной темой в описаниях Первой мировой войны, несмотря на то, что в последние годы России отводится чуть больше места в англоязычных публикациях вследствие растущего признания и понимания Первой мировой войны как подлинно глобального явления⁷.

В настоящей статье, основывающейся главным образом на русских архивных и опубликованных источниках того времени, производится переоценка стратегического значения русско-османского конфликта с точки зрения участия царской России в Первой мировой войне в период между 1914 г. и Февральской революцией, а соответственно и его значения для Первой мировой войны в целом. Мы покажем, что этот конфликт, в широком смысле включавший также закрытие турецких проливов в 1914 г. и связанную с этим событием Галлиполийскую кампанию 1915–1916 гг., имел самые пагубные последствия для всей логистики воюющей царской России, абсолютно непропорциональные представлениям о второстепенном характере этих событий. Эти проблемы и их влияние выявляются и оцениваются посредством анализа главных маршрутов железнодорожных перевозок в царской России, непосредственно связанных с русско-османским конфликтом. Далее на основе документов, относящихся к сфере военного планирования, и официальных статических данных приводится краткая контрфактуальная дискуссия, посвященная вопросу о том, каким образом устранение этих проблем посредством победы союзников в Галлиполийской кампании или сепаратного мира с Османской империей создало бы важные возможности, которые бы позволили серьезно ослабить нагрузку на российские железные дороги⁸. В отсутствие таких изменений российско-османский

---

⁶ McMeekin, *Russian Origins*.

⁷ См., например: *Strachan, First World War; Stevenson, 1914–1918* (особ. p. 114–122, где указывается, что Турция имела значение для других центральных держав постольку, поскольку отвлекала на себя часть ресурсов Антанты); *Мальков, Шкундин и др. Мировые войны*.

⁸ Сценарий сепаратного мира включен сюда, потому что он несколько раз безуспешно предлагался начальником российского Генерального штаба генералом М. В. Алексеевым в конце 1915 и начале 1916 гг. См., например: *Bobroff, Roads to Glory*, 143–144.

конфликт продолжал оказывать пагубное воздействие на транспортную систему, серьезно затрудняя работу военной экономики и тем самым повышая вероятность развала тыла царской России, в итоге произошедшего в виде Февральской революции.

Этот аналитический подход и аргументация основываются на двух важных предпосылках. Первая состоит в том, что военная экономика царской России находилась в принципиальной зависимости от наличия протяженных железных дорог и их бесперебойного функционирования. Правда, весьма значительный вклад в перевозку грузов вносили и водные пути, но по большей части они только дополняли железные дороги, производившие основную часть грузовых перевозок и являвшиеся просто незаменимыми в том, что касалось быстрого перемещения войск и гражданских лиц на большие расстояния⁹. Вторая предпосылка сводится к тому, что пресловутый кризис снабжения продовольствием и топливом в начале 1917 г. был лишь маргинально связан с плохими погодными условиями, наблюдавшимися зимой 1916–1917 гг. Нет сомнений в том, что та зима, особенно февраль, выдалась очень суровой на большей части европейской России¹⁰. Более того, официальные документы того времени подтверждают, что в феврале 1917 г. в Петроград железной дорогой в среднем ежедневно доставлялось всего 197 вагонов с товарами «первой необходимости», хотя по плану их требовалось 254. Тем не менее общие поставки и в январе, и в марте, а также во второй половине декабря были близки к «плановым» объемам или даже превышали их (см. таблицу 1¹¹). Более того, должностные лица железнодорожного

---

⁹ Важнейшими существующими работами на данную тему являются: *Васильев. Транспорт России; Сидоров. Железнодорожный транспорт; Сенин. Железнодорожный транспорт.*

¹⁰ Плохая погода неоднократно упоминается в описаниях зимы 1916–1917 гг. и Февральской революции, сделанных в разное время, но никто не занимался систематическим историческим анализом этого обстоятельства. Попытку выяснить характер зимней погоды в европейской России в годы войны на основе официальных метеорологических данных см. в: *Neuwood, Friend or Foe.* В этой статье показано, что зимой 1916–1917 гг. во многих регионах наблюдалось исключительное сочетание необычайно низких температур с необычайно обильными снегопадами, не наблюдавшееся в течение по крайней мере 40 предыдущих лет.

¹¹ Цифры за 1–31 марта вычислены на основе цифр за половину месяца. В состав внеплановых поставок продовольствия обычно входили те же товары, отгруженные частными поставщиками. Источники: Доклады Министерства пу-

Таблица 1.

*Поступление товаров «первой необходимости»
в Петроград в январе — марте 1917 г. (вагонов, в среднем за день)¹³*

	Вагонов, прибывших в Петроград	В т. ч. «по плану»	«Запланированных» поставок
16–31 декабря 1916	291	206	304
1–31 января 1917	269	186	250
1–28 февраля 1917	197	136 (после план увеличен до 174)	254
1–31 марта 1917	330	243	204

ведомства в качестве главных причин недопоставок «плановых» объемов продовольствия для Петрограда называли неполучение товаров от поставщиков, введенные местными властями запреты на вывоз продовольствия и неспособность полномочных представителей Министерства земледелия по продовольствию обеспечить гарантированные поставки. Например, во второй половине января для Северного и Северо-Западного регионов было отгружено всего 2 046 вагонов с продовольствием вместо «запланированного» объема в 10 742 вагона, причем основная часть недопоставок — 5 026 вагонов — была связана с неполучением товаров и местными запретами, в то время как из-за снежных заносов был недопоставлен всего 221 вагон¹².

К статистике такого рода следует подходить с большой осторожностью, но для нас сейчас важно то, что если снабжение продовольствием и топливом в феврале 1917 г. в Петрограде действительно висело на волоске, то краткосрочные проблемы с погодой были здесь ни при чем. Значительно большее значение имел тот факт, что обычный летний процесс накопления в городах запасов продовольствия и топлива на грядущую зиму три года подряд стал-

---

тей сообщения (МПС) Особому совещанию по перевозкам о перевозках грузов за 16–31.12.1916, 1–15.01, 16–31.01, 1–28.02, 1–15.03 и 16–31.03.1917: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273 (Управление железных дорог МПС). Оп. 10. Д. 3716. Л. 16 об, 34, 55, 73, 86.

¹² Обзор грузового движения и перевозок за 15–31 января 1917 года: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273 (Управление железных дорог МПС). Оп. 10. Д. 3716. Л. 21–21 об.

квивался с очень большими препятствиями: в 1914 г. — из-за мобилизации, в 1915 г. — из-за «великого отступления», а в 1916 г. — из-за проблем с заготовками, которые сочетались с неожиданным и до сих пор не получившим объяснения резким возрастанием использования железнодорожных товарных вагонов для нужд армии в августе-ноябре, из-за чего запасы важнейших предметов потребления в городах европейской России находились на очень низком уровне уже к весне 1916 г. и не сильно выросли к началу последней зимы царского режима¹³.

Нижеследующая дискуссия разделена на четыре части. В первой рассматривается влияние закрытия турецких проливов в сентябре 1914 г. на транспортную логистику тыла царской России. Во второй части прослеживается дополнительное логистическое влияние русско-османских военных действий, начавшихся в октябре 1914 г. В третьей части оценивается значение Галлиполийской кампании для российской военной экономики в смысле, во-первых, ее предполагаемых итогов с точки зрения логистики, и во-вторых, ее поражения. В четвертой части рассматривается значение продолжения русско-османских военных действий до 1917 г., включая вопрос о том, в какой мере эти военные действия объясняют развал русского тыла во время Февральской революции 1917 г.

Двойная блокада со стороны центральных держав

Вступление в Первую мировую войну ввергло внешнюю торговлю Российской империи в кризис. Помимо того, что страна лишилась крупнейшего торгового партнера, Германии, она столкнулась с колоссальными и запутанными логистическими проблемами. Как и следовало ожидать в случае войны между Россией и центральными державами, западная сухопутная граница России оказалась закрыта практически на всем ее протяжении от Балтийского до Черного моря, за исключением короткой границы с Румынией. Более того, из-за того, что Германия контроли-

---

¹³ См. вводную дискуссию о влиянии зимней погоды на работу железных дорог в годы войны в: *Heywood, Frost and Snow*.

рвала Датские проливы между Балтийским и Северным морями, от дальней торговли были отрезаны все главные порты на российском побережье Балтики — такие, как Рига, Ревель (ныне Таллин) и столица, Санкт-Петербург (в августе 1914 г. переименованная в Петроград). Соответственно, русский Балтийский флот превратился главным образом в силы береговой обороны, а международное коммерческое судоходство на Балтике с участием России свелось к немногочисленным перевозкам по Ботническому заливу между Швецией и портами на западном побережье Финляндии. Помимо черноморских портов, сколько-нибудь серьезную возможность для торговли между Европейской Россией и Западной Европой — и прежде всего между двумя главными союзниками России в войне, Францией и Англией — обеспечивал только северный порт Архангельск на Белом море. Порт Мурманск на Кольском заливе, выходящем в Баренцево море, находился в процессе строительства, как и железная дорога, соединявшая его со столицей, но открывшаяся только в январе 1917 г.¹⁴

К несчастью для России, Архангельск был едва ли в состоянии немедленно удовлетворить сильнейшую потребность в срочном ввозе грузов военного назначения. Помимо того, что этот порт замерзал зимой, он находился на большом удалении от прифронтовых зон, обладал скромными портовыми мощностями и был слабо связан с внутренними районами страны. Для связи Архангельска с железнодорожной сетью России служила только 635-километровая медленная узкоколейная железная дорога до Вологды, имевшая одну колею и построенная в 1890-е гг. для обслуживания исключительно местных коммерческих потребностей. По состоянию на 1913 г. пропускной способности этой дороги все еще хватало для перевозок мирного времени, однако рост потребностей побудил Министерство путей сообщения (МПС) к разработке планов по увеличению ее пропускной способности путем ее перешивки на стандартную российскую колею, допускавшую прохождение более быстроходных и длинных поездов и устранявшую необходимость в перегрузоч-

---

¹⁴ Краткий обзор внешней торговли России на тот момент см. в: *Dohan, Foreign Trade*. Вкратце история строительства Мурманска освещается ниже, из числа более подробных недавних работ на эту тему см.: *Голубев*. Мурманская железная дорога; *Нахтигаль*. Мурманская железная дорога.

ных операциях в Вологде, требовавших много времени и рабочих рук. Однако к июлю 1914 г. эти работы едва начались, а вызванные войной срочные армейские потребности в импорте, начиная с ввоза британского угля для Балтийского флота, намного превышали пропускную способность этой доселе тихой линии¹⁵. Правда, Архангельск был связан рекой Северной Двиной с Котласом и далее с Вяткой через ответвление железнодорожной магистрали между столицей и Сибирью, проходившей через Вологду и Пермь. Но зимой реку сковывал лед, а железная дорога Пермь — Вятка — Вологда — Петроград вскоре оказалась крайне перегруженной в качестве одной из всего пары магистралей, связывавших Сибирь с Европейской Россией¹⁶.

Эта очень сложная ситуация превратилась в кризис, имеющих далеко идущие последствия, после того, как 13 (26) сентября 1914 г. Османская империя решила закрыть турецкие проливы для коммерческого судоходства и выставила в них минные поля¹⁷. Этот шаг, юридически не являвшийся блокадой враждебного государства вплоть до формального начала военных действий между Россией и Османской империей, состоявшегося спустя месяц, все же практически уничтожил внешнеторговые операции, производившиеся через российские порты на Черном и Азовском морях, на которые совместно приходилось более половины европейской морской торговли империи по весу в 1913 г.: теперь эти порты в лучшем случае могли обеспечивать лишь местные каботажные перевозки и сообщение с Румынией и Болгарией¹⁸. В сочетании с закрытием немцами Датских проливов для союзного судоходства принятое турками решение означало двойную вражескую блокаду и Черного, и Балтийского морей.

---

¹⁵ В течение ряда лет столица и северо-запад России зависели от поставок подвизавшегося по Балтике британского угля как высококачественной и в то же время более дешевой альтернативы поставкам с главных угольных копей России в Донбассе.

¹⁶ Об Архангельской железной дороге в Первую мировую войну см.: *Heywood, Limits of Competence*. Кроме того, существовал водный путь из Архангельска до Вологды по Северной Двине и Сухоне, хотя он был очень медленным и тоже закрывался на зиму.

¹⁷ Проход военных кораблей через турецкие проливы запрещался Лондонской конвенцией о проливах, принятой в июле 1841 г.: *Jelavich, Russia's Balkan Entanglements*, 96–98.

¹⁸ *Анфимов, Корелин. Россия, 1913 год*, С. 142–143.

Таблица 2. Российский внешнеторговый оборот и баланс,
1913–1917 гг., млн рублей

	Экспорт	Импорт	Оборот	Баланс
1913	1 520,2	1 374,0	2 894,2	146,2
1914	956,1	1 098,0	2 054,1	– 141,9
1915	401,8	1 138,6	1 540,4	– 736,8
1916	502,0	2 488,4	2 990,4	– 1 986,4
1917	488,3	2 498,8	2 987,1	– 2 010,5

Чистый эффект такого развития событий был катастрофическим. Поставки важнейших товаров прекратились или резко сократились. Как видно из *таблицы 2*¹⁹, российский экспорт, а соответственно и экспортные поступления сильно уменьшились, причем вытекавшая из этого необходимость активно брать кредиты для финансирования импорта усугублялась сильнейшими логистическими проблемами, связанными с ввозом военных грузов, которым компенсировались недостаточные производственные мощности относительно недоразвитого российского промышленного сектора. Иными словами, двойная блокада стала для центральных держав одним из главных средств борьбы с союзниками, бившим по российской экономике точно так же, как атаки немецких подводных лодок против союзного судоходства создавали проблемы для британской и французской военной экономики.

Разумеется, в предыдущие десятилетия перспектива российского контроля над Датскими проливами выглядела совершенно невероятной по причине германской военно-морской мощи, однако контроль над турецкими проливами являлся международным вопросом на протяжении столетия с лишним, одновременно с тем, как европейские великие державы совершали различные маневры с целью занять политический вакуум, который образовался бы после ожидавшегося неминуемого краха Османской империи. В том, что касается так называемого «Восточного вопроса», для цар-

¹⁹ В 1914 г. основная часть торгового оборота приходится на период до начала мировой войны. Источник: Наркомфин, Институт экономических исследований. Народное хозяйство в 1916 г. Вып. VII (Пг., 1922). С. 202–245. Цит. по: С. А. White, *British and American Commercial Relations with Soviet Russia, 1918–1924*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992, 25.

ской России на кону всегда стояло многое. Контроль над проливами и Константинополем был сопряжен не только с политическим и культурным престижем, но и с военными и экономическими преимуществами гарантированного доступа к Средиземному морю, хотя о гарантиях доступа к Атлантике речи все равно не могло идти из-за мощного военно-морского присутствия Великобритании в данном регионе. С другой стороны, над Россией нависала угроза блокады в том случае, если бы проливы были закрыты Турцией или какой-либо иной державой. В реальности, поскольку «больной человек Европы» упорно не желал умирать, «Восточный вопрос» сохранял актуальность для всех великих держав вплоть до 1914 г. Более того, экономическое и стратегическое значение проливов для России лишь выросло после Крымской войны, поскольку крупномасштабное железнодорожное строительство на юге России способствовало резкому росту торговли через южные порты, а угроза блокады стала для России неприятной реальностью в 1912 г., когда Турция на месяц закрыла проливы в ответ на итальянское нападение²⁰. Поэтому установление двойной вражеской блокады на Балтийском и Черном морях в сентябре 1914 г. представляло собой реализацию одного из самых страшных кошмаров российского правительства.

Вне зависимости от того, насколько вероятной считал такую двойную блокаду царский режим, в течение двух десятилетий перед 1914 г. — в эпоху франко-русского альянса — он мало что сделал для создания крупных экспортно-импортных пропускных мощностей на альтернативных маршрутах из Европейской России — в первую очередь во Францию — на случай всеобщей европейской войны²¹. На самом деле в этом отношении у России имелись очень ограниченные возможности с учетом того, что наиболее вероятными противниками являлись центральные державы и Великобритания: первые блокировали бы сухопутные маршруты во Францию через Центральную Европу и Балтийское море, а британский Королевский флот угрожал бы любым маршрутам, включавшим морские участки. Правда, Англо-русское согла-

---

²⁰ Reynolds, *Shattering Empires*, 33.

²¹ Весьма сложный вопрос стратегических инвестиционных приоритетов России в сфере железнодорожного строительства накануне войны требует дальнейших исследований. Некоторые вводные замечания см. в: Heywood, *Most Catastrophic Question*.

шение 1907 г. на какое-то время уменьшило трения в отношениях с Великобританией, но они начали ухудшаться еще в 1910 г., а к 1914 г. русско-британская война стала достаточно реальной²².

В 1912 г. царское правительство начало работу над новым крупным инфраструктурным проектом в Европейской России, который в потенциале мог бы иметь громадное практическое значение для международной торговли во время мировой войны с точки зрения реального хода событий. Речь идет о строительстве железной дороги между столицей и Петрозаводском, которую со временем предполагалось продолжить до Кеми на Белом море, а затем и до Кольского залива, где планировалось строительство нового порта. По иронии судьбы, когда этот проект замышлялся в 1890-е гг. в качестве линии на Кемь, каких-либо крупных международных транзитных перевозок грузов по этому маршруту не предполагалось. Более того, это предложение считалось третьим по значимости после двух других железных дорог, намечавшихся к постройке на севере России — дорог из Вологды в Архангельск и из Перми в Котлас (для доступа к Архангельск по Северной Двине). Более того, строительство данной дороги обосновывалось, исходя почти исключительно из коммерческих соображений; что касается военных вопросов, то они едва упоминались в первоначальном предложении, поданном в Комитет министров, где в том числе говорилось: «наконец, линия Петербург-Кемь будет иметь определенное военное значение, облегчив оборону побережья Белого моря»²³. Эта низкая приоритетность, как и относительно высокая стоимость строительства, затратная Русско-японская война, споры об окончательном выборе маршрута и логистические проблемы, связанные с крупным строительством в этом изолированном и географически негостеприимном регионе, позволяют объяснить, почему строительство дороги началось только в 1913 г.²⁴

---

²² Обзор русско-британских отношений в данный период времени см. в: *Neilson, Britain and the Last Tsar; Siegel, Endgame*.

²³ Министры финансов и путей сообщения — Комитету министров, Доклад № 915, 10.03.1895. С. 16: Библиотека РГИА, ПЗ-2166. Для прояснения этой позиции необходимы дальнейшие исследования. Отражалась ли в ней, например, озабоченность тем, что британский флот может атаковать северные берега России, как уже случилось во время Крымской войны?

²⁴ Более короткий маршрут к северному побережью из Рованиemi на севере Финляндии был отвергнут из-за необходимости пересечения горного кряжа

В то же время по различным причинам практического характера до войны не предпринималось серьезных усилий по устройству потенциальных экспортно-импортных коридоров через Скандинавию и южные Балканы. Помимо того принципиального факта, что для торговли с Францией все равно пришлось бы использовать Северное и Средиземное моря соответственно, что означало зависимость от британского нейтралитета или поддержки, налаживанию сухопутных маршрутов препятствовал ряд проблем. Использованию Скандинавии отчасти мешали строгие весовые ограничения на финских железнодорожных мостах и путях, замена которых обошлась бы в очень большую сумму, отчасти — низкая пропускная способность перевалочной товарной станции между финскими железными дорогами и Николаевской железной дорогой в Кушелевке в Петербурге, а в первую очередь — 30-километровый разрыв между Торнео (ныне Торнио) в северной Финляндии и шведским городом Карунги²⁵. До войны не существовало насущной коммерческой потребности в соединении двух железнодорожных сетей, а кроме того, не исключено, что расходы на ликвидацию этого разрыва не выделялись вследствие настороженного отношения России к Швеции как к потенциальному врагу. Так или иначе, очевидно, существовали и опасения в отношении того, что значительный поток торговли через Швецию может стать поводом к германскому военному вторжению. Что касается Балкан, существовала железная дорога через реку Прут между Унгенами и румынским городом Яссы, однако о крупномасштабных транзитных перевозках через этот регион в период Балканских войн нечего было и думать и в любом случае не существовало простого железнодорожного маршрута между Яссами и Средиземным или Эгейским морями²⁶.

на северо-востоке Финляндии: Министр путей сообщения — Совету министров, доклад № 17 555, 20.10.1914. Библиотека РГИА, ПЗ-2166.

²⁵ Что именно служило главной причиной задержек в Кушелевке — недостаточное число путей или таможенные практики — являлось предметом споров: Департамент таможенных сборов Министерства финансов — главе Управления железных дорог МПС, 18.04.1915; глава Управления железных дорог МПС — Главному инспектору МПС, 8.05.1915. РГИА. Ф. 269 (Главный инспектор МПС). Оп. 2. Д. 88. Л. 34–37 об., 33–33 об.

²⁶ Кроме того, как и в случае шведско-финской границы, разная ширина железнодорожной колеи в России и Румынии вызывала необходимость в перевалке всех транзитных грузов между русскими и нерусскими вагонами.

После начала мировой войны вопросы торговых путей подверглись переоценке и были предприняты экстренные меры. Как хорошо известно, Россия срочно приложила колоссальные усилия к тому, чтобы достроить Мурманскую железную дорогу, ведущую к Кольскому заливу. Но даже в условиях приоритетных поставок строительных материалов и продовольствия и использования труда десятков тысяч военнопленных сквозное движение по дороге открылось лишь в январе 1917 г., и то лишь на ограниченной временной основе в ожидании завершения строительства ряда мостов и прочих работ²⁷. В северной Швеции в 1915 г. была открыта 26-километровая линия от Карунги по западному берегу реки Торне до Хапаранды, расположенной через реку от Торнео, а в середине 1915 г. было подписано русско-шведское соглашение в отношении конструкции и строительства моста через реку, соединяющего две железнодорожные сети. Но постройка моста заняла несколько лет, а перевалочная станция в Кушелевке оставалась узким местом на протяжении всей войны²⁸. На юге мало что можно было сделать. Было неясно, встанет ли Румыния на сторону центральных держав или на сторону Антанты, а опасения России в отношении возможной войны с Румынией не рассеялись вплоть до середины 1916 г., когда Румыния наконец выбрала сторону Антанты²⁹.

Что касается Архангельска, строительные работы по расширению портовых мощностей начались еще в августе 1914 г. На железной дороге Архангельск-Вологда строились новые обгонные и запасные пути, что позволило в течение двух месяцев почти удвоить

---

²⁷ См., в частности: *Нахтигаль*. Мурманская железная дорога.

²⁸ Доклад Главного инспектора МПС № 11 и № 12, 8.04.1915: РГИА. Ф. 269. Оп. 2. Д. 89. Л. 57–59 об., 60–60 об.; Доклад Главного инспектора МПС № 30, 14.10.1915: РГИА. Ф.269. Оп. 2. Д. 90. Л. 31–35. Различие в 89 мм между шириной колеи в Финляндии и Швеции вызвало необходимость в перевалке товаров на приграничной станции. Связь между российскими и финскими железными дорогами, включая вопрос о том, следует ли строить обход вокруг Кушелевки, являлась ключевой темой дискуссий 1915–1916 гг. о развитии петроградской железнодорожной сети; см., например: *Главацкий*. Несколько слов о будущем Петроградского узла. С. 2–4.

²⁹ Torrey, *Romanian Battlefield*, 1–13. Вступление Румынии в войну в 1916 г. создало серьезные проблемы для перегруженной российской транспортной системы, но для выяснения и оценки этого влияния требуются специальные исследования.

ее пропускную способность — примерно с пяти до девяти поездов в день; расширялись и складские мощности и в Архангельске, и в Котласе. Более того, в октябре 1914 г. правительство санкционировало заказ в США 30 новых товарных локомотивов с тем, чтобы они были доставлены на Архангельскую линию до окончания зимы, а также перешивку всей дороги на стандартную русскую колею. Тем временем на узкоколейном пути производились новые усовершенствования. Помимо этого, меры по увеличению пропускной способности предпринимались и на магистрали Вологда — Череповец — Петроград, по большей части одноколейной и сейчас превратившейся в часть основного канала по снабжению Балтийского флота британским углем³⁰.

После закрытия турецких проливов у России остался единственный крупный порт, полностью пригодный для международной торговли — Владивосток, расположенный на максимальном удалении от западных рубежей страны, где происходили основные военные действия. Тем не менее, переправка большого количества срочных грузов из Северной Америки через Тихий океан во Владивосток была просто неизбежна с учетом блокады Балтийского и Черного морей и ограниченных возможностей Архангельского порта, обслуживающих его железных дорог и Северной Двины. В 1915 г., по мере продолжения двойной блокады, поток американских, японских и прочих товаров через русский Дальний Восток начал возрастать. Например, зимой туда прибыли 30 локомотивов, заказанных для Архангельской железной дороги, которые доставлялись в разобранном виде с завода *Baldwin Locomotive Works* в Филадельфии через Панамский канал, а далее по Транссибирской магистрали в Вологду, где их следовало собрать и ввести в строй по возможности до весенней оттепели в Архангельске³¹.

Нужно ли говорить, что эта зависимость от Владивостока в отношении ввоза срочных грузов была чревата проблемами. Было очевидно, что гигантское расстояние между аме-

---

³⁰ См., например: Журнал Распорядительного комитета, № 24, 24.12.[1914]: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 222–233 об.; *Heywood, Limits of Competence*. Ожидалось, что работы по перешивке на стандартную колею займут не менее года.

³¹ *Heywood, Limits of Competence*. Главными работами, посвященными российскому военному импорту в годы войны, являются: *Neilson, Strategy and Supply*; и *Rielage, Russian Supply Efforts*.

Таблица 3. Примерное время доставки грузов из Нью-Йорка в Архангельск и Владивосток ок. 1916 г.

Из Нью-Йорка в	В одну сторону	Туда и обратно
Архангельск	25–30 дней	60–90 дней
Владивосток через порты западного побережья Америки	30 + (22–24) = 52–54 дня	
Владивосток через Панамский канал	55 дней	120–130 дней*
Владивосток через Индийский океан	95* дней	200 дней

риканскими и канадскими заводами и Европейской Россией подразумевает намного больше времени доставки, чем при использовании атлантических маршрутов, но помимо этого, проблема усугубилась в сентябре 1915 г., когда мощный оползень на семь месяцев перекрыл Панамский канал. Теперь северо-американские товары, направляемые во Владивосток, приходилось доставлять либо по железным дорогам в порты западного побережья, а далее судами по Тихому океану, либо через Индийский океан; первый вариант требовал примерно столько же времени, что и маршрут через Панаму, но обходился вдвое или втрое дороже, в то время как путь по Индийскому океану занимал намного больше времени (см. таблицу 3³²). Как и в Архангельске, во Владивостоке требовалось расширить разгрузочные и складские мощности³³. Но прежде всего были неизбежны большие задержки при дальнейшей доставке этих грузов по железной дороге. Расстояние от Владивостока

³² Самые быстроходные суда преодолевали путь в Архангельск за 12–14 дней. Цифры, отмеченные звездочками, являются оценочными. Источник: Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета в Америке и его ликвидационной комиссии. Ч. II. Т. I. Отдел по перевозкам. С. 89–90, 102, 105: US National Archives, Record Group 261 (Former Russian Agencies), Entry 26, Box L37.

³³ Изображения оползня на Панамском канале см. на онлайн-выставке «Разделенная земля, объединенный мир: строительство Панамского канала» в библиотеке Линды Холл: <http://panama.lindahall.org/century-progress>. Очень подробное описание усилий российских властей по доставке грузов из Северной Америки в Россию в 1915–1918 гг. см. в: Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета в Америке и его ликвидационной комиссии. Ч. II. Т. I. Отдел по перевозкам, 151 с.: US National Archives, Record Group 261 (Former Russian Agencies), Entry 26, Box L37.

до западных рубежей составляло почти 10 тыс. километров, вследствие чего много времени требовалось как на саму перевозку, так и на возвращение пустых товарных вагонов на погрузку во Владивосток при том, что спрос на вагоны резко вырос в пределах всей железнодорожной сети. Более того, Транссибирская магистраль на ее уральском, восточно-сибирском и дальневосточном участках имела очень ограниченную пропускную способность перевозки транзитных грузов. Самым узким местом был Урал, где на протяжении 1915 г. общая пропускная способность двух линий через Пермь и Уфу в западном направлении составляла всего 750 товарных вагонов в день для каких бы то ни было потребностей. При этом уже в марте 1915 г., еще до того, как начался реальный рост военного импорта, одной только армии требовалось 120 вагонов в день для перевозки импорта и 560 вагонов для прочих нужд, в то время как минимальная потребность в вагонах для всех остальных целей составляла 200 штук (включая и так называемые «частные» поставки для обслуживания армейских потребностей, такие, как доставка угля для оборонных заводов на Урале)³⁴. Приходилось чем-то поступиться, и потому на протяжении большей части 1915 г. для перевозки импорта из Владивостока в западном направлении через Пермь и Уфу ежедневно выделялось около 160 вагонов и почти ничего не выделялось для гражданских потребностей³⁵. Иными словами, поток импорта внес серьезный вклад в прекращение всяких крупномасштабных поставок зерна и мяса из Западной Сибири для городского гражданского населения Европейской России.

И это было не всё: очень серьезными также были последствия двойной блокады в плане импорта и экспорта приоритетных невоенных товаров. Показательным примером такого импорта является чай, один из основных продуктов как для вооруженных сил, так и для гражданского рынка, ставший еще более важным для тыла вследствие введения «сухого закона». В 1913 г. импорт чая шел в основном через Дальний Восток, хотя более 20% от объемов поставок по весу поступало через черноморские порты — Одес-

---

³⁴ Журнал Распорядительного комитета, № 41. 28, 29 и 31.03.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3014. Л. 100–100 об.

³⁵ См., например: Журнал Распорядительного комитета, № 70. 31.10.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2987. Л. 26.

су, Новороссийск и Батум³⁶. Вследствие двойной блокады весь импорт чая приходилось осуществлять через Дальний Восток, где он вступал в конкуренцию с огромным количеством армейских и прочих грузов за доставку по Транссибирской магистрали. На Дальнем Востоке скопилось столько чая, что торговцы при содействии железной дороги стали отправлять его по почте в посылках: в середине 1916 г. из Харбина в Россию ежедневно отправлялось по вагону примерно с 2 тыс. посылок чая³⁷.

В том, что касается экспорта, самый лучший пример дает зерно. В конце 1914 г. французское правительство, тщетно пытавшееся найти на мировом рынке достаточное количество зерна, обратилось за помощью к русскому правительству. Совет министров одобрил эту просьбу, не в последнюю очередь ради получения экспортных поступлений, но так как южные порты использовать было нельзя, поставка этого зерна на практике превратилась в кошмар. Рассматривались как Архангельск, так и Владивосток, но в итоге использовался только Архангельск; западно-сибирское зерно доставлялось преимущественно по железной дороге в Котлас и далее баржами по Северной Двине. Однако помимо того, что этот маршрут был закрыт зимой, он требовал выделения части скудных пропускных мощностей Транссибирской магистрали на участке через Пермь, а также — вследствие больших расстояний и больших объемов перевозок — множества вагонов: в 1915 г. для погрузки обычно требовалось 40 вагонов в день. С учетом упомянутых выше проблем при перевозках транзитных грузов через Урал понятно, что эти экспортные поставки еще сильнее снижали объемы военных и особенно гражданских товаров, которые можно было отправлять из Сибири в Европейскую Россию³⁸.

---

³⁶ Департамент железнодорожных дел Министерства финансов. Сводная статистика перевозок по русским жел[езным] дор[огам], 1915 год: Чай (Пг., 1917). С. 1.

³⁷ См., например: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2709. Л. 60-60об.; Из Харбина ежедневно отправляется почтой 2 тысячи посылок чая // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. № 30. 1916. С. 13.

³⁸ См., например: Особый журнал Совета министров, 21.11.1914 // Гальперина. Особые журналы. 1914. С. 537–538; Журнал Распорядительного комитета, № 24, 24.12. [1914]: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 232; Кривошеин (министр земледелия) — Рухлову, 21.01.1915: РГИА. Ф. 229 (Канцелярия министра [путей сообщения]). Оп. 4. Д. 1774. Л. 1–2 об.; Журнал Распорядительного комитета, № 56, 19.06.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 184–184 об.

Таким образом, становится ясно, что блокада Черного и Балтийского морей наряду с подводной войной в Атлантике представляла собой составную часть военной стратегии центральных держав, точно так же, как стремление англичан и французов блокировать и изолировать центральные державы играло ключевую роль в военной стратегии Антанты. Более того, реальное влияние совместной германо-османской блокады на военную экономику царской России было очень серьезным. Эта блокада вызвала резкое сокращение российского экспорта и импорта во второй половине 1914 г., подорвала финансовое положение империи, вынудила к использованию длинных и долгих обходных маршрутов с относительно низкой пропускной способностью для доставки больших объемов срочных грузов и затрудняла снабжение городов Европейской России продовольствием и топливом. Впрочем, для России дело этим не ограничивалось: логистическая ситуация еще более усугубилась после начала военных действий против Османской империи в октябре 1914 г.

Вступление Турции в войну с Россией

В тот момент, когда, по выражению Рейнольдса, Османская империя, закрыв в сентябре 1914 г. турецкие проливы, превратилась в «державу, находящуюся в состоянии войны с Россией во всех смыслах, кроме формального», русские власти не знали, следует ли им в ответ объявлять войну³⁹. В число тех, кто призывал к сдержанности, входил один из ведущих российских специалистов по этому региону, Михаил Гирс, посол в Константинополе. Хотя он называл вопрос проливов «безусловно, наиболее животрепещущим» и в принципе был согласен на применение силы ради их захвата, по его мнению, в тот момент России следовало сосредоточить все усилия на достижении победы над Германией, прежде чем начинать войну с Турцией⁴⁰. Иными словами, он подчеркивал, как важно избегать войны, пока имелся хотя бы неболь-

---

³⁹ Reynolds, *Shattering Empires*, 112.

⁴⁰ Ibid.

шой шанс добиться открытия проливов путем переговоров. А так как экономические и логистические последствия двойной блокады, очевидно, уже становились ясны российским политикам, можно предположить, что те члены российского правительства, которые выступали за войну, были совершенно уверены либо в скором завершении европейской войны, либо в быстром разгроме османских армий.

Однако логистические проблемы кампании против Османской империи указывают на то, что быстрая русская победа была крайне маловероятна. Высадка русского десанта где-то на побережье Черного моря к северу от Босфора требовала такого количества людей и снаряжения, которого не могли выделить ни армия, ни флот. Что касается сухопутной войны на южном Кавказе, транспортная логистика в ноябре 1900 г. изменилась в пользу России благодаря открытию магистральной железной дороги из Ростова-на-Дону через Кавказ до узловой станции в Баладжарах, где она соединялась с Закавказской железной дорогой, проложенной в 1882 г. между нефтепромышленным городом Баку на Каспийском море и черноморскими портами Батумом и Поти. Дело в том, что в Турции вообще не было никаких железных дорог между Анкарой и границей с Россией. В восточной Турции планировалось строительство нескольких железных дорог, но этот принципиальный разрыв сохранялся и в 1914 г., а поскольку у России, помимо этого, имелись железнодорожные ветки в сторону турецкой границы, включая линию от Тифлиса (ныне Тбилиси) до Карса, открытую в 1899 г., а в 1913 г. продленную до приграничного городка Сарыкамыш, российский Генеральный штаб справедливо полагал, что в течение какого-то времени Россия будет иметь логистическое преимущество в данном регионе, несмотря на то, что большинство местных железных дорог были однопутными⁴¹.

---

⁴¹ Афонина. Краткие сведения. С. 59, 85; Особый журнал Совета министров по вопросу о сооружении железных дорог в Малоазиатской Турции, 10.05.1912 // Гальперина. Особые журналы. 1912. С. 187–191. Вывод в отношении логистического преимущества был сделан в обзоре сооружения стратегических железных дорог за 1912 г., сопровождаемая предложением относительно небольших инвестиций на Кавказе; см., например: Меры по усилению сети ж.д. Империи для обеспечения интересов государственной обороны на пятилетие 1913–1918 гг. [1912]: РГИА. Ф. 268 (Департамент железнодорожных дел). Оп. 3. Д. 1643. Л. 204–205. См. также: Зайончковский. Подготовка России. С. 80, 130–131; Luntinen, French Information, 130. В свою очередь,

Но разумеется, превосходство существовало лишь в случае оборонительной кампании, поскольку наступление вглубь османской территории неизбежно уводило русскую армию все дальше и дальше от железной дороги. Вероятно, именно по этой причине русские военные планы в отношении этой границы осенью 1914 г. предусматривали только активную оборону при проведении ограниченных местных наступлений⁴².

В принципе именно этот сценарий выполнялся после того, как царь Николай Побъявил войну в ответ на неожиданную бомбардировку Одессы, Севастополя, Новороссийска и других прибрежных городов турецким флотом 16 (29) октября 1914 г. Вскоре последовали неудачи: в декабре 1914 г. османская армия начала очень успешное на первых порах наступление на Сарыкамыш. Однако русские, оправившись, нанесли противнику сокрушительное поражение, полностью лишившее его возможностей для проведения стратегических наступлений на этом фронте⁴³. Но так как османская армия не была уничтожена, а русская армия проводила лишь ограниченные наступления, скорого конца военным действиям на этом театре не предвиделось. Соответственно, двойная вражеская блокада не была бы снята в обозримом будущем, а перед царским режимом дополнительно встала проблема ведения войны на два фронта — на крайнем западе и на крайнем юге Европейской России.

Логистические последствия этой новой ситуации были крайне серьезными для военной экономики империи. В первую очередь неопределенно долгим становилось уже обрисованное выше ужасающее воздействие двойной блокады на экономику и транспорт. Иными словами, отныне для открытия проливов царскому правительству нужно было каким-то образом завершить войну с Ос-

---

турецкая армия на границе с Россией в плане снабжения зависела от безрельсовых дорог, причем ключевую роль при этом играл черноморский порт Трабзон (Трапезунд).

⁴² Reynolds, *Shattering Empires*, 123.

⁴³ Reynolds, *Shattering Empires*, 123–125. Хаотическое отступление русских сил в начале этого сражения вынудило великого князя Николая Николаевича, русского верховного главнокомандующего, обратиться с просьбой о помощи к Великобритании и Франции. Именно к этой просьбе восходят корни союзного плана нападения на Дарданеллы, хотя Кавказской армии уже через несколько дней, задолго до того, как союзники могли оказать какую-либо практическую помощь, удалось стабилизировать положение и перехватить инициативу.

манской империей. Между тем само существование Кавказского фронта в дополнение к фронтам на западных рубежах влекло за собой многообразные технические, административные и прочие последствия для железных дорог, включавшие необходимость в дополнительных санитарных поездах и передачи Закавказской магистрали, как и прочих железных дорог в данном регионе, под контроль армии. В том, что касается влияния на железнодорожные перевозки, можно выделить ряд далеко идущих проблем.

В самом кавказском регионе, с учетом первоначального запрета даже на прибрежное судоходство на Черном море, установленного русским флотом, главной сухопутной линией снабжения Кавказской армии стала железная дорога из Ростова-на-Дону на Баку, Тифлис и Батум⁴⁴. На юг шли оружие, боеприпасы, продовольствие, подкрепления и пустые санитарные поезда, в то время как на север отправлялись преимущественно блок-поезда из порожних вагонов, заполненные санитарные поезда и эшелоны с военнопленными. Все эти новые перевозки резко сокращали способность дороги к перевозке гражданских грузов, особенно отправляемых на юг оборудования и припасов для нефтедобывающей промышленности и отправляемых на север продовольствия и нефтепродуктов⁴⁵. Возникшие заторы, наряду с нехваткой вагонов-цистерн, объясняют, почему в итоге большую часть нефтепродуктов стали отправлять по Каспийскому морю в Астрахань и далее баржами вверх по Волге для перегрузки на железную дорогу в местах, где имелись нефтехранилища — таких, как Нижний Новгород и Рыбинск. Эта комбинация «рельсы-вода-рельсы» широко использовалась до войны с целью минимизации расходов, но она была намного медленнее, чем перевозки только по желез-

---

⁴⁴ Запрет на судоходство упоминается в письме Борисова (начальника Управления железных дорог МПС) Съезду представителей биржевой торговли и сельского хозяйства от 19.06.1915: РГИА. Ф. 32 (Совет съездов представителей промышленности и торговли). Оп. 1. Д. 730. Л. 4. Помимо этого, насколько возможно, использовалась и Военно-грузинская дорога.

⁴⁵ Например, возникшие к 1916 г. у нефтедобывающей промышленности сложности с получением запасных частей описываются в докладе председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли для Отдела военных коммуникаций Военного министерства от 20.08.1916: РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 695. Л. 1–7. Отправлявшиеся на север порожние вагоны по возможности отводились под перевозку попутных грузов, но нередко их приходилось перегонять пустыми туда, где ждали перевозки более срочные грузы.

ной дороге, а кроме того, носила сезонный характер в связи с замерзанием Волги. Тем не менее без нее оказалось совершенно невозможно обойтись⁴⁶.

В этих обстоятельствах риск серьезных сбоев в работе кавказских железных дорог представлял собой реальную проблему. Самым вероятным сценарием являлась крупная авария, однако очевидная опасность в этом регионе с многочисленным мусульманским населением, которое султан призвал к джихаду, была связана и с возможностью диверсий на одном из многочисленных мостов и туннелей. Первое серьезное испытание 24 января 1915 г. устроила природа, едва не повторив его снова 15 февраля. Исключительно теплая погода вызвала на реке Дон внезапное таяние и ледоход, который привел к хаосу в Ростове-на-Дону: лед не только раздавил несколько зимовавших пароходов и барж, но и повредил железнодорожный мост через реку. Поскольку его пришлось закрыть на несколько дней для ремонта, то срочным грузам, направлявшимся на юг, нужно было или дожидаться открытия моста или следовать длинным окружным путем через Царицын на Тихорецк, в то время как пассажиров переправляли паромами через Дон в Ростове⁴⁷.

Железные дороги за пределами кавказского региона тоже страдали от серьезных последствий русско-османских военных действий в дополнение к проблемам, уже созданным двойной блокадой. В качестве примера можно привести хотя бы железные дороги южной Украины, затронутые в нескольких отношениях. Необходимость поддержания постоянной боевой готовности на Черномор-

---

⁴⁶ Эти перевозки внимательно отслеживались Министерством путей сообщения и им уделялся отдельный параграф, а впоследствии подраздел в полумесячных докладах о грузовых перевозках, с конца 1915 г. подававшихся МПС в Особое совещание по грузовым перевозкам. См., например: Обзор состояния грузовых перевозок на дорогах сети за время с 16 по 31 марта 1916 г., № 6, 20.04.1915. С. 5: РГИА. ПЗ-2094.

⁴⁷ Общий приказ [начальника Владикавказской железной дороги], № 20, 9.02.1915 // Вестник Владикавказской железной дороги. № 3. 1.02.1915. Часть официальная. С. 45; Хроника // Вестник Владикавказской железной дороги. № 3. 1.02.1915. Часть неофициальная. С. 73–75; Соколов А. К катастрофам на Дону // Вестник Владикавказской железной дороги. № 6–7. 15.03–1.04.1915. Часть неофициальная. С. 152–153; Общий приказ [начальника Владикавказской железной дороги], № 40, 30.03.1915 // Вестник Владикавказской железной дороги. № 8. 15.04.1915. Часть официальная. С. 89–90; Данилов Л. Обзор погоды в Европейской России и Западной Сибири за январь 1915 г. н. ст. // Метеорологический вестник. № 2. 1915. С. 68.

ском флоте требовала дополнительного снабжения военно-морских баз в Севастополе и Одессе, особенно углем, которое направлялось через такие узловые станции, как Александровск и Знаменка, уже перегруженные перевозками в сторону Юго-Западного фронта и в обратном направлении. Помимо этого, вследствие введенного флотом запрета на каботажное судоходство на Черном море товары, прежде доставлявшиеся морем, теперь приходилось отправлять по железной дороге. Помимо повышения стоимости перевозок это означало и дальнейший рост гражданского спроса на товарные вагоны, который уже намного превышал предложение. Такие перевозки усиливали нагрузку на идущие в широтном направлении через Знаменку и аналогичные станции железные дороги, которые являлись важнейшими маршрутами снабжения и эвакуации для Юго-Западного фронта в дополнение к их роли жизненно важной артерии для Черноморского флота и вообще для угля и руд Донбасса. Более того, к весне 1915 г. транспортная ситуация в этом регионе, особенно в Знаменке, настолько обострилась, что главный интендант армии требовал от министра путей сообщения С. В. Рухлова отправлять продовольствие из района Николаева в Одессу не железной дорогой, а морем, и для рассмотрения этого предложения в Одесском военном округе был создан межведомственный комитет⁴⁸. В этих обстоятельствах неудивительно, что руководители железнодорожного ведомства пристально следили за франко-британской кампанией по открытию турецких проливов, проводившейся с февраля 1915 г.

Значение Галлиполийской (Дарданельской) кампании для транспортной логистики России

В нападении союзников на Дарданеллы, начавшемся 6 (19) февраля 1915 г., и в России, и за ее пределами сразу же увидели новую главу войны, в потенциале способную стать решающей. Напрямую, отмечая присутствие линкоров, русские газеты различной по-

---

⁴⁸ Шуваев — Рухлову, 1.04.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2851. Л. 1–2; Журнал заседания междуведомственного совещания, 7.05.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2851. Л. 16–16 об.

литической направленности подчеркивали стратегическое и политическое значение кампании. Казалось, что Великобритания и Франция наконец-то предприняли серьезную попытку помочь своей восточной союзнице⁴⁹. Русское Министерство финансов купило 14,5 млн пудов (237 510 т) зерна, принадлежавшего частным банкам, и отправило его на хранение в южные порты, планируя вывезти его во Францию, как только будут открыты проливы⁵⁰. В то же время Министерство путей сообщения надеялось на то, что Дарданелльская операция даст возможность ввезти в Россию заказанные им в Северной Америке 10 тыс. современных товарных вагонов по Черному морю, а не через Владивосток⁵¹. А заместитель британского посла в Петрограде Хью О'Бэйрн предсказывал, что возобновление торговли через проливы существенно увеличит выручку государства от таможенных сборов⁵². Со стороны центральных держав выражались опасения, что эта кампания решит судьбу всей войны. Например, начальник по железнодорожному транспорту при германском Генеральном штабе Вильгельм Гренер 9 марта 1915 г. отмечал в своем дневнике: «мне представляется вполне возможным, что Дарданелльский вопрос повернет ход войны в другую сторону». Его беспокоило то, что если союзники откроют путь снабжения России через проливы и Черное море, нейтральная Румыния встанет на сторону Антанты и Россия сможет разбить Австро-Венгрию, из-за чего Германия окажется изолированной и окруженной врагами⁵³.

⁴⁹ См., например: Биржевые ведомости. 11.02.1915. С. 2–3; Петроградские ведомости. 14.02.1915. С. 1. 17.02.1915. С. 1; Русские ведомости. 22.02.1915. С. 2.

⁵⁰ Журнал совещания пяти министров, № 8, 23.02.1916: РГИА. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 12. Д. 1240. Л. 18–18 об. Эта цифра приблизительно соответствует 12 100 вагонам зерна в мешках (которые находились в крайнем дефиците по причине военных реквизиций) или, может быть, вдвое большей цифре, если бы зерно приходилось ссыпать прямо в вагоны.

⁵¹ Рухлов — Совету Министров, 5.03.1915: РГИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 310. Л. 487.

⁵² Меморандум О'Бэйрна, 4.03.1915 (н. ст.): The National Archives (TNA), London, Foreign Office General Political Correspondence (далее FO371), file 2447, 118. ри этом спустя месяц он выражал озабоченность тем, что нехватка железнодорожных товарных вагонов затруднит доставку товаров в порты для вывоза через Дарданеллы: Меморандум О'Бэйрна, 8.04.1915 (н. ст.): FO371, file 2447, p. 137.

⁵³ *Strachan, First World War*, 116. Аналогичные настроения выражались и такими германскими военными лидерами, как адмирал фон Тирпиц (в марте 1915 г.)

Это ощущение потенциального стратегического значения данного плана никем не оспаривалось в течение следующего столетия: критики злосчастной кампании, как правило, уделяли основное внимание вопросам тактики. Существенно то, что эта точка зрения продиктовала и образ мыслей королевской комиссии, учрежденной британским правительством в 1916 г. для расследования причин катастрофы. В отчете комиссии, опубликованном в декабре 1917 г., всего несколько слов уделяется стратегической идее: успешное завершение кампании в виде оккупации Константинополя

«... несомненно, должно была самым серьезным образом сказаться на дальнейшем ходе войны. Более того, преимущества, которые можно было получить при успешном завершении этого предприятия, были настолько очевидными, что нет никакой необходимости вдаваться в них сколько-нибудь подробно».

В целом, успешное завершение кампании предотвратило бы выступление Болгарии на стороне центральных держав; Россия получила бы возможность получать крайне необходимые ей поставки и вывозить сельскохозяйственную продукцию; наконец, был бы решен многовековой вопрос контроля над проливами⁵⁴. Неудивительно, что на эти так и не полученные выгоды ссылаются и защитники кампании, пытаясь оправдать понесенные кровавые жертвы. Помимо признания больших амбиций, королевская комиссия отмечала и такой момент, как укрепление обороны Египта и Суэцкого канала. Наибольшую известность получило прозвучавшее в посвященном 1915 году томе «Мирового кризиса» Уинстона Черчилля, впервые изданном в 1923 г., стратегическое обоснование восстановления пути поставок в Россию, причем автор отмечал необходимость установления «тесного и неразрывного контакта» между Россией и ее западными союзниками. При этом Черчилль, подобно прочим, не вдавался в подробности по поводу того, какие именно выгоды ожидались — возможно, по тем же соображениям военной тайны, остававшимся в силе на протяжении

и генерал Людендорф (в его воспоминаниях о войне): *Aspinal-Oglander, Military Operations, I, vii.*

⁵⁴ *Coates, World War I Collection, 42.*

всей войны, — при наличии давней потребности в подробном обсуждении этих выгод⁵⁵.

Также сохраняется необходимость в проведении исследований в британских и французских архивах с целью выяснить, повлияли ли на решение о проведении Дарданельской операции какая-либо детальная информация или вычисления в отношении торговли и того, насколько такая кампания была выгодна для логистики российского тыла. Но при использовании русских источников, а также вышеописанной картины русских логистических проблем, вызванных русско-османским конфликтом, мы вполне можем выделить ряд вероятных серьезных выгод, связанных с логистикой российского тыла. Самая очевидная из этих выгод, как намекал Черчилль, заключалась в намного более быстрой доставке зарубежных товаров военного назначения в прифронтовую зону. Большинство этих товаров, заказанных царским правительством в Северной Америке во время войны, производилось в северо-восточной части США, причем значительная их часть поступала также из юго-восточного региона Канады⁵⁶. В условиях, когда Архангельск уже исчерпал свою пропускную способность, было бы намного быстрее доставлять эти грузы из таких американских портов восточного побережья, как Филадельфия, Нью-Джерси и Нью-Йорк, в черноморские порты, чем во Владивосток, поскольку этот маршрут был намного короче (см. *Таблицу 4*⁵⁷). А после того, как грузы были бы доставлены в Россию, им остава-

---

⁵⁵ Churchill, *World Crisis*, 297.

⁵⁶ Исчерпывающие подробности, касающиеся реальных контрактов, можно найти в фондах Русского заготовительного комитета в Национальных архивах США, наряду с чрезвычайно подробным неопубликованным отчетом о работе комитета, составленным в 1918 г. в целях бухгалтерской отчетности: Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета в Америке и его ликвидации [1918]: US National Archives, Record Group 261 (Former Russian Agencies), Entry 26, Box L37.

⁵⁷ Принимается, что вагоны возвращались из Киева порожними, поскольку: а) на погрузку вагона перед его возвращением требовалось дополнительное время, и б) грузопоток в восточном направлении из Европейской России во Владивосток был небольшим. На практике продолжительность обратного маршрута могла быть несколько больше из-за ряда причин, включая использование вагонов для перевозки грузов на протяжении части или всего маршрута. Источник сведений по пробегу вагонов: вычислено по: Справка о среднем суточном пробеге рабочего товарного вагона в 1915 г. и 1916 г. РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3733. Л. 132.

Таблица 4. Оценки использования вагонов при доставке грузов в Киев из Владивостока и Ростова. 1916

	Из Владивостока	Из Ростова
Приблизительное расстояние, км	9710	940
Средний пробег вагона за день (январь — октябрь 1916), км	76,5	76,5
Приблизительное время доставки грузов, дни	127	13
Приблизительное время доставки грузов и возвращения вагонов, дни	54	26
Число обратных рейсов за 260 дней	1	10

лось проделать лишь относительно небольшой путь между линией фронта и такими портами, как Одесса, Севастополь и Ростов, который требовал всего нескольких дней вместо многих недель, которые занимала доставка даже срочных грузов из Владивостока. Как видно из таблицы 4, в которой сопоставляется теоретическое время доставки грузов в 1916 г. из Владивостока и Ростова в Киев как один из главных узлов снабжения Юго-Западного фронта, путь из Ростова в Киев занимал примерно 13 дней, в то время как из Владивостока в Киев грузы шли примерно в десять раз дольше.

Это перенаправление грузов включало бы более крупные расходы на страхование вследствие повышенного риска нападений подводных лодок; более того, следовало бы ожидать реальной утраты по крайней мере части поставок. Но любые дополнительные издержки такого рода были бы ничтожны в сравнении не только с уменьшением срока доставки, но и возможностью получения существенных косвенных преимуществ. Благодаря сокращению морского маршрута одним и тем же количеством судов можно было перевезти больше грузов: если считать, что для возвращения из Нью-Йорка черноморским маршрутом требовались примерно те же 75 дней, что и архангельским маршрутом, то из цифр, приведенных в таблице 4, вытекает потенциальная возможность перевезти почти вдвое больше грузов, чем по маршруту через Панамский канал, и втрое больше, чем по маршруту через Индийский океан — что являлось принципиально важным обстоятельством с учетом того, что начиная с 1915 г. у союзников наблюдалась нехватка тоннажа. По тем же самым причинам на российских желез-

ных дорогах высвобождалось бы огромное количество вагонов. Как видно из таблицы 4, для владивостокского маршрута требовалось примерно вдесятеро больше вагонов, чем для перевозки такого же количества грузов из Ростова. Кроме того, перенаправление грузопотоков в обход Владивостока в потенциале могло бы снизить загруженность Транссибирской магистрали. Поскольку, как отмечалось выше, из Сибири в Европейскую Россию в день можно было направить только 750 товарных вагонов, из которых по состоянию на октябрь 1915 г. 160 предназначалось для грузов, ввезенных через Владивосток, понятно, что в потенциале примерно 20% существующей пропускной способности можно было использовать для доставки других грузов с Урала и из Западной Сибири⁵⁸. То, что это имело бы серьезное экономическое и политическое значение, становится ясно, если учесть, что всего 40 дополнительных вагонов с продовольствием из Западной Сибири в день хватило бы, чтобы заметно улучшить снабжение городов в Европейской России. Эти 40 вагонов составляли бы один поезд грузоподъемностью в 40 тыс. пудов (655 т), что в пересчете на полгода дает цифру примерно в 118 тыс. тонн продовольствия.

Кроме того, открытие турецких проливов имело бы и другие заметные последствия в плане географии международных грузовых перевозок, что в потенциале могло бы существенно снизить нагрузку на российские железные дороги и военную экономику. Оно позволило бы производить ввоз всех вооружений через черноморские порты, освободив северный маршрут через Архангельск для ввоза британского угля и материалов, необходимых для строительства Мурманской железной дороги. Тем самым появилась бы возможность ввозить больше угля (в зависимости от наличия подходящих судов) и тот, несомненно, мог бы быстрее попадать внутрь страны благодаря общему снижению нагрузки на Архангельскую железную дорогу. В свою очередь, это бы позволило выделять часть дополнительного угля для использования в гражданских целях — фабриками, электростанциями, водопроводом и трамваем, больницами и другими важными потребителями в гражданском секторе Петрограда. Власти Петрограда зимой 1914–1915 гг. получали от Рухлова заверения в том, что через

---

⁵⁸ См., например: Журнал Распорядительного комитета, № 70, 31.10.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2987. Л. 26.

Архангельск они смогут получать до 12 млн пудов (196 560 т) угля — около 1 000–1100 вагонов в месяц. Однако на практике они получали намного меньше угля из-за того, что потребности Балтийского флота считались более приоритетными, и из-за проблем с доставкой из Архангельска, и потому в начале января 1916 г. городские запасы угля были практически исчерпаны. Судя по подсчетам городских властей и с учетом того, что зимние боевые действия привели к росту спроса на дрова, можно предположить, что обещанных Рухловым объемов снабжения через Архангельск было бы достаточно для устранения потребности в снабжении Петрограда донбасским углем⁵⁹. Очевидно, что в случае реализации такого сценария большое количество донбасского топлива, а также высвободившиеся пропускные мощности и подвижной состав можно было бы использовать в иных целях, включая улучшение снабжения топливом других городов.

О том, в какой степени возобновление черноморских перевозок могло бы снизить нагрузку на российскую военную экономику, дают представление три других примера из гражданского сектора, включая два, по которым в архивах сохранились документы, связанные с планированием. Так, чай с Цейлона можно было бы ввозить не только через Одессу и Новороссийск для нужд Европейской России, но и через Батум и далее через Баку и Краснодар для чрезвычайно важного среднеазиатского рынка, центром которого в отношении этого товара служил Самарканд. Преимущества такого маршрута заключались бы в ускорении доставки, увеличении объемов поставок и, опять же, в сокращении потребности во ввозе через Владивосток. Аналогичным образом в июне 1915 г. МПС в своем докладе для Совета министров предложило немедленно начать подготовку к заказу 165 млн пудов (2,7 млн т) угля в Великобритании и США и к фрахтованию судов, необходимых для доставки этого угля через Черное море сразу же после открытия проливов⁶⁰. Наконец, вывоз зерна во Францию, а впо-

---

⁵⁹ Журнал Распорядительного комитета, № 34, 23.02.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 79; Журнал совещания по обеспечению столиц предметами первой необходимости, 24.01.1916: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1239. Л. 21–21 об.

⁶⁰ Черновик доклада МПС для Совета министров, июнь 1915 г.: РГИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 311. Л. 268. В 1915 г. в России было добыто 1316,4 млн пудов (21,6 млн т) угля — в среднем 109,7 млн пудов (1,8 млн т) за месяц (вычисле-

следствии также и в Великобританию можно было бы производить вместо Архангельска через такие южные порты, как Ростов, и использовать в этих целях местное зерно с юго-востока России, благодаря чему требовавшиеся для этого товарные вагоны обрачивались бы в течение дней, а не недель. Этой идее отдавалось предпочтение в 1914 г., когда поступил первый французский запрос на зерно, и она объясняет, почему Министерство финансов закупило в начале 1915 г. столько зерна, отправленного на хранение в южные порты⁶¹. Такое изменение маршрутов позволило бы высвободить часть крайне дефицитных пропускных мощностей на участке между Пермью и Вяткой, а также часть вагонов, и хотя опять же, несомненно, армия требовала бы использования этих пропускных мощностей в военных целях, появилась бы дополнительная возможность убедить вооруженные силы в необходимости ввоза западно-сибирского продовольствия в Европейскую Россию для гражданских целей. Более того, как отмечал О'Бэйрн, российское правительство, поставив снабжение союзников этими товарами на более надежную основу, обеспечило бы себе более гарантированный доход в твердой валюте, в которой у него имелась столь отчаянная нужда.

С учетом того, что открытие проливов потребовало бы завершения русско-османских боевых действий, мы должны также рассмотреть преимущества, которые этот мир обеспечил бы железным дорогам Кавказа и других регионов. В первую очередь, была бы устранена чрезмерная нагрузка на железнодорожную линию Ростов-Баладжары-Баку. Для снабжения оборонительных сил, расположенных на юге, как и в мирное время, все равно требовались бы поставки продовольствия и других припасов, но отпала бы нужда в непрерывных крупномасштабных перемещениях свежих войск, военнопленных и санитарных поездов, как и в расширенных объемах снабжения армии по причине войны, на что уходила почти вся пропускная способность желез-

---

но на основании данных о помесечной добыче угля из: Известия Особого совещания по топливу. № 1. Декабрь 1916 г. С. 27).

⁶¹ Журнал совещания пяти министров, № 8, 23.02.1916: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1240. Л. 18–18 об. Из этого же источника следует, что это зерно впоследствии было перепродано Министерству земледелия для армии из-за того, что на практике приходилось вывозить западно-сибирское зерно через Архангельск.

ных дорог на Кавказе. В свою очередь, появилась бы возможность возобновить поставки нефти, задействовав в них весь парк вагонов-цистерн. Кроме того, можно было бы снова вывозить среднеазиатский хлопок на север через Кавказ: этот маршрут позволил бы отчасти разгрузить дорогу Ташкент — Оренбург — Кинель и особенно крайне загруженный участок Транссибирской магистрали между Кинелем и Сызранью, а также, возможно, высвободил бы на Волге часть судов, использовавшихся для перевозки хлопка. Наряду с этим, при условии, что у поставщиков имелось бы на продажу зерно, а местные власти разрешили бы его вывоз — и то, и другое было в 1916 г. острой проблемой по всей Европейской России, — стало бы возможно возобновить крупномасштабные поставки зерна с Кавказа. В число важных потенциальных получателей этого зерна входили не только французский и британский рынки, но и промышленные города Донбасса, которые царское правительство, пытаясь как-то справиться с пагубной нехваткой рабочей силы на угольных копях и железорудных месторождениях, снабжало продовольствием в приоритетном порядке, а также Средняя Азия⁶². Ещё одну возможность представляли собой поставки мяса и фруктов на север, хотя, судя по железнодорожной литературе того времени, кавказские производители мяса и фруктов желали по более высоким ценам поставлять свои товары в Москву и Петроград вместо того, чтобы снабжать такие более близкие рынки, как Ростов и Донбасс — и эти предпочтения шли вразрез с попытками максимально эффективно использовать ограниченный парк имевшихся на железной дороге вагонов-ледников⁶³. Наконец, не исключено, что несколько сократились бы поставки угля на Балтийский флот.

Хотя невозможно определить, в какой степени вышеописанные возможности были бы использованы в случае заключения мира с Османской империей в 1915 или 1916 гг., представляется обоснованным предположить, что по крайней мере часть этих

---

⁶² Подробнее о мерах, предпринимавшихся в 1916 г. туркестанскими властями для ввоза зерна с Кавказа, и о проблемах, сопряженных с перевозкой этого зерна по Владикавказской железной дороге, см.: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3180.

⁶³ См., например, многочисленные статьи об использовании вагонов-ледников для доставки фруктов и других продовольственных товаров в Москву в различных номерах «Вестника Владикавказской железной дороги» за 1915 г.

шагов была бы сделана, тем более что гражданские министерства в 1915 г., согласно архивным источникам, готовились именно к этому сценарию. По сути эта проблема сводилась к вопросу о том, насколько российские вооруженные силы, и особенно армия, были готовы поступиться своим абсолютным приоритетом при выделении вагонов ради снабжения военной экономики в целом. В реальности военные представители важнейшего петроградского комитета, ответственного за определение приоритетов в том, что касалось грузовых перевозок в империи, вплоть до начала 1917 г. решительно продолжали ставить свои собственные потребности выше экстренных нужд промышленности и гражданского населения, даже если это пагубным образом сказывалось на работе гражданских заводов, выполнявших ключевые военные заказы⁶⁴. Тем не менее, с учетом реальных потоков грузов и узких мест разумно предположить, во-первых, что в случае открытия проливов большая часть российского военного импорта была бы перенаправлена в черноморские порты, поскольку в силу многих вышеназванных причин это просто был бы наиболее логичный шаг. Более того, при планировании потребности в подвижном составе на 1917 г. управления главных железных дорог, обслуживавших эти порты, подавали два расчета: один представлял собой экстраполяцию ситуации, существовавшей весной 1916 г., а второй исходил из того, что черноморские порты заработают на полную мощность после открытия проливов⁶⁵. Во-вторых, было бы очень логично, если бы Архангельск специализировался на ввозе угля для Балтийского флота и северо-западного региона, и в-третьих, гораздо больше нефти перевозилось бы по железной дороге,

---

⁶⁴ Примеры того, как армия диктовала ключевые политические решения, связанные с приоритетами в сфере грузовых перевозок, см. в: Журнал Распорядительного комитета, № 27, 21.01.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 40–42 об.; и № 70, 31.10.1915: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2987. Л. 26–30. Эти примеры связаны с распределением пропускных мощностей железных дорог между Сибирью и Европейской Россией в западном направлении. Напротив, в начале 1917 г. становится очевидной несколько примирительная тональность; см., например: Краткое резюме совещания 22-го января 1917 г. (речь на котором шла об экономических проблемах тыла): РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 1–2.

⁶⁵ См., в частности, доклады Екатеринбургской (28.[05].1916) и Южной (27.05.1916) железных дорог для МПС: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3337. Л. 56–57 об., 86–86 об.

а не баржами. Если бы даже были выполнены только три эти меры, то это, как уже указывалось, имело бы весьма значительные непосредственные благоприятные последствия для вооруженных сил и железных дорог, не говоря уже о косвенных выгодах, становившихся достижимыми в принципе. Но хватило ли бы необходимого улучшения ситуации для того, чтобы вооруженные силы в тот момент согласились бы, например, на регулярное выделение 40 вагонов в день для доставки продовольствия из Западной Сибири в города Европейской России? Положительный ответ, несомненно, допустим с учетом того, что импортируемые грузы военного назначения в этом сценарии намного быстрее попадали бы на западные фронты России, а также с учетом прекращения перевозок зерна, предназначенного на экспорт, через Пермь и того, что армии было выгодно улучшение продовольственного снабжения главных промышленных районов.

Наконец, следует подчеркнуть, что для осуществления таких изменений не требовалось серьезной реорганизации управления железными дорогами. В России существовала уже давно сложившаяся система для принятия решений об изменении транспортных потоков в масштабах всей железнодорожной сети, опиравшаяся на ряд региональных плановых комитетов, решавших, как проводить эту политику в жизнь на местах. Эта система планирования, разумеется, была не идеальна и в годы войны она по разным причинам подвергалась серьезной критике со стороны официальных кругов и общественности, что привело к нескольким попыткам реформировать структуру центральных комитетов⁶⁶. Однако источником этой критики, судя по всему, в значительной степени служило отсутствие точной информации о ситуации с перевозками по причине военной секретности, а региональные комитеты как будто бы работали достаточно эффективно, несмотря на острейшую нехватку товарных вагонов, наблюдавшуюся в военное время. Вышеописанные изменения транспортных потоков, даже могли бы облегчить их работу, уменьшив дефицит вагонов. В том, что касается, в частности, выдвинутого ведущим политиком-кадетом Н. В. Некрасовым обвинения руководства железными дорогами в чрезмерной централизации и недостаточной демократичности, определенная децентрализация, несомненно, была возможна,

---

⁶⁶ Сенин. Железнодорожный транспорт. С. 24, 42–43.

но радикальная реформа в военное время не обязательно была бы разумным шагом. В 1917 г., будучи первым министром путей сообщения во Временном правительстве, Некрасов пытался осуществить децентрализацию и демократизацию руководства железными дорогами и даже обеспечил участие нового железнодорожного профсоюза в процессе принятия решений. Однако его Циркуляр № 6321 от 27 мая 1917 г. вызвал возмущение среди управляющих железных дорог по всей сети и даже привел к отставке начальника Управления железных дорог⁶⁷. В целом трудно себе представить, каким образом во время войны можно было провести серьезную реформу бюрократического аппарата, занятого планированием в области грузовых перевозок, не вызвав хаоса по крайней мере в краткосрочной перспективе.

К Февральской революции

Австралийский журналист и военный историк Алан Мурхед в своей влиятельной книге о Галлиполийской кампании утверждает, что Россия, возможно, не подписала бы сепаратный мир с центральными державами в 1918 г., да и сама русская революция могла бы не случиться или «по крайней мере не случилась бы так рано или была бы не такой радикальной», если бы Галлиполийская кампания в 1915 или 1916 гг. завершилась успехом⁶⁸. Является ли это заявление журналистским преувеличением или он в чем-то прав? Категорический ответ на этот вопрос, разумеется, невозможен, однако из вышеприведенного анализа логистических проблем, с которыми Россия столкнулась во время войны, следует, что Мурхед отчасти прав по крайней мере в том, что касается Февральской революции. Из-за поражения союзников в Дарданеллах царское правительство не сумело перенаправить главные грузовые потоки каким-либо из вышеописанных способов и из-за этого работу русской военной экономики по-прежнему затрудняли, на-

---

⁶⁷ См.: *Сенин*. Министерство путей сообщения. С. 47–66.

⁶⁸ *Moorehead*, Gallipoli, 364. Выражаю благодарность Дженни Маклауд за привлечение моего внимания к этой оценке.

ряду со многими другими вещами, многочисленные узкие места на транспорте, вследствие чего продовольственный и топливный кризис становился все более серьезным. Разумеется, Февральскую революцию нельзя объяснить исключительно кризисом снабжения в Петрограде и более того, как напоминает нам Гатрелл, проблемы с продовольствием во время Первой мировой войны приводили к бунтам гражданского населения и в других воюющих странах, не вызывая, однако, революций⁶⁹. Тем не менее несомненно то, что узкие места на транспорте и кризисы снабжения по всей России сыграли важную роль в ухудшении политической ситуации в последнем квартале 1916 г. и начале 1917 г., а как было показано выше, русско-османская война серьезно усугубила эти транспортные проблемы по сравнению с тем, что наблюдалось бы в ином случае.

При этом победа союзников в Галлиполи в 1915 или даже в 1916 гг., возможно, не имела принципиального значения с точки зрения доступа России к обрисованным выше возможностям. Осенью 1915 г. начальник российского Генерального штаба генерал М. В. Алексеев советовал правительству договориться с Османской империей о мире, повторив этот совет и в начале 1916 г., после захвата Россией укрепленного города Эрзурум и порта Трабзон. По-видимому, он боялся, что Россия в дальнейшем не сможет продолжать успешную войну на двух фронтах, и хотел иметь возможность перевести часть Кавказской армии на западный фронт России⁷⁰. К весне 1916 г. он также мог указывать, что их противник, возможно, готов к переговорам из-за крупных побед российской армии в восточной Турции. При этом вполне можно допустить, что в случае мирного договора, который к лету покончил бы с русско-османской войной, проливы были бы незамедлительно открыты, что в потенциале могло изменить не только ход боевых действий с участием России, но и ход войны в целом.

Этот сценарий потребовал бы того, чтобы англичане и французы поддержали мирные предложения, исходящие от России или совместно от союзников, а также согласия Турции как на мирные переговоры, так и на условия мира. Добиться согласия от англичан и французов было бы трудной задачей с учетом уровня взаимного

---

⁶⁹ Gatrell, *Russia's First World War*, 270.

⁷⁰ См., например: *Reynolds, Shattering Empires*, 137.

недоверия между союзниками, их имперских амбиций на Ближнем Востоке, конкурирующих друг с другом, и их преданности соглашению Сайкса-Пико-Сазонова о расчленении Османской империи⁷¹. Но может быть, эту задачу удалось бы решить, если бы русские более откровенно объяснили своим союзникам сущность своих транспортно-логистических проблем с тем, чтобы обосновать необходимость срочно открыть проливы. В реальности, судя по дошедшим до нас официальным британским и французским документам, царские власти оставляли британских и французских военных и дипломатических представителей в России в неведении в отношении такой реальной проблемы, как низкая пропускная способность железных дорог на Урале. Поэтому, сколь бы удивительным это ни показалось, французы и англичане, по-видимому, даже не имели понятия о пагубных последствиях перевозки предназначавшегося для них зерна через Пермь в Котлас⁷².

Что касается согласия турок на переговоры и условия мира, то можно указать, что хотя к весне 1916 г. их вооруженные силы испытывали серьезные стратегические затруднения, отсутствие железных дорог в восточной Турции теперь давало им серьезное преимущество в плане обороны, так как в случае любого наступления русские были бы вынуждены снабжать свои войска при помощи подвод, которым приходилось бы преодолевать большие расстояния. Более того, несмотря на ужасающую экономическую ситуацию в Османской империи, общественность не оказывала серьезного давления на правительство с требованием заклю-

---

⁷¹ *Reynolds, Shattering Empires*, 137–38.

⁷² Особ. см. доклад британского военного атташе Альфреда Нокса от 20.06.1916 о состоянии российских железных дорог: TNA, War Office: Directorate of Military Operations and Military Intelligence, and Predecessors: Correspondence and Papers (WO106), file 1080. В целом Нокс приписывает проблемы на железных дорогах плохому управлению ими. Уцелевшие британские военные донесения содержатся по большей части в фонде WO106, в то время как копии некоторых находятся среди донесений дипломатов в фонде FO371 (Foreign Office General Political Correspondence). Доклады французских дипломатических и военных представителей сохранились в Centre des Archives diplomatiques, La Courneuve, series Guerre 1914–1918, и Service historique de la Défense, Vincennes, series N 1872–1919, section 7N (EMA et Attachés Militaires). Выражаю благодарность за последнюю ссылку Брэндону Шнейдеру. В целом необходимы дальнейшие исследования в отношении роли обширного режима военной секретности в формировании и сохранении неверных впечатлений о работе военной экономики.

чения мира. Что касается оппозиционных политиков, которые в 1915 и 1916 гг. действительно пытались начать мирные переговоры, власти не оказали им поддержки. С другой стороны, война никогда не пользовалась у турок популярностью, а к 1917 г. империя находилась в таком тяжелом положении, что власти прибегли к помощи немецких солдат для охраны правительственных зданий. По мнению Рейнольдса, если бы Антанта предложила терпимые условия, Османская империя, возможно, согласилась бы на них⁷³.

Тем не менее царское правительство отвергло призыв Алексеева. Объясняя это решение, Рейнольдс указывает на шедшие в то время переговоры по поводу соглашения Сайкса — Пико — Сазонова, в то время как Макмикин подчеркивает стремление Сазонова к контролю над Константинополем. Боброфф тоже метит в Сазонова: тот «отказывался следовать более рациональным соображениям» и «отчаянно» цеплялся за данное англичанами и французами обещание после войны согласиться на контроль России над проливами и Константинополем «в обмен на участие России в войне». Боброфф делает вывод о том, что по сути лишая западный фронт войск и ресурсов, которые поглощал конфликт с Турцией, политика Сазонова в отношении проливов и Константинополя «внесла осязаемый вклад в крах России»⁷⁴. Разумеется, последнее слово оставалось за царем, а вынесенный им вердикт в отношении мирных предложений, поступивших в 1916 г. от турецкой оппозиции, свидетельствует, что в реальности российское политическое и дипломатическое руководство проявляло большую беспечность в отношении последствий двойной блокады: «С Турцией нужно покончить. В любом случае ей больше нет места в Европе. Поэтому для нас неуместно вступать в контакт с [турецкой] оппозицией»⁷⁵.

В свете обрисованных выше логистических последствий галлиполийского поражения эти возможности в потенциале представляются намного более важными для российской военной экономики, чем считалось ранее. Если бы русско-османский конфликт в тот момент завершился мирным договором между Рос-

⁷³ Reynolds, *Shattering Empires*, 138.

⁷⁴ См.: Reynolds, *Shattering Empires*, 137–38; McMeekin, *Russian Origins*, 223; Bobroff, *Roads to Glory*, 143–44, 147–48.

⁷⁵ Цит. по: Айранетов. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916. С. 109.

сией и Турцией либо между Антантой и Турцией, у России и ее союзников появились бы определенные возможности для получения тех же логистических выгод, которые дала бы победа под Галлиполи. Соответственно, если рассматривать инициативу Алексеева как серьезный шаг к достижению как мира, так и жизненно важных логистических выгод, то можно предположить, что Мурхед ошибался, назвав поражение под Галлиполи *решающей* причиной Февральской революции. Аналогичным образом, одержимость Сазонова проливами, судя по всему, оказала серьезное пагубное влияние на работу военной экономики и повысила вероятность революции, в первую очередь из-за ее далеко идущих логистических последствий⁷⁶. В том же самом можно обвинить и самого царя.

Так или иначе, двойная морская блокада России, установленная в 1914 г., просто продолжилась, как и сухопутная война на востоке Турции, со всеми их серьезными последствиями для русского тыла. Как хорошо известно, на протяжении 1916 г. логистические затруднения только усугубились. В частности, нехватка продовольствия, рабочей силы и товарных вагонов в Архангельске и Владивостоке препятствовала выгрузке грузов и их доставке в глубинные районы страны; заторы на Транссибирской магистрали усилились; обострились заторы на железных дорогах Кавказа; летом и осенью поставки продовольствия и угля в города России производились в объемах, совершенно недостаточных для накопления запасов на зиму. После этого на Европейскую Россию обрушилась такая суровая зима, какой не могли припомнить, и в итоге к концу февраля 1917 г. тяготы, испытываемые населением, стали невыносимыми⁷⁷. Логистика и кризис снабжения ни в коем случае не были единственными факторами, спровоцировавшими Февральскую революцию, но они явно сыграли очень важную роль. Германско-османская двойная блокада достигла поставленных целей.

---

⁷⁶ Аналогичным образом вождь либеральной Конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, занимавший должность министра иностранных дел во Временном правительстве, в апреле 1917 г. был вынужден подать в отставку в том числе из-за своей одержимости проливами, хотя эта тема и выходит за рамки данной статьи.

⁷⁷ Исключительность зимы 1916–1917 гг. освещается и подтверждается в: *Neuwood, Friend or Foe*.

Заключение

В настоящей статье утверждается, что хотя русско-османский конфликт занимает второстепенное место в истории Первой мировой войны в смысле числа задействованных в нем людей, он имел громадное значение для транспортной логистики, на которой держалась Российская империя. Закрытие турецких проливов в сентябре 1914 г. стало для России принципиальной проблемой. В сочетании с закрытием датских проливов немцами это привело к двойной блокаде, самым пагубным образом сказавшейся на российской военной экономике, причем эти проблемы несколько недель спустя лишь усугубило формальное начало войны между Россией и Турцией. У России осталось лишь два полностью работоспособных крупных порта — Архангельск и Владивосток, — причем оба находились на удалении от театров военных действий. Внешняя торговля России оказалась ввергнута в кризис, объемы экспорта и экспортные поступления драматически сократились, в то время как импорт военных и прочих жизненно важных товаров был перенаправлен через эти два порта. Для этих важнейших перевозок требовалось намного больше товарных вагонов, чем в случае черноморских портов, и эта потребность не могла не вызвать серьезного усугубления общей ситуации с нехваткой вагонов на железной дороге. Более того, эти дальние перевозки экспортируемых и импортируемых товаров внесли прямой и косвенный вклад в заторы на главных железнодорожных магистралях; собственно говоря, эти перевозки были одним из факторов, препятствовавших доставке больших объемов продовольствия из Западной Сибири в города Европейской России. Начало военных действий между Россией и Османской империей не только гарантировало продолжение двойной блокады, но и поставило Россию перед сложной задачей ведения войны на два фронта. Оно привело к хроническим заторам на железных дорогах Кавказа и других регионов, что имело в числе своих следствий серьезные проблемы с перевозками нефти по России и снабжением Юго-Западного фронта.

Из всего этого вытекает ряд выводов в отношении участия царской России в Первой мировой войне, ее военной экономики и, наконец, ее крушения в феврале 1917 г. Двойная блокада на Бал-

тике и на Черном море должна занимать значительно более важное место в наших представлениях об участии России в Великой войне, будучи принципиально важным аспектом стратегии центральных держав, направленной на победу в войне против союза России, Франции и Великобритании. Представляя собой восточный аналог подводной войны, имевшей своей целью блокаду Великобритании и Франции, она была зеркальным отражением морской блокады центральных держав, осуществлявшейся Антантой с точно такими же экономически-стратегическими целями, и, как выясняется, обладала мощным потенциалом к дезорганизации российского тыла и оказанию давления на него. Подчеркивая эту параллель, мы получаем возможность оценить военно-морскую войну вообще с новой важной точки зрения. Например, становится ясна сомнительность современных попыток переосмыслить Ютландское сражение, состоявшееся в мае 1916 г., как сражение, вынудившее германский надводный флот отсиживаться в базах и тем самым «принесшее победу» союзникам⁷⁸. Этот вердикт игнорирует тот факт, что роль Флота открытого моря в первую очередь заключалась в пресечении союзного судоходства через датские проливы, и что благодаря наличию Кильского канала самая большая угроза Антанте от немецкого флота исходила тогда, когда он оставался в базах и угрожал одновременно и Северному, и Балтийскому морям. С этой точки зрения важнейшим итогом Ютландского сражения было сохранение жесткой германской блокады на Балтике, столь пагубной для России, а после краха российской военной экономики в 1917 г. и для Антанты в целом.

Помимо этого, следует лучше помнить о том, что для России Первая мировая война в очень большой степени была войной на два фронта на ее западных и южных рубежах, так же, как концепция войны на несколько фронтов принципиальна для понимания участия Германии и Австро-Венгрии в войне. Серьезный и далеко идущий характер транспортных проблем указывает на необходимость бороться с искушением рассматривать войну на южном Кавказе как на изолированный, едва ли не самодостаточный конфликт. Наоборот, это была война, из-за которой русской воен-

---

⁷⁸ См., например: *Hewitt, Jutland*. Выставка к столетию Ютландского сражения в британском Национальном музее Королевского флота носила название «36 часов: Ютландия-1916, сражение, принесшее победу в войне».

ной экономике приходилось разрываться в разные стороны, и хотя этот региональный конфликт ни в коем случае не был причиной всех российских логистических затруднений военного времени, он все же вызвал ряд хронических транспортных проблем, имевших очень серьезные последствия для всей империи — например, в том, что касается перевозки нефти.

В целом логистические последствия этих обстоятельств на протяжении двух с лишним лет были столь пагубными и далеко идущими, что они внесли серьезный вклад в усугубление кризиса снабжения по всей Европейской России. Более того, в данной статье был обрисован сценарий, согласно которому при прочих равных условиях технические, географические и прочие проблемы, с которыми столкнулась транспортная логистика Российской империи, представляются намного более легкоразрешимыми в том случае, если бы русско-османская война не состоялась, а черноморские порты работали бы без всяких помех. Иными словами, рутинное обвинение российского Министерства путей сообщения в управленческой некомпетентности игнорирует факт проблематичности устранения некоторых важнейших затруднений военного времени в условиях двойной блокады и войны на два фронта. Такая оценка не служит отрицанием того, что дурное управление и некомпетентность были серьезными проблемами на железных дорогах, или подразумевает равенство всех прочих условий. Но из нее вытекает, что конкретно русско-османская война в широком смысле слова привела к такому серьезному расстройству транспортной логистики, что выход Османской империи из войны в 1915 или 1916 гг. в потенциале мог бы изменить ход войны для царской России, несмотря на все прочие организационные проблемы на железных дорогах. Таким образом, стратегические соображения, лежавшие в основе операции союзников по вскрытию турецких проливов в 1915 г., можно оценить как разумные, в то время как реальная российская политика в 1916 г., направленная на то, чтобы просто «покончить» с Турцией, была катастрофически ошибочной.

Из этой ситуации вытекает необходимость в дальнейших исследованиях по трем взаимосвязанным вопросам, касающимся управления русским тылом. Первый из них — вопрос о том, в какой степени эти конкретные затруднения осознавались и понимались Военным министерством в Петрограде и особенно Ставкой Верховного главнокомандования в Барановичах и впоследствии в Мо-

гилеве. Например, велись ли какие-либо дискуссии о логистических издержках русско-османских военных действий среди офицеров, отвечающих за транспортную логистику армии, или же они просто смирились с этой ситуацией как с данностью? Во-вторых, в какой степени на взгляды Алексеева, осенью 1915 г. и в начале 1916 г. выступившего с рекомендацией заключить сепаратный мир с Османской империей, повлияли логистические проблемы, с которыми столкнулась Россия, и повлияли ли они на него вообще, а кроме того, имел ли он в виду более широкие стратегические цели, помимо переброски части Кавказской армии на западный фронт России ради его укрепления? Или же Алексей просто пытался найти больше солдат для фронтов на западных рубежах в условиях, когда все острее и острее ощущалась нехватка новых призывников? В-третьих, почему царь и правительство отвергли предложение Алексеева? И в частности, в какой степени эти руководители государства в Петрограде осознавали и оценивали логистические проблемы, о которых идет речь? Какими бы ни были ответы на эти вопросы, Алексей в 1916 г. создал возможность, пусть даже очень слабую, для изменения хода войны, и поэтому можно сделать вывод, что Мурхед заходит слишком далеко, утверждая, что поражение союзников под Галлиполи фактически обрекло Россию на революцию.

Наконец, требуют пересмотра взаимосвязи между русско-османским конфликтом и крушением царской власти в ходе Февральской революции. Логистические последствия русско-османского конфликта позволяют по-иному подойти к традиционной либеральной трактовке, возлагающей вину за кризис снабжения и начало революции в первую очередь на царский режим, бездарно управлявший тылом, и содержащей серьезный намек на предательство. Представим себе на мгновение, что в июне 1916 г. Россия вела войну лишь на одном фронте на своих западных рубежах, причем в дополнение к Архангельску и Владивостоку на полную мощность работали все ее черноморские порты, сохранялись блокада на Балтике и позиционный тупик, а Ютландское сражение и Брусиловское наступление не привели к желанному стратегическому прорыву. Военный импорт поступал бы на фронт в намного больших объемах, чем в реальности, в то время как тыловая инфраструктура имела бы намного больше возможностей для доставки топлива и продовольствия вооруженным силам и городскому гражданскому населению. Благодаря тому, что нехватка топлива

восполнялась бы за счет крупномасштабного ввоза британского, а также, может быть, и американского угля, накопление запасов топлива и продовольствия на зиму было бы намного более простым делом, находясь в зависимости в первую очередь от того, как правительство справлялось бы со сбоями, вызванными его политической фиксированных закупочных цен. Что бы потребовалось в этих условиях для того, чтобы российский политический кризис усугубился до такой степени, которая сделала революцию неизбежной?

Более ранний вариант этой статьи был представлен на XLII конференции Группы по изучению русской революции (Нортумбрийский университет, Великобритания, январь 2016 г.) и опубликован в сокращенном виде под названием «Турецкие проливы, великая война и февральская революция» в: Эпоха войн и революций (1914–1922): Материалы международного научного colloquium 9–11 июня 2016 г. Под ред. Б. И. Колоницкого и Д. Орловского. СПб., Нестор-История, 2017. С. 10–21. Русские даты приводятся по старому стилю, за исключением особо оговоренных случаев; в целях большей ясности некоторые даты приводятся и по старому, и по новому стилю.

Благодарности. При работе над этой статьей автору оказывали помощь многие коллеги. Он выражает особую благодарность Роберту Фросту, Борису Колоницкому, Дженни Маклауд, Дэвиду Макдональду, Биллу Розенбергу, Джону Стейнбергу и двум анонимным рецензентам за их советы и напутствия.

Библиография

- Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год — апогей. М., 2014.
- Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 год — сверхнапряжение. М., 2015.
- Анфимов, А. М., Корелин А. П. (составители и редакторы). Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
- Афонина Г. М. (составитель). Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. М., 1996.
- Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939.
- Гальперина Б. Д. и др. (ред.) Особые журналы Совета министров Российской империи, 1912 год. М., 2004.

- Гальперина Б. Д. и др. (ред.) Особые журналы Совета министров Российской империи, 1914 год. М., 2006.
- Главацкий А. Несколько слов о будущем Петроградского узла // Вестник Николаевской железной дороги. № 1. 1916. С. 2–4.
- Голубев А. А. Мурманская железная дорога: История строительства (1894–1917 гг.). СПб., 2011.
- Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов, по архивным данным. М., 1926.
- Мальков В. Л., Шкундин Г. Д. и др. (ред.) Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война: исторический очерк. М., 2005.
- Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога, 1915–1919 годы: военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.
- Олейников А. В. Турецкий фронт России, 1914–1917. М., 2016.
- Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009.
- Сенин А. С. Министерство путей сообщения в 1917 году. М., 2009.
- Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. № 26. 1948.
- Aspinall-Oglander, C. F. Military Operations. Gallipoli. 2 volumes. London, 1929–1932.
- Bobroff, R. Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London, 2006.
- Churchill, W. S. The World Crisis, 1911–1918. London, 2007.
- Coates, T., ed. The World War I Collection: Gallipoli and the Early Battles, 1914–15. London, 2001.
- Dohan, M. R. Foreign Trade // From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR, edited by R. W. Davies. Basingstoke, 1990.
- Gatrell, P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.
- Hewitt, N. Jutland: The Battle that Won the First World War // BBC History Magazine, May 2013: <http://www.historyextra.com/article/premium/jutland-battle-won-first-world-war-0>.
- Heywood, A. J. "The Most Catastrophic Question": Railway Development and Military Strategy in Late Imperial Russia // Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848–1945, edited by T. G. Otte and K. Neilson. London, 2006.
- Heywood, A. J. Frost and Snow, War and Revolution: The Impact of Winter Weather on Tsarist Russia's Railways, July 1914 — March 1917. Статья,

представленная на конференции «Мороз, лед и снег: Холодный климат и русская история», Германский исторический институт в сотрудничестве с Rachel Carson Center for Environment and Society, Москва, 16–18 февраля 2012: <http://aura.abdn.ac.uk/handle/2164/8417>.

Heywood, A. J. Friend or Foe? “General Winter” and Tsarist Russia’s War Effort, 1914–17. Статья, представленная на XL ежегодной конференции Study Group on the Russian Revolution, University of East Anglia, 3–5.01.2014: <http://aura.abdn.ac.uk/handle/2164/8418>.

Heywood, A. J. The Limits of Competence: Coping with Armageddon on the Archangel Railway, 1913–March 1917: <http://aura.abdn.ac.uk/handle/2164/8416>.

Jelavich, B. Russia’s Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991.

Lincoln, W. B. Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. Oxford, 1994 (first published 1986).

Luntinen, P. French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki, 1984.

McMeekin, S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, MA, 2011.

Moorehead, A. Gallipoli. London, 1956.

Neilson, K. Strategy and Supply: The Anglo — Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984.

Neilson, K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995.

Reynolds, M. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011.

Rielage, D. C. Russian Supply Efforts in America During the First World War. Jefferson, 2002.

Sanborn, J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014.

Siegel, J. Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London, 2002.

Stone, N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975.

Stone, D. The Russian Army in the Great War: The Eastern Front, 1914–1917. Lawrence, 2015.

Stevenson, D. 1914–1918: The History of the First World War. London, 2005.

Strachan, H. The First World War: A New Illustrated History. London, 2003.

Torrey, G. E. The Romanian Battlefield in World War I. Lawrence, 2011.

Перевод с английского Николая Эдельмана

А. В. Ганин

«МОЯ ЖИЗНЬ
В ОБСТАНОВКЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛА
(ЧТОБЫ НЕ СКАЗАТЬ НЕВЫНОСИМА)»:
СУДЬБА ГЕНЕРАЛА А. С. МАДРИТОВА¹

Имя генерал-лейтенанта Александра Семеновича Мадритова широко известно прежде всего по событиям начала XX века на Дальнем Востоке. Наиболее поздним упоминанием о Мадритове до сих пор служили отрывки из его же доклада о событиях на Тереке за 1918 г., цитировавшиеся генералом А. И. Деникиным в «Очерках русской смуты». Между тем, после 1918 г. Мадритов прожил еще около сорока лет, но о том, как генерал встретил революционные события, какую сторону выбрал в начавшейся Гражданской войне, как уцелел, а также каким образом сложились его последующая жизнь и судьба, известно не было.

Знакомство с правнуком генерала Ю. Ю. Мажуриным, сообщившим, что Мадритов прожил долгую жизнь в СССР и следовавшие вслед за этим поиски в нескольких архивах позволили восстановить жизнь и судьбу этого видного представителя дореволюционной военной элиты. Не ставя своей задачей написание полной биографии Мадритова, автор этих строк постарался осве-

---

¹ Выражаю благодарность правнуку А. С. Мадритова Ю. Ю. Мажурину (Запорожье) за помощь в подготовке статьи.

тить послереволюционную судьбу генерала, тем более что поиск и сбор материалов по этому вопросу далеко не тривиален.

Мадритов родился 26 августа 1868 г. и происходил из дворян Ставропольской губернии. Это был высокообразованный и энергичный офицер, окончивший 1-й Московский кадетский корпус (1885), 3-е военное Александровское училище (1887), Николаевскую академию Генерального штаба с дополнительным курсом по 1-му разряду (1898) и вдобавок прослушавший полуторагодичный курс Военно-медицинской академии². На службе Мадритов находился с 1885 г. и приобрел обширный и разнообразный опыт.

Подлинную известность он получил в результате дальневосточных событий. В период Китайского похода Мадритов командовал легкими отрядами, в основном из забайкальских казаков и сибирских стрелков. 16–17 июля 1901 г., пройдя за сутки 104 версты, он нагнал китайский отряд в 4500 человек, разбил его и захватил в плен³.

В 1902–1904 гг. Мадритов командировался в Корею для охраны знаменитой концессии на реке Ялу⁴ как главноуполномоченный русского лесогорнопромышленного торгового общества на Дальнем Востоке⁵. Кроме того, он председательствовал в 1902–1904 гг. в Обществе по установлению торговых сношений России с Китаем и Монголией⁶.

О характере той работы свидетельствует позднейшая автобиографическая записка о службе Мадритова. Себе в заслугу уже в советское время бывший генерал ставил целый ряд действий в Маньчжурии и Корее. Так, при Мадритове была произведена разведка лесных массивов Кореи и Маньчжурии по обоим берегам реки Ялу и ее притоков, произведена инструментальная съемка областей Кореи и Маньчжурии, прилегающих к Ялу, проведена планировка города Дальнего, организована рубка леса и сплав его к устью

---

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 1об.

³ Там же. Л. 4об.

⁴ Подробнее о политике России в Маньчжурии и Корее перед Русско-японской войной см.: *Айрапетов О. Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015. С. 69–79, 126–163, 181–193; *Он же.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. М., 2018. Т. 4. С. 152–191.

⁵ *Куропаткин А. Н.* Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 90.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11об.

Ялу, за полгода срублено и сплавлено на 1 500 верст до 10 млн кубических футов (283 168 м³) леса, заказаны в Америке и установлены возле устья Ялу 60 лесопильных рам, заказаны и задействованы два лесных парохода, три грузовых и два пассажирских, открыто семь отделений организации по Маньчжурии, связанных между собой и Порт-Артуром телеграфной и телефонной сетью, выстроен поселок Янюнпо в устье Ялу, где построено десять двухэтажных корпусов, очищено устье реки для прохода океанских пароходов и устроена пристань, проведена электрификация Мукдена, открыт и куплен у китайских властей каменноугольный район протяженностью до 25 верст, организована разработка, приведшая к тому, что через полгода уголь стал заменять японский для нужд русского флота, организована продажа в Китай и Монголию нефти Нобеля с вытеснением американской продукции, налажена доставка московской мануфактуры по особо заказанным рисункам, организовано торговое пассажирское пароходство по реке Ляохэ с вытеснением британской компании, были открыты и начали разрабатываться золотые россыпи в Восточной Маньчжурии, а также нефтеносные земли⁷. Помимо этого, Мадритов участвовал в комиссии по лоции моря и берегов Квантунского полуострова и рек Ялу и Ляохэ. Таким образом, при участии Мадритова началось полноценное хозяйственное освоение Кореи, едва ли связанное с нехваткой в России леса, кроме того, продолжалось освоение Маньчжурии.

Этим таланты офицера не исчерпывались. Авторству Мадритова принадлежало «Экономическое описание Каньоянского и Хаилунченского районов Маньчжурии» с приложением карт, а также вышедшая в 1899 г. под псевдонимом в «Ниве» статья «Поставка реального воспитания и образования в России».

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в чинах подполковника и полковника Мадритов командовал конно-летучим отрядом своего имени⁸. Отряд прославился лихими действиями в японском тылу⁹.

Граф А. А. Игнатъев увековечил Мадритова на страницах своих мемуаров, неоднократно издававшихся массовым тиражом в СССР:

---

⁷ Там же. Л. 11 об. — 12.

⁸ См., напр.: *Ганин А. В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 195, 207, 209, 215.

⁹ *Куропаткин А. Н.* Указ. соч. С. 282.

«Офицер Генерального штаба полковник Мадритов еще за два года до войны действовал на лесных концессиях у реки Ялу в качестве главноуполномоченного Русского лесо-горнопромышленного торгового общества на Дальнем Востоке, как тогда именовалась безобразовская антреприза. [Генерал А. Н.] Куропаткин, в зависимости от положения на Дальнем Востоке, то требовал увольнения полковника Мадритова из Генерального штаба, то хотел использовать знания и большой опыт этого энергичного офицера как полезного эксперта в маньчжурском вопросе. В конце концов Мадритов войну провел во главе импровизированных отрядов, настолько оторванных от остальной армии, что после мукденского погрома о нем даже забыли. Он очутился со своими частями в тылу японских армий, и ему удалось с большим трудом пробиться из окружения»¹⁰.

В советское время Мадритов ставил себе в заслугу то, что в отряде скрывалось до 200 добровольцев из беглых ссыльно-каторжных, которые, исключая убитых, получили благодаря Мадритову «Знаки отличия Военного ордена» и полное помилование, а затем вернулись домой. Среди них Мадритов называл Нико Цулукидзе (Тифлис), Рансдена Гланти и Джибладзе (Батум), Платона Каландарашвили (Озургеты)¹¹. Вскоре это спасло ему жизнь. 12 декабря 1905 г., в разгар декабрьского вооруженного восстания, Мадритов, возвращавшийся с войны, оказался на Курском вокзале Москвы. Рабочие разоружали и порой убивали офицеров. Как позднее вспоминал сам Мадритов, его узнали двое бывших у него каторжан и объяснили рабочим, кто это, после чего Мадритову рабочие дали извозчика и провезли через все баррикады к Николаевскому вокзалу. Новость об этом напечатала в период с 15 по 25 декабря 1905 г. газета «Свет», в результате чего Мадритову якобы полтора года не давали назначения¹².

В Первую мировую войну Мадритов вновь проявил себя. По свидетельству генерала Ф. Ф. Новицкого, «при некоторых отрицательных чертах Мадритов был очень толковым начальником, и в тех случаях, когда он желал что-либо осуществить, у него хватало для этого и умения и настойчивости, а главное, на него можно было положиться, зная, что в трудную минуту он не подведет со-

---

¹⁰ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 207.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 12.

¹² Там же. Л. 12 об.

седа, что так часто бывало с другими в минувшую войну... из всех генералов II Сибирского корпуса Мадритов выделялся в положительную сторону»¹³. О том, что Мадритов отличался энергичностью на посту начальника дивизии в годы Первой мировой войны, свидетельствовал генерал А. А. Свечин¹⁴. В. В. Кочубей вспоминал: «С первых же дней своего пребывания на фронте эта 56-я пехотная дивизия показала себя в боевом отношении с наихудшей стороны. Приблизительно до середины 1915 г., в целом ряде боев и сражений переживала она как бы непрерывную цепь неудач и поражений, подводя не только своих соседей, но часто даже и всю ту армию, в состав которой она в то время входила. Только новый ее начальник, генерал Мадритов, принявший эту злополучную дивизию в июне или в июле 1915 г.¹⁵, реорганизовал ее систематически и целесообразно, обновляя, главным образом, ее совершенно деморализованный и небоеспособный личный состав. Таким образом, ему удалось постепенно переделать эту дивизию в отличное в боевом отношении соединение. Особенно выделялась она в боевом отношении из общей массы нашей пехоты в боях лета 1917 года, заслужив особую похвалу генерала Корнилова»¹⁶.

Кочубей, служивший старшим адъютантом штаба XXXIV армейского корпуса, отмечал, что Мадритов «подошел к делу с практической стороны. Сразу же раздобыл и снабдил дивизию всем необходимым. Люди почувствовали, что появился начальник, заботящийся о них. Затем его стали видеть во всех частях дивизии. Он бывал всюду. Его видели в передовых окопах, во время боя он не скрывался в тылу, а появлялся в самых опасных местах. Для каждого солдата у него было “словцо”. Его стали уважать и любить.

После того, как его все узнали, он приступил уже и к боевой подготовке, и в короткий срок дивизия превратилась в отличное воинское соединение.

Мадритов вложил в дело всю свою душу, все свои способности, всю свою военную жилку и совершил подвиг, на который бы-

---

¹³ Новицкий Ф. Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 года (из личных воспоминаний участника) // Война и революция. 1930. Кн. 6. С. 117.

¹⁴ Свечин А. А. Искусство вождения полка: [по опыту войны 1914–1918 гг.]. М., 2005. С. 143.

¹⁵ Правильно — в апреле 1915 г.

¹⁶ Кочубей В. В. Капитан Дашков (из воспоминаний) // Военная быль (Париж). 1968. № 87. Сентябрь. С. 34.

ли способны такие одаренные с рождения военачальники, как, напр[имер], Корнилов, Марков или Довбор[-Мусницкий].

Когда я попал в штаб корпуса, Мадритова уже не было. Его судьба мне неизвестна. Но его ореол и заведенные им порядки царили не только в 56-й дивизии, но и во всем корпусе.

Вскоре началась революция.

Закалка, которую дивизия получила от Мадритова, была такова, что на фоне начавшегося развала она продолжала отлично держаться...

Этими краткими воспоминаниями я хотел подчеркнуть, что дельный, энергичный и волевой начальник может самую худшую воинскую часть превратить в боеспособную»¹⁷.

С конца июня по конец августа 1916 г. Мадритов лечился от ран на Кавказе¹⁸, после чего получил назначение на пост военного губернатора Сырдарьинской области. В этом регионе тогда разворачивались события Туркестанского восстания¹⁹. Во главе Гюргенского отряда Мадритов участвовал в ликвидации восстания, подавляя беспорядки среди туркмен. Позднее был военным губернатором Семиреченской области.

Боевой и служебный путь Мадритова отмечен множеством наград, среди которых ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, «Золотое оружие» — за Китайский поход; Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 3-й ст. с мечами — за Русско-японскую войну; Св. Станислава 1-й ст. с мечами, Св. Анны 1-й ст. с мечами, Св. Владимира 2-й ст. с мечами, Белого орла с мечами — за Первую мировую войну²⁰. Кроме того, генерал имел два китайских ордена, один японский и один

---

¹⁷ Кочубей В. В. Об одной второочередной дивизии // Часовой (Брюссель). 1960. № 405. Январь. С. 21–22.

¹⁸ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17 141. Послужной список 327–778. Л. 2 об.

¹⁹ Подробнее о подавлении восстания см.: Ганин А. В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2008. Т. 5. С. 152–214.

²⁰ В советском послужном списке Мадритов приписал себе награждение орденом Св. Георгия 4-й ст. за бои под Лодзью (РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 2 об.), но подтверждений этому не обнаружено (см., напр.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 620).

бухарский. За бой под Аньчжу в Русско-японскую войну (набег в Корею и действия на сообщения японских войск) Мадритов получил чин полковника, а за боевые отличия в Первую мировую войну произведен в генерал-лейтенанты. За свою военную карьеру Мадритов был трижды ранен и контужен²¹, что дало ему право на причисление в 1916 г. ко 2-му классу Александровского комитета о раненых²².

В собственноручной краткой записке о службе, составленной в конце 1918 г. для белого командования, Мадритов отметил, что в 1917 г. был «вызван в Петроград г. Гучковым, но после революции, несмотря на предложения, нигде не служил»²³. С 9 июня 1917 г. по начало 1918 г. Мадритов состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа²⁴. Впрочем, в советском послужном списке указано, что с 22 февраля по 20 августа 1917 г. генерал лечился от ран и малярии на Кавказских Минеральных Водах, а прибыл в Петроград 20 августа и находился там до 1 января 1918 г.²⁵

После 1917 г. генерал оставался в тени. О его послереволюционной жизни есть лишь отдельные упоминания, а судьба до сих пор оставалась не проясненной²⁶. В советском послужном списке о его деятельности в период с 1 января 1918 г. по 23 ноября 1920 г. буквально одна фраза: «Уволен за ранами в отставку и нигде не служил, кроме терской кооперации»²⁷. На самом деле, период 1918–1920 гг. в биографии Мадритова оказался более драматичным, но эти данные генерал предпочел скрыть.

По всей видимости, в начале 1918 г. Мадритов отправился на свою малую родину, в район Кавказских Минеральных Вод (Мадритов был уроженцем станицы Горячеводской Пятигорского отдела Терской области²⁸), где его застали события Гражданской войны. Позднее он отмечал, что в 1917–1918 гг. организовал

²¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11 об.

²² РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17 141. Послужной список 327–778. Л. 6 об.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.

²⁴ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 425.

²⁵ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3.

²⁶ См., напр.: Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 2. С. 84.

²⁷ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17 141. Послужной список 327–778. Л. 3.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 4.

кредитное товарищество на Тереке в семи хуторах и селах и стал его председателем. Также участвовал по выбору крестьян в 1917 г. в съездах Терека и Кубани по земельным вопросам²⁹. Следовательно, на Тереке Мадритов появился еще в 1917 г.

Сохранился доклад Мадритова белому командованию о событиях в Терской области с 20 февраля по 11 ноября 1918 г. Этот документ впоследствии цитировал в своих «Очерках русской смуты» генерал А. И. Деникин. Благодаря докладу можно восстановить подробности участия его автора в событиях на Тереке. Мадритов вспоминал: «Надо отдать справедливость, что избранный в Пятигорске Совет народных комиссаров, по-видимому, искренне хотел работать в более мирном направлении, но, по выражению самого председателя Совета народных комиссаров [С. Г.] Буачидзе, этому правительству не хватило сил обуздать совдепы. Получив власть, большевики, конечно, боялись потерять ее и для ограждения себя начали обезоруживать казаков, говоря, что оружие им нужно для создания армии, для защиты Кавказа от надвигающихся турок и немцев. Буачидзе понимал, что наемные солдатские банды становятся опасными даже для самого большевистского правительства и совершенно не способны выступить против надвигавшихся на Кавказ турок и немцев; он считал необходимым создать что-либо похожее на регулярную армию и обратился за содействием к некоторым генералам, как то: к [Н. В.] Рузскому, [Р. Д.] Радко-Дмитриеву и ко мне. Генерал Рузский отказался по болезни, Радко-Дмитриев заявил, что если армия будет создана, он примет над ней командование, но организацией армии заниматься не будет. Я заявил, что при таком ужасном положении, в коем находится офицерство, создание армии не представляется возможным. Тогда Буачидзе решил обратиться ко всему офицерству прийти на помощь правительству, спасти Родину от немцев и турок»³⁰.

В позднейшей записке о службе, составленной самим Мадритовым в 1940–1941 гг., он отмечал, что являлся инвалидом Красной армии, в белых армиях не служил, а «в 1918 году пред[седателем] Совнаркома Терека т. Буачидзе был приглашен и участвовал как председатель комиссии по созданию Красной армии на Тереке»³¹.

---

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 12.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 50б.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

Руководитель Белого движения на Юге России генерал А. И. Деникин отмечал, что генерал Мадритов в 1918 г. сотрудничал с красными в деле организации обороны Кавказа от германо-турецкого наступления и согласился стать командующим войсками Терской области³². Упомянул о Мадритове и знаменитый впоследствии генерал А. Г. Шкуро, тогда полковник. По его свидетельству, в Пятигорске «собрались офицеры и своим старшиной выбрали прославившегося партизанскими действиями в Японскую войну генерала Мадритова. У них возник вопрос о необходимости кодификации новых уставов, где были бы приняты во внимание идейные завоевания революции и которые бы строго регламентировали правовое положение офицеров и их взаимоотношения с солдатами. Для этой цели была выбрана комиссия, которая с Мадритовым во главе выехала во Владикавказ, чтобы работать там в сотрудничестве с большевистским правительством Терской республики»³³.

Генерал тогда помог Шкуро освободиться из-под ареста, для чего лично встречался с С. Г. Буачидзе и настаивал на освобождении арестованного, указывая, что «в противном случае и предпринятый им пересмотр уставов бесцелен, ибо казаки будут окончательно восстановлены против большевиков и ни о каком взаимном их сотрудничестве не может быть и речи»³⁴. Освобождение Шкуро имело серьезные последствия для военно-политической обстановке в регионе. После освобождения полковник Шкуро организовал партизанский отряд, с которым совершал дерзкие набеги на различные населенные пункты, начал настоящую партизанскую войну против красных и на короткое время 27 июня 1918 г. захватил Кисловодск, что инициировало казачье восстание на Тереке³⁵.

Полковник Б. Н. Литвинов даже отметил генерала Мадритова как представителя «красной военной власти того времени во Владикавказе»³⁶. По свидетельству Литвинова, Мадритову

³² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 144.

³³ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 103.

³⁴ Там же. С. 109.

³⁵ Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918. Нальчик, 2016. С. 250–257; Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб., 2017. С. 220, 222–223.

³⁶ Литвинов Б. Н. Воспоминания. М., 2017. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и Закаспии. 1918–1920 гг. С. 9.

красное командование поручило восстановление 21-й пехотной дивизии³⁷.

Еще в мае 1918 г. Мадритов возглавил комиссию из девяти человек, включая генералов А. Ф. Барсова, Н. И. Назимко и Б. Д. Франка, по выработке устройства народной армии³⁸. Предполагалось сформировать армию, совершить переворот и присоединиться к Добровольческой армии. В начале июня 1918 г. СНК Терской советской республики согласился на формирование армии. На пост командующего предложили Мадритова. Об этом же просили офицеры-горцы, среди которых генерал пользовался популярностью. Начальником штаба стал генерал-майор М. Г. Фисенко. Мадритов со штабом разместился во Владикавказе³⁹.

В конце июня 1918 г. началось антибольшевистское восстание терского казачества. Во главе выступления стал политический орган — Казачье-Крестьянский совет в Моздоке во главе с эсером Г. Ф. Бичераховым.

Мадритов впоследствии критически отзывался об организаторах восстания и отмечал, что «высшая терская власть и командование не проявило достаточной энергии для создания настоящей армии и в будущем не воспользовалось⁴⁰ подъемом духа казаков после удачного боя под Прохладной; упустили слишком много драгоценного времени в пустых разговорах о создании Терской федеративной республики и об ее месте среди народов будущей тоже федеративной России.

Мы дальше увидим, что организация войсковых частей на Терке несколько не улучшилась в течение последних трех с половиной месяцев, а дух, между тем, упал под влиянием и большевистской агитации и ссор и распрей среди членов казачье-крестьянского совета. К этому еще надо прибавить недружелюбное отношение высших казачьих начальников к русским офицерам-неказакам, выразившееся в недопущении этих офицеров в казачьи части, а, между тем, офицеров в этих частях, можно сказать, совершенно не было ... Казачьи офицеры все почти пристроились по штабам»⁴¹.

---

³⁷ Там же. С. 8.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 21 об.

³⁹ Там же. Л. 22.

⁴⁰ В документе — воспользовалась.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 24 об.

Штабную работу Мадритов также оценивал критически: «В то время, как в штабах сидели люди едва полуграмотные, в станицах проживали офицеры Генерального штаба без всякого дела, и когда они являлись и предлагали свои услуги, не считаясь с чинами и должностями, им резко отказывали. Работа в штабах совершенно не шла, никакой разведки почти не велось, не сумели снабдить войска даже какими-либо картами. Помню, когда понадобилось взять в штабе командующего войсками Н. [К.] Федюшкина карту, то оказалось, что там всего лишь и имеется одна карта»⁴².

6 августа казаки атаковали Владикавказ. Инициатором нападения был Генерального штаба полковник С. В. Соколов, который позднее предложил кандидатуру Мадритова на пост командующего⁴³. Во время нападения Мадритов с полковником Пиотровским был задержан красноармейцами в гостинице Гранд-отель в 5.30 утра. Офицеров вывели на расстрел, но в суматохе задержанные смогли бежать и скрылись в Верхне-Осетинской слободке у знакомого Мадритову с Русско-японской войны осетина⁴⁴.

Бои в городе продолжались двенадцать дней. 14 августа 1918 г. датировано обращение председателя временного исполнительного комитета Терского областного народного совета эсера И. Семенова к Мадритову: «В соединенном заседании Исполнительного комитета с представителями город[ского] самоуправления, самообороны и пол[ковником] Соколовым сего числа постановлено организовать добровольческий отряд из граждан г. Владикавказа для защиты города, а равно в интересах единства управления сосредоточить командование всеми военными силами, подчиняющимися областному народному совету в одних руках. Пост командующего войсками предлагается Вам.

В виду изложенного комитет просит Вас пожаловать для переговоров в здание Городской Думы по возможности не медля по получении настоящего сношения»⁴⁵.

В тот же день Мадритов был назначен командующим всеми вооруженными силами Терской республики⁴⁶. Относительно обстоятельств, при которых поступило это предложение, Мадритов вспо-

---

⁴² Там же. Л. 25.

⁴³ Там же. Л. 29.

⁴⁴ Там же. Л. 27 об. — 29.

⁴⁵ Там же. Л. 48.

⁴⁶ Там же. Л. 49.

минал: «На 10-й день⁴⁷ я получил предложение от Врем[енного] исполнит[ельного] комитета принять командование над всеми отрядами, как в городе, так и во всей Терской области — оказывается это было сделано по предложению полковника Соколова»⁴⁸.

Мадритов согласился. Свои мотивы он впоследствии изложил следующим образом: «Я, получив уверение, что прибывают подкрепления, прибывают орудия и снаряды, полагая, что связь с командующим казачье-крестьянскими войсками налажена, решил принять это предложение, однако предупредив, что я оставляю за собой право во всякий момент покинуть предлагаемый мне пост. Сделал это я не по той причине, которую мне хотели приписать, то есть на случай встречи с войсками Алексева, коего считали предводителем контрреволюционных сил, а просто видя, что среди казачьих частей нет пока никакой внутренней связи, наоборот, существует несколько противоположных течений и взглядов на совершающиеся события»⁴⁹.

Однако вскоре выяснились удручающие реалии: «Прибыв в штаб отряда (на 10-й день операции) я старался в тот же день узнать, каковы силы казачьих отрядов во Владикавказе. Только к вечеру я кое-что мог узнать о правом отряде полковника [Н. Ф.] Рошупкина, ничего не узнал о силах осетин, действовавших в центре и ничего о силах полковника [И. Н.] Беликова на левом фланге. На десятый день операции пришлось формировать сначала команду связи, без каковой, конечно, немислимы военные действия, особенно в городе...

Кто-то говорил, что полковник [А. Д.] Данильченко около города, кто говорил в Архонке, что полковник [Н. К.] Федюшкин посылает какие-то подкрепления, но ничего определенного не было. Вечером на десятый день были собраны начальники, написан приказ о наступлении на утро в 6 часов утра, но этот приказ так и не был исполнен; накануне, как и во все, оказывается, дни, наступавшие днем осетины и казаки, заняв некоторое пространство, вечером уходили: одни (осетины) к себе на слободку (большей частью на грабеж), другие (казаки) — на левый берег реки Терека;

---

⁴⁷ Мадритов пишет о десятом дне боев за Владикавказ, однако его назначение состоялось 14 августа, то есть на девятый день операции.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 29.

⁴⁹ Там же.

артиллерия со своим прикрытием — на Черную речку (12 вер[ст] от города)»⁵⁰.

Политическая обстановка также оставалась крайне смутной. Мадритов позднее отмечал: «Не только на десятый день мне не удалось выяснить, но и теперь я не в состоянии себе представить взаимоотношения: 1) казачье-крестьянского совета, 2) командующего казачьими войсками полковника [Н. К.] Федюшкина, 3) полковника [А. Д.] Данильченко, 4) полковника [С. В.] Соколова, 5) полковника [Н. Ф.] Рошупкина и 6) [И. Н.] Беликова — все было сумбурно-темно»⁵¹.

Разумеется, подобный способ ведения боевых действий с уходом по домам привел к неудаче. Красные заняли отбитое у них здание совдепа и установили в нем пулеметы. Мадритов приказал атаковать здание, но никаких действий подчиненные ему силы не предприняли. Более того, казаки стали покидать Владикавказ. Мадритов считал, что они не хотели воевать. На самом деле в это время казачьи станицы были атакованы ингушами, которым СНК Терской советской республики разрешил окружить восставшие казачьи станицы⁵². Разумеется, казаки потянулись на защиту станиц. В городе остались в основном офицеры-добровольцы, что привело к перелому операции в пользу превосходивших численно красных.

Вечером 17 августа Мадритову со 160 офицерами пришлось покинуть город. Отход производился в станицу Архонскую и селение Гизель. Генерал отмечал: «Я хотел перейти только на левый берег реки и назначил стоянку штаба в школе прапорщиков, надеясь, что не все еще пропало, что мне удастся собрать хоть часть казаков на левом берегу у деревянного моста, но нигде казаков не оказалось»⁵³.

18 августа генералу предписали отправиться в Моздок в Терский казачье-крестьянский совет для организации воинских частей⁵⁴. Мадритов отмечал: «Отдав приказ о формировании офицерских сотен как кадра для полков 21-й пехотной дивизии, назначив общего начальника им полковника [Б. Н.] Литвинова, я выехал в Моздок. Узнав и здесь обстановку, узнав, что Бичерахо-

⁵⁰ Там же. Л. 29–29 об.

⁵¹ Там же. Л. 29 об.

⁵² Бурда Э. В. Терское казачье восстание. С. 333–334.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 30 об.

⁵⁴ Там же. Л. 50.

ву желательно объединить войска казаков и осетин под руководством опытного, как он говорил, политика, генерала [А. П.] Фидарова, известного туркофила, я на станции Котляревской заявил Бичерахову и всем членам правительства, что в их победу над большевиками совершенно не верю при той политике и приемах, какие они себе наметили и ушел с поста»⁵⁵.

Для некоторых участников командование Мадритова осталось практически незамеченным. Так, подъесаул Д. С. Писаренко отмечал, что «во Владикавказе заседал областной народный съезд... С первого же дня он стал предъявлять Соколову одно за другим требования. Не желая нарушать видимость покорности народной власти, Соколов кое-какие из требований выполнил, и в том числе требование о передаче командования в руки избранному съездом генералу Мадритову. Но фактически власть оставалась в руках Соколова, пока обозначилась необходимость оставления города, когда и передача власти, и сам Мадритов оказались ненужными»⁵⁶.

Однако были и те, кто оценивал кратковременную деятельность Мадритова резко негативно. Именно такой отзыв оставил упоминавшийся Мадритовым полковник Б. Н. Литвинов. По оценке последнего, Мадритов, «не успев сформировать у красных 21-ю дивизию, перешел в стан белых и выявился в Ардоне, уйдя вместе с настоящими бойцами из Владикавказа. К сожалению, его имя стало настолько ненавистно господам офицерам вообще и вверенных мне групп в особенности, считавших его скрытым большевиком, что пришлось посоветовать [Н. К.] Федюшкину убрать его»⁵⁷.

Еще из Владикавказа Мадритов отправил офицера Звягина для связи с Добровольческой армией. Посланец смог добраться до штаба армии и сообщить о положении в Терской области. Позднее Мадритов пытался установить постоянную связь, но, по его свидетельству, лидеры Терской республики не проявили особого стремления к этому⁵⁸. Как отмечал Мадритов, «Г. Ф. Бичерахов неоднократно на собраниях еще во Владикавказе считал генералов Корнилова и Алексеева контрреволюционерами, Добровольческую армию — контрреволюционной бандой; я лично слышал

⁵⁵ Там же. Л. 30 об.

⁵⁶ Писаренко Д. С. Терское казачество: Три года революции и борьбы. 1917–1920. Материалы и воспоминания. М., 2016. С. 286.

⁵⁷ Литвинов Б. Н. Указ. соч. С. 63–64.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 34.

от Г. Ф. Бичерахова слова, что еще неизвестно, что нам несет Добровольческая армия, что, быть может, нам (терцам) придется с ней сражаться. Я положительно утверждаю, что была большая возможность во время второго занятия города Кисловодска отрядом полковника Шкуры надавить на город Пятигорск со стороны Мариинской и Зольской и соединиться с полковником Шкурой или, по крайней мере, оказать ему содействие. Я говорил и Г. Ф. Бичерахову, и полковнику Белогорцеву, и генералу Мистулову, что главной задачей следует считать соединение через Пятигорск с Добровольческой армией и, во всяком случае, все, что возможно сосредоточить на Пятигорском фронте, — все было напрасно. Едва случался успех, о Добровольческой армии забывалось, вспоминали при неудаче. Думается мне, не мечта ли о возможности справиться на Терек своими силами с большевиками и предвкушение вслед за этим действительно создать федеративную Терскую народную республику руководили президентом Г. Ф. Бичераховым»⁵⁹.

Осенью 1918 г. Мадритов через Кабарду выехал в Добровольческую армию⁶⁰. В докладе белому командованию Мадритов предпочел не упоминать об обстоятельствах этих событий, по-видимому, в силу их болезненности для самолюбия генерала. Между тем, эти обстоятельства достаточно интересны и драматичны. Дело в том, что Мадритов уходил с Терека не один, а вместе с отступавшими на Кубань, по горным перевалам, на соединение с Добровольческой армией, повстанцами. Эти силы получили наименование Терского сводного (соединенного) отряда. 220-верстный Кабардинский поход проходил с 13 по 22 ноября 1918 г.

Командование отрядом принял генерал-майор Д. Ф. Левшин, начальником штаба стал Мадритов. Однако назначение последнего вызвало ропот. По свидетельству участника похода Б. Н. Литвинова, «офицеры, знавшие его [Мадритова] деятельность по Владикавказу, заволновались, явно не доверяя ему. Это в большой мере осложнило внутреннюю обстановку в отряде»⁶¹. Вскоре к Литвинову «явились старшие офицеры от всех четырех отрядов и доложили, что бойцы настолько не верят генералу Мадритову, что считают пребывание его на посту начальника штаба отряда

---

⁵⁹ Там же. Л. 34 об. — 35.

⁶⁰ Там же. Л. 37.

⁶¹ Литвинов Б. Н. Указ. соч. С. 134.

совершенно невозможным и что могут последовать эксцессы»⁶². В итоге 13 ноября вместо Мадритова начальником штаба отряда стал генерал-майор В. Н. Гусаковский.

Как свидетельствовал другой участник событий, К. А. Чхеидзе, «шли по местам гористым, безлюдным и бесплодным. Продовольствия отряд не имел. Питались случайно. Фуражное довольствие было лучше. Часто попадались стога сена, но не овса. Осень в горах переменчива. Днем бывает жарко. А ночью иногда разыгрываются бури со снегом и т. д. Вследствие голода, холода и утомительных переходов несколько офицеров батальона полковника Литвинова умерли на дороге. Их, кажется, даже не похоронили. Двигался отряд очень медленно. Тяжелая горная дорога, присутствие обозов, беженцев и артиллерии объясняют это. На подъемах и спусках работали люди не меньше лошадей. В некоторых местах приходилось чуть не строить дорогу, накладывать мосты. Были больные и раненые, но медицинской помощи не было. Женщинам, детям, старикам — словом, беженцам приходилось много страдать»⁶³. Действия штаба отряда очевидец оценивал критически: «Штаб не уставал рассылать приказы огромной величины ... Приказы напоминали знаменитые, так зло и умно осмеянные графом Л. Н. Толстым австрийские диспозиции. Предусматривалась мельчайшая подробность, чуть ли не указывалось, где и кому рыть отхожие “ровки” для дам и мужчин. Штаб, разумеется, по соображениям высшей справедливости назначал в авангард, арьергард и т. д., то одну часть, то другую: по очереди. Надо знать, что на этих дорогах, по которым двигался отряд, с трудом могут разминуться две обыкновенные балкарские арбы. Волей и больше неволей начальникам частей приходилось приказы не исполнять или исполнять в видоизмененном порядке. Штаб не особенно следил за исполнением своих распоряжений. Предполагалось, очевидно, что распоряжения, их высокая качественность, будут оценены историей»⁶⁴.

Описание похода Б. Н. Литвиновым совпадает с приведенным выше: «Путь был ужасный; черноземно-глинистая дорога раскисла, волы падали; масса речушек и речек преграждали дорогу; ведь

---

⁶² Там же. С. 135.

⁶³ Чхеидзе К. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде // Заурбек. Книга о З. А. Даутокове-Серебрякове. Нальчик, 2016. С. 227–228.

⁶⁴ Там же. С. 228.

это был Северный Кавказ в октябре! Мостов через них никаких не было; вброд они были глубоки, но повозки с трудом через камни в некоторых местах проходили. Получалась пробка; в холодной со снежком струе лошади застывали и безнадежно останавливались.

Так проползли мы две-три речки, первые от Нальчика, и речку Шалушку. Пехоте приходилось перебираться по арбам и повозкам. Двинулись к более страшной реке Чегему. Естественно, растянулись, повозки с беженцами убивающе застревали и тормозили движение. А выстрелы сзади и справа, как будто, приближались»⁶⁵. Мадритов в этом походе запомнился Литвинову фуражкой с красным околышем⁶⁶.

В конце 1918 г. Мадритов находился в столице белого Юга — Екатеринодаре. В сопроводительном письме к докладу, адресованном генералу А. М. Драгомирову от 16 (29) декабря 1918 г., Мадритов писал:

«Прошу извинения, что задержался с[о] своим докладом, но сильно был болен. Голый и босый шел с Терека и простудился (большевики разграбили все мое имущество — тыс. на 80).

Пишу в докладе правдиво все, что видел, не желая что-либо преувеличивать или скрывать...

Если бы понадобился — готов служить, как привык — верой и правдой»⁶⁷.

Таким образом, Мадритов предложил свои услуги Добровольческой армии. Насколько можно судить, на службу Мадритова не приняли, а его просьба не отличалась настойчивостью. Возможно, сказался негативный опыт вовлечения в Гражданскую войну летом 1918 г.

Данные о деятельности Мадритова в 1919–1920 гг. отрывочны. Вероятнее всего, он жил на занятой белыми территории как частное лицо. Себе в заслугу он позднее ставил спасение от белого террора в Железноводске в 1919 г. 25 коммунистов, позднее из севастопольской тюрьмы Мадритов вывел двух коммунистов⁶⁸. Кро-

---

⁶⁵ Литвинов Б. Н. Указ. соч. С. 128.

⁶⁶ Там же. С. 127, 131.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11об.

ме того, во Владикавказе в 1918 г. Мадритов сохранил от разграбления белыми госбанк.

В советском послужном списке отмечено, что 23 ноября 1920 г., «по занятии красными войсками Крыма, поступил в [Севастопольский] военный комиссариат сначала по снабжению, а затем [на] пост военного руководителя»⁶⁹. Удивительно, что знаменитый генерал не попал под маховик печально известных крымских расстрелов 1920–1921 гг. 27 мая 1921 г. приказом по севастопольскому уездному военкомату № 147 он был уволен от службы⁷⁰.

По данным правнука Мадритова Ю. Ю. Мажурина, в 1919 г. генерал женился на Галине Леонидовне Григорьевой, которая была гораздо моложе самого Мадритова (в послужном списке на март 1924 г. указано, что ей 28 лет⁷¹). По данным семьи, Галина Леонидовна родилась в 1903 г., причем Ю. Ю. Мажурин успел застать ее в живых. Скончалась она в Баку в 1980 г. В Севастополе у Мадритова родилась дочь, которую также называли Галиной (по данным Ю. Ю. Мажурина, в ночь с 31 декабря 1919 г. на 1 января 1920 г.; по данным послужного списка, на март 1924 г. ей было 5 лет). Других детей у Мадритова не было (позднее он усыновил внука). Старшая сестра супруги Мадритова, Валентина, была замужем за полковником В. Н. Зарубаевым (1880–1972), ставшим военным специалистом РККА.

В записке о службе Мадритов впоследствии указал, что служил в Красной армии военным руководителем севастопольского военного комиссариата⁷², затем был «начальником штаба Южной группы Трудовой армии Украины (тогда же был приглашен севастопольским окружным зем[ельным] отделом для приведения в порядок и правильной постановки землеустройства в округе)»⁷³. В послужном списке отмечено, что должность начальника штаба он занимал с 1 июня по 1 ноября 1921 г.⁷⁴ Затем в послужном списке указано — «отзыв ком. группой № 929» по 15 октября 1921 г.⁷⁵ К сожалению, не поясняется, что подразумевалось

---

⁶⁹ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 1об.

⁷² РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁷³ Там же.

⁷⁴ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3.

⁷⁵ Там же.

под этой фразой. По всей видимости, Мадритова отозвали командовать группой.

С 6 декабря 1921 г. Мадритов служил помощником начальника оперативной части штаба приморской крепости Севастополь. В тот период он составил проект организации пограничной стражи на берегах Черного моря. Кроме того, был организатором и заведующим хозяйственно-коммерческой части парусно-моторного общества в Севастополе.

Позднее, 13 декабря 1922 г., Мадритов прибыл в штаб войск ГПУ Украинского военного округа и зачислен в штатный резерв комсостава по должности начальника оперативной части, а 8 сентября 1923 г. был назначен на должность начальника отдела инспекции штаба с исключением из списков резерва⁷⁶. 10 июля 1923 г. «за интенсивную работу по проведению учебного сбора старшего ком[андно-]адм[инистративно-]хоз[яйственного] состава войск округа и за участие свое на съезде в качестве лектора» награжден отрезом сукна на костюм⁷⁷. После реформирования штаба по новым штатам Мадритов 21 сентября получил назначение инспектором внутренних частей войск ГПУ округа, а 18 октября того же года при реорганизации штаба в окружную инспекцию войск ГПУ Украинского пограничного округа его перевели в штатный резерв назначения старшим инспектором⁷⁸. Как позднее свидетельствовал сам Мадритов, при штабе войск ГПУ Украинского военного округа он организовал торговый отдел, а, кроме того, был начальником школы пограничной охраны⁷⁹.

5 февраля 1924 г. Мадритова откомандировали в распоряжение начальника штаба Украинского военного округа, куда он прибыл и 29-го получил предписание отправиться в распоряжение начальника штаба 6-го стрелкового корпуса для допущения к исполнению должности помощника начальника штаба корпуса⁸⁰. Новую должность Мадритов занял 4 апреля 1924 г. Позднее он отмечал, что являлся якобы начальником штаба 6-го корпуса в Одессе, но в действительности свою должность бывший генерал завысил. Тем более, что должность помощника начальника штаба корпуса под-

---

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁸⁰ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3 об.

тверждается в независимых источниках — списке лиц командного состава РККА, окончивших академии в старой армии (по данным на октябрь 1926 г.)⁸¹, а также в картотеке лиц командного состава, хранящейся в РГВА. Наконец, 20 мая 1924 г. Мадритов демобилизовался по предельному возрасту. Уволен в запас по возрасту он был с зачислением в запас по городу Харькову с 19 апреля 1924 г.

Мадритов упоминался и в «Книге учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины». Отмечалось, что он проживал на территории белых, в 1920 г. был взят на учет Харьковской ЧК и проживал в Харькове (Екатеринославская улица, 22)⁸².

Местопребывание бывшего генерала не менялось, по крайней мере, до 1924 г. О дальнейшей его жизни и деятельности свидетельствует обнаруженное нами письмо Мадритова председателю ЦИК СССР Н. Н. Нариманову от 27 февраля 1924 г.:

«Екатер[инославская], 22, кв. 17

Харьков

27/II 1924 г.

Многоуважаемый Нариман Нариманович⁸³.

Простите за беспокойство! Вы, вероятно, помните Автонома Ивановича Победоносцева, директора Бакинской классической гимназии. Пишет Вам брат жены А. И. — Александр Семенович Мадритов, бывший генерал-лейтенант Генер[ального] штаба. 4 года служил в Красной армии и последний год был инспектором войск ГПУ Украинского округа. Теперь мне предлагают должность помощ[ника] нач[альника] штаба корпуса в Александровске⁸⁴, но жить на два дома мне невыносимо. На моих руках жена, ребенок, мать моя 78 л[ет], сестра моя (вдова А. Ив.) 56 лет и 2 племянницы, вдовы с 2 детьми. Хотелось бы быть поближе к Железноводску, где-либо в Ростове, Пятигорске на любой должности. Я окончил

---

⁸¹ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158.

⁸² Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2012. Т. 3. С. 1126–1127.

⁸³ На первой странице печать ЦИК СССР с датой регистрации письма 14 марта 1924 г. № АУ8/11. На документе резолюция: Имею ввиду. Если нужна будет рекомендация, ссылаться на меня. Н. Нариманов. 5/III 1924.

⁸⁴ Речь шла о штабе 7-го стрелкового корпуса, расположенном в Запорожье (бывшем Александровске).

высшее учебное заведение, заведовал большими лесными делами, торговым делом России с Маньчжурией⁸⁵ и Монголией, открыл в Маньчжурии и разрабатывал угольные копи, основал в Маньчжурии пароходное дело. Есть и знания и опыт. Могу служить всюду, где буду полезен, если должность будет давать возможность хотя скромно поддерживать моих стариков. Мне 54 года, я здоров и могу работать без отказа. У белых никогда не служил. Служил в Красной армии не за страх, а за совесть. В старой армии без протекции, без знакомств, но только своим знанием и трудом дошел до должности командующего войсками — был в трех войнах. Сын человека, который 9 лет ходил рядовым и 7 лет офицером. Только благодаря Георгиевскому кресту отца принят был в кадетский корпус.

Все силы, знания и опыт приложу, чтобы принести пользу. Если будете так добры сделать что-либо по существу этого письма, буду бесконечно благодарен, а за меня краснеть Вам не придется.

Уважающий Вас А. Мадритов

Адрес: г. Харьков. Екатеринославская, 22, кв. 17. Александру Семеновичу Мадритову.

Еще раз прошу извинения за причиняемое беспокойство»⁸⁶.

Н. Н. Нариманова Мадритов знал около тридцати лет⁸⁷. Нариманов, насколько можно судить по его резолюции на документе, попытался помочь старому знакомому. После письма бывшего генерала ЦИК СССР запросил Особый отдел 7-го стрелкового корпуса в Александровске, куда предполагалось назначение Мадритова⁸⁸. Впрочем, в Особом отделе о Мадритове сведений не имели. Впоследствии Мадритов подчеркивал, что имел письменную рекомендацию от Нариманова⁸⁹. Высокий покровитель Мадритова скончался в марте 1925 г., поэтому в дальнейшем Мадритову приходилось обращаться за помощью к другим партийным деятелям. Из письма следует, что у Мадритова была большая семья из восьми человек, которую он должен был обеспечивать. Материальное

---

⁸⁵ Китайцы меня знают отлично во всей Маньчжурии с самой хорошей стороны. Знаю хорошо Цзянчжолина [Чжан Цзолия] — нам[естника] Маньчжурии. Знаю хорошо Закавказье, Туркестан (*примеч. А. С. Мадритова*).

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 372. Л. 1–2.

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11 об.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 372. Л. 4.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11 об.

положение бывшего генерала в тот период оставалось крайне затруднительным.

Демобилизовавшись, Мадритов уехал в Азербайджан и устроился (по данным на октябрь 1926 г.) на должность заведующего отделом местного хозяйства и землемера в Кубинском уездном исполнительном комитете⁹⁰. Позднее заведовал отделами в Казахском и Кировабадском коммунхозах (управлениях коммунального хозяйства). В последнем с 1928 г. поднял промышленно-финансовый план на 1680%, ежегодно получал премии, а отдел считался лучшим⁹¹. Мадритов имел право преподавания геодезии до 8-го класса, русского языка, истории и географии.

В 1925 г. в городе Хачмас побывал М. В. Фрунзе. Тогда он лично просил представителя Азербайджанской ССР предоставить Мадритову персональную пенсию, но выполнили эту просьбу лишь через двенадцать лет. По всей видимости, знакомство Мадритова с Фрунзе относилось к периоду их совместной службы в начале 1920-х гг. на Украине (с декабря 1920 г. по март 1924 г. Фрунзе командовал Вооруженными силами Украины и Крыма, работая в Харькове). 7 апреля 1937 г. постановлением СНК Азербайджанской ССР № 2371 Мадритову была установлена пожизненная персональная республиканская пенсия в размере 300 руб. в месяц⁹². Назначению пенсии предшествовало обсуждение на заседании президиума Кировабадского горсовета 23 февраля 1937 г. в связи с заявлением заместителя заведующего земельно-плановым отделом управления коммунального хозяйства Мадритова на имя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова.

Насколько можно судить, Мадритов, не имея возможности решить пенсионный вопрос на месте, написал Ворошилову. В горсовете обсуждали ответ адъютанта наркома о выдаче Мадритову, учитывая его материальное положение, единовременного пособия в 1 000 руб. из резервного фонда горсовета. Кроме того, горсовет, «учитывая заслуги тов. Мадритова в деле организации Красной армии в первые годы революции, проводимую им работу по строительству Вооруженных сил и организации охраны границ республики, а также указание покойного Наркомвоенмора СССР

---

⁹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁹² Там же. Л. 10.

тов. М. В. Фрунзе об установлении тов. Мадритову персональной пенсии — просит Совет народных комиссаров Аз[ербайджанской] ССР установить с 1/1-[19]37 года тов. Мадритову персональную пенсию в размере 500 руб. в месяц»⁹³. Впрочем, о каких заслугах перед Красной армией служившего в Гражданскую войну в антибольшевистских формированиях или уклонявшегося от вовлечения в конфликт Мадритова шла речь, не пояснялось. В конце концов Мадритов стал персональным пенсионером республиканского значения, но СНК Азербайджанской ССР урезал ему пенсию с 500 до 300 руб.

Благодаря архиву графа А. А. Игнатъева сохранилось еще несколько документов Мадритова, относящихся к советскому периоду. Когда в журнале «Знамя» в 1939–1940 гг. вышли в первой редакции воспоминания Игнатъева «Пятьдесят лет в строю», Мадритов с ними ознакомился и написал автору резкое письмо. Переписка двух генералов сохранилась в Российском государственном архиве литературы и искусства и представляет значительный интерес.

Возмущение Мадритова вызвала первоначальная редакция воспоминаний Игнатъева, в которой тот писал:

«Была у нас войсковая разведка — конные отряды генерала Мищенко и полковника Мадритова... Полковник Мадритов уже давно действовал на лесных концессиях у реки Ялу. Куропаткин дважды требовал увольнения со службы этого проходимца, но даже военный министр был бессилён против него, потому что Мадритов был протезе Безобразова. Мадритов кружил в районе к северу от Мищенко, где никогда никаких японцев не было»⁹⁴.

Позднее Игнатъеву под напором Мадритова пришлось внести коррективы в этот текст.

В архиве Игнатъева сохранилось письмо заместителя главного редактора журнала «Знамя» А. К. Тарасенкова на бланке журнала, датированное 29 января 1941 г.:

«Дорогой Алексей Алексеевич!

---

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю // Знамя. 1940. № 10. С. 16–17.*

Один из упомянутых в Вашей книге персонажей — Мадритов — прислал в редакцию “Знамени” большое полемическое письмо на Ваше имя с просьбой передать Вам его, так как он не знает Вашего адреса. Пересылаю Вам это письмо, очень раздраженное по форме.

Если откинуть эту раздраженность, может быть все-таки следовало бы ответить Мадритову, так как он служил в Красной армии и вел себя как будто бы неплохо (это явствует из приложенных им документов).

С тов[арищеским] приветом Ан. Тарасенков»⁹⁵.

К письму прилагался запечатанный конверт с объемным письмом Мадритова Игнатьеву от 21 января 1941 г., отпечатанным на машинке:

«Б[ывший] граф А. А. Игнатьев!!

Туркменская поговорка говорит: “Живые рассказы имеют свидетелями или умерших или отсутствующих”. К моему несчастью я еще жив и могу ответить Вам. Сказал я к несчастью, т. к. моя жизнь в обстановке и материальной и духовной очень тяжела (чтобы не сказать невыносима). Скажите, граф, для чего Вам надо было непременно постараться замарать мое имя, для чего Вам надо было сказать ложь. Статс-секретаря Безобразова я в первый раз в жизни увидел в стенах Офицерской кавалерийской школы, куда я был по своей просьбе командирован после Боксерского восстания.

Приехавши ко мне 19 декабря 1902 года гр[аф] Безобразов заявил мне: “С одобрения правительства создается лесопромышленное т[оварищес]тво в Маньчжурии для использования концессии Бринера по разработке лесов на р. Тумень-Ула и Ялу. Что нужно как можно скорее начать эксплуатацию лесов и получить концессию от китайского правительства. Во главе этого дела на месте т[оварищес]тво решило поставить Вас как знатока Восточной Маньчжурии и Кореи и как пользующегося любовью населения и авторитетом у китайских властей”. Далее гр[аф] Безобразов заявил мне, что я буду вызван к военному министру, с коим все обсуждено.

Действительно, 28 декабря 1902 года я был вызван к А. Н. Куропаткину, который сказал мне: “По воле государя Вы командуетесь в Порт-Артур в распоряжение адмирала Алексева и станете во гла-

---

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 2.

ве Русского лесопромышленного товарищества. Уехать Вы должны как можно скорее”.

Вы, граф, на балу в Зимнем дворце не могли отказаться от мазурки с великой княжной Ксенией Александровной, как же я мог послушаться повеления государя. Получив предписание, я 29 декабря 1902 года выехал в Порт-Артур, организовал контору и начал действовать. Что я сделал, Вы увидите из прилагаемой при сем записки. В августе месяца 12–15 числа в Артур прибыл из Японии А. Н. Куропаткин и заявил мне, что в Японии считают, что лесопромышленное товарищество — это государственное предприятие, т. к. во главе стоит подполковник Генерального штаба и предложил мне или выйти из товарищества или подать в отставку. Я сказал ему, что он сам направил меня на это место и, конечно, после его слов уйду из товарищества. 10 сентября я, съездив в Петербург и сдав дела товарищества, перешел на службу в штаб заместителя, а в октябре 1903 года высочайшим приказом назначен был начальником штаба 7 Сибирской стрелковой дивизии. После 10 сентября я никогда больше не видел ни Безобразова и никого из других деятелей товарищества. Таким образом, Ваша, граф, первая часть обвинения меня отпадает.

Вторая часть также не верна. Генерал Мищенко со своей дивизией (Забайкальской) направлен был в начале войны в Корею через Ялу к Аньчжу и Пиньяну, я же с летучим отрядом своего имени, организованном генералом Линевицем только в половине марта, [должен был] двинуться в Корею через г. Хуаньженьсян и Татунгоу, чтобы, проникнув, по возможности, южнее, произвести разведку в районе Аньчжу, Гензана, узнать, что там происходит. 10 апреля я перешел р. Ялу с отрядом в 400 шашек и 200 человек конных стрелков и 28 апреля имел уже непреднамеренный бой с японцами у г. Аньчжу⁹⁶. Об этом в газете “Новое время” в корреспонденции из Лондона (в мае 1904 года) писалось, что конный отряд русских появился у г. Аньчжу в тылу у японцев (Куроки в это время переправился уже через р. Ялу в Маньчжурию), что отряд в среднем делал по горным тропинкам 40–50 верст в сутки. Разведав все, что мне было поручено, собрав все сведения по дороге на Пиньян, побывав на окраинах Гензана, я с 49 ранеными (15 было убито) вернулся на левый фланг нашей армии и стал у г. Хуанженеян; здесь я все время охранял ле-

---

⁹⁶ См. «История русско-японской войны Апушкина стр. 58 и 118» (примеч. А. С. Мадритова).

вый фланг армии, имея постоянные бои и стычки сначала с войсками г[енерала] Куроки, а затем г[енерала] Кавамуры.

Никогда такого случая не было, чтобы г[енерал] Мищенко действовал на юге, а я был севернее его. Отряд мой за войну то увеличивался до 15–18 сотен 2-х полков, — 20 орудий, то уменьшался до 10 сотен и батальона при 8–10 орудиях. Действия мои здесь облегчались тем, что я отлично знал местность, и население относилось ко мне доверчиво, дружелюбно, т. к. еще с 1900–1901 г., постоянно действуя здесь против хунхузов, я⁹⁷ помог китайцам обсеменить их поля, приобрета⁹⁸ для них до 45 т[ысяч] пудов семян.

Китайцы возвратили деньги и 30 крупнейших селений Маньчжурии избрали меня своим почетным судьей, а в г. Ляояне после 1901 г. была названа та улица, где когда-то я останавливался, “Мадритовской” (см. Исторический вестник за 1907 г. “Пролог Русско-японской войны” Глинского). После Ляояна я получил из штаба ген[ерала] Куропаткина просьбу составить схему местности к северу от широты Ляояна и к востоку от меридиана Фушуньские копи. Таковую схему я составил с показанием дорог, селений, перевалов и отправил в штаб армии. Я со своим отрядом всегда стоял впереди фронта армии и после мукденских боев⁹⁹ забыт был с отрядом всеми, никто не сообщил мне, что армия отступает к Телину, я остался в тылу у японцев и мне с большими жертвами и опять-таки благодаря знанию местности [удалось] выйти из окружения, пробившись к г. Тунхуансян, уже занятому¹⁰⁰ японцами. Снова я стал впереди генерала Ренненкампа, стоявшего на Хайлунченских позициях, а я — у с. Кушандцы в 85 верстах к югу от Хайлупчена. В августе м[еся]це перед самым перемирием мною был захвачен г. Тунхуансян, где я взял в плен 2 роты японцев. О моей деятельности в Японскую войну можно прочесть и в газетах и в истории войны и др[угом] (см. в [газете] Новое время статья ротмистра Ельца, книга Козлова “В тылу у японцев”, его же книга “Военные рассказы”, Краснова статьи и др[угих], а генерал Кордонье, начальник французской военной академии, посвятил мне целую главу в своей книге “Японцы в Маньчжурии” (на французском языке)).

---

⁹⁷ В документе — и.

⁹⁸ В документе — приобрев.

⁹⁹ Далее от руки ошибочно вписано — был.

¹⁰⁰ В документе — занятый.

О боевых моих действиях в войну 1900–1902 (боксеры)¹⁰¹ см. “Разведчик” 1901 г. № 568, 570, 572, 573. Ни одна экспедиция ни в Восточной Маньчжурии, ни в Монголии не проходила без участия отряда есаула Мадритова (потом — подполковника Генер[ального] штаба).

Дальнейшая моя военная карьера была только в строю — нач[альник] штаба 7[-й] кавал[ерийской] дивизии, к[оманди]р 30[-го] пехотного] Полтавского полка, командир 1[-й] бригады 5[-й] Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, начальник 56[-й] пехотной дивизии и атаман Семиреченского войска и к[оманди]р отдельного корпуса, который был предназначен из Туркестана в Персию (к ген. Баратову).

В Империалистическую войну под Лодзью ген. Шейдеман (к[омандующий] 2^я арм[ией]) поручил лично мне, бригадному, с начала боев под Лодзью до окончания их (22 дня) командование 2[-м] Сибирским стрелковым корпусом при наличии в штабе корпуса и командира корпуса ген. Сычевского, и начальника 4[-й] Сибирской стрелковой дивизии г[енерала] Крузе. Приняв 56[-ю] пехотную дивизию, прозванную даже немцами “Занеманским беговым обществом”, я в течение 1 месяца сделал из дивизии славную боевую часть, которую посылали и на другие фронты, где была неустойка (прочтите г[енерала] Свечина, Лемке, “Вооруженный пролетариат” № 1 и 2–1922 года, книгу Д. Смолина, где мне посвящена глава (кн[ига] “Триумфальное шествие”)).

За свою действительно строевую службу я участвовал лично в 285 сражениях, боях и стычках, награжден всеми орденами от “Анны 4-ой” до Белого Орла и все с мечами, за военные отличия. В мирное время мне не удавалось ладить с начальством, и ни одного ордена в мирное время я не получил.

У меня имеются несколько писем от генерала Куропаткина, очень для меня лестных. Между прочим, приглашая меня служить с ним в Туркестане в 1916 году, он писал в телеграмме: “Прошу о назначении Вас в Туркестан. Край взволнован, потрясен. Требуются ум, твердая воля, умение завоевывать сердца. Все это имеется у Вас вместе с моим доверием и уважением. А. Куропаткин”.

Моя служба Сов[етской] власти изложена в приложении к сему. Я несказанно был удивлен, зная Вас, зная Вашу службу по военно-

---

¹⁰¹ Правильно — 1900–1901 гг.

дипломатической части (воен[ным] атташе) Вашим выпадом против меня; Вы, как состоявший в штабе Маньчжурской армии, должны были быть знакомы с обстановкой и службой армий, корпусов и отрядов и сказать, что Мадритов стоял севернее г[енерала] Мищенко и не видал японцев — для меня это совершенно непонятно. Почтенный отец Ваш учил Вас: “Пиши только правду” (см. Ваш труд), но Вы забыли это наставление, и я полагаю, что Ваши предки, смотревшие на Вас со стен Зимнего дворца, покраснели бы в своих рамах за Вашу неосторожность.

Для меня Вы сделали жизнь невыносимой, и это на 72 году жизни, после верной и честной службы в течение 54 лет Родине, т[ем] б[олее] это тяжело, что некое учреждение высокое (Собес) отнеслось к нему с легкомысленной серьезностью, упрекнув меня в том, что пользовался особым доверием царского правительства. На самом деле я могу вместе с поэтом Беранже сказать: “Я не имел никогда ничего общего с бытом и психологией аристократических раззолоченных клеток”. Всю свою жизнь военную я провел на окраинах вдали от “суеты придворной”; все чины и ордена заслужил честно в бою, не имея ни связей, ни покровителей. Полагаю, что Ваши фразы обо мне могут быть объяснены только лживыми рассказами некоторых Ваших товарищей по Генштабу, кои не могли простить “высочке из низов”, что этот высочка обогнал их в чинах. В 1906 г. Столыпин предлагал мне должность градоначальника г. Баку, а Воронцов-Дашков (наместник Кавказа) — должность генерал-губернатора Кутаиси. Мне, полковнику 36 лет, давали возможность получить высокое генеральское положение, что вскружило бы голову другим, но не мне. Я наотрез отказался, и за это лишен был возможности получить даже скромную должность на Кавказе.

Между прочим, Вы поднимаете в Вашей статье вопрос, кто виноват в исходе войны с Японией? Совершенно согласен с Вашим кучером — виноваты генералы, не бывшие в состоянии отбросить распри и зависть, даже защищая Родину, а, во-вторых, конечно, виноваты офицеры Генерального штаба, находившиеся в штабе армии, смеявшиеся и трунившие над распоряжениями, выработанными по их докладам; в самые серьезные моменты войны они находили возможным только составлять плоские стишки и песни. В то время, как армии отступали, когда измучившиеся солдаты изнемогали от лишений войны, чины штаба распевали:

“А на Сунгари, ах, что-то будет
Вода прибудет —
А где же мост?”

“Над кем смеетесь, над собой смеетесь” Гоголь.

Перепутывание, дробление частей, разношерстные отряды, в чем виновен, конечно, Алексей Николаевич¹⁰², все же не имели бы такого скверного результата, если бы офицеры Генер[ального] штаба сознавали бы все страшные, суровые последствия их личного легкомыслия.

Прошу удостоить ответом на это мое письмо способом, какой под- скажет Вам Ваша совесть¹⁰³.

Мадритов»¹⁰⁴.

В письме был указан адрес — Азербайджанская ССР, Кировбад, улица Касум-Исмаилова, 13.

Письмо Мадритова демонстрирует не только проявление его возмущения написанным Игнатьевым, но выдает желание почти наверняка одинокого в смысле общения с людьми ушедшей эпохи бывшего генерала выговориться, найти собеседника из своего прежнего круга. Одновременно это и попытка заслуженного, но недооцененного и забытого исторического деятеля напомнить о себе, добиться признания, подробно рассказать о своей жизни до революции, в особенности об участии в событиях на Дальнем Востоке в начале XX века. В письме множество описок, включая внесенные от руки поперх машинописи. Видимо, Мадритову уже трудно было отпечатать и отредактировать такой текст. Интересно и то, что характеристика Мадритова из книги Игнатьева не прошла незамеченной в то время даже в себе — социальные работники в 1941 г. читали мемуары. К письму прилагались различные документы о жизни и деятельности автора послания. Заявленная переписка представляет собой едва ли не единственное личное свидетельство о советском периоде жизни Мадритова.

Игнатьев откликнулся телеграммой в три строки:

---

¹⁰² Куропаткин.

¹⁰³ Никогда и никто не может упрекнуть меня в каком-либо предосудительном проступке ни в служебном, ни в обществ[енном] отношениях. Моя совесть чиста. А. Мадритов (*примеч. А. С. Мадритова*).

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 3–9.

«Понимаю Ваше негодование, скорблю [за] причиненную обиду, восстановлю правду, сославшись на источники, введшие в заблуждение, пришло исправленную редакцию. Игнатьев»¹⁰⁵.

1 февраля Мадритов пишет Игнатьеву новое письмо, несколько более доброжелательное:

«т. А. А. Игнатьев! Был в отсутствии, когда была получена Ваша телеграмма. Благодарю Вас за скорый ответ. Но... должен Вам сказать, что Ваша фраза: “Сошлюсь на источники, введшие в заблуждение” меня несколько удивила. Я не знаю ни одного источника, который бы ясно, документально доказывал бы, что я сделал что-либо позорное. Нет, этого никто не писал и доказать никто не может! Ссылки же на бездоказательные факты, факты понасыльшке не могут оправдать слов обо мне в Вашем труде и повторение чужих слов без фактических данных вызовет дальнейшие действия с моей стороны, т. к. мне, конечно, необходимо добиться полной реабилитации. И это Вы легко можете сделать и тем не только не унижить себя, но, наоборот, показать себя честным, но неосторожно, несправедливо задевшим меня человеком и ген[ерал] -майором славной Красной армии. Уверен, что Вы учтете то положение, в которое поставили меня — зачем эти несчастные фразы понадобились Вам — совершенно не понимаю.

В моем письме первом вкралась неточность: А. Н. Куропаткин приехал из Японии в Порт-Артур не в августе, как я написал, а в конце июня, и я вышел из т[оварищес] ва уже в конце июля (съездив в Петербург). В ст[атье] Глинского “Пролог Русско-японской войны” много написано со слов корреспондента из г. Владивостока г. Нето и освещено многое неправильно, но сам же Глинский опровергает многое тем, что указывает время совершенных г. Балашевым безобразий, а это время показывает, что тогда я уже не был в т[оварищес] ве. Наместник посылал меня на место именно для прекращения неразумных действий Балашева.

Желал бы для того, чтобы окончить этот печальный и для меня и для Вас инцидент, чтобы Вы все же прислали мне предполагаемый Вами ответ на мое письмо.

С тов[арищеским] прив[етом] А. Мадритов»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 13–13 об.

Игнатъев написал более развернутое письмо, отправленное 14 марта 1941 г.:

«7 февраля я получил Ваше письмо, на которое и спешу ответить. Не менее Вас я скорблю за невольно причиненную Вам обиду, явившуюся следствием неуместного выражения редактора моей второй книги “50 лет в строю”, за что и приношу Вам искреннее извинение. При описании Русско-японской войны мне приходилось порой обращаться к документам, и я чрезвычайно огорчен, что один из источников, по-видимому, не соответствует действительности.

Чтобы не быть голословным, обращаю Ваше внимание на “Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне — итоги войны”, изд[анные] в Берлине [в] 1909 год[у] и привожу точную выписку со стр. 159, где речь идет о “Предприятии на Ялу, чисто коммерческого характера... мною заявлено было мнение о необходимости вовсе прекратить его. Я добился отозвания нескольких офицеров, участвовавших в предприятии и предложил подполк[овнику] Мадритову, заведовавшему военно-полицейской частью предприятия, подать в отставку или бросить не соответствующую, по моему мнению, для офицера, носящего мундир Генерального штаба, должность. Мадритов выбрал первое”.

Вот точная выписка, изменена лишь орфография.

В войну 1904–[190]5 гг. мне пришлось с Вами встречаться лишь мельком, я Вас знал слишком мало, и уже одно это объясняет, что я не мог исходить из каких-либо личных побуждений, чтобы причинить Вам столь незаслуженное оскорбление, за которое и винюсь чистосердечно.

В выходящем отдельном издании моей книги в соответственном месте редакция будет надлежаще исправлена.

Позвольте позжать Вашу руку и примите уверение в моем совершенном уважении»¹⁰⁷.

После письма в деле сохранился отрывок воспоминаний Игнатъева о Мадритове в новой редакции с датировкой 27 апреля 1941 г.¹⁰⁸ Этот текст соответствует процитированному нами в начале статьи.

---

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.

¹⁰⁸ Там же. Л. 3.

Казалось бы, инцидент исчерпан. К тому же вскоре началась война, прервавшая переписку. Однако в конце войны и после нее Мадритов дважды пытался возобновить эпистолярное общение с Игнатьевым. Первая попытка датирована 9 сентября 1944 г. Тогда Мадритов адресовал письмо в редакцию журнала «Знамя» с просьбой передать послание Игнатьеву:

«Ув[ажаемый] т[оварищ] Игнатьев!

Ваша телеграмма и письмо давали мне надежду получить от Вас Ваши воспоминания в исправленном относительно пасквиля¹⁰⁹ издании. Долго я ждал, но и до сих пор ничего не получил. Прошу Вас прислать мне обещанное и, во всяком случае, непременно М. И. Калинину и Б. М. маршалу Шапошникову¹¹⁰, что Вы были введены в заблуждение строками А. Н. Куропаткина, каковые строки, во всяком случае, все же не давали Вам права отозваться обо мне так, как Вы это сделали, а это нанесло мне много неприятностей, кои продолжаются и донныне. Я в 1902–[190]3 г. был главноуполномоченным русского товарищества, а не заведовал военно-полицейской частью, каковой у меня. и не было. У меня были вооруженные дружины под командой офицеров действительной службы. У меня в руках были и дело и деньги. Прошу Вас не отказать то, что Вы скажете обо мне т. Калинину М. И. и Б. М. Шапошникову сообщить письменно т. Кулиеву, пред[седателю] СНК Аз[ербайджанской] ССР (Баку), т. к. это необходимо для моей реабилитации в Аз[ербайджанской] ССР, где до Вашей заметки я занимал почетное место, и мое имя не было ничем запятнано. До 1 ноября жду телеграммы об исполнении моей просьбы.

Между прочим, в управлении кадрами Н[ародного] к[омиссариата] обороны из Кировабадского военкомата имеется полная моя автобиография с материалами. Надеюсь и на то, что редактор журнала “Знамя”, который, как Вы писали, извратил Вашу мысль (обо мне) не откажется также извиниться передо мной.

Вы нанесли мне как нравственный, так и жестокий материальный ущерб, а потому доклады М. И. Калинину и Б. М. Шапошникову, а также письменное отношение к Пред[седателю] СНК Аз[ербайджанской] ССР считаю необходимыми и обязательными для при-

---

¹⁰⁹ Возможно, — пасквили.

¹¹⁰ Так в письме.

личного человека в общем и г[енерал-]м[айора] славной армии в частности. С нетерпением жду ответа. Ув[ажаящий] Вас А. Мадритов»¹¹¹.

Адрес изменился, теперь Мадритов указал улицу Шаумяна, 123¹¹², «Сантрест» управления коммунального хозяйства Киров-абада.

Заявитель стал требовать от Игнатъева обращения в целях опровержения к высшим должностным лицам (М. И. Калинин, Т. И. Кулиеву, Б. М. Шапошникову), а также извинений редактора журнала «Знамя». Навязчивые претензии и ультимативное требование становились неприемлемыми. Разумеется, ответа на такое письмо не последовало.

Мадритов не успокоился и почти через два года, 25 июля 1946 г., вновь написал Игнатъеву через редакцию «Знамени»¹¹³:

«Любезный генерал. Много лет прошло с тех пор, как Вы поместили в журнале “Знамя” недостойную меня фразу. Вы телеграммой и двумя письмами извинились передо мной и обещали во втором издании Ваших воспоминаний исправить редакцию, и книгу прислать мне. До сих пор книги этой я не получил, а между тем Ваши фразы в первом издании послужили для меня источником больших неприятностей. В 1937 году по инициативе т. Ворошилова и т. М. В. Фрунзе (письменного указания последнего) по протоколу президиума Кировобадского горсовета 23 февраля 1937 г. и согласно постановления Аз[ербайджанского] СНК 7 апреля 1937 г. за № 2371 мне была назначена пожизненная персональная пенсия в сумме 300 р. в месяц. В октябре 1939 года выплаты пенсии мне были прекращены, и когда я запросил причину этого, то мне ответили из аз[ербайджанского] собеса, что у меня не хватает каких-то документов, а в последующем отношении, что мне не выдают пенсии из-за Вашей заметки в журнале “Знамя”. Нелепость ответа видна из того, что пенсию мне перестали выдавать в [19]39 году, а Ваша заметка появилась в 1941 году¹¹⁴. В 1942 году деятели аз[ербайджанского] собеса разграбили кассу

---

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 14–14 об.

¹¹² Видимо, ошибка, т. к. в других письмах — 193.

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 15.

¹¹⁴ На самом деле — в 1940 г.

аз[ербайджанского] собеса 1 600 000 рублей. Седьмой год я тщетно пытаюсь восстановить свои права и, наконец, 26 июня сего года подал заявление великому нашему вождю т. Сталину. За семь лет я продал все свое имущество и нахожусь ныне с женой и ребенком, усыновленным мной внуком¹¹⁵, в самых ужасных материальных условиях. Прошу Вас, любезный генерал, справиться в секретариате т. Сталина, получено ли мое заявление от 26 июня сего года, посланное мной т. Сталину. Я, конечно, не сомневаюсь в положительном ответе нашего вождя, тем более, что в законе и в инструкции о п[ерсональных] пенсионерах указано, что п[ерсональные] пенсионеры не могут быть лишены пенсии без следствия и суда. Исполнением этой просьбы и высылкой мне Вашей книги Вы глубоко обяжете уважающего Вас А. Мадритова.

Р. С. Желательно было бы уведомление о наличии моего заявления т. Сталину получить телеграфно, т. к. очень тяжело находиться в том бедственном положении, в коем я нахожусь.

Два года, как я пишу книгу "Шестьдесят лет службы Родине". Тяжелое материальное положение сильно отразилось на моем зрении, в виду чего мне придется быть в Москве на операции глаз.

Уважающий Вас А. С. Мадритов»¹¹⁶.

Новое письмо с требованием обратиться в секретариат И. В. Сталина адресат также получил, но и на этот раз отвечать не стал.

Сведения, предоставленные правнуком Мадритова Ю. Ю. Мажуриным, позволили установить дальнейшую судьбу генерала. На склоне лет Мадритов жил в Гяндже (Кировабад) и в Баку. Из приведенного выше письма Нариманову следует, что с Баку была связана сестра Мадритова. По данным правнука, Мадритов скончался там в конце 1950-х гг.

***

Гражданская война стала сложнейшим периодом для представителей военной элиты русской армии, которым приходилось делать тот или иной выбор. От принятых или непринятых решений подчас зависела жизнь человека и его близких.

---

¹¹⁵ Речь идет о внуке Мадритова Игоре Александровиче (1940–1978).

¹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 16–17.

Генерал Мадритов в начале конфликта оказался в районе Кавказских Минеральных Вод, ставшем одним из очагов противостояния летом 1918 г. Как один из старших начальников в этих местах и популярный военный деятель Мадритов был выдвинут офицерской массой и представителями горцев на руководящий пост командующего войсками Терской республики. Этот пост он принял в период неудачных для противников большевиков боев за Владикавказ в августе 1918 г. Вскоре, осознав тщетность своих усилий, Мадритов оставил должность и уехал в Добровольческую армию.

По всей видимости, первого опыта вовлечения в Гражданскую войну оказалось достаточно. Мадритов смог лично убедиться в крайней сложности обстановки, слабости антибольшевистских сил, наличии в их среде острейших противоречий и конфликтов, препятствовавших успеху дела, политических играх в тылу в период ожесточенного противостояния на фронте. И хотя в конце 1918 г. Мадритов предложил свои услуги белому командованию, насколько можно судить, на получении назначения не настаивал. В дальнейшем генерал, видимо, вплоть до 1920 г. жил на территории белых, но не служил у них. После Гражданской войны осел в Харькове, вступил в ряды Красной армии, в том числе занимал пост инспектора войск ГПУ Украинского военного округа. В советское время Мадритов скрывал свое руководство антибольшевистскими силами в период боев за Владикавказ. В частности, в послужном списке и в письме видному большевику Н. Н. Нариманову он утверждал, что у белых не служил. Обращает на себя внимание и готовность Мадритова добросовестно служить в разные периоды как белым, так и красным.

В середине 1920-х гг. по семейным обстоятельствам Мадритову пришлось оставить привычное военное дело и перейти на хозяйственную работу. В 1937 г. в Азербайджанской ССР он стал персональным пенсионером. Репрессий избежал и, насколько можно судить, прожил долгую жизнь до конца 1950-х гг. К сожалению, подробности его советской биографии все еще остаются малоизвестными.

В. А. Козлов, М. Е. Козлова

СОВЕТСКИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ
ПРАКТИКИ В «МАЛЕНЬКОМ СССР»,
1945–1949

(по материалам Советской военной
администрации в Германии)

Феномен комендантского снабжения

Как накормить сваговца?

Вещи: необходимость и мечта

Женский потребительский протест. Casus belli 1947 года

Барахольство как дилемма

Немецкая вещевая «экспансия»

Одним из ключевых открытий исторической социологии и социальной истории сталинизма в последние десятилетия стало обнаружение в советском социуме 1930–1940-х годов своего рода «серых зон» и относительно свободных пространств¹, куда сталинизм с его партийно-государственной навязчивостью пробивался

---

¹ Говоря о подобных явлениях, французский историк Н. Верт использует выражение Т. Г. Ригби «shadow culture» («теневая культура»), а также употребляет такие разработанные немецкими историками, вслед за А. Людке, понятия, как «личное пространство» и даже «забронированная область». См.: *Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система.* М., 2010. С. 336, 356 (прим. 1). О «свободных зонах», «защищенных или защищающихся от институциональных давлений», писала также Н. Н. Козлова. См.: *Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность.* 1992. № 3. С. 47–56.

с боем, но так и не пробился. Затаившиеся в повседневности практики уклоняющегося поведения, в том числе, а может быть, в первую очередь, *поведения экономического, потребительского, обывденного*, существовали под гнетом лишь на первый взгляд тотального контроля. Они не выпячивали себя, маскировались, мимикрировали, но, так или иначе, обеспечивали частное существование «сталинского человека» под пристальным оком государевым. Закрытые бытовой маскировочной сетью подобные социальные явления рождались и перерождались, не вступая в прямой конфликт с режимом, и мало зависели от его воли и желаний. Страх и репрессии могли лишь сжимать шагреновую кожу свободных и «серых» зон, превращая их в «черные» зоны повышенной опасности, но никогда не уничтожали их дотла. Поместив «сталинского человека» в необычные для него условия оккупированной Германии, история поставила уникальный социальный эксперимент, который не только раскрыл необычные грани советской повседневности, но и обнаружил способность закостенелых советских потребительских практик к существенным трансформациям, в известном смысле создал своеобразную «оккупационную» потребительскую субкультуру².

Несмотря на значительное количество работ по истории советской повседневности, в том числе повседневности сталинской³,

---

² Ответ человеческих сообществ на вызовы власти — политические, экономические, идеологические, как отмечают некоторые социологи и историки, может не только воплощаться в «форме ускользания и социокультурного сопротивления», но даже приводить (в конечном счете или в ряде случаев) «к возникновению противостоящих власти субкультур». См.: *Королев С. А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды*: http://e-notabene.ru/article_709.html.

³ Назовем две наиболее общие работы на эту тему: *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы*. М., 2001; *Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953*. М., 1999. Историографию вопроса см.: *Янковская Г. А. Историографические образы позднего сталинизма // Астафьевские чтения. Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России*. Пермь, 2009; *Агеева В. А., Мерзляков М. П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*. 2017. № 2: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyy-mir-sovetskogo-obschestva-kak-predmet-izucheniya-otechestvennyh-issledovateley>; *Казанков А. И., Лейбович О. Л. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. Ис-*

обыденные навыки и потребительские привычки эпохи позднего («имперского», «классического») сталинизма (за немногими исключениями) затрагиваются историками обычно мимоходом. А порой этот период и вовсе выглядит зияющим временным провалом. Некоторые исследователи повседневного потребления (не снабжения, а именно потребления) склонны сразу переходить от довоенного периода к хрущевскому и брежневскому времени. Если они иногда и включают конец 1940-х — начало 1950-х гг. в свой хронологический ряд, то ничего конкретного о практиках потребления не сообщают.⁴ В отдельных работах «ранний» (1930-е гг.) и «поздний» (1945–1953 гг.) сталинизм как бы сливаются друг с другом.⁵ В статье О. Гуровой, предпринявшей попытку создать периодизацию «идеологии потребления», эпоха позднего сталинизма просто растворилась в воздухе.⁶

Для послевоенной потребительской истории особый интерес представляет первое массовое соприкосновение «сталинского человека» с людьми и вещами западного мира. Вопрос о «заграничных» бытовых воздействиях не только вписывается в историю сталинской борьбы с космополитизмом и «чуждыми буржуазными

тория. 2017. Вып. 3 (38); Кринко Е. Ф., Минц М. М. Повседневная жизнь советского общества в сталинскую эпоху. (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2012. № 1: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/2012-01-021-mints-m-m-povsednevnyaya-zhizn-sovetskogo-obschestva-v-stalinskuyu-epohu-referativnyy-obzor>; Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010; Прицев Д. А. Повседневная жизнь послевоенного советского общества в 1945–1953 гг. в российской историографии // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Мінск, 2013: <https://www.twirpx.com/file/1534261>; Пушкарева Н. А. История повседневности как направление исторических исследований: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>, и др.

⁴ Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Сб. ст. Новосибирск, 2005. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011. К сожалению, вопреки названию, авторы исключили из рассмотрения вторую половину 1940-х годов.

⁵ Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. Советская социальная политика и повседневность. 1940–1980 гг. // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 12.

⁶ Гурова О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Сб. статей. Новосибирск, 2005. С. 21.

влияниями» — его изучение способно задать адекватный исторический контекст для понимания позднесоветских проблем «вещизма» и потребительского индивидуализма, с которыми иногда связывают делегитимизацию коммунизма в СССР. Частные аспекты проблемы западных вещевых потоков в послевоенное время лишь попутно затрагивались отдельными историками. Об обеспечении населения одеждой за счет гуманитарной помощи, поступавшей главным образом из США и Великобритании, пишет в своей книге 1999 года Е. Ю. Зубкова. К сожалению, все свое внимание исследователь сосредоточила на двух локальных эпизодах — «номенклатурных» злоупотреблениях администрации Урало-Сибирского округа железных дорог и Свердловской железной дороги при распределении вещей, полученных из США.⁷ Н. Лебина в своей недавней книге «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» также зафиксировала в послевоенные годы канал «американского» вещевого влияния. «В 1945–1946 годах, — пишет исследователь, — в СССР стали поступать частные посылки из США. Эта была организованная и одобренная в правительственных верхах обеих стран акция. Советские властные структуры регулировали процесс распределения «американских подарков», в числе которых были в первую очередь одежда и обувь».⁸ Оба названных выше автора ни слова не говорят о гораздо более мощных (трофейном и репарационном) вещевых потоках из оккупированной Германии. Зато эту тему мимоходом затронули Т. Н. Никонорова («Конструируя роскошь: бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы») и Е. Д. Твердюкова («Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.).⁹ Заметим с сожалением, что навыки

---

⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 58.

⁸ Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015: <https://www.twirpx.com/file/1704331>.

⁹ См.: Никонорова Т. Н. Конструируя роскошь: Бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы // *The Soviet and Post-Soviet Review*, № 43 (2016, 2). Pp. 235–238: https://www.academia.edu/33516998/the_soviet_and_post-soviet_review_43_2016_219-242; Твердюкова Е. Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–

«вещного» потребления, приобретенные *рядовым* «сталинским человеком» в оккупированной Германии, вообще не рассматриваются в историографии. И, наконец, полностью отсутствует интерес историков к истории продовольственного снабжения рядовых сотрудников Советской военной администрации (о питании начальственной номенклатуры СВАГ можно и нужно говорить особо), хотя эта разновидность снабжения, будучи во многих отношениях привилегированной, в то же время несла в себе все обычные советские пороки — низкое качество, дефицит, очереди, отравлявшие заграничную жизнь сваговцев.

Обращаясь к теме особенностей «потребительского» существования советского оккупационного сообщества в Германии, авторы попытаются проанализировать трансформации обычных потребительских практик и систем снабжения в их соприкосновении с немецкой реальностью, выявить способы и механизмы «обтекания» «сталинским человеком» ограничений, запретов и норм, установленных государством, воспроизвести снабженческие иерархии и рассмотреть специфическую культуру «самостоятельных» из формальных правил, получившую неожиданное распространение в СВАГ. Для того чтобы подойти к решению этих задач, нам пришлось верифицировать и поставить под сомнение оценки, содержащиеся, в частности, в официальной истории Управления торговли и снабжения СВАГ. Авторы этого многостраничного документа, предназначенного для начальства и одобренного руководством, пытались убедить своего читателя, что «за весь период оккупации Германии» снабжение сотрудников производилось «бесперебойно». Продукция «отпускалась потребителям строго по кондициям», а выбранные для поставок предприятия производили лишь качественный товар.¹⁰ Мы оценили и проверили достоверность этой бюрократической «поэмы» и попытались восстановить по первичным документам гораздо более противоречивую снабженческую картину. Заметим попутно, что истории управлений СВАГ, написанные в 1948–1949 гг. по приказу Главного начальствующего, — источник особый, жёстко укладывающийся в прокрустово ложе официального описания со-

---

1947 г.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015, № 21. С. 259.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 1. Л. 198.

бытий. Он показывает, как должно было быть. Слепое следование в фарватере подобных служебных «летописей» загоняет исследователей в ловушку правдоподобия. Действительно, здесь можно найти данные о сфере деятельности, функциях, структуре, распоряжениях начальников (не обо всех), полученных благодарностях, выяснить некую последовательность событий, но при этом совершенно невозможно узнать, как управление работало на самом деле, насколько его деятельность была эффективной и качественной.

Наша работа продолжает цикл публикаций по истории советской экономической повседневности, помещенной в инородную среду оккупированной Германии. Мы уже писали о соотношении зарплатной государственной политики и повседневной зарплатной практики СВАГ, способах изъятия и объемах «добровольно-принудительной» денежной «дани» через каналы государственных займов, показали, что по зарплатному потенциалу и общему денежному доходу средний сваговец, особенно в первые два послевоенных года, по сравнению со средним горожанином-мужчиной, находился в привилегированном положении.¹¹ Теперь нам предстоит рассмотреть основанные на этих доходах, а также других возможностях — легальных, полулегальных и нелегальных — способы «добывания» «сталинским человеком» продовольствия, вещей и услуг в Советской зоне оккупации, а также выявить каналы «трансляции» в СССР не только предметов потребления, но и «чужих» потребительских навыков и привычек.

Феномен комендантского снабжения

Сложно говорить об «обыденном» потреблении сотрудников Советской военной администрации в Германии в первые месяцы после войны, когда не хватало самых необходимых продуктов, а запас вещей «советских оккупантов» был ограничен гимнастер-

---

¹¹ Козлов В. А., Козлова М. Е. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // История. Ostkraft. Научное обозрение. М., 2018. № 5; Козлов В. А., Козлова М. Е. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.) // Там же. 2018. № 2.

кой и шинелью. Отвечавшие за поддержание порядка работники комендатур сами ходили не по форме одетые. В августе 1945 года на сборе руководящего состава СВАГ¹² начальник Отдела комендантской службы провинции Мекленбург с сожалением констатировал, что «личный состав комендантской службы провинции выглядит очень плохо. Обмундирование плохое, зачастую сделано из трофейного неформенного материала». ¹³ Ему вторил коллега из Саксонии: «Прибывают люди в бедном виде, обычно разношерстные. В нескольких местах я приказал комендантам перекрашивать обмундирование». ¹⁴ В Дрезденском округе личный состав одной из комендатур «ходил во всех формах европейских армий и родов войск» ¹⁵, а военного коменданта Дрездена упрекали в том, что он «обшил офицеров», используя палаточный материал. ¹⁶ Начальник Отдела комендантской службы федеральной земли Саксония нашел другой выход. Он разрешил военным комендантам забрать из трофейного склада германское военное обмундирование — шинели, шелковые телогрейки и ватные шаровары. ¹⁷ Неудивительно, что в некоторых комендатурах форма одежды красноармейцев напоминала немецкую. ¹⁸

Не лучше обстояло дело и с продовольствием. Формально после создания СВАГ личный состав военных комендатур, как «старых», перешедших в подчинение военной администрации, так и вновь созданных ¹⁹, должен был «довольствоваться» при Груп-

---

¹² Речь идет о сборе заместителей начальников СВА провинций и федеральных земель, начальников отделов комендантской службы, комендантов округов и крупных городов, прошедшем в Берлине 14–16 августа 1945 г.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 32.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 62. Л. 28.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 48.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 132. Л. 52.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 123. Л. 208.

¹⁹ Если на 1 июня 1945 г. насчитывалось 247 военных комендатур, то 1 ноября 1945 г. их уже стало 615. См.: *Захаров В. В.* Военные комендатуры СВАГ в советской зоне оккупации, 1945–1949 гг. // *Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949.* Сборник документов. (По материалам центрального аппарата СВАГ и документам Управлений СВА провинций и земель Советской зоны оккупации Германии) / Отв. ред. В. В. Захаров. Сост. В. В. Захаров, О. В. Лавинская, Д. Н. Нохотович при участии Я. М. Златкис. М., 2004. С. 18, 27.

пе советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Однако между должным и сущим существовала дистанция огромного размера. Вспоминая начальный период снабжения, начальник Управления СВА земли Саксония Д. Г. Дубровский отмечал, что военные комендатуры «настолько плохо снабжались», что они почти все без исключения вынуждены были жить «на подножном корму», а «в области «учета и отчетности была полнейшая вакханалия, армейские части хоз[яйственную] деятельность военных комендатур не контролировали, а УСВА для этой цели аппарата не имело».²⁰

Среди документов Управления СВА федеральной земли Саксония сохранились акты обследования комендатур, проведенного в июле 1945 года.²¹ Наиболее частые ответы военных комендантов: «на довольствии нигде не состоят», «питание личного состава производится за счет продуктов, выделенных с трофейного склада», «за счет трофейных продуктов и подсобного хозяйства», «за счет местных ресурсов через магистрат», «организовали столовую при комендатуре, продукты получали через бургомистра», «в немецком ресторане», «в частной столовой» и т. п.²² Итоги обследования подвел полковник Г. А. Шепель.²³ «Комендатуры не состоят на денежном, продовольственном и вещевом довольствии, потому что их не принимают [близлежащие воинские части]».²⁴ Донесения из других провинций и федеральных земель свидетельствовали о том же.²⁵ Даже те, кому удавалось встать на довольствие, докладывали о возникавших трудностях.²⁶

Следует отметить, что ситуация со снабжением сотрудников в центральном аппарате СВАГ существенно отличалась от положения в военных комендатурах. В первом случае проблемы снаб-

---

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 321. Л. 3.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 121.

²² Там же. Л. 6, 7 об., 34, 60, 102, 120, 146, 147, 149, 184, 194.

²³ Начальник Службы по проверке состояния службы военных комендатур федеральной земли Саксония.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 121. Л. 168.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 31. Л. 201; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 11. Л. 150.

²⁶ Личный состав комендатур района Ной-Руппин провинции Бранденбург в сентябре 1945 г. был прикреплен на продовольственное снабжение к 3-й Ударной армии, однако «получение продовольствия» было связано «с большими трудностями, так как склады 3-й Ударной армии находятся на расстоянии 120 км». См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 80. Л. 169.

жения и потребления с самого начала решались по традиционным советским централизованным стандартам, хотя и с сильной немецкой спецификой и особыми трудностями стартового периода. Эти проблемы будут рассмотрены в следующих разделах нашей работы. А пока речь пойдет о комендатурах, где после войны возникла и какое-то время работала требующая отдельного описания альтернативная, хаотичная, паллиативная «снабжениеская система», базирующаяся на так называемых комендантских складах и на особых отношениях с подконтрольным комендатурам местным немецким бизнесом. Эта никем не санкционированная и не узаконенная, но оправданная особыми обстоятельствами практика продержалась много месяцев, а затем была окончательно вытеснена централизованным советским снабжением из «серой» зоны в зону «черную» и криминальную. До тех пор интересующий нас феномен сосуществовал параллельно с централизованными каналами потребления, дополняя, а в ряде критических случаев и подменяя их.

Еще до организации Советской военной администрации в Германии и подчинения ей уже существовавших и вновь созданных под оккупационные задачи военных комендатур именно этим военным учреждениям было поручено выявление и собирание материальных ресурсов. Директива Военного совета 1-го Белорусского фронта № ВС/00384 от 22 апреля 1945 г. не только определила порядок взаимоотношений с немецким населением и установила широкую зону ответственности военных комендатур, но и предписала «все имущество, товары, продовольственные запасы в складах и магазинах, предназначенные для потребительских нужд оставшегося населения, немедленно брать под войсковую охрану и передавать военным комендантам для организованного использования на нужды войск и обеспечения продовольствием городского населения». Скот и продовольствие, брошенные бежавшими немцами, также попадали под контроль военных комендантов. Через них («порядком, установленным интендантом фронта») должны были получать довольствие войска. В сфере ответственности военных комендантов оказались также скот и продовольственные запасы немецких хозяйств. Комендатуры должны были учитывать и давать разрешение на расходование подобных запасов. Кроме того, им следовало (только с разрешения Военного Совета армии, начальников тылов армий и командиров отдель-

ных корпусов) «собирать брошенное немцами бытовое имущество и выдавать его частям как посылочный фонд». И, наконец, именно военным комендатурам было поручено контролировать деятельность немецких промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятий.²⁷

В той мере, в какой различные районы Восточной Германии пострадали от войны, и в зависимости от экономической специализации подконтрольных территорий комендатуры получили под свою ответственность весьма разнородные ресурсы, как и фактическую возможность ими распоряжаться. Однако широкие полномочия, которыми были наделены комендатуры, сочетались со слабым контролем (или полным его отсутствием) со стороны вышестоящих инстанций. Это открывало простор для снабженческих импровизаций как позитивного, так и негативного свойства. Военные комендатуры выполняли многочисленные снабженческие поручения начальства и одновременно занимались обеспечением своего личного состава. Хотя по всем военным канонам последнее было прерогативой военного интендантства или (позднее) соответствующих подразделений СВАГ.²⁸ Но обстоятельства складывались таким образом, что без экспромтов на первых порах нельзя было обойтись.

Военные комендатуры должны были заботиться не только и не столько о своем снабжении. В первые месяцы после войны их главным делом была организация продовольственного обеспечения немецкого населения.²⁹ Летом 1945 года некоторые из комендатур оказались в особенно сложном положении. Запасы

---

²⁷ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949. Сборник документов. С. 68–69.

²⁸ За снабжение в СВАГ отвечали несколько структур — Административно-хозяйственное управление и Отдел торговли и снабжения. Они были созданы приказом Главного начальствующего СВАГ № 5 от 10 июля 1945 г. (См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 2–3). Затем отдел превратился в Управление торговли и снабжения. Оно занималось заготовками, торговлей, снабжением, пищевой, вкусовой промышленности, рыболовством и рыбоводством на территории Советской зоны оккупации. АХУ СВАГ позднее было преобразовано в Управление материально-технического обеспечения. В январе 1946 г. было организовано Управление торгово-бытовых предприятий (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79–90).

²⁹ Подробнее об этой стороне деятельности комендатур см.: *Захаров В. В.* Указ. соч.

на комендантских складах кончались, и коменданты порой не знали, как прокормить население городов, за которые они отвечали. 30 июля 1945 г. военный комендант города Эберсвальде (провинция Бранденбург) полковник Горбунов подал рапорт начальнику УСВА провинции. Он доложил, что продовольствие на комендантских складах практически израсходовано и его хватит лишь до 15 августа. Горбунов не знал, как ему накормить 25-тысячное население промышленного города, особенно учитывая, что до боев в нем жили 48 тысяч человек, и многие уже начали возвращаться.³⁰ Нам не удалось найти документы о том, как именно закончилась эта история. Известно только, что 15 августа 1945 г. начальник Управления СВА провинции Бранденбург разрешил военному коменданту г. Эберсвальде выдать 60 тонн сахара для снабжения городского населения г. Ной-Руппин.³¹ Видимо, со снабжением в своем городе Горбунов разобрался. Помогать приходилось даже союзникам. Известно, что военному коменданту района Бельциг пришлось изыскивать возможность отпустить «за наличный расчет Британскому офицерскому собранию г. Берлин одну тонну картофеля и одну тонну овощей».³² Совершенно очевидно, что изобретательность и импровизации требовались военным комендантам (особенно в сильно пострадавших от войны местах) не только для снабжения личного состава и обеспечения немецкого населения, но и для выполнения самых неожиданных начальственных поручений.

Предпринимаемые по таким поручениям снабженческие действия надо было каким-то образом легализовать. Однако бюрократическое оформление подобных процедур после окончания войны оказалось в хаотическом состоянии. Военный комендант г. Дрезден генерал-лейтенант Добровольский, выступая 14 августа 1945 г. на сборе руководящего состава, сетовал: «Ведь во что сейчас превратился комендант? Вплоть до того, что выдает портянки, в то время как он должен только контролировать работу. Их через месяц нельзя будет назвать военными комендантами... В отношении нарядов всяких. Я очень много получаю бумажек, но хоть раз бы я получил законный наряд, который требуется. Этого нет.

---

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 2. Д. 20. Л. 218.

³¹ Там же. Л. 212.

³² Там же. Л. 109.

Выдать тому-то столько-то пшеничной муки, тому столько-то того-то ... Как будто я начальник складов. Прошу с меня все это дело снять. Открыть отделение складов интендантства, пусть всем этим делом занимается. Это отнимает 90% времени, и нельзя это дело бросить».³³

Генерал-лейтенанту пришлось не только выступать в несвойственной интендантской роли, но и искать паллиативные снабженческие решения. Добровольский организовал не предусмотренное никакими уставами специфическое торговое предприятие: «... я призвал семь торгашей и сказал, чтобы к следующему понедельнику был организован магазин при комендатуре [для офицерского состава]. Может быть, опять будут ругать, но я открыл магазин».

Далее последовал показательный обмен мнениями:

Генерал-лейтенант т. Телегин (член Военного совета ГСОВГ. — *Авт.*): На каких началах магазин будет торговать?

Добровольский: На началах частника. Мы обеспечиваем его пропуском, чтобы он ездил, доставал товары и торговал.

Генерал-лейтенант т. Телегин: На какой основе будет проходить торговля?

Добровольский: Офицер должен явиться к дежурному и получить талон, скажем, на пару костюмов, на пару платьев и т. д.

Генерал-лейтенант т. Телегин: За деньги?

Добровольский: Конечно. Вот такой порядок.

С места: Как вы кормите проходящих солдат?

Добровольский: Их я кормлю на станции. У меня имеется склад. Начальник вокзала представляет список, сколько у него довольствуется, и на основе этого я ему отпускаю продовольствие.

С места: Незаконно!

Добровольский: Понимаю. А что я могу сделать?³⁴

Многозначительное (от безвыходности положения) молчание руководства было воспринято как легализация возникавших по ходу дела снабженческих решений. Многие коменданты пошли по пути, озвученному Добровольским. Они открывали ма-

³³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 46, 48–49.

³⁴ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1945. Сборник документов. С. 84.

газины «специально для военнослужащих»³⁵ или назначали для этой цели немецкие магазины³⁶, выдавали ордера на товары и продукты, вмешивались в местную предпринимательскую и торговую деятельность, требуя для личного состава приоритета в снабжении. Эти действия можно было бы назвать незаконными, если бы они при этом не представляли собой паллиативный (и часто единственный) способ решения государственных задач по снабжению советского оккупационного сообщества в период, когда централизованное снабжение СВАГ налажено не было. Комендантуры обзаводились подсобными хозяйствами, самовольно использовали и распределяли собранное трофейное имущество и продовольствие, погрузившись в море хозяйственных импровизаций. Иногда трофейное имущество продавали, чтобы погасить «задолженности местному немецкому бюджету»³⁷ или безвозмездно передавали немецким органам самоуправления.³⁸

Расцветало «записочное распределение». С одной стороны, коменданты постоянно получали вместо законных нарядов записки-указания от должностных лиц или учреждений. Подобные вышестоящие «документы» давали право на получение продовольствия или товаров с трофейных складов. Со своей стороны, военные коменданты, пользуясь неформальным правом наделенных властью людей, систематически писали записки владельцам немецких магазинов, требуя отпустить «подателям сего» те или иные товары за наличный расчет.³⁹ Понимая, что делают недозволенное, некоторые из комендантов старались не оставлять документальных следов: отдавали распоряжения устно, «при личной явке в магазин или на фабрику», «по телефону через бургомистров».⁴⁰ Но если записка, врученная знакомому просителю, указывала на ответственное лицо и позволяла немцам подложить хоть какую-то бумажку под неправомерные действия, то телефонный звонок ни в какое дело подшить было нельзя. Правда, несмотря на конспирацию, многочисленные следы «записочной» деятельности позднее были обнаружены проверяющими. В Саксонии, например, «у немецких

---

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 92. Л. 32.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 28. Л. 266.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 18–19.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 144. Л. 73.

фирм сохранилось большое количество записок, выданных различными комендантами». Эти записки пришлось «изымать... тоннами».⁴¹ Даже если счесть это большим преувеличением, «записочное» распределение было явлением широко распространенным, особенно в первый год существования СВАГ.

Стихийно формировавшаяся система комендантского снабжения в ряде случаев подключалась даже к немецкой банковской системе, для удобства безналичных расчетов с немецкими предпринимателями. Начальник Отдела комендантской службы провинции Мекленбург генерал-майор Фетисов был возмущен деятельностью военных комендатур, которые «незаконно занимались торговлей трофейными ценностями, образовали у себя большие суммы денег». Они «вместо сдачи их немедленно в финансовые органы... пооткрывали в немецких банках счета и хранят их там...».⁴² Показательно, что на фоне снабженческой самодеятельности комендатур открылись лазейки и для частной предприимчивости отдельных сотрудников. Известно, например, что колбасная фабрика в г. Эрфурте заключала частные соглашения с военнослужащими «на переработку свиного мяса, приобретенного из неизвестных источников».⁴³

Ситуация в области «комендантского снабжения» не просто противоречила принципам централизованного советского распределения, но, что важнее, мешала восстановлению немецкой экономики, «нарушая принцип частной собственности», допуская «произвол и самоуправство». «Рынок терроризирован, магазины не открываются. Вместо развития свободной торговли происходит распродажа остатков товара по запискам военных комендантов».⁴⁴ Так оценил Главногоначальствующий СВАГ / Главногокомандующий ГСОВГ «хозяйничанье» военных представителей, командиров войсковых частей и соединений и военных комендантов в своем известном приказе № 035 «О наведении порядка в руководстве промышленностью и торговлей в Советской зоне оккупации (СЗО)» от 29 августа 1945 г.⁴⁵

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 103. Л. 126.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 115–116. См. также: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 151. Л. 14–15.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 2. Д. 7. Л. 96.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 98, 99.

⁴⁵ Там же. Л. 98–104.

Уже тогда Г. К. Жуков потребовал от начальников СВА «стро-го приказать комендантам городов и районов прекратить выдачу военнослужащим ордеров или других разрешений на покупку нормированных товаров в немецких магазинах». Такие действия следовало рассматривать как вымогательство и привлекать виновных к ответственности, а обоснованные жалобы на подобное поведение — расследовать.⁴⁶ Одновременно началась борьба с самовольным распределением ресурсов из трофейных складов. По распоряжению Главного начальствующего с 25 по 30 августа 1945 г. на складах, подведомственных военным комендантам, прошла инвентаризация продовольственных и промышленных товаров. Комендантам разрешили до 1 октября 1945 г. оставить в своем распоряжении только запасы продовольствия для снабжения личного состава комендатур, поскольку полноценное централизованное снабжение все еще не было налажено.⁴⁷

Распоряжение ресурсами в ситуации централизованной снабженческой немощи давало комендантам реальную власть, позволяло использовать трофейное имущество и продовольствие по собственному разумению. С этой «несоветской» властью некоторые коменданты расставались с трудом. Когда осенью 1945 года по приказу Главного начальствующего СВАГ⁴⁸ началась полная ликвидация комендантских складов, выяснилось, что далеко не все коменданты готовы избавиться от «несвойственных функций». Кое-где эти склады ушли в подполье. Они превратились в тайные («черные») хранилища разнообразных запасов. Иногда «черные» склады невозможно было обнаружить. Ревизии оказывались бесполезными. Неучтенные продукты держали

---

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 26. Л. 31–32.

⁴⁷ Там же; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 81. Л. 7.

⁴⁸ Полностью склады должны были быть ликвидированы к 5 ноября 1945 г. Все товары, материалы и имущество, имеющееся на них, приказано было сдать Управлению тыла ГСОВГ и органам СВАГ безвозмездно, а военторгам и немецким фирмам — по существующим немецким розничным ценам. Вырученные деньги должны были быть переданы в полевые органы Госбанка и переведены на счет реализации трофейного имущества. Продовольствие должно было быть передано немецким фирмам для снабжения населения. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главнокомандующего ГСОВГ № 059 от 2 октября 1945 г. «О распределении остатков товаров, материалов, оборудования и прочего имущества, находящихся на складах, подведомственных военных комендантам». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 11–34).

у доверенных немцев⁴⁹, замуровывали в стены, умудрялись прятать сотни литров спирта, ликера, банки консервов, муки, крупы.⁵⁰ В одной из комендатур «черный» склад с табаком скрыли «в подвальном помещении роты охраны». Табак выдавали «воинским частям, всяким учреждениям и отдельным лицам». Он был еще и хорошей «разменной монетой» — меняли на «отрезы, одежду, обувь и даже целые автомашины».⁵¹ В федеральной земле Саксония отличилась военная комендатура г. Ризы. У нее на трех «черных» складах было сосредоточено более 53 тонн продовольствия.⁵² Выяснилось также, что порой продовольствие с «черных» складов шло наверх — работникам комендантской службы округа.⁵³

В январе 1946 года было организовано Управление торгово-бытовых предприятий (УТБП) СВАГ. Его отделы были также созданы при Штабе СВАГ, Управлениях СВА провинций и земель и Управлении военной комендатуры Советской зоны г. Берлина.⁵⁴ В августе 1946 года отделения торгово-бытовых предприятий появились и при управлениях окружных комендатур.⁵⁵ В СВАГ начала функционировать специальная структура, отвечавшая за обеспечение личного состава питанием и товарами широкого потребления.⁵⁶ Не удивительно, что со второй половины 1946 года командование резко усилило борьбу с «внесистемной» (нелегальной и полулегальной) снабженческой деятельностью. Снова и снова с личным составом прорабатывали приказ Главного начальствующего № 035 от 29 августа 1945 г. «О наведении порядка в руководстве промышленностью и торговлей в Советской зоне оккупации». От комендантов требовали закрыть самочинные подсобные хозяйства⁵⁷, перестать раздавать вещи и продукты без нарядов, проводились ревизии трофейного имущества.⁵⁸

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 210.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 107.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 8. Л. 121–122.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–10.

⁵³ Там же. Л. 217–219.

⁵⁴ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 014 от 23 января 1946 г. «Об организации Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79–81).

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 36а. Л. 447.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 167–168; Д. 31. Л. 314.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 10. Л. 373–375.

Но нарушитель был многолик, и его часто прикрывало непосредственное начальство. Как отмечал в марте 1946 года заместитель начальника СВАГ генерал-майор Дубровский, «черный» склад военной комендатуры Аннаберг, «работавший» по запискам коменданта, выдавал бесплатно или частично за плату «мануфактуру» и «изделия» не только личному составу, но и приезжающим «гостям». Об этом знали и заместитель по политчасти, и начальство повыше — заместитель начальника Управления комендантских служб округа Хемниц, который этому «всячески покровительствовал». ⁵⁹ Ответственный секретарь партийной комиссии СВАГ полковник Ф. А. Романов считал, что незаконные операции проводились «фактически с санкцией начальства». ⁶⁰ Руководящие работники «знали» и «пользовались» возможностями альтернативного снабжения.

В документах раннего периода существования СВАГ можно найти следы довольно снисходительного отношения к провинившимся «по хозяйственной части». В начале 1946 года их чаще журили и предупреждали — входили в положение, учитывали боевые и служебные заслуги, а также то, что нарушения допускались в пользу личного состава, а не из личной корысти. За обменные операции с немцами, «записочное» распределение, плохое ведение учета могли объявить выговор, отдать под суд офицерской чести, арестовать на несколько суток или, в крайнем случае, снять с должности. ⁶¹ Во второй половине 1946 года практика наказаний ужесточилась: «ряд ответственных офицеров военных комендатур был привлечен военной прокуратурой к уголовной ответственности за расхищение и разбазаривание трофейного

---

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–26.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 14. Л. 131–132; Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 10. Л. 81–82; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 455–458. Майор М., временно оставшись за военного коменданта, распорядился, чтобы спиртзавод без акциза отпустил фирме «Эммерт» 760 литров спирта для изготовления ликера и использовал для этого 300 кг сахара, которые были предназначены для планового снабжения населения. Полученный ликер (2 500 л) продавался исключительно по запискам майора. Первоначально решили предать майора суду военного трибунала, но потом учли, что он «молодой офицер» и «уделяет много времени вопросам боевой подготовки сержантского и рядового состава», и отправили под домашний арест «на 15 суток с удержанием 50% денежного содержания». См.: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 306.

имущества и продовольствия».⁶² За нарушителей взялись всерьез. И в первую очередь за тех, кто постоянное невыполнение предписанных правил обращал себе на пользу, превращал в источник стяжательства и спекуляции. Особенно строго наказывали за «серьезные гешефты» с немцами.⁶³

Язык, описывающий всевозможные хозяйственные нарушения и преступления, также менялся. В 1945 году в официальных документах такие действия часто называли просто «разбазариванием».⁶⁴ «Старый коммунист и армейский работник» П., оправдываясь на партийной комиссии СВАГ, обвинившей его в разбазаривании трофейного имущества, «простодушно» объяснял: «...мануфактура была трофейная (то есть, по мнению виновника, ничья. — *Авт.*), и я не считал нужным ее пустить в счет государственных нужд. А нужна была кому-то мануфактура, я ее раздавал».⁶⁵ П., видимо, понимал «разбазаривание» старорежимно, по Далю: «легкомысленно, безрассудно распродавать, раздавать что-либо, бестолково расходовать, тратить». Неодобрительно, но достаточно мягко. Возможно, так думали многие — и подчиненные, и начальство.

Со второй половины 1946 года «разбазаривание» в приказах стало соседствовать с более четкими юридическими определениями — «преступление», «расхищение», а затем и вытесняться ими. Да и само слово утратило свой несколько неопределенный смысл. Так, осенью 1946 года Главногоначальствующий СВАГ констатировал, что «разбазаривалась», в том числе по запискам и отношениям, продукция немецких фирм, работавших по репарационным поставкам. А эту продукцию уже никак нельзя было считать бесхозной или ничейной. Не удивительно, что В. Д. Соколовский приравнял подобные действия к «расхищению социалистической собственности СССР», а тех, кто это проделывал,

⁶² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 15. Л. 238–239; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 107–108, 138–141.

⁶³ Военного коменданта одного из районов Потсдама, майора Б., военный трибунал приговорил к 7 годам лишения свободы за то, что он «вступил в преступную связь с бывшими офицерами немецкой армии» и с их помощью «осуществлял свои спекулятивные сделки». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 129–130.

⁶⁴ Концепт «разбазаривание» включал и немцев, попавшихся на злоупотреблениях.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 49.

предложил «привлекать к строжайшей ответственности вплоть до предания суду военного трибунала».⁶⁶

Весной 1947 года руководство СВАГ предприняло тотальное наступление на «коллективного нарушителя», вступившего в неравную конкурентную борьбу с государством за ремонтные товары. 14 апреля 1947 г. появился приказ Главного начальствующего № 0105 о проведении проверки в военных комендатурах.⁶⁷ Финансовому управлению СВАГ была поручена «глубокая ревизия 10–15 военных комендатур провинции Бранденбург»⁶⁸, а начальники управлений СВА должны были организовать проверки «с привлечением квалифицированных специалистов» в подчиненных им комендатурах. Финансисты, принимавшие участие в ревизиях, в один голос заявили, что обнаружить какие-либо документальные следы незаконной деятельности было очень трудно — комендатуры «работу проводили главным образом устными и незаконными распоряжениями». Учет трофейного имущества «в момент массового его поступления, то есть в 1945 — первой половине 1946 года или отсутствовал совсем, или был запущен и велся с нарушениями». В ряде комендатур трофейное имущество принимали «ориентировочно».⁶⁹

Когда в июле 1947 года подвели итоги ревизий, выводы сделали однозначные: «в ряде военных комендатур имели место мно-

---

⁶⁶ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 0270 от 9 сентября 1946 г. «О привлечении к ответственности за разбазаривание продукции, поступающей в счет ремонтных поставок» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 132–133).

⁶⁷ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 105 от 14 апреля 1947 г. «Об организации ревизий военных комендатур СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 45. Л. 64–65).

⁶⁸ Начальник УСВА провинции Бранденбург, на наш взгляд, просто попал под горячую руку. Возможно, из-за того, что весь 1946 год слишком активно боролся против подобного рода нарушений (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 455–458, Д. 30. Л. 107–108, 138–141, 221–222, 223–225, 297) и, как положено, докладывал о подобных ЧП начальству. Можно предположить, что ситуация в Бранденбурге мало чем отличалась от других земель. Известно, например, что осенью 1946 г. Соколовский говорил о «многочисленных случаях разбазаривания продукции» в федеральной земле Саксония (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 132), а начальник Политуправления СВАГ на июльском партактиве 1947 года упомянул в качестве отрицательного примера провинцию Саксонию (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 12).

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 612. Л. 113–133; Д. 613. Л. 198–204, Д. 614. Л. 1–6.

гочисленные факты грубейшего, а порой и преступного нарушения советских законов и приказов командования СВАГ об учете трофейного имущества, драгоценностей, валюты, об охране ценностей от разбазаривания и о реализации их в строго установленном порядке». Составители документа напомнили, что начиная с 1945 года было издано немало приказов, однако «несмотря на все предупреждения в военных комендатурах нашлись люди, которые совершали позорные для воинов Советской Армии проступки и преступления, запутывали учет и отчетность, занимались расхищением и разбазариванием государственного имущества, преступно нарушали советское законодательство и приказы Командования». Главноначальствующий поручил военному прокурору СВАГ привлечь виновных к уголовной ответственности, «независимо от того, что среди этих лиц окажутся выбывшие в СССР».

Военные коменданты не должны были впредь иметь «у себя никакого иного имущества и никаких иных денежных средств, кроме имущества, предусмотренного по действующим нормам снабжения в Советской Армии, и денежных средств на текущее содержание ...». Все остальное было велено сдать. Комендантов предупредили: если при комендатурах обнаружат «материальные склады» и подсобные хозяйства, то виновные будут привлечены к судебной ответственности». ⁷⁰ Ревизии, запреты и ограничения, ужесточение наказаний, особенно после появления 4 июня 1947 г. Указа Президиума Верховного Совета об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, налаживание централизованного снабжения помогли, наконец, «придавить», а часто и задавить полулегальную распределительную систему. Возможно, ситуация изменилась после того, как состав комендатур обновился. Многие из тех, кто служил в СВАГ в 1945–1946 гг., были демобилизованы или переведены в СССР. Прибыло пополнение, не имевшее навыков выживания в экстремальных условиях и не вкусившее свободы бесконтрольности первого года существования СВАГ.

Вспоминая летом 1947 года времена комендантской вольницы и расцвета «черных» складов, начальник Политуправления СВАГ генерал-майор И. М. Андреев использовал жесткую лексику новой эпохи. Он вспоминал о «случаях расхищения социалистической

---

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 48. Л. 1–8.

собственности», которых было «особенно много» в 1945 году. Именно тогда, считал Андреев, «военное командование забира-ло большие трофеи, каждый командир и комендант имел у себя склады. Многие коменданты и командиры пытались сохранить эти «черные» склады до тех пор, пока их не отдавали под суд. По во-просу о «черных» складах был издан приказ, в котором комендан-ты обязывались все трофейное имущество взять на учет и считать это имущество государственным. У нас были такие случаи, — под-черкнул генерал, — что даже крупных начальников пришлось ис-ключать из партии за жульничество и расхищение социалистиче-ской собственности».⁷¹

Из приведенного выше заявления главного сваговского «по-литрука» на июльском партийном активе СВАГ 1947 года видно, как постепенно теряло условную легитимность «комендантское снабжение», а относительно невинное деяние 1945 года «раз-базаривание», уступало место безоговорочной инвективе года 1947 — «расхищению социалистической собственности». Неко-торые нарушители образца 1945 года за два года настолько втяну-лись в криминальную деятельность, что так и не научились считать трофейное имущество государственным, не смогли, не успели или не захотели вовремя остановиться и увидеть роковую грань между «разбазариванием» «для пользы дела» «ничейного» добра (по-рой без явной личной корысти) и *расхищением* того, что должно было быть в обязательном порядке учтено и отправлено в СССР по репарациям.

Форс-мажорные обстоятельства — послевоенная разруха, от-сутствие централизованного снабжения и контроля, размытые границы легального и нелегального, коллективный интерес приве-ли к формированию и кратковременному расцвету параллельного комендантского распределения — явления для советской системы беспрецедентного. Сваговское руководство долгое время не мог-ло справиться с возникшей ситуацией именно потому, что она многих устраивала, давала возможность улучшить свое послево-енное существование, «отоварить» свои потребительские запро-сы и, развив предприимчивость и деловую хватку, организовать сытую и хорошую жизнь для себя и «своих». В результате сфор-

---

⁷¹ См.: Протокол № 5 собрания партийного актива СВАГ. 4–5 июля 1947 г. (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 11).

мировался явно не советский «коллективизм», который в СВАГ предпочитали называть круговой порукой. Именно это позволило «коллективному нарушителю» какое-то время чувствовать себя достаточно комфортно, несмотря на угрозы и суровые наказания, вопреки всем установкам и распоряжениям. В конце концов «серые зоны» комендантского снабжения, хотя и не прекратили своего существования, но были объявлены зонами «черными» и криминальными. И законопослушные сваговцы всерьез задумались о правильной расшифровке угрожающих сигналов начальства.

Как накормить сваговца?

Тем, кого направляли на работу в Советскую военную администрацию, обещали, что питание они «будут иметь хорошее».⁷² А что могло быть важнее, чем накормить себя, жену и детей после голодных военных лет. Родная тетушка одного из авторов приехала в 1946 году к отцу, майору медицинской службы, служившему в Германии, чтобы подлечиться после перенесенного во время войны туберкулеза. Эту болезнь и сегодня относят к разряду опасных, что говорить о тех временах. Родители очень надеялись, что 15-летнюю московскую школьницу удастся подкормить и поставить на ноги в Германии, где снабжение, как они полагали, будет значительно лучше, чем в Москве. Вернувшись домой, тетушка очень расстроилась — никаких красивых вещей привезти не удалось. Все ушло на усиленное питание. Положенных пайковых жиров явно не хватало. Деньги семья тратила на сливочное масло, стоившее в это время на «черном рынке» от 800 до 1 000 марок за килограмм⁷³, и сало, цена на которое была еще выше. Эти продукты считались в те времена панацеей при восстановлении после такой тяжелой болезни. Не у всех обстоятельства складывались подобным образом. Но всех сваговцев объединяло одно — приобретение нормированных, положенных, а тем более неположенных продуктов и вещей, требовало, как и на Родине, серьезных усилий, превращалось в неотъем-

⁷² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 49. Л. 436.

⁷³ 1 марка равнялась 50 копейкам.

лему часть немецкого бытия «сталинского человека», занимало помыслы, толкало на недозволенные действия, о которых все знали и за которые никто, кроме «политруков», не осуждал.

24 июля 1945 г. Главногоначальствующий СВАГ подписал важнейший для сваговцев приказ о продовольственном пайке. Весь «личный постоянный состав СВАГ» с 27 июля должен был довольствоваться «по норме № II приказа НКО СССР». ⁷⁴ Номер приказа назван не был, но из других документов известно, что речь шла о приказе НКО СССР № 312–1941 г. ⁷⁵ Руководящий состав (начальство), как и положено, должен был снабжаться по повышенной норме (№ 11) того же приказа. Приказ о пайковом нормировании неожиданно вызвал смятение в рядах сотрудников. Он даже привел к разнобою в толковании начальственных распоряжений! Дело в том, что вторая норма, упомянутая в приказе, была напечатана как «II». Ее можно было прочитать и как 2, и как 11. Многие, в том числе и в Штабе СВАГ, решили, что это «одиннадцать». Отсюда вывод — личный состав будет довольствоваться по повышенной норме.

Попав в необычное «ведомство», решавшее важнейшие на тот момент задачи, многие, вероятно, вполне резонно полагали, что и «кормить» их должны по-особому и что они вправе претендовать на «начальственную» исключительность. Прибывавшие из Штаба СВАГ в Управление СВА земли Саксония офицеры и вольнонаемные заявляли, что они должны питаться по норме № 11, и предъявляли свои права на улучшенное питание, демонстрируя «соответствующие отметки в прод[овольственных] аттестатах». ⁷⁶ В управлении возражали и отмахивались от неуместных претензий: так снабжают только начальство! А в это время в УСВА другой федеральной земли — Тюрингии, напротив, решили весь личный состав обеспечивать по повышенной норме. ⁷⁷ В конце концов Продовольственному отделу ГСОВГ (именно он

---

⁷⁴ См.: Приказ № 018 Главногоначальствующего СВАГ / Главногокомандующего ГСОВГ «О питании постоянного личного состава СВАГ» от 24 июля 1945 г., изданный в соответствии с решением СНК № 10 778 от 15.07.1945 (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 34).

⁷⁵ Приказ № 312–41 г. «О введении норм продовольственного снабжения Красной Армии»: <http://bdsa.ru/приказы-нко-за1941-год/309-211>.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 13. Л. 29.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

тогда отвечал за снабжение управлений СВА) пришлось специально разъяснять: норма № 11 предназначена только для руководящего состава, а все остальные должны получать по второй норме. На этот раз двойку написали словом, чтобы никто не сомневался.⁷⁸

Женам и детям сотрудников паек отпускали по той же второй норме, но уже за плату. На ребенка полагалась четверть пайка.⁷⁹ Довольно скоро заговорили о необходимости его увеличить. Этот вопрос в Совнарком СССР в ноябре 1945 года обсуждал начальник Отдела торговли и снабжения СВАГ А. Кучеренко.⁸⁰ С ним согласились. Причем, что весьма показательно, в том числе и по политическим причинам: недопустимо, чтобы детям советских офицеров и советских служащих в Германии выдавали «¼ второй нормы НКО, что получается ниже норм, установленных для немецких детей»⁸¹! И с 1 ноября 1945 г. дети, приехавшие к месту службы главы семьи, стали получать платный паек «в размере половины нормы № 2», а сахар, жиры, яйца и молочные продукты — даже по норме № 11 приказа НКО № 312-1941 г.»⁸²

В приказе № 312–1941 г. был перечислен набор продуктов, который в принципе должны были получать сваговцы. Сравним этот потребительский идеал (о его «земном» воплощении мы еще скажем ниже) с тем, что реально полагалось по карточкам в СССР. Норма № 2 позволяла сотрудникам СВАГ получать в зимнее время 800 г хлеба в сутки⁸³, в летнее время — 700 г.⁸⁴ Ежедневная норма по рабочей карточке, например, в г. Куйбышеве в то же время составляла 550 г хлеба, по служащей — 400, на иждивенческую и детскую — давали по 300 г.⁸⁵ В Ленинграде через год по-

⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁷⁹ См.: Постановление СНК № 2311-595сс от 10 сентября 1945 г. (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 47а. Д. 388. Л. 5).

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 5. Л. 12.

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 3. Л. 33–34.

⁸² См.: Приказ Штабу СВАГ № 051 от 21 ноября 1945 г. «Об отпуске продовольствия детям генералов, адмиралов, офицеров и постоянных сотрудников СВА, прибывших к месту службы главы семьи» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 11. Л. 80).

⁸³ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 9. Л. 138.

⁸⁴ См.: Приказ НКО СССР № 312–41 г.: <http://bdsa.ru/приказы-нко-за1941-года/309-211>.

⁸⁵ Шемырева С. К. Система продовольственного обеспечения городского населения в послевоенные годы (на материалах г. Куйбышева) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11. № 6. 2009. С. 171.

сле окончания войны, по дневниковым записям Л. В. Шапориной, иждивенцам выдавали на месяц: крупы — 1 кг, мяса или рыбы — 500 г, жиров — 200 г, сахара или конфет — 400 г.⁸⁶ Женам сотрудников СВАГ в месяц полагалось значительно больше — 3 кг 600 г крупы, столько же мяса, жиров — 750 г, сахара — 700 г в месяц.⁸⁷ Можно и дальше перечислять положенные граммы и килограммы. Но одно можно сказать с уверенностью — сваговцы должны были получать неплохие пайки. Как объяснял на партактиве начальник Политотдела Штаба СВАГ полковник К. В. Овчинников, «мы советские люди, работающие в СВАГ, обеспечены всем — норма питания... у нас хорошая».⁸⁸ Но норма — нормой, а как добыть эти положенные граммы в послевоенной Германии?

Когда централизованное снабжение давало сбой (либо в силу каких-то личных причин), сваговцы могли позволить себе купить или обменять кое-какие продукты на немецких рынках (их начальство предпочитало называть «черными»). Подобные покупки были запрещены, хотя возможность приобрести товары по высоким ценам была заложена в зарплатах первых лет существования военной администрации.⁸⁹ Вот только цены на рынках зашкаливали, хотя и имели тенденцию к постепенному снижению. Мемуаристы от случая к случаю эти цены приводят.⁹⁰ Более подробную информацию содержат документы Финансового управления СВАГ. Оно собирало оперативные сведения через своих уполномоченных в землях и провинциях и немецкие самоуправления.

Походы сотрудников СВАГ и ГСОВГ на берлинский «черный рынок» за продовольствием были удовольствием совсем не дешевым (см. таблицу 1), а значит — отнюдь не систематическим и не массовым. Для тех, кто привез в Германию семью и детей, вопрос «куда девать деньги» с самого начала не стоял. Им надо было, как

---

⁸⁶ Шапорина Л. В. Дневник. Т. 2. М., 2011. С. 27.

⁸⁷ Подсчитано по приложению № 2 приказа НКО СССР № 312-41. «О введении норм продовольственного снабжения Красной Армии».

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 96.

⁸⁹ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949).

⁹⁰ Ходяков М. В., Чемакин А. А. Денежное обращение в советской зоне оккупации Германии. 1945–1948 гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 158.

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 423. Л. 47.

Таблица 1. Динамика цен на продовольственные товары на «черном рынке» г. Берлина в июле 1945 — апреле 1946 г. (в рейхсмарках)⁹¹

Наименование	Единица измерения	Июль 1945 г.	Сентябрь 1945 г.	Январь 1946 г.	Апрель 1946 г.
Белый хлеб	кг	120	100	80	70
Черный хлеб	кг	120	100	80	70
Масло сливочное	кг	2 000	1 200	900	800
Маргарин	кг	1 000	600	400	400
Подсолн. масло	л	1 000	600	300	300
Льняное масло	л	1 000	600	400	400
Сало говяжье	кг	1 300	1 100	1 100	1 000
Сельди	шт.	60	40	40	40
Белая мука	кг	120	100	60	60
Ржаная мука	кг	120	80	40	40
Сахар-рафинад	кг	400	300	200	160
Говядина	кг	300	220	160	160
Свинина	кг	400	300	300	300
Конское мясо	кг	240	180	150	150
Картофель	кг	8	5–6	10	14
Сигары	шт.	30–50	30–50	30–50	30–50
Сигареты	шт.	12	8	7–13	7–13
Табак	кг	2 250	1 750	1 000	1 000
Спички	коробок	5–6	5–6	5–6	5–6
Вина сух. стол.	л	500	400	300	500
Ликер	л	1 000	800	500	500
Водка	л	800	600	475	475

мы уже писали, *выкупать* пайки для членов семей. Какое-то время подобные траты особых вопросов не вызывали.

16 сентября 1946 г. Совет министров СССР принял решение поднять советские пайковые цены в 2–3 раза, а эти цены действовали также в СВАГ и ГСОВГ. Семейные сотрудники, особенно в военных комендатурах (там денежное довольствие было не таким высоким) стали возмущаться: «Деньги берут за пайки в повышенной норме, а пайки урезали, да и положенного не дают.

Куда смотрит правительство?»; «Деньги берут так, что от зарплаты ничего не остается, лучше уехать в Россию»⁹², «Имея семью в 4 человека, трудно будет выкупить паек». Узнав об увеличении стоимости иждивенческого пайка, офицер военной комендатуры капитан Жданов заявил: «Я отправлю семью домой. У немцев дневной прожиточный минимум стоит полторы марки, а у нас, живущих здесь, доходит до 20 марок на каждого человека». Это мнение разделяли и другие офицеры.⁹³ Сваговцы начали считать деньги и задумались о насущном.

Набор нормированных продуктов многих сотрудников не устраивал. «Много отпускают крупы, овощей, хлеба и картофеля. Нужно установить так отпуск продуктов, чтобы я брал то, что мне нужно из имеющегося ассортимента и платил бы за то, что взял. Тогда будет правильно», — сетовал офицер военной комендатуры капитан Томахин.⁹⁴ Проблема капитана Тимохина, как и остальных семейных сваговцев, была в том, что оплачивать пайки для членов семей приходилось авансом, а значит, постоянно оказываться в ситуации «бери, что дают».

Среди документов Отдела репатриации СВАГ мы нашли данные о нормах продовольственного пайка «британской армии за границей»⁹⁵ (1946 г.). При сравнении выяснилось, что в советском наборе было в два раза больше хлеба и картошки, чем в английском, в несколько раз больше крупы и макаронных изделий. Сваговцы должны были получать пять чайных ложек сахара в день и 1 г заварки — в отличие от английского любителя чая, которому было положено 14 г и в два раза больше сахара, а еще — несколько ложек варенья и немного бисквита. Несмотря на то что без чая трудно представить себе англичанина, в его рационе за границей доминировало калорийное какао — его выделяли в два раза больше, чем чайной заварки. В советском пайке какао отсутствовало. И, конечно, англичане не упоминали о квашеной капусте, в то время как в рационе сваговца она доминировала и была важнейшим поставщиком витаминов. Сотрудники СВАГ должны были получать свежей и квашеной капусты более 5 кг в месяц (по весу это

---

⁹² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 50. Л. 38.

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 219.

больше мяса и почти столько же, сколько круп и макарон). При чем, как выяснилось, «немецкий характер засола» явно отличался от привычного⁹⁶ и сваговцам, возможно, не нравился. А может быть, дело было не только в рецептуре, но и низком качестве. Например, были забракованы почти 11 тонн квашеной капусты, поставленной СВАГ фирмой «Якоби» из Любенау. Капуста оказалась «мочалистой, с резким кислым запахом и вкусом», мутным рассолом. Иногда и сам рассол отсутствовал — капуста была «расфасована в старые грязные бочки», которые еще и текли.⁹⁷

Сразу оговоримся: борьба за качество продуктов для представителей оккупационной власти, борьба «за кондиции» с немецкими фирмами велась на протяжении всех четырех лет существования СВАГ. Правда, без особого успеха. И в этом в первую очередь были виноваты сами снабженцы. Отношения немецких фирм со СВАГ строились на основе двусторонних договоров, но оказалось, что снабженцы их заключать не умели, государственную выгоду игнорировали и шли на поводу у фирм. Немецкий бизнес был для них совершенно особым мудреным и непонятным миром, в котором даже хитрить и обманывать нужно было не по-советски. Весной 1947 года комиссии Политуправления СВАГ провели договоры с немецкими предпринимателями на переработку продуктов и, сочтя их, мягко говоря, «неквалифицированными», рекомендовали перезаключить. В большинстве подобных документов не было даже даты их вступления в силу и срока действия, не упоминались такие важные параметры, как рецептура, сортность, кондиции⁹⁸. Снабженцы не проверяли качество, не требовали сертификаты, не предъявляли рекламаций, не проводили документальных проверок. Для того чтобы получить необходимое,

---

⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 13.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 65.

⁹⁸ Например, с фирмой «Конт» из Виттенберга был заключен договор на переработку сахара в конфеты фонданг (сахарная помадка), однако рецептура в договоре не была оговорена. На одну тонну конфет фирме отпускали тонну сахара, не учитывая при этом влажность. Таким образом, с каждой тонны конфет немецкая фирма получала «от 60 до 100 кг лишнего сахара». В договоре на изготовление колбасных изделий (в том числе «минской» и «украинской» колбасы) с немецкой фирмой «Вернер» не была учтена сортность мяса, жирность, влажность, количество шпика, что «позволило фирме произвести некачественную замену мясoproдуктов». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 11–12.

немцев-поставщиков не надо было уговаривать и подмазывать. Зато нужно было тщательно следить и контролировать, не давая себя обмануть. А составленные советскими снабженцами договоры ни к чему не обязывали поставщиков, что позволяло немецким предпринимателям, по мнению проверявших, «присваивать продукты в больших количествах» и поставлять некачественные товары.⁹⁹

9 мая 1945 г. была создана Берлинская контора «Особторга».¹⁰⁰ Это было началом коммерческой торговли в Советской зоне оккупации. Предприятия «Особторга» начали действовать в крупных советских городах еще в мае 1944 года. Те, кто располагал «достаточноым количеством наличности», могли «приобрести по коммерческим ценам в свободной продаже дефицитные в то время продукты питания и промышленные товары массового спроса».¹⁰¹

В 1945 году — первом квартале 1946 года треть товаров Берлинская контора «Особторга» ввозила из СССР. Остальные — приобретала на месте.¹⁰² Из Советского Союза в Германию доставляли икру (с середины 1945-го по май 1946 года в количестве 146 069 кг), консервы, сыры, сухофрукты, виноградные вина, папиросы (высший сорт), кофе в зернах (73 024 кг), специи, водку и водочные изделия (в 1945 году — 27 726 литров), а еще 49 кг хрена (корни) и 79 тысяч штук сигар.¹⁰³ Никаких других сведений об экзотическом пристрастии сваговцев к сигарам мы не обнаружили. Возможно, кто-то приобретал их для подарков союзникам или просто для большего шика. Сотрудники Советской военной администрации предпочитали папиросы и сигареты.

Военная администрация, как и положено, должна была обеспечить свой руководящий состав привилегированным («особым», «специальным») питанием. Сваговские начальники разных уров-

⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 11–14.

¹⁰⁰ Берлинская контора «Особторга» была «организована во исполнение постановления ГКО от 8 мая 1945 г. № 8450-с и постановления Военного Совета 1-го Белорусского фронта от 16 мая 1945 г. № 068» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 154).

¹⁰¹ См.: *Пушкарев В. С.* Денежная реформа и «черный рынок» // *Экономические реформы: уроки истории.* (История мировой экономики. Вып. 2). Сб. ст. М., 2013. С. 244–256: <http://www.rgae.ru/publikacii/pushkarev-denezhnaya-reforma-1947-g-i-chernyi-rynok.shtml>.

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 58.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 209.

ней уверенно ждали положенных льгот. Уже в конце июля 1945 года начали составлять списки руководящего состава Штаба СВАГ на получение литерных пайков.¹⁰⁴ Такие пайки отоваривали в специальной литерной секции «Гастронома» «Особторга». 13 августа 1946 г. начальник «Особторга» В. И. Хотинский распорядился выделить литерную секцию в самостоятельный магазин.¹⁰⁵ Он понимал исключительность своего ведомства и требовал от подчиненных быть на высоте. Они должны были работать и выглядеть так, как того требовал приказ заместителя наркома торговли Союза ССР № 243 от 11 августа 1945 г.¹⁰⁶ А потому приказ этот был зачитан на производственных совещаниях, его изучали на занятиях персонала. Приказ апеллировал к идеалу работника «Особторга»: «безупречный внешний вид» и «соблюдение всех правил личной гигиены». К работе не должны были допускаться сотрудники «в грязной, неисправной или некомплектной спецодежде», «с нечистыми руками», небритые и непричесанные. В «случае необходимости» следовало организовать «систематическое обслуживание парикмахерами (маникюр, прическа и пр.)». В специальных журналах, которые должны были храниться у директоров, следовало ежедневно фиксировать результаты проверки умывальников, душа и уборных.¹⁰⁷

Можно было бесконечно изучать и прорабатывать спущенный сверху приказ о том, каким должен быть советский продавец, но что-то в самой системе, даже заточенной на обслуживание руководства, явно сбило. Когда комиссия, прибывшая с проверкой уже на излете деятельности «Особторга», заглянула в его холодильник, то пришла в ужас: «оболочка на колбасных изделиях осклизла, покрылась плесенью», рядом с испорченной колбасой лежит только что поступившая, на полу на деревянном подстиле — испорченные сыры, из которых некоторые совершенно сгнили и тут же свежие ... Стены камеры покрыты плесенью, мясо хранится свыше года, рыбная секция завалена нереализованной соленой треской».¹⁰⁸

---

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 12. Д. 45. Л. 25; Оп. 49. Д. 6. Л. 21.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-9436. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-9436. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–28.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 17. Л. 40.

В декабре 1946 года Берлинская контора «Особторга» «с магазинами, ресторанами, подсобным хозяйством и другими предприятиями» была передана в Управление торгово-бытовых предприятий СВАГ.¹⁰⁹ На ее основе была создана новая структура — Контора коммерческих предприятий¹¹⁰, которая и стала заниматься литературным снабжением начальства. На 1947 год советское правительство выделило СВАГ 496,5 полных литературных пайков.¹¹¹ Этот лимит должен был быть распределен между 1 147 представителями руководящего состава СВАГ, Советских Акционерных Обществ (САО) и других организаций. Однако попутно выяснилось, что до этого выдача карточек на литературные пайки производилась «без установления твердого лимита по управлениям и без учета штатного состава руководящих работников». В отдельных организациях литературные карточки выдавали «не только руководящему составу, но и второстепенным работникам», поэтому начальник Управления торговли и снабжения СВАГ И. Т. Дрофа счел необходимым с мая 1947 года установить «единый порядок выдачи» литературных пайков по специальному перечню.¹¹²

Распредив пайки, И. Т. Дрофа с гордостью доложил: «... дополнительных продовольственных ресурсов не потребуется».¹¹³ Однако он был слишком оптимистичен. Тут же посыпались многочисленные просьбы. Перечень должностей, претендующих на литературное снабжение, незамедлительно подвергли корректировке. В него добавили уполномоченного Госплана СССР, начальника отдела МГБ, прокуроров управлений СВА, начальников секрета-

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 17. Л. 42.

¹¹⁰ В мае 1948 г. Контора коммерческих предприятий была преобразована в контору Спецторговли продовольственными товарами. Она занималась торговлей продуктами через закрытую торговую сеть, а также отвечала за коммерческие рестораны и магазины литературного снабжения. См.: Приказ Главного начальника СВАГ № 0134 от 14/15 апреля 1948 г. «О ликвидации коммерческой торговли продовольственными товарами на территории Советской зоны оккупации Германии». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7 Д. 72. Л. 133–140).

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 16–17.

¹¹² С мая 1947 г. выдача литературных пайков руководящему составу производилась «согласно лимиту»: по норме I группы (полный существующий паек) — 152 чел., по норме II группы (половина полного существующего пайка) — 615 чел., по норме III группы («литер “А”, действующий в Советском Союзе и вновь устанавливаемый по СВАГ») — 380 чел. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 16–17.

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 17.

риатов Главногоначальствующего, руководителей Объединенного профсоюзного комитета... В итоге превысили лимит на 100 пайков. Просьб было так много, что и.о. начальника Управления торговли и снабжения СВАГ А. А. Шумилин запросил у начальника Штаба СВАГ разрешение больше не принимать к рассмотрению отдельные ходатайства «об увеличении лимитов или повышении категории».¹¹⁴ Но и в 1948-м, и в 1949 году ходатайства о выделении литературных пайков и повышении их статуса продолжали поступать.

Можно отметить некое «бурление» снизу, постоянно звучащие требования более справедливого распределения привилегий, если такое в принципе возможно. Недовольные выступали против привычной привязки пайка к начальственной должности. Предлагали выделять литературные пайки профессионалам с большим опытом работы, хорошо зарекомендовавшим себя.¹¹⁵ В мае 1949 года начальник политотдела СВА земли Саксония полковник Зяблов докладывал начальнику Политуправления СВАГ, что «... в политотдел земли поступали и продолжают поступать многочисленные заявления коммунистов на имеющиеся серьезные пороки в существующей системе выдачи литературных карточек». Он указал, что «целый ряд товарищей» с более высокими должностными окладами, воинскими званиями, образованием и «квалифицированностью» литературные карточки не получали и «назрела пора внести коррективы». Литерными продовольственными карточками, по его мнению, следовало наделять «не только категории должностей», но и конкретных высококвалифицированных работников — «по степени ответственности и важности исполняемой ими работы».¹¹⁶ Вполне понятно, что подобные предложения так и остались предложениями. Стоило государству признать право на исключения и привилегии за более широким кругом лиц, как высший управленческий слой рисковал остаться без своего статусного отличительного признака — «особого потребления».

Пока начальство пробивало себе и своим самым нужным работникам литературные пайки, рядовые сваговцы толкались в очередях за положенным им продовольствием. В магазины продукты завозили неравномерно, и не было уверенности, что удастся пол-

---

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 24–25.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 108. Л. 84–85.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 90. Л. 162–163.

ностью отоварить продовольственные карточки.¹¹⁷ И хотя снабженцы рапортовали, что «план товарооборота розницы... значительно перевыполнен», речь, как всегда, шла о количестве, а не о качестве и ассортименте.¹¹⁸ К этому нужно добавить и постоянное тяготение снабженцев к особому виду товара. В сентябре 1946 года обеспокоенные финансисты сообщали, что торговая сеть затоварена ликеро-водочными изделиями.¹¹⁹

Майор Столяр из Рандовской комендатуры был не одинок, упрекая начальство: «...деньги на питание семьи высчитывают, а продуктов полностью не дают. Даже детей не могут удовлетворить всем, чем требуется».¹²⁰ Мяса, молока и овощей часто не хватало на всех, что вызывало нездоровый «ажитаж и недовольство».¹²¹ Сваговцы жаловались: «Вот уже лето проходит, а мы еще не видели овощей и зелени, в то время как немцы регулярно через свои магазины получают капусту, морковь, огурцы и др. Были бы мы в СССР, то я хоть раз в неделю купила бы молока, овощей, а здесь все запрещено (покупать на немецких рынках. — Авт.), а организовано не снабжают»; «Я, наверно, скоро буду болеть цингой, потому что проходит лето, я еще не видел ни грамма ни овощей, ни зелени».¹²²

---

¹¹⁷ В СВАГ функционировали магазины Административно-хозяйственного управления СВАГ (их называли магазинами АХЧ, склад-магазинами, магазинами сухопайщиков, выдачи сухого пайка, позднее магазинами УМТО), в них выдавали нормированные продукты по карточкам, и магазины Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ (магазины ОТБП), в которых можно было приобрести как нормированные продукты, так и положенное сверх нормы продовольствие. Несмотря на то что количество магазинов постепенно увеличивалось, все равно их было недостаточно. Например, магазин № 1 в г. Галле на Марктплатц обслуживал 7 комендатур. Причем некоторые комендатуры были расположены в десятках километров от магазина. (ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 15. Л. 20–23). К тому же небольшие магазины в землях и провинциях оказались малоэффективными. Плохой выбор товара, потери в связи с транспортными расходами, не налаженный учет и контроль, растраты и хищения. Летом 1948 г. было принято решение сократить количество мелких магазинов. Решили открыть «межрайонные магазины». Их «на договорных началах» передали местным кооперативным обществам «Конзум» (Союз потребительских обществ земли).

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 48. Л. 27.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 627. Л. 13.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 49. Л. 333.

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 30.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 74. Л. 18.

Комиссия Политического управления СВАГ, дотошно проверявшая в марте 1947 года торгово-бытовые предприятия, отметила, что «завоз товаров» в провинции и земли в большинстве случаев проходил с большими перебоями. Не поступила в магазины треть необходимого мяса, еще хуже обстояло дело с молоком и яйцами, рыбой, жирами. Не лучше было положение и в «столице» СВАГ — Карлсхорсте. Мясо, рыбопродукты, яйца поступали нерегулярно. С манной крупой были постоянные перебои. В марте она так и не появилась на прилавках, «несмотря на большое количество детей, стоящих на снабжении».¹²³

Подсобное хозяйство УМТО СВАГ¹²⁴, по мнению комиссии, превратилось в «источник хищения и разбазаривания». Запущенно, грязь, низкие удои, бидоны ржавые, санитарные книжки отсутствуют, куры «больны и низкой упитанности», учет и отчетность в неудовлетворительном состоянии ...». ¹²⁵ Скот «почти весь болен туберкулезом, бруцеллезом и чесоткой» и доведен до истощения.¹²⁶ В Берлине в марте 1947 года сотруднице Штаба СВАГ было выдано из магазина такое мясо, что домработница-немка отказалась готовить, заявив, что его нужно выбросить, что и было сделано»¹²⁷, докладывала комиссия начальнику Политуправления СВАГ.

Проверяющие были недовольны и состоянием продовольственных магазинов. Даже в Берлине их помещения «не обеспечивали культурной торговли». Например, площадь торгового зала овощного магазина была всего 8 квадратных метров, а прикреплено к нему было 3 000 потребителей. В день проверки очередь достигла 50–60 человек и «тянулась по 3–4 часа». В мясном магазине (площадь торгового зала — 10 квадратных метров) толкалось

---

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10 Д. 15. Л. 4–57.

¹²⁴ Начальник УСВА федеральной земли Тюрингия Колесниченко еще в 1945 году сомневался, что от подсобных хозяйств может быть хоть какая-то польза: «... немецкая земля требует тщательного ухода, удобрений, строгого соблюдения агротехники, что наши хозяйственники не могут обеспечить, не зная условий и не имея необходимых средств...». По его мнению, отношение «к этим подсобным хозяйствам, мягко говоря, довольно некультурное, ведущее к разорению и развалу хозяйств, и польза от них только кое-кому из начальников, которые смотрят на это хозяйство как на дойную корову для себя лично и для близкого круга людей» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 80. Л. 33–340).

¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 14–17.

¹²⁶ Там же. Л. 9.

¹²⁷ Там же. Л. 9–10.

20–30 человек. «В бакалейном магазине № 1 — с утра была очередь покупателей в 60 человек и увеличивалась до 90 человек».¹²⁸ Иногда очередь занимали в 6, а то и в 4 часа утра.¹²⁹ Из-за того что «отпуск продуктов производится в крошечных магазинчиках», люди вываливались на улицу.¹³⁰ Разгонять очереди, как делали еще до войны в Москве¹³¹, было невозможно. Все это происходило на глазах у немцев и союзников. Очереди и так привлекали внимание. Коммунисты на партсобраниях рассказывали, как проезжавшие на автомашине американцы фотографировали длинную очередь, «стоящую у магазина на улице Тресков аллее».¹³²

Все попытки наладить ритмичное обеспечение продуктами в рамках снабжения централизованного терпели неудачу. Тогда прибегали к обычным мерам — предоставляли определенным категориям потребителей некие исключительные права, чтобы хоть как-то уменьшить толчею. В Тюрингии в июне 1947 года было решено ввести особые пропуска на право внеочередного получения продуктов для работающих женщин. Тем, кто был внесен в специальный список, продавцы должны были предварительно расфасовать продукты и выдать без очереди.¹³³ В УСВА провинции Саксония установили подекадный «порядок отоваривания»: вторая декада для районных комендатур, третья — для сотрудников УСВА и т. д. Правда, время работы магазина оставили прежним, неудобным — оно совпадало с рабочим днем (с 8 до 12, с 14 до 18 часов). Предлагали сделать исключение и для офицеров-одиночек — выделять им определенное время, когда можно проходить без очереди, а на их лимитных книжках — ставить «отличительный штамп».¹³⁴

Толкотня представителей оккупационной власти за продуктами и вещами не прибавляла этой власти авторитета. Очереди были шумными и беспокойными, с ссорами, публичными оскорблениями с показыванием «фиги»¹³⁵ и даже драками на глазах у немцев.

---

¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 102. Л. 58.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 40.

¹³⁰ Там же. Л. 11.

¹³¹ *Осокина Е.* Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43): <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/oso10.html>.

¹³² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 30.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 2. Д. 8. Л. 41.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 12. Л. 142; Д. 15. Л. 187.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.

Здесь, не обинуясь, резали правду-матку, и «можно было услышать все, что угодно».¹³⁶ Или неугодно! Болтали «о всяких таких вещах и событиях из жизни Советского Союза и СВАГ». Начальство пугало, что из-за слишком разговорчивых жен мужья могут запросто отправиться назад в СССР.¹³⁷ Парторг Управления торговли и снабжения СВАГ А. Карагодин вполне серьезно предложил Политуправлению СВАГ систематически посылать своих соглядатаев в магазины. Они должны были «посмотреть на поведение жен, послушать их разговоры и наиболее распущенных тут же призвать к порядку». Пусть, мол, другие увидят, что «безнаказанно болтать и дискредитировать Советский Союз нельзя».¹³⁸ С другой стороны, если простоять в очереди 3–4 часа, как можно удержаться от «резких суждений»?

Рядовые обладатели продовольственных карточек делились на сухопайщиков, т. е. получавших пайки на руки¹³⁹, и «довольствующихся» в офицерских столовых. Тех, кто в силу обстоятельств пользовался услугами общественного питания, вряд ли могло удовлетворить качество еды и обслуживания. Да и столовых не хватало. Даже в Карлсхорсте. Еда была однообразной и невысокого качества, помещения не отличались чистотой.¹⁴⁰ Первое время столовые были «тесными» и находились «в непригодных помещениях», не хватало тарелок, ножей, вилок, кухонного инвентаря.¹⁴¹ То же самое можно было сказать и о столовых в провинциях и землях.¹⁴² Будучи не в силах решить эту проблему для *всех* офицеров, начальник УСВА провинции Мекленбург генерал-майор М. А. Скосырев пошел по проверенному советскому пути. Он распорядился открыть столовую на хозрасчете для избранных — «генеральскую». Здесь в полном соответ-

---

¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 40.

¹³⁷ Там же. Л. 31.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ 1 июля 1948 г. бессемейные работники потеряли право на сухой паек и должны были питаться только в столовых. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0214 от 16 июня 1948 г. «Об упорядочении и улучшении питания, размещения и обслуживания личного состава СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 73. Л. 184–193).

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 6–8; Оп. 46. Д. 1. Л. 6.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 57. Д. 31. Л. 87–88.

¹⁴² См.: ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 2. Д. 1. Л. 14–15; ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 59.

ствии с утвержденным списком могли пообедать 11 полковников и «прибывающие во временную командировку работники вышестоящих органов».¹⁴³

Со своей стороны, директора столовых жаловались, что им отпускали «не те продукты, которые необходимы для приготовления разнообразной пищи», снабжали в основном «перловой или ячневой крупой, чего офицеры не едят, и пища остается на столах».¹⁴⁴ Но если сразу после войны такое состояние можно было как-то объяснить, да и особых жалоб не было — накормили и хорошо, то после того, как было создано специальное Управление торгово-бытовых предприятий СВАГ и снабжение продуктами должно было наладиться, столовые, как ни странно, остались такими же.

Весной 1947 года начальник 5 отдела Главного Интендантского управления Вооруженных Сил подполковник Гольдберг проверял, как организовано питание офицерского и вольнонаемного состава советских войск за границей (инспектировал он и СВАГ). Гольдберг нарисовал довольно неприглядную картину типичной офицерской столовой: «... в обеденных залах нет порядка. Шинели снимаются тут же и развешиваются или раскладываются на стульях или на столах. За спиной обедающего стоит очередь, в ожидании свободного стула. За столом сидят скученно. Скатерти, как правило, грязные, салфеток на столах нет, сервировка стола плохая, один нож на несколько человек, солонки нет. Выставленные на столах бумажные цветы не являются даже внешним показным признаком культуры, так как на них скапливается пыль, и они всегда засижены мухами... Несмотря на достаточное количество продуктов хорошего качества, меню однообразное, вкусовые качества блюд — низкие. Официантки [...] подают грязными руками, ногтей не чистят, спецодежду носят грязную».¹⁴⁵

4 февраля 1948 г. появилась директива № III/3/1230327с заместителя начальника Министерства вооруженных сил СССР В. А. Баюкова об улучшении организации питания генералов, офицерского состава и вольнонаемного состава советских войск,

---

¹⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 2. Д. 1. Л. 42.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 169, 170.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 267. Л. 17.

находящихся за пределами СССР. Этот документ был издан после постановления Совета министров СССР № 4020 от 16 декабря 1947 г., которое предусматривало улучшение всего дела общественного питания в стране. Перечислив застарелые недостатки общепита, генерал-лейтенант предписал в течение двух месяцев все исправить, наладить диетпитание, снабжение овощами и фруктами, а в буфетах — расширить ассортимент и продавать там полученные из СССР деликатесы.¹⁴⁶ Баюков как будто услышал сетования начальника Группы контроля СВАГ Н. Панова, который, как нам кажется, был тайным гурманом. За два дня до приказа, проверяя в очередной раз स्वाговские столовые, он с огорчением заметил, что «в буфете нет: селедочки, рыбы (заливной, копченой, в соусе), простокваши, варенца, молока, сливок, творога сладкого, булочек, сдобы, торта, пирожного, колбасы, сарделек, сосисок, сыра, варенья, меда, конфет, кофе и какао».¹⁴⁷ Позднее Панов выразился жестче и определеннее: «Буфеты в столовых по существу отсутствуют, так как, кроме воды и пива, ничего не имеют, а деликатесами, предусмотренными приказом, даже и не пахнет».¹⁴⁸

Командование СВАГ распорядилось срочно перестроить работу столовых в соответствии с директивой из Москвы. Однако, судя по результатам проверки, проведенной через три месяца, хотя для столовых и стали отпускать дополнительные продукты: мясо, молоко, сливки, масло, — питание в них так и осталось «*неудовлетворительным*». Эту оценку выделил и подчеркнул лично начальник Группы контроля СВАГ генерал-майор Н. Панов.¹⁴⁹ Недаром после прочтения одной из докладных записок о состоянии столовых начальник Штаба СВАГ генерал-лейтенант Лукьянченко гневно вопрошал главных снабженцев СВАГ: «Когда же все-таки у нас будут столовые в отличном состоянии? Все имеем, но сделать все зависящее от вас, не хотите!»¹⁵⁰

Мечта советского человека стать одним из тех, кого «кормят» наособицу, получила своеобразное развитие в «маленьком СССР». Этот человек оказался на работе в ведомстве, аналогов

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 104–106.

¹⁴⁷ Там же. Л. 78.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 111. Л. 140.

¹⁴⁹ Там же. Л. 139.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 145.

которому не знала советская бюрократическая система. Выполняя важные для страны задачи, он полагал, что такое исключительное положение дает право на особое «кормление». На деле все было не совсем так. Рядовые сотрудники как представители оккупационной власти имели возможность в первую очередь получать качественные продукты питания в полном объеме, но им приходилось постоянно бороться за свои потребительские права, используя методы и способы, сформированные в условиях советского тотального дефицита. Стоять «днями в очередях», заниматься самоснабжением, отбиваться на партийных собраниях от обвинений в «притуплении политической бдительности» из-за походов на «черный рынок», постоянно жаловаться начальству на перебои с продуктами и требовать, чтобы «качество было получше».

Оказалось, что даже в благоприятных для «сталинского человека» условиях организованное по-советски снабжение должно работать по привычной схеме: дефицит, очереди, связи, потребительские иерархии. Ее (этой системы) органические болезни нельзя было вылечить с помощью привычных заклинаний, связывавших возникавшие проблемы с «плохой воспитательной работой», бюрократизмом снабженцев, которые «не болели за порученное дело и за бумагой не видели живого человека».¹⁵¹ Все это было правильным, но совершенно бесполезным. В свою очередь, рядовые сотрудники СВАГ (и тоже по советскому обыкновению) винили в снабженческих проблемах свое начальство, тех, чьи потребительские продовольственные привилегии были у них на виду. Сваговцы не добирались в критике до слишком высоких этажей и не углублялись в действительные причины. Объяснения и жалобы были слишком просты, хотя и справедливы: «Продовольствие дают нам низкого качества, а сигаретами могут отравить, ибо от них кашляет не только тот, кто курит, но и тот, кто находится рядом с курящим. Отдел торгово-бытовых предприятий служит только для начальников. Начальство все загребает себе, а нам дают то, что им не нужно. Поэтому и заботы у них о нас нет».¹⁵²

---

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 46. Л. 69.

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 52. Л. 44.

Вещи: необходимость и мечта

Оккупационная власть и внешне должна была выглядеть достойно. В конце концов, это вопрос политический. Негоже было советским офицерам ходить в заношенных гимнастерках на фоне щегольски одетых союзников. Мы уже писали о том, как, мягко говоря, «неэлегантно» были обмундированы в первое время представители самой массовой сваговской «профессии» — офицеры и рядовой состав военных комендатур. Гражданские сотрудники СВАГ поначалу выглядели не лучше. Как докладывал Политотдел Штаба СВАГ в августе 1945 года, они прибывали из СССР, часто «не имея даже сменного белья, постельных принадлежностей, туалетного и хозяйственного мыла». На этой почве у некоторых «имелись настроения» уехать обратно.¹⁵³ Да и позднее внешний вид прибывающих мало изменился в лучшую сторону. Переводчица французского языка, приехавшая в Германию в 1947 году для работы в аппарате Политического советника, вспоминала, что у нее были с собой только две пары обуви — старые поношенные боты на ногах и парусиновые тапки в чемодане. В Карлсхорсте она ловила насмешливые взгляды офицеров, в том числе и будущего мужа, с недоумением разглядывавшего ее допотопные боты. В такой обуви на встречу с иностранными представителями не пойдешь.¹⁵⁴

СНК СССР с самого начала обязал Начальника Тыла Красной Армии обеспечить личный состав военной администрации «двойным комплектом обмундирования улучшенного качества, а руководящий состав, кроме того, штатской одеждой».¹⁵⁵ Когда осознали, что в СВАГ прибывает на работу немалое число гражданских сотрудников и неправильно одевать их, по выражению маршала Жукова, в военную «неполную» форму, то есть без погон и знаков различия, первоначальное решение дополнили. СНК обязал Наркомторг СССР выдавать гражданским «верхнюю одежду и обувь повышенного качества».¹⁵⁶ Но на деле осуществить по-

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 23. Л. 5.

¹⁵⁴ Из личных воспоминаний М. В. Коробковой (в пересказе ее дочери Марины Козловой).

¹⁵⁵ Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. С. 971.

¹⁵⁶ См.: Распоряжение СНК № 10 548рс от 8 июля 1945 г. (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47а. Д. 5093. Л. 2–3).

доброе через два месяца после окончания войны было сложно. Даже в Штабе СВАГ дела обстояли не лучшим образом. Нужно было срочно искать выход.

В начале августа 1945 года представители СВАГ вылетели в столицу за получением экипировки. Получили, видимо, не всё. В некоторых отделах материал на пальто и костюмы выдали из расчета 70–80% к наличному составу.¹⁵⁷ Использовали и местные возможности. В конце августа 1945 года военным комендантам городов Цвикау, Хемниц и Лейпциг было приказано оказать содействие представителю Штаба. Они должны были помочь ему отобрать и закупить материал для «пошивки обмундирования, одежды и обуви для сотрудников».¹⁵⁸ В ноябре выяснилось, что немецкие фирмы, которым доверили «шитье костюмов из шерстяного материала», полученного в Москве, испортили все «готовые изделия». Руководство Военторга¹⁵⁹ обвинили в том, что «вместо отказа принимать брак» оно «прикрыло вредительские действия немцев и вызвало массовое недовольство сотрудников».¹⁶⁰

Первоначально сваговцев обеспечивали промтоварами через «торговую сеть военторгов по талонам и спискам».¹⁶¹ Но особым почетом пользовались ордера, предполагавшие разовое разрешение на получение «недостаточных» товаров. На них поначалу никакие ограничения не распространялись. (В СВАГ до 1946 года

---

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 51. Д. 20. Л. 208.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 2. Д. 3. Л. 197.

¹⁵⁹ Военторг СВАГ был организован в мае 1945 г. по решению Военного Совета 1-го Белорусского фронта. Он получил название «Берлинский», но четких указаний о контингентах обслуживания и объеме работы не имел, поэтому с мая до конца июля присланный из Москвы аппарат переживал организационный период. За это время сменилось более 10 руководящих работников. До 1 июля 1945 г. Военторг СВАГ находился в ведении Военторга ГСОВГ, затем приказом НКТорга СССР № 232 от 10 июля 1945 г. был выделен в самостоятельную организацию. Он стал «самостоятельным отделом (согласно устному указанию маршала Жукова) и подчинялся Торговому отделу при Главном интенданте Красной Армии», обслуживая Штаб СВАГ. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 40–42). До сентября 1945 г. все его товары реализовались по ценам, существующим в СССР. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 622. Л. 29.) Военторг СВАГ имел 5 промтоварных и 6 продовольственных магазинов, 12 столовых, 5 ларьков и буфетов и 20 производственно-бытовых предприятий. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 45–46).

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 5. Л. 14.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 1. Л. 212.

лимитных книжек, таких как в ГСОВГ, не было¹⁶²). По оценке начальника Финансового управления СВАГ П. Малетина, обеспечение промышленными товарами было «крайне неудовлетворительно». Нормы снабжения не установлены, да и само снабжение «происходило от случая к случаю». Магазины Военторга СВАГ в Берлине «с возложенными на них функциями не справлялись», а в провинциях и землях магазинов «закрытого типа для снабжения советских работников» просто не было. Существовавшая практика выдачи ордеров, по мнению Малетина, никем не регулировалась, что создавало возможность злоупотреблений.¹⁶³

В январе 1946 года на базе Военторга СВАГ было создано Управление торгово-бытовых предприятий СВАГ (УТБП) с отделениями в провинциях и землях.¹⁶⁴ Оно должно было заниматься распределением лимитированных товаров, но с трудом разворачивало свою работу. Одно было понятно: переход на лимитные книжки в СВАГ скоро неизбежно произойдет, тем более что они уже действовали в ГСОВГ. Само наименование этого документа говорило о более упорядоченной снабженческой практике — лимитные книжки зафиксировывают *нормы* выдачи промышленных товаров и резко сужают сферу действия бесконтрольных индивидуальных ордеров. Готовясь к этому неприятному для управленцев событию, руководство структурных подразделений центрального

---

¹⁶² В августе 1945 г. Совнарком СССР разрешил продавать личному составу ГСОВГ нормируемые промтовары из числа тех, что закупались в Германии, по «немецким ценам» (они были значительно ниже советских) и «без предъявления промтоварных карточек». Однако, понимая, что продажа без карточек по «удешевленным ценам» вызовет ажиотаж, тут же было введено ограничение — лимитные книжки. По ним ежемесячно можно было покупать нормируемые товары лишь на определенную сумму. В ГСОВГ генералам ежемесячно выдавалась лимитная книжка на 2 000 марок, офицерскому составу — на 500 марок, вольнонаемным инженерам — на 1 000 марок, машинисткам, делопроизводителям, чертежникам — на 500 марок, остальной вольнонаемный состав получал лимитные книжки на 200 марок. К лимитированным товарам не относились «товары ассортиментного минимума и спиртоводочные изделия». См.: Постановление Военного совета ГСОВГ № 0161 от 22 августа 1945 г. «Об изменении политики цен в системе Военторга ГСОВГ» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 65. Л. 378 об. — 379).

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 218. Л. 85–86.

¹⁶⁴ См.: Приказ № 014 Главноначальствующего СВАГ / Главнокомандующего ГСОВГ об организации Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ в Германии в соответствии с распоряжением СНК СССР от 7 января 1946 г. № 154рс (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79–90).

аппарата СВАГ решило помочь своим сотрудникам. Основной товарный поток был направлен *в обход магазинов*, напрямую в управления и отделы. Началась большая распродажа товарных запасов.

Всего Управление торговли и снабжения СВАГ с 25 января 1946 г. по 1 апреля 1946 г. отпустило управлениям, отделам и воинским частям Штаба СВАГ по ордерам для распределения между сотрудниками более 80 тыс. метров шерсти для костюмов и пальто, более 12 тыс. мужских сорочек, около 5 тыс. пар дамской и мужской обуви и многое другое.¹⁶⁵ За то же время дополнительно «различным организациям и отдельным лицам» было выдано более 80 нарядов на различные товары, из них часть «по запискам и отношениям»! Вероятно, кое-что предназначалось начальству: мех на манто под котик, черно-бурые лисицы, ружья, ковры, бархат, тюль... Все дефицитное и трудно доставаемое. «Большая распродажа» по ордерам, по понятным причинам, не нашла никакого отражения в официальной истории Управления торговли и снабжения СВАГ. Даже когда с 1 апреля 1946 г. Управлению было запрещено выдавать наряды, минуя Планово-экономический отдел, эти выдачи в мае все равно продолжались.¹⁶⁶ Заодно, оправдываясь сложной ситуацией, в ход пустили и другие способы удовлетворения потребностей сотрудников управлений и отделов — и всё «в порядке исключения».¹⁶⁷

Снабженческая самодеятельность управлений и отделов центрального аппарата пошла на убыль в апреле 1946 года, когда наконец были введены лимитные книжки. В августе того же года их перевыпустили и установили единые правила продажи промышленных товаров для СВАГ. Лимитные книжки были четырех категорий, каждая из которых соответствовала определенно-

---

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 102. Л. 118.

¹⁶⁶ Там же. Л. 121.

¹⁶⁷ Например, Управлению репараций и поставок СВАГ удалось получить разрешение от Министерства внешней торговли СССР на приобретение за счет трофейных марок (с последующим их погашением) товаров для нужд личного состава на сумму 500 000 марок. Часть закупленного пошла на оборудование служебных помещений, «большая часть» была выдана «работникам за плату». Н. А. Панов дотошно перечислил в докладной все приобретенное Управлением с декабря 1945 г. по февраль 1946 г.: 7 000 метров шелка, 244 шт. ковров, 800 метров ковровых дорожек, 5 тысяч метров различных тканей, дамские и мужские туфли по 500 пар и т. д. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 102. Л. 117–118).

му уровню бюрократической иерархии.¹⁶⁸ Сотруднику полагалась одна книжка независимо от состава проживавшей с ним семьи. Продажа по лимитным книжкам производилась по нормам постановления Военного Совета ГСОВГ № 28 от 16 марта 1946 г.

Таблица 2. Обязательный минимум основных промышленных товаров по нормам постановления Военного Совета ГСОВГ № 28 от 16 марта 1946 г.¹⁶⁹

	Ед. изм.	Для генералов / для полковников	Для офицерского состава	Для вольнонаемного состава	Для детей
Хлопчатобумажные ткани	м	8/5	5	3	3
Шерстяные ткани	м	5/3	3	—	—
Шелковые ткани	м	8/5	3	2	—
Готовое платье	шт.	2/1	1	1	1
Белье	пара	3/2	2	1	1
Верхний трикотаж	пара	2/1	1	1	1
Чулки	пара	6/4	3	2	2
Носки	пара	5/3	2	2	—

¹⁶⁸ Первые три категории для начальства:

— «вне серии» — для генералов, начальников управлений СВАГ, УСВА, коменданта Советского сектора г. Берлина, начальников некоторых отделов СВАГ — народного образования, здравоохранения, рабочей силы, кадров, а также для работников, имевших звания Героя Советского Союза и Героя социалистического труда;

— серия «А» — для заместителей начальников управлений СВАГ, начальников штабов, и заместителей начальников Управлений СВА, начальников отделов, не входящих в управления (самостоятельных), партторгов управлений и отделов, зам. коменданта Советского сектора г. Берлина;

— серия «Б» — для помощников начальников управлений, начальников отделов, входящих в управления, и их заместителей, начальников отделений, групп и бюро, полковников (если по занимаемой должности они не были отнесены к высшим категориям) и научных сотрудников, имевших ученые степени и звания.

— серия «В» — для всех остальных сотрудников. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0241 от 14 августа 1946 г. «О порядке продажи промышленных товаров контингенту СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 62–63).

¹⁶⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 12. Д. 58. Л. 52.

Продажу «недостаточных» дефицитных товаров — аккордеонов, фотоаппаратов патефонов, часов, велосипедов, швейных машин, охотничьих ружей — приказано было производить по ордерам отделов торгово-бытовых предприятий. Эти ордера должны были иметь исключительно «премиальный» характер. Начальникам управлений и самостоятельных отделов следовало распределять их «среди лучшей части личного состава». Снабженцам было категорически запрещено выдавать *разовые* ордера.¹⁷⁰ Теперь подобная практика была объявлена откровенным нарушением.

Официальные нормы промтоварного снабжения сотрудников СВАГ в каких-то «номинациях» даже опережали нормы, установленные для партийных работников местных парторганизаций.¹⁷¹ Теоретически на свою зарплату сваговцы могли многое себе позволить. Но именно теоретически. И в 1945-м, и в 1946 году, а часто и в последующие годы, когда централизованное снабжение, хотя и с проблемами, но все-таки заработало, из Карлсхорста, управлений СВА провинций и земель, военных комендатур продолжали идти бесконечные жалобы: выданные лимитные карточки не отвариваются, качество товаров неудовлетворительное. Получалось, как выразился один из жалобщиков, «неудовольствие»: «товарищи не могут даже себя прилично одеть. В магазине, где люди прикреплены «по лимитным книжкам материал очень плохой»¹⁷², вместо шерстяных тканей покупателей ждали изделия из деревянного волокна «типа шерсть»¹⁷³, взамен необходимых вещей выдавали то, что было в наличии «на фирмах или базах». Это могли

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 62–63. С 1 апреля 1947 г. лимитные книжки стали печатать на специальной бумаге, по правилам хранения и учета их приравнивали к денежным документам. Дети были выделены в отдельную категорию (группу). Новорожденным полагался «стандартный пакет с одеялом. Состав других групп (категорий) пополнился новыми должностями, нормы продажи промышленных товаров были увеличены. К обязательному минимуму было добавлено мыло туалетное, хозяйственное и мыльный порошок. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 075 от 11/12 марта 1947 г. (ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 44. Л. 66–78).

¹⁷¹ В Москве в 1945 году «совпартактиву» выдавались «особые заборные книжки с годовым сроком действия. Они содержали 23 ордера, в том числе на пальто, костюм, платье, брюки, юбку, 3,5 метра шерсти, 4 метра шелка, 10 метров хлопчатобумажной ткани, по 2 пары кожаной и резиновой обуви, 4 пары белья и другие товары». См.: *Твердюкова Е. Д.* Указ. соч. С. 259.

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 47.

быть и «спортивные короткие брюки (национальные, немецкие)», и спортивные чулки-гамашы.¹⁷⁴ Офицерам вместо «двух пар нательного белья» могли выдать «дамские трусы»¹⁷⁵, а в тех редких случаях, когда в магазины поступал «хороший материал», его можно было получить только по «специальной записке начальника отдела торговли». Опять по записке! До коммандатур иногда даже товары первой необходимости не доходили.¹⁷⁶ Что же говорить о дефиците, который, по мнению тех, кто жаловался в зональную газету «Советское слово», оседал «в руках узкого круга лиц».¹⁷⁷

Советские снабженческие службы в Германии действовали по давно наработанным схемам, правилам и обычаям, которые могли породить дефицит даже того, что было в достатке. Снабженцы оправдывались: промышленные товары, производившиеся в Советской зоне оккупации Германии, «направлялись в первую очередь на вывоз по репарациям и интендантству Группы [советских оккупационных войск]», а выделяемые для СВАГ фонды были незначительны.¹⁷⁸ Не понятно только, зачем было «централизованно» отгружать термосы, радиоприемники, аккордеоны, пишущие и швейные машинки из Тюрингии в Берлин, а затем везти их... обратно? Или отправлять «качественный товар» в Карлсхорст, а «остатки, часто некачественные», распределять по провинциям?¹⁷⁹ Почему никак не прекращалась запрещенная начальством торговля по разовым ордерам? Даже сами сотрудники отдела торгово-бытовых предприятий на партсобрании возмущались, что с ордерами явные «непорядки»: «Сергеев пишет, Морозов пишет и Лавкер¹⁸⁰, которому не разрешено, тоже пишет [ордера]». И если бы только выписывали ордера, а то они еще и резервируют «хорошие материалы к пошивке одежды и обуви...».¹⁸¹

Детально на вопрос, куда уходили хорошие товары, ответила в марте 1947 года представительная комиссия, проверявшая рабо-

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 73.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 68. Л. 159.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 111.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 4. Л. 16.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 73.

¹⁸⁰ Сергеев — начальник Отдела торгово-бытовых предприятий, Морозов — начальник автомобильного отдела, Лавкер — начальник производственных мастерских УСВА федеральной земли Саксония.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 66.

ту Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ: «Несмотря на запрещение отпуска различных товаров по ордерам и запискам частным лицам, их выдача «продолжает широко практиковаться». По подсчетам комиссии, за три месяца 1947 года было выдано 6 242 ордера, в том числе на промтовары — 3 499. Одних только сигарет в январе было «выдано полмиллиона, но ввиду отсутствия всякого учета, неизвестно кому». Бесцеремонно обращались снабженцы и с товарами «спецназначения («спецдрап» и «спецшерсть» высшего качества). В принципе они были предназначены для тех, кто «соприкасался с [Союзным] Контрольным Советом» и должен был выглядеть «лучше всех». Однако часть товаров «спецназначения» была роздана сотрудникам отдела торгово-бытовых предприятий, причем «спецдрап и спецшерсть» получили не только они, но и «все завмаги, зав. столовыми и продавцы», явно не занимавшие дипломатических должностей... Комиссия пришла к выводу: «созданная система бесконтрольной выдачи ордеров» и «анонимных записок» привела к «разбазариванию специальных фондов товаров, самоснабжению и снабжению друзей, знакомых и «нужных людей»».¹⁸²

Извечный советский конфликт между снабженцами и потребителями в СВАГ не только постоянно выплескивался на поверхность повседневной жизни, но однажды даже перерос свои обычные рамки и вышел из области кулуарных обсуждений на публичный уровень. На партактиве в апреле 1947 года начальник отделения информации Общего отдела Штаба СВАГ майор Богданов неожиданно выступил с обличительной речью, назвав сваговцев *жертвами* Управления торгово-бытовых предприятий: «Некоторым товарищам, которые прикреплены к специальным магазинам, в которых всегда все имеется и в достаточном количестве, конечно, трудно понять, что значит купить килограмм мяса или 5–6 метров материала, который нам дают по карточкам... Наши жены встают в 7–8 часов утра и ходят из очереди в очередь до закрытия магазинов».¹⁸³

Но не только нехватка товаров и очереди волновали Богданова. Он полагал, что «из всей системы СВА наиболее безответственно чувствуют и ведут себя работники Управления торгово-бытовых

---

¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 80, 81, 82.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

предприятий, а их руководителям все сходит с рук: «Сколько было проведено обследований, сколько составлено актов на т. Моргунова¹⁸⁴ [...]. Тов. Моргунов не нуждается в нас, он от нас не зависит, и он нас не признает. Часто слышны разговоры о том, что тов. Моргунов — самый старший человек у нас в СВА, что полковники кланяются ему и козыряют. Есть еще хуже разговоры. ... Его [якобы] не привлекают к ответственности, потому что он задобрив все начальство».¹⁸⁵ Уверенности выступавшему придавал тот факт, что в марте 1947 года он сам принимал участие в проверке работы Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ и предельно был осведомлен о положении дел.¹⁸⁶

На следующий день начальник Политотдела Штаба СВАГ Овчинников накинулся на Богданова с обвинениями. Он назвал его выступление «политически неправильным», настаивал, что тот якобы одобрял походы сотрудников на «черные рынки». А затем перешел к демагогии: «Спрашивается, — добавил Овчинников политического перца в свою речь, — почему это советский народ у нас на Родине должен пойти на временные жертвы и переносить трудности временного характера, а мы здесь с вами должны стоять в стороне и не поставить перед собой задачу экономии и разумного использования продовольственных и промтоварных ресурсов, и созидательного (очевидно, сознательного. — *Авт.*) ограничения себя в кое-чем». А напоследок, решив добить своего невольного оппонента, заявил, что тот не выражает мнение народа!¹⁸⁷ Но, вероятно, «народ» с ним не был согласен. Почувствовав негативную реакцию зала, Овчинников быстро сориентировался и сообщил, что меры будут приняты.

Действительно, через месяц, в мае 1947 года появился соответствующий приказ Главного начальствующего СВАГ.¹⁸⁸ И в нем говорилось не только про очереди. Было и про грубое обращение

¹⁸⁴ А. В. Моргунов — начальник Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ до 12 декабря 1947 г. См.: Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. Справочник / Отв. ред.: Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина; при участии Х. Кюнцель, Д. Н. Нохотович. М., 2009. С. 883.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 73–74.

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 10. Д. 15. Л. 58–100.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 96–97.

¹⁸⁸ Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0147 от 19 мая 1947 г. «О результатах проверки материально-бытовых условий в военных комендатурах, частях и учреждениях СВАГ». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 46. Л. 64–72.

продавцов, низкое качество товара, «неотovarивание» лимитных карточек, скачкообразное поступление товаров, бесконечные жалобы и нарекания на работу снабженцев, злоупотребления и хищения.¹⁸⁹ Главногоначальствующий СВАГ возмущенно спрашивал: «Как могло случиться, что наши комендатуры, части и учреждения, осуществляя оккупационный режим и являясь, по существу, хозяевами положения, дошли до такого состояния?» В. Д. Соколовский потребовал: «навести полный порядок», «резко улучшить», «устранить все недочеты», «изжить формально-бюрократический стиль», то есть использовал весь набор стандартных советских увещеваний, которые, увы, мало на что влияли. Все конкретные распоряжения, прозвучавшие в приказе, уже отдавались не раз и не помогали. Представители управлений СВА земель, со своей стороны, предлагали варианты улучшения снабжения: дать им (УСВА) право самим подбирать кадры, непосредственно получать наряды на товары, закрепить лучшие немецкие фирмы за отделами торгово-бытовых предприятий УСВА земель и дать им возможность закупать товары в других зонах Германии¹⁹⁰, то есть частично децентрализовать снабжение. Возможно, такие меры и могли помочь, но централизация — «священная корова» советской системы снабжения — должна была при любых обстоятельствах оставаться в целостности и сохранности.

Постоянно всплывала на поверхность и проблема «кособочного» качества «централизованных» товаров. Один из участников собрания партийного актива СВАГ в июле 1947 года высказался на этот счет весьма откровенно: «Тот товар, который мы получаем в наших торговых отделениях, по количеству устраивает, но низкого качества. В немецких магазинах продаются товары лучшего качества. Как вы ни работайте с женщинами, как ни доказывайте, все-таки отдельные женщины идут на всякого рода обмена, чтобы получить товары несколько лучшего качества, ибо спрос у советских людей повышается в силу того, что мы здесь материально лучше обеспечены».¹⁹¹ Попросту говоря, сваговские женщины в далеком 1947 году уже обрабатывали по-

---

¹⁸⁹ Только за 6 месяцев 1947 года, по данным военного прокурора СВАГ Н. Котляра, в торгово-бытовых предприятиях СВАГ было расхищено и разбазарено денег и товаров на сумму 919 779 руб. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 45. Д. 8. Л. 225).

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 110. Л. 158.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 57.

требительские практики «развитого социализма», когда деньги вроде бы есть, а потратить их с пользой для себя не так-то и просто ... Пребывание в Германии развивало вещевые потребности — как через сравнение с немецким потреблением, так и благодаря новым материальным возможностям. Брать «что дают» больше уже не хотелось. А получить, что хочется, с помощью небольших (или больших) хитростей и нарушений было вполне реально.

Прилично одеться и обуться, оставаясь только в рамках централизованного легального снабжения, было, как мы видим, весьма затруднительно. И в 1945 году, и позднее сваговцы прекрасно понимали: чтобы использовать неожиданно представившийся редчайший для советского человека шанс, нужно было очень постараться. Уповать только на легальные возможности системы централизованного снабжения было бы наивно. Да и требовались не только одежда и обувь. В аскетический, ущербный от постоянного дефицита советский быт можно было добавлять и добавлять много нужных и полезных «мелочей». Немецкая бытовая культура оставляла в сознании «сталинского человека» множество ярких впечатлений. Призывы сознательно ограничить «себя в кое-чём»¹⁹² слушали не очень внимательно. Каждый знал: «рано ли, поздно ли, нужно будет уезжать в СССР». И хотелось «взять с собой те необходимые вещи, которые нужны в быту».¹⁹³ Сваговцы старались, как правило, не переступить границы легального, но без полудеяльного самоснабжения они обойтись не могли. Такой «серой» деятельностью занимались в большей или меньшей степени практически все, в том числе и партийные работники, но всех наказать было невозможно. Данное утверждение ни в коей мере нельзя считать оправданием тонувших в дефиците вороватых хозяйственников, которым немцы носили «пакеты» с вещами прямо на квартиру¹⁹⁴, а тем более тех, кто запутался в своих криминальных и подсудных деяниях.

Заместитель начальника Управления СВА земли Тюрингия по политическим вопросам Г. Т. Захаров, подводя итоги своей работы в марте 1949 года, докладывал секретарю ЦК ВКП (б)

---

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 96.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 45. Д. 16. Л. 16–17.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 71. Л. 137.

М. А. Суслову¹⁹⁵, что «снабжение поставлено было очень плохо. Самые простых вещей для домашнего хозяйства приобрести в торговой сети было невозможно». Работники вынуждены были обращаться к немецким промышленникам, торговцам, частным лицам, которые соглашались уступать свои вещи только за продовольствие и сигареты. В результате почти все работники органов СВА земли занимались таким обменом, это настолько разжигало «обменные страсти», что «сбило с правильного пути не один десяток в прошлом хороших людей».¹⁹⁶

Методы самоснабжения были различны, а «сталинский человек», занимавшийся этим промыслом, изобретателен. Переводчица из аппарата Политсоветника, поменяв ненужный ей табак на 2 кг мяса, отправилась с ним к немецкой портнихе, чтобы сшить себе платье. Она была человеком чрезвычайно законопослушным и недавно приехала в Германию, но даже она не видела в своих действиях ничего плохого, не считала, что сбилась с правильного пути — так поступали все. О своем «предпринимательстве» рассказывала с гордостью и удивлением — ей это было совсем несвойственно.¹⁹⁷

Иногда отношения сотрудников военной администрации с немецкими фирмами приобретали даже характер частной сделки. Однажды в центральном аппарате СВАГ «неизвестное лицо» получило посылку с образцами одеял. Группа контроля СВАГ тут же занялась проверкой. Оказалось, что в конце декабря 1946 года сотрудник Управления промышленности СВАГ К. частным порядком договорился с фирмой «Штейнер и сын» (г. Франкенберг, федеральная земля Саксония) об отправке на его имя 10 ватных шелковых одеял. Действия К. квалифицировали как «самоснабжение» и «использование служебного положения». Он попытался оправдаться и заявил, что не считает себя первопроходцем. Фирма «Штейнер и сын» уже выполняла подобный заказ для сотруд-

---

¹⁹⁵ Докладная записка Г. Т. Захарова была адресована также Главнотрудовому СВАГ и его заместителю по политическим вопросам. Захаров был участником кадрового эксперимента ЦК. Он был назначен на должность заместителя по политической части УСВА земли Тюрингия, хотя и не был военным. (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 77. Л. 17).

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

¹⁹⁷ Из личных воспоминаний М. В. Коробковой (в пересказе ее дочери Марины Козловой).

ников Управления промышленности. И речь тогда шла ни много ни мало о 300 одеялах.¹⁹⁸ Этот товар пользовался большой популярностью. По воспоминаниям одного из авторов, они были стеганные, блестящие и даже спустя 15 лет после войны продолжали сиять темно-синим заграничным глянцем и производить впечатление откровенно заморское. Привезены они были из той же Саксонии, где в Группе оккупационных войск служил дед — майор медицинской службы.

Одним из компенсаторов недостатков централизованного вещевого снабжения была рыночная торговля. Посещать немецкие рынки, как мы уже писали, советским гражданам было запрещено, с чем, впрочем, считаться соглашались далеко не все. Правда, на рынках было не только «запретно», но и очень дорого. На сваговскую зарплату не очень-то разгуляешься, хотя по советским меркам она была высокой.¹⁹⁹ Переводчица, например, могла купить на всю свою зарплату в марках лишь отрез на платье и поношенные ботинки.²⁰⁰ Очень красочно описал свои переживания при посещении «черного рынка» в Берлине служивший в Германии Владимир Гельфанд: «Плащ продают за 5,5 тысяч (марок. — Авт.). Хороший, большой, новый, красной кожи. Хочется иметь, так хочется, аж слюнки текут, а денег нет».²⁰¹

В Берлине, на главной барахолке Германии, высокий уровень цен во многом определяли американцы. В воспоминаниях Г. А. Литвина, служившего после войны в СЗО, сохранилась яркая зарисовка (сентябрь 1945 г.): «У Бранденбургских ворот путь нам преградила непроходимая толкучка. От главной улицы Берлина —

---

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 105. Л. 425–428.

¹⁹⁹ Козлов В. А., Козлова М. Е. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // История. Ostkraft. Научное обозрение. М., 2018. № 5.

²⁰⁰ В ноябре 1945 г. в Берлине новые кожаные мужские ботинки на рынке стоили от 800 до 1 200 марок (1 марка равнялась 50 коп. — Авт.), поношенные — от 200 до 600, женские новые — 700–1000, поношенные — 300–750 марок. Костюмы мужские поношенные стоили 1 000–2 000 марок, сорочки — от 150 до 200 марок, чулки из искусственного шелка — 150–180 марок, пальто мужское новое — 1 600–2 000, поношенное — 650–1 000 марок, отрезы на дамские шерстяные платья — 1 000–1 300 марок (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 423. Л. 38).

²⁰¹ Гельфанд В. Дневник 1941–1946. М., 2015: <http://knigosite.org/library/read/34392>.

Унтер-ден-Линден — до подножия обгоревшего здания рейхстага бурлила многотысячная толпа немецких, английских и американских спекулянтов, покупателей и зевак. Так называемая рейхстаговка (толкучка) решала многие проблемы своих клиентов. Американские офицеры и солдаты в коротких курточках, подкатывая к базару на «виллисах», деловито вытаскивали из кузовов блоки сигарет, исчезали в толкучке и выныривали из нее с тяжелой поклажей — антикварными вазами, дорогими сервизами, картинами. Офицерам, как правило, помогали экстравагантные дамы. Груженые добычей машины уходили по Шарлоттенбургштрассе в западную часть города».²⁰²

Комендатуры проводили в подобных местах проверки. Ловили нарушителей. Один из завсегдатаев отметил в своем дневнике 11 ноября 1945 г.: «На Александерплатц «черного базара» не было. Комендатура старалась изо всех сил. Вся площадь контролировалась зоркими патрулями, которые то и дело неоднократно и на одном месте проверяли документы, беззастенчиво требуя их у офицеров на глазах у немцев».²⁰³ Задержанные на «черных рынках» оправдывались, что они еще не получили [лимитных] карточек, а «деньги негде было расходовать». Один из провинившихся утверждал даже, что перед ним встал «гамлетовский» вопрос: «приобрести себе вещь или пьянствовать», клялся, что ведавать не ведал о запрете, к тому же начальник знал, что он был на рынке, «но никаких предупреждений не делал», поскольку пользовался рынком «сам или при помощи своего шофера».²⁰⁴

В 1946 году за сваговцев — любителей посещать «черные рынки» взялись всерьез. 1 июня 1946 г. военной комендатурой Штаба СВАГ и прокуратурой была произведена проверка и регистрация автомашин, находившихся в служебное время (с 11.30 до 15.00) на «черном рынке» в районе Лихтенберг г. Берлина. Было вылов-

---

²⁰² Литвин Г. А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны. Размышления очевидца. М., 1998: <https://www.rulit.me/books/na-razvalinah-tretego-rejha-ili-mayatnik-vojny-read-31585-13.html>. М. И. Семиряга, со ссылкой на журнал «Америкэн» от апреля 1946 года, сообщает, что за год (с мая 1945 г. по апрель 1946 г.) американские солдаты «послали домой 60 млн долларов, «заработанных» на «черном» рынке» (Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995: <https://rbook.me/book/21889161>).

²⁰³ Гельфанд В. Дневник 1941–1946: <http://knigosite.org/library/read/34392>.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 40. Д. 54. Л. 38.

лено около тридцати нарушителей. Попались и начальник ОКР «Смерш», и приехавший в Берлин из провинции подполковник, и жены начальников, домработницы, шоферы, «исполняющие поручения».²⁰⁵ Результаты проверки были доложены члену Военного Совета СВАГ генерал-лейтенанту Бокову. Он немедленно распорядился подготовить соответствующий приказ по Штабу.²⁰⁶ Однако в итоге решили иначе. Статус угрозы повысили. 10 июля 1946 г. появился приказ самого Главного начальствующего СВАГ. Он был возмущен, что начальники не вели решительной борьбы с походами на «черный рынок», а политработники не только самоустранились, но некоторые из них сами бывали на барахолках. Подобные посещения еще раз «категорически запретили», а к нарушителям грозились применить «самые строгие меры наказания вплоть до предания суду военного трибунала», не говоря об откомандировании в СССР.²⁰⁷ Борьба с запретными рынками и наказание сваговцев, случайно выдернутых из массы нарушителей, проблему альтернативного вещевого снабжения не решали. Начальство могло возмущаться сколько угодно.

Женский потребительский протест. Causa belli 1947 года

В 1946 году руководители политических органов СВАГ обнаружили нового «идейного врага». «Зло» поселилось в домах сотрудниц военной администрации, и это были их жены. На собраниях звучали обвинения: «женщины разложились», бегают за тряпками, да еще и требуют наладить снабжение нужными товарами. Подобные требования были расценены как вызов, спровоцировали начальственное раздражение. Женщины не боялись высказываться публично, порой переходили на крик и кричали

---

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 6. Л. 163–164.

²⁰⁶ Там же. Л. 163.

²⁰⁷ См.: Приказ № 0185 Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ от 10 июля 1946 г. «О запрещении посещения работниками СВАГ и членами их семей немецких черных рынков и мерах борьбы с нарушителями» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 25. Л. 71–73).

в лицо парторботникам вещи нелицеприятные. Обижались («нас здесь не уважают»), не соглашались («ни о каком разложении жен офицеров говорить не приходится», «семьи офицеров поставлены в тяжелые условия. Многие приехавшие не имеют мебели, постельного белья, посуды», «родилось более 200 человек, а продано колясок — 25», «нет пеленок, нет детских ботинок», «не от хорошей жизни идем на рынок и обращаемся в частные фирмы»). Женщины даже утверждали, что «в использовании рынка» нет «ничего страшного». Они отказывались понимать, почему нельзя сшить платье в частной немецкой фирме — «сами пошить мы не можем», «никто из нас не имеет швейных машин».²⁰⁸

Заявляли во всеуслышание, что нет ничего предосудительного в том, что женщины «хотят прилично одеться». Попытались политически «заострить» вопрос об одежде, используя стандартный идеологический аргумент — «достоинство советского человека»: «Мы проживаем не у себя на родине, где мы могли одеваться, как нам заблагорассудится. Необходимость проживать в Германии каждую из нас заставляет следить за своим костюмом. И нужно наших женщин обязать выходить в общественные места прилично одетыми».²⁰⁹ Но самое главное — пальцем указывали на жен высокопоставленных особ, объясняя, что жены офицеров не имеют такой «материальной основы», а «из того материала, который большинство из нас получили, и одного платья не надумаешь из чего сшить».²¹⁰

Их пробовали запугать. На партсобрании сотрудников Управления СВА земли Саксония начальник Штаба Т. Д. Дудоров заявил, что «женщины не посещают собрания и считают — наплевать на всех и на все... Не надо будет удивляться, что кое-каких из мужей из-за таких «активных», с загнутым кверху носом женщин придется *откомандировать из СВА с соответствующей наклейкой в личном деле* (курсив наш. — Авт.)».²¹¹ Со своей стороны, женщины возмущались специально прочитанными для них лекциями: «Надумали организовать лекции и доклады для женщин и удивляются, почему женщины на них не ходят! Потому

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 82. Л. 9–10.

²⁰⁹ Там же. Л. 9.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 65; Д. 82 Л. 9–10.

²¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.

что уровень этих докладов не удовлетворяет», «забывают, что многие женщины имеют подготовку более высокую, чем многие мужчины» и «в прослушивании лекций» им не нужна «дифференциация на мужчин и женщин».²¹² На обвинения, что не хотят работать и сидят дома, отвечали, что подходящей работы не нашли. Не каждая пойдет работать заведующей военторгом или продавцом, да и куда деть маленьких детей — «мест в яслях нет».²¹³

Публичный бой женам был дан в апреле 1947 года на партактиве СВАГ. Первый выпад сделал заместитель Главного начальствующего СВАГ по политической части генерал-лейтенант В. Е. Макаров. В своем докладе, рассуждая о влиянии буржуазной идеологии, он осудил бездетных и неработающих жен (по его мнению, таких в СВАГ было 1 680 человек). Макарова рассердило, что женщины пишут на Родину письма, восхваляя «буржуазную мишуру», «свою вольготную жизнь, и ничего не делают». В качестве доказательства привел выдержку из письма жены работника комендатуры: «Мы вдвоем живем в пяти комнатах, обстановка: ковры, зеркала... Нас обслуживает немка: она готовит, стирает, моет, а я ничего не делаю. Вот так бы и у нас в России».²¹⁴ Макаров также сообщил, что в газете «Нью-Йорк геральд таймс» появилась статья, «что Запад создал для русской женщины большой интерес к нью-йоркским модам... Госпожа такая-то удивляет портного своим знанием нью-йоркских мод. Недавно она себе заказывала пальто и остановилась на нью-йоркской моде». По мнению Макарова, «этот советский человек... не думает ни о чем. Он ездит в американские и английские зоны, производит различные виды заказов. Это для него все, и больше его ничего не касается».²¹⁵

Но неожиданно вразрез с мнением Макарова, нарушив мужскую солидарность и советскую идеологическую благопристойность, выступил начальник отделения информации Общего отдела Штаба СВАГ майор Богданов. Утверждая, что «женщины в своей массе такие же советские люди, как и мы» (вполне типичный неосознаваемый советский сексизм. — Авт.), призвал не распространять «отдельные факты недостойного поведения наших жен-

---

²¹² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 82. Л. 9.

²¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 57. Д. 53. Л. 98.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

²¹⁵ Там же. Л. 24–25.

щин» на всех. Подчеркнув, намекая на начальство, что «не у всех жен есть такие мужья, которые могут сделать по 5 меховых шуб и по 50 платьев».²¹⁶ Другими словами, майор Богданов позволил себе покуситься на святое — на привилегии начальников и их жен, вырывавшихся из клетки лимитного потребления на оперативный простор псевдобуржуазного образа жизни.

Так, на самом представительном партийном совещании СВАГ громко прозвучало обвинение в адрес начальственных жен. На что тут же последовал ответ. Начальник политотдела Штаба СВАГ полковник Овчинников обвинил Богданова, что это именно он не учитывает «всей серьезности капиталистического окружения и влияния буржуазной идеологии на наших женщин».²¹⁷ Выступление полковника слушателям не понравилось, и «его взяли в штыки». Так оценил ситуацию на партактиве представитель Главного политического управления Вооруженных Сил СССР генерал-майор Бурцев. Он, вероятно, понял, что Макаров и Овчинников хватили лишку, нарушив каноническое правило советской пропаганды; нельзя было упрекать в буржуазном перерождении сразу всех. Потому и поторопился реабилитировать жен en masse, уточнив, что потребительскими излишествами грешат только сотни из «имевшихся в наличии» 7–8 тысяч женщин.²¹⁸

На том же партактиве коллегу по президиуму поддержал начальник Политуправления СВАГ И. М. Андреев. Он припугнул сваговец иностранной разведкой, которая «интересуется не только секретными данными, но и изучением наших людей, и не только нас с вами, но и наших жен ... ». Его прервал голос с места, который с иронией (?) уточнил: «Даже муж не знает о своей жене того, что они знают». В ответ на это Андреев добавил подробностей, непонятно откуда взятых: «Некоторые мужья не знают так о своих женах, как знает иностранная разведка. Они записывают, какой нрав у жены, какой цвет волос, характер, а потом описывается, чем она занимается за границей, ищут слабые места».²¹⁹

Ранней весной 1947 года противостояние еще не достигло точки кипения — «женский вопрос» не попал в резолюцию, при-

---

²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

²¹⁷ Там же. Л. 96.

²¹⁸ Там же. Л. 100.

²¹⁹ Там же. Л. 118.

нятую партактивом. Однако вскоре было предпринято новое наступление на «идейно невыдержанных» женщин. Идеологом и адептом борьбы с «женским барахольством» стал уже знакомый нам начальник Политотдела Штаба СВАГ полковник Овчинников. 11 июня 1947 г. состоялось скандальное собрание женского актива Штаба — главным образом, неработающих женщин. Овчинников выступил с докладом «О задачах советских женщин в условиях жизни за границей». Доклад вышел, мягко говоря, неудачным — грубым, женоненавистническим — и оскорбил тех, кто его слушал. 23 июня 1947 г. обиженные женщины отправили анонимную жалобу министру Вооруженных сил СССР Н. А. Булганину. Жалобщицы объяснили, что они не поставили свои подписи, потому что «... правда здесь не в почете, но на душе наболело, и мы сообща решили написать. Будем жалеть, если оно к Вам не попадет почтой, тогда мы с кем-нибудь с попутным до Москвы переслать попытаемся».²²⁰

Авторы документа просили, чтобы министр «привел в порядок некоторых зарвавшихся партийных работников», обрушившихся на «женщин с разного рода упреками и угрозами», называвших их «и барахольщицами, и бездельницами, тунеядцами и поклонницами западной культуры».²²¹ Жалобщицы обвинили Овчинникова в том, что тот не назвал ни одной фамилии. А примеры приводил, «которые могли исходить только от жен больших начальников, а никак не от простых смертных женщин». «Простые смертные женщины», обижались авторы письма, не могут «разъезжать по западным зонам и секторам», у них нет «персональных машин», а «трамваем далеко не уедешь». Да и «заказывать по две-три шубы могут только те, кто получает много денег и имеет блат — «должностной и подхалимный».²²² Жалоба, если и дошла до Булганина, то немедленно была спущена в Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР, потребовавшее от начальника Политуправления СВАГ проверить факты и доложить. Генерал-майор Андреев встал на сторону Овчинникова. Он

---

²²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 143.

²²¹ Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018 [14] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2018.

²²² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 142–143.

ведь и сам присутствовал на том злополучном собрании и «очень остро критиковал некоторых женщин за недостойное и позорное их поведение».²²³

На очередном партактиве (июль 1947 г.) Андреев не мог обойти молчанием произошедший инцидент, тем более что Политуправление, по его словам, «законно критиковали и в Центральном Комитете партии, и в Главном политическом управлении». Он поведал партактиву, что, когда Овчинников делал доклад «о том, как должны вести себя советские люди за границей», нашлись «такие, которые ... заявляли, что нельзя считать советских женщин плохими ... Мне потом рассказывали, что некоторые женщины после этого собрания заболели, прослушав наши упреки отдельным женщинам за недостойное поведение в условиях границы ... Когда стали призывать к порядку, то они начали кричать, что вы охаиваете всех советских женщин ... ».²²⁴

Андреев наступал: «Если мы испортим здесь за границей наших жен, они будут у нас обывателями с испорченной душой. Да и нам самим будет хуже, если она привыкнет несколько платьев носить в день, да шляпу с перьями. Ничего хорошего в этом не будет».²²⁵ Так женская шляпка превратилась в буржуазную заразу, портящую советскую душу! На этот раз в резолюцию партактива вписали: «некоторые политически незрелые члены семей не умеют правильно разобраться и оценить условия жизни за границей, попадают под буржуазное влияние, заводят связи с сомнительными людьми и восхваляют буржуазные порядки как в своем кругу, так и в письмах на Родину».²²⁶ В ноябре 1947 г., выступая на одном из совещаний, Андреев к шляпкам добавил и платья. Он был возмущен: «Какие они стали носить платья!» Мало того. Оказывается, иногда жены специально собирались, «чтобы обсудить, в каких платьях они придут на торжественный вечер (это было в Потсдаме)».²²⁷

Но женщины не отступали. В апреле 1948 г. Мария Кокина, жена старшего агронома комендатуры г. Бернбург отправила жалобу в газету «Советское слово». Она рассказала, что 5 апреля зампо-

²²³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 141.

²²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 21–22.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. Л. 124.

²²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 17. Л. 100.

лит Семенов проводил в комендатуре очередную политинформацию для жен офицеров. Женщины стали задавать вопросы: почему «магазин плохо снабжает, немец-торговец отпускает из-под прилавка»; «все, что поступает по книжкам, идет сначала через руки коменданта, причем лучшие товары», а распределяются они так, «что никогда не узнаешь, кто их получил». У замполита не выдержали нервы, и он стал кричать: «... дело не ваше», «осуждать действие начальства не имеете права». Тогда Мария Кокина, возмущившись, заявила: «запрещать говорить нельзя» и «говорить надо о недостатках». На что Семенов ответил, что она своим выступлением расхолаживает женщин и ее «заставят замолчать».²²⁸ Кокина не замолчала и пожаловалась в газету.

Несмотря на нападки партийных аппаратчиков, к 1948–1949 гг. коллективные усилия женской части «маленького СССР» сотворили чудо. Рассматривая фотографии из семейного альбома, мы с удивлением обнаружили сотрудниц СВАГ, выглядевших как на картинке из модного европейского журнала конца 1940-х годов. Дама в элегантной шляпке, игриво надетой немного набок, тщательно причесанная по тогдашней моде, в модном изящном пальто, оказалась комсоргом аппарата Политического советника. Осужденная начальником Политуправления злополучная шляпка не мешала ей руководить комсомольскими делами.

Конфликт начальства с чужими женами был разрешен обычным для сталинского общества методом — жестким административным решением, не принимающим во внимание интересы человека и породившим новые проблемы. Осенью 1947 года должно было произойти обновление офицерского состава военных комендатур СВАГ. Сначала офицерам, отправляемым на замену, обещали, что они смогут вызвать своих жен в Германию, как это происходило первые два года существования военной администрации. Но обещание не было выполнено. Офицеры жаловались в письмах: «Мне стало известно, что разрешения на ввоз семей для всех без исключения пока приостановлены. Я переживаю прямо до болезненного состояния»; «меня здесь ничто не радует, ни эта роскошная обстановка, ни эти немецкие ковры, по которым я расхаживаю как помещик... Здесь одному не жизнь, а самая настоящая ссылка, да еще какая»; «когда мы приехали в Берлин и были на прие-

---

²²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 44–45.

ме у «больших начальников», все наши ребята в один голос задали вопрос: «Когда разрешите ввезти наши семьи?»²²⁹

Все семейные офицеры, пополнившие ряды СВАГ, оказались на новой службе «холостяками». Так, хотя бы частично, уменьшили число женского «неблагонадежного» элемента. Показательно, что Политуправление СВАГ приказало перед отъездом «собрать жен офицеров, убывающих в СССР» и разъяснить им, что необходимо хранить «государственную тайну».²³⁰ Понимать это, видимо, нужно было так: не распространяться о своей жизни в Германии, не дразнить народ. Никаких других тайн жены не знали.

Барахольство как дилемма

В словаре русского языка С. И. Ожегова (1953) слово «барахло» означает старье, старые негодные вещи, а также (пренебрежительное) вообще вещи.²³¹ Ни «барахольщика», ни «барахольства» там нет. Но в сваговской реальности, несмотря на то, что слово было разговорным, оно превратилось в бюрократический концепт, зазвучало на партийных собраниях, проникло в официальные документы и даже в приказы Главного начальствующего.²³² Видимо, эта лексема оказалась подходящим определением для новой, расцветшей в силу обстоятельств потребительской практики «сталинского человека» в Германии. Понималось «барахольство» широко и исключительно с негативной коннотацией. Иногда даже подменяло собой описание девиантных поступков и преступлений — хищений, спекуляции. «Барахольство» употреблялось наряду с незаконным обогащением, крохоборством и стяжательством. В ходу было и слово «самоснабжение», хотя вряд ли можно точно определить, как оно соотносилось с «барахольством». Произнося инвективы, не думали об оттенках или

²²⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 80–83.

²³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 11. Л. 112.

²³¹ Словарь русского языка С. И. Ожегова был издан в 1949 году, в 1952-м — был дополнен и исправлен. Третье издание было стереотипным.

²³² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 44; Д. 48. Л. 361; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 125.

градациях, каждый подбирал подходящие слова для описания явлений, по его мнению, несовместимых с «советскостью». Правда, когда нужно было оценить масштабы происходящего, к детализации все-таки прибегали. Так появился мем «большое самоснабжение»²³³, относящийся к столь же «большим начальникам». Они тоже не были застрахованы от разоблачений, что явно поддерживалось общественным мнением, хотя мало кто знал подробности. Верили подобному негативу без колебаний, тем более что на партийных собраниях коммунистам все равно ничего толком не объясняли, изъяснялись намеками — ведь речь шла о Руководстве, с большой буквы. Да и на партийных активах о таких случаях говорили лишь мельком. В апреле 1947 года секретарь партийной комиссии при Политуправлении СВАГ Ф. А. Романов сообщил партийным активистам, что из партии исключен за «большое самоснабжение» начальник УСВА провинции Мекленбург генерал-майор М. А. Скосырев. Были названы и другие имена.²³⁴ В том же году на июльском партактиве СВАГ к этой теме вернулся начальник Политуправления И. М. Андреев: «У нас были такие случаи, когда наши работники настолько распоясывались, что даже крупных начальников пришлось исключать из партии...»²³⁵ Впрочем, у начальства не было особого желания «раздувать» скандальные разоблачения. Другое дело, когда наверху начинали какую-либо кампанию по закручиванию гаек — тогда приходилось «соответствовать» и выкладывать негатив на всеобщее обозрение.

В первые два послевоенных года, когда контроль бы ослаблен, а пределы ограничений размыты, повседневные практики значительно расширились. «Польза для себя» у «сталинского человека», попавшего из страны дефицита в иную цивилизацию, слишком часто брала верх над сознанием «социалистическим», отдающим приоритет «общему над частным». Для этого сотрудники СВАГ находили массу удобных оправданий. Например, такое: «Мы должны рассматривать нашу жизнь с точки зрения заграничной жизни и, безусловно, должны быть красиво одеты, немцы смотрят на русских как на отсталых людей, а поэтому мы должны как никогда показать себя умелыми (так в документе. —

---

²³³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 47.

²³⁴ Там же. Л. 47–49.

²³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

Авт.) хорошо одеться». Вероятно, так думали многие, но не все решались высказать свои мысли вслух, тем более на закрытом партийном собрании. Автор приведенного выше высказывания — переводчик, младший лейтенант Чумаков вообще отличался некоторой экстравагантностью, например называл коллег исключительно «сударь» и «сударыня», повергая их в полное недоумение²³⁶.

Именно в послевоенные годы и именно в советском оккупационном сообществе все сваговцы, не только начальники, их семьи и избранные представители интеллигенции, впервые смогли почувствовать аромат того, что позднее назовут «вещизмом» и «потребительством». Ведь «барахольство» обозначало не только действия по добыванию вещей, но и отношение к этим усилиям как насущной жизненной необходимости: «хочу иметь» вместо «нужно иметь». Поэтому и протесывали некоторые сотрудники СВАГ «черные рынки» в поисках как необходимых, так и экзотических вещей: «Вчера барахольничал. Накупил перчаток, носков по несколько пар, много шляп и фуражек разных цветов — костюмы будут, раз есть чем накрыть голову. Радиоприемник не удалось приобрести. Теперь остается достать пишущую машинку и покрышки для велосипеда. За 250 марок купил Rasier Apparat (бритвенный электроприбор), дешево достал две пары женских туфель (за 100 и 200) — пошлю маме. Недорого отдал за женские платица. Зато с пальто меня надули. Утром, когда я к нему присмотрелся внимательно, оно оказалось все дырявое, так, что даже брюк из него не сделаешь... Пишущую машинку приобрел — элегантную такую... Она маленькая, в футлярике, так что вместилась в один из моих чемоданов. Теперь у меня семь чемоданов, восьмой — маленький и две шинели, и велосипед, и радиоприемник и столько мороки и забот впереди».²³⁷ В приведенной дневниковой записи отчетливо видно и некоторое стеснение «сталинского человека» от «чрезмерности» своего барахольства, и неведомое ранее удовольствие от обладания вещами, возможности поделиться ими с близкими, и ни с чем несравнимый потребительский энтузиазм.

Понятно, что стартовые возможности у всех были разные. Одни шиковали, другие пытались лишь приобрести необходимое.

---

²³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.

²³⁷ Гельфанд В. Н. Указ. соч.

Кто-то упорно искал в магазинах мыло²³⁸, другие увлекались поисками «пан-бархата», сводящего «их с ума»²³⁹, или добывали тот же бархат, но уже «для обивки собственной машины».²⁴⁰ Понятно, что оба типа потребителей — имеющие доступ к новым возможностям без ограничений (не всегда начальники) и люди обычные — стояли на разных полюсах «барахольства». В принципе таких разделяющих моментов можно назвать и больше. Недавно прибывшие на службу в СВАГ были обижены на тех, кто давно служил в Германии, успел приспособиться, наладить связи и приодеться. В одной из комендатур на женском собрании произошла размолвка между семьями — давно живущими в Германии и приехавшими на замену. Конфликт возник из-за того, что «одни» много имеют и не переживают трудностей, а «другие» — еще не устроились и «не имеют поддержки».²⁴¹ Тот, кто с трудом добывал необходимые вещи, осуждал тех, кто имел связи, был расторопнее, удачливее, мог, к примеру, использовать служебное положение и колесить на машине по Советской зоне оккупации «с целью приобретения разного барахла»²⁴², гонялся «за сюрвизами» (так в документе. — *Авт.*)²⁴³ или заказывал «по несколько костюмов и платьев одновременно».²⁴⁴

У некоторых руководителей даже рождались новые (а по большому счету — старые, мещанские) представления о шикарной, а не просто «зажиточной и культурной» жизни: кто-то заказывал праздничный сервиз «на двух тарелках с портретами... владельца и его жены»²⁴⁵, оборудовал «в подвале своей виллы» «винный погребок» — этакий «кабачок в баварском стиле»²⁴⁶ или обнаруживал тонкие нюансы в предпочтениях: «столовая под

---

²³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 47.

²³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 150. Л. 44.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 7. Л. 106.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 94. Л. 256. Были и совсем радикальные предложения. Солдаты, недавно пришедшие на службу из воинских частей, были недовольны, «что у тех, кто давно служит в комендатуре, имеется много вещей, по 2–3 чемодана, а у нас ничего нету» и предлагали «распределить эти вещи между всеми демобилизуемыми» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 133).

²⁴² ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 64. Л. 49.

²⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 248.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 80. Л. 32.

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 21. Л. 188.

светлый орех», «кабинет под орех», а спальня «Элеонора».²⁴⁷ Кому-то нравилось отдыхать в «храме воздуха» — особом месте для банкетов руководящего состава в одной из провинций.²⁴⁸ Подобный «храм воздуха» перед войной был очень популярен в Кировоградской области. Хотелось жить красиво. Постепенно обвинения в адрес начальства окрасились «союзническим влиянием»: ты не только живешь как барин, потакая своим «барским привычкам», но еще и делаешь это с «американским размахом».²⁴⁹

Впервые со времен нэпа «буржуазное влияние» напрямую обрушилось на людей всей силой своих соблазнов. В июне 1946 года начальник Управления СВА федеральной земли Тюрингия И. С. Колесниченко обрисовал всю сложность положения: «Если до войны многие из нас только смутно представляли (больше теоретически) о капиталистическом обществе, окружающем нашу страну, о влиянии буржуазной идеологии на советских людей, то сейчас [...] напор буржуазных условий физически ощущается каждым, кто не разучился еще анализировать обстановку и не свихнулся на путь вранья в эту обстановку».²⁵⁰ Наверху тоже всё прекрасно понимали и опасались того, с чем столкнутся в Германии сваговцы, приехавшие из страны дефицита. Заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян напутствовал отбывающих в Германию: «не барахлить, не размениваться на мелкие вещи, сохранить лицо советского человека».²⁵¹ Офицеры, приехавшие в Германию на замену, утверждали, что перед отправкой их своеобразно напутствовали: «нас принимал заместитель командующего Северо-Кавказского военного округа по политчасти генерал [А. И.] Запорожец. Он заявил: «Вы едете заменять людей разложившихся и обуржуазившихся, приедете туда, возьмите их в руки».²⁵² Высшее начальство, кажется, не очень верило в имманентную «советскую сознательность». Ему было ясно, к чему может привести столкновение «сталинского человека» с капиталистической реальностью.

---

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 57. Л. 27.

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 23, 24.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 47. Л. 43.

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 13. Л. 126.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 174. Л. 25.

²⁵² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 51. Л. 205.

В августе 1946 года начальник Управления пропаганды СВАГ С. Тюльпанов вопрошал на партактиве: «...Посмотрите на очень многих, разве этот стимул стяжательства, стремление к накоплению, к личной собственности, хотя бы для своей семьи, не получил дополнительного стимула за границей, в капиталистической стране?»²⁵³ Советская аксиома: капиталистическое бытие и Запад — враги, влияющие на неустойчивых, тысячекратно повторенная, вроде бы была уже надежно впечатана в сознание «сталинского человека». Ничего нового в этом смысле Тюльпанов не добавил. Важно другое — в своем выступлении он поставил «стяжательство, стремление к накоплению» и «стремление к личной собственности, хотя бы для своей семьи» на одну доску. Полковник даже не попытался объяснить своим слушателям, как в таком случае быть с официальным разрешением вывозить и отправлять в СССР довольно большое количество этой самой «личной собственности»? Где грань между дозволенным стремлением обзавестись вещами и недозволенным барахольством? Как ее измерять? Количественно? Качественно? Одно или два пальто — норма, три или четыре — достойное порицания барахольство и самоснабжение?

В принципе, на практике эта размытая граница выглядела так:

11 июня 1948 г. На повестке дня партийного собрания — персональное дело сотрудника В.:

«А.: Мне непонятно, в чем выражается обогащение тов. В.

Б.: В среднем каждый работник получил 7 предметов, а тов. В. — всего 30 предметов.

К.: Лицо В. выглядит так, что это мелкобуржуазный перерожденец. Он считает, что, прежде всего, он должен думать о себе... В. потерял чувство партийности, самоснабжение поставил как самоцель.

А.: Обвинение в обогащении — обвинение тяжелое. Нет подлинных материалов, подтверждающих это обвинение. Если будет доказано, что тов. В. по нескольку раз получал [вещи по ордерам], но от разных начальников, тогда надо это подтвердить.

В.: Вопрос обогащения — это у тов. В. есть. Ковры все получили по одному, а В. — три.

Ф.: В. имеет слабость на приобретение вещей. Что все оформлялось, это еще ни о чем не говорит. Подушки сейчас не проблема,

---

²⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 78.

но тогда люди просто спали на полу». (В. сумел получить «два комплекта подушек», а кому-то не досталось ничего. — *Авт.*).

Партсобрание объявило В. выговор, обосновав это тем, что он «поставил себя в зависимость от хозяйственников получением через разных лиц одних и тех же предметов при их дефицитности», другими словами, пользовался блатом. При этом, на всякий случай, оговорились, что наказан он не только за подобное обогащение, а заодно и за грубость и бюрократизм.²⁵⁴

В широте и неопределенности формулировок «барахольства» для сваговцев таилась потенциальная опасность. Грань между незаконным, неразрешенным (согласно приказу) или просто предосудительным по моральным советским нормам была чересчур зыбкой. То ли ты получил второй «незаконный» ковер, то ли попытался вывезти всю Германию. Никто не был застрахован от обвинений. Ни рядовой сотрудник, вынужденный оправдываться и просить справку, что «двух комплектов шкурки на пальто он не получил», и считает заявление о том, что он приехал в Германию, чтобы «подлататься», необоснованным²⁵⁵, ни военный комендант, купивший пианино и продавший его по той же цене, уступив просьбам коллеги, и тотчас вызванный на беседу к партийному следователю, изучавшему поступивший донос.²⁵⁶ Даже когда человек уже не служил в СВАГ и вернулся домой, его могло догнать письмо, отправленное недоброжелателем в газету «Правда», где говорилось, что он незаконно приобрел в Германии «легковую автомашину²⁵⁷, пианино, аккордеон, трюмо, ковры, диван, комод и ряд других вещей». Политуправлению СВАГ приходилось выяснять, вывез или не вывез, законно или нет.²⁵⁸ За склонность к «обогащению» вполне могли посчитать нежелание подписываться на заем на две зарплаты, а твое объяснение, что ты хочешь накопить «больше денег, так как должен ехать домой»,

---

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 119. Л. 42–51.

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 127. Л. 48.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 201.

²⁵⁷ Заметим попутно, что вывоз из Германии автомашин, приобретенных сотрудниками в личную собственность, был делом совершенно законным. Под это выделяли платформы, за транспортировку брали оплату и выдавали специальные разрешения на вывоз. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 42. Л. 124–125).

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 36. Л. 324–325.

счесть за «боязнь трудностей послевоенных лет». ²⁵⁹ Приходилось оправдываться, что ты всегда вел правильную советскую жизнь, имел благодарности, награжден орденами и медалями, во время войны потерял не только родных, но и все имущество, а «в Союзе ни обстановки, ни квартиры». ²⁶⁰

Кое-кто пытался ловить рыбку в мутной воде очередной кампании борьбы с барахольством и устроить заодно свою личную карьеру. Действия одного из таких «истинных» борцов подробно описал начальник Управления СВА федеральной земли Тюрингия Иван Сергеевич Колесниченко. ²⁶¹ В августе 1946 года к нему явился некто Д., парторг одного из отделов Штаба СВАГ, для выполнения «особого задания». По его словам, «проверить (естественно без шума) не «барахлят» ли сотрудники... и если таковые найдутся, то призвать их к порядку». Через месяц к Колесниченко неожиданно обратился прокурор Управления СВА. Он счел «своим партийным долгом» «откровенно заявить об атмосфере лицемерия и интриг, которые плетутся у нас [оварищем] Д., который на-верное хочет сделать какую-то сенсацию, создать громкое дело, а в Берлине ему кое-кто верит». В комендатурах товарищ Д., как доложил прокурор, в основном «выискивал материалы» на самое высокое начальство, ставя вопрос ребром: «Что вы мне о мелочах рассказываете, меня они не интересуют. Вы скажите, приезжал ли генерал Колесниченко, генерал Карпелюк ²⁶²[...] , что и сколько брали, есть ли их записки на выдачу товаров, дайте их мне». Запугивая работников комендатур и УСВА, Д. хвастался, что «он 16 лет работал в ЧК — ОГПУ, что он парторг ЦК ВКП (б) в СВАГ», что он даже генерал...». Колесниченко пожаловался заместителю Главного начальствующего СВАГ И. Серову. Вызванный на ковер Д. все отрицал. Дело замяли. Показательно, что в 1946 году Колесниченко не стал жаловаться в ЦК, как ему советовали коллеги, объяснив это тем, что Д. «получал соответствующий инструктаж и его должен был выполнять, поэтому не может

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 94. Л. 256.

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 119.

²⁶¹ См.: Докладная записка начальника УСВА земли Тюрингия И. С. Колесниченко Главному начальствующему СВАГ В. Д. Соколовскому от 20 сентября 1947 г. (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 19. Л. 255–259).

²⁶² А. И. Карпелюк — начальник Отдела комендантской службы УСВА федеральной земли Тюрингия.

полностью отвечать за свои глупости, которые он творил» (вероятно, намекал на то, что в это время в Москве было заведено дело на генералов ГСОВГ. — *Авт.*).

Колесниченко ясно дал понять маршалу Соколовскому, что же за человек этот Д. — «кляузник, клеветник и нечестный коммунист». Он охарактеризовал «разоблачителя», сославшись на слова одного из работников прокуратуры, который назвал Д. «героем 1937 года». Иван Сазонович считал, что «в излишествах» его «никто не подозревал еще и не сможет заподозрить», он ведет «скромную жизнь не из-за ограниченных своих потребностей (хотя и это имеет место), но ради своих детей», которых не хочет «приучать к барству». И счел нужным добавить, что он «все время со своей семьей питается в столовой офицерского состава и обходится без домработниц», а «работа — главное», и его личная жизнь — «на виду у всех».²⁶³

После закрытого письма ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» (16 июля 1947 г.)²⁶⁴ проблема барахольства в СВАГ была целенаправленно обострена.²⁶⁵ Однако грань между «правильным» потребительским поведением и потреблением осуждаемым оставалась зыбкой и не проясненной, открывая обширное пространство для произвольных толкований и обвинений. Осенью 1947 г. коммунист В. Дмитриев²⁶⁶ обратился в редакцию газеты «Советское слово».²⁶⁷ В письме он рассказал, что на партийном собрании призвал товарищей по партии «ревностно оберегать честь и достоинство советского гражданина» и в назидание припомнил «прошлые примеры»: подполковник Б., «в недалеком прошлом [...] идейный руководитель и наставник [...] повез с собой тонну барахла, да и всё купе один занял своими чемоданами. И вот он очень удивился, когда увидел, что один наш товарищ едет в отпуск почти совсем пустой. Он заявил: «Разве вы

²⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 19. Л. 257.

²⁶⁴ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., 2005. С. 123–127.

²⁶⁵ Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. С. 380–381.

²⁶⁶ Секретарь бюро низовой парторганизации Отдела узла связи УСВА федеральной земли Тюрингия.

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 72–81.

из США?! Не может быть! Как это так: работать в США и в отпуск ехать пустому?!» Под огонь критики попал и полковник В., который, по словам Дмитриева, с пеной у рта призывал: «Упаси боже, не ходите в немецкие кино и театры, а то разлагающаяся буржуазная культура плохо повлияет на вас». Когда же сам уезжал, набрал барахла целый вагон. У него было упаковок больше 20 ящиков, в том числе и рояль, и пианино».²⁶⁸

Дмитриев убеждал товарищей по партии, что борьбу с барахольством и «барахольскими настроениями» нужно вести всем. Но начальство его почему-то не поддержало. В письме Дмитриев пожаловался, что после его выступления начальник политотдела «в течение получаса распространялся о правах начальства, о социалистическом принципе распределения, о том, что можно в советских магазинах покупать все, что угодно [...], о повышении материального благосостояния трудящихся», а в конце заявил, что «каждый, по возможности, может здесь как можно больше приобретать вещей». И даже нашел подходящее оправдание: тогда «там, в СССР, наши люди уже не будут нуждаться в этих вещах», остальным достанется больше (?). Дмитриев сделал вывод: «большинство коммунистов так и поняло выступление начальника политотдела: барахолить можно!».²⁶⁹ Партработнику пришлось оправдываться и объяснять, что Дмитриев даже законную покупку в советских магазинах объявил барахольством, потому ему и разъяснили, что «считать барахольством и что нельзя [считать]».²⁷⁰ Но объяснение вышло невнятным. Полковник явно запутался в собственных силлогизмах.

Столкнулись два взгляда на ситуацию: теоретический, идеологически правильный (как должно было быть по советским меркам) и практический (как действовать в новых условиях и как определить границы дозволенного). Разрешить дилемму между допустимым и недопустимым начальству так и не удалось. Безоговорочно признать, что погоня за вещами — антисоветское зло, как требовали нормы советской морали, и, следовательно, начать по-настоящему бороться с ним, значило лишить не только всех сваговцев, но и себя возможности «поддататься». Оставить все как есть —

---

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 755–76.

²⁶⁹ Там же. Л. 78–79.

²⁷⁰ Там же. Л. 72.

вызвать нарекания Главпура и тех, кто повыше. Поэтому боролись точно, стараясь держать процесс критики и разоблачений в разумных пределах. На партактиве СВАГ секретарь партийной комиссии полковник Романов, рассказывая, что руководство «Союзэкспортфильм» в Германии совершенно «бесцеремонно относилось к советским деньгам, распоряжалось ими как своими личными и только на свои квартиры эти 15 человек израсходовали около 300 тыс. марок; покупали сервизы, ковры...», в сердцах воскликнул: «Леший с ними, пусть обставляют свои квартиры, но почему за государственные деньги?»²⁷¹ То есть «барахолить», но за свой счет, все-таки считалось допустимым. А вот за государственный — лучше поостеречься.

Водораздел в вопросе о барахолстве проходил не только между индивидуалистами и «буквалистами», т. е. радикальными приверженцами коллективного социалистического сознания, которых, судя по всему, было не так уж много. Водораздел проходил и через семьи. Мужья стали обвинять жен в том, что они заразились «приобретением барахла»²⁷², а те, в свою очередь, жаловались на мужей: «... Чего я только ни испытала за 4 года войны, живя с ребятами в самых трудных условиях нужды: недоедания, полуодетые, но была жизнь радостнее успехами борьбы нашего народа за правду! ... Живя здесь 2,5 года нет ни одного дня, чтоб я прожила их спокойно... Его точка зрения, лучше отдать последнее, чем приобрести необходимое, возможное из домашнего семейного обихода, чтобы не нуждаться и прилично одеться. Поэтому за каждую купленную вещь я получаю скандал, оскорбления как человек с буржуазными наклонностями к собственности, и никакие убеждения, что у меня семья, что есть законные возможности покупать, его не интересуют... Когда едут люди отсюда домой, то, как правило, везут с собой 1–2 т[онны], а то и больше груза. Я же, собираясь домой, прошу мужа заказать полдюжины стульев, и то он слышать не хочет, уж не говоря о том, чтобы он принес в дом хотя бы какую-либо безделушку (считаю это его беспечностью)».²⁷³

Сталкивались этика приспособления — умение выжить и получить положенное — и этика утопической, но честной, искрен-

---

²⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

²⁷² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 173. Л. 25.

²⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 190–191.

ней веры в коммунизм, с ее преобладанием общественного над личным. В повседневной жизни (не на собраниях) первая чаще побеждала. Каждый разрабатывал свою стратегию существования — речь шла о допустимом или недопустимом (опасном или безопасном!) уровне использования легальных и нелегальных — серых или черных — каналов потребления. Умение жить, умение организовать для себя и своей семьи самоснабжение способами законными и не очень — для некоторых продвинутых потребителей уже становилось мерилом успеха. Индивидуализм — повседневный, противоречащий социалистическим нормам — ярчайшим образом проявлялся в сфере снабжения, распределения и потребления, когда от высоких материй и высокопарных слов переходили к чему-то реальному — еде, одежде, жилью. И престижу. Советский потребительский идеал, спустившись на землю, начинал жить своей жизнью, совсем по другим регламентам, которые плохо поддавались контролю и исправлению.

Немецкая вещевая «экспансия»

В период оккупации Германии «сталинский человек» был впервые перенесен в условия западной, по-иному организованной, хотя и деформированной войной и оккупацией жизни, во многом противоположной обычной советской рутине. Если в 1930-е годы в советском городе лидерами потребления были номенклатурная элита и советская «рабочая аристократия» (ударники и стахановцы), то Германия несколько раздвинула эти рамки. Во второй половине 1940-х годов среди лидеров потребления оказались не только начальники, их жены, золотая послевоенная молодежь или избранные представители интеллигенции, но и другие, менее обеспеченные и более многочисленные, группы, в том числе (и до известной степени) и рядовые сваговцы. Именно они (вместе с офицерским составом Группы советских оккупационных войск в Германии) попали на передовую начинавшейся (едва начавшейся?!) в те годы «массовизации» престижного потребления.

Каналы трансляции и «экспорта» предметов потребления в СССР, а вместе с ними и потребительских практик, были раз-

нообразными и представительными. М. И. Семиряга, ссылаясь на известного «трофейщика» генерал-лейтенанта Ф. И. Вахитова, приводит в своей книге сведения о потоке потребительских трофейных товаров, поступивших в СССР после войны. Историк, в частности, сообщает: «Лишь из одной Германии трофейные войска... отправили на родину 60 149 роялей, пианино, фисгармоний, 458 612 радиоприемников, 188 071 ковер, 941 605 предметов мебели, 264 441 настенных и настольных часов, 588 вагонов посуды, преимущественно фарфоровой. Было также отправлено 3 338 348 пар гражданской обуви, 1 203 169 пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 штука белья, 1 052 503 головных убора, 154 вагона мехов, тканей и шерсти, а также 24 вагона музыкальных инструментов».²⁷⁴ Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть приведенные цифры, поскольку в книге М. И. Семиряги отсутствует ссылка на источник. Данные о трофейном вещевом потоке подхватили журналисты и блогеры, что, как часто бывает, придало приведенным выше цифрам некую информационную легитимность, но отнюдь не подтвердило их достоверность. Тем не менее совсем игнорировать сведения М. И. Семиряги мы сочли неправильным. В любом случае, если нельзя пока проверить точность цифр, номенклатура вывезенных товаров совпадает с той, что поступала в СССР по другим известным нам каналам, как государственным, так и частным.

Государство с самого начала попыталось монополизировать трофейный вещевой поток и ввести его в русло централизованного снабжения. Решением ГКО № 90 360 от 9 июня 1945 г. был категорически запрещен вывоз трофейного — бытового имущества без разрешения Военного Совета ГСОВГ, «исключая установленные посылки», о которых речь пойдет ниже. Это решение было объявлено постановлением ВС ГСОВГ от 13 июня 1945 г. № 0101. Однако уже 31 августа 1945 г. понадобился специальный приказ Главнокомандующего Группы № 095 «О незаконном расходовании трофейного имущества». В качестве вопиющего примера подобных действий в приказе был упомянут Ветеринарный отдел ГСОВГ, который самочинно занялся сбором трофейного имущества (автомашин, мануфактуры, продовольствия). В этот «промысел» был втянут офицерский и рядовой состав. Собранное имуще-

---

²⁷⁴ Семиряга М. И. Указ. соч.: <https://rbook.me/book/21889161>.

ство скрытно в эшелонах с лошадьми (фактически, контрабандой) переправляла в СССР. Несмотря на угрожающие интонации приказа, Жуков ограничился выговором начальнику Ветеринарного отдела, исполнители получили строгий выговор.²⁷⁵

Е. Д. Твердюкова ввела в научный оборот докладную записку Генерального прокурора СССР К. П. Горшенина В. М. Молотову и Г. М. Маленкову о расследовании прокуратурой фактов незаконного приобретения ширпотреба и предметов роскоши работниками некоторых наркоматов, находившихся в служебных командировках, по демонтажу оборудования на предприятиях оккупированной части Германии. «В процессе следствия, — сообщает исследователь, — по далеко не полным данным, было изъято: 69 пианино, 21 мотоцикл, 12 легковых машин, 48 велосипедов, 45 пишущих машин, 122 радиоприемника, 441 простынь, 87 ковров, 27 картин, 54 одеяла, 72 метра мануфактуры, 138 дамских платьев, 319 единиц разного белья, 18 швейных машинок. Только у работников Наркомата цветных металлов, согласно оценке Мосгорфинуправления, изъятое трофейное имущество было оценено суммой в 620 тыс. руб. по твердым ценам».²⁷⁶ Вообще факты злоупотребления трофейным имуществом в СССР были, по оценке Твердюковой, многочисленны. Но более важен вывод автора о сложившейся во время и после войны номенклатурной системе, в рамках которой «создавалась собственная шкала ценностей, использование доступных материальных ресурсов было распространено повсеместно и считалось абсолютно нормальным».²⁷⁷ О престижно-номенклатурном «освоении» трофейного имущества, как законном, так и не очень, пишет, основываясь на материалах Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), и Т. Н. Никонорова.²⁷⁸

Первый «частный» и совершенно легальный массовый потребительский поток из Германии пересек границы СССР вместе с демобилизованными военнослужащими. Это были так называемые трофейные подарки, о которых в мае 1945 года распорядил-

---

²⁷⁵ См.: Приказ Главнокомандующего ГСОВГ № 095 от 31 августа 1945 г. «О незаконном расходовании трофейного имущества» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 65. Л. 332–332 об).

²⁷⁶ *Твердюкова Е. Д.* Указ. соч. С. 263.

²⁷⁷ Там же. С. 264.

²⁷⁸ *Никонорова Т. Н.* Указ. соч. С. 242–243.

ся лично Сталин. «Каждому увольняемому бойцу продать по дешевой цене трофейные товары и дать жалование за столько лет, сколько он прослужил в армии, — говорил Верховный главнокомандующий 22 мая 1945 г. на совещании по вопросам демобилизации Красной Армии. — При демобилизации не отпускать бойцов и офицеров с пустыми руками — раздавать радиоприемники, велосипеды и другие вещи и, кроме того, организовать через хозяйственный аппарат полка продажу различных товаров».²⁷⁹ Говорить о конкретных цифрах в данном случае вряд ли возможно. Как и неуместно оправдываться, что трофейных подарков и вещей было «не так уж много».²⁸⁰ Советские военнослужащие считали, что они имеют полное право на свою долю военных трофеев. Каждый из них мог предъявить побежденной Германии свой личный счет, в том числе (и совсем не в первую очередь) счет материальный. Так к этому относились и Сталин, и Жуков, и рядовой боец, и (в то время) союзники по антигитлеровской коалиции.

В СВАГ старались не только обеспечить через комендатуры «своих» отъезжающих вещевыми подарками, но и помогали демобилизованным из Группы войск. В октябре 1945 года в федеральной земле Тюрингия, меньше пострадавшей от войны, подарки для демобилизованных «были организованы во всех комендатурах», вручали их «в торжественной форме». В числе подарков были мануфактура, белье, отрезы сукна, джемперы, обувь, ружья, радиоприемники... «Уехали демобилизованные из Тюрингии в новом обмундировании и шинелях, в опрятной обуви, обеспеченные всем необходимым — документами, продовольствием, подарками для семьи». Все это интерпретировалось политработниками как «сталинская забота о воинах Красной Армии».²⁸¹ Понятно, что такая ситуация была не везде. В сильно разрушенных войной районах Советской зоны оккупации, например в провинции Саксония, собирать подарочный фонд было не просто. В военной комендатуре г. Галле каждому бойцу удалось выдать только по одной паре брюк или 3 метра мануфактуры»,

²⁷⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. Выпуск 2 / Главный редактор С. В. Кудряшов. М., 2015. С. 568, 569.

²⁸⁰ Сенявская Е. «Это наши законные трофеи...». Система организации посылок из действующей Красной Армии в 1945 г. по рассекреченным архивным документам: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=240200>.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 48. Л. 103–105.

а полученные 10 наручных часов подарили только «отличившимся».²⁸² В 38-м полку связи в подарочный фонд собрали что могли: «750 метров мануфактуры, дамское трико, фототовары».²⁸³ Из некоторых комендатур поступали сообщения: «демобилизованных обеспечивать нечем», «подарочного фонда нет».²⁸⁴ Тогда приходилось выдавать только новое обмундирование и продуктовую посылку — сахар, муку, масло.²⁸⁵

Во время третьей очереди демобилизации (май — сентябрь 1946 г.) процесс выделения подарков приобрел более упорядоченный вид. В приказании № 00590 от 30 марта 1946 г. начальник УСВА федеральной земли Тюрингия, например, категорически запрещал отдельным военнослужащим «приобретение всяких товаров в местных торговых организациях и на фабриках» и требовал разъяснить командирам частей, что «снабжение товарами демобилизуемых будет производиться централизованно в запасном полку». Военные коменданты должны были проверить «наличие у немецких фирм товаров широкого потребления» и сообщить данные о количестве и номенклатуре товаров отделу торговли и снабжения УСВА. Эти товары следовало передать «в торговую сеть Армии» для снабжения «демобилизуемых рядовых и сержантов».²⁸⁶

Другой легальный вещевой поток отправлялся в СССР в разрешенных посылках. В 1944 году, когда военные действия были перенесены за пределы Советского Союза, в качестве поощрения за хорошее несение службы всему личному составу (от солдат до генералов) было разрешено отправлять на Родину посылки, правда с оговоркой: «не более одного раза в месяц».²⁸⁷ После

²⁸² ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 41. Л. 167.

²⁸³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 124 в. Л. 15.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 75. Л. 169; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 45. Л. 17.

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 10. Л. 203.

²⁸⁷ Приказом НКО № 0449 от 26 декабря 1944 г. вес посылки был установлен для рядового и сержантского состава — до 5 кг, офицерского состава — до 10 кг, генералов — до 16 кг. Максимальный размер посылки не должен был превышать 70 см в каждом из трех измерений. Посылки от солдат и сержантов принимались бесплатно, от офицерского состава и генералов за плату по 2 рубля за кг. Запрещалось отправлять в посылках: оружие, предметы военного снаряжения и обмундирования Красной Армии, воспламеняющиеся взрывчатые вещества, ядовитые вещества, медикаменты, всякого рода жидкости, скоропортящиеся продукты, письменные вложения, деньги в различной валюте, литературу и другой печатный материал на иностранном и русском языках.

формирования ГСОВГ и СВАГ это право было распространено на их личный состав. Посылочная привилегия была закреплена и за гражданскими работниками.²⁸⁸

Речь в данном случае идет о сотнях тысяч человек. В Германии до осени 1946 года Группа советских оккупационных войск насчитывала 456 тысяч военнослужащих.²⁸⁹ Более 50 тысяч офицеров, сержантов, рядовых и вольнонаемных сотрудников служили и работали в СВАГ.²⁹⁰ Затем численность войск, да и численность СВАГ, была сокращена, но шла постоянная ротация личного состава, умножавшая число носителей «нового потребления». Все они сохраняли тесные связи с Родиной и семьями, все хотели помочь своим родным и близким потребительски «восстановиться» и пережить послевоенные трудности. Именно через этих людей в течение нескольких послевоенных лет перетекали в СССР не только предметы потребления, но и новые потребительские привычки.

Посылки в СВАГ отправлялись через военно-почтовые станции. Для этого выдавали специальные «разрешительные» справки, подписанные начальниками управлений и отделов, в них также ставилась отметка о проверке вложения. 22 марта 1946 г. начальник военно-почтовой станции № 3936 капитан Валунский сигнализировал в Политотдел СВАГ: существующий порядок отправки посылок нарушает элементарные правила пересылки из-за границы, проверкой вложений никто не занимается».²⁹¹ Ознакомившись с докладной запиской капитана, Штаб СВАГ совместно с Политотделом 25 марта 1946 г. издал специальную директиву²⁹²:

Запрещалось также использовать исписанную бумагу в качестве упаковочного материала. См.: Приказ об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны» // Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13. (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/13.html.

²⁸⁸ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 90 от 16/18 марта 1946 г. «О разрешении приема посылок от вольнонаемного состава СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 4. Л. 239).

²⁸⁹ 22 октября 1946 г. Группу сократили до 200 000 человек. См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 36. Л. 17.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 48. Д. 1а. Л. 23. Данные на 1 января 1946 г.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

²⁹² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 30. Д. 12. Л. 126; Оп. 40. Д. 111. Л. 23.

срочно наладить строжайший учет, выделить ответственных лиц для проверки вложений²⁹³, а образцы их подписей представить на военно-полевые станции. Видимо, полагали, что подписи могут подделывать.

В 1947 году руководство попыталось ввести новые строгости. Был установлен ежемесячный лимит на выдачу разрешений. Их могли получить не более 25% от численности рядовых, сержантов и старшин, 30% — от численности вольнонаемного состава, 50% — от численности офицерского состава. Справки-разрешения приравнивали к документам строгой отчетности. Запретили отправлять посылки индивидуально. Теперь их нужно было сначала сдавать в административно-хозяйственную часть (отдел материально-технического обеспечения). Ответственные сотрудники должны были докладывать «о найденных запрещенных и незаконно приобретенных вещах, обнаруженных в посылках».²⁹⁴ Каждый раз, издавая приказ, командование подчеркивало, что разрешение на посылку нужно заслужить хорошей работой, посылки — привилегия лучших работников! Сваговцы явно не разделяли подобную точку зрения.

Эскалация контроля приводила к новым ответам снизу. В конце концов, рядовые сваговцы справедливо полагали, что у них есть полное право отправить родным и близким честно купленные, обмененные или полученные в виде премии товары. Невозможно установить точное количество таких нарушений — «посылочная» активность зависела от способности к добыванию нужных вещей, связей и возможностей сотрудников²⁹⁵, сплоченности кол-

---

²⁹³ Доставка и отправка посылок должна была проходить только в присутствии этих ответственных лиц.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 24. Д. 14. Л. 15–16; Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 11. Л. 38–39; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 22. Л. 6–7.

²⁹⁵ Были и такие, кто занялся спекуляцией: «В предыдущем письме я писал, что тебе следует сообщить, в какую цену там пара чулок. Говорят, что пара стоит 100 рублей. Если это так, то я буду пересылать вам чулки, а вы их там продавайте» (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 69); «Я несколько посылок послал тебе и вышлю еще. Содержимое посылки не задерживай, постарайся реализовать и как можно скорее. Мою долю денег не вышлай мне, а положи в сберкассу. Информируй меня, как идет реализация и в какой цене. Если у тебя с этим делом будет идти хорошо, то я буду принимать все меры к тому, чтобы отправлять тебе посылки систематически. Понял?» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 13. Л. 430).

лектива, или, другими словами, от «круговой поруки». Да и проверки, выявлявшие нарушения, не велись постоянно, а лишь время от времени, скорее как реакция на очередной сигнал. Но даже эти выборочные проверки свидетельствовали о коллективном противодействии: никто не торопился сдавать образцы подписей ответственных лиц на военно-почтовые станции, справки-разрешения подписывали «неответственные лица», посылки продолжали отсылать «индивидуально», вложение порой не проверялось, даты не проставлялись. Часто справки выдавались по знакомству или нужным людям, их передавали друг другу, в списки на отправку посылок включали весь личный состав, даже тех, кто находился в это время в отпуске. Разрешения выдавались «по очередности» или по требованию тех, у кого в данный момент имелись в наличии вещи, а не по регламенту. Некоторым удавалось успешно превышать нормы и отправлять по 3–4 посылки ежемесячно.²⁹⁶

В докладной записке, подготовленной Группой контроля СВАГ в сентябре 1947 года, говорилось, что военно-почтовая станция, обслуживающая сотрудников СВАГ в Карлсхорсте, не справляется с работой: «Все привозили посылки с раннего утра, но некоторым приходилось простаивать в ожидании до 7 часов вечера». В среднем за один рабочий день через станцию в Карлсхорсте уходило в СССР около 170 посылок.²⁹⁷ Посылали отрезки, чулки, носки, лисьи воротники, туфли, дамские костюмы, платье, белье...²⁹⁸ И, конечно, запрещенное: кожу, деньги, военное обмундирование, лекарства... Кое-что удавалось отловить на военно-полевых станциях. Иногда о пересылке запрещенных предметов становилось известно из перлюстрации писем сотрудников. «Дорогая жена, посылаю тебе посылку: сапоги и летнее обмундирование», «послал вам посылку — брюки и гимнастерку», «послал посылку с лекарствами», «в посылке должно быть одеяло, кожанка, в одном кармане 155 рублей», «выслал вам посылку. Она состоит из следующих вещей: тетради, конверты, два куса кожи, кусок материала, 350 рублей денег», «послал в посылке две пары белья,

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 8. Л. 73; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 37. Л. 312; Оп. 2. Д. 4. Л. 143–147. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 26. Л. 60–61; Д. 27. Л. 40–41, Л. 86–89; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–5; Ф. Р-7317. Оп. 36. Д. 38. Л. 42–43; Оп. 7. Д. 54. Л. 148–149.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 106. Л. 77.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 287. Л. 232.

свител (так в документе. — *Авт.*), 250 рублей денег, килограмм сахару», «выслал я еще одну посылку с продуктами и медикаментами», «послала посылку с лекарством, получила ли ты ее?», «Ваня, отправил посылку на имя мамы, зайти и возьми в этой посылке кожу (простую) на сапоги, военный костюм для Евгения и что еще тебе надо».²⁹⁹

Сваговцы ассоциировали «посылки» в первую очередь со своей чрезвычайно важной личной миссией: каждый, отправивший посылку в СССР, превращался в добытчика для родных и близких и в какой-то степени — в благодетеля для своей семьи. О положении в СССР работающие в Германии советские граждане были неплохо осведомлены, получая письма с Родины: «Дорогой братец, мама лежит с опухшими ногами — с голода, папа тоже ослаб, видно заболел. Я бросил школу, дальше учиться не могу. Пришли нам продовольственную карточку, а возможно можешь (так в документе. — *Авт.*) — денег или посылочку».³⁰⁰ Иногда выполнить просьбы было совсем непросто: «Многие у нас в России не знают, что такое Германия. [Не] которые считают — Германия золотое дно и пишут в своих письмах: купите то-то, вышли то-то. Немцев [мы] избаловали до того, что они сами предлагают офицеру часы, костюм и т. д. за такую цену, что в 10 раз дороже, чем у нас в России».³⁰¹

Руководство СВАГ пыталось вставить концепт «посылки» в официальный фрейм, в формальную систему отношений «приказ — исполнение». Оно полагало, что распоряжение о посылках, идущее сверху, однозначно трактуется всеми подчиненными и должно ими выполняться. Дискомфорт, возникающий у исполнителя, при обнародовании подобных приказов, породил дилемму: исполнять или игнорировать. Но так как в системе ценностей советского человека неисполнение приказа в данном конкретном случае было благом для него и его семьи, чревато лишь незначительными неудобствами и не предполагало пристального внимания начальства, он шел на нарушения.

Разбираясь в запутанной посылочной истории, мы обратили внимание на двусмысленность положения начальства. Начальник

---

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 30. Л. 178–181.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 182.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 59. Л. 15.

Отдела связи УСВА Саксония-Ангальт подполковник М. М. Тертышный, проверяя выдачу справок-разрешений на отправку посылок, пришел к выводу, что главными виновниками нарушений «являются начальники отделов УСВА, военные коменданты и начальники учреждений».³⁰² Любой руководитель (тем более, среднего и низшего звена) был еще и обычным советским человеком. Как и все, он был озабочен теми же проблемами, решал те же бытовые задачи и полностью разделял мнение своих подчиненных, что нельзя пренебрегать представившейся возможностью. Мнимый когнитивный диссонанс в понимании концепта «посылки» у подобных руководителей и сотрудников СВАГ был преодолен в то время, когда СВАГ завершал свое существование и на первый план выдвинулась задача собираться на Родину. Борьба «официального» и «здорового смысла» завершилась в пользу последнего. Даже политорганы были больше обеспокоены тем, как обеспечить равномерное распределение «посылочных» благ и не вызвать недовольство.³⁰³

Вещи шли в Советский Союз не только в посылках, но и в багаже военнослужащих оккупационных войск и сотрудников Советской военной администрации. Последние могли взять с собой (на один билет) 50 кг багажа, как это было установлено Министерством путей сообщения СССР. Кроме того, начальник Железнодорожного отдела Транспортного управления СВАГ выдавал разрешения на дополнительный багаж, но его вес не должен был превышать 100 кг на взрослого человека.³⁰⁴ Сваговцы могли отправлять в СССР и домашнее имущество (мебель, пианино, стулья, столы и прочее). Для этого только нужно было иметь оправ-

---

³⁰² ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 27. Л. 86.

³⁰³ В апреле 1949 г. начальник Политотдела УСВА земли Саксония-Ангальт докладывал начальнику Политического управления СВАГ А. Г. Руссову, что «бесfamilные офицеры и гражданские сотрудники «поднимают вопрос о предоставлении возможности посылать больше посылок для семей, находящихся в СССР». Руссов взял предложение на заметку, решив включить этот вопрос в справку Политуправления СВАГ (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 51. Л. 427).

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 98. Л. 178. В мае 1949 г., когда дети сваговцев уезжали из Германии, «офицерам и вольнонаемным сотрудникам СВАГ, сопровождающим их и увозивших домашние вещи, было разрешено на каждый билет принимать по 75 кг, а сверх нормы по разрешению Транспортного управления СВАГ — по 150 кг на семью, на груз малой скорости — до 3 т на семью. См.: ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 34. Л. 241.

дательные документы: счета от КЭО воинских частей, немецких комиссионных магазинов или частных лиц, заверенные бургомистром и комендантом города.³⁰⁵

Как это часто бывает с подобными приказами и установленными в них нормами, за свое законное право каждому уезжающему предстояло побороться. Группа контроля СВАГ в октябре 1948 года проверила, как обслуживают офицеров, отправлявшихся в Советский Союз с Силезского вокзала. Как сообщал начальник группы Н. А. Панов, поезд подавался на вокзал для посадки, как правило, за 30 минут. Посадка сопровождается сутолокой, давкой, криком и шумом. Особенно плохо обстояло дело с приемом багажа «большой скорости». Здесь, по словам Панова, существовал явный произвол. При приемке багаж проверяли на габарит, вес и тряску. Пассажира-офицера заставляли переупаковывать вещи «при малейшем несоблюдении выдуманного «габарита» (120 × 80 см), веса 75 кг³⁰⁶ и еле слышимой тряске в багаже». Но «самым неприглядным в этой истории», считал Панов, было то, что помещение, где принимали от советских граждан багаж «большой скорости», находилось рядом с немецкой багажной кассой, и вся процедура переупаковывания происходила «на глазах у немцев и на смех им». Оформление багажа требовало много времени — «минимум 3–5 часов». Все это не только вызывало недовольство отъезжающих, но даже, нагнетал обстановку руководитель Группы контроля, создавало «все условия для провокационной и шпионской деятельности врагов». Подъезды к вокзалу со всех сторон были огорожены. Автомшины с веща-

---

³⁰⁵ См.: Приказ № 68 от 8 апреля 1947 г. начальника Транспортного управления СВАГ и начальника Военных Сообщений ГСОВГ «О порядке приема и отправки со станции Берлин-Силезский в СССР багажа, домашних вещей и имущества малой скоростью, назначением СССР». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 39. Л. 108–110).

³⁰⁶ В марте 1948 г. начальник Транспортного управления СВАГ разрешил начальнику Силезского вокзала «производить прием» багажа свыше нормы. В приказе была назван и дополнительный вес — 25 кг. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 98. Л. 50. В конце мая 1949 г., когда дети сваговцев школьного возраста уезжали из Германии, сопровождавшие их и возвращавшиеся обратно офицеры и вольнонаемные сотрудники могли провозить «по 75 кг на каждый билет». Дополнительно, «сверх нормы по билету» можно было провезти «по 150 кг на семью, груз малой скорости — до трех тонн на семью». См.: Директива Транспортного управления СВАГ № 22/0616 от 28 мая 1949 г. (ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 34. Л. 241–243).

ми к камере хранения не пропускали. Сотни отъезжающих на своем горбу таскали багаж на оформление. Панов попытался выяснить у начальника вокзала и военного коменданта станции, к чему эти ограждения. Оказалось, лишь для того, «чтобы устранить шум сигналов автомашин» и «дать спокойствие» семьям сотрудников, проживающим в служебных помещениях вокзала.³⁰⁷

Нельзя забывать, что товары широкого потребления шли в СССР в виде репараций. В общем объеме репараций это была, бесспорно, совсем незначительная часть, но и она внесла свой вклад в вещевой поток из Германии в СССР. Номенклатура товарных поставок в счет репараций из текущего производства включала: велосипеды, автомашины, искусственный шелк, трикотаж, чулки, мебель, бутылки для шампанского, эмалированную посуду, радиоприемники и даже... «фетровые головные уборы». Их в 1947 году отправили в СССР около 300 тысяч штук, выполнив план на 120,6%. В 1948 году предполагалось отправить еще 200 тысяч штук.³⁰⁸

Уезжая в отпуск, демобилизуясь или отправляясь на другое место службы, как офицерский состав, так и вольнонаемные увозили не только домашнее имущество и вещи, но и потребительские привычки. Так вместе с вещами в СССР «перетекали» и новые стандарты потребления. «Когда в город после окончания войны стали возвращаться демобилизованные, появилась масса трофейных вещей. — Вспоминал актер А. Ю. Равикович. — Из Германии, Венгрии, Польши везли аккордеоны, патефоны, одежду, мотоциклы, порнографические открытки, велосипеды. Старшие офицеры привозили даже пианино и автомобили».³⁰⁹

По свидетельству М. Ю. Германа, «дорогих трофейных (немецких, главным образом) приемников было множество — привезенных, купленных, выменянных. В полированных деревянных, эбонитовых или пластмассовых футлярах, монументально-значительные, торжественные и грозные, как сам тысячелетний рейх, они украшали «приличные» квартиры, наполняли их гулками голосами достатка...». В массовое сознание, считает Герман, «вхо-

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 111. Л. 264–268.

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 35. Д. 24. Л. 63–65; Оп. 7. Д. 76. Л. 42–43.

³⁰⁹ *Равикович А. Ю. Негероический герой: [воспоминания].* СПб.; М., 2008: <https://e-libra.ru/books/150948-negeroicheskiy-geroy.html>.

дило тем временем нечто новое, своего рода невнятная «квазиэропеизация». Речь — о феномене, даже, если угодно, своего рода «субкультуре» репараций (так назывались поставки из Германии разного рода ценностей — от станков до ширпотреба — в счет нанесенного Советскому Союзу во время войны ущерба). В страну хлынул сумасшедший, избыточный поток предметов западной, в основном, естественно, немецкой цивилизации. Мебель, одежда, автомобили, мотоциклы, велосипеды, ковры, сервизы, хрусталь, бронза, люстры, радиолы и пластинки, паркеровские ручки и фарфоровые пастушки (от старого Мейсена и драгоценных датских фигурок до бургерского кича), бижутерия, фотоаппараты, часы, игрушки и тысячи других обольстительных мелочей. Они привозились, дарились, менялись, продавались, вкрадчиво заполняли витрины, украшали дома богатых и тревожили мечтания бедных, исподволь формируя новый общественный вкус».³¹⁰

А. Л. Усанова, изучавшая историю жилого интерьера, пришла к выводу, что «поток трофейных подарков, хлынувших в города в послевоенное время, явился важным компонентом в формировании эстетических предпочтений, особенно у провинциального населения».³¹¹ А начиналось все это в «маленьком СССР». После службы в Германии энтузиасты консьюмеризма рассыпались по всей стране. Это не решало, по крайней мере, для абсолютно большинства населения, послевоенных снабженческих проблем, но добавляло новые штрихи в разнородную картину обеспечения советского населения новыми предметами быта, одеждой и обувью. Шла своего рода «филиация» вещей, возможно, именно тогда были сделаны если не первые, то более уверенные шаги на пути превращения вещи в символ, а «сталинского человека» — в начинающего «вещиста». Подобные заимствования жизненных образцов плохо поддаются историческому описанию. Но история повседневного существования «обитателя СВАГ» представляется нам прецедентной практикой продвинутой группы советских

---

³¹⁰ Герман М. Ю. Воспоминания о XX веке. Книга первая. Давно прошедшее: Plus-que-parfait. СПб., 2018: <https://avidreaders.ru/book/vospominaniya-o-xx-veke-kniga-pervaya.html>.

³¹¹ Усанова А. Л. Пути формирования отечественного жилого интерьера первой половины XX века. Ситуативный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 27/2014. С. 114–115.

потребителей, которые способствовали созданию стиля жизни неканонического «позднего сталинизма».

Заключение

Изучая повседневную жизнь «маленького СССР», мы, в который уже раз, столкнулись с тем, что выработанные правила поведения, нормы, распоряжения властных инстанций и партийных боссов не являлись для советского человека неким абсолютом, обязательным к исполнению. Особенно если они (эти нормы и правила) противоречили тому, что в повседневной жизни представлялось насущным и необходимым. Приспособление к действительности характеризовалось, с одной стороны, принятием фигуры покорности и демонстративным одобрением советских обычаев, а с другой — постоянным поиском лазеек и ниш, куда можно было ускользнуть от контроля и надзора, чтобы заняться своими делами. Нарушения установленных регламентов были универсальным способом разрешения возникавших повседневных коллизий, своеобразным буфером, смягчавшим жесткость конструкций режима и, возможно, придающим ему тем самым дополнительную устойчивость. Впору говорить о парадоксальном способе существования советского человека — о культуре «самоисключения» из правил, которая оправдывала массовые случаи нарушения и обхода предписаний начальства под универсальным лозунгом «все так делают». Эти «самоисключения», с одной стороны, противостояли официальной исключительности (привилегиям и льготам), а с другой — дополняли ее. Подобной техникой в той или иной степени владели все — и простые, и «непростые» люди, гражданские и военные, партийные и беспартийные, и даже само государство.

В свою очередь, власть довольно бесцеремонно и произвольно, то сужала границы дозволенных исключений, то (крайне редко и время от времени) расширяла их. Отстаивая свое особое право «даровать» подобные привилегии, государство раздвигало (для себя и «своих») рамки навязанных социалистическим мировоззрением правил, особенно в сфере потребления. Увеличивая свои

потребительские «активы», начальство в то же время стремились заставить простого «сталинского человека» ограничить себя «для блага Родины». Но, как мы видели, с появлением некоторых «неподходящих» приказов в «маленьком СССР» тут же начинались поиски обхода навязанных ограничений. Можно не приходить на работу, когда приказано (необходимо отправить посылки, сходить к врачу, в магазине выбросили настоящий драп, а за ним очередь), можно отправиться в западные зоны за покупками, хотя это не разрешено, можно, несмотря на запрет, смотаться на «черный рынок» или посидеть в немецком ресторане (даже держать там специальный, «запрещенный», столик для русских офицеров), можно, если получится, отправить семье не одну посылку, а несколько ... Можно продолжать этот перечень без конца. Так, отступая от тех или иных правил, поступали все — от офицера, служившего в военной комендатуре, до начальства. Это закладывало основу для круговой поруки в постоянно функционирующей «культуре самоисключений». Тем более что сотрудник СВАГ, особенно образца 1945–1946 годов, жил в условиях, когда контролирующий глаз начальства не всегда замечал неприятные детали; правила поведения и запреты еще не были многократно повторены в грозных приказах, а наказания — не отредактированы применительно к новым реалиям. Для того чтобы запустить контрольные и репрессивные механизмы, требовалось время. В этот зазор между советским регламентом и послевоенной неопределенностью сваговец вторгался раз за разом, используя открывавшиеся возможности.

В. А. Антонов

«В ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ СТРАНЕ
ПОД РОССИЙСКИМ НЕБОМ,
В ПРЕДЕЛАХ УКРАИНСКИХ...»¹

Ф. А. Гайда. Грани и рубежи: понятия «Украина»
и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. 200 с.

Перед нами книга, из заглавия которой мы узнаем, что речь в ней пойдет о «Гранях и рубежах», а именно о том, что собой представляли «понятия “Украина” и “украинцы” в их историческом развитии». Основную часть книги составили «значительно расширенные и переработанные варианты» статей, опубликованные автором в 2012–2014 годах. Указываются и названия «предыдущих текстов»: «Историческая справка о происхождении и употреблении слова “украинцы”», «Несколько пояснений к вопросу об истории слова “украинцы”», а также «Украина и Малая Русь: окраина и центр». Помимо «основной части» книга включает «Приложение». Сначала в нем представлен в оригинале и переложении на современный русский язык текст «“Перестороги” В. Дворецкого», сочинение, датированное автором книги 1669 годом, в котором «слово “украинцы” впервые употребляется как самоназвание малороссийского казачества». Далее следуют три рецензии и после них еще три небольшие «публицистические статьи, имеющие прямое отношение к основной теме».

---

¹ Цитата из повести уроженца Малороссийской Губернии В. Т. Нарезного «Гаркуша, малороссийский разбойник» (1825 год).

² Предупреждение, предостережение.

В «Предисловии» автор определяет «основную тему работы» так: «реконструкция истории и многочисленных значений слова “украинцы”». И тут же следует утверждение: «Этому понятию», то есть тому, что означало слово «украинцы», «была суждена сложная и неоднозначная судьба. В письменных источниках оно известно, по крайней мере, с XVI столетия. Однако с течением веков понятие полностью поменяло свой первоначальный смысл. Общепризнанным этническим самоназванием “украинцы” стали лишь в XX веке». Поэтому именно «условия появления и существования, причины трансформации слова “украинцы” разбираются в этой работе». А к этому добавлено: «Второй сюжет, образующий историческую параллель “украинцам”, связан с появлением понятия “малороссияне” (“малороссы”)».

Далее, автор отмечает, что основывал свое исследование на преимущественно опубликованных источниках «русских, польских, украинских, немецких, французских». И он использовал в своем исследовании довольно обширную научную литературу «о понятии “Украина” и о вопросах этнического самосознания жителей Поднепровья», при этом указал на практически отсутствие работ по «истории слова “украинцы”».

Таким образом, «понятия “Украина” и “украинцы” в их историческом развитии» автор намечает рассматривать с какого-то времени также в связи с историей имен «малороссияне», «малороссы», а также «Малая Русь». И мы уже знаем, что эта тема являлась предметом изучения автором, и теперь это же исследование с дополнениями представлено в одной книге, вероятно, какитоговое и тем самым в качестве научного вклада в изучение «неоднозначной судьбы» или «трансформации», прежде всего, понятия и слова «украинцы».

В «Предисловии», однако, не обнаруживается указаний на то, что непременно должно характеризовать научную работу в ее вводящей части, а именно того, как автор определяет подходы к «основной теме» и приемы, пути исследования ее предмета и объекта, или методологию изысканий. И это вовсе не формальная обязанность ученого, в нашем случае, историка. Любая научная работа предполагает своей целью точность, правду, истину, что достигается соответствующим качеством доказательств, и только в связи с поиском этой цели получает оправдание новое знание, характеризваемое как научное, как результат научно-

го творчества. И труд историка, если это труд ученого, имея ту же цель, оценивается также по качеству доказательств, обусловленных не только точностью приводимых фактов, но и оправданной методологией исследования, как общенаучной (например, системность, соотношение общего и частного), так и свойственной исторической науке, что в первую очередь касается собственно исторического метода. А этот последний предполагает изучение исторического явления в соответствии с местом, временем, обстоятельствами его создания, а также с понятиями его творца. Иначе говоря, если мы хотим оставаться на почве истории, нацелены на то, чтобы выяснить, «как это было», а не искать в прошлом доказательств собственного или модного умозрения, тогда к творениям людей прошлого мы не должны подходить с понятиями «века сего». В том числе это касается понимания смысла имен и употребления позднейших, так называемых «научных», терминов, как правило, созданных на основе иноязычных слов.

А между тем в «Предисловии» обнаруживаются суждения, имена и термины, которые находятся в противоречии с научной исторической правдой. В самом деле, как иначе можно оценивать утверждение автора о том, что «общепризнанным этническим самоназванием “украинцы” стали лишь в XX веке». Прежде всего, что такое «этническое самоназвание»? Слово греческого языка «этнос» соответствует в русском языке слову «народ». Отсюда «этническое самоназвание» — это «народное самоназвание». Но, как известно, имя «украинцы» в качестве «народного самоназвания» стало использоваться гораздо раньше XX века. Вопрос только, какой смысл в него вкладывался и какое место в иерархии «самоназваний» оно занимало, а также где и кем употреблялось. Если же автор под словом «этнос» понимает нечто иное, чем «народ», то тогда он должен был дать определение этому «нечто». Но в любом случае, большинство тех, кто в XX веке называл себя «украинцами» в силу тех или иных обстоятельств, даже и не подозревали о существовании выражения «этническое самоназвание», тем более ученое «нечто» в слове «этнос» и близко к их понятиям не приближалось. Чего уж говорить об общепризнанности «этнического» самоназвания «украинцы» в XX столетии, когда и сегодня многие «украинцы» либо путаются в определении своего народного имени, либо по-прежнему прямо называют себя и осознают русскими, что автору, несомненно, хорошо известно.

Далее, перечисляя свои источники, автор книги между ними называет и «украинские». Но, прочитав первую его статью, которая теперь в книге воспроизводится с дополнениями, всякий придет к выводу, что в течение многих веков слово «украина», от которого происходит прилагательное «украинский», прилагалось к самым разным землям, в различных государствах. И если уж при таких исторических обстоятельствах автор решил выделить какие-то «украинские» источники, то читатель вправе ожидать названия этих источников, дабы можно было оценить их особые «украинские» признаки.

Наконец, автор, в противоречии с заявленной темой своей работы, отождествляет «Украину» только с «Поднепровьем», а его жителей с «украинцами». К тому же «Поднепровье» — это земли, расположенные «по Днепру», или по берегам этой реки, а она, как известно, берет свое начало в Новгородской области! И разве «украинцы» жили и живут только близ Днепра? Это к вопросу о точности в употреблении имен.

А теперь, оставаясь и впредь, по возможности, на почве исторической правды, в том числе относительно употребления имен, перейдем к рассмотрению всех частей книги и их разделов по отдельности.

Ее основная часть включает два «сюжета»: «**”Украинцы”: история происхождения и употребления понятия**» и «**Украина и Малая Русь: Окраина и Центр**».

Сюжет про «украинцев» разбит на девять глав.

Из них первая глава называется «”Украинные места”: “Украина” как пограничье (XII — начало XVIII в.)» (с. 9).

В этой главе, как и в статье 2012 года, но с дополнением, автор приводит многочисленные известия источников, которые неоспоримо свидетельствуют, что в продолжение всего указанного времени словом «украина» или «Украина» обозначалось «пограничье». При этом автор жирным шрифтом выделяет ряд своих утверждений, которые затем обосновываются историческими свидетельствами.

Первое такое утверждение гласит: «**”Оукраинами” (“украинами”, “украинами”)** с XII в. называли различные пограничные земли Руси». И далее приводятся известия «Ипатьевской летописи», призванные, в том числе, подтвердить существование «пограничных земель Руси» под названием «оукраины» уже в XII и затем в XIII веке.

Автор, однако, забывает сказать, что «Ипатьевская летопись» находится в «Ипатьевской рукописи», которая датируется от конца 1410-х годов до середины XV века, и что вопрос о месте, в котором эта летопись приняла свой окончательный вид, по форме и содержанию, остается дискуссионным. А это значит, что и те «украинские» слова, которые в ней представлены, подобно другим именам, как это нередко случалось при составлении русских летописных сводов, могли явиться творение вовсе не XII или XIII века. Тем более каких-либо следов присутствия в довольно большом числе грамот XIV–XV веков, изданных на западе и юге Русской земли (России) в тех местах, в которых «Ипатьевская летопись» помещает «украины», не обнаруживается. И только в договорах великих князей Литовских и Русских с великими князьями Московскими и Рязанскими середины-второй половины XV века появляются свидетельства о том, что и в Русской земле, подвластной великим князьям Литовски и королям Польским, слово «украина» и производные от него имена получили хождение.

Всё сказанное про «украины» из «Ипатьевской летописи» относится и к «украинам» XIII–XIV веков «Псковских летописей» (рукописи конца XV — XVII в.), об одной из которых упоминает и автор книги, а также «Софийской первой летописи» (около 1480 г.)³ и «Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского» (конец XVI — начало XVII в.)⁴.

В противном случае нам бы пришлось признать достоверность известия написанной во второй половине XVI века «Истории о Казанском царстве» (рукописи XVII века) о существовании слова «украина» в 1172 году: «прииде царь, именем Саин, Болгарский, и поискав по местом проходя, в лѣта 6680 г(о), и обрѣте мѣсто на Волге **на самой украине Рускои** (в другой редакции: **украине Руския земли**), на сеи странѣ Камы рѣки»⁵.

Да что «в 1172 году». Польский писатель XVI века Стрыйковский поведал о русской княгине святой Ольге, что она после смерти Игоря Рюриковича «взяла в свое управление Русские Государства, Великоновгородские и Киевские и, ... как наипоря-

---

³ ПСРА. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стлб. 352

⁴ ПСРА. Т. XLIII. М., 2004. С. 100

⁵ ПСРА. Т. XIX. СПб., 1903. Стлб. 10.

дочнейшая Монарха правила и со всех сторон от вражеских набегов, поручив оборону **украины** воеводам.., укрепила...»⁶.

Или вот из «западнорусского Хронографа» XVI века, произведения из тех самых мест, где, согласно «Ипатьевской летописи», с 1187 по 1282 год «украина» с ее производным потомством «гуляла» от пограничья русско-половецкого до пограничья русско-польского, узнаем, что «украина» размножилось еще во времена баснословные чуть ли не по всей ойкумене. Тут читаем, что еще до основания Рима Италия называлась «**Влоской украиной**», что немцы издревле живут в своей «**Немецкой украине**», что «амазонские жены татарские» хорошо стерегут «**своею крайны и распространившие ю**», что гунны, прозавшиеся «от рѣки Гунна, иже близ моря Лодоватого», и прочие разные маркоманы, гепиды и герулы — это «**полуночных украин людие**», или «пограничные земли», что их «кроль» Аттила «опустошил **Влоские украинны**», что в 841 году «Лудвиг с Карлом Лысым взяша всѣ **украины Немецкие и Французские**, а Лотаргиус **Влосские**», что в 903 году угры «поидоша на **украины Влосския и Французския и Баворския**», что в 1189 году Фридрих Барбаросса «взем **Арменския украинны**... и тамо утоп» и что в 1300 году царь Турецкий «множество мѣст и **украин в велицей Азии** привѣщал к себѣ»⁷.

Вспомним, что и тот житель Волыни, который около 1560 года переложил «изъ языка бльгарского на мову роускою» так называемое «Пересопницкое Евангелие», известиями из которого автор книги дополнил свой статейный протограф, нисколько не сомневался, что Святая земля была полна «**оукраинами**»⁸ еще во времена «явления Христа народу».

Вместе с тем, ссылаясь на «Ипатьевскую летопись», автор книги допустил две неточности.

⁶ «...Xięzną Holha... Państwa Ruskie Wielkonowogrodzkie y Kijowskie wzięła w swoją sprawę.., ale iako nayporządniejszy Monarcha rządziła y ze wszystkich stron od naiazdow nieprzyacielskich Asadmowi i Cieltowi Wojewodom... vkrayne obrony zlećiwszy, obwárowała...» (Kronica Polska, Litewska, Zmodzka y wszystkiey Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey, Siewerskiey, Wolhińskiey, Podolskiey, Podgórdkiey, Podlaskiey etc. ... Przez Macieia Osostewiciusza Strykowskięgo. Kroleuec, 1582. P. 122).

⁷ ПСРА. Т. XXII. Русский хронограф. Ч. II. Хронограф западно-русской редакции. Пг., 1914. С. 209–237.

⁸ Пересопницьке Евангеліє 1556–1561: Дослідження. Транслітерований текст. Словопоказчик. Київ, 2001. С. 143–244.

Так, он пишет, что «под 6695 (1187) г. упоминается переяславская «оукраина»». На самом деле в летописи после сообщения о смерти Владимира Глебовича, который княжил в Переяславле на Трубеже, читаем: «плакошася понем вси переяславци... и о нем же **оукраина** много постана»⁹. В лучшем случае, что отсюда можно вывести, — это то, что Переяславль находился на «оукраине». Но сама эта «оукраина», как надо полагать, заключала и другие города и веси. К тому же Переяславль в той же «Ипатьевской летописи», например, во время Батыева нашествия, называется среди русских городов¹⁰, и он являлся пограничным городом на юге Русской земли, главным городом которой был Киев, с землей Половецкой. Следовательно, если и можно определять эту «оукраину» по ее географическому положению, то только как «русскую», или как «украину Русской земли», то есть теми словами, какими, как мы выше видели, в XVI веке под 6680 (1172) годом представил *украину* на Волге и Каме сочинитель «Казанской истории».

Затем автор отождествляет две «оукраины», упоминаемые под соответственно 6697 (1189) годом и 6721 (1213) годом, называя каждую из них «галицкой». И действительно, в первом случае в летописи говорится о «оукраинѣ галичькой», и, как следует из летописного рассказа, она находилась на пути, по которому следовал князь Ростислав из Смоленска в Галич, но уже там, где Ростислав берет «галицкие города»¹¹.

Отсюда не остается иного выбора, как признать, что эта «украина галицкая» являлась восточным пограничьем Галицкого Княжения.

Во втором же случае сообщается про «всю оукраину», которая являлась яблоком раздора между князем Владимирским Даниилом Романовичем и польским князем Лестком (Лешekom) вблизи реки Буг (Западный). Она находилась там, где летописец помещает города Берестье (Брест), Угровск, Верещин и Столл Комов¹², которые автор книги справедливо относит к городам

---

⁹ ПСРА. Т. II. Стлб. 653.

¹⁰ «... Батыеви... поча посылати на град роуськие и взять град Переяславль копьемь...» (Там же. Стлб. 781). В Суздальской земле, согласно местным летописям, как хорошо известно, в XII–XIII веках его и вовсе называли «Переяславлем Русским».

¹¹ ПСРА. Т. II. Стлб. 663–664.

¹² Там же. Стлб. 732.

Червенским. Однако летописец называет их вместе «со всей украиной» «отчиной» Владимирского князя, а потому эту «всю украину» никак не получается называть «галицкой», разве что «владимирской», или «западной украиной Владимирского Княжения». А еще ее можно характеризовать как одну из западных украин в целом Русской земли — «украиной Русской земли», или ещё одной «Русской украиной», ибо Владимирское Княжение, согласно «галицко-волынской» части «Ипатьевской летописи», находилось в ее пределах.

Что касается происхождения слова «украина», то этот вопрос автор книги свел по сути дела к перечислению случаев употребления слова «краина» в различных славянских языках. Действительно, невозможно отрицать, что эти два слова являются одно-корневыми и родственными по смыслу. Прав автор и в том, что они сродни «каролингскому слову “marchio”», или германскому «mark (mearc)» и латинскому «margo». Об этом еще в XVII веке писал лях С. Грондский, прямо отождествляя «край» и «украину» (между прочим, ту самую, которая в «Среднем Поднепровье») с «маркой»¹³.

Однако ни в западных, ни в южных славянских «диалектах» XIV–XV веков, то есть в то время, которым датируются русские древнейшие рукописи с ранним упоминанием слова «украина» (или его производных), это последнее слово не употреблялось. Ведь нельзя же всерьез воспринимать ссылки на сербские тексты XIX века, к тому же взятые из русского перевода, которые приводит автор книги в примечании к «сербскохорватскому понятию “краина” (крајина, krajina)» (с. 10). Поэтому примеры с «краиной» совсем не проясняют обстоятельства и место происхождения «украины». Из них первое слово, несомненно, является производным от слова «край», но второе могло произойти только от слова «украй/украин». Западные и южные славянские языки в XII–XVI веках этого слова не знают, как можно судить по известным памятникам их письменности. Зато в северо-восточной русской словесности, по крайней мере, в рукописях XV–XVI ве-

---

¹³ «... margo enim Polonice *Kray*: inde *Ukrajna*, quasi Provincia ad fines Regni posita...» (Historia Belli Cosacco-Polonici avthore Samvele Grondski de Grondi conscripta anno 1676. Ex manuscriptis monimentis Historiae Hungaricae in lucem protulit... Peštini, 1789. P. 19).

ков оно представлено, о чем автору книги хорошо известно из цитируемого им «Рукописания Магнуша». Правда, в одной из цитат он явно описался: вместо «оукраине»¹⁴ у него читается «окраине» (с. 11).

Иначе говоря, тот состав памятников славянской и русской письменности, который дошел до нашего времени, позволяют остановиться на следующем выводе относительно происхождения имени «украина». Это имя, несомненно, происходило от слова «украй». Самые ранние свидетельства существования слова «украй/вкрай» обнаруживаются в рукописях северо-востока Русской земли (России). Там же, в свою очередь, сохранились и самые ранние рукописи с именем «украина» и его производными. Отсюда можно предполагать, что слово «украина» является производением северных наречий русского языка. В любом случае, «украина» и — это имя изначально только русского языка, это исконное русское слово. А ещё можно догадываться, что оно, как и слово «краина (крайна)», возникло под влиянием латинского языка, а именно посредством использования окончания *-ина*, характерного для слов этого языка. При этом нельзя исключать и того, что возникшее раньше западнославянское слово «краина» в части его окончания и послужило образцом для создания имени «украина».

В самом деле, слово «краина» в наших памятниках письменности впервые встречается в рукописи «Рязанской Кормчей» 1284 года, имевшей сербское происхождение¹⁵.

А ведь именно в Рязанской земле слово «украина» ещё в середине XV века, как видно из договоров великого князя Литовского и Русского с великими князьями Рязанскими, было в ходу¹⁶.

Еще одно утверждение автора книги, выделенное жирным шрифтом, гласит: «**Однако в Российском государстве с рубежа**

¹⁴ В выражении «**на оукраинѣ земли**» (ПСРА. М., 1994. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. С. 112).

¹⁵ «Посрѣдѣ сель прѣдель или на краинѣ где» (цит. по: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стлб. 1312). О Рязанской Кормчей см.: Шапов Н. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 139–146; Столярова А. В. Еще раз о протографе Рязанской кормчей 1284 г. // Археологический ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 190–207.

¹⁶ Между прочим, и слово «середина (середина)» в русской письменности появилось довольно поздно, около середины XVII века (см. примера: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 86).

XV–XVI вв. существовала и Украина в узком смысле слова — окская Украина». И тут же приводятся доказательства существования «окской Украины»: «Украина за Окой», «украинные места Белевские и Одоевские», «Тульские украины», «Поле», «крымская украина», «она же в это время именовалась “польской украиной”, то есть границей с Диким Полем». А уже в следующем предложении «список городов такой Украины» ограничивается Тулой, Каширой, Крапивной, Алексином, Серпуховом, «Торусой» (!) и Одоевом (с. 17). Спрашивается, эти города и в правду находились в «поле», то есть в степи, на «польской украине», то есть на степной украине, и вблизи земли Крымского Царства!? И потом: почему здесь в ряде случаев имя «украина» написано с большой буквы и соответственно представлено как имя собственное? В рукописях оно начинается с маленькой буквы. Да и различные определения этого имени также не позволяют представлять его таким образом.

Итак, авторские «доказательства», как видно из них самих, все не свидетельствуют в пользу «окской Украины», к тому же они противоречивы. И действительно, такого определения ни одной из украин ни русские, ни иноязычные источники не знают. Но и словосочетание «Российское государство» начинает укореняться в московском делопроизводстве и в целом в русской словесности только с рубежа XVI–XVII веков в качестве равнозначного другим именам. А ими были: Московское Государство, Государство всей великой России, Государство Владимирское и Московское и вся великой России, великие государства Российского Царствия, Российское Царство, Российское Великое Государство, Великой России Московское Государство, Русское Государство, Русское Царство, Великая Российская держава Московского Государства или Российское Московское Великое Государство, Московское Российское Государство. Первое известно с середины XVI века, второе использовалось во время Смуты начала XVII века¹⁷. Не употреблялось в Московском Государстве XVI–XVII веков и выражение «российское законодательство».

---

¹⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою комиссиею Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. II. 1598–1613. № 1–3, 7, 32, 48, 96, 108, 165, 185, 188, 204, 219; Дворцовые разряды. Т. I. 1612–1628. СПб., 1850. Стлб. 9–10, 33–35.

Что же касается той «украины за Окой», о которой наши летописи сообщают в связи с событиями 1480–1481 годов, то ее географическая история прослеживается в течение нескольких веков, о чем отчасти можно заключить и на основании приведенных Ф. А. Гайдой «доказательств». Начать с того, что, как видно также из примеров, приводимых автором книги, с конца XV века «за Окой» наша словесность знала разные укрaines, которые могли определяться разными именами, что, однако, не исключало использования и в целом имени «украина». И эти укрaines, то есть пограничные земли, уже существовали в те годы (1449 и 1456), в которые заключались договоры между великими князьями Литовским, Московским и Рязанским. Это доказывается использованием в этих договорах имен, производных от слова «украина», а также упоминанием в них Мценска и Любутска. Географически все укрaines «за Окой» или вблизи этой реки поначалу охватывали приблизительно земли нынешних областей Калужской, Тульской и Рязанской. Но с переходом на рубеже XV–XVI веков под власть «государя всеа Русии» земель Великого Княжества Черниговского, Северской земли и так называемых «верхнеокских княжеств», а затем, со второй половины XVI до середины XVII века, и с расширением южных пределов Московского Государства «украина за Окой» наполняется новым географическим смыслом. Этот смысл менялся в прямой зависимости от изменения в южном направлении пограничья Московского Государства. И случилось так, что изначальная «украина за Окой» после Смуты, перестав быть пограничной землей, утратила и свое «украинное» имя. Зато это имя с конца XVI века закрепляется за более южными землями Московского Государства, которые ныне включают области Черниговская¹⁸, Липецкая, Тамбовская, Орловская, Воронежская, Курская и Белгородская. Но и здесь в итоге наша непоседа, «украина за Окой», не задержалась. К середине XVII века за Московским Государством закрепились земли нынешних областей Сумской и Харьковской, а также север Донецкой. Имен-

---

¹⁸ Во время Смуты начала XVII века Чернигов, Новгород-Северский, Глухов и некоторые другие города Северской земли были захвачены ляхами и по Деулинскому перемирию 1618 года и затем по Поляновскому миру 1634 года остались под властью Короны Польской. Возвращены же были под власть царя и великого князя всея России в 1654 году в составе Великого Княжества Черниговского уже как города малой/Малой России.

но эта известная в источниках «московская украина», или, как еще она называлась с конца XVII века, «великороссийская украина», в конце концов, и стала последним пристанищем «украины за Окой». Позже, во второй половине XVIII века, на этой украине Российского Государства была учреждена Слободско-Украинская губерния, откуда и пошло затем название «Слободская Украина». И это уже было имя собственное, но только имя исторической местности России, ибо свое украинское положение эта земля утратила окончательно с «покореньем Крыма» при матушке государыне Екатерине Великой. Таким образом, свой южный путь «украина за Окой» завершила в качестве исторического имени в музее словесности русской.

Вот вкратце подлинная история, как она освещается историческими источниками, той украины, которую автор книги «в узком смысле слова» называет «окской Украиной». И эта история свидетельствует, что свой «узкий смысл слова» эта «окская Украина» обрела только на закате своих географических походов от Оки к Северскому Донцу, причем вовсе не под именем «девичьим».

Но к этому времени уже в зрелых годах пребывала и ее западная одноименная соседка, главная героиня книги Ф. А. Гайды. О ней автор делает такое утверждение: «С II четверти — середины XVII в. “Украиной” в узком смысле слова также стали именовать земли Среднего Поднепровья — центральные области современной Украины». И дальше сообщается, что «в польских источниках... с конца XVI в. упоминаются» разные «украины», в том числе «Украина Киевская» и «украина Подольская». После чего читаем, что «вплоть до 1620–1630-х гг. так обозначалось **пограничье (окраина, предел) в нарицательном значении**, поэтому давалось уточнение “та украина”, “украина Киевская”, “украина Днепровская” и т. п.». Но при этом «в житии св. Доминика (1626 г.) упоминались также “украины Африки”». И «лишь затем казацкая “Украина”... начинает пониматься не в нарицательном, а в **собственном смысле** (“за Днепром, как и на Украине”». И «такое значение окончательно закрепилось с началом Хмельниччины» (с. 17–18).

Всё в этих утверждениях автора книги, а также их доказательства, требует критического пояснения. Прежде всего, в чем различие между «нарицательным значением» и «узким смыслом

слова», или «собственным смыслом»!? (Этого, между прочим, и лингвисты до сих пор не могут объяснить сколько-нибудь внятно). Ведь, как в период «донарицательный», так и во времена имени «нарицательного» и «собственного», по отношению к «землям Среднего Поднепровья» прилагалось слово «украина/Украина» в единственном и множественном числе. И потом, чем отличаются в нарицательном и собственном смысле такие выражения, как «украина киевская» и «украина малороссийская» — словосочетание, возникшее только во второй половине XVII века, когда, по утверждению Ф. А. Гайды, уже «Украина» на «Среднем Поднепровье» давно обрела имя собственное!?

Затем, почему-то автор начинает отсчитывать время «нарицательных» украин «с конца XVI в.», причем почин в их создании приписывает составителям «польских источников». Но вот читаем послание царя Крымского к Польскому королю и великому князю Литовскому и Русскому Жигимонту от 1506 года и обнаруживаем там ... «Рускую вкраину». Так назвал самые южные земли Великого Княжества Литовского и Русского, то есть, в том числе, будущие Украины киевскую и малороссийскую, а также ту, что с «собственным именем», «Великое Орды великий царь Мендъли-Кгирей»¹⁹.

И точно так же — «Русской украиной» (*Ruska ukráiná*) как части «в целом Русской земли» (*generaliter wszytka Ruska ziemiá*) — в 1590 году назвал ту же землю ксендз и (с 1592 года) Киевский епископ католический Иосиф Верещинский²⁰, между прочим, происходивший из русского шляхетного рода с Волыни. И так же 1655 году в послании горожанам львовским назвал Б. Хмельницкий те места, в которых учинилась, по выражению Ф. А. Гайды, «Хмельничина»: «а со nam pan Bóg pomógł **ukrainy swej Ruskiej zajachać**»²¹.

¹⁹ Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. // Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1838. С. 91.

²⁰ Droga Pewna do prędszego y snádniejszego osadzenia w Ruskich krainach puśtyń Kroleśtwá Polskiego, iáko teź względem droźniejszey obrony **wszystkiego ukráinnego położenia** od nieprzyiaćioł Krzyżá świątego. Pokazána Przez Księdza Iosepha Wereszczynskiego z Wereszczyná... Krakow, 1590 // Сборник статей и материалов по истории юго-западной России. Киев, 1911. Вып. I. Приложения. С. 13.

²¹ Документи Богдана Хмельницького 1648–1657 / Упорядники І. Крип'якевич та І. Бутич. Київ, 1961. № 340.

Но вспомним, что еще не позднее первой половины XV века кто-то из русских писателей «Ипатьевской летописи» под 1187 годом «оукраиной» наименовал землю Княжения Переяславского и, возможно, Киевского, то есть изначальную Русскую землю, в которой главным городом был Киев, или ее южную, пограничную часть. Значит уже с самого того времени, «откуда есть пошла Русская земля», ее южные пределы по сути являлись «украиной» Русской земли, или Русской Украиной. И уж точно изначальная Русская земля оказалась в положении «украины», или Русской Украины, после того как она сильно «расплодилась» в северо-восточном направлении, к берегам волжским и Ильмень озера.

А если мы припомним, что и после 1655 года вся эта Русская Украина продолжала, несмотря на смены государей, при частном наименовании «малороссийской», по-прежнему в целом называться Русской землей, или Россией, то спрашивается, какое имя нарицательное или собственное эта «украина/Украина» носила в течение многих столетий. И ответ очевиден — Русская Украина, даже если определение «русская» часто опускалось или заменялось частным определением «малороссийская». А вот и пример. В. Г. Григорович-Барский (1701–1747), представившись уроженцем «Киево-Российским», называет свою землю «нашей Россией», «Малой Россией», «Русской/Руской землей», «Русской страной», а также, зри, любитель истины, — «Руской Украиной»²².

Удивляют также псевдоисторические названия, в духе Драгоманова, Шелухина, Грушевского и тому подобных «украинських письменників» и «істориків» — имя им легион, — которые использует Ф. А. Гайда, а именно: «Хмельниччина» и «казацкая “Украина”». Первое название, выдуманное в XIX веке, оставим без комментариев, как не относящееся к теме книги. Но о втором заметим следующее. На той «Украине», которой главным образом посвящена книга, то есть на Русской Украине по обеим сторонам Днепра, жили не только казаки, но и духовенство, шляхта, мещане (горожане), посполитые, или селяне (крестьяне), их «жинки и доньки». И это только те станы, или сословия, которые были веры «русской», «греческой», или «греко-российского исповедания», русь, или народ русский. Но, помимо них, на этой

---

²² Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова... СПб., 1793. С. 18, 31, 33, 128, 134, 137, 159–160, 174, 515, 554, 571, 690, 701, 760.

украине/Украине, в период якобы обретения ею «собственного имени», живали еще, по определению творцов и защитников «национальной Украины», люди чужие, или чужинцы, как-то: «ляхи, жиди, москва» и разнообразные «нимци», например, француз Боплан. И казаки во всем этом народонаселении украинном, или украинском, во все времена составляли абсолютное меньшинство. Отсюда спрашивается, на каком основании эта «Украина» должна называться «казацкой»? Ведь и на многих других русских Украинах с XV века жили казаки. К тому же, казаки днепровские обитали не только на «Украине», но и за порогами, в запорожье/Запорожье, запорожской сечи. А эта последняя местность никогда до появления в XIX веке «украинских писменников» Украиной (Украиной) и Малороссией не называлась. И к 1917 году находилась эта Запорожская земля в Екатеринославской Губернии, главный город которой — Екатеринослав — при императоре Павле Петровиче даже переименовывался в Новороссийск. Так что, по понятиям доукраинским и внеукраинским, запорожье/Запорожье — это Новая Россия, или Новороссия, населенная людьми разнородного и разносословного происхождения.

Трудно также понять, зачем автор поместил «украины Африки» среди примеров, призванных свидетельствовать имена нарицательное и собственное у той «Украины», которая находилась в «Среднем Поднепровье».

Доказательства же обретения «казацкой “Украиной”» имени «собственного» автор книги находит у французского инженера «на польской службе Г. де Боплана», который «в 1648 г. ... составил первую общую карту Украины под названием «Генеральная карта пустынной равнины, обычно именуемой Украиной» («*Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina*»)²³.

Надо, однако, заметить, что точное время составления этой карты неизвестно. Тем более, ныне доказано, что первый опыт создания карты «Украины» (хранится в Стокгольме) Бопланом был произведен еще в конце 1630-х годов²⁴. Год же 1648 — это

²³ Между прочим, один из первых исследователей трудов Боплана, уроженец Полтавской Губернии В. Г. Ляскоронский, также находил эту «Украину» в России: *Ляскоронский В. Г.* Гильом Лавасир де-Боплан и его историко-географические труды о Южной России. Киев, 1901.

²⁴ *Pernal Brandon A. B.* Two newly-discovered seventeenth-century manuscript maps of Ukraine // *Od Kijowa do Rzymu. Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej*

лишь дата издания его карты в Данциге. И точный перевод ее названия, которое написано на самой карте, такой: «Общий чертеж Пустынных (Диких) Полей, по-народному (в просторечии) Украина». И она, действительно, представляет собой «черно-белый чертеж». Впоследствии, в 1660 году, Боплан издаст ее снова за подписью «*Carte d'Ukraine...*». Да, именно так, с маленькой буквы напечатано на последней карте имя «украини», что ставит под большой вопрос понимание Бопланом этого слова в качестве имени «собственного».

Затем Ф. А. Гайда ссылается на два издания сочинения Боплана. Одно — с описанием «земель Польского королевства, простирающихся от пределов Московии до границ Трансильвании («*Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, ins ques aux limites de la Transilvanie*»). Другое — с описанием «Украины, или нескольких провинций Польского королевства, простирающихся...» («*Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues...*»).

И эти переводы, заимствованные Ф. А. Гайдой из публикации Бопланова сочинения 2004 года, нуждаются в уточнении. В первом названии смысл слов «*contrées*» лучше перевести как «места»: «Описание мест Королевства Польского, простирающихся от рубежей Московской земли вплоть до границ земли Семиградской²⁵». Во втором случае точный перевод такой: «Описание Украини, которой являются несколько воеводств Королевства Польского, простирающихся...» или «Описание Украини, а именно нескольких воеводств Королевства Польского, простирающихся...»).

Из публикации же 2004 года Ф. А. Гайда процитировал и перевод из «посвящения польскому королю»: «этого большого пограничья — Украины, находящейся между Московией и Трансильванией». В оригинале это место выглядит так: «*la description de cette grande lisiere d'Ukraine, comprise entre la Moscovie et la*

---

ze Stolicą Apostolską i Ukrainą / Pod red. M. Drozdowskiego, W. Walczak. Białystok, 2012. S. 983–992.

²⁵ В русской словесности Московского Государства писали обычно про Московскую землю, Московское Государство и Семиградскую землю. Имя «Московия» — калька с латинского имени Московской земли — привнесено в русский язык только в XVIII веке «европейски образованными умами».

Transilvanie». И его точный перевод такой: «описание великой Украинской кромки (каймы), находящейся между землями Московской и Семиградской».

Потом снова является упоминавшийся выше анахронизм, а именно «русское законодательство с XVII в.», в котором «фигурирует “Украина Малороссийская”, “Украина, которая зовется Малою Россией”» (с. 19). Оказывается, «Украина», как выше автор утверждал, обретшая во второй четверти «имя собственное», во второй половине того же столетия «зовется Малою Россией». Да и «правобережье Днепра с этого времени именовалось “Польской Украиной”», и «при этом Малороссия и Слободская Украина в российском законодательстве четко разделялись», что доказывается такой выдержкой из источника: «Малороссийских городов жители приезжают в Московское государство и в Украинные города...». И добавлено: «Летопись Самовидца, составленная в Малороссии, называет “города украинные московские”: Сумы и Рыбное». Только почему-то эти «города» представлены в «украинском» переложении 1971 года, тогда как в оригинале читаем: «города украинные московские», или в другом списке: «города Украинские Московские»²⁶.

В свою очередь и «во второй четверти XVIII в. понятие “Украина” окончательно закрепилось за землями среднего Поднепровья и иначе в повседневной практике уже не употреблялось. В примечаниях к своему переложению труда Ф. И. фон Страленберга (1732–1738 гг.) В. Н. Татищев пояснял касательно поднепровской Украины: “Украина слово славенское, значит границу или крайнюю землю. Прежде в России тако назывались разныя пограничныя земли, но ныне, кроме показанной, никакая не называется”» (с. 20). Но здесь вкралась явная неточность по невнимательности Ф. А. Гайды.

Действительно, вот, что читаем у «русского» Страленберга: «Киовская или третья губерния имеет княжество Киовское, Черниговское, Северское и большую часть Украины или Украинских казаков, которыя на 4 части разделяются: 1. Малороссийская, 2. Запорожская, 3. Полская, которыя России не принадлежат

---

²⁶ Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. М., 1846. С. 109; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 132.

и 4. Белгородская черта, которая приписана к Воронежской губернии»²⁷.

И здесь же к словам «Украины или Украинских казаков» дается ссылка на то самое определение «Украины», которое приводит Ф. А. Гайда в качестве пояснения Татищева.

На самом деле эта цитата является переводом примечания самого Страленберга, а именно: «In der Sclavonischen Sprache bedeutet das Wort Ukraine so viel ander Gränße, oder das ander Seite liegende Land. Vorzeiten sind unterschiedliche Rußlandes áuserste Gränß-Lander und Provincien so gennenet worden; jeßo aber, ob die Provincien auch noch so weit abgelegten sind, giebt man ihnen den Rahmen nicht mehr» (*мой перевод*: «В славянском языке слово Украина означает не что иное как границу, или с боку лежащую землю. Прежде так назывались различные, крайние пограничные земли и провинции России. Поскольку, однако, сейчас упомянутые провинции также еще расположены так далеко, то уже только им придают значение этих пределов», то есть Украины как пограничной земли)²⁸.

Страленберг, следовательно, представляет «Украину или Украинских казаков» в пределах куда больших, нежели «поднепровская Украина»: от земли Короны Польской до Белгородской черты включительно в пределах Киевской губернии и части Воронежской.

Узнаем мы из сочинения Страленберга, и где находилась Белгородская черта. В оригинальном тексте читаем: «die Cosaken, welche Belogrodische Czerta genannt werden, dieaus 5. Regimentenbestehen, als (1) Ochtirskoi, (2) Iumskoi, (3) Sumskoi, (4) Charkow, und (5) Ribinskoi; Welche unmittelbar von dem Belogrodischen Rußischen Commendanten dependiren» (*мой перевод*:

---

²⁷ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. М. ; Л., 1985. С. 41. В немецком оригинале: «Das Kiowische oder dritte Gouvernement begreißt in sich das Fürstenthum Kiow, Tschiernikow, Siverien und das meiste Theil der Ukraine, oder die Ukrainische Cosaken, (e) (это знак сноски) welche in vier Theile geschieden sind, als: 1. In das Malorobiskische oder Klein-Rußländische. 2. Saporowische. 3. Polnische, welche zu Rußland nicht gehdren, und 4. Belogirodskaja Czerta, so von dem Weronißischen Gouvernement dependiret» (*Strahlenberg Fh. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730. S. 184*).

²⁸ *Strahlenberg Fh. J. von. Op. cit. S. 184.*

«казаки, каковые были названы Белгородской чертой, которые состоят из 5 полков, а именно: (1) Ахтырского, (2) Изюмского, (3) Сумского, (4) Харьковского и (5) Рыбинского²⁹; они непосредственно зависят от белгородского русского коменданта»³⁰.

Все эти полки располагались на Украине Московского Государства — на Украине Великороссийской, или Слободской. И в этих полках служили казаки, которые, однако, не входили в состав Запорожского войска, находившегося на Украине Малороссийской, а также за порогами в Сечи. Но поскольку и те и другие казаки, кроме сечевых, жили на Украинах, или в целом на Украине, то есть в пограничных землях, то они все называются Страленбергом «Украинскими казаками».

Таким образом, под «Украиной» Страленберг понимал не только «поднепровскую Украину», но также две ее соседки: находившиеся от нее к западу Украину Короны Польской и к востоку Украину Московского Государства. Все эти Украины при жизни Страленберга по-прежнему оставались пограничными землями, как Короны Польской, так и Российского Государства, с землями султана Турецкого и хана Крымского. И в таком качестве они осознавались Страленбергом одним пограничьем — одной Украиной. При этом и в самом Российском Государстве обе его юго-западные Украины, Малороссийская и Великороссийская (Слободская), после соединения России Малой и Великой в 1654 году, нередко назывались просто «Украиной», и всё в том же «пограничном» смысле. Отсюда никак не выходит, что «во второй четверти XVIII в. понятие “Украина” окончательно закрепило за землями среднего Поднепровья и иначе в повседневной практике уже не употреблялось». Слово «украина» закрепило, в том числе, за «Средним Поднепровьем» не позднее начала XVI века, и с тех пор вплоть до конца XVIII века, когда к Российскому Государству было присоединено Северное Причерноморье с Крымом в качестве Новой России (Новороссии), «пограничный» смысл имени существительного «украина» не менялся.

²⁹ Он же Острогожский полк (Багалий Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 384).

³⁰ *Strahlenberg Fh. J. von.* Op. cit. S. 186. Русский перевод XVIII века: «Казацкие слободские полки, яко Охтырской, Изюмской, Сумской, Шарковской, Коубинской, которая состоят в точной команде Белогородскаго каменданта» (Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга. С. 43).

Вместе с тем в конце первой главы Ф. А. Гайда снова обращается к этимологии слова «украина». И на этот раз его рассуждения туманны и просто неверны. Но не будем голословны. Вот первые предложения из этих рассуждений:

«В ряде славянских языков (во всех западнославянских, церковно-славянском, болгарском, древнерусском, украинском, белорусском, а также русских диалектах) слова с корнем “край” получили также значение “страна”, но его (!) не встречается в русском, словенском, сербскохорватском, македонском, где существуют лишь более ранние значения “окраина, край, область, окрестности” (в том числе “родной край”, “родная сторона”, “родная сторонка”, но не страна в целом). Понятие “краиште (краище)” в славянских языках означает только “пограничье, отдаленную окраину”. Староукраинское слово “краиний” означает “пограничный”, как и схожие слова в иных славянских языках (краинь, краен и т. д.)». После чего следует ссыла на «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева (с. 20).

И что же из всего этого следует для этимологии слова «украина», к тому же с перечислением таких для «XII — начала XVIII в.» псевдоисторических имен русского языка, как «древнерусский», «украинский», «белорусский» и «староукраинский». Да и слово «страна» во всё это время означало то, что в «русских диалектах» и тогда, и сегодня называется «стороной»: левая страна Днепра, правая страна Волги. И только в этом смысле оно могло замещать землю или область, например: в стране (стороне) нашей. И так было еще в XVIII веке³¹.

Тем не менее, лишь на основании вышеприведенного текста со ссылкой на «Этимологический словарь», автор книги утверждает: «Появление понятия “украина” в значении “страна” (т. е. чужие, окрестные страны) происходит в восточнославянском ареале, вероятно, не ранее XVII–XVIII вв.» (с. 20). И этому суждению автор находит подтверждения в летописях «Баркулабовской»³² и С. Величко.

---

³¹ Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. V. Стлб. 848; *Срезневский И. И.* Материалы для истории древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Стлб. 535.

³² Название получила по местечку Баркулабово (Боркулабово), которое находится на реке Днепр в Могилевской области.

Так, в «Баркулабовской летописи», «известной по списку 1660-х гг., упоминаются “Украина Низовская” (“на Русь и на Украину”), “край Низовый”, “замки украинные”, “многие украинны” как области (окрестности), а также 1 раз — “украины” как соседние, окрестные страны» (с. 21).

Не уразумев из этого текста, где находились все эти области, страны, окрестности и украинны, многие и низовые, обращаемся к самой летописи, прибегнув к указаниям страниц, отмеченных в сноске автором книги.

Первая страница приводит нас в 1585 год, под которым читаем: «великий жар был... все погорело у Литве, а зваща около Менска, около Вилни. Люди убоги з хлеба на Русь давалися... много на Русь и на Украину³³ понаходило»³⁴.

Что можно отсюда вывести о смысле слова «украина»? Зная, в каком изначально своем значении оно широко употреблялось в это время, — ничего, кроме того, что это какая-то крайняя, пограничная земля. Где находилась эта украинна? Неурожай вследствие засухи случился «у Литве», около Минска и Вильны, то есть в местах обитания людей под названием «литва³⁵», около литовского города Вильны и пограничного собственно с Литовской землей города Минска. Пошли же «убогие», ради хлеба, «на Русь», а именно на юг или юго-восток от Вильны и Минска, и далее в какую-ту украинну, то есть в пограничную землю, как можно догадываться. В какую из украин? Вероятно, в ту, которая изобиловала хлебом, а *эта украинна* находилась на юге.

Но вот переворачиваем страницу и под 1587 годом находим такой текст: «Были теж на том сейму з **многих и далеких земель**, то есть от царя турецкого, от князя московского Ивана Василевича, от Максимилиана, цесаря хрестиянского, от короля шведского; всих тых было з **розьных украин** послов двадцать»³⁶.

Нет сомнения, что в данном случае слово «украины» соответствует по смыслу слову «земли». И выше мы видели, что в «западнорусском Хронографе» (рукописи XVII века) также слово «украина» многократно замещает слово «земля». И в том же

³³ Названия имен с большой буквы даны издателями летописи.

³⁴ ПСРА. М., 1975. Т. XXII. С. 176.

³⁵ Русская словесность до XVIII века знает «литву» только как имя родовое, народное. «Литовцы» в русском языке «появляются» только в XVIII веке.

³⁶ ПСРА. М., 1975. Т. XXII. С. 177.

значении много раз употребляется имя «украина» в другом памятнике западной русской словесности, но уже XVI века, как-то: «Пересопницком Евангелии», примеры из которого приводит и Ф. А. Гайда.

Идем дальше, и под 1592 годом читаем: «Была брань великая, велми страшная: почавши от западных краев **замков украинных** Чернигов, Гомель, Любеч, Белая Церковь, Переясловль, Стрешин, Речица, Рогачов, Кричов... град и буря великая»³⁷.

Все перечисленные замки находились в пограничных землях Государств Московского (Чернигов), Литовского и Польского, а потому они и названы были «украинными».

А в 1601 году «много множество людей убогих з голоду на Низ... зверху з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Менска и з **иных многих украин**»³⁸.

Здесь перечислены города, находившиеся в разных местах России, подвластной Великому Княжеству Литовскому, причем не все из них можно причислить к городам пограничным. При этом никак нельзя утверждать, что для баркулабовского писателя, жившего в том же «господарстве», все эти города находились в «чужих, окрестных странах». Поэтому в очередной раз можно признать, что под «украинами» здесь имеются в виду земли.

Затем в 1605 году «якийсь знашол у краю Низовом, а звлаща удворе князей Вишневецких, якийсь Дмитр Иванович царевич», то есть первый самозванец, «которого еще малого... дивне было сховано и на **Украину Низовскую** было вывезено»³⁹.

Поскольку самозванец пришел ко двору князей Вишневецких, который располагался в Киевском воеводстве Короны Польской, на левом берегу Днепра, уже взрослым, то легко догадаться, что младенцем его скрывали на «Низовой Украине» Московского Государства. И эта Украина может пониматься только как пограничная земля.

Последнее же известие «Баркулабовской летописи», на которое ссылается Ф. А. Гайда, теперь под 1607 годом, рассказывает о втором самозванце: он, перейдя «за границу Московскую»,

---

³⁷ Там же. С. 182.

³⁸ Там же. С. 188.

³⁹ Там же. С. 190.

«почал лысты писати до Могилева, до Оршы, до Мстислава, Кричева, до Менска и до **всех украинских замков**, абы люде рыцерские, люде охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали». И потом это Дмитр «осел замок московский Стародуб»⁴⁰, находившийся вблизи границы.

События, таким образом, развивались в пограничных землях Великого Княжества Литовского и Московского Государства, и под «замками украинными» здесь, конечно, разумелись замки пограничные с литовской стороны.

Итак, утверждение автора книги, что в «Баркулабовской летописи» под «украинами» разумелись «чужие, окрестные страны», известиями самой этой летописи не подтверждается.

Но автор настаивает также, что «в летописи С. Величко сообщается о польском походе на шведскую Померанию, в ходе которого поляки не только осадили города, но “и всю тамошнюю Украину” (область, окрестности) разорили».

Мы же читаем в этой летописи следующее: «Король Польский... виправил Чарнецкого с воеводою Подляским в Померанию, державу Шведскую, который рѣку Одру препливши, и в Померанию з войском прибавши, а города тамошнии, то есть Щетин, Пазвалд, Мекелбург и Гаец порохом окуривши, и **всю тамошнюю Украину** мечем и огнем... сплюндровавши⁴¹... до своей повернули Польши»⁴².

Во всей летописи Велички в остальных случаях слово «украина» или «Украина» употребляется только в одном смысле: крайняя или пограничная земля, прежде всего, та, на которой находилась Малая Россия. Поэтому уже на этом основании можно предполагать, что и Померания, как «**тамошняя Украина**», не была исключением. Но и по своему географическому положению у моря Померания вполне могла называться «украиной». Так что и в данном случае трудно согласиться с тем, что слово «украина» обозначало «область, окрестности». А к этому добавим, что для Величко, жителя малороссийской Украины, писавшего в первой четверти XVIII века, как следует из его рассказа о «тамо-

---

⁴⁰ ПСРЛ. М., 1975. Т. XXII. С. 192.

⁴¹ Ограбивши.

⁴² Летопись событий в югозападной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска запорожского. 1720. Киев, 1848. С. 315.

шней украине» в Померании, слово «украина» вовсе не являлось «именем собственным».

Совсем некорректным с исторической точки зрения по отношению к «XII — начало XVIII в.» является и следующее утверждение автора книги: «Даже во второй половине XIX в. М. П. Драгоманов в украиноязычной брошюре мог использовать понятие “украина” в значении “область, регион” (“со всех наших украин”, “по всем нашим украинам”, “по наших украинях в Австрии”)> (с. 21).

Во-первых, сам Драгоманов про «украиноязычность» своей брошюры нигде не обмолвился. Во-вторых, он предельно ясно определяет, что имел в виду под «украинами»: «Та до того **по підбитим україням (провінціям)** усяким освіченим людім важче було так навчитись і зібратись до купи, як навіть це можна було і в столицях Росції»⁴³.

Отсюда нельзя не признать, что и в трех других случаях, в которых он употребляет слово «украина» во множественном числе, имелись в виду эти самые «провинции», под которыми Драгоманов разумел не административные единицы государств, а что-то вроде местностей, или земель:

«Українська земля — там, де живуть такі самі мужики, як на колишній **козацькій Україні** по Дніпру, котру здавна більше знають письменні льуде з **усіх наших україн**»⁴⁴.

«Та то **по всім нашим україням** стало тепер на однакове»⁴⁵.

«**По наших українях в Австрії** зовсім нічого не зроблено письменними льудьми дльа науки про старіі нові громадські порьядки»⁴⁶.

Вместе с тем в самом начале автор объявляет: «”Громада” видається дльа громад **тієєї країни в царствах Росції і Цісаршчини** (Австро-Угоршчини), на котріі живуть льуде, шчо звуть себе українцями, русинами, руськаками, а иноді і просто льудьми, а од книжників зовуться малорусами, малороссіянами, рутенами і т. и. Льуде по цих громадах, хоч і розкидані **по великій країні**, а все таки стільки подібні одні до одних мовоју і звичајами, як це рідко

⁴³ Драгоманов М. Передньє слово // Громада. Українська збірка. Женева, 1878. С. 19–20.

⁴⁴ Там же. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 44, сноска.

де спіткаєш **по таких великих країнах** на світі». А потом прибавляє: «Не раз за сотні років з того часу, як про тих наших льудеј говорить писана історія, громади **тієї нашої України** показували, шчо ј на најдаљших кінцях јїї льуди памјатали добре про других земљаків својіх. І досі наші селяне-чорнороби јдуть на заробітки ј на виселки најбільше **в ті країни**, по котрих з давна жили або ходили батьки јїх, по котрих і тепер живуть земљаки... Тілько між письменними льудьми **јна нашій Україні** заслабла чутка про громади наших льудеј... бо ті письменні льуди тепер мало мајеть спілки з мужиками, а більше з начальством, і вивчені по чужим школам, для служби чужим царствам і панствам, між котрими **поділена наша Україна**»⁴⁷.

Что же это за чужие царства и государства, поделившие «нашу Украину»? И на этот вопрос Драгоманов ясно отвечает следующими словами: «наша Україна поділена між двома чужими державами»⁴⁸ и «в нашій Україні в Росіїјі в Австріїјі»⁴⁹, а также: «Закарпатську нашу Україну (Країну, як звалась давно Мукачівщина)»⁵⁰, «в угорській Україні»⁵¹, «в нашій австріјській Україні»⁵², «в нашій Україні в Австріїјі»⁵³, «подніпръанська Україна»⁵⁴, «всієї України малороссіјської», «в Україні малороссіјській»⁵⁵, «з усієї України обох боків Дніпра»⁵⁶ «козацька Україна», «на правобічній Україні, в губерніях Київській, Подольській, Волинській, як і в инчих»⁵⁷, «в тіј частині нашої України, шчо під Москвою»⁵⁸.

Обозначает он и более точно географические пределы «**всіј нашій Україні**»: «на **Заходи** сонцѣа трошки на Південь от Білостока в Городненській губ. в Россіјській Імперіїјі трошки на зхід сонцѣа од Сьедельцѣа в Царстві Польськїм і веде... дали в Цісаршчині...

⁴⁷ Драгоманов М. Передньє слово. С. 6–7.

⁴⁸ Там же. С. 56–57.

⁴⁹ Там же. С. 88.

⁵⁰ Там же. С. 9.

⁵¹ Там же. С. 35.

⁵² Там же. С. 75.

⁵³ Там же. С. 75.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Там же. С. 75.

⁵⁶ Там же. С. 11.

⁵⁷ Там же. С. 20–21.

⁵⁸ Там же. С. 23.

через Гори Бескиди (Карпати) ... до Ужгорода... Мукачів... в тим кутку, де зходятьсь казенні межі Галицька і Буковинська до Угорської, — а звідти до Кірлібаби, на межі Угорської, Буковинської Седмигородській (Трансільванській)».

«Тут починається **Південна межа нашої України**», и простирається она «по південній межі землі Козаків Вієська Кубанського (Цорноморці)».

«**Зхідня межа нашої України** піде... поуз Новочеркаск в землі козаків Донських... по за Богучари і Павловське в Воронежській губернії».

«**Північна межа нашої України**іде... через Коротожань в Курській губ... до Лоїва на Дніпрі в Могилевській губ., далі Дніпром до гірла Припетського... до Пінського в Мінській губ. а там... під Білосток»⁵⁹.

Вот в этих пределах от Кирлибабы в нынешней Румынии, Закарпатья и Белостока, на западе, до губерний Курской и Воронежской, а также земли войска Донского, на востоке, и от Минской и Могилевской губерний, на севере, до Буковины и Кубани, на юге и юго-востоке, представлялась «вся наша Украина» Драгоманову.

И эту «нашу Украину» он, как мы выше видели, помещает в «**тієжі країни в царствах Росції і Цісаршчини** (Австро-Угорщини), на котрій живуть льуде, шчо звуть себе українцями, русинами, русняками»⁶⁰.

Отсюда и «все наши украины», или «провинции», являются ни чем иным как «всей нашей Украиной», так сказать, «провинцией»⁶¹ в целом. И под «Украиной» Драгоманов, как можно догадываться, понимал то, что он называет «краиной». В свою оче-

⁵⁹ Там же. С. 6–8.

⁶⁰ А еще «в нашей Украине» живут «чужие люди»: «в наших книгах читачі побачуть не раз недобре слово про чужих льудей на нашій Україні: про льахів, москвинів, угрів, німців, жидів» (Там же. С. 85).

⁶¹ В этой связи отметим, что в другом сочинении, написанном по-русски, то есть на русском литературном языке, «Историческая Польша и великорусская демократия», Драгоманов называет «Белоруссию и Правобережную Украину» «польскими провинциями», так, как впервые «Окранию/Украинию» представил своим читателям француз Боплан (*Драгоманов М. П. Собрание политических сочинений*. Paris, 1905. Т. I. С. 27–28). Однако младший современник Боплана, лях Грондский, описывал «Украину» в качестве «как бы провинции».

редь и смысл этого слова вполне выясняется из того же сочинения Драгоманова: «Закарпатську нашу Україну (Країну, як звалася давно Мукачівщина)», «по джаким інших землях в Европі в Америці»⁶² и вместе с тем «усіх других країн в Европі»⁶³, и «Россія — країна темна, без вільного слова, без пам'яті про те, що щче вчора робилось»⁶⁴.

Иначе говоря, для Драгоманова «краина» — это земля, или, как уже вошло в обыкновение по-русски писать и говорить в его время, страна⁶⁵.

А потому для него и «вся наша Украина», которая по частям представляла собой украинны, или провинции, и вместе с тем «краины», — это тоже «краина», или страна, только «великая», в ряду других «краин», или стран, Европы. К этому добавим, что для Драгоманова «пограничный» смысл имени «украина/Украина» уже не существовал. Более того, он представляет «всю нашу Украину» с совершенно иным смыслом, нежели тот, с которым это слово употребляли писатели в «XII — начале XVIII в.», а именно географически описывает ее почти в тех пределах, в которых во второй половине XVII века описывали *свою* Россию жители Малороссии.

Действительно, нежинский протопоп Максим Филимонович 27 сентября 1654 г. под Смоленском так говорил царю Алексею Михайловичу: «помилую люди русския... земли свойственной Русской не остави до конца... Что реку о славном градѣ Черниговѣ, идѣже храмы святые каменные... разоренные, точию на слезы и скорбѣ русским людем стоят! Что реку о Львовской земли, Подолской, Покутской, Подгородской, Полѣской, Бѣлоруской и о их широких княжствах, славных городах, в них же при державѣ великих князей Русских... многое множество людей русских...»⁶⁶.

Или гетман Б. Хмельницкий в 1648 году извещал царского Хотмышского воеводу князя С. Болховского: «с Пулщѣ, пишут до нас, просячи о мир и о вгуду, а тут по ближних городох, где на-

---

⁶² Драгоманов М. Передньє слово. С. 48.

⁶³ Там же. С. 49.

⁶⁴ Там же. С. 52.

⁶⁵ В своих произведениях на русском языке Драгоманов пишет именно о «странах».

⁶⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (Акты ЮЗР). СПб., 1889. Т. XIV. № 7, VI.

ша русь православнии християне живут, имаючи стинают и розмаитии муки задают, и попув, духовних наших, на паль збивают», или в переложении на «московский русский» XVII века: «из Полши пишуть до нас, просячи о миру и о совѣтъ, а тут по ближних городѣх, гдѣ наша русь православные християне живут, имаючи казнят и розные муки им дают и попов духовных наших на колье сажают»⁶⁷. И в 1649 году просил гетман царя Алексея Михайловича, чтобы тот «над нами царем и самодержцею был... и нас под милость и оборону свою и **всю русь**, ныне по милости Божий против ляхов **совокупляющуюся**, возьми»⁶⁸.

И в 1650 г. старец Арсений Суханов сведал, на пути из Ясс в Чиририн, что «посылал де гетман к государю царю бить челом, чтоб государь принял **его со всею русью** в свою державу, понеже наша вера една с москвою»⁶⁹.

И в 1651 году гетман велел посланцам своим «великому государю его царскому величеству бити челом з большим прошеньем, чтоб великий государь святыя божия церкви и святыя многоцелебные нетленные мощи от еретических рук и от их поруганья оборонил. И **над единовѣрными православными християны, над всею малою русью**, милость свою государскую показал — принял **их** под свою государскую высокую руку. А они де, все православные християне, под ево государскою высокою рукою с великим хотеньем во всей его государской воле быти хотят, так же как у великого государя у его царского величества **в его Российском Государстве** всяких чинов люди в подданстве и во всей его государской воле пребывают. И в том **всею малою русью, духовного чину и светцкого всяких чинов люди, мещане и казаки**, дадим на себя договорное письмо за руками з большим утверженьем, как великому государю его царскому величеству годно, и на том учиним присягу от велика и до мала»⁷⁰.

И в 1653 году Хмельницкий писал государю: «король польский со всею силою лятцкою идет на нас, погубити хотя веру православ-

---

⁶⁷ Памятники, изданные Временною комиссией для разбора древних актов. Изд. 2-е с дополнениями. Киев, 1898. Т. I. № XXXIV; Акты ЮЗР. СПб, 1861. Т. III. № 224.

⁶⁸ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. II. № 74.

⁶⁹ Воссоединение. Т. II. № 76, с. 185.

⁷⁰ Там же. Т. III. № 53.

ную, церкви святые, народ православный христианский из **Малые всея России**»⁷¹.

И по прибытии царского посла боярина В. В. Бутурлина с товарищами в Переяславль 31 декабря 1653 года местный протопоп Григорий в своей приветственной речи сказал: «нынѣ Господь Бог пришествием вашим усердное желание исполнил православия нашего, еже **совокупитися во едино Малой и Великой России** под единое великодержавного благочестиваго царя восточного крѣпкою рукою»⁷². Причем под Малой Россией здесь подразумевалась еще вся Россия Короны Польской и Великого Княжества Литовского.

И незадолго до своей смерти (1657 год) Богдан Хмельницкий желал, «чтоб **рубеж Княжства Росийского по Вислу рѣку был аж до Венгерской границы**. А изначала у великих князей Росийских с короли Полскими граница была по самую Вислу и по границу Венгерскую»⁷³.

И в 1665 году гетман Брюховецкий наказывал своим посланцам к царю Алексею Михайловичу: «Росийское Государство своих природных монархов от вѣков имѣвало и пространство **границ Росийских по Татры горы** с немалою всего свѣта славою разпространялась... **малую русь, истинную землю Рускую**, восточное дѣдичство вашего царского величества... подобает вашему царскому величеству взыскати... и на первое достояние **свободы русской** привести... А мы, недостойнии, ... яко **истинные русские сыны**... усердно вопити дерзаем»⁷⁴.

В свою очередь гетман Петр Дорошенко, в 1667 году писал Алексею Михайловичу, что «есть **Княжество Руское**...: Премышль, Ярославль, Лвов, Галич, Володимер, тые головные города **Княжества Руского**... **Руское Панство** (*то есть Русское Государство*) ... бывало по самый Перемышль». И при этом добавлял, что «**Княжества Руского богоспасаемого города Киева давней столицы** хошу вернѣ прислужитися его царскому пресвѣтлому величеству и под его высокую крѣпкую руку отдать»⁷⁵.

И, став «турецкоподданным», Дорошенко в 1669 г. писал: «**русский народ** нынѣ роздѣлися в различныя страны людей, а дер-

⁷¹ Там же. Т. III. № 184.

⁷² Акты ЮЗР. СПб., 1878. Т. X. № 4. II

⁷³ Акты ЮЗР. СПб., 1867. Т. V. № 9.

⁷⁴ Там же. № 108.

⁷⁵ Акты ЮЗР. СПб., 1869. Т. VI. № 71.

жат едину и ту ж вѣру со греки, не токмо в сих странах, но и в иных предѣлах и по границах, сирѣчь из единым страны (с одной стороны) Премышля, Саомбора и от града Киева и далѣе даже на двѣнадцать миль из другия страны, из рѣки Вислы, и из иные третие страны, сирѣчь от Мемна (Мемеля), и из четвертыя страны от Севска и Путивля»⁷⁶.

И в том же году «митрополии Киевской православной **Российския земля**» Иосиф Нелюбович-Тукальский обращался к Алексею Михайловичу как «православнаго царства скипетра держащу **над всѣм православно-росийским народом**, его же долготя от Путивля за Премышль и Самбор, аж до Санока, широта же от Днѣстра до Двины и за Двину простресея». Он желал Алексею Михайловичу «единым православным христианским кесарем и монархою, **над православным Российским народом... во многие лѣта господствовати, ... владѣти в том же всеа Росии** титулою и державою **Великия и Малыя и Бѣлыя Росии** самодержцу»⁷⁷.

Или вот в Густынской летописи (1630-е годы и позже) говорится, что «списася сия Кройника в **Малой Росии**», что повествует она «о початку Славенъского росийского народу», «**о нашом росийском народѣ**», «како крести благовѣрный князь Володымер **Рускую землю**», «о початку крещения святого через благоверного великого князя Володымера Киевского, который **Россию окрестивши**», «о крещении **нашея Росъсийская земля**», и «о умножении благочестия в **Росии**». Из нее же читатель мог узнать «о унии, како почася в **Руской землѣ**», и о том, что в 1516 г. «начася **на украинѣ** козаки», и что «от начала своего сей наш **народ русский** бранми всегда употребляшесея». Но в 1630-е годы «востаха бо ляхи **на род росийский, глаголемых козаков**, и зѣльную брань творяху едны другим»⁷⁸.

Иначе говоря, Драгоманов произвел подмену: на место значительной западной части России поместил «всю нашу Украину», при этом обозвав тамошний весь русский (российский) народ «украинцами». Отсюда и тот новый смысл «Украины», с которым это имя затем, вплоть до нашего времени, стало употреблять-

---

⁷⁶ Акты ЮЗР. СПб., 1875. Т. VIII. № 73.

⁷⁷ Там же. № 30

⁷⁸ ПСРА. СПб., 2003, т. 40, с. 7, 39, 45, 146, 161. Густынский монастырь находится в Черниговской земле.

ся приверженцами «украинства»: «Украина» — это особая, отдельная от России «краина», страна в ряду других «краин», или стран, земель, Европы.

Но и сам Ф. А. Гайда совершает подобного рода подмену, обобщив Россию XVII–XVIII веков «восточнославянским ареалом». Воистину, плоды столетнего просвещения — прямо в таком духе: «славянские земли» Великого Княжества Литовского⁷⁹, «Россия правопреемница СССР», «рожденные в СССР» и обитающие «на постсоветском пространстве».

Вторая глава первого «сюжета» называется «"Ево государевы люди украинцы"». Обитатели пограничья: оукраиняне, оукраиники, украинные люди, порубежные люди, люди пограничные, украинники, казаки, украинцы (XIII–XVIII вв.)» (с. 21).

Здесь автор книги приводит большое число свидетельств источников, которые не оставляют сомнения в том, что всеми этими вышперечисленными именами и тому подобными словами в разное время или одновременно назывались жители всевозможных украин — пограничных земель. Причем эти постоянные или временные жители украин были самого разного народного и сословного

---

⁷⁹ В сочинении: *Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.* 3-е изд, испр и доп. М.: Квадрига, 2019. Здесь читаем такой чудный по своей «историчности» текст: «у белорусских коллег вызвало удивление название книги и особенно подзаголовок — “Западно-русские земли...”, ибо под этой “шапкой оказались не только Смоленск или Брянск, но и белорусские города Полоцк, Минск, Витебск и другие. Поразмыслив, я решил сохранить название “Меж Русью и Литвой”, под которым книга вошла в научный оборот, но изменить подзаголовок. Более того, я отказался от терминов “Западная Русь” и “западнорусские земли” в самом тексте книги. Дело в том, что термин “Западная Русь” искусственен: он не обозначает какой-либо исторической области или общности... и является продуктом российской историографической мысли XIX в. ... Для обозначения славянских земель Великого княжества Литовского я использовал», вероятно, не «продукт историографической мысли», «термин “Литовская Русь”, а также... “восточные окраины Литовской державы”». И это при том, что «православное население Литовского государства называло себя “русью»» (Там же. С. 7–8). И во «Введении»: «В обширной научной литературе XVIII–XIX вв., посвященной историческим судьбам России, Литвы, Польши, Белоруссии, Украины, едва ли можно найти хотя бы одну крупную работу, в которой не затрагивалась бы в той или иной мере борьба Русского государства с Великим княжеством Литовским за обладание славянскими землями на рубеже XV–XVI вв.» (Там же. С. 10), а именно, вероятно, за Чехию, Сербию, Болгарию, Хорватию и даже Польшу!

происхождения, или, согласно утверждению автора, «в подобных именовании не было никакого этнического оттенка» (с. 28).

В этом же разделе автор останавливается особо на времени появления слова «украинцы», а также его употреблении в Российском Государстве. Известиями источников о рязанских помещиках, «дворянах» или, точнее, детях боярских, носивших в конце XVI–XVIII века фамилию «Украинцов», автор показывает, что эта фамилия произошла от прозвища «Украинец» их предка Федора Лукина, жившего в середине XVI века. От себя добавим, что, в писцовой книге 1594–1597 годов поместья Украинцовых описываются в Рязанском уезде, в Каменском стане, на реке Истье⁸⁰. Каменский же стан при жизни Ф. Лукина, в первой половине XVI века, находился на южной рязанской Украине. А эта последняя упоминается, между прочим, в источниках с конца XV по начало XVII века. Поэтому нельзя согласиться с Ф. А. Гайдой в том, что «украинцем» Ф. Лукин стал после испомещения «на Рязани» его отца Андрея Лукина вследствие перевода «украинных дворян» с «окской Украины». К тому же, как мы помним, этой последней в русской словесности XV–XVI веков вовсе не существовало.

Нельзя также признать правильным суждение Ф. А. Гайды и о том, что «наличие подобной фамилии», то есть Украинцов, «позволяет утверждать, что понятие “украинцы” использовалось в качестве самоназвания⁸¹». Дело в том, что только во второй половине XVI века у служилых людей по отчеству, от детей боярских городовых до бояр, окончательно утверждаются родовые имена, или фамилии. Причем часто новые «фамилии» возникали от прозвищ отцов при делении рода на ветви. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что сыновья Федора Лукина усвоили для себя новую «фамилию» для своей ветви рода Лукиных. И поскольку «фамилия» Украинцовых не оставляет сомнений в том, что она произошла от слова «украинец», которое до конца XVI века более не встречается ни в каких источниках, то следует признать, что слово «украинец» возникло именно на Украине Рязанской земли, как местное просторечное имя, или

---

⁸⁰ Писцовые книги Рязанского края / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1898. Т. I. С. 67, 333.

⁸¹ Кстати, как здесь не вспомнить об иерархии самоназваний, о которых шла речь выше, при рассмотрении «Предисловия».

«диалектизм». Но следует ли отсюда, что уже в середине — второй половине XVI века в Рязанском уезде употреблялось это слово во множественном числе, — прямо утверждать нельзя. Ведь и само прозвище Федора Лукина, и сама «фамилия» его потомков Украинцовых скорее доказывают, что никакого «самоназвания», выраженного именем «украинцы», у прочих жителей этой рязанской украины в то время не существовало.

Вместе с тем мы не знаем, какова была дальнейшая устная и письменная судьба этого пронского или рязанского просторечного слова. Можно лишь утверждать, что, как показывает Ф. А. Гайда, с конца XVI века уже и во множественном числе оно начинает использоваться на западе России в польской словесности при обозначении различных обитателей или обывателей пограничной земли, а именно Русской украины Короны Польской. А полвека спустя оно начинает прилагаться в московском приказной письменности для обозначения жителей «юго-западной» украины Московского Государства, преимущественно, как справедливо отмечает Ф. А. Гайда, тамошних детей боярских, или дворян. И так эти служилые люди назывались еще в 1743 году. Впрочем, как видно из одной из повестей об «Азовском сидении» второй половины XVII века, «русскими украинцами» могли называться и казаки, и всякого рода «служилые люди по прибору», да, вероятно, и все прочие жители той же Московской украины. Да и в 1743 году были «на Украине Азовской и Киевской Губерний из однодворцов и из прочих прежних служб служилых людей учреждены Ландмилицкие полки». И «оной Ландмилиции для охранения пограничных мест из показанных Украинцов вновь набрано и учреждено». И эти полки предназначались «для охранения Украйны между Северским Донцом по Брестовой Корели рекам», и они назывались «Украинскими полками»⁸².

Таким образом, мы точно не знаем, где впервые по-русски было употреблено слово «украинец» во множественном числе. Известно только, в том числе и Ф. А. Гайде, что первый раз «украинцы» упоминаются в польском «листе» гетмана коронного польного С. Жолкевского под 1596 годом (с. 170). Поэтому нельзя принять утверждение автора книги, что «слово “украинцы” впервые

---

⁸² Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года (ПСЗ). СПб., 1830. Т. XI. № 8787. С. 901–902.

появилось в Российском государстве». В отношении же Российского Государства или, точнее для середины XVI века, в отношении Рязанской земли государя «всёя Руси», можно лишь говорить как о вероятной родине слова «украинец».

Далее, можно догадываться, что все «украинцы», как в XV–XVI веках и их предшественники в качестве жителей украин — «украиняне», «украинные люди» и «украинники», — в той или иной степени привлекались к охране границ, или рубежей. Однако отсюда еще не следовало, что, как утверждает Ф. А. Гайда, в Российском Государстве «украинцами» «назывались воинские люди (пограничники) несшие службу на окской Украине — в Верхнем и Среднем Поочье — против крымцев» (с. 29). Правильнее говорить, что в XVII–XVIII веках в Российском Государстве «украинцами» являлись жители пограничной земли, которые несли и государеву службу на украине.

Трудно согласиться с автором, и когда он усматривает «переход формы “украинник” в “украинец”», объясняя этот «переход» «процессом географической локализации», как-то: «суффикс *-ник* в русском языке обычно обусловлен принадлежностью к некоторой общности или профессии, суффикс *-ец*, кроме этого, предполагает и связь с конкретной местностью».

Дело, вероятно, обстоит проще: эти имена возникли в разное время и на разных пограничных землях — украинях, то есть являлись «диалектизмами» разных мест. Ведь «украинники» второй половины XV и начала XVI века были жителями сопредельных земель великих князей Литовского, Московского и Рязанского, тогда как первый известный «украинец» Федор Лукин обитал на той украине, которая находилась восточнее, там, где были поместья его внуков, на реке Истья в Каменском стане Рязанского уезда.

Третью главу автор посвящает теме «"Казаки и украинцы, а также войско". Применение понятия “украинцы” в Речи Посполитой (конец XVI — конец XVII в.)» (с. 34). Смысл выделения этого раздела автор обозначил двумя утверждениями.

Первое: «В конце XVI и — середине XVII в. слово “украинцы” (ukraincy) применяли поляки и — так обозначалось **различные категории воинских людей на границе** Речи Посполитой с Османской империей, Крымским ханством и Российским царством» (с. 34).

Второе: «Российские подданные начинают употреблять термин “украинцы” как синоним казачества (донского, а потом и днепровского) раньше, чем поляки — не позднее 1650-х гг.» (с. 40).

В доказательство верности этих утверждений Ф. А. Гайда приводит целый ряд цитат из источников, из которых, однако, читатель, знающий эти источники, может только вывести одно: все упоминаемые здесь «украинцы» являлись жителями различных украин. Но поскольку речь обычно шла о казаках или других вооруженных людях — шляхте, наемных жолнерах разного народного происхождения, то, само собой разумеется, что все эти «украинцы» представляли собой «различные категории воинских людей». Да и прочие обыватели украинские — духовенство, мещане и посполитые (крестьяне) — вовсе не исключались из «украинцев», которые упоминаются, едва ли чаще, чем это сделал Ф. А. Гайда, с конца XVI по конец XVII века в источниках московских и польских или литовских. Просто характер известий, связанных с военными событиями, предполагал упоминание именно «воинских людей».

Между тем, в этом разделе, как и выше, автор допускает ряд понятийных неточностей и анахронизмов. Так, источники XVII века не знают «украинцев», живших «на границе... с Российским царством». Потом, автор с неизменной настойчивостью, вслед за другими писателями, навязывает читателю словосочетание «Среднее Поднепровье», совсем неизвестное русской словесности XVI–XVII веков. Смысл слова «Поднепровье», как уже выше отмечалось, может только означать то, что находится по Днепру, или вдоль течения Днепра. И в этом смысле его употребил в 1660-е годы «московский» хорват Юрий Крижанич на выдуманном им «славянском языке» с латинской буквицей: «*na Podnepêrie*», «*Podnépranow*», «*Podnépranski*», «*na Podneprovskay Ukrayine*», «*Podnéperski Kozaki*»⁸³.

Это «*Podnepêrie*» и есть та местность близ Днепра, которую Ф. А. Гайда называет «Средним Поднепровьем». Но оба эти названия, еще раз подчеркнем, никак не находят оправдания

---

⁸³ Крижанич Ю. Политика / Подготовил к печати В. В. Зеленин; перевод и комментарии А. Л. Гольдберг; под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965. С. 30, 31, 46, 60, 237, 244, 245.

в русском словоупотреблении XVI–XVII веков. Если уж хочется говорить о землях вблизи Днепра, то правильнее было бы использовать такие исторические выражения, как «украина Киевская» и «украина Русская» или для второй половины XVII века «украина Малой России», или «Малороссийская Украина».

Не могло, следовательно, «Среднее Поднепровье» войти и «в состав королевства в 1569 г.». Вследствие так называемой Люблинской унии под власть Короны Польской отошли воеводства Киевское и Брацлавское, которые находились на Русской Украине и в целом в России. Но такое приращение земель Короны Польской не повлекло за собой расширение пределов самой Польской земли, или Польши. Ибо, как видно из географических описаний самих же поляков конца XVI и XVII века, воеводства Киевское и Брацлавское по-прежнему находились в России, или Русской земле, на что указывал, в частности, один из титулов короля Польского — великий князь Русский (*dux magnus Russiae*).

Действительно, в донесении из Польши, поступившем в Римскую курию в 1595 году, читаем: «Никто не сомневается, что род *роксоланов* (*Roxolanorum gens*), которые ныне называются *русью* (*Russi*), был древнейшим в северной Сарматии». «Обширность этой области такова, что она заключает все земли между заливом Венедским⁸⁴, землями Ливонской и Свейской, ледовитым Океаном, Ра или Волгой, Меотией⁸⁵, морем Понтийским⁸⁶, горами Сарматскими⁸⁷, землями Польской, Литовской и Жемоитской». И здесь же сообщается, что князь Владимир управлял «всею Россией» (*totius Russiae*). И он учредил «митрополичий стол в Киеве, который был главой и митрополией всей России» (*sedem metropolitanam Chioviae, quae caput et metropolis erat totius Russiae*). Но его преемники в войнах с поляками потеряли «многие области России» (*complures provincias Russiae*), да «и сама митрополия Киев поляками была захвачена». И «до настоящего времени» Россия пребывает в обладании у Польского Королевства: «*Russia, quae Regni Poloniae est*». «Остальная же часть России подчинилась государству мосхов (*reliqua vero Russiae pars*

---

⁸⁴ Балтийским морем.

⁸⁵ Азовским морем.

⁸⁶ Черным морем.

⁸⁷ Карпатскими горами.

Moschorum dominio cessit)», то есть Московскому Государству, «которым ныне также подвластна»⁸⁸.

И Симон Старовольский (1588–1656) писал: «что касается обширнейшей области Российской, которая подчиняется Польскому королю (Regi Poloniae amplissima Russiae region subjicitur), то она простирается в длину от края Покутского (близ Венгрии) до границы Ливонской... В ширину же от Малой Польши и Литовской земли, в направлении пределов у пустынных полей Татарских и Московской земли... И она делится на Россию белую (Russiam albam), которая расположена в Великом Княжестве Литовском, и на Россию красную (Russiam rubram), которая собственно именуется Роксолания, и принадлежит Польше. Но третья часть, расположенная далее Дона и источников Днепра, древними именуется Россия черная (Russia nigra), нынешними же, как в просторечии утверждается, называется Московской землею (Moscouia)». Россию красную он описывает в пределах от рек Вислы и Вепры, а на востоке от границ Московского Государства. Вся она делится на воеводства Русское в составе староств Львовского, Перемышльского, Галицкого и Санокского, Подольское, Волынское, Белзское, Брацловское и Киевское. Россия же белая заключает воеводства Новогрудское, Мстиславское, Витебское, Минское, Полоцкое и Смоленское⁸⁹.

В свою очередь Самуил Грондский, приступая около 1676 года к описанию «казацко-польской войны» середины XVII века, поведал, что казаки происходят от «руси», «из русского народа» (Russorum, ex Russorum gente). Они «издревле населяют ту местность, которая начинается от реки Дон... и которая тянется в длину в направлении Малой Польши. В ширину же эта местность раскинулась от... Московской земли... вплоть до татарской области под названием Перекоп, ... и от Литовской земли... вплоть до реки Днестр... Они (русь) основали Великое Княжество Русское (Russiae), так что заслуженно среди королевских титулов оно занимает третье место, состоя из шести воеводств, а именно: Подольского, Брацлавского, Киевского, Черниговского, Волынского, наконец, Русского (Russiae), главным городом которого

---

⁸⁸ Monumenta Ucrainae Historica / Collegit metroholuta Andreas Šeptickýj. Roma, 1964. T. I. № 164. P. 87–88.

⁸⁹ Simoni Starovolsci Polonia. Wolferbyti, 1652. P. 35–53.

является Львов». В другом же месте Грондский заключает в пределы России, подвластной Польской Короне, помимо названных воеводств, еще и воеводство Белзское. Пишет он и о Белой России (Alba Russia), которая находится между Полесьем, Волинью и Московской землей. В самом «Княжестве Русском (Russiae) издревле существовали великие князья, от имен которых, и те города, ныне также населенные русью (a Russis), ... получили свои имена, потому что ими были построены, как-то: от князя Льва — Львов, от Премислава — Перемышль, от Ярослава — Ярославль, от Владимира — Владимир. Это же Княжество Русское постепенно во власть поляков попало». И Грондский сообщает, что казачий предводитель Богдан Хмельницкий требовал от поляков уступить «казакам Россию (Russiam) с полосой разграничения включая Владимир, Львов, Ярославль, Перемышль»⁹⁰.

Им вторят и разноплеменные европейцы более западные.

Француз Блез де Виженер (1523–1596), которому было поручено описать владения избранного в 1573 году на польский престол Генриха Анжуйского, тоже помещает Россию (Russie) между горами Карпатскими, Малой Польшей, в частности Люблинской землей, и Ливонией на западе и реками Доном и Волгой на востоке. На Днепре Россия заключает Киев, который был некогда главным ее городом (capital de toute la Russie), и Черкассы, а на севере она простиралась до земель Финской и Свейской. Всю Россию Виженер называет за ее обширность «великой Россией» (la grand Russie), а ее часть с главным городом Львовом (Leopoli est en Russie) — «Россией южной» (a Russie meridionale, qui fait une portion de la grand Russie). Эта южная Россия вместе с Волинью и Подолией подвластна Королевству Польскому, а остальная Россия — Великому Княжеству Литовскому и Московскому государю, которого Виженер называет «la plus grand seigneur de toute la Russie»⁹¹.

Другой француз, Пьер Шевалье, обращаясь к графу де Брежи, утверждал, что Хмельницкий некогда (вероятно, в 1644–1646 годы), приезжал во Францию «из глубин России» (Kmielnieski estant

⁹⁰ Historia Belli Cosacco-Polonici avthore Samvele Gronski de Grondi conscripta anno 1676. Pestini, 1789. P. 11–15, 19, 20, 32, 226, 233, 247.

⁹¹ La Description du Royaume de Pologne, et pays adiacens... Par Blaise de Vigenere. P., 1573. P. IXb–XII, LXXI–LXXIb.

passé du fonds de la Russie en France). Участниками же восстания под его руководством, самовидцем которого был Шевалье, являлись «казаки и крестьяне из России» (la rebellion des Cosaques et des Paysans de Russie), «русь» (les Russes), «русь, или казаки» (les Russes ou Cosaques), «казаки и русь» (les Cosaques et les Russes), «люди России черной» (les peuples de la Russie noire). Кривонос устремляется в бой против королевского войска «со всем людом России» (avec toute cette Populasse de Russie). Хмельницкий призвал на помощь крымских татар, и Адам Кисель взывал к нему «верой и честью русского народа» (Religion et par l'honneur de la nation Russe) отстать от татар. Изначально казаки набирались по России (то есть в Русском воеводстве), Вольни и Подолии (les Cosaques sont de mesme, choisis et en rollés dans la Russie, Volhinie et Podolie). И они являлись «добровольцами на границах России, Вольни и Подолии и других польских областей» (des volontaires des frontiers de Russie, Wolhinie et Podolie, et autres Prouvinces de Pologne). А сама «граница России и Подолии», которую защищали казаки (pour la garde de la frontier de Russie et de Podolie), есть земля, называемая «Украиной», что собственно и значит «граница» (le Pays habité par les Cosaques, s'appelle Vkraine, qui veut dire frontiere). А некоторые из них называются «Cosaques Zarorouski», ибо живут за порогами, и это слово русское (Porohi est vn terme Russe). И во время восстания казаки овладели не только воеводствами Киевским и Брацлавским, но и частью Черной России (d'une partie de la Russie Noire), или Южной России (la Russie Noire ou Meridionale), где находилось воеводство Русское (Palatinat de Russie). И дворянство там русское (la noblesse de Russie). По вере восставшие казаки и крестьяне являются «греческими схизматиками». Эту веру принял Владимир князь России, или Русский (Wlodomir Prince de Russie)⁹².

Или веронский итальянец Александр Гваньини (1538–1614), долго служивший королю Польскому, в «Описании Европейской Сарматии» помещает раздел с таким заголовком: «De terris et districtibus Russiae, regno Poloniae incorporatis». И здесь читаем, что в «regionibus Russiae» преимущественно два государя

---

⁹² Histoire de la Gverre des Cosaques contre La Pologne... Par Pierre Chevalier. P., 1663. [Ч. 1]. P. 2, 3, 15, 25, 26, 36, 38, 47; [Ч. 2]. P. 3, 7, 19, 23, 24, 28, 51, 76, 103, 170, 201.

правят, а именно: «великий князь Московский, который себя называет *imperatorem totius Russiae*, ибо многими (из руси) в этом княжестве он владеет. Второй, король Польский, который также возглавляет Великое Княжество Литовское, владеет княжествами России (*Russiae*), включенными в Литовскую землю, а именно: Витебским, Киевским, Мстиславским и прочими». В землях Львовской и Галицкой «Львов значимый город России, подчиненной Польскому королю, митрополия, Львом, князем руси основанный» (*Leopoles ciuitas insignis Russiae, Polono regi subiectae, metropolis, a Leone Russorum principe condita*). Там «митрополит России (*Russiae*) свой стол удерживает», и правителем там является воевода Русский (*palatinus Russiae*). Другие земли России, подвластные Польскому королю, — Белзская, Холмская, Перемышльская и Подольская с такими городами, как Каменец, Винница, Бар, Тербоволь, Хмельник, Брацлав и другие⁹³.

Другой итальянец, «венецейский», Альберто Вимина, приезжал посланцем к Богдану Хмельницкому в 1650 году. И в его посмертно изданной книге о восстании под водительством Хмельницкого речь идет о войне казаков с поляками именно в России (*la guerra in Russia*), в той ее части, которая была подвластна Польше и Великому Княжеству Литовскому (*Russia nelle Polonie e Gran Ducato di Lituania*). И эта часть России на западе граничит с Венгрией (*Russia verso iconfini dell'Ongaria*). А другая граница (границы) России (*confine della Russia, confini di Russia*), южная, на которой живут казаки, как легко догадаться, и называлась по-русски «украиной». И жителей России Вимина называет: «*nobili di Russia*», «*cossaca in Russia*», «*confinanti Ruteni*», то есть русскими украинцами, или русью украинцами. И он делит жителей России и русь по вероисповеданию на: «*catolicidi Russia*», «*Rutenivniti*» и «*Ruteni della Greca Religione*», или «*schismatici Ruteni*». И Киев он называет древней митрополией России (*la Citta di Chiouia anticamente Metropoli di Russia*), а князей его князьями Русской земли, или России (*Olcha Duchessa di Russia, Vladimiro Prencipe di Russia*)⁹⁴.

⁹³ *Sarmatiae Europae descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moscouiae Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Guagnini Veronensis... Spiraе, 1581. P. 39–41b.*

⁹⁴ *Historia delle gverre civili di Polonia divisa in cinque libri progressi dell'armi Moscovite contro Polacchi. Relatione della Moscovia, e Sveticia, e loro Governi. Di don*

Или вот известие барона Августина Мейерберга, побывавшего в 1661 году в Москве главой посольства кесаря Римского: «Имя России простирается широко (*Russiae nomen latissimè patet*), ибо охватывает всё, что от гор Сарматских и реки Тиры, для туземцев Нистры⁹⁵, восходя по той и другой Вольни к Днепру и Полоцкой земле, пограничной малой Польше, древней Литовской земле и Ливонии, тянется до Финского залива, и всё, что начиная от карел и лопи, а также северного Океана на обширном пространстве пределов Скифских нисходит к татарам Нагайским, Волжским и Перекопским. Под именем же великой (России) московские люди разумеют то пространство, которое находится в пределах между Ливонией, Белым морем, татарами и Борисфеном, и оно в просторечии называется Московскою землей. Под малой (Россией) — области Брацлавскую, Подольскую, Галицкую, Санокскую, Перемышльскую, Львовскую, Белзскую с Холмскою, Вольнскую и Киевскую между пустынями Скифскими, реками Днепром, Припятью и Вепрем, малой Польшей и горами Карпатскими. А под белой (Россией) — между реками Припятью, Днепром и Двиной Новогрудок, Минск, Мстиславль, Смоленск, Витебск и Полоцк с их областями»⁹⁶.

Да и сами «паны» гетманы войска Запорожского от Б. Хмельницкого до Мазепы, как известно, мечтали стать правителями в «Великом Княжестве Русском» под верховной властью какого-то старшего «пана милостивого», но непременно государя, монарха.

В большом и малом титуле короля Польского и великого князя Литовского XVI–XVIII веков никогда, однако, не присутствовало выражение «речь посполитая» (от лат. *respublica*). А это значит, что оно никогда в эти столетия не являлось именем государства, государств и земли, или страны, по отдельности и в целом не обозначало Короны Польской и Великого Княжества Литовского. Поэтому после «третьего раздела» в 1795 году земель этих государств их бывший король и великий князь Станислав Август отрёкся от власти именно в этих государствах, а не «в речи посполи-

---

Alberto Vimina Bellvnese. In Venetia, 1671. P. 2, 5, 59, 76, 87, 88, 93, 103, 168, 185, 189–190, 228, 254–255, 272, 278.

⁹⁵ То есть Днестра.

⁹⁶ *Iter in Moschoviam Augustini liberi baronis de Mayerberg... Anno M.DC.XI*. [Б. м., 1663?], p. 64.

той»: «Мы добровольно и охотно отрицаемся от всех без изъятия нам принадлежавших по званию Нашему прав, от Короны Польской, от Великаго Княжества Литовскаго и от всех их зависимостей, равно как и от всех владений и принадлежностей в реченных Государствах»⁹⁷. И в этих государствах не было должностных лиц, которые представлялись бы в качестве заместителей должностей речи посполитой.

А в указах самой Императрицы и Самодержицы Всероссийской Екатерины II от 1795 года говорилось: «более миллиона из народа Российскаго, под обладанием Польским бывшаго и ныне к древнему его отечеству под державу Нашу паки присоединеннаго» и о «новых подданных наших, обитателей древних Российских областей к Империи Нашей возвращенных»⁹⁸.

А потому у «речи посполитой», или, как она называлась в актах XVIII века, «Польской Республики»⁹⁹, понятное дело, не могло быть и «границы с Османской империей, Крымским ханством и Российским царством», и «разделов Речи Посполитой Польской». Подлинный же смысл «речи посполитой» вполне раскрывается в документах той эпохи. В них часто сообщается, что то или иное решение приняли «король и речь посполитая». И под этой последней понималась в идеале общность, община людей обоих государств, или их народов, объединенных общим делом, владением «общей вещью». Хотя в действительности то были паны рада, составлявшиеся из духовных и светских вельмож Короны и Великаго Княжества, и шляхта этих господарств, собиравшаяся на вальный, главный сейм «обоих народов». И «общинному» смыслу речи посполитой не противоречат такие выражения, как: «форма правления Речи Посполитой Польской», «все жители Речи Посполитой Польской и присоединенных к ней провинций, которыя вышепомянутыя веры (Греческой восточной) исповедуют», «в удовлетворение желаниям и дружеской доверенности Яснейшей Речи Посполитой», «защищать Яснейшую Речь Посполитую Польскую в неприкосновенной их целостности», «выбор

⁹⁷ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XXIV. № 17 736, с. 284–285.

⁹⁸ Там же. Т. XXIII. № 17 318, 17 345.

⁹⁹ См. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Составил Ф. Мартенс. СПб., 1875. Т. II; 1883. Т. VI; Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 1994.

Королей Польских вольными голосами совокупленной Речи Посполитой» и тому подобные¹⁰⁰.

В целом можно утверждать, что с речью посполитой (республикой) произошло то же, что и с землями, названными по именам родов (народов): она, «яснейшая», наделенная человеческими качествами, вследствие олицетворения, в Новое время постепенно «отвлеклась» от своего изначального общинного смысла. Иначе говоря, к концу XVIII века и особенно в XIX веке *Rzeczpospolita* (именно так она ныне пишется поляками), или республика, стала пониматься окончательно как «форма правления», противопоставляемая монархии¹⁰¹.

Неверно также пояснение, которое Ф. А. Гайда дает известию В. Дьяментовского «о “казаках украинцах и посполитых” (*kozakow Ukraincow i pospolitych*), то есть двух разновидностях казачества» (с. 39). На самом деле здесь говорится о двух разных по своим правам и обязанностям станам, или сословиям. Казаки украинцы — это реестровые, то есть находившиеся на королевской службе по охране Украины, казаки, тогда как посполитыми в землях Короны Польской назывались крестьяне, пребывавшие в панской зависимости, к воинской службе казаков никакого отношения не имевшие.

Затем, в XVII веке не принято было говорить и писать «российские подданные», то есть «подданные России». Тогда подданные были только у «царя и великого князя всея Руси» («великой и малой и белой Рос (с) ии»), ибо ему принадлежало государство и сама власть выражалась через лицо государя. Подданство происходило из отношений между лицами, живыми людьми, а не между людьми и чем-то обезличенным: государством, правительством, российской властью или Россией. К тому же тогда еще не отождествляли Российское Государство с Россией — названием земли (страны), а потому для людей XVII века словосочетание «российские подданные» было бы просто бессмысленным. А потому

---

¹⁰⁰ Разделы. С. 456–490. Всё это, между прочим, касается и других речей посполитых, или республик, XVI–XVIII веков: Нидерландской и Венецианской. Ср. так же: выражения «*uniuersitas christiana*» и «*respublica christiana*», упоминаемые с древности как равнозначные.

¹⁰¹ Между прочим, выражение *res publica* продолжало употребляться и при императорах Римских, как на Западе, так и на Востоке (см.: *Калделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме*. СПб, 2016).

и присягали (до начала 1917 года) государю — конкретному лицу, а не чему-то обезличенному и мутному: временному правительству, народу, союзу, федерации.

Ничего нового в понимание слова «украинцы» не добавляет и четвертая глава первого «сюжета» под названием «В царстве Московском украинце прибежище мевали». Заимствование слова «украинцы» в качестве самоназвания малороссийского казачества (последняя треть XVII — первая половина XVIII в.)» (с. 42).

Приводимые здесь известия источников лишь свидетельствовали о продолжавшемся использовании, время от времени, слова «украинцы» в качестве имени жителей двух соседних пограничных земель Российского Государства — Малороссийской украины и Великороссийской украины, — то есть географически, по месту их обитания. Причем делалось это, по обыкновению, попеременно с другими именами по признаку народного происхождения, общественного состояния и каких-то мест рождения или проживания.

Но совершенно немыслимым для второй половины XVII века является утверждение автора об «отошедшей к Русскому государству части Малороссии».

Действительно, в земском отношении русские люди того времени, как в Малороссии, так и в Великороссии, знали о «соединении малой и великой России» под державой царя и великого князя всея России, или Великой и Малой России. В государственном же отношении речь шла тогда о присоединении к Государствам (Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому и так далее) Российского Царствия и царя новых Государств, а именно Великих Княжеств Киевского и Черниговского, со всеми их обывателями, включая казаков войска Запорожского. Кроме того, «в последней трети XVII в.» уже не могли говорить о «части Малороссии», «отошедшей к Русскому государству», ибо, по Андрусовскому перемирию и затем Вечному миру, под державой Алексея Михайловича и его сыновей уже только эта «часть» называлась собственно «Малороссией». Та же часть России, которая по этим договорам осталась за Короной Польской на правом берегу Днепра (за исключением Киева с округой), «в последней трети XVII в.» Малороссией не называлась.

Не знают источники того времени и «Правобережной Украины», хотя бы уже потому, что такое словосочетание, при наличии

разных Украин и рек по ним протекающим, не имело бы смысла. Писали тогда со сторонах (по отношению к Днепру) России, про «обе стороны украины» или про украину «обоих сторон Днепра», что нашло отражение и в титуле гетмана войска Запорожского: «гетман обоих сторон Днепра войска его царского величества Запорожского».

Или вот в размышлениях Ф. А. Гайды о «Перестороге» (1669 год?) обнаруживаются такие словосочетания: «российская власть», «перспективы турецкой и московской ориентации», «пророссийская ориентация» предполагаемого автора Дворецкого, «пророссийская позиция автора», «факты помощи Украине со стороны России» и «антирусские слухи» (с. 44–45). Вот бы удивился сам Дворецкий, что у него какая-то там «ориентация», особенно «пророссийская», и что «Украине» помогает «Россия». Удивился бы — потому что он жил в России, потому что его Украина находилась в России, потому что в его речи отсутствовали такие выражения, как «российская власть», «пророссийская ориентация», «антирусские слухи».

Вообще надо отметить, что еще с конца XV века в русской словесности начинается период, продолжающийся и в наши дни, переноса путем «калькирования» в русский язык иноязычных слов, которым в нашем языке изначально соответствовали имена «русь», или «русский народ», «русские люди», и «Русская земля». Но особенно это «калькирование» начинает сильно проявляться именно с XVII века, чем и объясняется в этом и последующие столетия многообразие словесного новодела, в том числе в части самоназвания людей по народной, земской и государственной принадлежности. Вместе с тем самая легкость в перемене такого рода имен свидетельствовала об относительности народного и земского самосознания руси, или русского народа, вследствие обстоятельств, несомненно, духовного происхождения, а именно по причине отсутствия должного в этом отношении воспитания, назидания, просвещения.

Вся эта неопределенность в именах характеризует и то время, которому Ф. А. Гайда посвящает пятую главу под названием «Малороссияне, южные россияне, украинские жители, украинцы. Литературные опыты по распространению понятия “украинцы” на всё население Малороссии (конец XVIII — первая половина XIX в.)» (с. 49). Приводимые в этой главе примеры, извлеченные

из русской и иноязычной словесности, дают в том убедительные доказательства.

Вместе с тем, о чем не сообщает Ф. А. Гайда, так это о том, что именно в этот отрезок времени обе Украины, Малороссийская и Великороссийская (Слободская), окончательно перестают быть пограничными землями Российского Государства. А это значит, что обе эти Украины под прежними названиями превращаются в исторические местности России, о чем и свидетельствует литература, на которую ссылается автор книги. И «европейски образованные» современники, в том числе сами уроженцы Малороссии, называя эту последнюю также Украиной, осознавали ее частью России. Примером чему служат строки из повести В. Т. Нарезного «Гаркуша, малороссийский разбойник», приведенные в заглавии рецензии: «В прекраснейшей стране под российским небом, в пределах украинских...». Или вот Гоголь пишет повесть о днепровских и запорожских казаках «Тарас Бульба» — этот гимн Русской земле!

Между тем двухвековое обозначение жителей изначальной Русской земли (России) книжными и канцелярскими именами «малая русь», «малороссы» или «малороссияне», а также иногда приложение к ним географического слова «украинцы» и просторечного имени «хохлы» сказалось на восприятии среди некоторой части «образованных» себя самобытной ветвью русского народа. Отсюда появление в их словесности «южноруссов», или «южнорусского народа», как дополнительного имени к малороссам. И такое мифотворчество, в конце концов, породило мысль представить этот литературный «южнорусский народ», или «украинцев», в череде славянских «племен» как отдельный от «северноруссов с белорусами».

Этой теме посвящена шестая глава первого «сюжета», названная автором «"Братья Украинцы, жители Украины обеих сторон Днепра"». Первая малороссийская попытка использования понятия «украинцы» в значении отдельного славянского этноса (середина XIX в.» (с. 62).

Трудно, однако, согласиться с Ф. А. Гайдой в отношении того, что «записка Белозерского», который явился творцом самобытного славянского «племени» под названием «Украинцы», является «первым российским документом, в котором слово «украинцы» употреблялось в определенно этническом смысле и в противопо-

ставлении русским». Нет, то был уже первое сочинение, которое возвестило о появлении в России зачатков того вероучения, которое затем будет вдохновлять «истинных украинцев» в их борьбе за «национальные интересы украинского народа», «за самостийную Украину», в том числе на литературном поприще и, в частности, на ниве «исторического творчества». А потому правильное опус Белозерского называть по его надуманности и невежеству историческому уже «украинским документом».

Тем не менее, как хорошо иллюстрирует Ф. А. Гайда источниками середины-второй половины XIX века, всё это, как мы определяем, «украинство» не вышло за пределы довольно узкого круга романтически настроенных к родной старине представителей так сказать образованных разночинцев, характеризовалось путаницей в головах, а потому и в словах.

На более твердую почву «украинство» или «укаринофильство» становится ближе к концу XIX века с привнесением в него идей откровенно националистических, или человеконенавистнических, в купе с пропагандой разнообразных социалистических утопий. Именно с этого времени и слово «украинцы», как показывает Ф. А. Гайда в седьмой главе под названием «"Новое украинство". "Украинцы" как партийная принадлежность (60–90-е гг. XIX в.)» (с. 75), наполняется откровенно «политическим» содержанием. И в нем, добавим от себя, уже проявлялся и сепаратистский дух не только «культурно-автономный», но и «державный». При этом в «украинцы» явочным порядком начинает зачисляться русский народ, или русины, той части России, которая под названием «Галиция» с конца XVIII века находилась под властью императора Священной Римской Империи, а затем Австрийской Империи, или позднее «Австро-Венгрии». Именно в это время, как мы помним, на книжных страницах «украинцев» рождается обширная «Украина» от Закарпатья и Белостока до Кубани, Курска и Ворожежа взамен исторического имени этой земли, то есть России.

Тогда же, как известно, появляется новое псевдоисторическое имя «Украина-Русь», столь же нелепое, как если бы какому-то германскому маркоману, то есть украинному человеку, вздумалось обозвать свою землю словосочетанием «Mark-Deutsche». И даже пишется, аж от времен Геродотовых, история того, что этим чудным словосочетанием обозначается: не то земля под названием «Украина», не то земля или народа под именем «Русь».

Не отстают и любители словесной старины и новизны, занимаясь сочинительством в области «русько-української» литературы и «української мови».

А на дворе уже XX век. И пора нам читать восьмую главу под названием «"Україна для українців!": от партии к классовой принадлежности (1902–1907 гг.)» (с. 81).

И что же мы из нее узнаем. По-прежнему узок круг «украинцев», не богато их, но их творческая фантазия не перестает «просвещать» читающую публику «украинством» историческим, идеологическим, художественным, короче, всяким. Суть этого уже не «нового украинства» вполне выразил «полтавчанин Н. И. Михновский». Он «преобразовал партийно-политический термин "украинцы" (украинофилы) в этноним». И пошел он дальше, ибо «будущая Украина рассматривалась» им уже как «республіка робочих людей». Иначе говоря, этот литературный борец с врагами «украинцев», замесив их «этническое понимание» еще и «на идеологии классовой борьбы», проповедовал «националистически-социалистическую программу». Но трудно прививалось это вероучение в русском народе «від гір Карпатських аж по Кавказькі».

Между тем уже лейтмотивом сочинений «украинцев», так сказать идей фикс, становится горячее желание создать «украинскую нацию» со всеми теми свойствами, какие обнаружались в сочинениях Грушевского, Франко и им подобных «диячей культуры».

И это вполне выясняется из последней главы первого «сюжета» с заголовком «"Я — малоросс, или, как теперь модно говорить, украинец". От идеологемы к этническому самосознанию (1907–1945 гг.)».

Он начинается с такого авторского утверждения: «**Понимание слова "украины" в качестве этнонима вышло за пределы украинского революционного движения и было усвоено общероссийским после Первой русской революции**» (с. 90). Однако приводимые далее «упоминания» каких-то «украинцев» в сочинениях писателей из стана «общероссийского революционного движения» в этом никак не убеждают. Да и какие-либо иные известия об «украинцах», которые обнаруживаются в печатных изданиях или рукописях в период между противорусским действием 1905–1907 годов и его продолжением с 1917 года, цитируемые автором, по-прежнему свидетельствовали о весьма неопределенном смысле

слова «украинец». Во всяком случае, если в какой-то голове и вообразалось оно «этнонимом» или с «**политическим значением**», то вряд ли ошибемся, утверждая, что подавляющему большинству подданных Государя Императора Российского оно вообще было неизвестно. И даже для самих «украинцев», по словам одного из них, Еремеева, приводимых Ф. А. Гайдой, «в ту эпоху само название “украинец” было еще каким-то чужим и странным» (с. 93). Нелишним будет здесь напомнить, что по переписи 1897 года русские подразделялись по наречиям на великороссов, малороссов и белорусов. А вот «за украинцев» в ее 97 томах, сколько не ищи, ничего нет, так что жившие и родившиеся в тот год русские могли стать «этническими украинцами» только через благоприобретение «украинского самосознания» тем или иным способом.

Не лучше с этим самосознанием обстояло дело и в Галиции. Там, по утверждению Ф. А. Гайды, «**”украинцы” как этническое самоназвание стало распространяться в период Первой мировой войны**» (с. 96). Но и это утверждение не вполне точно, ибо в Галиции «украинцы» стали отказываться от русского имени своих предков и при этом множиться еще в конце XIX века. Впрочем, во время Великой войны 1914–1918 годов для коренного всё ещё многочисленного русского народа Галиции, который не желал упорно обзываться «украинцами», это последнее слово имело не «этнический», а этический, именно безнравственный смысл: предателя, пособника австрияка и венгерца в выявлении земляков «русофилов».

Так что все трудились бы зиждущие, если бы ни окаянные дни февраля—ноября 1917 года. Упразднение исторической законной царской власти преступниками либерального и социалистического толка с опорой на разноплеменную и разночинную чернь, обураваемую идейным мракобесием и животными «антересами», скатывание в состояние анархии Российского Государства, захват власти большевиками — вот тот добрый чернозем, в котором проросло и затем богато расцвело украинство в пределах Российской Империи и России. Именно благодаря всем этим легкомысленным революционным окаянникам, или окаянцам, «господам и товарищам», и особенно большевистско-коммунистическим, идейные «украинцы» разнообразной «ориентации» только и смогли вступить на путь практической украинизации сознания значительной части русского народа.

И никто иной как «товарищ Сталин», в «долгом государстве» которого эта украинизация и коренизация обрела «державную» и «национальную» почву, из 1921 года наставляет и нынешних своих почитателей и самостийных врагов: «ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» (с. 98). И в 1932 году этот «русский человек грузинской национальности» ввел паспорта с «пятым пунктом», который заполнялся всякого рода «национальностями», возникшими в головах ревнителей вероучения «о праве наций на самоопределение». Среди прочего чернилами изображался в этом «бесценном грузе» его счастливого обладателя и такой «национальный термин», как «украинец» (с. 98).

А в 1945 году этот «термин» наложили и на русский народ, или русинов, Закарпатья. Но здесь, как отмечает автор книги, «политика насаждения этнонима “украинец” вместо “русин” в коммунистический период оказалась неудачной». А от себя добавим — и в посткоммунистический период тоже.

И автор книги, доведя историю приключений слова «украинцы» до 1945 года, заключает: «Этническое самоназвание “украинцы” на официальном уровне окончательно укоренилось с созданием УССР» (с. 97) и «“Украинцы” как этническое самоназвание укоренилось только в советское время» (с. 99).

Завершают же первый «сюжет» общие выводы, сводимые автором в итоге к четырем основным утверждениям, которыми «генеалогия» современного термина “украинцы” реконструируется». Сначала — это «самоназвание пограничных дворян подмосковного Поочья (XVI–XVII вв.)». Затем — это «официальный военно-сословный термин, который при Петре I был распространен на слобожан». Потом «“украинцы” вплоть до начала XX в. превратились в объект литературных штудий». Наконец, в-четвертых, «в результате “коренизации” 1920-х гг. понятие стало этническим самоназванием».

Ни с одним из этих утверждений, однако, согласиться вполне нельзя, ибо тому противоречат исторический материал, который приводит сам автор, а также другие источники.

И действительно, мы видели, что изначально, с середины XVI века, «украинцами» назывались всякого рода и состояния

жители различных украин/Украин или выходцы с них, то есть слово «украинцы» заключало в себе географический смысл. Но поскольку все эти украинны до конца XVIII века оставались пограничными землями, то вполне естественно, что вооруженные люди на них должны были преобладать, что, однако, никак не позволяет нам зачислять «украинцев» в отдельное военное сословие. Такого стана, чина, или сословия, никогда не существовало. С потерей же пограничного положения двумя «главными» Русскими Украинами — Великороссийской и Малороссийской — с присоединением к Российскому Государству Северного Причерноморья (Новороссии) эти две украинные земли превратились уже в исторические местности России с сохранением имен «Украина» как просторечных и книжных. Причем Великороссийская Украина была переименована в Слободскую, тогда как Малороссийская Украина, по обыкновению, называлась, как часто и прежде, просто Украиной — вторым именем Малороссии. Тем самым начался и новый период в истории слова «украинцы». Из имени жителей пограничных земель оно превратилось в имя обитателей или уроженцев исторических местностей России, что, однако, не изменило его географического смысла. Вместе с тем в XIX и начале XX века, время от времени, в некоторых разночинных и разноплеменных головах и, как следствие, в писаниях их носителей начал обнаруживаться иной, разнообразный смысл. Он предполагал в «украинцах» уже особый народ по своему родовому происхождению и культурному историческому и настоящему развитию, нежели москали, или русские, и при этом наделенный некими особыми духовными качествами, в том числе общественными и политическими, со своими материальными, экономическими интересами. В свою очередь горячее желание подкрепить эти головные представления, или, если угодно, теоретические воззрения, на самобытность существования «украинцев» не только в настоящем, но и в прошлом вызвало поток сочинений этнографических, исторических и филологических. И в этих произведениях, часто с подменой исторических народных и земских имен словами «украинскими», непременно упор делался не на то, что объединяет, а на то, что разъединяет, затемнялось общее в угоду частного. Иначе говоря, закладывался духовный фундамент, на котором должно было взрасти «украинское самосознание» уже не только у книжных людей, но и в самой народной массе, которую эти книжни-

ки и фарисеи уже успели произвести в самобытных «украинцев». Тем самым должна была уже и в самом деле появиться «украинская нация» с национальной «Украинской державой». Но благоприятные условия для осуществления этой «думки», и тем самым для очередного периода в истории слова «украинцы», сложились только после упразднения в России исторической власти в марте 1917 года. С этого времени и начинается с беспрецедентной наглостью решительное насаждение украинства, этого воистину вероучения поначалу немногих верных, среди русского народа средствами «державной» власти через воспитание, школу, пропаганду и всевозможную словесность, запретами и преследованием несогласных. И хорошо известно, что и по сей день всё это украинское «просвещение» не увенчалось окончательной победой. По-прежнему множество коренных жителей той части России, в которой сегодня обосновалась «держава Украина», называясь «украинцами», в то же время считают себя и русскими. Поэтому, как и любое вероучение, украинство лишь может радоваться, благодаря проповеди, успехам в приобщении какого-то числа новых приверженцев, или прозелитов, пусть даже и довольно большого числа. А это значит, что, выражаясь словами Ф. А. Гайды, «понятие “украинцы”» и сегодня остается таким же «этническим самоназванием», как и до 1917 года. Ведь греческое слово этнос, как мы помним, по-русски означает народ, а народным именем, то есть наименованием народа, живущего на Украине, слово «украинцы» является с момента своего создания. Вкладывая же в слово «этнос» иной смысл — значит наделять это слово каким-то неопределенным, таинственным значением. Да и подобного рода «этнических самоназваний» в русском народе можно исчислить сотнями, как-то, например, уральцы, сибиряки (сибирцы), поморцы, или поморы. Или, чем не «этнические названия» — подоляны, полищуки, волинцы, рязанцы.

Второй «сюжет» книги Ф. А. Гайды озаглавлен «Украина и Малая Русь: Окраина и Центр» (с. 101). В нем четыре главы.

Первая глава называется «Первоначальная “Украина” — окраина, а не страна», и она ничего нового, в сравнении с тематикой первого «сюжета», не содержит, если не считать анахронизмов и путаницы в понятиях, а также употребления таких псевдонимов Русской земли и русского языка, как «Древняя Русь» и «древнерусский язык».

Начать с того, что самое название представляется совершенно нелепым исторически и по смыслу. Здесь обнаруживается какая-то «первоначальная “Украина”», и это после того, что читатель узнал о слове «украина» в первом «сюжете». И почему-то «Украина» толкуется как «окраина», тогда как это последнее слово утверждается в русском языке только около середины XIX века. Да и сам автор далее утверждает, что «окраина» произошла от «оукраина»» (с. 102). И разве любая «украина», и даже та, которая первой сошла с языка творца этого слова, не являлась землей, страной, стороной, находившейся у границы.

А затем, в очередной раз, автор пытается произвести имя «украина» непосредственно от слова «край», тогда как здравый смысл подсказывает, что это имя являлось производным от существительного «украй» или «украин». К тому же, имеется косвенное свидетельство тому от XV века, и примеры от XVIII–XIX веков. Только это слово «украй» являлось не «праславянским», как утверждал «академик НАН Украины» Г. Пивторак, на которого навел критику Ф. А. Гайда, а собственно русским, ибо начальные и позднейшие о нем известия встречаются именно в наречиях русского языка. Отвергать же происхождение (не позднее конца XIV века) имени «украина» от слова «украй» на основании того, что это последнее слово «в современном украинском языке ... означает ... “очень, слишком, чересчур, до краев”», — это значит исказить историческую действительность, в которой возникло слово «украин».

Вторая глава второго «сюжета» называется не менее нелепо: «Если “Украина” — окраина, то “Малая Русь” — Русь центральная» (с. 105). Столь же псевдоисторично и его содержание.

Здесь Ф. А. Гайда с опорой на свидетельства различных времен и народов, от «Великой Греции» («с VIII в. до н.э.») до «Сочинского муниципалитета», «Большого Нью-Йорка» и «Малой Радды», обосновывает то, что «географический термин “великий” в мировой практике возникает как противопоставление понятию “малый” и имеет значение “обширный, внешний”». Иначе говоря, «“Малый” — значит “изначальный, центральный, ближайший”». После этого, призвав читателя вернуться «к исторической географии», автор поведал, что «“Внутренняя” и “Внешняя” Россия обозначены в классическом труде византийского императора Константина Багрянородного» “Об управлении империей” (середина

Х в.): “Внутренняя Росия” — Поднепровье, “Внешняя Росия” — остальные земли Руси».

Всякий, однако, внимательно читавший наставление багрянородного цесаря Константина сыну Роману, должен признать, что про «Внутреннюю Росию», не говоря уже про «Поднепровье», не сказано «ни полслова» в этом сочинении. В нем сообщается вообще о Русской земле, о «граде Киеве» на Днепре и о людях под названием русь, которые там обитают с «князем Русской земли». Но при этом там говорится и о «внешней Русской земле» (ἔξω Ῥωσίας), в которой находятся другие «грады», а также «горы», и в которой живут разноименные славяне, состоящие в договорных или даннических отношениях с русью. Следовательно, для Греческого (Римского) цесаря «внешняя Русская земля» — это та земля, которая в силу упомянутых отношений пребывает, в той или иной степени, под властью руси и их князя. И мы знаем из последующих источников, чужестранных и русских, что именно таким способом, через приведение под власть князей из Русского рода славянских родов с их землями, «плодилась и множилась» изначальная Русская земля, средоточием которой был город Киев. Но в какой так сказать «генетической» связи определение «внешняя», данное Русской земле Греческим цесарем в середине X века, находится с позднейшим делением Русской земли, или России, на «малую» и «великую»? Тем более, далее Ф. А. Гайда сообщает о месторасположении «Малой Росии» вовсе не там, где он помещает «Поднепровье» и «Внутреннюю Росию», а именно: «с 1303 г. греки именовали “Малой Росией” (Μικρὰ Ῥωσία, лат. Russia Minor) географически ближайшую к ним Галицкую митрополию, включавшую территорию современной Западной Украины и Полесья. Остальная территория Руси получила именование “Великой Росии”, то есть Большой Руси (Μεγάλη Ῥωσία, лат. Russia Maior)» (с. 105–107).

И таким выводом вторая глава второго «сюжета» завершается. Но не завершается наш поиск исторической правды. А она, эта правда, повелевает нам внести существенные поправки к приведенным рассуждениям и выводам автора книги.

Прежде всего, заметим, что греческое имя Русской земли — Ῥωσία — и в XXI веке пишется так же, как в веке X. А потому сегодня писать его по-русски, кириллицей с одним с — «Росия» — это значит либо придавать ему какой-то особый смысл, либо допускать ошибку в правописании. И поскольку последний слу-

чай исключается, то остается признать, что автор сознательно употребил слово «Росия». Но тогда остается спросить его, по какой причине он это сделал? Ведь нельзя же всерьез поверить, что Ф. А. Гайда ставит в зависимость смысла слова, в какое бы историческое время оно ни употреблялось, от его орфографии! Иное дело, когда цитируется источник, но в данном случае, а именно для X–XIV веков, греческое слово Ῥωσία по-русски всегда передавалось, с различной орфографией, как Русская земля. Переводилось это греческое слово и как русь, но только не в земском, а в народном смысле, по той причине, что тогда и много позже в русском сознании любая земля, название которой происходило от имени народа (рода), понималась как сам этот народ, а не наоборот. Примером тому служит текст из летописного рассказа о крещении князя Владимира и его людей: «Господь Исус Христос иже възлюбил **новыя люди Рускую землю** и просветил ю крещением святым». Или вот в XVI веке другой русский писатель поведал о гуннском «кrole» Аттиле: «Пристали к нему и иные **пограничные земли, еже есть Марцомани**, идѣже есть Морава, Катти, днесь Слуско, Гепиди, днесь Литва, Свеви, днесь Швабове, Дуади, Герули, с полунощных украин людие»¹⁰².

И только в последующее время, особенно с конца XV века, в русских памятниках письменности начинают обнаруживаться слова «Русия», «Россия», «Росия» и, наконец, преимущественно с XVIII века, «Россия», причем для обозначения в целом одной и той же земли или ее части.

Далее, следует отметить, что в историографии и в самом деле высказывалось суждение о том, что «малой» называлась та часть России, которая была изначальной Русской землей. Но оно совершенно не согласуется с историческими свидетельствами¹⁰³.

Дело в том, что деление Русской земли (России) на части малую (меньшую) и великую (большую) произвели в канцелярии Константинопольского патриарха в первой половине XIV века в связи с выделением из Русской митрополии Галицкой митрополии. Об этом впервые свидетельствуют грамоты Греческого (Римского) цесаря Иоанна VI от 1347 года.

¹⁰² ПСРЛ. Т. XXII. Русский хронограф. Ч II. С. 236.

¹⁰³ См.: Назаренко А. В. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII веке: церковные истоки этнополитической терминологии // Назаренко А. В. Русь и славяне. М., 2009. С. 246–268.

В одной из них вспоминается, что в «малой Русской земле» («μικρά Ῥωσία»), которая находится в местности под названием «Βολούιον», то есть Вольинь, располагаются епископии Галицкая (митрополия), Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская. А в «великой Русской земле» (μεγάλη Ῥωσία) — все прочие епархии Русской земли во главе с «митрополитом Киевским и экзархом всей Русской земли (ἐξαρχον πάσης Ῥωσίας)». И это были епископии Новгородская, Полоцкая, Ростовская, Смоленская, Сарайская (бывшая Переяславская), Черниговская и Рязанская. При этом упоминаются «вся Русская земля» (πάσης Ῥωσίας) и «великий князь Русской земли (или Русский)» (μεγάλου ῥήγος Ῥωσίας) Симеон, а именно Симеон Иванович, живший в Москве. Да и «русский народ» (Ῥώσω εἶδος) в обеих частях Русской земли определяется здесь как один народ¹⁰⁴.

В двух других грамотах, которые царь Иоанн отписал митрополиту Киевскому и экзарху всей Русской земли Феогносту и Симеону, «великому князю всей Русской земли» (μέγα ῥήξ πάσης Ῥωσίας), упоминается их просьба о том, чтобы епископии «малой Русской земли, именно Галич и прочие» (ἐπισκοπαὶ τῆς μικρᾶς Ῥωσίας ἢ τε δηλονότι Γαλλίτζης καὶ αἱ λοιπαὶ) находились под властью Феогноста, дабы «вся Русская земля, великая и малая» (πᾶσαν Ῥωσίαν, τὴν τε μεγάλην καὶ μικράν), имела одного митрополита¹⁰⁵.

А в четвертой грамоте царя Иоанна, посланной князю Владимирскому (на Вольни) Дмитрию Любарту, читаем: «Ведаешь ты, что с того времени, как русский народ (ἔθνος τῶν Ῥώσω) получил богопознание и просвещен святым крещением, установлено там обычаем и законом, чтобы во всей Русской земле, великой и малой (πᾶσαν Ῥωσίαν, τὴν τε μεγάλην καὶ μικράν), находился один митрополит Киевский». И царь ставит в известность князя Владимирского, что отныне снова митрополиту Киевскому и экзарху всей Русской земли Феогносту будут подчиняться «епископии малой Русской земли»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Памятники древне-русского канонического права. Приложения. Ч. I (Памятники XI–XV в.) // Русская Историческая Библиотека. Т. VI. Изд. 2-е. СПб., 1908. Приложения. Памятники Русского Канонического права XII–XV в., сохранившиеся в греческом подлиннике. № 3.

¹⁰⁵ Там же. Приложения. № 456.

¹⁰⁶ Там же. Приложения. № 6.

И тем же годом датировано постановление патриарха Константинопольского и его синода о том, чтобы «епископии Галич, Владимир, Холм, Перемышль, Луцк и Туров», или «малой Русской земли», были возвращены митрополии Киевской и экзарху всей Русской земли Феогносту¹⁰⁷.

О таком делении Русской земли, возможно, не зная о его причине, было известно венецианцу Марино Санудо Торселло (*Marinus Sanudo aliter dictus Torsellus de civitate Rivialti de confinio sancti Severi de provincial Venetiarum*), который бывал в различных средиземноморских землях и даже, возможно, в Константинополе. В письме к Французскому королю Филиппу VI от 1334 года он поведал, что в Русской земле (*in Ruscia*) есть два князя (*duo duces*), которые подчинены татарам. «Они держат землю великую с народом величайшим (*terram magnam cum gente maxima*) и следуют по следам греков» в вере. «И Русская земля есть бóльшая и меньшая (*est Ruscia major et minor*). Действительно, бóльшая (*major*) имеет границы от севера к западу с Ливонией, в которой братья крестоносцы имеют великие земли, с востока со Скифией (*Sythia*) и землей Узбека Татарского. От юга же есть Русская земля меньшая (*Ruscia minor*), которая граничит от запада с Лядской землей (*Polonia*), от юга же с землей Угорской (*Ungaria*) и от востока с Узбеком Татарским, упомянутым господином своим»¹⁰⁸.

Как можно догадываться, Русская земля меньшая, или малая, здесь именно та, что и в грамотах царя Иоанна, ибо в обоих случаях речь шла о Русской земле близ земель Лядской (Польской) и Угорской (Венгерской). И правителем в этой части Русской земли тогда был князь Георгий (Юрий), который в 1327 году представлялся как «князь земли Русской, Галича и Владимира»¹⁰⁹ (*Georgius Dei gratia dux terre Russie Galice et Ladimere*)¹¹⁰, а в 1335 году «урожденным князем всей Русской земли меньшей» (*Georgius Dei gratia natus dux tocius Russie minoris*)¹¹¹.

---

¹⁰⁷ Там же. Приложения. № 7–8.

¹⁰⁸ *Kunstmann Fr.* Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe // *Abhandlungen der Historischen Classe Der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften.* München, 1853. Bd. VII. Abt. 1. № VI, p. 801.

¹⁰⁹ Владимира Вольнского.

¹¹⁰ Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов. СПб., 1907. № 6, с. 4.

¹¹¹ Там же. № 8, с. 5–6.

Именно дед Георгия, Юрий Львович, предположительно в 1303 году, добился выделения Галицкой митрополии из Русской митрополии с теми епископствами, которые находились под его властью как князя Галицкого и Владимирского¹¹².

Вместе с тем в определении патриаршего собора от 1354 года, в связи с учреждением во Владимире (Залесском) второй митрополии для митрополита Киевского и всей Русской земли, Киев называется городом в «малой Русской земле»¹¹³.

Но в 1370 году, в послании на греческом языке патриарху Константинопольскому Казимир, «король земли Лядской и **малой Русской земли** (μικρᾶς Ῥωσίας)», желая иметь митрополита в Галиче, вспоминал о том, что ранее он, «король Лядской земли, **приобрел Русскую землю**»¹¹⁴. И хорошо известно, что в том году в Русской земле он удерживал только Галицкое Княжение и часть Владимирского.

А в 1371 году, как читается в греческом известии о соборном деянии в Константинополе, в этот город пришел из «малой Русской земли» епископ Антоний, «перемещенный на Галицкую митрополию»¹¹⁵.

И в том же году Константинопольский патриарх извещал митрополита Киевского и всей Русской земли Алексия, что, «так как ты в продолжение стольких лет не посещал и не обозревал **малой Русской земли**, то король Лядский Казимир, владеющий **малой Русской землей**», отписали ему, патриарху: «вся земля гибнет без закона, потому что закон исчезает без архиерея»». А потому патриарх избрал для этой земли епископа Антония, «чтобы не погиб **закон русский и вера русская** не исчезла». И «мы отдали ему **Галичь, где бы он имел митрополию, а из епископий — Владимирскую, Перемышльскую и Холмскую**, которые находятся под властью Лядского короля»¹¹⁶.

---

¹¹² Митрополиту Галицкому было подчинено и Туровское епископство, хотя оно, в отличие от епископств Холмского, Перемышльского, Владимирского и Луцкого, находилось за пределами княжений Галицкого и Владимирского. Дело в том, что князья Пинские и Туровские, как о том сообщается в «Галицко-волинской летописи», с XIII века являлись подручниками князей Галицких и Владимирских.

¹¹³ Памятники древне-русского канонического права. Приложения. № 12.

¹¹⁴ Там же. Приложения. № 22.

¹¹⁵ Там же. Приложения. № 23.

¹¹⁶ Там же. Приложения. № 25.

В свою очередь в 1371 году, согласно его греческой грамоте, «царь Литовский Ольгерд» просил патриарха Константинопольского Филофея дать митрополита «на Киев, Смоленск, Тверь, **малую Русскую землю**, Новосиль, Нижний Новгород»¹¹⁷.

И в этой «малой Русской земле», подвластной Ольгерду, как можно догадываться, тогда могли находиться епископства Владимирское, Луцкое и Туровское, а также, возможно, Полоцкое и Черниговское, ибо землями лишь этих епископств, помимо земли Киевской, он тогда владел. В любом случае, как видно из самой грамоты Ольгерда, Киев с его епископией находился за пределами малой Русской земли.

С неопределенным положением в малой или великой Русской земле предстает Киев в послании патриарха Константинопольского Нила «великому князю всей Русской земли» Дмитрию (Донскому) от 1380 года. В ней митрополит Пимен, который жил в Москве, называется митрополитом Киевским и **великой Русской земли**», тогда как Киприан, обосновавшийся в Киеве, представляется «митрополитом Литовским и **малой Русской земли**». При этом под «малой Русской землей» понимается здесь та часть Русской земли, которая находилась под властью «литовского князя огнепоклонника», то есть Ольгерда, и в том числе **Киев**, «который есть **соборная церковь всей Русской земли ипервенствующая митрополия**»¹¹⁸.

Снова «малая Русская земля» называется в протоколах Константинопольской патриархии под 1391 годом и снова в связи переменой епископа в Галиче¹¹⁹.

Вскоре после того, однако, все русские епископии соединились под властью митрополита Киевского и всея Руси Киприана, и деление Русской земли, или России, на великую и малую части из греческой словесности временно исчезает. А про русскую письменность и говорить нечего: в ней такое деление в XIV веке и во все отсутствовало, чем лишний раз доказывается его иноземное происхождение.

И должно было пройти более 150 лет, прежде чем снова деление России на части малую и великую стало обнаруживаться

---

¹¹⁷ Памятники древне-русского канонического права. Приложения. № 24.

¹¹⁸ Там же. Приложения. № 30.

¹¹⁹ Там же. Приложения. № 35.

в памятниках письменности, но уже и русских, хотя, как следует из их содержания, причина и источник его были всё те же.

Во второй четверти XV века Русская митрополия в очередной раз разделилась, так что в России стало два митрополита, один в Киеве — Киевский, Галицкий и всея Руси и России, другой в Москве — митрополит всея Руси и Руссии (России). В 1589 году последний был провозглашен патриархом Московским и всея Руссии (России), или «всея великия России».

И в 1591 году, и снова в канцелярии Константинопольского патриарха, была составлена грамота на греческом языке, в которой патриарх Иеремия, согласно русскому переводу, называет Михаила Рагозу «митрополите Киевский, пречестный и екзарше Галича и малой России»¹²⁰.

А в 1592 году в Россию, пребывавшей под властью Короны Польской и Великого Княжества Литовского, приехал из Константинополя «екзарх Малой и Великой России» митрополит Дионисий Тырновский (Турнавский). Именно так он представился в послании к Федору Ивановичу, царю «всея великия России»¹²¹. А этот последний титул был утвержден за Московским государем еще в «Соборной грамоте» иерархов Восточной Церкви от 1561 года: «Βασιλεύς... πάσης τῆς μεγάλης Ρωσίας»¹²².

В свою очередь в 1620 году патриарх Иерусалимский Феофан, находясь в Киеве, обратился ко «всѣм людем духовного чина и мирского в Малой России в Королевстве Полском, в Великом Княжении Литовском и Русском и во всѣх иных государствах и княжениях под державою наяснѣйшаго короля Полскаго православному христианом». И в этом послании говорилось, что патриарх поставил «на святые епископии ваши на престолы Малой России и рукоположением нашим посвятили на престол митрополии Киевской, Галицкой и всей Малой России мужа честнаго... Иова Борецкаго». При этом были поставлены и подчиненные ему архиепископ Полоцкий и он же епископ Витебский и Мстиславский, а также епископы Перемышльский и Самборский, Владимирский

¹²⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (АЮЗР). СПб., 1865. Т. II. Прибавления к первому и второму тому. № 159.

¹²¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб, 1851. Т. IV. № 34, II.

¹²² Соборная грамота духовенства Восточной Церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем, 1561 г. / Издана М. А. Оболенским. М., 1850. С. 13.

и Берестенский (Брестский), Луцкий и Острожский, Холмский и Бельзский¹²³.

Иначе говоря, со второй половины XVI века в канцеляриях греческих патриархов восстанавливается деление России на части великую и малую также по причинам церковным. Но теперь уже под Великой Россией понималась Русская земля Московского Государства, тогда как под Малой Россией — вся остальная Россия, а именно находившаяся под властью Короны Польской и Великого Княжества Литовского.

Так в 1620 году был восстановлен епископат православной Русской митрополии в землях Короны Польской и Великого Княжества Литовского, порушенный после Брестской унии 1596 года. Но со времени провозглашения этой унии существовал и униатский митрополит Киевский, Галицкий и всяя России. И он никогда не представлялся митрополитом «Малой России», потому что он находился в духовной зависимости от папы Римского, а не от патриарха Константинопольского. В Римской же курии Россию никогда не делили на части «малую» и «великую». Это лишний раз доказывает греческое церковное происхождение такого деления России, которая ее жителями, как и греками, тем не менее, понималась по-прежнему как в целом одна земля, о чем свидетельствовал в «Полинодии» (1621 год) обитатель Малой России Захария Копыстенский: «**в нашу Россию Великую и Малую**»¹²⁴.

При этом в первой половине XVII века Малая Россия упоминалась обычно тогда, когда имелась в виду и Великая Россия, в которой находилось Московское Государство. Так, например, в грамотах духовенства Малой России к царю Михаилу Федоровичу читаем: «**в великодержавном господарствѣ великия Россия**», «**вся великия Росия самодержцу**», государей и самодержцов **Великия Россия Московских**», «**всеа Московския земля великия Россия**»¹²⁵.

В противном случае, в XVII веке Киевские митрополиты представлялись пастырями всяя России, и соответственно их паства называлась русью, русским народом или российским миром, о чем свидетельствуют грамоты гетмана Б. Хмельницкого. Собственно

¹²³ Архив Юго-Западной России (Архив ЮЗР). Киев, 1873. Ч. I. Т. V. № I.

¹²⁴ Русская Историческая Библиотека. СПб., 1878. Т. IV. Стлб. 847.

¹²⁵ Архив ЮЗР. Киев, 1883. Ч. I. Т. VI. № ССХХ, ССХХVIII, ССХХIX. См. также: Материалы для истории западно-русской церкви / Сост. С. Голубев. Киев, 1891–1895. Вып. 1–2.

и в вышеприведенной грамоте патриарха Феофана от 1620 года Иов Борецкий называется также «митрополитом Киевским, Галицким и всяя России».

Но в словесности Московского Государства деление России на малую и великую обнаруживается только с 1654 года, причем с подачи жителей Малой России. Именно гетман войска Запорожского Б. Хмельницкий и его помощники первыми провозгласили «соединение Малой и Великой России» и нарекли Алексея Михайловича «царем и великим князем всея Великая и Малая России самодержцем», о чем свидетельствуют документы того времени. Прежде, с 1620-х годов и до начала 1654 года, всю Россию и русский народ Короны Польской и Великого Княжества Литовского в Москве обычно называли «белой русью» и «белорусцами». Эти имена были заимствованы из польской литературы, в которой они, однако, прилагались только к руси и Русской земле Великого Княжества Литовского.

К этому добавим, что поляки в XVI–XVII веках не делили Россию на малую и великую именно, как можно догадываться, из-за того, что это деление имело церковно-православное происхождение. В эти столетия поляки прилагали к частям России только определения «белая», «красная (червоная)» и «черная», которые со второй половины XVII века также укореняются в русской письменности, сначала лишь в «малороссийской». Но в 1655 году Алексей Михайлович после отвоевания России Великого Княжества Литовского принимает титул «царя и великого князя всеа Великая и Малая и Белая России самодержца». Именно с этого времени, и особенно после Андрусовского перемирия 1667 года, в словесности Российского Государства укореняются эти определения трех основных частей России. Причем Малая Россия (Малороссия) заключала в себе теперь только земли двух бывших воеводств Короны Польской: полностью Черниговское воеводство и частично Киевское, а именно Киев с его окрестностями на правом берегу Днепра и всю землю к востоку от него. Вне Малороссии остались сечь запорожская, впоследствии составившая часть Новой России (Новороссии), Россия Короны Польской к западу от Киева: воеводства частично Киевское, Брацлавское, Волынское, Подольское и Русское (будущая Галиция), а также Белоруссия — та часть России, которая находилась в Великом Княжестве Литовском.

Таким образом, в разное время определения «малая» и «великая» указывали на различные части Русской земли, или России. При этом под «малой Россией» никогда не подразумевалась собственно изначальная Русская земля с ее главным городом Киевом. Она либо первоначально в XIV веке являлась частью «великой России», либо уже вместе с позднейшими частями Русской земли называлась «Малой Россией», либо со второй половины только частично покрывалась последним именем.

Третья глава второго «сюжета» называется «"Малороссияне" — официальное самоназвание православного русского населения Малой Руси». В нем автор приводит многочисленные свидетельства источников XVI–XVII веков, из которых следует, что жители Малой России, в том числе обитавшие «на Украине, во пределе Киевском», назывались русью, русскими людьми, русским народом или россиянами, осознавали себя миром православным российским. К этому необходимо только добавить, что и в последующие столетия ничего в самоназвании обитателей Малороссии не изменилось, разве что, о чем сообщает и Ф. А. Гайда, прибавилось к их имени название «малороссы», «малороссийский народ» или «малороссияне». И эти малороссийские имена, добавим от себя, были сродни слову «украинцы», ибо, как и последнее, происходили от названия местности, то есть являлись именами географическими и при этом частными по отношению к имени «русский народ» или «русские», которое утверждается во всей России с XVIII века. При всем том сохранялись и другие частные имена в русском народе: «черкасы», «хохлы», «запорожцы», «москва», «москалы» или «кацапы» и так далее. Причем именно эти имена, по обыкновению, и употреблялись в широкой народной среде, а не книжные и канцелярские «малороссы» и «великороссы», а также «белорусы», бродившие по страницам разнообразных писаний.

В «образованных» головах же некоторых «малороссов» с конца XVIII века обнаруживается отождествление русских только с «великороссами» или, как у Гоголя, возникало сомнение: «сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они

должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве»¹²⁶.

Тем не менее, еще раз это подчеркнем, душевно и духовно здоровый человек «малороссийского» происхождения и в XVII, и во все последующие столетия вплоть до дня сегодняшнего русское, или общерусское, утверждал над частным, а именно «хохлацким», или «украинским». И примеров тому нет числа, в дни мирные или бранные, во внутренних ли смутах или при нашествиях иноплеменников, на любом поприще.

Вместе с тем в этой главе Ф. А. Гайда делает ряд утверждений, которые требуют уточнения. Первое из них гласит: «**В середине XVII в. и жители Московского государства, и православное население Речи Посполитой именовало себя русскими**» (с. 108).

Про смысл выражения «речь посполитая» уже выше говорилось, так что для XVII века словосочетание «население Речи Посполитой» является анахронизмом. Таким же анахронизмом для этого столетия является и существительное «русские», ибо оно утверждается в нашей словесности только в XVIII веке. Пример же, который приводит Ф. А. Гайда из документа XVII века, как-то: «твой великого государя ратные люди, Руские и Черкасы», заключает в себе знак препинания, ошибочно поставленный редактором Н. И. Костомаровым в издании 1872 года. На самом деле должно читаться так: «твой великого государя ратные люди руские и черкасы». Находимое здесь различие между русскими людьми и черкасами характерно для словесности Московского Государства, начиная с середины XVI века, когда «черкасами» в Москве стали называть днепровских казаков по месту, откуда они управлялись, а именно по городу Черкасы (Черкассы). И надо заметить, что со временем, во второй половине XVI и в XVII веке, после переселения части днепровских казаков в Московское Государство, здесь это имя стало самоназванием их, получив, таким образом, значение частного народного имени. Поэтому нельзя согласиться с автором, когда он утверждает, что «это слово не имело этнического

---

¹²⁶ В письме А. О. Смирновой от 1844 года (*Гоголь Н. В. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1994. Т. 9. С. 276*).

значения», иначе народного значения. Если, как выше отмечалось, под словом «этнос» понимать его изначальный смысл — народ, а не что-то заумное, непонятное, вероятно, и самому автору, ибо это нечто он никак не определяет, предоставляя читателю самому догадываться о его смысле. И, конечно, напрасно Ф. А. Гайда оговаривается, что слово «черкасы» «на всех посполитых православных не распространялось», ибо черкасы, или казаки реестровые и низовые из запорожской сечи, никогда «посполитыми» и не были. Этими последними в землях Короны Польской и Великого Княжества Литовского назывались только, говоря «по-московски», крестьяне, и они были такими же «православными», как и «черкасы», и шляхта, и мещане (горожане).

Добавим к этому, что наряду с «черкасами» еще с XIV века в Москве употребляли для наименования руси (русского народа), находившейся, под властью великого князя Литовского, а затем и короля Польского, имя «литва». И причиной тому являлся обычай всех времен и народов, согласно которому все подданные правителя, какого бы они ни были происхождения, в целом назывались по имени народа, из которого происходил правитель. По той же причине русь великого князя всея Руси и Русской земли, России, или России, в Москве так и называлась — русью, или русскими людьми. И, наоборот, в землях Великого Княжества Литовского и Русского и Короны Польской с середины XIV века вошло в обиход называть великого князя и затем царя всея Руси и Русской земли «Московским», а его подданных — «москвой» или «москалями», противопоставляя их себе как руси, русскому народу.

В свою очередь для периода до конца XVII века нельзя соглашаться с отождествлением «Руси» и «России»: «самоназвание (Руси) ... имело двойное звучание — и “Русь”, и “Россия”». В указанное время для такого отождествления имени родового (народного) «русь» и земского имени «Россия» просто не существует доказательств в исторических свидетельствах. А если такие доказательства в каких-то памятниках нашей письменности и затаились, то еще никто не удосужился даже предпринять их поиск. Нельзя же всерьез принимать в качестве доказательств такие предложенные выражения, как «в русь», «в руси», «на русь» и «на руси» при одновременном существовании подобных выражений с другими народными именами, обычно находимые в русской пись-

менности XI–XVII веков: «в татары», «в ляхах», «на угрех», «на немцы». И это притом, что во все эти века наша словесность богата неоспоримыми примерами употребления слова «русь» в качестве народного имени с одновременным и столь же частым использованием и названия земли руси — Русской земли, или России. Впрочем, в этом случае Ф. А. Гайда только воспроизводит традицию, укоренившуюся в русском сознании XVIII–XIX веков, когда народное имя «русь» вошло в обиходное употребление в качестве имени земского — «Русь». Этому, между прочим, могло способствовать и то обстоятельство, что в XVIII–XIX веках народные имена принято было писать с большой буквы, хотя изначальную причину такого нового смысла слова «русь» следует искать в более глубоких духовных веяниях, обусловивших перемены и в понимании значений имен народных и земских.

Исторически некорректно не только для XVII, но и для последующего времени, вплоть до начала Смуты в 1917 году, использование Гайдой определения «Руси» в качестве «подляшской», то есть, как можно догадываться, в значении «Руси», находившейся под властью ляхов: «Обе части Руси — и московская, и подляшская — сохраняли свое самоназвание» (с. 109). Дело в том, что с конца XV или с XVI века имя прилагательное «подляшский» означало принадлежность к вполне конкретной местности под названием «Подляшье» — часть Русской земли, находившаяся к западу от Бреста как бы «под ляхами» в смысле «около земли ляхов». При этом в административном отношении сначала в Великом Княжестве Литовском, а с 1569 года и под властью Короны Польской эта местность заключалась в Подляшское и Берестейское или, позднее, только в Подляшское воеводство. Причем и в полном титуле короля Польского и великого князя Литовского время от времени присутствовало наименование «Подляшский».

Следующее утверждение Ф. А. Гайды гласит: «Понятие “Малая Росия”, в отличие от “Украины”, распространялось как на Поднепровье, так и на Галицкую землю» (с. 110). Неточность здесь в первую очередь та, что автор для первой половины и середины XVII века сильно ограничивает пределы Малой Росии. Как выше отмечалось, в период с конца XVI и по вторую половину XVII века этим именем, вошедшим в употребление на почве деления Русской Церкви на две митрополии вся руси и России, покрывалась вся Русская земля Великого Княжества Литовского

и Короны Польской. А это значит, что не только местность, расположенная по течению Днепра либо на той или другой его стороне («Поднепровье»), и не только «Галицкая земля», но и все прочие местности этой «всей России», прежде всего, в церковном отношении являлись Малой Россией. И потом: почему автор упомянул, кроме неопределенного «Поднепровья», лишь небольшую «Галицкую землю», пределы которой в XVII веке составляли Галицкое староство, но, отнюдь, не всё прежнее Галицкое Княжение или позднейшую Галицию, имя, позаимствованное из латинского языка (Galicia), в котором оно с XII века обозначало город Галич. Та же земля, которая до второй четверти XIV века охватывалась Галицким Княжением, в дальнейшем, вплоть до конца XVIII века, под властью Короны Польской называлась собственно Русской землей, а в административном отношении — Русским воеводством с главным городом Львовом. Это воеводство делилось на земли Львовскую, Перемышльскую, Галицкую, Холмскую и Санокскую и в административном отношении соответственно одноименные староства.

Подводя же итог третьей главе второго «сюжета», автор утверждает: **«Таким образом, понятие “малороссияне” родилось в начале XVIII в. как официальное самоназвание русского населения Малой Руси, Украины Малороссийской»** (с. 115). Факт неоспоримый, что слово «малороссияне» употреблялось в начале XVIII века и позже. Только непонятно, каким образом оно могло произойти от имени «Малая Русь». Здравый смысл подсказывает, что оно имело своим источником слово «Малороссия», как «россияне» произошли от «России», кстати сказать, также в Малой России в какой-то «книжной» голове в качестве названия поначалу местного русского народа. Затем, непонятно, почему именно слову «малороссияне» посвящен этот раздел. Ведь, как видно из примеров, приводимых автором, оно, наряду с «малороссийским народом», «малороссийцами», «малороссиянцами» и «малороссами», было лишь одним из вариантов обозначения обитателей Малой России. К тому же не только «малороссияне», но и «малороссы» в дальнейшем употреблялось, по обыкновению, в разнообразной письменности. И почему автор утверждает, что имя «малороссияне» родилось... как официальное самоназвание русского населения Малой Руси». Разве рождение этого имени в какой-то «письменной» голове может сви-

детельствовать о том, что оно возникло в качестве «самоназвания русского населения» да ещё «официального». И потом, почему только «русского населения». А что, разве во второй половине XVII и в XVIII веке Малую Россию населяли только русские люди, разве, как свидетельствуют источники, не селились там многочисленные разноплеменные выходцы из земель, подвластных «царю Турскому» (Милорадович, Томара и другие), и прочие инородцы. А если мы всё это знаем, то должны признать, что, как Малая Россия — имя географическое, так и производные от него народные имена — также имена географические из словаря делопроизводителя и книжника — этих душ чернильных. Иначе говоря, малороссияне суть географическое народное имя, как-то название населения Малой России, среди которого, конечно, русские люди составляли подавляющее большинство, да и «чужинцы» православного исповедания со временем в основном обрусели, стали русскими людьми.

Последняя глава второго «сюжета» и вместе с тем всей основной части книги называется «Великороссия, Малороссия и Белоруссия как “Империиум Всероссийский”» (с. 115–116). Она начинается с известного факта, что в 1721 году Петр I заменил в отцовском титуле слова «Всея Великия и Малыя и Белья России» на выражение «Император Всероссийский». И дальше на одной странице приводится несколько примеров употребления в последние годы царствования Петра выражений «Империиум Всероссийский», которым обозначалась императорская власть, и тождественных по смыслу названий государства — «Российская империя» и «Российское государство», а также использования в качестве их заместителя имени «Россия». От себя добавим, что такое замещение земским именем названия государства, характерное и сегодня, берет свое начало в русской словесности как раз с Петровского времени. В свою очередь с этого же времени, как верно отмечает автор, и «государственная территория» стала отождествляться со «страной». Наконец, в последнем предложении автор утверждает, что имя «Всероссийская империя» употреблялось, «наряду с прочими, вплоть до II четверти XIX в.». Следует, однако, пояснить, что в Своде Основных Государственных Законов от 1857 года и позже император и его престол по-прежнему назывались «Всероссийскими». Да и договор о Портсмутском мире 1905 года начинается со слов: «Его Вели-

чество Император Всероссийский». А это косвенно свидетельствовало о возможности употребления и государственного имени «Всероссийская Империя».

Вместе с тем содержание последней главы плохо согласуется с его названием. Действительно, на каком основании, то есть без разъяснения, автор объявляет, что три части России понимаются как «Империи Всероссийский», которым «стала называться императорская власть». К тому же при Петре вся Белоруссия, в тогдашнем ее понимании, принадлежала Великому Княжеству Литовскому. Да и другие части России к западу от Днепра, которые еще в 1654 году охватывались именем «Малая Россия», в царствование Петра оставались под властью Короны Польской. Иначе говоря, когда Алексей Михайлович назвался «царем и великим князем всея Великая и Малыя и Белья Росии самодержцем», то тогда и в самом деле вся Россия «польская и литовская» либо уже перешла под его власть, либо вскоре должна была перейти, что почти и осуществилось. При его же сыновьях под «Малой Россией» уже понималась значительно меньшая часть России, отвоеванная у Короны Польской, а именно та, которая была удержана Алексеем Михайловичем по Андрусовскому перемирию — Киев с окрестностями на правом берегу Днепра, и вся земля к востоку от этой реки. Так что отцовский титул и затем наименование «Всероссийский» для Петра заключал в себе «империум» не только действительный в пределах Российского Государства, но и, возможно, притязательный, как ранее, с XIV века, обстояло дело с титулом «всея руси» или «всея Русии».

Далее следуют «Приложения».

Первое из них озаглавлено: «"Пересторога Украины": оригинальный текст и реконструкция». Затем, после сообщения о месте хранения рукописи этого сочинения и его первой публикации, представлены сам «оригинальный текст» и «реконструкция первоначального текста "Перестороги"» с предисловием автора книги. В нем Ф. А. Гайда доказывает наличие «интерполяций» в тексте рукописи, которые, впрочем, «ничего принципиально нового ... не содержат». Разве что слово «украинцы» обнаруживается «только в этих дополнениях, а также 1 раз в тексте письма московскому царю — в обороте, который также мог иметь более поздний характер». Сам «первоначальный текст», по мнению Ф. А. Гайды, «включал следующие смысловые разделы: 1) Разо-

рение Украины. 2) Турецкая угроза. 3) Московский царь. 4) Договор с поляками. 5) Письмо московскому царю». Кроме того, Гайда не исключает, что «позднее в текст были добавлены новые рассуждения об украинских изменах и анархии на Украине, а также московской помощи Украине». После чего следует перевод Ф. А. Гайды «на современный русский язык» текста «оригинального», сопровождаемый краткими примечаниями. Сам этот перевод, или «реконструированный текст», разбит на пять вышеуказанных разделов с выделением курсивом «интерполяций», обнаруженных издателем.

Между тем и в данном случае нельзя обойтись без критических замечаний.

Во-первых, что касается названия опубликованного сочинения. Ф. А. Гайда воспроизводит то название, которое он нашел в первом полном издании этого произведения¹²⁷. Но поскольку в рукописи вообще название отсутствует, автор этой публикации из «Днепропетровска» («Днепра», Екатеринослава) Ю. А. Мицик (Мыцык) создал его по начальным словам самого сочинения. При этом по причинам, о которых можно только догадываться, этот издатель произвольно не воспроизвел определения имени «Украина». Тем самым, по сути дела, он придал этому имени иной смысл, нежели тот, с которым оно представлено самим автором сочинения, а именно смысл земли или страны — единственной с таким наименованием. Поэтому, если и называть это сочинение по его первым словам, то название должно, несомненно, выглядеть так: «Пересторога Украины утрепенной Днѣпровой¹²⁸», или в переводе Ф. А. Гайды: «Предостережение злополучной днепровской Украине». Такими первыми словами писатель второй половины XVII века, несомненно, давал понять читателю, как сво-

---

¹²⁷ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. Київ, 1991. № 5. С. 129–138; сам «трактат» напечатан на стр. 133–138. См. также статью об этом «трактате» того же автора: Мыцык Ю. А. Украинский историко-политический трактат 1669 года как памятник публицистики // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX вв. Днепропетровск, 1982. С. 84–101. Первое описание «трактата» и в целом сборника, в котором он содержится см.: Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1894 год. СПб., 1897. V. Приобретения Библиотеки. Б. Отдельные приобретения. С. 116–134; здесь «трактат» (С. 126–127) обозначен по счету цифрой «27».

¹²⁸ Так в описании 1894 года.

его, так и последующего времени, о злополучии какой из украин, а именно «днепровской», он собирается придать бумаге свои рассуждения и переживания. Да и в последующем тексте его сочинитель дает понять, что ведет речь об одной из украин, а именно той, на которой он сам живет: «наша Украина», «таяж Украина», «в той же Украины», «тая ж нерозумная Украина».

Во-вторых, что касается предположений Ф. А. Гайды о позднейших вставках в первоначальный текст сочинения. Их наличие им «выводится из анализа структуры текста, а также из наличия в нем явной смысловой нестыковки», после чего автор книги приводит тому несколько примеров. Однако, признаемся, мы не смогли обнаружить во всех этих случаях, чтобы «структура текста» как-то особо выделялась в сравнении с другими «структурами» того же сочинения. К тому же, если в каком-то произведении и обнаруживаются «смысловые нестыковки», то их «наличием» еще не доказывается, что они явились результатом позднейших «интерполяций». Ведь эти последние вполне могли принадлежать самому автору изначального текста. И не будем забывать, что перед нами сочинение, рукописный текст которого написан в целом одновременно.

Кроме того, нельзя оставить без внимания и тот факт, что «Пересторога Украины утрепенной Днѣпровой» содержится вместе с другими сочинениями в сборнике, который был написан «полууставом и скорописью нескольких почерков южнорусского письма второй половины XVII века». Между тем он заключает и тексты, посвященные событиям за 1710–1738 годы¹²⁹.

Принадлежал же этот сборник Дворецким, представителям старшины войска Запорожского. Об этом свидетельствует запись, сделанная в 1770 году в нижней части некоторых листов рукописи, заключающих «Диариуш» Берестейского (Брестского) игумена иеромонаха Афанасия Филипповича: «Сія книга лѣтопись, с дѣдовъ и іс прадѣдовъ сочиненая фамилією Дворецкихъ, и нинѣ находїтся въ господыня Дворецкого Василя, значкового товарыша; должность него возній подкоморскій повѣту Остерского. Василь Дворецкій. Се замѣтки писаны 1770 года іюля 8»¹³⁰.

Отсюда можно догадываться, что сборник был окончательно составлен кем-то из Дворецких не позднее 1770 года. А то, что

---

¹²⁹ Отчет. С. 116–117.

¹³⁰ Там же. С. 134.

в нем обнаруживаются «литеры пасхальныя для годовъ 1671–1691», позволяет предполагать начало его составления именно перед этим отрезком времени, вероятно, в 1670 году. Около этого года, судя по приводимым в нем известиям, по-видимому, был написан и «трактат» о злоключениях «Украины Днепровской».

Вместе с тем из произведений сборника извлекаются известия о народном и земском самосознании их авторов и самих Дворецких в сравнении с понятиями автора «трактата».

Так, под номером четвертым читаем пословицы: «Не будет, якъ свѣтъ свѣтомъ, **русинь** полякови братомъ; **Русине**, и ляху, и влоху быть тобѣ треба въ проху»¹³¹.

В так называемом «летописце Дворецких», который охватывает время с 1340 по 1672 год, с 1647 года часто называется «Украина» в связи с восстанием под руководством Б. Хмельницкого и последующими событиями «по **всей Украине**», «по **обоих сторонах Днѣпра** будучою». И здесь же, под 1664 годом, находим такое утверждение: «Нѣкгда, поки свѣтъ на земли стоит, ляхом не треба вѣрити. Их же сентенция: «Покол свѣтъ на земли стоит, потолок **русин** ляховѣ не будет братом». А потом, под 1665 годом, сообщается, что «Петр Василиевич Шереметев до Киева увоишов на воеводство ... в **Малой Росиѣ** жителем неизносные кривды и выдырства чинив»¹³².

А еще в этой «летописи» говорится: «теперь **Украину, Малую Росію**, юж тому лѣтъ двадцать ищось якъ козаки з ними», ляхами, «войну мають, а конца ей не матъ»¹³³.

И дальше, в другом произведении, утверждается: «такими навѣтами православную вѣру и церкви, **монастырѣ молороссикіе** искореняють отъ многих лѣтъ донынѣ ляхи... непрестанно и поневоле подвергаю(ть) под свою римскую вѣру и под власть папѣжову на сповѣдехъ **людей роускихъ** сповѣдаючи... А того иннымъ народомъ нигде не машъ и не чинять ляхи, што **Руси**¹³⁴ **православной** зе злости». «А въ Лвовѣ, въ Вилни и во многихъ мѣстахъ въ Подгору, и в Подляшу, и на Волиню, и в Литвѣ православнымъ духовнымъ зъ

¹³¹ Там же. С. 116.

¹³² Издан частично в: *Мыцьк Ю. А.* «Літописецъ» Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. // *Летописи и хроники. Сборник статей.* 1984 г. М., 1984. С. 227–234.

¹³³ Отчет. С. 118.

¹³⁴ Слово «Русь» здесь и далее с большой буквы написал издатель текста.

Пресвятыми Тайнами через мѣсто и рынокъ до дому православно-го русина хорого ити не волно и заборонили ляхи отъ килка десять лѣтъ донинѣ». И от ляхов исходятъ «злосливые пашквили на Русь», учиняются «навѣты и гоненія Руси». «Теды тежъ такъ бы належало Русѣ поступовать звлаща з той причины»¹³⁵.

Или вот под номером двадцатым: «Память якого от ляховъ обварованя па розговорахъ комысіяхъ потреба православной вѣри церквамъ, монастыромъ и народомъ російскимъ, в державѣ королевской и въ Украине войску запорозкому отъ ляховъ волному будучимъ, а унѣи з римскою вѣрою держати не хотящимъ». Эта «Память» была написана в 1671 году, и в ней читаем: «ляхи покореняють православіе, вѣру, церкви и народы російскіе... православный народъ російскій... искореняють... Прето особно списанные навѣты отъ ляховъ руси заданое здавна... тое злое ляхи поздѣлали и въ Кіевѣ и въ Украинѣ, якъ недавно в Полоцку, у Витепску, у Мстиславью и в иных мѣстахъ... Священники рускіе православные, под панами живучіе подъ ляхами, псы кормятъ». А «царь его милость есть правдивый князей рускихъ потомокъ, для чого и до рускихъ земель всѣхъ право маеть и слушне можетъ упоминатися кривды церковное в рускихъ земляхъ тыхъ, которые были князей рускихъ... Годная то есть речъ и велце потребная есть до уваги взятти для перестороги Украинѣ... абы подъ царемъ его милостью Украина Заднѣпрская, где Черниговъ, Гадячь, Переяславъ, заставала... што таяжъ Оукраина натрое ся розорвала... А татаре Оукраину мѣсто обороны и помочи пустою учинили, через лѣт 20 и 4 людей тму рускихъ во плѣнь беручи, што и сег(о) року 1671 око святъ великоднихъ учинили в Полѣсю и розне, не ляховъ, тылко русъ воевали»¹³⁶.

Затем обнаруживаются «истенные доводы с кройник Кгвагвина¹³⁷ о Руской земли, и о границахъ ея, и о початку монархиѣ русской сармацкого народа», после чего «с книгъ третихъ Кгвагвинѣ» вычитывается о воеводствах Киевском, Брацлавском и Черниговском¹³⁸.

А через несколько листов помещена и наша «Пересторога Украины утрепенной Днѣпровой», после которой, через лист,

---

¹³⁵ Отчет. С. 119–122.

¹³⁶ Там же. С. 123–125.

¹³⁷ Александра Гваньини. О его сочинении см. выше.

¹³⁸ Отчет. С. 125.

следует «Житие святого Владимера, якъ крестылъ Володимеръ **Малую и Великую Россію**, южь тому лѣтъ шестьсотъ пятьдесятъ и сѣмъ, до року первая тїсяща шестсотъ шестдесятъ девятого»¹³⁹. В свою очередь царь Михаил Федорович называется «самодерж-
цомъ **Великия Росїѣ**»¹⁴⁰.

Наконец, завершает сборник «Диариуш, албо список дѣвѣвъ прав-
дивыхъ» игумена «Берестя Литовского» Афанасия Филиппови-
ча (умер в 1648 году), переписанный «**рускимъ диалектомъ**», или
«**писмом Рускимъ**» в Киево-Печерском монастыре во дни «пре-
освященнаго архиепископа **всая Россіи** митрополита Петра Мо-
гыли... року 1646...»¹⁴¹. И в нем называются люди «**русь**», «**на-
род русский**», «митрополит Киевский, Галицкий и **всая Россіи**»,
«**Церковь Россійская**» и «**язык Рускій**»¹⁴², а вот про «Украи-
ну» иннокентийский Афанасий почему-то упомянуть забыл.

В свою очередь и в «трактате», который начинается словами
«Пересторога Украины утрепенной Днѣпровой», обитатели этой
последней называются не только по месту проживания «украин-
цами», «народом украинским» и «украинским своевольником»,
но и по своей народной принадлежности, как-то: «**русь**», «**ма-
лая русь**»¹⁴³, «хртіяне русьские» и «народ русский (русский)».
И «Украина Днепровская» находится там, где «русские панъ-
ства», «в русских землях», а святой Владимир представляется как
«монарх русский». Или еще сообщается о русском народе под гос-
подством польским: «в панствѣ полскомъ народовѣ рускому».
И еще. Нигде Украина Днепровская не противопоставляется рус-
ским землям, и в то же время эти последние не отождествляются
только с «царством московским». Более того, русь Украины Дне-
провской и «впанствѣ полскомъ» отличается от «москвы» —
имя, которое Ф. А. Гайда почему-то перевел как «москали»¹⁴⁴.

¹³⁹ Там же. С. 127.

¹⁴⁰ Там же. С. 129–130.

¹⁴¹ Там же. С. 133.

¹⁴² Полный текст «Диариуша» см.: Русская Историческая Библиотека. СПб., 1878. Т. IV. Стлб. 49–144.

¹⁴³ В «трактате» встречается один раз в выражении «люде зъ Малой Руси», то есть «люди из малой руси» (ср. «люди из народа»).

¹⁴⁴ Кстати сказать, в именах «москва», «москали», «московиты», «московцы», как и в других подобного рода именах, произошедших от названий городов или земель, как-то: римляне, черкасы, американцы, украинцы, кавказцы или антарктидцы, — нет ничего обидного.

Но одновременно автор «трактата» ратует и за то, чтобы «ся привязати ражу до цря московского¹⁴⁵», дабы «при при московскомъ Украина ... зостала», то есть осталась¹⁴⁶. И тогда бы, «яко за свтого Владымера¹⁴⁷, страшна бы была и користы¹⁴⁸ и славы великой бы мѣвала». Только бы «присягъ своих стереглы и вѣрне царевѣ по его указу служили, бо без порядку и послушенства не може быть добре въ Украинѣ и нѣгде. А такого **зъедночєня**», то есть **соединения**, «Руси боятсѣ барзо вшелякие народы: турки, нѣмѣци, орда и поляцѣ». И завершается «трактат» обращением к Господу Богу: «Що и въ Киевѣ и во Украинѣ буде, если полякы Киевѣ озмут, а москва зъ Кієва уступят, од чого, Пане Бже, тылко заховай. А **рус всю зъ цремь московскимъ ... зъедночи**», соедини.

Иначе говоря, подвластность Украины Днепровской «царю Московскому» означает соединение руси: и той, которая обитает, в частности, в «нашей Украине», и той, которая называется «москвой».

Но достаточно об этом сочинении, написанном здравомыслящим обитателем Малой России, русским человеком и по месту проживания на Украине Днепровской украинцем, в назидание его и нашим современникам — «руси украинской» и «руси московской», а также «руси белой», то есть всему русскому народу.

Далее следуют три рецензии и три статьи на темы, которым посвящена основная часть книги. Обратимся сначала к содержанию статей.

Первая из них («Приложение 5») называется «Что такое “Киевская Русь” и чьим учеником является Филарет Денисенко?».

В ней автор книги критикует слова о «Крещении Руси» преданного анафеме киевского долгожителя Михаила Антоновича Денисенко, который сам себя называет «Филаретом» и «патриархом Киевским и всея Украины-Руси», а именно: «*Этот праздник наш, украинский*. И нужно это осознать, потому что речь идет о крещении *Киевской Руси*, не Московской. Москвы в то время не было, и поэтому им праздновать рано». На это утверж-

¹⁴⁵ Крепко привязаться к царю Московскому.

¹⁴⁶ Слово «зостала» (от польск. *zostać*) Ф. А. Гайда ошибочно перевел как «процвела бы».

¹⁴⁷ Как при святом Владимире.

¹⁴⁸ Пользы или выгоды.

дение Ф. А. Гайда вполне резонно заметил, что в X веке не было не только «Москвы», но и «Украины». Но, приведя слова киевлянина Денисенко, москвич Гайда истолковал их на удивление следующим образом: «Филарет под “Киевской Русью” понимает некое государство со столицей в Киеве, которое более тысячи лет назад приняло христианство и которое ни в коем случае не стоит путать с совершенно другим, более поздним государством — Московской Русью». И далее добавлено, что для «Филарета» в X веке существовала не «Русь», а «Киевская Русь! Именно так называлось государство!». А уже в связи с этим своим умозаключением Ф. А. Гайда предпринимает «небольшой исторический экскурс».

Из него мы, прежде всего, узнаем, что «в древности понятие “Киевская Русь” никогда не использовалось. Название страны и народа было просто слово “Русь”. Как этническое самоназвание оно использовалось уже в договорах Олега и Игоря с греками 912 и 945 гг. Византийцы уже тогда называли Русь “Росией”». И следом вышесказанное к нашему новому удивлению иллюстрируется такими цитатами из русской словесности XI–XV или даже более позднего времени: «язык (т. е. народ) русский», «Руская земля», «русьстии людь», «людем русьским», «Руськая земля», «русский народ». После чего объявляется: «при этом изначально Русью называлась вся государственная территория». И об этом, якобы, сообщается в «Слове о законе и благодати» («середина XI в.») и в летописях Лаврентьевской «с 1015 г.» и Ипатьевской «с 1125 г.». И тут же, не переставая удивляться, узнаем: «лишь после распада единой государственности название “Русь” в узком смысле этого слова закрепляется за Средним Поднепровьем и Киевщиной». Из летописей Ф. А. Гайде известны и годы, с которых такое «закрепление» в неведомых источникам «Среднем Поднепровье и Киевщине» учинилось: «в Ипатьевской — с 1140 г., в Лаврентьевской — с 1152 г.».

Подводя же итог такому «небольшому историческому экскурсу», Ф. А. Гайда поведал: «Слово “Русь” (наряду со словом “Россия”) использовалось и в исторической науке со времени ее возникновения (!), для обозначения обширного пространства, на котором формировалась и развивалась русская государственность в IX–XIV вв.».

Слово «русь», однако, в нашей словесности, как уже выше отмечалось, по XVII век включительно указывало на людей, род, на-

род. Земля этого рода, или народа, называлась Русской землей, или Россией. Ее пределы с IX или X века только расширялись отсюда, где находится Киев с его окрестностями. И если кто-то имеет доказательства, опровергающие эти утверждения, основанные на прямых свидетельствах памятников нашей, а также иноязычной словесности, он должен представить их с опорой тоже на источники. Но прежде, чем ссылаться на летописи или другие памятники нашей и чужеземной старинной словесности, любой человек, даже получивший, по словам Ф. А. Гайды, «специальную историческую подготовку» (с. 101), должен быть осведомлен на предмет того, что собой представляют эти памятники как исторические источники. И если такая первоначальная работа будет произведена, тогда любознательный читатель узнает, что «Луврентьевская» и «Ипатьевская» летописи содержатся в одноименных рукописях соответственно 1377 года и первой четверти или трети XV века, и что они представляют собой своды и редакции известий различного времени и места написания. А получив такие знания, читатель уже поостережется указывать годы с известиями новгородского и суздальского происхождения о поездках местных жителей «в русь» как на свидетельства того, что в эти различные (!) годы «название “Русь” в узком смысле этого слова закрепляется за Средним Поднепровьем и Киевщиной». К тому же, где и кем «закрепляются»: на «Киевщине», в Новгороде, в Суздале? И к этой осторожности читателя побудило бы также известие под 6406 (898) годом из той части обеих летописей, называемой обычно «Повестью временных лет», которое прямо указывает на обитателей «Киевщины» под названием «поляне» как на первых из «словен», воспринявших имя «русь»: «поляне яже нынѣ зовома русь»¹⁴⁹.

Да и вся эта «Повесть» в последующих своих известиях свидетельствует, что Русская земля, которую Ф. А. Гайда вслед за «специалистами по Древней и Средневековой Руси» обзывает «Русью», непременно помещается в пределах «Киевщины». А вот прямых свидетельств о Русской земле, охватывающей такие города, как Новгород, Суздаль, Полоцк и *Владимир* (позднее назывался Владимир Русский¹⁵⁰ или, как ныне, Владимир Волынский),

---

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 25–26.

¹⁵⁰ «Владимир Рускій» (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. С. 159).

она не содержит. Не обнаруживаются такие свидетельства и в каких-либо иных произведениях русской словесности XI — начала XII века. И только во «введении» к Повести русью называются уже не только поляне, но и некоторые другие славянские роды, упоминаемые в рассказах этой Повести: «се бо токмо словѣнскъ языкъ в руси поляне деревляне ноугородьци полочане дреговичи сѣверъ бужане зане сѣдоша по Бугу послѣже же вельняне»¹⁵¹.

Но это известие, характеризующее родовой славянский состав руси, явно противоречит предшествующим и последующим сообщениям Повести об отличии руси и полян, обитающих в Киеве, от всех прочих «словен», что может объясняться только позднейшей вставкой этого текста в начальную русскую «повесть». Точно можно утверждать, что случилось это не позднее 1377 года, которым датирована «Лаврентьевская летопись». В отношении же ранней даты, остается только догадываться на основании отдельного исследования, которое, увы, до сих пор не проведено.

Теперь о «крещении Руси». Да будет ведомо «граду и миру», в том числе руси киевской и московской, что в памятниках русской книжности по XVII век включительно такого словосочетания вовсе не обнаруживается. Зато в них, по обыкновению, читается о крещении или просвещении святым крещением Русской земли князем Владимиром¹⁵². Да и в рассказе о принятии крещения Владимиром и крещении людей его на Днепре говорится: «Господь Исус Христос иже възлюбил новыя люди Русьскую землю [и] просвѣтил ю крещеньемъ святымъ», или «Господь Исус Христос иже възлюбил новыя люди Рускую землю и просвѣтити ю крещениемъ святымъ»¹⁵³.

---

¹⁵¹ Там же. Стлб. 11. Ср.: «грамота словѣнская яже грамота есть в руси и в болгарѣх дунаских» (Там же. Стлб. 26).

¹⁵² Например, в Повести под 6545 (1037) годом читаем: «Володимиръ [землю] взора и оумячи рекше крещениемъ просвѣтивъ» (ПСРА. Т. I. Стлб. 152); «Володимиръ землю разора и оумячи рекше крещениемъ просвѣтимъ» (ПСРА. Т. II. Стлб. 140). И далее в «Лаврентьевской летописи»: под 6677 (1169) годом «Володимиръ иже бѣ хрестилъ землю Русьскую» (ПСРА. Т. I. Стлб. 357) и в «Ипатьевской летописи»: под 6680 (1172) годом «иж крестилъ землю», под 6737 (1229) годом «иже бѣ землю крестилъ», а также в перечне князей Киевских «до избитья Батыева», предваряющем эту летопись: «Володимиръ иже княжи в Киевѣ иже просвѣтилъ землю Роускоюю святымъ крещениемъ» (ПСРА. Т. II. Стлб. 1, 554, 758) и т. д.

¹⁵³ ПСРА. Т. I. Стлб. 119; Т. II. Стлб. 103.

Так что, выражаясь просторечно, тут «не в теме» ни «Киевская Русь», ни какая-либо иная «Русь», хотя крещение Русской земли, конечно, началось на Днепре у Киева с крещения людей под названием русь. Но еще при Владимире оно продолжилось в Новгороде и в других городах и волостях за пределами изначальной Русской земли. А потому впоследствии, когда Русская земля «расплодилось» на все эти волости, крещение Владимирово и более позднего времени уже стало пониматься как крещение всей большой Русской земли, что и отметил, например, новгородский летописец XV века. Воспроизведя рассказ «Повести» о крещении на Днепре и о том, что Иисус Христос «възлюби новыя люди Рускую землю просвѣти крещениемъ святымъ», он под 6497 (989) годом записал: «Крестися Володимиръ и вся земля Руская»¹⁵⁴. И в эту всю Русскую землю этот летописец в дальнейшем помещает и Новгород, и Москву.

Что касается слов «государство» и «господарство», то они утверждаются в русской словесности лишь в XIV–XV веках, а слово «государственность» — только в XIX веке. Ранее XIV века русскими писателями, по обыкновению, использовались лишь такие слова, как власть, волость, княжение или княжество. И с X или XI века в Русской земле и, говоря словами Константина Багрянородного, во «внешней Русской земле», или, как писали в Новгороде в XII или XIII веке, во «всей просто земле Русской», было много волостей и княжений. Их число в Русской земле, или России, начинает сокращаться с XIV века, пока в XVI веке не осталось только три государства. Одно принадлежало царю и великому князю всея России (России), второе — великому князю Литовскому и Русскому, третье — королю Польскому как господарю Русской земли, или России, в бывшем Княжении Галицком. И вообще слово «государство» или в первоначальном написании «государьство» происходит от имени «государь», которое в русском языке прочно утверждается только во второй половине XV века. И еще в XVII веке государство рассматривалось как собственность государя. Да и Государь Император Николай Александрович еще называл себя, по роду занятий, хозяином земли Русской.

Поэтому нет исторических известий, которые оправдывали бы такие утверждения, как: «Русь — это государство», «государство

---

¹⁵⁴ ПСРА. Т. III. С. 158–159.

Киевская Русь» или «государство Московская Русь». И «византийцы», точнее, греческие писатели, никогда не называли «Русь «Росией»». Как свидетельствуют тексты на греческом языке, начиная с IX–X веков, для руси и Русской земли (России) употреблялись однокорневые, но, всё же, разные слова, которыми обозначались соответственно народ и его земля. Между прочим, об этом имеются ясные свидетельства в той книге М. В. Библикова, на которую ссылается Ф. А. Гайда (с. 173).

Про само же выражение «Киевская Русь» можно сказать, что в русской словесности оно известно, по крайней мере, с 1649 года, а именно из статейного списка Г. Унковского, посланца царя Алексея Михайловича «в Запороскую землю к Богдану Хмельницкому». Правда, тогда под ним понимались не страна (земля) и государство, а люди, живущие в Киеве и в Киевской земле: «Да Григорей же Унковской, будучи в Запороской земле, проведал всяких вестей, что Коруны Польские послов воеводу брянславского Адама Киселя отпустил гетман ис Переяславля в великий пост с тем, что *гетман и войско Запороское и вся русь киевская* подо властью польского короля и панов рад быть *не хотят*, и паны б рада на православных христиан на Войско Запороское и на *всю русь* не наступали и *крови их* не проливали, и разоренья им не чинили»¹⁵⁵.

Только так русин, или русский человек, мог понимать словосочетание «*русь киевская*» и раньше, если оно вообще прежде употреблялось, чего исключать, конечно, никак нельзя. Во всяком случае, в XVI веке его на польском языке привел в заглавии своей книги М. Стрыйковский, наряду с другими местами обитания руси: «Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси Киевской, Московской, Северной, Вольнской, Подольской, Подгорской, Подляшской и т. д.» (Kronica Polska, Litewska, Zmodzka, wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewerskiej, Wołhińskiej, Podolskiej, Podgórdkiej, Podlaskiej etc). А потому Ф. А. Гайда прав, что «в древности» то «понятие “Киевская Русь”», которое он имеет в виду, «никогда не использовалось».

В самом деле, только в ученых головах XIX–XX веков «Киевская Русь» сначала нарисовалась в качестве, по словам Ф. А. Гай-

---

¹⁵⁵ Воссоединение. Т. II. № 60, с. 158. Здесь все имена напечатаны с большой буквы по воле издателей.

ды, «Киевской области», потом развилась в «первый (киевский) период истории России (X–XII вв.)», наконец, превратилась в «официальное именование восточно-славянского государства IX–XII вв. со столицей в Киеве», или в «Киевское государство». И произошло последнее перевоплощение уже тогда, когда раздавалась «Сталинская премия». «С тех пор термин “Киевская Русь” стал применяться именно в этом — сталинском — значении», добавим от себя, уже не только колумбами от истории, но и «просвещенными этносами». А вместе с тем произвели окончательно русь в «Русь», исключили из России, как из партии, «Украину» и Белоруссию, ограничили Россию «Московией» и обозвали русских «тремя восточнославянскими народами». Так что «великий, могучий, правдивый русский язык» теперь с неизменным смирением покоряется такими словосочетаниями, как «русско-украинские отношения», «Россия и Украина»¹⁵⁶ или «союзное государство России и Белоруси». Но не будем впадать «в отчаяние при виде всего, что совершается дома», даже если юный «Миша Денисенко» вкусил богато от сих плодов просвещения, так что насытился ими до конца своего «патриаршества», а ученые мужи продолжает пополнять научно-историческое лукошко плодами сорта такого же.

Между тем в «Приложении 6» под названием «1596 г. “Украинцы” против казаков, или о чём умолчал Грушевский» (с. 169) Ф. А. Гайда совершенно верно подметил лукавство «историка М. Грушевского», когда этот последний перевел с польского языка имя *ukraincy* как «українська піхота» с целью избежать противопоставления казаков и украинцев. Ведь еще при жизни этого «историка» в изначальной Русской земле некоторые разночинцы, обозвав себя «украинцами», уже стали *писню спивати* о том, что они «козацького роду».

Действительно, в послании гетмана С. Жолкевского к Польскому королю, в котором впервые, правда, еще не в русской письменности, обнаруживается имя *ukraincy*, люди под таким названием

---

¹⁵⁶ Самый свежий образчик такого псевдоисторического сочетания имен представляет собой название сборника статей научного сотрудника Института славяноведения РАН К. А. Кочегарова: «Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019». Подстать тому и содержание этих «очерков»: полный набор историографических мнимостей касательно народных и земских имен, искажающий историческую действительность России второй половины XVII столетия.

выступают совместно с венгерской пехотой против днепровских казаков, которые приняли участие в восстании Северина Наливайки.

Но и в этой статье автор не избежал уподобиться и «патриарху» Денисенко, и «историку» Грушевскому. Говоря об отступлении Наливайки, автор статьи поведал, что этот предводитель восстания русского народа в России, подвластной Короне Польской, «не смог пробиться к русской границе», то есть к рубежам Московского Государства. Вот бы Наливайко удивился, прочитав о том, что он из Русской земли шел к границе «русской», а не к «московской». Ведь и сам Наливайко, и его земляки в XVI веке и в следующем столетии, еще раз подчеркнем, называли свою землю Россией, а землю «царя Московского», по обыкновению, — землей Московской или Великим Княжеством и Царством Московским.

Такого рода смесь правды с кривдой обнаруживается также в последнем «Приложении» под названием «Русские, русины, россияне». Здесь снова читаем ошибочное утверждение, что «**”Россия” и “Русь” — появившиеся одновременно синонимы**» (с. 172). И тут же сообщается про «этноним “Рос” (Ρως) и топоним “Росия” (Ρωσία)», которые «появляются в византийских источниках IX–X вв.». А потом говорится, что «в договоре князя Олега с греками, который датируется 911 г., фиксируется “русь”, причем именно в значении народа». Но в каком еще значении слово «русь» могло тогда употребляться? Оказывается, читаем дальше, «в договоре Игоря с греками 944 г. Русь уже упоминается как страна», что «Игоря с греками» весьма удивило бы — и про «страну», то есть в понимании руси X и последующих веков про сторону¹⁵⁷, и про «Русь» в значении земли и страны. Ибо в качестве обозначения земли руси в том же договоре, как и в договоре Олега с царями Греческими, употребляется имя «Русская земля»: «от всѣх людий Руския земля», «от всѣх людий Русское земли». К тому же, в договоре великого князя Русского Игоря с царями Греческими находим только словосочетание «от страны Руския»¹⁵⁸, то есть со стороны русской.

---

¹⁵⁷ Ср. «оуряд положиша межю Грецкою землею и Роускою. и клятвы не пре-стоупити ни Греком ни Роуси. и живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странам», то есть со всех сторон (ПСРА. Т. I. Стлб. 38)

¹⁵⁸ ПСРА. Т. I. Стлб. 47–53; Т. II. Стлб. 36–41.

Да и сам Ф. А. Гайда ниже приводит большой список произведений русской словесности XI–XVII веков, в которых обнаруживаются «этноним “русин/русь”» или его заместители, но ни разу не приводит примера, который подтверждал бы его утверждение, что «Русь... страна», то есть земля. Но при этом находит почему-то лишь в «Слове о законе и благодати» исконное имя земли руси, или русских людей и, позднее, русского народа, русских, — «Русская земля». Разве Ф. А. Гайда не знает, что сама наша первая летописная повесть посвящена именно прошлому Русской земли, что не только видно из её содержания, но также из ее названия: «Се повѣсти времяньных лѣт откуду есть пошла Руская земля кто в Киевѣ нача первѣе княжит и откуду Руская земля стала есть». А сколько ещё других произведений нашей словесности, известные от XI–XVII веков, называют нашу землю не «Русью», а Русской землей (!) — именем, почти изгнанным со страниц и научной, и учебной исторической литературы в последние сто лет.

Другое дело, что, как выше говорилось, под Русской землей изначально понимался и род (народ) русь, а не наоборот, как бездоказательно с XVIII века и по сей день, по обыкновению, утверждается историографами. Поэтому история Русской земли — это история и руси, или русских людей, русского народа, русских, а также россиян. Отсюда, еще раз подчеркиваем, — историческая и научная нелепость приложения к родовым и земским именам прошлого таких современных излюбленных терминов, как «этноним» и «топоним» или «хороним». Понятия, обозначаемые этими терминами, явно противоречат понятиям, с которыми названия родов (народов) и их земель предстают в наших древних памятниках письменности.

Впрочем, и в приводимых Ф. А. Гайдой цитатах из произведений русской словесности в одном случае обнаруживается не правильное прочтение источника. Гайда утверждает: «в Галицко-Волынской летописи под 6795 (1287) г. — “русци”». В тексте же самой этой «летописи» сообщается: князь Владимирский Владимир Василькович «приѣха Володимѣрь ѣха во епископью ко святѣ Богородици и созва бояры Володимѣрьскыя... и мѣстичѣ Роусци и Нѣмцѣ и повелѣ передо всеми чести грамоту братноу о даньи землѣ и всѣх городов и столного города Володимѣря»¹⁵⁹.

---

¹⁵⁹ ПСРА. Т. II. Стлб. 905.

Как видим, здесь называются не «русские и немцы», а «мистичи русские и немцы» стольного города Владимира. А «местом (мистом)» в западных наречиях русского языка называлось торгово-ремесленное поселение при городе, или замке.

Именно так, ошибочно, как и Ф. А. Гайда, понял смысл слова «роусци» писатель, из-под пера которого вышел список «Галицко-Волынской летописи» во второй половине XVI века. В этой так называемой «Хлебниковской рукописи» вместо «роусци» написано имя существительное «роус»¹⁶⁰, которое постоянно встречается в качестве народного имени во всей «Ипатьевской летописи», третьей частью которой является повесть о событиях в Княжениях Галицком и Владимирском. При этом следует заметить, что писатель XVI века всё-таки написал не «русские», а «русь», ибо первое имя ему было неизвестно, в отличие от второго — всё ещё употреблявшегося имени его народа. Что же касается прилагательного «роусци», то в этом слове, несомненно, в окончании по невнимательности писца была пропущена буква «и» или «ѣ». В правильном написании оно предстало бы так, как в словосочетании, например, «князи Роусции (Роусѣи)» из той же «Галицко-Волынской летописи»¹⁶¹.

В свою очередь вызывает удивление и то, что Ф. А. Гайда, справедливо опровергая измышление, которое распространено в «украинской публицистике» на предмет того, что «самоназванием населения Великого княжества (Государства) Московского было *“москвитяне”* или *“московиты”*», ссылается на французского писателя начала XVII века Ж. Маржерета. Тем более ссылается на русский перевод, в котором допущен явный анахронизм в использовании имени существительного «русские», не известного в нашей словесности XVII века. Не правильнее бы было, говоря о самоназвании жителей Московского Государства, или, как тогда еще писали, «великих государств Российского Царствия», или Московского Российского Государства, сослаться исключительно на русские источники «московского» происхождения!? Ведь только в них обнаруживаются самые точные свидетельства о самоназвании подданных царя и великого князя всея России (России).

---

¹⁶⁰ «мѣстичѣ роус и нѣмци» (Там же. Вариант 26).

¹⁶¹ Там же. Стлб. 876, 897.

А дальше опять начинается обычная песня про «этнонимы» и прочие слова, которые в «чернильных» головах XVII–XXI веков то ли употреблялись как заместители имени «русь» — «русские люди» и «русский народ», то ли — как нечто, по-разному толкуемое. К этому «нечто» автор относит имена «русские» и «россияне». И к их разным толкованиям добавляет еще одно — свое личное. Отметив «путаницу», которая в XX веке произошла в отношении «понятий “русский” и “россиянин”», Ф. А. Гайда, в свою очередь, внес в эту путаницу и свою лепту. Иначе как можно расценить такие последние его утверждения: «Именно существительное “россиянин”, которое ныне означает гражданскую принадлежность, является тождественным древнерусскому слову “русин” и связано с этнической, племенной принадлежностью. И наоборот, субстантивированное прилагательное “русский” изначально имело более широкое значение принадлежности к территории и государственности Руси».

Кстати сказать, о «племенной принадлежности». Какой-то умник, в первой половине XIX века (когда точно, «науке об этом еще неизвестно»), употребил слово «племя» в значении *род* или *народ*: племена галлов, германцев, славян и так далее. Тем самым он наполнил это слово новым смыслом, неведомым прежней русской словесности, в которой племенем называли потомство, как, например, «племя Мономахово». Между прочим, этот изначальный смысл и сегодня обнаруживается в таких выражениях, как: «какого он рода-племени», то есть из какого человек происходит рода и чьим является потомком; или «племенной бык», то есть бык, способный к воспроизводству потомства. Отсюда пошла и такая историографическая мнимость, как «восточнославянские племена» полян, кривичей, дулебов и прочих, искажающая историческую правду, которая обнаруживается в памятниках нашей старинной словесности в делении «словен», или славян, как и других «языков», по родам. И этому слову «род» соответствовали латинский «gens» и греческий «этнос». Вспомним также, что и в договорах X века с Греческими цесарями говорится о «роде Русском».

Все основные замечания и примечания, с которыми выше любознательный читатель мог ознакомиться в отношении сочинений самого Ф. А. Гайды, в полной мере относятся и к тем произведениям исторической словесности, на которые он поместил отзвы в «Приложении» под номерами 2–4. То книга А. П. Толочко

«Киевская Русь и Малороссия в XIX в. К. : Laurus, 2012. 256 с.» и два сборника статей: «Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе: Сборник статей. М. : Институт славяноведения РАН; СПб. : Нестор-История, 2016. 320 с.» и «Нарративы руси конца XV — середины XVIII в. : в поисках своей истории / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М. : РОССПЭН, 2018».

Если кратко выразить их научное содержание, то оно сводится к словам героини чеховской «Свадьбы»: «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном»¹⁶².

О том же, иными словами, писал и Л. Толстой («О жизни»): «Я вижу целый ряд новых понятий и слов, имеющих свое условное значение в научном языке, но не имеющих ничего общего с существующими понятиями... Человеческий язык вытесняется все более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпюк, отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный — не существующими словами называет несуществующие понятия.

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если же можно употреблять слова как попало и под словами разуместь, что нам вздумается, то лучше уж не говорить, а показывать все знаками».

В самом деле, и книгу А. Толочко, и статьи из двух сборников объединяет то, что их авторы, указывая на умозрительное и книжное происхождение различных народных, земских или географических имен, а также воззрений на русскую историю, сами, в свою очередь, наполняют эту последнюю новым «научным воляпюком». Как и писатели XVI–XX веков, о которых в основном идет речь в этих сочинениях, их достойные преемники начала XXI века судят о прошлом, исходя преимущественно из понятий и представлений века сего, своих

---

¹⁶² Например, Разумейка Невтонович, разъясни смысл названия ещё одного сборника, упоминаемого Ф. А. Гайдой: Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М. : РОССПЭН, 2017.

личных в частности. Отсюда их ученые труды представляют собой ви-негрет из имен и выражений, и как следствие понятий, различных вре-мен и народов с присовокуплением к ним словосочетаний или опре-делений, обозначающих нечто исторически беспредметное, а потому и самим их творцам явно не понятное. Но зато отдана дань новизне и оригинальности, указывающей на пресловутую ученость сочините-ля. При этом происходит, по обыкновению, подмена исторических имен названиями позднейшего измышления или сам смысл их по ка-кой-то причине искажается, а также на основании отдельного слу-чая делаются обобщающие выводы. Иначе говоря, читателю являет-ся не та эпоха, которой посвящается книга или статья, а вневременная картина, наполненная различными историческими реальностями и умозрительными мнимостями: в данном случае географическими и народными. Конечно, никто, даже в отношении своего времени, не говоря уже о делах давно минувших лет, не может быть вполне правдивым. Но, если историописание есть дело научное, то оно, как и всякая научная работа, должно исходить из корневого понятия на-уки — быть точным или, во всяком случае, стремиться к точности, хо-тя бы в употребляемых именах и терминах. Задание историку состоит именно в том, чтобы исследовать в первую очередь смысл слов, вы-ражений, текстов или иных культурных явлений, которые запечатле-лись в исторических памятниках, на предмет их временной и духов-ной, земской и народной принадлежности. И в зависимости от того, насколько точным будет такое исследование, настолько и правдивым или прочным в своих частных темах явится и самое строение на этом понятийном фундаменте. Изображение же «иного своим» историк оставляет на долю художнику пера, кисти и резца.

В неисторичности «научного воляюка», а именно в употреб-лении отвлеченных слов, выражений и определений, часто «тер-минов» иноязычного происхождения, а также смеси разновре-менных имен и обозначаемых ими понятий, и заключается суть главной проблемы современной исторической науки. И этой про-блемы, увы, Ф. А. Гайда не обнаруживает в рецензиях на упомяну-тую историческую литературу. Ибо, отмечая, в целом вполне об-основанно, частные достоинства и недостатки этих сочинений, он и сам их представляет посредством того же «научного воляюка», которым отчасти характеризуются, как выше мы видели, и его собственные ученые изыскания, чем, несомненно, умаляет науч-ную ценность своих наблюдений, оценок и конечных выводов.

А. А. Селин. Столбовский мир 1617 года. Изд. 2-е, испр.
СПб. : БЛИЦ, 2019. 208 с.

Новую книгу петербургского историка Адриана Александровича Селина можно рассматривать как своего рода приложение к его предыдущему большому исследованию о российско-шведской границе в XVII столетии, где об обстоятельствах заключения самого Столбовского мира сказано очень кратко, хотя установлению пограничной линии в соответствии с этим важнейшим договором уделено значительное внимание¹. Книга выходит уже вторым, исправленным, изданием. Первое появилось в 2017 г. — к 400-летию юбилею, который был отмечен в России и Швеции рядом научных конференций и выставок, а также публикаций (в общем, немногочисленных)². Нельзя сказать, что юбилей отмечался как-то особенно широко, хотя незамеченным он не прошёл. При этом организованные в ознаменование годовщи-

---

¹ Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.): Формирование. Функционирование. Наследие: Исторические очерки. СПб., 2016. С. 38–137.

² См. прежде всего: Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства: Материалы научной конференции / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2017; Коваленко Г. М. «В соединенье с Московским государством»: Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. 1613–1617 гг. Великий Новгород, 2017. Кроме того, подготовлен к печати, но до сих пор, к сожалению, не опубликован англоязычный сборник статей по итогам конференции, которая состоялась в феврале 2017 г. в шведском Лунде (бывшем, кстати, в 1617 г. датским городом — здесь можно усмотреть некую иронию истории).

ны мероприятия показали, что в российской культурной памяти Столбовский мир по-прежнему воспринимается главным образом в контексте «утраты выхода к Балтийскому морю». Попытки рассмотреть его в ином ракурсе иногда даже вызывают возмущение³.

Если говорить об академической историографии, то разумеется, договор не раз привлекал внимание исследователей, которые занимались им в первую очередь в контексте российско-шведских дипломатических отношений⁴. Из отдельных аспектов лучше всего изучены, пожалуй, торговый⁵ и связанный с установлением новой границы⁶. Однако большинство подобных работ вышли достаточно давно, между тем за последние десятилетия пробле-

---

³ См., например, свидетельство сотрудника Музейного агентства Ленинградской области В. Андрохановой в связи с конференцией и выставкой «Столбовский мир. Доброе дело» в Петербурге и Тихвине: «Некоторым не понравилось само название конференции и выставки — “Доброе дело”, хотя это прямая цитата из документа того времени. Мол, какое же оно доброе, если Россия потеряла стратегические территории, крепости Северо-Запада, выход к Балтике?! Некоторые даже заявили: “Не будем участвовать в конференции с таким названием!”» (цит. по: *Глезеров С.* Мир, который вызывает раздоры // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 1 июня: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/mir_kotoryu_vyzyvaet_nbsp_razdory).

⁴ Чаще всего упоминаемые работы общего характера: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857; *Sveriges krig 1611–1632.* Stockholm: Generalstabén, 1936. В. 1. *Danska och ryska krigén.* S. 481–494, 535–565; *Замятин Г. А.* Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года / Публ. Я. Н. Рабиновича // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 341–376: <http://www.spbiiran.nw.ru/нис-1626-2016> (статья была подготовлена к печати в 1951 г.); *Рабинович Я. Н.* Столбовский мир: победа или поражение? // Вестник Челябинского государственного университета: Серия 1: История: Вып. 25. 2008. № 18 (119). С. 27–39: <https://cyberleninka.ru/article/n/stolbovskiy-mir-pobeda-ili-porazhenie>.

⁵ См. прежде всего: *Soom A.* De ingermanländska städerna och fredén i Stolbova // *Svio-Estonica: Årsbok utgiven av Svensk-estniska samfundet vid Tartu Universitet = Akadeemilise Rootsi-Eesti Selti aastaraamat.* Tartu, 1936. Vol. III. S. 34–45; *Aitman A.* Fredén i Stolbova: En aspekt // *Scandia: Tidskrift för historisk forskning.* 1948–1949. Bd. XIX. H. 1. S. 36–47: <https://journals.lub.lu.se/scandia/article/view/1178/964>; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964; *Troebst S.* Handelskontrolle, „Derivation“, Eindämmung: Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997. S. 54–75.

⁶ Тут следует, конечно, упомянуть автора рецензируемой работы (см., в частности, его книгу, указанную в сноске 1). Кроме того, см. ниже комментарии по поводу исследовательской литературы о Столбовском договоре.

матика исследований и наше видение эпохи существенно изменились. Что же касается незначительного числа сравнительно недавних публикаций, в которых так или иначе затрагивается вопрос о роли Столбовского договора (вроде замечательной в своей новизноте диссертации Штефана Трёбста о шведской политике в отношении торговли с Россией в 1617–1661 гг.), то сам факт их существования свидетельствует, на мой взгляд, о своевременности нового обращения к истории договора в контексте новейших достижений историографии. В общем, тема рецензируемой книги является актуальной не только с точки зрения того, что сейчас именуется *public history* (к слову, в этом смысле отличным примером служит упомянутая в сноске 2 работа Г. М. Коваленко), но и с точки зрения академической науки.

Начинается книга с введения (с. 6–23), в котором кратко описаны перипетии отношений Новгорода со Швецией и с Москвой и ещё более кратко (всего четыре страницы) — переговоры конца 1615 — начала 1616 г. в Дедерине («на Песках»). В последнем случае подобная лаконичность вызывает некоторое удивление, если учесть, что столбовские переговоры, один из основных предметов рассмотрения в работе, стали прямым продолжением дедеринских. Кроме того, здесь же хочется сделать ещё два небольших замечания по поводу введения. Первое касается времени отъезда дьяка Ивана Грамотина от Сигизмунда III. Автор относит это событие, очевидно, к ноябрю 1612 г.: «... король дошел до стен Москвы и повернул назад, потеряв под стенами Москвы своих, казалось, надежных сторонников: на Москву отъехали князь Д. И. Мезецкий и дьяк Иван Грамотин» (с. 11). Между тем Д. В. Лисейцев, специально и много занимавшийся судьбой Ивана Грамотина, пишет, что дьяк, побывав в ноябре 1612 г. под Москвой в составе посольства, имевшего поручение от Сигизмунда объявить его «государьский приход» и содействовать избранию на царство королевича Владислава (в состав посольства входил и Д. И. Мезецкий), и потерпев неудачу, вернулся затем в Польшу и доложил королю о провале миссии. Когда именно он опять оказался в российской столице, неизвестно, но вероятно, лишь в 1614 г.⁷ Второе, совсем мелкое, замечание связано с написани-

---

⁷ См., в частности: Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 96–99.

ем имени шведского представителя на дедеринских и столбовских переговорах, выборгского наместника Арвида Тённесона, как «А. Т. Вильдман» (с. 18 и далее по тексту). Он действительно известен под фамилией Вильдеман (*Wildeman* — буквально «Ди-карь»), однако использовать её стали лишь его сыновья⁸.

Первая глава посвящена истории исследования договора и публикации его текста. Вообще говоря, в пользу такой структуры можно привести некоторые аргументы, но лично мне показалось, что историографический и источниковедческий раздел логичнее было бы предпослать очерку, помещённому во введении. Досадно, что на второй же странице главы (с. 25, примечание 1), где автор любезно выражает мне благодарность за консультацию по поводу ранней, шведоязычной, версии труда Петра Петрея, неточно указан год выхода упомянутой версии — 1616-й, вместо 1615-го. Рискуя выглядеть совсем уж мелочным придирой, замечу, что страницей выше Петрей назван первым публикатором положений Столбовского договора, но как убедительно продемонстрировано самим же автором далее (с. 47), ещё в 1617 и/или 1618 г. текст договора был напечатан по-немецки — судя по некоторым данным, в Гамбурге, причём Петрей как раз мог пользоваться этим изданием. Так что за ним больше нельзя признавать приоритета в ознаменовании европейской публики со Столбовским договором (что, кстати, само по себе является важным выводом).

Ни в коем случае не желая упрекнуть автора (нельзя читать на всех языках), отмечу всё же, что круг рассмотренных в первой главе исследований, в которых более или менее существенное внимание уделяется Столбовскому договору, может быть несколько расширен. В частности, это касается финноязычных работ, которые у нас вообще, к сожалению, знают меньше, чем они того заслуживают. И если статья известного слависта Йоосеппи (или Иосифа) Юлиуса Микколы о ходе столбовских переговоров (впервые опубликованная в 1938 г.), сохраняет лишь историографическое значение, то вышедший тогда же труд Арви Корхонена «История рождения восточной границы Фин-

---

⁸ См. о нём: *Lappalainen M. Pohjolan leijona: Kustaa II Adolf ja Suomi 1611–1632*. Helsinki, 2014. S. 119–133; *Marjomaa R. Wildeman, Arvid Tönnenpoika // Kansallisbiografia*. 12.01.2001: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henki-lo/2352>.

ляндии», в котором подробно прослеживается процесс установления в соответствии с договором 1617 г. новой границы между Россией и Швецией, хотя и не лишён некоторых националистических обертонов, всё же основан на тщательном изучении как шведского, так и русского материала и высоко оценивается современными специалистами⁹. Кроме того, как мне кажется, достойны хотя бы беглого упоминания оценка Столбовского мира, данная в 1980-е гг. известным исследователем истории российско-шведских отношений XVII в. Клаусом Цернаком (по его словам, «с точки зрения политической мощи и влияния российской внешней политики на систему европейских государств, Столбовский договор фактически положил начало эпохе, продлившейся целых сто лет»)¹⁰, а также опубликованный Артуром Аттманом в 1979 г. на английском языке очерк столбовских переговоров, дополнивший его работы конца 1940-х гг. (см. прежде всего его статью, указанную в сноске 5)¹¹.

Жаль также, что автор рецензируемой работы проигнорировал проанализированный Ш. Трёбстом спор А. Аттмана с британским историком Майклом Робертсом о решающих факторах экспансионистской внешней политики Швеции раннего Нового време-

---

⁹ *Mikkola J. J.* Stolbovan rauhanneuvottelut venäläisen arkistoaineiksen pohjalta // *Historiallinen aikakauskirja*. 1938. No. 4. S. 268–298; *Korhonen A.* Suomen itärajan syntyhistoriaa. Porvoo, 1938. См. оценку, данную книге А. Корхонена, в историографической статье Киммо Катаялы: «...его труд до сих пор не имеет себе равных среди исследований по этой теме» («...his work is still unequalled as research into this topic») (*Katajala K.* From Conflict to Cooperation: Paradigm Changes in Finnish Research into the History of Karelia and the Eastern Border // *Imagined, Negotiated, Remembered: Constructing European Borders and Borderlands* / Ed. by K. Katajala and M. Lähteenmäki. Wien; Berlin, 2012. P. 94).

¹⁰ *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. 2. 1. Halbband. 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht / Hrsg. von K. Zernack. Stuttgart, 1986. S. 37–42. (Цит. фраза на S. 41: «Mächtropolitisch und in bezug auf die Wirkung der russischen Außenpolitik auf das europäische Staatensystem gesehen, setzte der Vertrag von Stolbovo in der Tat den Anfang einer Epoche von gut 100 Jahren Dauer».)

¹¹ *Attman A.* The Struggle for Baltic Markets: Powers in Conflict 1558–1618. Göteborg, 1979. P. 192–207. Эта книга основана на второй части его докторской диссертации (*Idem.* Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik: 1558–1595. Lund, 1944) и на работе, посвящённой периоду 1595–1617 гг., которая была написана также ещё в 1940-е, но до тех пор оставалась неопубликованной.

ни: по мнению Атмана, поддержанного ведущими шведскими специалистами второй половины XX в., эта политика зиждилась прежде всего на стремлении полностью взять под контроль всю торговлю Западной Европы с Россией, включая архангельскую («великая восточная программа» Юхана III), Робертс же наиболее активно отстаивал тезис т. н. старой школы, подчёркивавшей значение военно-стратегических соображений шведского правительства. Указанный спор имел прямое отношение к вопросу о роли Столбовского договора и, в частности, о его оценке Густавом Адольфом: по Атману, король испытывал разочарование от провала ширококомасштабных планов по контролю над торговлей и, пытаясь его скрыть, делал в своей знаменитой речи на открытии риксдага в Стокгольме 26 августа 1617 г. акцент на стратегическом значении захваченных территорий. Робертс, естественно, не соглашался с такой интерпретацией¹². Как, кстати, и другой критик концепции Атмана, И. П. Шаскольский, по словам которого, «есть все основания считать, что в Столбовском договоре шведские правящие круги получили успешное осуществление главной цели своей политики в отношении России; притом достигнутый успех был наибольшим за всю многовековую историю русско-шведских войн, ибо никогда ни ранее, ни позднее Швеции не удавалось овладеть столь важными позициями на территории Русского государства»¹³. Однако А. А. Селин почему-то заключает, что «И. П. Шаскольский дал оценку Столбовского мира как политического успеха обеих сторон» (с. 40). В то же время он приводит мнение Г. А. Замятина, вполне согласующееся с вы-

¹² См.: *Troebst S. Debating the Mercantile Background to Early Modern Swedish Empire-Building: Michael Roberts versus Artur Attman // European History Quarterly*. 1994. Vol. 24. No. 4. P. 485–509. Собственно, вышеупомянутая (в сноске 5) диссертация Трёбста представляет собой фундаментальную проверку применительно к 1617–1661 гг. (от Столбовского до Кардисского договора) «тезиса Атмана» в той его части, которая касается идеи «деривации» (переноса) российской торговли через Архангельск в балтийские порты, принадлежавшие Швеции. Трёбст доказывает важность этого мотива для шведской политики по отношению к России в рассматриваемый период.

¹³ *Шаскольский И. П. Столбовский мир...* С. 208 (сноска 16). Чуть ниже Столбовский мир назван «одним из наиболее тяжёлых, невыгодных договоров в истории нашей страны...» (Там же. С. 209). Оценка позиции И. П. Шаскольского в этом вопросе (как не лишённую некоторых противоречий, если говорить об экономических последствиях договора) см. также: *Troebst S. Handelskontrolle...* S. 75 (сноска 85).

водом Аттмана: «Г. А. Замятин считал также и шведские предложения в Дедерине, и прелиминарный договор в Ладоге поражением шведских политических амбиций. С его точки зрения, шведам не удалось реализовать “Великую восточную политику” и пришлось удовлетвориться лишь небольшим территориальным прирезком» (с. 38)¹⁴. А в другом месте, характеризуя работу Я. Котилейне (исходившего из принципиальной важности для шведской политики XVII в. идеи «деривации» российской торговли), А. А. Селин упоминает о «коронационной речи Густава Адольфа»¹⁵, «концепции» которой, по его словам, «вплоть до сегодняшнего времени имеют резонанс, даже в глобальной историографии» (с. 43). И хотя выводы самого Аттмана изложены автором рецензируемой работы вполне корректно (с. 37), вышеперечисленные высказывания с ними и друг с другом никак не соотношены и не поставлены в контекст указанного спора, который мог бы стать в данном случае ключом к изложению этого непростого историографического сюжета и позволил бы избежать возникшей здесь, как мне показалось, путаницы.

Очень интересен совсем небольшой (с. 46–51) раздел книги об истории публикации текста Столбовского договора. Во-первых, как было отмечено выше, автору удалось (благодаря помощи Г. М. Казакова) обнаружить два немецкоязычных экземпляра, напечатанных, согласно указаниям на титульных листах, уже в 1617 и 1618 гг. (по данным Н. П. Лыжина — в Гамбурге). Во-вторых,

---

¹⁴ Ср.: *Замятин Г. А.* Условия... С. 360–366. Г. А. Замятин не упоминает здесь Аттмана, но один раз ссылается на его предшественника, Ингвара Андерссона, тоже подчёркивавшего роль экономического мотива в шведской политике по отношению к России со второй половины XVI в.

¹⁵ Собственно, как уже отмечалось, то была речь на открытии риксадага в Стокгольме, коронация же состоялась в октябре в Упсале. Именно тогда Густав Адольф произнёс часто цитируемые слова по поводу ставшего пограничным Ладожского озера: «... отныне русскому трудно будет перепрыгнуть или перескочить через этот ручеёк...» («de ock skall Ryssen här efter blifwa swärt öfwer denna bäcken at hoppa eller springa...»): *Konung Gustaf II Adolfs skrifter*. Stockholm, 1861. S. 181. А. А. Селин тоже воспроизводит их (по книге Н. П. Лыжина, т. е. немного иначе) в третьей главе, отмечая, что «И. П. Шаскольский очень сдержанно написал о значении этой речи» (с. 109). Шаскольский, однако, оспаривал не саму по себе значимость территориальных приобретений Швеции, но их мотивировку необходимостью защититься от угрозы со стороны России: *Шаскольский И. П.* Столбовский мир... С. 202 (сноска 3).

в высшей степени важен и весьма неожиданен вывод, которым завершается раздел и первая глава: подлинный русский текст договора целиком до сих пор не опубликован! В существующих изданиях либо воспроизводится русский перевод 1617 г. со шведского экземпляра, либо напечатан только небольшой фрагмент, где речь идёт о торговле. (Замечу в скобках, что ещё хуже обстоит дело с российско-шведским Тязвинским договором 1595 г.: касающийся торговли фрагмент по сохранившемуся русскому списку издал в 1964 г. И. П. Шаскольский в приложении к своей монографии, полный же текст на русском известен лишь в устаревшем и притом неисправном переводе А. Чумикова со шведского оригинала¹⁶.) К сожалению, русский подлинный текст договора 1617 г. не напечатан и в рецензируемой книге, однако слова автора, что «современная публикация текста Столбовского договора только готовится» (с. 51), обнадеживают.

Вторая глава (с. 52–107) описывает ход переговоров с лета 1616 г., заключение самого договора 27 февраля 1617 г. (по юлианскому календарю, которого тогда, кстати, придерживались и в Швеции) и передачу в марте российским представителям Новгорода, Ладоги, Порхова и Старой Руссы (в названии главы ошибочно указано, что она доведена до сентября 1617 г.). Здесь мне представляется важным вопрос о роли религиозного аспекта. А. А. Селин, опираясь на выводы Г. А. Замятина, справедливо подчёркивает, что когда в сентябре 1616 г. в Москве собрался Земский собор, на котором обсуждались условия мира со Швецией, «мотив “оставляемых в руках чужеземцев православных душ” во все не фигурировал в официальных документах собора» (с. 63). Он приобрёл значимость лишь позднее и стал следствием ситуации, которая возникла именно в результате Столбовского договора. Как автор пишет ниже (в заключении), «идеология “возвращения земли” с православными подданными, изнывающими от религиозного гнёта, была использована как в середине XVII века, при авантюрном развязывании войны против Шведского коро-

---

¹⁶ Шаскольский И. П. Столбовский мир... С. 213–214; Мирный договор между Швециею и Россиею, заключённый 10 мая, 1595 г., близ Нарвскаго озера, на стороне Иваньгорода, в Тязвине / С шведского подлинника перевёл соревнователь А. Чумиков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Апрель — июнь. Кн. 2. С. 1–12.

левства, так и при идеологическом обосновании начала Северной войны» (с. 195). И конечно, будет большой ошибкой приуменьшать гибкость и прагматизм российских властей начала XVII в. и тем более без оговорок проецировать на эпоху Смуты, оценки, данные много позднее и в других обстоятельствах. Но я хотел бы в то же время отметить, что, по-видимому, определённые соображения религиозного порядка имели некоторое значение уже на стадии обсуждения условий договора. Так, в опубликованном в приложении к статье Г. А. Замятина приговоре Боярской думы о заключении мира со Швецией (10 февраля 1617 г.) читаем: «А из Великого Нова города митрополит и все люди пишут со слезами и к богу плачь возсылают, что они от свеиских людей в конец погибли, и истинная наша православная крестьянская вера греческого закона от них иссекает, и храмы божьи пустуют; и толко ныне государевы послы с свеискими послы доброго дела миру и покою не учинят, и Нову городу всему и соборной церкви Софеи Премудрости божьей и всем церквам, где славилось имя божье, будет конечное разоренье и безпамятное запустенье, а великих новгородских чудотворцев многоцелебные мощи от немецких людей будут во обругание»¹⁷. Разумеется, перед нами набор риторических формул, но существенно, что они включены в число приводимых аргументов в пользу заключения договора. В конце боярского приговора военно-политические причины поставлены в один ряд с религиозными: «А будет за что упрямятца и похотят розорвати, и того б по самой конечной неволе поступатца, а чтоб не разорвати, чтоб с свеиского стороны в те поры, как государь против полского короля учнет стояти, которое злое кроворозлитье не было, и Нову б городу и соборной апостолской церкви разоренья и чудотворцевым мощем поруганья не было, и рати б государевы все были на одну сторону противполского короля и полских и литовских людей»¹⁸.

Ценными мне кажутся также сделанные во второй главе наблюдения относительно спора о титулах на последнем этапе переговоров (с. 93–100, см. также с. 115–116, 154–155). Особенно в связи с вызванными этим спором попытками уточнений конкретного географического смысла таких понятий, как «Ижор-

---

¹⁷ Замятин Г. А. Условия... С. 375.

¹⁸ Там же. С. 376.

ская земля» и «Водская пятина»¹⁹. По словам автора, «в Москве и в русском посольском стане в Столбове действительно плохо представляли себе географию земель, которые должны были перейти под московскую юрисдикцию» (с. 94). «Ижора», согласно утверждениям российских переговорщиков, не сводилась к Ижорскому погосту Орешковского уезда, но включала более обширные территории, чем отходившие под власть шведского короля. Уже в 1618 г. московские послы в Швеции говорили: «... за государем нашим в Ижере Водская пятина, а в ней многие ижерские погосты» (с. 116). В итоге российская сторона всё же уступила по вопросу о включении Ижорской земли в шведский королевский титул (настояв, правда, на формуле «государь в Ижере», а не «государь Ижорской земли»), однако сумела отвергнуть аналогичные претензии шведов на использование выражения «Водская пятина».

В этой связи автор вспоминает примеры упоминания Ижоры, а также Шелонской и Водской пятин (почему-то он говорит о «топосе “пятина”») в титуле Юхана III (с. 99). Он ссылается на русские переводы грамот 1582 и 1592 гг. Между тем подобных примеров несколько больше. Ингерманландия вместе с Шелонской пятиной фигурирует в титуле Юхана III уже со второй половины 1581 г., когда он стал именоваться в частности «великим князем Финляндии, Карелии, Ингерманландии и Шелонской пятины в России и герцогом эстов в Лифляндии» («*storfurste till Finland, Karelen, Ingermanland och Solonski Pethin i Ryssland och över de ester uti Livland Hertig*»). (Кстати, титуловаться великими князьями Финляндии шведские короли начали как раз с того времени.) Позднее, в 1584 г., Шелонская пятина была заменена на Водскую. Не в составе титула «Ингерманландия» в контексте территориальных притязаний Юхана III упоминается с 1570-х гг., причём географически она понималась по-разному — границы её (как справедливо подчёркивает и автор рецензируемой книги, ссылаясь на диссертацию Каспера Кепсу) определились лишь с созданием в 1617 г. соответствующей шведской провинции. Указанный титул (с некоторой перестановкой слов, возможно случайной: «*storfurste till Finnland, Carelenn, Wätzkipetin och*

¹⁹ Часть приведённых здесь наблюдений автора по поводу Ижорской земли была им опубликована ранее, см., например: Селин А. А. Русско-шведская граница... С. 41–42, 64. То же касается ещё одного историко-географического сюжета — спора в Столбове о принадлежности т. н. Лопских погостов (с. 74–78): Там же. С. 39–41.

Ingermanland i Rydzland och öfuer the Ester udi Lifland hertigh») ещё в 1597 г., т. е. после Тявзинского договора, использовал Сигизмунд III в письме к датскому королю Кристиану IV (титул Карла IX выглядел уже иначе)²⁰.

Рассказ о торговой операции (в обмен на соболиные меха поставить две тысячи четей ржи из Нарвы в Псков и Новгород), предложенной перед самым завершением переговоров Якобом Делагарди российским послам и одобренной в Москве, занимает один абзац всё в той же второй главе книги (с. 103–104). Тем не менее это яркий и достойный упоминания штрих к хорошо известной предприимчивости шведского военачальника, на которую в своё время обратил специальное внимание Эрик Гриль²¹.

Последняя, третья глава (с. 108–192) называется «Реализация Столбовского мира». Сначала в ней рассказывается о процедуре ратификации договора (с. 112–119), о нежелании российских властей, несмотря на достигнутые договорённости, пропускать шведских купцов далее Пскова и Новгорода (и Ладоги) (с. 119–120), а также о борьбе обеих сторон за население областей, которые должны были быть переданы Швеции (причём в агитации в пользу Москвы весьма активно поучаствовал и Джон Меррик) (с. 120–125)²². Изложение здесь мне показалось несколько бег-

---

²⁰ В целом о Финляндии как великом княжестве в титулатуре шведских королей см.: *Juva E. W. Suomen suuriruhtinaskunta Ruotsin vallan aikana*. Helsinki, 1951. Passim. О Карелии, Ингерманландии и пятинах в титуле Юхана III: *Eng T. Det svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte*. Uppsala, 2001. S. 150–157; *Hallenberg M., Holm J. Man ur huse: Hur krig, upplopp och förhandlingar påverkade svensk statsbildning under tidigmodern tid*. Lund, 2016. S. 107, 290 (сноска 338). Об Ингерманландии как шведской провинции после 1617 г.: *Kepsu K. Den besvärliga provinsen: Reduktion, skattearrendering och bondeoroligheter i det svenska Ingermanland under slutet av 1600-talet*. Helsingfors, 2014. S. 47–103. Приведённый пример титула Сигизмунда III: *Res Polonicae ex Archivo regni Daniae*. Romae, 1969. P. 2 / Ed. C. Lanckorońska et G. Steen Jensen. S. 14. (Elementa ad fontium editiones. Vol. XX). См., кроме того, полезную работу об упоминаниях Ижоры в русских источниках (здесь использованы в том числе и материалы, обнаруженные и опубликованные А. А. Селиным): *Верховцев Д. В. Разные смыслы понятия Ижора (Ижорская земля) в документах 1478–1617 гг.* // Труды Института российской истории РАН. 2012. Вып. 12. С. 43–51.

²¹ *Grill E. Jacob de la Gardie: Affärsmannen och politikern 1608–1636*. Göteborg, 1949.

²² См. практически тот же материал об агитации, ведшейся в 1617 г. среди населения передаваемых территорий: *Селин А. А. Русско-шведская граница...*

лым, особенно в случае спора о правах шведских купцов. Автор лишь мимоходом говорит, что «в Пскове дело с постройкой шведского гостиного двора... чрезвычайно затянулось» (с. 216). Между тем вопрос о нём потом долго обсуждался на дипломатическом уровне, однако особый двор для купцов из Швеции так и не был построен в Пскове на протяжении всего XVII в.²³ Автору, разумеется, это хорошо известно²⁴, но интересно всё же, как он оценивает сложившуюся в данном случае ситуацию именно с точки зрения реализации Столбовского договора.

Основная часть третьей главы посвящена демаркации границы и передаче Гдова, который до 1621 г. оставался у шведов в качестве залога (с. 125–192). Однако этот сам по себе весьма важный и любопытный очерк уже был опубликован автором, даже в несколько более полном виде²⁵. Отмечу здесь только, что, на мой взгляд, в разделе о проведении границы в Карелии (особенно если его сравнивать с разделом о явно сильнее привлекающей автора Ингерманландии) не хватает карт. Единственная карта Карелии, помещённая в книге на с. 75 и показывающая участок границы от Финского залива до Ребол, недостаточно крупномасштабна, и на ней не разглядеть, например, ни Порозера (Поросозера), ни Унусозера, о спорах вокруг которых столько пишет автор. (К тому же на карте на самом видном месте ещё и опечатка — Паданский погост назван «Падайским».)

В заключении к книге содержатся самые актуальные, по моему убеждению, тезисы, с которыми лично я склонен солидаризироваться и за чёткое формулирование которых хочется особенно поблагодарить автора. Во-первых: «После ратификации Столбовского мира в 1618 г. последовало политическое сближение Стокгольма с Москвой и особое положение шведов в Московском царстве» (с. 193). Причём сближение это оказалось необычайно

С. 142–146.

²³ См., например: Юрасов А. В. К истории немецко-шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке // *Метаморфозы истории*. Псков, 1997. Вып. 1. С. 119–135: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-nemetskogo-shvedskogo-gostinogo-dvora-v-pskove-v-xvii-veke>. (Там же см. литературу, в том числе работы много об этом писавшего И. П. Шаскольского.)

²⁴ См., например: *Селин А. А. Русско-шведская граница...* С. 450–451 (со ссылкой как раз на указанную выше статью А. В. Юрасова).

²⁵ Там же. С. 42–112.

тесным, «подписав Столбовский мир, Москва получила нового надёжного союзника на Северо-Западе» (с. 194). Но во-вторых, «при слабом знании исторического контента и полном незнании современных тенденций в историографии... Столбовский мирный договор 1617 г. в современном российском обществе латентно травмируется (как и другие дипломатические акции, чьим результатом были территориальные потери) ...» (с. 196).

Однако как убедительность подобной оценки Столбовского мира, так и необоснованность его травматизации, становятся, на мой взгляд, в полной мере ясны при чтении рецензируемой работы вместе с двумя другими исследованиями автора — монографии о жизни Новгорода в период шведской оккупации 1611–1617 гг. (недавно книга вышла вторым изданием²⁶) и упомянутого выше несколько раз труда об истории российско-шведской границы в 1617–1721 гг.

---

²⁶ *Селин А. А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века: очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017.*

М. Ф. Шумейко

ОТ ЧЛЕНА ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА ДО ТАЙНОГО СОВЕТНИКА:

Александр Федута. Филомат в Империи:

Документальная повесть о Франтишке Малевском.

Минск: Лимариус, 2019. 464 с.

(Библиотека «Наш XIX век»)¹

Заканчивая книгу, автор рецензируемой документальной повести подчеркивает: «Написанная нами его [т. е. Ф. Малевского. — М. Ш.] биография не может считаться полной, но она — первая», и это действительно так! Обратившись к справочно-энциклопедическим изданиям (белорусским, польским, российским), мы не смогли обнаружить в них каких-либо сведений об этой личности. Нет статьи о Ф. Малевском как вице-президенте общества филаретов ни в 6-ти томной «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (между тем как здесь имеются статьи о его товарищах по обществу Ю. Ежовском, Т. Зане, А. Мицкевиче, А. Петрашкевиче и др.); нет о нем как о метриканте Литовской Метрики статьи и в библиографическом справочнике «Архівісты Беларусі» (между тем как здесь присутствует статья о его товарище по обществу и многолетнем корреспонденте М. Малиновском, метриканте Ст. Пташицком и др.). В чем тут дело? В середине книги (подраздел «Личность как жертва историографии») биограф задается вопросом, почему Франтишек Малевский, фигура яркая и неординарная, один из немногих руководителей общества

---

¹ Книга издана по результатам исследовательского проекта «Франтишек Малевский — хранитель памяти трех народов» (2018–2019), осуществленного при поддержке посольства Литвы в Республике Беларусь.

филомагов, ближайший друг и родственник «солнца польской поэзии» Адама Мицкевича, до сих пор не удостоился биографии, тем более, что значительная часть его архива была не только собрана, но и издана. Ответ, который дает он на свой вопрос, представляется нам обоснованным и вполне логичным: ставший благополучным чиновником после отъезда в 1829 г. поэта из России его будущий сват (дочь Малевского Мария в начале 1860-х гг. выйдет замуж за сына Мицкевича Владислава), дослужившийся до чина тайного советника, «не может быть героем своего времени» (читай — субъектом исследования в польской, а заодно и в белорусской и российской историографии).

Заметим кстати, что именно с этого подраздела рецензент рекомендовал бы читателям начинать знакомство с документальной повестью; в нем, по его мнению, заключен своеобразный «ключ» к пониманию личности героя. Впрочем, это взгляд историка (историографа), а не литератора (литературоведа), коим является автор рецензируемой работы. Но вернемся к ее началу, которое носит традиционный, одинаковый что для историка, что для литературоведа, источниковедчески-историографический характер. Подраздел называется «Об источниках и долге благодарности». Хорошую документированность жизни героя книги автор совершенно справедливо, на наш взгляд, связывает с его активным участием в деятельности тайных студенческих обществ в Виленском университете, членом которых был и «гениальный поэт Адам Мицкевич». Нельзя также не согласиться и с его объяснением причин угасания интереса польских историков к личности героя книги: «ссылный Малевский окончательно превращается в благополучного чиновника и становится никому не интересным». Не вызывает сомнения и предположение автора рецензируемой книги о том, что именно данным обстоятельством обусловлен тот факт, что никто из историков не заинтересовался служебными документами Малевского, находящимися в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга. От себя добавим, что автором были привлечены документы и других архивных, музейных и библиотечных хранилищ Литвы, Польши, России, в частности, Литовского государственного исторического архива (Вильнюс), библиотек Народовой (Варшава), Ягелонской (Краков), Музея литерату-

ры имени Адама Мицкевича (Варшава), Государственного архива Российской Федерации (Москва), Центрального государственного архива г. Москвы, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), ссылки на которые рассеяны по всей книге. При более чем обстоятельном источниковом фундировании повести автор обращает внимание читателей на оставшуюся не задействованной огромную корреспонденцию дочери Малевского Марии с ее женихом, а позднее мужем Владиславом Мицкевичем и выражает надежду на то, что «когда-нибудь те, кто знает французский язык и кого заинтересует судьба потомков Адама Мицкевича и Франтишка Малевского, смогут прочесть этот эпистолярный и мы узнаем о людях XIX века больше, чем знаем сейчас». Перечисление и благодарность в адрес более двух десятков лиц, среди которых известные белорусские, литовские, польские, российские историки, архивисты, литературоведы — это не только проявление научной этики со стороны автора книги, но еще и гарантия ее высокого научного уровня.

В последнем не приходится сомневаться, исходя не только из тщательности и обстоятельности документирования выдвигаемых предположений, наблюдений и выводов, но и наличия объяснений, какие способы применялись для их достижения. Особую привлекательность книге придают оригинальные, впервые вводимые в научный оборот, в том числе и факсимильным способом, письменные (например, формулярный список о службе тайного советника Малевского 1864 г., с. 381–409) и визуальные источники (портрет Ф. Малевского работы Валентия Ваньковича (1824 г.) из Польской библиотеки в Париже; портрет его отца, ректора Виленского университета Шимона Малевского; портрет Адама Мицкевича работы Юзефа Олешкевича (1828) из Краковского музея; гравюра П. Бореля по портрету матери жены Малевского Марии Шимановской работы Олешкевича; 15 семейных фотоснимков Малевского, а также фото его друзей, вкл. между с. 234–235). Значительность объема полностью публикуемых в книге наборным способом письменных документов оправдывается их оригинальным характером (об этом скажем ниже); наличие же к ним легенд и примечаний (текстуальных, по содержанию) будет способствовать расширению круга пользователей данным изданием.

Биографию Франтишка Малевского, как выше уже отмечалось, можно условно разделить на два периода: виленский и московско-

петербургский. Первый был освящен личностью Адама Мицкевича, участием в деятельности существовавшего в Виленском университете тайного общества филоматов, в котором Малевский играл далеко не последнюю роль. В 1998 г. в рамках основанной двумя годами ранее Институтом литературы имени Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси серии «Беларускі кнігазбор» был издан подготовленный главным редактором этой серии, белорусским писателем Кастусем Цвиркой сборник «Філаматы і філарэты». В него наряду с поэтическими и прозаическими произведениями, публицистикой, эпистолярией Адама Мицкевича, Яна Чечота, Томаша Зана, Ануфрия Петрашкевича, Михала Рукевича, Игната Домейки, Юзефа Ковалевского, Александра Ходько, Антони Эдварда Одица были включены и фрагменты тюремного дневника Ф. Малевского (декабрь 1823 — январь 1824 г.), его письмо к А. Мицкевичу 12 октября 1843 г. и др. Им предшествовало семи-страничное предисловие составителя, в котором последний отмечал неизученность архива Малевского («а в нем может быть много интересного»). В данном случае рецензируемая здесь книга как бы подтверждает предположение белорусского писателя двухдесятилетней давности. Правда, по каким-то причинам автор рецензируемой книги не упомянул об этой скромной публикации.

Во втором периоде (и это хорошо прослеживается в рецензируемом издании) центральное место в биографии Малевского занимает начавшаяся 6 июня 1828 г. деятельность в качестве помощника метриканта Литовской Метрики (15 июня 1834 г. он утверждается в должности метриканта) с одновременным откомандированием 3 февраля 1830 г. во 2-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (через 7 лет он будет «помещен старшим помощником 2-го отделения»), занимавшегося по инициативе М. М. Сперанского кодификацией законов Российской империи. Как известно, Свод законов Российской империи должен был включать в себя и своды Великого Княжества Финляндского и Царства Польского, а также старое литовское законодательство, продолжавшее действовать на территории западных губерний до 1840 г. Для работы с текстами последнего, написанными на польском и старобелорусском языках, требовались специалисты, не только знавшие эти языки, но и компетентные в вопросах законодательства. Магистр Виленского университета Ф. Малевский как нельзя лучше отвечал этим требованиям. Долж-

ность помощника метриканта, а затем и метриканта логично вписывалась в исполнение им обязанностей по 2-му отделению.

Автор верно отмечает, что роль помощника метриканта, а тем более метриканта, который назначался на эту должность самим императором, была более чем значительной: с одной стороны он должен был хорошо знать состав Метрики, а с другой — быть честным человеком, способным устоять против всевозможных соблазнов. И ведь неслучайно указ Правительствующему сенату 1768 г. требовал, чтобы «в архивариусы избирать людей трезвого жития, неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях непримеченных». Малевский как раз таки и обладал такими качествами. Приведенный в книге пример свидетельствует о проявлении Ф. Малевским принципиальности и неподкупности в случае с просьбой графов Тышкевичей подтвердить документами Метрики занесение в акты датированного XVIII в. диплома на графский титул (с. 195). Правда, не может при этом не вызвать недоумения ссылка автора следующего содержания: «В фондах Национального исторического архива Беларуси сохранилось прошение Тышкевичей, свидетельствующее, что позиция Малевского действительно сыграла *роковую роль* [выделено нами. — М. III.] в процессе признания за ними графского титула — НИАБ. Ф. 3192. Оп. 2. Д. 3315. Благодарим Д. Ч. Матвейчика [зав. отделом публикаций архива. — М. III.] за указание на эти документы». (Выходит, что Малевский должен был пойти на подлог?!)

Служба в 3-м департаменте Сената, где находилась Метрика, была сопряжена и с возможностью копирования документов «на сторону», о чем намекал, например, ученик И. Лелевеля Ц. Дашкевич в письме 1 марта 1829 г. своему учителю: «Франтишек Малевский служит в 3 департаменте Сената в Метрике, имеет 1 000 рублей и наилучшую работу, переписывает на польском выдержки из Метрик Литовских и мог бы что-нибудь для нас оттуда полезного добыть, если бы имел на то время». Были ли такие поручения в адрес Малевского и какой была его реакция на них? Этот вопрос остается без ответа. Можем лишь утверждать, что считающийся отцом новой литовской историографии, этнографии и языкознания С. Довконт (Симонас Даукантас), с которым Малевский учился в одни и те же годы на отделении моральных и политических наук Виленского университета и который в 1837 г. по протекции метриканта был принят на должность

его помощника, активно занимался подобной деятельностью. Как пишет современный литовский метрикант Артурас Дубонис «За время такой работы Даукантас, фактический исследователь Литовской Метрики, сделал, по заключению Зигмантаса Кяупы [современного литовского метриканта. — М. Ш.], 1 000 листов разного рода научных выписок из Метрики, добыл дополнительный материал для сборника «Привилеи жемайтийские», хотя последний и остался ненапечатанным. Кроме того, Даукантас собрал 243 документа по истории 162 городов и местечек древней Литвы. Он великодушно обеспечивал материалами Литовской Метрики автора истории «Жемайтийского епископства», жмудского епископа Мацеюса Валанцуса (М. Волончевского), а через другие руки материалами Даукантаса пользовались автор истории Польши Михал Балинский, исследователь истории литовских татар Антоний Мухлинский».

Сам же Малевский, как свидетельствуют приводимые автором рецензируемой книги примеры со ссылками на хранящиеся ныне в РГАДА документы Метрики, имел непосредственное отношение к подготовке ответов на запросы близких ему людей: Марии Шимановской, Фаддея Булгарина, Юзефа Пшецлавского, Генриха Ржевуского (с. 192–194). Таким образом метрикант вместе со своими помощниками действительно оказывались «в роли хранителей исторической памяти четырех народов». Отметим в этой связи возникшую спустя столетие аналогию с другим человеком, так же как и Малевский работавшим в должности помощника метриканта, но уже в Московском архиве Министерства юстиции, куда Метрика была перемещена в 1887 г., когда ее практическое значение сходило на нет, но научное, напротив, увеличивалось.

Речь идет о будущем профессоре Киевского университета св. Владимира, выдающемся белорусском историке, археографе и этнографе М. В. Довнар-Запольском, с декабря 1894 г. служившем в архиве и помимо собирания здесь материалов для своей магистерской диссертации занимавшемся составлением научно-справочного аппарата к документам Метрики. В результате помимо успешно защищенной Довнар-Запольским магистерской диссертации «Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах» (Киев, 1901) им был разработан до сих пор не утративший своей актуальности и применяемый архивистами РГАДА план описания книг записей Метрики; подго-

товлено несколько сборников документов. В отличие от Малевского, справедливо названного в рецензируемой книге хранителем памяти истории четырех народов, его преемника по Метрике — Довнар-Запольского современные белорусские, российские, украинские историки так же небезосновательно называют «исследователем истории трех народов». Именно так, «Даследчык гісторыі трох народаў» (Гомель — Речица, 2000), был назван сборник научных статей и документов, составившийся по итогам работы Первых и Вторых довнаровских чтений, состоявшихся на родине ученого, в г. Речице Гомельской обл., в 1997 и 1999 гг. Заметим, что именно Довнар-Запольский своей статьей о Литовской Метрике, помещенной в декабре 1925 г. в газете «Савецкая Беларусь», инициировал появление доклада Д. И. Довгялло «Літоўская метрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі», с которым тот выступал на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии, состоявшемся в Минске в январе 1926 г. и ссылка на который (по рижскому переизданию 1933 г., подготовленному К. Б. Езовитовым) приводится в рецензируемой книге (с. 192, сн.1).

Мы уже отмечали как позитивный факт наличие в рецензируемой книге многочисленных текстов документов. Есть среди них и касающиеся деятельности Малевского в качестве метриканта. Нам показался особенно значимым публикуемый на с. 297–298 рапорт Малевского, поданный им 13 января 1837 г. на имя непосредственного начальника, обер-прокурора 3-го департамента Правительствующего Сената А. А. Владиславлева. В нем помимо количественных характеристик документов Метрики, описания их физического состояния и т. п., приводится факт ее перемещения в 1798 г. в Санкт-Петербург из Варшавы, но не из Вильно, как утверждают современные литовские метриканты. Возможно, кому-то этот факт покажется второстепенным, не заслуживающим внимания. Возможно, это и так, если бы не одно обстоятельство, связанное с реституционными проблемами. Дело в том, что начиная с 1920-х гг., когда Литовская Метрика выступает в качестве своеобразного «яблока раздора» при подготовке российско-литовских (1920, 1926) и российско-украинско-польского (1921) договоров, активно обсуждается имевший принципиальное значение вопрос, откуда она была вывезена. При этом даже такие сведущие в вопросах международного архивного права, ис-

тории Метрики эксперты, как, например, В. И. Пичета не могли стопроцентно утверждать, вывозился ли архив канцелярии ВКЛ из Варшавы или из Вильно. И в этой связи рапорт Малевского, составленный в 1837 г., когда еще могли быть живы очевидцы и участники событий, связанных с перемещением Метрики в Санкт-Петербург, приобретает важное значение как исторический источник.

Позитивную оценку рецензируемой книге придает не только ее содержание, основанное на огромной источниковой базе и учитывающее степень историографического освоения исследуемой проблемы, аргументированность и тщательность выводов, но и оформление. Особо отметим наличие в такой объемной и изобилующей персоналиями книге развернутого именного указателя. И даже те незначительные погрешности, замеченные в нем (год смерти М. Н. Муравьева ошибочно указывается как 1886 вместо правильного 1866; год рождения И. С. Онацевича ошибочно указан как 1740 вместо правильного 1780), не меняют позитивного о нем впечатления.

И в заключение отметим следующее. Герой рецензируемой документальной повести сродни герою чеховской пьесы. Его интеллектуальный потенциал, сформировавшийся под воздействием романтических юношеских увлечений филломатского периода, оказался не востребованным в Империи. Он, как и чеховский дядя Ваня, не стал ни писателем, ни философом. Франтишек Малевский 1860-х годов сильно отличается от юного магистра Виленского университета, который «переделать мир хотел, чтоб был счастливым каждый».

Говоря словами современного польского исследователя, которого явно любит цитировать автор рецензируемой книги: «Взрослый, профессионально и житейски устроенный, хорошо образованный и быстрый в осмыслении происходящих в окружающем мире событий, филломат склонялся к консерватизму».

Андрей Тесля¹

Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский.
Научная биография (1828–1858).
М. ; СПб. : Петроглиф, 2015. 624 с.

Адо́льф Андре́евич Демченко (3 декабря 1938 — 18 января 2016) практически всю свою научную жизнь посвятил изучению жизни и творческого наследия Николая Гавриловича Чернышевского, и с начала 1970-х годов приступил к созданию его научной биографии. Первый ее вариант вышел в четырех небольших томах в Саратове в 1978–1994 гг.² — и, по счастью, незадолго до гибели ученый успел подготовить новую, существенно переработанную

¹ Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, me8tr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5-100.

² Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский: науч. биогр. : [в 4-х ч.]. Саратов, 1978–1994. Первая часть в переработанном виде легла в основание позднейшей работы: Демченко А. А. Молодые годы Николая Чернышевского. Саратов, 1989. Помимо этого А. А. Демченко принял участие в подготовке в серии «Литературные мемуары» сборника «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» (М., 1981) и был составителем объемного сборника «Н. Г. Чернышевский: pro et contra», вышедшего в издательстве РХГА в 2008 в составе одноименной серии.

и дополненную версию: первый том вышел в 2015 году, еще при жизни исследователя, а второй — только на исходе 2018 года³.

Первый том, в который вошли две части прежнего издания, охватывает историю взросления, учебы и стремительного взлета Чернышевского, едва начавшего публиковаться в петербургских газетах и журналах в 1853 году и к началу 1855 года уже сделавшегося главным критиком «Современника», а затем и редактором.

Вообще, история как русской публицистики, так и литературы 2-й трети XIX века — преимущественно история молодых. Здесь можно вспомнить не только Добролюбова и Писарева, но и Полевого или Гоголя, к которому слава приходит с изданием «Вечеров...», когда ему едва исполнилось двадцать два года, и в сравнении с которыми даже Белинский выглядит, в момент превращения в общероссийскую знаменитость, уже достаточно «зрелым», если не «возрастным». Ведь, как писал он (будучи уже двадцати восемью лет от роду) Краевскому, осведомляясь о судьбе первой большой статьи своей в «Отечественных записках»: «В первый раз меня будет читать большая публика»⁴.

Предсказуемым образом биография Чернышевского, созданная Демченко, представляет богатейший материал для изучения не только жизни и работ самого персонажа, но и для понимания многих социальных и культурных реалий той среды, из которой он вышел и в которой существовал. Так, выход из духовного сословия был для Чернышевского, как и для целого ряда его сверстников, продолжением в других условиях траектории, заданной отцами: отец Чернышевского, у которого он был единственным сыном, делает сам хорошую церковную карьеру, став саратовским протоиереем, членом консистории и домовладельцем, а через семейство жены роднится с чиновничеством и оказывается достаточно обеспечен, чтобы взять на себя семейное обучение сына (в духовном училище тот будет лишь сдавать экзамены). Далеко не всегда сам автор вполне реализует возможности, даваемые ему собранным материалом: так, когда отец Чернышевского будет просить об освобождении его сына от взноса платы за обучение в университете, ссылаясь на свою

³ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. М., 2018.

⁴ Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания, поступившего в 1889 году в Императорскую публичную библиотеку. Сост. И. А. Бычковым. С приложениями. СПб., 1893. С. 74, письмо В. Г. Белинского А. А. Краевскому, 19.VIII.1839, Москва.

недостаточность, его враги в консистории устроят следствие, итогом которого станет получение желанного отцом подтверждения, где весь доход будет исчислен в 300 рублей, а расходы на содержание сына в столице определены в 240, что свидетельствует о невозможности саратовского протоиерея вносить ежегодные 40 рублей в университетскую казну (с. 122–124). Но как сообщается уже в следующей главе об университетских годах Чернышевского, охватывающей синхронный предшествующий период, из дома Николаю Гавриловичу отсылались суммы, существенно превосходившие показанные протоиереем (с. 157), что, видимо, и давало доносчикам надеяться на успех своего предприятия.

И университетская, и ранняя журналистская деятельность Чернышевского демонстрирует сохраняющуюся для этого времени значимость связей по «землячеству»: примечательно, что уже для следующего поколения эти традиционные социальные связи не будут играть такой большой роли при карьерном продвижении. Впрочем, поддержка отца и обязательства перед ним со стороны сына сыграют и свою ограничивающую роль — если сам Чернышевский после окончания университета стремился остаться в Петербурге и вполне удачно нашел себе место преподавательской службы, то, как подробно показывает Демченко, он одновременно никак не решается признаться в этом выборе родным и пытается (когда поданное им прошение о месте гимназического учителя в Саратове пойдет в ход) фактически добиться его отклонения, заявляя повышенные требования к попечителю округа: зачисление его в должность без испытаний, оплата проезда к месту службы — и, к своему удивлению и огорчению, внезапно получит их полное удовлетворение.

В изучение ранней журнальной деятельности Чернышевского Демченко внес, вслед за предшествующими поколениями исследователей, большой вклад, выявив целый ряд ранее неизвестных публикаций и обозначив направления дальнейшего поиска, но, что еще гораздо важнее, продемонстрировал первоначальную журналистскую стратегию Чернышевского в Петербурге, по возвращению его из Саратова. Он одновременно публикуется и в «Отечественных Записках», и в «Современнике», и в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Моде», используя все возможности для журнальной работы — и лишь тогда, когда его присутствие окажется весьма плотным в прямо конкурирующих друг с другом «Отечественных Записках» и «Современни-

ке», Краевский поставит его перед необходимостью определить-ся (с. 363–369). При этом — в рамках еще сохраняющих вплоть до 1860–1870-х гг. моделей поведения — Чернышевский будет юридически оставаться на службе и после отказа от преподавания и своего окончательного перехода в «Современник»: через знакомого петербургского вице-губернатора Муравьева он будет причислен к губернскому правлению, и лишь на исходе 1858 г., когда Муравьев будет переведен из Петербурга и на его место, как писал сам Чернышевский, «поступил новый вице-губернатор, не знакомый мне, разумеется, нельзя стало мне числиться на службе, не неся никаких занятий по ней, и я вышел в отставку» в феврале 1859 г. с чином титулярного советника (с. 336–337).

К сожалению, во второй части первого тома практически исчезает собственно биография — даже рождению детей посвящено лишь несколько строк, да и то, в связи с редакционными хлопотами и в контексте переживаний Чернышевского из-за романа Ольги Сократовны, сказывающихся на продуктивности его работы — при том, что именно в этот момент Чернышевский пишет Некрасову развернутое исповедальное письмо о своих переживаниях за жизнь жены, осложнениях при родах и т. д. Парадоксальным образом его биограф оказывается гораздо более замкнут и закрыт в плане проникновения в личную жизнь персонажа, чем сам Чернышевский — впрочем, это касается отнюдь не только переживаний семейного, интимного плана — в отличие от первой части, где внимание автора время от времени останавливается на материальных обстоятельствах жизни, обсуждения доходов и расходов семейства, жизни в Петербурге (хотя и там такого рода деталям отведено весьма небольшое внимание — так, совершенно вне внимания остается где и как Чернышевский жил в Петербурге во времена своего студенчества и последующего недолгого учительства перед отъездом в Самару), во второй части биографии Чернышевский оказывается совершенно бесплотен. Даже в рамках описания редакционных трудов вне всякого внимания остается и устройство редакции, и вопросы оплаты его трудов, и как была устроена повседневная работа Чернышевского, зимнее и летнее времяпрепровождение, степень участия в финансовой стороне журнала, динамика подписки и проч.

Все это, конечно, можно считать рассмотренным в других работах — начиная с исследований Евгеньева-Максимова и вплоть

до целой серии работ из числа «Чернышевский в Петербурге». Однако, поскольку речь идет именно о биографии, читатель обнаруживает себя потерявшим не только «житейскую» сторону биографии, но и теряющим последовательность интеллектуальной жизни персонажа через раздробление изложения на конкретные предметы полемики. Понятно, что есть не только свое удобство, но и своя неизбежность трактовать различные интеллектуальные сюжеты в обособленности — но не меньшая потребность возникает и в сведении их затем в единство, поскольку «биография» предполагает, что все это повествование есть рассказ об одном конкретном лице, проживающем свою жизнь в некой целостности.

Но если биографическая целостность страдает — именно при описании наиболее напряженных и интеллектуально насыщенных лет жизни Чернышевского, — то огромным приобретением становится систематическое описание разнообразных сюжетов из истории русской журналистики, в частности, тонкий анализ своеобразной стратегии Чернышевского в отношении славянофильской «Русской беседы» в 1856–1857 гг. (ч. 2, § 13–14) или история конкуренции «Современника» с «Отечественными записками» по изданию в качестве приложений к журналам исторических библиотек, отвечая на возросший интерес публики к подобным сюжетам с одновременным охлаждением к беллетристике.

Всякая большая — не по объему, но по значению — книга отражает своего автора, не являясь снимком, но неким неизбежно выразительным его сколком. Так и биография Чернышевского по своему устройству, композиции, даже ритму речи передает часть тех черт, о которых вспоминают знавшие Адольфа Андреевича лично: и его глубокую увлеченность предметом своих исследований, и аскетизм, и несовременность — и неизменное помещение себя в традицию, как продолжателя труда своих учителей и того, кто должен научить следующих. Его книга совершенно свободна от лирики; авторский голос — не в прямом высказывании, а в расположении деталей, цитировании, акценте на одном и быстром касании других сюжетов, — он в интонировании, сложном искусстве не говорить громко, давать все пространство тому, о чем идет речь, помещая себя в тень, в искусстве, производном от любви к предмету — и тогда дающемся легко и становящемся авторским.

Андрей Тесля¹

П. А. Вяземский и Эрн. Ф. Тютчева :
Переписка (1844–1869) /
Изд. подгот. Л. В. Гладкова. М. : Наука, 2018. 667 с.

Первое полное издание переписки князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) с Эрнестиной Федоровной Тютчевой (урожд. Пфеффель, 1810–1894), второй женой Федора Ивановича Тютчева — оригинальных французских текстов и их перевода — прежде всего замечательный памятник эпистолярной культуры, ориентированной прежде всего на образцы XVIII столетия — не принужденного общения, сообщения новостей в переплетении с краткими остроумными заметками, игрой слов и мыслей.

В этом смысле разве что уступкой требованиям времени — или, быть может, следствием ложных представлений об этих требованиях, с учетом того, что книга вышла тиражом в 300 экземпляров, хоть и рассчитанная, как говорит издательская аннотация, на «широкий круг читателей» — может служить настойчивое указание на первостепенный интерес этой переписки с точки зрения ха-

---

¹ Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, mestr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5-100.

рактические характеристики отсутствующего собеседника, Федора Ивановича Тютчева, и его отношений с Эрнестиной Федоровной. И для того, и для другого предметов любопытства собранные в издании письма дают, и правда, немало сведений — но, право, интерес к Вяземскому и к тому, кто был на протяжении изрядного срока, в 1849–1854 гг., одним из основных его корреспондентов, вполне самодостаточен.

Разумеется, это переписка людей «своего времени», продолжающих длить его в то время, когда преобладающие в шуме времени уже сделались иными. Вяземский предстает уже обломком былого — в письмах 1850-х сравнивает собеседницу с мадам де Савиньи, припоминает по ассоциации романы Лафонтена или, откликаясь на смерть Николая I, сразу же вспоминает кончину его брата в Таганроге — часть его собственной, личной памяти. Собственно, это заставляет вновь вспомнить о сосуществовании во времени разных пластов культуры — тот мир франкоязычной дворянской культуры, который вытесняется из публичного пространства уже в 1820–1830-е годы и постепенно уходит из эпистолярной новеллы поколений во многом принадлежащих той же среде, рожденных в 1810–1820-х годах — вполне продолжает существовать в придворном обиходе, в общении как обломков прежних поколений, так и новых — из тех, кто ориентирован на это, ранее синонимичное «хорошему», общество — тогда как голос времени звучит уже совсем иначе (равно как позднейшая толстовская проза уже зазвучит в переписке современников второй половины 1840-х гг.).

В этой переписке голос Вяземского слышнее голоса собеседницы — поскольку последняя уничтожила значительную часть своих писем, возвращенных ей по кончине князя. Но и в сохранившихся многое отзывается ее печалью и заботами — отчасти связанными с долгим романом Тютчева с Денисьевой, но во многом, как можно судить по письмам других лет, связанных скорее с ее способом воспринимать себя и жизнь, чувствительнее реагировать на поводы для огорчений, чем на обстоятельства радостные — а в заботах о муже непременно представлять его как своего рода ребенка, рассеянного, ленивого, настолько неспособного позаботиться о себе и исполнять обязательства перед другими, что на это невозможно сердиться, но остается лишь «войти в обстоятельства». С подобного сюжета, кстати сказать, и начинается эпистолярное общение Вяземского с Тютчевой, адресующейся к собеседнику с прось-

бой помочь в деле о возвращении мужа на службу в Министерство иностранных дел — и отмечающей мимоходом: «Есть болезни, которые не вылечиваются, любезный князь, и наше положение как раз из числа таких болезней. Мой муж человек неординарного ума, но он самый непрактичный человек на свете. Надо принимать его таким, каков он есть, и никогда не рассчитывать на то, что он может стать на путь рассудка. Здесь он всегда будет в проигрыше (...)» (Петербург, сент. — окт. 1844 г., с. 9).

Со временем ее все более гнетет и положение дел в семье — где не сложились отношения с падчерицами и разлад с мужем, и отчужденность от мира, который ранее был ее родиной. Она пишет старому князю из города, некогда бывшего ей родным: « (...) тем не менее я здесь скучаю и у меня ностальгия по России. Я теперь всюду чувствую себя иностранкой. В Германии меня считают отступницей, а в России меня не приняли как свою. Мне остается только небесное Отечество, Отечество Отечества, и я бы очень желала там оказаться» (Мюнхен, 18/30 марта 1854 г., с. 359).

А уже спустя несколько лет формулирует собственную позицию — когда осознание своего положения побуждает сожалеть, но все сохраняет неизменным:

«В конце концов, не остается ничего другого, как оставить все как есть, и этой философии я придерживаюсь уже много лет» (Овстуг, 12 июля 1858 г., с. 410).

Отдельный комплекс образуют многочисленные письма, написанные Вяземским Тютчевым из Константинополя — оказавшись там на целый год, отправившись навестить сына, служившего в то время в посольстве, и затем задержавшись надолго, Вяземский оставляет серию характеристик стамбульской жизни, далеких от притязания на очерковость. Он не пытается конкурировать с многочисленными «картинами Стамбула», которые даже в отечественной словесности представлены рядом наименований — а откликается на конкретные образы и впечатления, создавая род лирического дневника.

Одним из постоянных сюжетов стамбульских писем Вяземского являются размышления над европеизацией турецкой жиз-

ни, особенно активно начавшейся в эпоху Танзимата — в сопоставлении с российским опытом XVIII столетия. Турция для Вяземского — это одновременно и некое «зеркало», позволяющее увидеть, как выглядел переход к новым нравам и обычаям высших сословий в петровскую эпоху, жизнь в двух реальностях — нового и старого быта, где Вяземский одновременно и европеизированный наблюдатель, и тот, кто по крайней мере отчасти, через связь с семейным прошлым, воспринимает и позицию наблюдаемых — попутно отказывая туркам в возможном успехе их начинаний (с сомнением в удаче российского опыта), поскольку для людей петровского времени было то общее с европейскими образцами, что они одинаково принадлежали к христианской культуре.

Впечатления от Босфора и Стамбула служат для Вяземского и поводом для полемики с Тютчевым — ленивым на письма, так что спорить заочно приходится через его жену. Вместо тютчевских мечт об овладении Константинополем, Вяземский желает сохранить — по крайней мере на всякое обозримое будущее — существующий порядок вещей, иронично подозревая, что в случае, если мечты сбудутся, а мечети будут переделаны в церкви, скорее русские отуречатся — и жизнь пойдет своим чередом, Город окажется сильнее любых планов и стремлений.

Несколькими годами позже, во время многолетнего пребывания за границей, где он искал излечения от своих хронических болезней и нервного расстройства, Вяземский делится с Тютчевой: «Читали ли вы “Хижину дяди Тома”? Вот это уж никак не бесцветно, но в высшей степени волнующе. Не для того, чтобы петь общим хором с газетами, но нельзя отрицать, что это сочинение представляет огромный интерес и что русский человек не может читать его без серьезных размышлений. В качестве помещицы переведите его на русский язык и дайте почитать своим соседям, предводителю, исправнику, заседателям. Отбросив шуточки в сторону, скажу, что *эту книгу полезно было бы дать в руки нашим помещикам, не разрешая ее свободного распространения в стране. Эту книгу и поставленный в ней вопрос у нас нужно обсуждать закрыто* [выделено нами. — А. Т.]. Главным образом две первые трети сочинения восхитительны своей естественностью, правдой, интересом. Конец немного впадает в мелодраму» (29 декабря/10 января 1852/53 г., с. 263–264).

На исходе 1850-х, когда «эмансипация» делается дозволенным предметом общественного обсуждения, роман Гарриет Бичер-Стоу делается одним из ключевых текстов — и убедительным аргументом для русских аболиционистов в силу художественного воздействия, ведь на образы несоразмерно отвечать аргументами от собственных интересов.

Если судьба Константинополя или вопросы освобождения крестьян скорее разводили собеседников — то Крымская война оказалась моментом близости чувств и оценок Вяземского и Тютчева, тогда как Тютчева предпочитала не обозначать свой взгляд, отличный от пылкости двух возрастных поэтов — сетуя в письмах к брату на то время, которое отняла у нее и у него необходимость поправлять стиль «Писем ветерана 1812 года» Вяземского, найденных собеседниками «скучными». Сам же Вяземский, извещая о выходе «Писем...» книгой, меланхолично отмечает в письме из Веве от 8/20 марта 1855 г.: «(...) в настоящих обстоятельствах мне не хватило своевременности, как и во всех других обстоятельствах моей жизни» (с. 386).

Близкое общение оборвется обстоятельствами житейских неурядиц — обидой Тютчевой, взявшей сопроводить возвращавшуюся в Россию внучку Вяземских, Лизу Валуеву, на встречу в России со стороны Петра Александровича, отца Лизы, будущего министра внутренних дел: Вяземский пытался примириться немедленно после случившегося, но вполне общение возобновиться лишь год спустя, уже утратив былую легкость — а последующие обязанности товарища министра внутренних дел, старение и болезни отнимали возможность и желание возвращать потерянное.

В этом разговоре интересен и слышен в первую очередь голос Вяземского — как уже говорилось, многие ответные реплики Тютчевой отсутствуют по ее воле, но для разговора нужны двое, а чтобы он тянулся на протяжении многих лет, не утрачивая своего интереса и не превращаясь в монолог, сколь угодно прекрасный — второй собеседник должен быть достоин первого. И в умном изяществе Вяземского — своеобразный, неполный, но увлекающий портрет собеседницы.

*Щербаков В. И. Д. И. Писарев и литература эпохи
нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 416 с.*

Исследование В. И. Щербакова о Писареве заслуживает внимания уже в силу того, что ее автор — одна из ключевых фигур в издании Полного собрания сочинений критика² и составитель первого объемного сборника воспоминаний о нем³. Прежде всего необходимо остановиться на концепции книги: это серия очерков, затрагивающих разные аспекты литературы, философии и литературной критики «эпохи нигилизма», сфокусированных на фигуре Писарева — своего рода книжный вариант комментария к собранию сочинений, от краткого анализа художественных текстов эпохи 1860-х годов до привычных для академических ра-

---

¹ Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, me8tr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5-100.

² *Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем* : в 12 т. М. : Наука, 2000–2013.

³ Д. И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников / Сост. В. И. Щербаков. М., 2015.

бот статей на сопоставление/влияние/связь — таких, как «Писарев и Герцен», «Писарев и Чернышевский». Материал книги сгруппирован в четыре объемных главы: (1) «“Отрицательные идеи” в русской литературе сороковых — шестидесятых годов XIX века»; (2) «Писарев как “популяризатор отрицательных доктрин”»; (3) «Писарев и традиции “реальной критики”» и (4) «Писарев и Толстой: два феномена негативизма 1860-х годов».

Обращает на себя внимание трактовка «эпохи нигилизма», примыкающая к интерпретациям, намеченным, в частности, Н. Н. Страховым — формирование комплекса представлений и поведенческих моделей, которые в начале 1860-х будут, благодаря Тургеневу, названы «нигилизмом», восходит к 1840-м годам. При этом Щербаков решительно отталкивается от распространенной в традиционных обличениях «нигилизма» генеалогии явления — связывающей его с влиянием западных идей (и тем самым объявляющей наносным и т. п.). Нам представляется, что само это противопоставление — непродуктивно, связано с идеологическими баталиями 1860-х годов. Ведь если сам Щербаков отсылает, например, к работам Пустарнакова и рассматривает русские 1860-е как своего рода «русское просвещение» (имея в виду аналогию с французскими просветителями, в первую очередь 1750–1770-х годов), то рассматривать в высшей степени значимые для самых разных авторов натуралистические и материалистические представления, склонность сводить к «гигиене и физиологии», видя в этом трезвость взгляда, как собственно российские явления не получится. Более того, нам представляется, что здесь — фундаментальное затруднение, порождаемое иногда продуктивным, но, по крайней мере, столь же часто вредным противопоставлением «России» и «Европы», изъятием первой из общего культурного контекста и попытках интерпретировать развитие русской культуры, в частности — литературы или философии — в рамках интериорной объяснительной модели. Разумеется, у целого ряда отечественных культурных феноменов будет преобладать «внутренняя» логика развития, но количество подобных феноменов применительно к XIX веку и к области «высокой» культуры будет достаточно ограничено — обращаясь к хрестоматийному, «пушкинская» или «гоголевская» линии литературы имеют право на существование, но для осмысления, например, «Князя Серебряного» большее значение будет иметь не столько даже

традиция исторического романа, сколько стремление дать законченный, классический его образец, а генеалогия «Войны и мира» решительно выводит нас за пределы дихотомии внутреннего/внешнего в культурных влияниях.

Впрочем, при любом варианте рассмотрения, отстаиваемое Щербаковым удлинение «эпохи нигилизма» представляется весьма продуктивным, возвращая истолкование спора «отцов и детей» именно как внутреннего, придающего ему ту остроту, которой он лишается уже десятилетие спустя, чтобы в дальнейшем смениться совершенно иными линиями размежевания — в том числе и поколенческими, но уже не отсылающими к противостоянию в рамках семьи.

В понимании автора Писарев интересен в первую очередь как «симптом», выразитель идей — принадлежащих не ему, но которым он придает радикализм и экспрессивность выражения. Так, Щербаков отмечает: «Как всегда, Писарев выражал типичные умонастроения своего круга» (с. 189) — причем не столько круга реальных знакомств и связей (такового у него почти не было, да и добрую половину всей своей публицистической жизни он провел в одиночной камере Петропавловской крепости), сколько персонально неопределенного круга читателей — близких по возрасту, по умонастроению — для мыслей и, в первую очередь, чувств которых находил выразительные формулировки.

Исследователи часто выбирают темы и сюжеты исходя из созвучия, внутренней близости — и, не менее редко, в процессе исследования проникаются если не взглядами, то усваивают способы мыслить, рассуждать, адаптируя их к своему времени и окружению. И отнюдь не всегда этот процесс оказывается от-refлексирован. В этой книге есть странная живость — от горячего спора с давно прошедшим: где именно и отчего Чернышевский был не прав в своей эстетике, доказательств, что Толстой был не прав в своей философии истории, изложенной в «Войне и мире» и где фактически погрешил против исторической точности. И своей наивностью (в шиллеровском смысле) этот спор одушевляет прошлые концепции — совсем иначе, чем это делает вдумчивая реконструкция, постоянно помнящая о дистанции от предмета рассмотрения. Чернышевский, Писарев и даже Ткачев внезапно оказываются почти современниками — возникает анахронизм «наоборот», не через привнесение в прошлое современ-

ности, а в восприятии стародавних споров как все еще идущих, без всякой поправки на время — вопреки любым методологическим презумпциям и научениям. Этот анахронизм работает независимо от намерений автора, на уровне интонации, экспрессии, подобно текстам самого Писарева, как другой способ «сдуть пыль» или «отдернуть занавеску» с картин прошлого. Возмущая воспитанного в историзме читателя — и в то же время восхищая мало кому доступной в наш рефлексивный век непосредственностью.

Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886) : Тексты. Комментарии. Адресаты / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб. : Росток, 2018. 672 с. (Славянофильский архив)

За последние годы, в первую очередь благодаря трудам Центра по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН, был опубликован большой массив источников по истории славянофильства — как впервые издаваемых, так и, в случае републикации, впервые выпускаемых в свет в соответствии с академическими стандартами², начато издание Собрания

¹ Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследования русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, me8tr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5-100.

² В рамках деятельности Центра предпринята публикация двух параллельных одноименных изданий: (1) «Славянофильский архив» (председатель редколлегии Б. Ф. Егоров). В серии вышли следующие книги: Кн. 1: «Русская Беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб. : Пушкинский Дом, 2011; Кн. 2: Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победнососцева (1860–1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов*. Нечто о Русской церкви в обер-про-

сочинений И. С. Аксакова³, заявлено о подготовке академических собраний А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, вне серии вышла переписка В. С. Аксаковой с ее петербургской кузиной М. Г. Карташевской за годы Крымской войны⁴, служащая в первую очередь своеобразным дополнением и пояснением к известному дневнику Веры Аксаковой, впервые опубликованному еще в начале прошлого века⁵ и с тех пор ставшего одним из наиболее востребованных источников по истории славянофильского круга тех лет, объявлено о подготовке полного издания переписки Аксаковой с Карташевской (ориентировочно в 12 томах).

В 4-й книге «Славянофильского архива», по каким-то обстоятельствам вышедшей год спустя после книги 5-й, представлены пять эпистолярных комплексов разного объема — это переписка И. С. Аксакова с П. А. Бессоновым, П. А. Васильчиковым, Н. П. Гиляровым-Платоновым, Н. Н. Дурново, К. П. Победоносцевым и М. А. Хомяковой. Последнюю, разумеется, трудно отнести к «государственным и общественным деятелям» в полном смысле этого слова, но интерес данной переписки, на которой мы

курорство К. П. Победоносцева / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб. : Росток, 2011; Кн. 3: Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб. : Росток, 2013; Кн. 4: Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб. : Росток, 2018; Кн. 5: «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб. : Росток, 2017. Ч. 1; Кн. 6: Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб. : Росток, 2018. (2) «Славянофильский архив» (председатель редколлегии Т. Ф. Пирожкова). В серии вышли следующие книги: Кн. II: Аксакова В. С. Дневники. Письма / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожковой. СПб. : Пушкинский Дом, 2013; Кн. III: Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко, В. И. Шведовым. СПб. : Пушкинский Дом, 2016; Кн. IV: Кохановская (Н. С. Соханская) и семья Аксаковых: Переписка (1858–1884) / Изд. подгот. О. Л. Фетисенко. СПб. : Пушкинский Дом, 2018.

³ Аксаков И. С. Собр. соч. : в 12-ти т. / Под общ. ред. Б. Ф. Егорова; сост. А. П. Дмитриев. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1–2. СПб. : Росток, 2015.

⁴ Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / Изд. подгот. А. П. Дмитриевым и Д. А. Федоровым. СПб.: Росток, 2016.

⁵ Первое книжное издание: Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 / Ред. и примеч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913.

остановимся подробнее ниже, в сочетании с ее небольшим объемом более чем оправдывает решение составителей не держать эти тексты под спудом и включить их в изданный том.

Понятно, что обозреть и хоть кратко обозначить сюжеты, представленные в настоящем издании, в пределах рецензии нет никакой возможности — переписка охватывает не только целое тридцатилетие, в границах которого Аксаков является и редактором «Русской беседы» (1859), и издателем «Дня» (1861–1865), «Москвы» и «Москвича» (1867–1868), «Руси» (1880–1886), председателем Общества любителей российской словесности, товарищем председателя, а затем (с подачи Ф. И. Чижова) и председателем Московского купеческого банка, председателем Московского Славянского комитета и проч. — но и корреспонденты находятся с автором в весьма различных и меняющихся со временем отношениях. Так, Бессонов, близкий к славянофильскому кругу с конца 1850-х годов и печатавший в «Русской беседе» «Политику» Крижанича⁶, затем получил службу в Вильне (с 1865 г.) и делился с Аксаковым своими соображениями по «еврейскому вопросу», соприкоснувшись с ним в качестве директора раввинского училища. Летом 1865 года он убеждал корреспондента в угрозе, исходящей от эмансипированного еврейства. На тот момент комплекс будущих антисемитских представлений самого Аксакова находился в стадии становления, и Бессонов прилагал значительные усилия, дабы передать собеседнику свое видение реальности и значимости угрозы. Затем, по возвращении в Москву и в ходе совместной работы в Обществе любителей российской словесности, Бессонов обретет в глазах Аксакова (как и целого ряда других современников) репутацию интригана и человека, близкие отношения с которым невозможны — что не помешает, впрочем, в тяжелой ситуации Бессонову результативно обращаться за помощью со стороны Аксакова, а тому ценить в Бессонове работника по подготовке издания филологических трудов своего брата, Константина, в свое время именно на этой почве сошедшимся с корреспондентом.

Преимущественно деловой характер носит переписка Аксакова с П. А. Васильчиковым и Н. Н. Дурново — в первом случае в цен-

---

⁶ Переписка содержит любопытные сведения об издательской стороне этого предприятия — подготовке отдельного издания, заключенных с Бессоновым условиях и т. д. (см. с. 22–40).

тре внимания дела по Славянскому комитету (и по работе в Сербии в ходе войны 1876 г. и последующих событий) и затем контакты в связи с Санкт-Петербургским Славянским обществом (членом совета которого Васильчиков был с 1879 г.), во втором — разнообразные дела, связанные с балканскими славянами. Несмотря на известное радикальное различие воззрений и по болгарскому расколу, и в целом в воззрениях на церковные дела, и на, по меньшей мере, невысокое мнение о личных качествах Дурново, Аксаков идет на сотрудничество с собеседником по конкретным вопросам и сами подробности контактов позволяют смягчить представление о «ригоризме» Аксакова: там, где требования пользы дела представлялись ему очевидными, он готов был решительно отложить в сторону и свои личные предубеждения, и расхождения идейного плана — собственно, без этой способности он не смог бы играть столь значительной и долговременной роли в общественной жизни Москвы.

Переписка с Н. П. Гиляровым-Плановым и с К. П. Победоносцевым — принципиально иного рода, это общение хотя и далеко не всегда единомышленников, но близких людей — причем связанных многолетними личными отношениями, испытывающими спады и подъемы, расхождения и сближения, но где за любыми деловыми контактами присутствует и неизменный интерес к другому. Так, к Аксакову обращается Гиляров в январе 1874 года с просьбой оценить поэтический талант его сына, Алексея — и Аксаков в ответ шлет точный, одновременно поэтический и техничный разбор стихов, серьезно и вдумчиво откликаясь на просьбу старого знакомого.

Характеризуя их общего близкого приятеля, Победоносцев в письме к Аксакову от 26 августа 1885 г., говоря о Леонтьеве, напишет: «Это тоже умный неряха, вроде Никиты Гилярова» (с. 502) — запутавшийся с середины 1870-х и в личных, и в деловых обстоятельствах, он будет искать выхода из своего положения схватившись за проект преобразования аксаковской «Руси» в ежедневную газету или основания новой, настоятельно предлагая Аксакову взять на себя всю техническую сторону работы. Вряд ли такое предложение могло добавить собеседнику энтузиазма, учитывая, что 16 марта 1885 г. Аксаков писал Победоносцеву:

«Этого человека следовало бы, прежде всего, высечь; потом освободить от долгов, вырвать из московской среды (он теперь, слава

Богу, живет опять с женой), запретить ему газетную деятельность и пристягнуть к твоей канцелярии: пусть пишет курсы богословия и проч., и проч. Грех не воспользоваться его талантами, но сам он с собой не справится, если не взять его в руки» (с. 466).

Пожелание так и осталось пожеланием — но именно благодаря долгам и попыткам вырваться из них Гиляров написал лучшее, что от него осталось — «Из пережитого» (1886), ради заработка составляя драгоценный очерк былого.

Впрочем, при всем количестве нового и весьма разнообразно эпистолярного материала, представленного в книге, наибольший интерес, на наш взгляд, представляют впервые публикуемое письмо Марии Хомяковой, дочери Алексея Степановича, к Ивану Аксакову от 22 апреля 1862 года и три письма Ивана Аксакова к Марии Хомяковой, писанные в 1864 году. Они если и не открывают впервые своеобразную историю сватовства Аксакова к Хомяковой (отчасти подробности этих отношений были известны и ранее), то дают возможность увидеть Ивана Аксакова с новой стороны, во многом точнее почувствовать и понять его состояние в решающие годы обретения им своего публичного, общероссийского облика, приходящегося на годы издания газеты «День» (1861–1865), предпринятого после того, как прежний славянофильский круг фактически распался за смертью ключевых фигур, скончавшихся на расстоянии один от другого лишь нескольких месяцев Алексея Хомякова (23. IX/5. X. 1860) и Константина Аксакова (7/19. XII. 1860).

Об истории этого сватовства Иван Аксаков кратко писал своей невесте, Анне Федоровне Тютчевой (поженились они в Москве в начале 1866 г.)⁷, из Ялты 24. VI. 1865:

«(...) когда три года назад мои мечты, казалось, рушились совсем, так что я отложил всякую надежду на то, чтоб они когда-либо могли сбыться, — Вы остались для меня чем-то заветным, и я употребил все усилия, чтобы не увлекаться личным чувством к Вам и не создавать себе новых мучений. Я даже, по желанию матери и сестер, делал в эти три года попытки жениться на одной девушке, с кото-

---

⁷ См. об истории их отношений подробнее: Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: Биография Ивана Аксакова. СПб. : Владимир Даль, 2015. С. 200–267.

рой буквально не говорил и 10-ти слов, но которую, впрочем, я знал за умную и строго-нравственную, хотя совершенно холодную, — но делал эти попытки таким образом, чтобы они не могли удасться: нужно было предварительное сближение, но на него у меня не доставало ни охоты, ни сил»⁸.

Опубликованные в 4-й книге «Славянофильского архива» письма Хомяковой и Аксакова дают конкретную картину тех «попыток», о которых рассказывает, не называя имени девушки, Иван Сергеевич в письме к Анне Федоровне. О первой попытке мы узнаем из ответного письма Марии Алексеевны — объяснение действительно было заочным и столь неожиданное предложение «удивило и смутило» собеседницу, тем более что «Вы отстраняете всякую романтическую страсть»:

«Вы видите во мне дочь человека, которого Вы уважали и любили, и наделяете меня его умственными и душевными качествами (...) я со своей стороны могу только повторить мои прежние слова: что мысль об личных отношениях к Вам никогда не приходила мне на ум и что даже теперь я с трудом могу удержать ее в голове, так она мне чужда. Многие сочли бы это главным препятствием. Может быть, я только знаю, что с какой бы стороны я ни смотрела на дело, оно является мне одинаково невозможным и несбыточным» (с. 511–512, письмо от 22 апреля 1862 г.).

У Марии Алексеевны сложилась — видимо, с достаточным на то основанием, репутация женщины холодной и рассудочной⁹, и вторая попытка Ивана Аксакова добиться ее руки, предпринятая два года спустя, то ли исходит из этого представления, то ли, как

---

⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. СПб. : Издание Императорской Публичной библиотеки, 1896. С. 128.

⁹ Впрочем, о ее внутренней жизни известно мало — и вряд ли следует целиком доверять внешнему облику, по крайней мере в разрозненных записках, опубликованных Т. Ф. Пирожковой, есть следующий примечательный (по оговоркам перед самой собой) фрагмент: «Была ли я влюблена в Ю<рия> Ф<едоровича Самарина>? Не знаю, но я его любила за его любовь к отцу, за это я любила и милого Алекс<андра> Федоровича Гильфердинга» [Хомякова М. А. Воспоминания об А. С. [Хомякове] / Публ. Т. Ф. Пирожковой // Хомяковский сборник. Т. I / Отв. ред. Н. В. Серебрянников. Томск: Водолей, 1998. С. 195].

писал сам Аксаков свой будущей жене, изначально делалась так, что не могла удасться. 24 мая 1864 года он отправляет Хомяковой обширное письмо (с. 512–518), представляющее трактат на тему почему Мария Алексеевна должна выйти за него замуж, используя, в частности, такого рода аргументы: «Вы говорили, что не предполагаете вообще выходить замуж. Но я уже объяснил выше значение замужества. Вправе ли Вы уклоняться от личного подвига, как скоро он Вам предстоит?» (с. 515).

«Нельзя любить Бога и Истину, не любя ближних. Если не любишь ближнего, не совершаешь подвигов любви, то не любишь и Бога. — А где же подвиг девушки, как не в замужестве (...)» (с. 517).

Ответа на это письмо Аксаков не мог дожидаться два месяца — Впрочем, в заключение своего трактата он сам писал, что отсутствие ответа, неизвестность он предпочитает окончательному отказу: здесь риторика его подвела и ему пришлось все-таки писать вновь — и, получив второй отказ, вновь убеждать собеседницу, что чувство не может возникнуть до сближения и что «достаточно ощущать в себе покуда *возможность* личного чувства» (с. 521, письмо от 21 июля 1864 г.) и, все-таки принимая второй отказ как окончательный, писать:

«Мне остается свернуть паруса и пусть свою лодку вниз по течению. Мне остается, как утопающему, лишившемуся последней опоры, вскинуть руки вверх и идти послушно на дно. “Полезная деятельность, служение...” Но гаснет масло в моей лампаде — жить *ничем*, сердце черствеет. Полезная деятельность требует внутренней силы < ... >. Кругом пусто, мертво, апатично, — нет среды одушевляющей, вдохновляющей. Польза — такая отдаленная, что обращается в какое-то отвлеченное убеждение, а не есть живое ощущение действительности. Можно исполнять строго свой суровый, тяжелый подвиг, но без благоухания любви в очерствелой душе. А если нет в душе благоухания, то и подвиг мало пользует людям, и душа скоро совсем увянет. — Ваш отказ отнимает у меня всякую перспективу в жизни, — может быть, потому что я вовсе не чувствую себя призванным к подвижнической жизни общественного деятеля, не ношу в душе достаточной веры в себя и в пользу, мной приносимую» (с. 522).

Здесь у Аксакова переплетаются, кажется, два важнейших личных мотива — потребность энтузиазма, деятельности как порыва, увлечения (отчего затем для него события 1876–1877 гг. окажутся ценнейшим воспоминанием, показателем внутренней силы общества — именно в способности увлекаться, отдаваться всем сердцем, до забвения себя) и одновременное понимание необходимости спасения из семейного круга, тягость которого и угрозу для себя, как и для самих близких, взаимно друг друга связывающих, он переживал с конца 1840-х и в 1850-е особенно ценил брата Григория, сумевшего найти для себя путь за его пределы (об этой особенности аксаковского семейства в свое время с большим любопытством размышлял о. Павел Флоренский). В итоге, как мы знаем, Аксакову повезло — он нашел выход, сумел, вопреки казавшемуся в 1864 г. окончательному отказу со стороны Анны Федоровны Тютчевой, добиться ее согласия и найти свое трудное счастье, в котором многостраничные трактаты — с рассуждениями, родственными тем, что адресовались Хомяковой — перемежаются лирическими излияниями.

Андрей Тесля¹

Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская):
Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот.
текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб. :
Издательство «Пушкинский Дом», 2018. 600 с. : [8] с. ил.
(Славянофильский архив)

Переписка И. С. Аксакова с Н. С. Соханской была оценена как ценнейший источник по истории позднего славянофильства еще в момент первой публикации, в 1897 году, в журнале «Русское Обозрение», и с тех пор неизменно привлекалась в качестве источника сведений и оценок в работах, посвященных самым разным аспектам славянофильства — от истории эстетических представлений и литературной критики вплоть до истории журналистики или истории политических идей. Настоящее издание, являющееся первым книжным и первым академическим изданием этой переписки — с восстановленными купюрами (в журнальной публикации были опущены как фрагменты, имеющие личный характер, так и целый ряд острых политических отзывов). В него помещен ряд писем с подробнейшим комментарием, не включен-

---

¹ Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, me8tr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и подержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5-100.

ных в издании 1897 г.: в первую очередь — три из четырех писем К. С. Аксакова к Соханской, относящиеся к тому времени, когда он подменял своего брата Ивана в редакционной работе, на время заграничного путешествия последнего.

Если аксаковское семейство известно довольно хорошо, то фигура Соханской, печатавшейся под псевдонимом «Кохановская», остается относительно малоизвестной за пределами круга специалистов — и при этом довольно примечательной с точки зрения, по крайней мере, истории литературной карьеры.

Прежде всего, следует остановиться на том, что вызвало столь пристальное и едва ли не восторженное отношение к творчеству Кохановской со стороны славянофилов, на произведения которой в конце 1850-х — 1860 гг. отозвались и Константин Аксаков, и Хомяков, и Гиляров-Платонов. Ответ на этот вопрос содержится уже в первом письме Ивана Аксакова к Соханской, отправленному 31 декабря 1858 года из Москвы:

«Повесть Ваша², конечно, пользуется всеобщим успехом: Русский Вестник хвалит ее со стороны чисто художественной, другие — со стороны психологической, но никто — в этом смею Вас уверить — не оценил ее так высоко, как мы. Ваша повесть —дохнула свежим, здоровым дыханием цельной русской жизни. В ней впервые является такое свободное положительное отношение к русской жизни, в противоположность отрицательному или искусственно-положительному, фальшивому, как например у Григоровича. — “Семейная Хроника” и “После обеда в гостях” начинают собой новую эпоху в литературе. Кстати: автор “Семейной Хроники” — мой отец, С. Т. Аксаков, поручил мне передать Вам свою глубокую благодарность за наслаждение, доставленное ему Вашею повестью» (с. 29).

И, по прочтении следующей повести Кохановской в «Русском Вестнике» («Из провинциальной галереи портретов»), развивая сказанное в первое раз и ставя последние произведения собеседницы выше поздней прозы отца: «Я вижу в Вас зарю нового отношения искусства к жизни, Вы — первый русский художник, ставший не в отрицательное, а в положительное отношение к русской жизни. Потребность такого отношения мучительно, но бессиль-

---

² Речь идет о повести «После обеда в гостях», опубликованной в 1858 году в «Русском Вестнике».

но сознавалась до сих пор нашими великими художниками. Гоголь умер под бременем задачи, да и не там искал ее разрешения, где следовало. <...> В Семейной Хронике моего отца в первый раз посылалось что-то уже более свободное, более положительное, и наконец являетесь Вы» (с. 33–34, письмо от 7 апреля 1859 г., Москва).

При всей восторженности этой реакции необходимо отметить, что литературный успех Кохановской был не быстрым: публиковалась она уже с конца 1840-х годов, но ее произведения на протяжении десятилетия не привлекали сколько-нибудь большого интереса. Более того, уже спустя несколько лет, к середине 1860-х, ее популярность сходит на нет (и в «Дыме» Тургенев будет использовать отсылку к произведениям Кохановской и как идеологический маркер, и как признак времени, к которому относится основное повествование).

Меняются со временем оценки и самого Аксакова: надежды, первоначально возлагавшиеся на Кохановскую, не оправдались, что, впрочем, не привело к отказу от признания большого литературного значения ее прозы. Еще и в более поздние годы, в начале 1880-х, в глазах Аксакова Кохановская будет высоким художественным явлением, совпадая во многом со славянофильским идеалом как содержательно, так и эстетически. В конце 1864 г., объясняя свой отказ публиковать на страницах «Дня» роман приятельницы Соханской, Елены Ивановны Вельтман, Аксаков писал: « (...) для меня нет расчета делать такой расход на помещение романа, который не приобретет мне ни одного подписчика и который не есть высокое произведение искусства. Когда я печатаю Ваши повести — тут иное дело. Я обогащаю литературу, я возвышаю значение газеты, и этого для меня довольно, хотя бы толпа и не понимала высокого достоинства Вашего произведения. Для помещения Вашей повести я готов дойти до крайних пределов возможностей» (с. 244, письмо от 30 ноября 1864 г., Москва).

В некрологе Соханской, умершей 3 декабря 1884 г., Аксаков подведет итог: «Нельзя сказать, чтобы талант Кохановской был разнообразен. Нам казалось даже порой, что едва ли не слишком крупно было ее дарование для той мелкой старосветской среды, где ей суждено было прожить чуть не от колыбели и черпать для себя содержание. (...) Но достоинство сочинений Кохановской не проходяще. Внутренняя сила их возьмет свое и устареть не мо-

жет. Ее будут снова читать, когда многих из читаемых теперь — забудут!..» (с. 356).

Как уже говорилось выше, переписка Аксаковых с Соханской дает, в числе прочего, большой и любопытный материал для социологии литературы — славянофильский круг стремится привлечь Соханскую не просто на свою сторону, но и сделать «своей», первоначально приветствуя горячими публичными отзывами, а в дальнейшем прилагая большие усилия, чтобы ввести ее в число собственно славянофильских авторов. При этом Иван Аксаков демонстрирует редкое для него самообладание — сталкиваясь с нетерпимостью писательницы к критике, он, не отказываясь от критических суждений, многочисленные ее реплики в письмах, каждая из которых сама по себе была бы достаточным основанием для разрыва отношений — смягчает, предлагает интерпретации, делающие возможным дальнейшее обсуждение или предлагает забыть и пройти мимо.

Однако гораздо более любопытна и сложна позиция самой Соханской. Прежде всего (и это вызывает у Аксакова вполне предсказуемое неодобрение, в замечаниях о болезненном стремлении сохранить самостоятельность³) она стремится к разнообразию мест публикации: от «Русского Вестника» до «Русского Слова» и «Отечественных Записок», тем самым стараясь не приписываться ни к одной из литературных партий. Вместе с тем в противоречие с этим вступают два другие, связанные между собой фактора:

— во-первых, ее географическая отъединенность, жизнь на хуторе Макаровка Изюмского уезда Харьковской губернии — ее положение провинциала, слабая включенность в текущую, повседневную журнальную жизнь (до 1862 года она никогда не покидала пределов губернии);

---

³ В дальнейшем он будет уже гораздо прямолинейнее связывать ее выступления, указывая на «соответствие» изданий направлению: «В Эпохе Вам участвовать еще можно, ради ее покаянного тона и благонамеренности, хотя она совершенно бессильна и как-то жалка. (...) Что касается до других журналов, то если *Nobless oblige*, то и известное направление *oblige*. Вы — христианин. Вам нельзя принимать участие в пиру язычников, — именно там, где поднят вопрос о христианстве и язычестве, где не безразлично отношение к вопросу Веры. У Корша нечего Вам участвовать. Он человек недурной, но газета очень глупа и сдору восставала против дороги на Киев! И какой винегрет. Тут и Марко Вовчок тянет свою фальшивую ноту!» (С. 248, письмо от 10 января 1865 г.).

— и, во-вторых, вытекающая из этого необходимость в патронировании со стороны кого-либо, находящегося в одном из культурных центров. Собственно, в этом отношении ее биография довольно легко разделяется на три этапа — с 1847 и до конца 1850-х она оказывается под патронажем П. А. Плетнева, весьма скептически отнесшегося к ее первым произведениям, но вдохновенно-автобиографическим повествованием, ставшим ответом на его просьбу к Соханской рассказать о себе⁴; успех, приходящий в конце 1850-х, позволяет, в силу интереса различных редакций и появившейся вследствие этого свободы маневра, ослабить отношения патронажа. Однако уже с первых лет 1860-х годов падающая популярность постепенно привязывает Соханскую к аксаковскому кругу. В нем она пытается в свою очередь выступить патроном для других авторов — предлагая Аксакову для газеты тексты некоей г-жи Витаевич (обширное повествование «Вчера на Бугорках или рассказ моей няни о старине», с. 208–209, 211), г-жи Вельтман (см. с. 244), однако все эти попытки остались неудачны. Осложняются ее отношения с Аксаковым не только сложностью характеров, но и коммерческими неурядицами: Аксаков, взявшийся издавать на свой счет повести Кохановской (вышедшие в начале 1863 г. в 2-х томах), в результате не только издал их полиграфически не так, как хотелось бы автору (желавшей видеть два тома отпечатанными во французском формате), но и само издание не принесло ожидаемых выгод, на пару лет став для собеседников существенным источником взаимного охлаждения.

Разумеется, эти отношения далеко не только прагматичны — их прагматика основывается и/или подпитывается страстями, долгом, привязанностью и т. д. — и, например, Соханская в 1866 г., соглашаясь на свое участие в «Москве», выговаривает себе особую, более чем в три раза превышающую обычную, гонорарную ставку за корреспонденции (с. 274–275, письма И. С. Аксакова к Соханской от 18 октября и 6 декабря 1866 г.), в итоге превышающую плату за передовые статьи — а в 1883 году с негодованием откажется от предложения знаменитого петербургского книгоиздателя и книготорговца Вольфа переиздать ее сочинения

---

⁴ См.: Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской) / Вступ. ст. и ред. С. И. Пономарева. М.: Университетская типография, 1896 (отдельный оттиск из «Русского Обозрения» за 1896 г.).

в составе 150-томной библиотеки русских писателей, сообщая в письме к племяннице от 23 марта 1883 г.:

«Книгопродавец Вольф предлагал за 3 000 экземпляров, в 20 компактных печатных листов, автору СТО рублей! Да я еще должна бы была ехать в Харьков, снять карточку!.. А что касается до моего *сеяния*, то, 20 лет тому назад, в 2 000 экземплярах были напечатаны “Повести Кохановской”, и они настолько ненужным хламом лежали в харьковском книжном магазине Скалона, что вследствие его банкротства наконец были проданы на пуд в табачные лавочки... Очень успешный посев, не правда ли?» (с. 555, прим. 11 к письму № 163).

Соханская, видимо, не замечала противоречия между сочтенными ею возмутительными условиями Вольфа и ситуацией с ее произведениями на книжном рынке. Аксаков, со своей стороны, не пытаясь переубедить собеседницу, мягко подталкивал ее к возможным действиям по оживлению литературной репутации⁵, уговаривая поместить, если есть, какую-нибудь повесть, «конечно, за гонорар приличный» в издаваемой им газете (с. 351, письмо от 17 марта 1883 г.) — сама же она избирала гораздо более распространенную стратегию, полагая нынешнее положение дел следствием собственной добродетели (и одновременно фиксируя свою оформившуюся в 1860-е и приведшую, наряду с прочими обстоятельствами, к выпадению с литературного рынка, включенность в славянофильскую группу авторов): «(...) где же был мой литературный огород, после того, как “День”, “Москва”, “Москвич” — все было стерто с лица Русской Земли, и на все, в чем отражалась наша родная мысль и в чем светились народные жизненные идеалы, — на все была наложена печать несломимого молчания. Припомните то, обувавшее нашу писательность, площадное гаерство, вой насмешек, ругательств... (...) И Вы хотели бы, чтобы я, очертя голову, так и ринулась в этот омут? Никогда! Если Вы признаете за мною немного сдержанного хохлацкого ума, то ведь Вы знаете первый признак человека умного — знать: когда и что можно сказать, и время промолчать» (с. 352, письмо от 1 апреля 1883 г., Макаровка).

Литературными отношениями определялись в первую очередь и ее контакты с Аксаковыми: близость их была существенно огра-

---

⁵ «Впрочем, Вы сами виноваты в том, что дали забыть о себе (...)» (с. 351, письмо от 17 марта 1883 г.).

ничена, несмотря на то, что сам Иван Сергеевич Аксаков и Анна Федоровна Тютчева (с 1866 г. ставшая женой Аксакова) привычно выстраивали отношения как дружеские, известное товарищество сохранялось вплоть до самой смерти Соханской. Однако в переписке заметно и изменение отношения с ее стороны, после почти полного прекращения переписки в конце 1860-х — 1870-х гг. — возвращение с новым тоном в 1879 г., когда Аксаков в ее глазах явно перемещается на гораздо более высокую, чем ранее, ступень, в свете событий 1876–1878 гг. и приобретенной европейской известности. Там, где в 1860-е годы она пишет скорее «сверху вниз», в положении автора, в котором заинтересован редактор и в ощущении собственной значимости, в конце 1870-х — начале 1880-х тон принципиально меняется — и, что гораздо существеннее, меняется оптика — теперь у Соханской нет презумпции заинтересованности в ней (и вытекающей отсюда свободы реакций) и возникает потребность заинтересовать собеседника, постоянно побуждая к оговоркам о незначашем, провинциальным извинениям и т. п. Впрочем, эта перемена интонации односторонняя, Аксаковы на протяжении всех этих лет демонстрируют, после первых лет неопределенности, неизменность тона, в чем можно увидеть и проявление личных качеств, и положения — другое дело, что связи прямой здесь нет, ведь положение обуславливает благоприятные или неблагоприятные условия для формирования того или иного склада и типа поведения, затем способного преодолевать меняющиеся обстоятельства и сохранять себя в них.

Свящ. Александр Ермолин

Диакон Павел Гаврилюк. Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. Письма 1947–1955 годов. М. : Издательство ПСТГУ, 2019. 448 с.

Сегодня мы практически разучились писать письма. Печально, но эпистолярный жанр все больше и больше уступает место коротким сообщениям или просто «смайликам». Пушкинское «Я к вам пишу...» все более и более уходит в историю. Дневники, переписка и прочие эпистолярные жанры становятся все более редкими и, вместе с тем, все более ценными и интересными, так как они открывают внутренний мир человека.

Не так давно «Дневники» отца Александра Шмемана стали настоящим событием в духовной и культурной жизни Православия. Они открыли многие личные переживания и мысли известного богослова. Для кого-то это стало искушением, и люди обвиняли отца Александра во многом, начиная от «пастырского выгорания» и заканчивая обвинениями в «неправославии». Для многих и, как полагаю, большинства, публикация «Дневников» показала глубокий духовный мир известного священника, его переживания и стремления. «Дневникам» были посвящены целые исследования¹, что еще раз показывает их глубину и значение. Еще одним важным текстом о жизни выдающегося богослова лично для ме-

---

¹ Балакишина Ю. В. Поэтика «Дневников» протопресвитера Александра Шмемана. Лирические истоки литургического богословия. М. : Издательство Свято-Филаретовского православно-христианского института, 2015. 198 с.

ня стала книга матушки Иулиании Шмеман «Моя жизнь с отцом Александром»².

Известный ученый профессор диакон Павел Гаврилюк смог издать переписку, находившуюся в двух архивах: это архив Флоровского в Файерстунской библиотеке Принстонского университета и архив отца Александра Шмемана в Свято-Владимирской семинарии. Получилась прекрасная книга³, о которой хотелось бы сказать несколько слов.

Публикацию переписки двух выдающихся богословов XX века протопресвитера Александра Шмемана и протоиерея Георгия Флоровского можно назвать «Введением к Дневникам». На страницах этой прекрасной книги мы видим молодого отца Александра в переломный момент его жизни. Он делал выбор между Францией и Америкой, между своими личными богословскими интересами. Быть может, это прозвучит резко, но на страницах этих писем мы видим отца Александра молодым и дерзким максималистом.

Отец Александр весьма смело и дерзко называл «ККК» (то есть «Ку-клукс-клан») тройку руководителей Свято-Сергиевского института: епископа Кассиана (Безобразова), архимандрита Киприана (Керна) и профессора А. В. Карташева. Причем это емкое сравнение разошлось по институту и им пользовался, например, отец Иоанн Мейендорф⁴. И это противостояние «детей и отцов» на страницах писем разворачивается очень ярко. Тем письма и интересны, ведь матушка Иулиания в своей книге писала об этом гораздо мягче. Она писала лишь о том, что «во главе Св.-Сергиевского богословского института стояла группа профессоров, которые поддерживали его деятельность, но не считали нужным привлекать более молодых людей и не признавали никого, кто мог бы, упаси Бог, привнести в жизнь института какие-либо перемены или новые идеи»⁵. Также «они не поощряли тесного общения преподавателей со студентами или с окружающим миром. Большинство признавали лишь то, что уже было раньше в России» и «молодые преподаватели не допускались к участию в совещаниях профессорско-препода-

---

² Шмеман У. Моя жизнь с отцом Александром. М. : АСТ, 2014. 256 с.

³ Гаврилюк Павел, диакон. Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. Письма 1947–1955 годов. М. : Издательство ПСТГУ, 2019. 448 с.

⁴ См.: Гаврилюк Павел, диакон. Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. С. 57.

⁵ Шмеман У. Моя жизнь с отцом Александром. С. 137.

вательского состава, на которых могли присутствовать лишь члены “внутреннего круга”»⁶. Но тут мы видим взгляд на эти события «изнутри», из опыта самого отца Александра.

Еще один пример подобного резкого и «горячего» суждения: «начинается движение воды в нашем стоячем православии, и нам было бы трагично, если из-за трех сумасшедших, которые до ужаса ничего не понимают, ничего не слышат и ничего не хотят слышать, все рухнуло бы!»⁷.

Годы жизни в Америке, два десятилетия управления семинарией в американской эмиграции серьезно меняют взгляды этого человека. Между отцом Александром «Писем» и отцом Александром «Дневников» разница не только в два десятилетия. Разница в огромном духовном, пастырском и административном опыте. Так, Шмеман в одном из писем «сравнивает отъезд своей семьи из Парижа с библейским Исходом иудеев из Египта. В “Дневниках” он использует другой ветхозаветный образ, а именно призвание Авраама в Землю обетованную»⁸.

Личность отца Георгия также раскрывается в этой переписке. Мы видим его максимально живым, страстным, увлеченным ученым. И конфликт, который развернется между двумя богословами на американской земле, станет еще и конфликтом двух принципиально иных отношений к своему служению. «Флоровскому всегда легче было работать со студентами, у которых были серьезные интеллектуальные запросы, Шмеман же умел работать со всеми»⁹.

Непростой характер Флоровского раскрывается на страницах книги отца Павла. Он рассказывает о наименовании «отец Церкви»: «Флоровский, который не страдал ложной скромностью, относился к этому наименованию вполне серьезно и однажды на замечание одного неправославного богослова на экуменическом съезде о том, что “Отцы Церкви уже в прошлом”, ответил: “Нет, Отцы Церкви не умерли. Я-то ведь жив!”»¹⁰.

История повседневности — это одно из интересных направлений в современных исторических исследованиях. Увидеть че-

---

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 130–131.

⁸ Там же. С. 283.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ *Гаврилюк Павел, диакон. Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. С. 63.*

ловека среди вещей, которые его окружали, понять его быт и повседневность — все это помогает в целом воспринимать эпоху. И в «Письмах» мы встречаем многие подробности жизни отца Александра во Франции и в Америке.

Пример этого — подработки отца Александра в Высшей Коммерческой школе¹¹, где он давал уроки для переводчиков. «Наше положение в этом году столь катастрофично, что у меня часто буквально не бывает денег на марки»¹², — пишет он в одном из писем к отцу Георгию.

Еще одна важная подробность о жизни Шмеманов уже в Америке — это уровень заработной платы. Отец Павел делает важное указание на то, что в 1949 году для семьи с двумя детьми минимальный прожиточный минимум был равен 3 300 долларов в год. Флоровскому с супругой, которые не имели детей, 2 000 долларов с учетом проживания на семинарской квартире вполне хватало, но для семьи Шмеманов с тремя детьми этого было крайне мало. Этой зарплаты «хватало лишь на полмесяца, и о. Александр был вынужден подрабатывать служением на приходе, публичными лекциями и участием в передачах на радио “Свобода”»¹³. «Написание еженедельных проповедей и трансляция их в Россию на радио «Свобода» и еженедельные литературные комментарии приносили нам сто долларов, и это было чудесно»¹⁴, — так писала об этом периоде их жизни матушка Иулиания.

Еще одним важным аспектом, раскрывающимся на страницах «Писем», является становление отца Александра как ученого. Известно, что будущий выдающийся литургист начинал как историк Церкви. И в «Письмах» мы не раз видим как отец Александр с большим интересом и воодушевлением говорит о своих церковно-исторических исследованиях. «Заказал и получил фотоконии Марка Эфесского рукописи в Нац[иональной Парижской] библи[отеке]»¹⁵. «Сейчас пишу всю курс истории Виз[антийской] Церкви IX–XV в»¹⁶. «Сейчас очень увлекаюсь Мар-

---

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Там же. С. 263.

¹³ Там же. С.203.

¹⁴ Шмеман У. Моя жизнь с отцом Александром. С. 155.

¹⁵ Гаврилюк Павел, диакон. Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. С. 167.

¹⁶ Там же. С. 195.

ком [Эфесским]»¹⁷. Все эти высказывания времен жизни во Франции показывают, как молодой отец Александр видел себя в качестве ученого-историка.

Отец Павел не обошел стороной и очень непростой вопрос о конфликте между отцом Александром и отцом Георгием.

Одна из печальных страниц взаимоотношений Флоровского и Шмемана — это попытка обвинить отца Александра в плагиате и попытки препятствовать выходу в свет английского издания «Исторического пути православия». Отец Павел в ссылке делает очень важный комментарий: «до разрыва Шмеман использовал слово “путь”, которое имело центральное значение в историографии Флоровского в “Путях русского богословия”, в английском переводе своей книги Шмеман отказался от английского слова “way” в пользу слова “road”»¹⁸.

Наверное, сложно пересказать все содержание этой прекрасной книги. Да и вряд ли нужно это делать. Такие труды надо читать и такая переписка должна быть на столе у каждого человека, интересующегося православным богословием.

---

¹⁷ Там же. С. 260.

¹⁸ Там же. С. 174.

А. В. Короленков

СТАЛИН И ЕГО ЭПОХА: ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

О. В. Хлевнюк. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016;
S. Fitzpatrick. On Stalin's Team: The Years of Living
Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015

Сталинская эпоха, её события и люди продолжают вызывать огромный интерес, что во многом обусловлено политической ситуацией в России. Однако по-настоящему качественной литературы выходит не так уж много, а научные работы зачастую посвящены более или менее узким темам. В результате в нашей историографии до сих пор нет такой, казалось бы, самоочевидной работы, как научная биография Сталина. Правда, такая книга должна была бы занять несколько томов, как это бывало в XIX в., но сейчас такие труды вышли из моды. Однако если уж кому-то братья за жизнеописание «вождя», то, конечно, Олегу Витальевичу Хлевнюку — одному из лучших знатоков темы и автору многих блестящих исследований этой эпохи.

Правда, его книга «Сталин. Жизнь одного вождя»¹ — тоже не биография в прямом смысле, а, скорее, очерки таковой. Автор не освещает всю жизнь своего героя от начала до конца: мы не найдём, например, в книге рассказа о деятельности Сталина в первой половине 1918 г. (между революцией и обороной Царьцына), о его участии в обороне Петрограда в мае 1919 г. Это обусловлено как ограничениями объёма, так и состоянием докумен-

---

¹ Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016. 496 с.

тальной базы, при отсутствии которой автор предпочитает обойти соответствующие сюжеты молчанием.

Структура книги напоминает сценарий фильма. Начинается основное повествование с ночи на 1 марта 1953 г., когда произошла последняя встреча Сталина с его соратниками, после чего следует глава о собственно биографии. Последняя такая «смена плана» происходит в конце, завершаясь смертью «вождя», причем последние дни расписаны чуть ли не по часам — совсем как в кино, когда умирающий вспоминает прожитое.

Однако вернёмся к собственно началу. «Эта книга будет неинтересна авторам “Иного Сталина”, “Подлых мифов о Сталине”, “Сталина Великого” ... и прочего, а также их почитателям. Я писал эту книгу для тех, кто (как и я сам) хотели бы понять Сталина и его эпоху и характер и логику действий советского диктатора» (с. 11). Заявление, возможно, несколько опрометчивое, ибо названные опусы² могут читать и люди, ещё не определившиеся с оценками или способные их менять, а их не так уж мало.

Но что же пишет автор о жизни Сталина? Детство «вождя», по его мнению, было не столь уж беспросветным: мать трудилась, не покладая рук, чтобы обеспечить сына, выхаживала его, когда он болел³, и он отвечал ей искренней привязанностью. Поступив в семинарию, Иосиф Джугашвили демонстрировал неплохие результаты в учёбе, однако духовная карьера его явно не привлекала, зато он нашёл себя в революционном движении. Осторожность позволяла молодому человеку дольше других избегать арестов, что помогло ему стать одним из руководителей тифлисской социал-демократической организации. В результате временного примирения меньшевиков и большевиков в Закавказье во время революции 1905–1907 гг. последние провели, да и не то не сразу, лишь одного кандидата на объединительный съезд социал-демократической партии в Стокгольме, однако Сталин не остался внакладе, поскольку именно он и оказался этим делегатом.

Будущий «вождь» активно участвовал в революции 1905 г., был причастен к организации подпольных групп, но в «эксах», су-

---

² En masse это то, что В. В. Согрин назвал пропагандистской и обывательской историографией (*Согрин В. В. Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203*).

³ О. В. Хлевнюк предполагает, что именно Екатерина Джугашвили сыграла немалую роль в том, что позднее ее сын покинул семинарию без скандала (с. 45).

дя по всему, не участвовал (хотя некоторые считают иначе). Однако его связь с мастером экспроприаций Камо, организовавшим очередное «изъятие» денег в Грузии вопреки запрету съезда партии, привела к тому, что Сталину пришлось уехать из Тифлиса в Баку, где он устроил раскол среди социал-демократов (руководство в их бакинской организации захватили большевики). Впрочем, вскоре последовали аресты, ссылки, но зато в 1912 г. Сталина ввели в состав ЦК ленинской партии, после чего на постоянную работу в Закавказье он не возвращался, всё больше разъезжая по России, в том числе и по столицам, бывал и за границей, на совещаниях у Ленина, особенно интересовавшегося его статьёй «Марксизм и национальный вопрос» — автор, как известно, выступал за единую социал-демократическую партию, против её «растаскивания» по национальным «квартирам». Наглядным свидетельством его собственного интернационализма стал псевдоним «Сталин», звучавший по-русски и символизировавший принадлежность его обладателя к общероссийскому революционному движению.

Однако на всём этом на долгих четыре года поставила крест новая ссылка, на сей раз в Туруханский край, где ему пришлось прозябать в вынужденном безделье и забвении — Ленин даже забыл его фамилию. Здесь положение будущего «вождя» напоминало положение всей партии (с. 32–60).

Ситуация изменилась после Февральской революции. Сталин, как и другие руководители большевиков, приехал в Петроград, где занял, подобно своему другу Каменеву, умеренные позиции — поддержал линию на сотрудничество с другими социалистическими партиями. Однако довольно быстро Ленин переманил Сталина на свою сторону. (Свою роль, по мнению автора, в этом могло сыграть выдвижение Троцкого — чужака в большевистской среде, но весьма полезного для партии человека.) Из всего этого будущий «вождь» извлек практический урок, как надо продавливать намеченную программу: «главное — взять власть, а что делать дальше, подскажут обстоятельства». В то же время весьма расплывчата оценка роли Сталина в Октябрьском перевороте: «Сталин не был лидером революции. Однако как один из большевистских руководителей [...] выполнял важные обязанности. Он пошёл за Лениным. Этим определялось его место в революции» (с. 86).

На фронтах начавшейся вскоре гражданской войны Сталин был постоянно — во всяком случае реже, чем в Москве. Наиболее подробно автор останавливается на обороне Царицына, где Сталин открыто проявил неприязнь к военспецам, больше полагаясь на свой дилетантский «здравый смысл», штурмовщину и поиск заговоров (с. 88–91). Попутно он не раз ссорился с другими большевиками. Но если второе вполне понятно — шла борьба за власть в условиях гражданской войны, — то упорная ненависть к бывшим царским офицерам требует объяснения. Ведь другие видные большевики без военного образования, непосредственно руководившие войсками в боях против белых, такие, как М. В. Фрунзе или Г. Е. Сокольников, охотно сотрудничали с военспецами и не выражали презрения к военной науке. Сталин же хвастался тем, что «быстрое взятие [Красной] Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела» (Ленин, как указывает автор, сделал язвительную помету на полях этой телеграммы — с. 94)⁴. Стоит также заметить, что в годы войны диктатор смягчит свою позицию, ставя во главе Генерального штаба и фронтов царских офицеров Б. М. Шапошникова (которого особенно уважал), А. М. Василевского, Л. А. Говорова, Ф. И. Толбухина и др. Вопрос требует дальнейшего рассмотрения. Но ясно, что из гражданской войны Сталин вынес склонность к чрезвычайным методам и конфликтам с товарищами по партии (особенно с Троцким), тем более что они ему сходили с рук — Ленин поддержал «чудесного грузина», несмотря даже на его выпады против себя после поражения под Варшавой (с. 98–99).

После гражданской войны Сталин стал бороться за дальнейшее усиление своего влияния. Он отказался от должности наркома рабоче-крестьянской инспекции и добился ликвидации наркомата по делам национальностей, который возглавлял — такая работа не позволяла ему укреплять свое положение в верхах. Этой последней цели он сумел добиться, заняв пост генерального секретаря ЦК РКП (б). Ленин продолжал оказывать ему поддержку. Однако осенью 1922 г. «вождь» неожиданно сменил милость на гнев и даже поставил вопрос о смещении верного ему Сталина с поста генсека. Между тем последний, как отмечает О. В. Хлев-

---

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. С. 389.

нюк, не сделал ничего, чего не делали бы другие большевистские вожди. По мнению автора, это был очередной манёвр Ленина, в данном случае стремившегося лишь ослабить триумвират Зиновьев — Каменев — Сталин. Другое дело, что последний подставился под удар, оскорбив Крупскую и неловко поведя себя в «грузинском деле». Однако ухудшение здоровья Ленина и поддержка «друзей» спасли его от неприятностей (с. 105–113)⁵.

Началось время коллективного руководства, «в период которого были приняты наиболее продуктивные решения, ознаменовавшие расцвет новой экономической политики» (с. 121). Сталин сам до поры до времени поддерживал её. Проявлял он осторожность и во внешней политике, без энтузиазма относясь к не продуманным планам Зиновьева и Бухарина в отношении Германии и разжигания в ней революции. (При этом, по мнению О. В. Хлевнюка, Зиновьев и Каменев, выступавшие против углубления нэпа, исходили не столько из идейных соображений, сколько из того, что иначе у них не было повода встать в оппозицию конкурентам⁶.) Сталин довольно скоро стал стремиться к развалу коллективного руководства, уже в 1924 г. позволив себе нападки на Зиновьева и Каменева. Тогда он успеха не добился. Но всего через два года оба они будут выведены из политбюро — как и Троцкий, против которого они боролись вместе со Сталиным.

Вслед за ними наступила очередь Бухарина, Рыкова и Томского. Во время поездки в январе 1928 г. в Сибирь Сталин не только начал возврат к политике военного коммунизма, с помощью репрессий заставляя крестьян за бесценок продавать хлеб, но и подменил партийными органами правительственно-хозяйственные, т. е., в конечном счёте, Рыкова. При этом с сибирскими чиновниками он вёл себя «по-товарищески», с одной стороны, «накачивая» их, с другой — критикуя мягко и «дружелюбно». Эта манера поведения «была эффективным оружием Сталина до тех пор,

---

⁵ При этом О. В. Хлевнюк отрицает гипотезу В. А. Сахарова (с. 112), согласно которой «неудобные» для Сталина ленинские оценки на деле являются фальшивкой (см.: Сахаров В. А. Политическое завещание Ленина: реальности и мифы политики. М., 2003).

⁶ Вопрос непростой. Например, Л. Б. Каменев, в чем-то поддерживая нэп, в то же время подрывал его, добиваясь, в частности, «жёсткого завоза» в магазины вместо ориентации на требования рынка (см. Лацис О. Р. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 257).

пока необходимость в демонстрации “партийного товарищества” не исчезла совершенно» (с. 152).

Наконец, началось то, что автор называет «ультралевым переворотом». Он показывает, что Сталин спровоцировал раскол в партии, без которого не мог добиться господства. Этому способствовали и умелая тактика Сталина, и ошибки Бухарина и его товарищей, и поддержка со стороны значительной части аппарата (при этом генсек во многом пользовался уроками Ленина). В области же экономики он решил распространить на всю страну методы, опробованные в Западной Сибири, т. е. административный подход, насилие над экономикой. Экономика же под лозунгом «В десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран» объявлялась крепостью, каковой должны овладеть большевики (с. 159). На практике это означало войну с крестьянством — Сталин не воспринимал его как серьёзного противника, что, в общем-то, неорганизованное сопротивление селян и показало. «Коллективизация — одно из ключевых достижений Сталина, на котором в значительной мере держалась его диктатура. Все остальные черты сталинской системы можно рассматривать как производные от коллективизации» (с. 167). Но плата за это оказалась страшной: деревня деградировала, урожайность падала, «полная катастрофа постигла животноводство — число голов крупного рогатого скота уменьшилось с 60 до 33 млн (!) (с. 168). Наконец, в 1932–1933 гг. страну постиг голод. «Одержанная победа над крестьянством имела все черты поражения» (с. 176).

Это вынудило Сталина пойти на уступки, оставив за крестьянами приусадебные участки и по нескольку голов скота на семью, что помогло легче перенести следующие неурожайные годы. Были сбалансированы планы второй пятилетки, генсек заговорил о необходимости вернуть «моду на деньги» (с. 179). Получил свободу кое-кто из заключённых; Сталин осознал экономические последствия репрессивных кампаний. Однако период «умеренности» закончился после убийства Кирова (отношения к нему Сталин, по мнению автора, не имел), началось время «полутеррора». С одной стороны, вновь выросло число арестов, с другой — продолжалось освобождение и даже реабилитация сотен тысяч людей, попавших под суд по неполитическим соображениям. Молодёжи из «социально чуждых» слоёв подали надежду на возможность

удачной карьеры («сын за отца не отвечает»). Началось выдвижение молодых кадров: Н. И. Ежова, А. А. Жданова, Н. С. Хрущёва. Зато за старых членов партии (пока только за раскаявшихся оппозиционеров) взялись теперь всерьёз. По удар попал даже друг Сталина А. С. Енукидзе — тем самым генсек «испытывал прочность остатков “коллективного руководства”». Это был первый ощутимый удар диктатора по своему ближнему кругу», причём, по мнению автора, успешный (с. 199). Здесь стоит оговориться, что успех оказался частичным, ибо Енукидзе был восстановлен в партии, арестован же лишь в начале 1937 г. Но то, что «малый террор всё более уверенно и неумолимо перерастал в большой», безусловно, верно.

В 1937 г. страна вступила в полосу «большого террора», который стал таковым потому, что затронул и основную массу населения (со второй половины 1937 г.), а не одних лишь номенклатурных работников, как это любят представлять защитники репрессий. Как отмечает О. В. Хлевнюк, первоначально предполагалось всё закончить в течение 1937 г., однако «чистка» растянулась почти до конца 1938 г. Право местных руководителей на запросы о превышении «лимитов» на аресты было фактически их обязанностью. По мнению автора, Сталин полностью контролировал ситуацию⁷ и ослабил террор тогда, когда счёл нужным — достаточно сказать, что он назначил и сместил Ежова, когда захотел, предварительно дав ему в заместители Л. П. Берия, которого тот по собственной воле никогда не выбрал бы на данный пост (с. 216). Не подтверждается фактами и просто противоречит здравому смыслу теория западных советологов, подхваченная Ю. Н. Жуковым (без ссылки на них) о том, что «вождя», собиравшегося-де ввести в стране демократическую систему с альтернативными выборами, принудили начать террор те, кто боялся такие выборы проиграть — представители номенклатуры, в том числе и на местах (с. 218–219).

Террор был во многом обусловлен международной обстановкой — Сталин на свой лад укреплял тыл накануне грядущей мировой войны. «Однако потенциальная “пятая колонна”, несомненно, созданная всей предшествующей политикой большевиков, в воспалённом сознании Сталина и его соратников приобрета-

---

⁷ Так думают далеко не все учёные (см. ниже обзор книги Ш. Фицпатрик).

ла многократно преувеличенные масштабы. Не реальные опасности, а их призраки правили бал в политике террора. Уничтожение вымышленных потенциальных «врагов» ослабило страну» (с. 227–228). Это мешало и поиску союзников, ухудшая репутацию СССР. Хотя террор, по мнению О. В. Хлевнюка, вовсе не был главным препятствием на пути договоров о союзе, дополнительные аргументы их противникам он давал. В конце концов, Сталин договорился с Гитлером, который готов был хорошо заплатить за спокойствие на восточных границах в самый острый момент. Но дружба с ним оказалась недолгой: советский вождь явно чувствовал неуверенность перед лицом столь опасного врага и не собирался наносить по нему превентивного удара, как полагают некоторые авторы. Однако Сталин не ожидал в 1941 г. и нападения со стороны Гитлера, став «жертвой веры в стратегическую логику, в наличие у Гитлера инстинктов самосохранения» (с. 259), которые удержали бы его от войны на два фронта. Думается, что фюрера эти инстинкты подвели гораздо раньше — при вступлении в мировую войну. Однако нападение на СССР, несомненно, ускорило крах Третьего Рейха.

Итак, «ожидаемая неожиданность», как называет её автор, стала реальностью. Но мало того, что Сталин пропустил нападение: он отказался оформить своё руководящее положение в условиях войны, назначив во главе Ставки Главного командования наркома обороны С. К. Тимошенко, которому никто не захотел подчиняться, что усилило неразбериху. Вождь не стал выступать 22 июня перед народом, поручив это Молотову. Наконец, он на какое-то время просто самоустранился от руководства. Приход Молотова, Микояна, Берии, Ворошилова, Микояна и Вознесенского на дачу Сталина с предложением создать Государственный комитет обороны был, по мнению О. В. Хлевнюка, ловким приёмом с целью вернуть ушедшего в себя «вождя» к выполнению обязанностей (что и удалось). При этом версию о том, будто Сталин решил, что соратники пришли его арестовывать, автор отвергает, ибо она основана на произвольных добавлениях к мемуарам А. И. Микояна (с. 278–282).

О. В. Хлевнюк отмечает, что деятельность Сталина как военачальника на основе документов не изучена (поэтому в книге о ней говорится немного), однако, думается, вряд ли такое изучение принципиально изменит оценку, которая дана в книге — «не-

умелый полководец» (с. 284). Генсек не имел военной подготовки и должного опыта и потому руководил с опорой на «здравый смысл». Автор приводит обнаруженную им в архиве сталинскую рекомендацию — разместить тяжёлые танки КВ «через каждый километр в среднем, местами через 2 километра» и т. д. (с. 286), хотя наибольший эффект имело бы массированное применение КВ. В январе 1942 г. Сталин говорил о необходимости создавать перевес на важнейших участках фронта и тут же сам навязал план наступления сразу на нескольких фронтах, при котором такой перевес становился невозможен (с. 301). Не доверяя военным, он усилил политический контроль, ставя над ними малокомпетентных комиссаров вроде Мехлиса. Со временем, правда, Сталин сделал некоторые выводы: у него хватило терпения отказаться от упреждающего удара под Курском, он отменил институт военных комиссаров, перестал прогнозировать сроки разгрома Германии (как делал поначалу). Любопытно, что в представлениях к наградам, которые попадали на стол «вождя», всё чаще подчёркивалось не только мужество, но и мастерство отличившихся (с. 317). Да и сам он стал с куда бóльшим уважением относиться к мнению военачальников и значительно реже вмешиваться в оперативные решения (с. 327–328).

О. В. Хлевнюк обращает внимание на такой интересный эпизод, как поездка Сталина на фронт в августе 1943 г. Военной необходимостью она, как полагает автор, не вызывалась и была пропагандистским шагом. Зато сам Верховный в переписке с Рузвельтом и Черчиллем изображал свои поездки на фронт как регулярную практику (с. 311–312). (Думается, если бы такая практика имела место, она вряд ли принесла бы пользу делу, лишь усилив нервозность командования.)

В годы войны Сталину пришлось изменить и гражданское управление: он вынужден был допустить административную автономию, прежде всего среди членов Политбюро. Но с приближением конца войны генсек стал всё чаще отказываться от этой практики, ещё в сентябре 1944 г. устроив разнос Микояну за выделение зерновых ссуд ряду областей. Начали «ставить на место» и военных: Г. К. Жукову объявили выговор якобы за самоуправное утверждение уставов артиллерии, а заместителем наркомата обороны был назначен Н. А. Булганин — человек сугубо штатский и потому служивший противовесом «окрепшим» маршалам (с. 329–331).

Аналогичную политику продолжал Сталин и после войны, учинив головоломку Молотову за процедурные вольности в ходе неудачных переговоров с союзниками в Лондоне, понизив в должности Жукова и т. д. Попутно Сталин начал реорганизацию своего ближнего круга, возвысив А. А. Жданова и Н. А. Вознесенского в ущерб Л. П. Берии и Г. М. Маленкову, которые лишились своих постов (с. 370–374). Однако возвышение «ленинградцев» оказалось недолгим: Жданов в 1948 г. умер, а Вознесенский вместе со многими другими выходцами из города на Неве вскоре погибает в результате «ленинградского дела». При этом, как замечает автор, хотя Маленков и Берия подавали Сталину компромат на соперников, они могли не осознавать последствий, которые возымеют их действия (с. 384). С этим вполне можно согласиться, поскольку новые репрессии могли, как показал опыт «большого террора», обернуться и против них самих. Перед смертью Сталин затеял новую крупную перетасовку в верхах, создав вместо Политбюро Президиум ЦК. Молотову и Микояну явно угрожала расправа (генсек, очевидно, не хотел признавать кого-либо своим преемником, а этих двоих именно таковыми и считали), в немилости оказался Берия; параллельно началось «дело врачей». Однако смерть Сталина положила всему этому конец. При этом переход к совместному правлению произошёл достаточно легко, поскольку ещё при Сталине его будущие преемники «приобрели определённые навыки самостоятельности и коллективного руководства» (с. 413–427).

В области внешней политики Сталин поначалу проявлял осторожность, не идя на прямую конфронтацию с недавними союзниками — роль «мистера “Нет”» выполнял Молотов, тогда как вождь позволял себе некоторые тактические уступки. Однако от борьбы за укрепление своих позиций он отказываться не собирался, США и Англия тоже, что привело к «холодной войне». Правда, нет доказательств, что Сталин собирался затеять новую крупную войну, однако гонка вооружений тяжким бременем ложилась на плечи народа, прежде всего крестьянства. Деньги, тяжким трудом добытые им во время войны, в значительной мере были изъяты у него в ходе денежной реформы 1947 г., снабжение же деревни оставалось на крайне низком уровне. Попытки соратников генсека добиться послаблений для села результата не давали, но, как только он умер, эти послабления привели к росту сельскохозяйственного производства (с. 406–411).

Что обеспечивало в этих условиях стабильность сталинского режима? О. В. Хлевнюк видит их в страхе народа перед новыми потрясениями, в создании привилегированных слоев, прежде всего жителей крупных городов, среди которых особо выделялись коммунисты («существует два уголовных кодекса, один для коммунистов и другой для остальных», — писал незадолго до смерти Сталина генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов), а среди них — чиновники⁸. После «большого террора» их в целом оставили в покое, на их злодейство нередко закрывали глаза — в частности, в 1948 г. Сталин не дал хода материалам о крупномасштабном взяточничестве в Азербайджане и лишь пожурил местных руководителей, ограничив права министерства госконтроля при проверках на местах (с. 448).

В завершение О. В. Хлевнюк констатирует, мягко говоря, сомнительность мифа о Сталине, сторонники которого избирательно подходят к фактам, не брезгуя и фальсификациями (отметим, что аналогичные обвинения предъявляет оппонентам и противная сторона). «Старательно объясняя, почему при Сталине миллионы людей обязательно должны были умереть от голода во имя великой цели, осуждают Хрущёва, закупавшего хлеб за границей» (с. 445). Не вызывает сомнений роль Сталина в организации террора, который, в одних отношениях усиливая диктатуру, в других ослаблял её. Продолжение сталинского курса угрожало самим основам советского строя (заметим, что и просто нормальному функционированию государственной системы), поэтому демонтаж созданной им системы был неизбежен. «Тем не менее политические штампы о беспримерном величии сталинской эпохи, о равенстве и борьбе с коррупцией, о радости и чистоте той далёкой и погубленной врагами жизни эксплуатируются недобросовестными публицистами и политиками и попадают на благодатную почву. Насколько опасна эта смесь исторического невежества и социального недовольства? Повторит российский XXI век судьбу XX?» (с. 451). Этим вопросом завершается книга. С оценками автора можно согласиться, но стоило бы проявить больше точно-

---

⁸ Как верно замечает автор, именно горожане оставили больше всего источников о настроениях того времени. Их сведения почти не имеют отношения к основной массе населения — крестьянам, а потому обобщения на сию тему на основе таких материалов зачастую оказываются недостаточно обоснованными (с. 430, 433).

сти в выражениях: величие сталинской эпохи несомненно, однако весь вопрос в том, во что оно обошлось народу и государству.

В завершение рассматривается тема «Сталин и его семья». По мнению автора, в семье он был не так суров, как в политике. «Вождь» более или менее уважительно относился к женщинам, в том числе и к своим жёнам. Причиной самоубийства Надежды Аллилуевой стала, по-видимому, не грубость мужа, не его измены и уж тем более не политические разногласия, как иногда считают, а скорее психическая неуравновешенность Надежды и не всегда осторожное поведение Сталина, который этой особенностью явно не учитывал. В то же время отношения с сыном от Аллилуевой, Яковом, не сложились, тогда как Василия отец непомерно баловал. Дочери же, с которой долгое время Сталин был в прекрасных отношениях, он сломал её первый брак. «Своё отношение к системе, созданной отцом, дочь Сталина вполне определённо продемонстрировала бегством в страну, которую сам Сталин считал злейшим врагом социализма» (с. 342–356).

Подведём промежуточный итог. Перед нами объективная, квалифицированно и вполне доступно написанная книга. Автор беспристрастен, но не бесстрастен — тема к отстранённости не располагает. Однако строятся его выводы на тщательном анализе источников и литературы, а не на симпатиях или антипатиях. Впрочем, поклонники «вождя» вряд ли с этим согласятся, но, чтобы опровергнуть его, им придётся проделать работу, подобную той, что проделал сам О. В. Хлевнюк. Пока им это не удалось.

Во многом перекликается с книгой отечественного историка монография американской исследовательницы, чьи труды не раз переводились на русский язык — Шейлы Фицпатрик⁹. Название ее новой работы можно условно перевести как «Команда Сталина. Жизнь под дамокловым мечом в советской политике»¹⁰. «Когда Сталин хотел потянуть время, имея дело с иностранцами, он иногда говорил, что вопрос надо обсудить на политбюро. Это воспринималось как фикция, поскольку дипломаты справедливо по-

---

⁹ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. М., 2001 (2-е изд. — 2008); *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2001 (2-е изд. — 2008).

¹⁰ *Fitzpatrick S.* On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015. XIV, 364 p.

лагали, что конечное решение остаётся за ним. Однако отсюда не следует, что политбюро, с которым он советовался, или команды соратников, с которой он работал, не существовало». Команда эта, прошедшая через борьбу с оппозицией, пережившая «большую чистку» и годы паранойи Сталина на закате его жизни, распалась лишь в 1957 г., когда Н. С. Хрущёв взял верх и избавился от неё (с. 1).

«Команда» стала складываться в начале 1920-х гг., во время борьбы с Троцким. Первым из видных партийцев в неё вошёл Молотов — самый молодой из членов политбюро за время его существования, — следующими — Ворошилов, в 1925 г. ставший наркомвоенмором и членом политбюро, Каганович («самый преданный Сталину из всей его команды»), а также Куйбышев, Рудзутак, Андреев, Калинин, Орджоникидзе, Микоян, Киров (трех последних Ш. Фицпатрик называет «кавказским трио»). «Его команда сложилась на основе политического выбора. Это отличало её от группы, сформировавшейся вокруг Троцкого («левые», как их потом именовали), которые выступали за центральное планирование и индустриализацию. Это также отличало её от «правых» — членов политбюро Бухарина, Рыкова, Томского, Калинина, а во многих случаях и Ворошилова, склонных к умеренной политике и осторожности в отношениях с крестьянством. В середине 1920-х годов ориентацию на «правую» политику была вполне совместима с пребыванием в команде Сталина, которую Троцкий воспринимал как политически нейтральный блок «партийных бюрократов»» (с. 32).

Сталин действовал умело: сначала боролся с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого, потом обрушился на них в союзе с «правыми», когда же Зиновьев, Каменев и Троцкий объединились против него, оказалось уже поздно. При этом Сталин был не прочь взвалить наиболее тяжёлую работу на вернейших соратников, а сам устранился на время: так, желая вывести ЦК Троцкого и Зиновьева, уехал в отпуск, и держать удар в его отсутствие пришлось прежде всего Молотову (с. 36).

Итак, «Сталин и его команда одержали победу во фракционной борьбе, которой были заняты последние пять лет. Власть находилась в их руках. Встал вопрос: что же они собираются с ней делать?» Ответ оказался «простым и неожиданным»: они решили «устроить [новую] революцию» (с. 42, 43), т. е. сломать нэп,

который основной массой населения («обывателями», как их называли большевики), воспринимался как возвращение к нормальной жизни, зато вызывал крайнюю неприязнь партийных и комсомольских активистов, вчерашних комиссаров гражданской войны, которые сравнивали нэп с термидором. Их настроения разделяли Сталин и его окружение: даже их одежда (подпоясанные гимнастёрки) напоминала о гражданской войне.

В ходе начавшейся войны с крестьянством, успехи в которой «вождь», беседуя с Черчиллем, объявил более значительными, чем разгром Германии, стало практиковаться нечто новое по сравнению с тем, что предлагали «левые», — аресты и высылки кулаков. «Именно Сталин взял на себя инициативу в этом великом противостоянии, демонстрируя твёрдость, что воодушевило остальных членов команды и убедило их в его выдающихся качествах лидера. Необдуманность новой политики Сталина иногда поражала их, не говоря уже о его склонности к принуждению, однако именно она восхищала их» (с. 46). Но не всех: «правые» Рыков, Бухарин, Томский, до сей поры входившие в команду, оказались не готовы принять новую политику, и теперь, после нового раунда фракционной борьбы, места в окружении генсека им не нашлось — хотя ещё недавно их связывали с ним самые дружеские отношения.

Самым ярким сторонником генсека во время «великого перелома» показал себя Молотов, который немало ездил по стране, добиваясь осуществления сталинской политики. Впрочем, то же можно сказать и о Кагановиче, Микояне, Орджоникидзе; менее других покидал столицу Калинин. Постепенно появились новые креатуры: сам Сталин обратил внимание на Жданова, Орджоникидзе стал продвигать Берию, Каганович — Хрущёва. В целом же Сталин и его окружение опирались на молодёжь, которая стала ударной группой коллективизации, индустриализации и культурной революции. При этом наиболее перспективными из её среды оказались те, кто получил инженерное образование. Наиболее ярким примером могут послужить Брежнев, Косыгин и их группировка, пришедшая к власти в 1960-х гг., но у нее были и предшественники — Хрущёв и Маленков, также обучавшиеся в технических вузах. Впрочем, иногда Сталин оказывал милость и недавним оппозиционерам: наиболее яркий пример — Пятаков, назначенный заместителем наркома тяжёлой промышленности Орджоникидзе (с. 49–63).

Команда (особенно после смерти Надежды Аллилуевой) играла в жизни Сталина не только политическое значение. Её сердцевиной в социальном смысле были «кавказцы» — грузины Сталин и Орджоникидзе, армянин Микоян, а также Ворошилов и Киров, воевавшие в гражданскую войну на юге и заведшие в те годы связи с представителями кавказских народов. Орджоникидзе был всеобщим любимцем, почти все в команде были с ним на короткой ноге. Большой симпатией в этой компании пользовались Киров, Микоян и, до поры до времени, Бухарин. Внутри команды существовали свои микрогруппы — Микоян и Ворошилов были близки с Бухариным, Куйбышев дружил с Кировым и Микояном (ещё с гражданской войны) и т. д. Несколько особняком держался Молотов.

Дачи «вождей» превратились в своего рода центры «общественной жизни», причём немалую роль в этом играли их жёны (Ш. Фицпатрик отмечает, что среди них было немало евреек) и дети. При этом в некоторых семействах браки долгое время (Хрущёв) или даже вовсе (Микоян) не регистрировались. Среди жён опять-таки особняком держалась супруга Молотова — единственная из их числа, устраивавшая официальные приёмы. В целом же в команде в то время царил непринуждённая атмосфера, «вожди» подшучивали друг над другом, рисовали шаржи и т. д. Сталин ценил свою команду в целом и всех её членов по отдельности — говоря о связывавших их узах, Ш. Фицпатрик проводит сравнение с футболистами. Генсек мог распекать ближайших соратников, стравливать между собой, но хотел сохранить дух команды. Однако при необходимости он, разумеется, избавлялся от неудобных, как это произошло с Бухариным, Рыковым и Томским (с. 64–73). И главное: «В советских политических верхах стало неписаным правилом, что члены внутреннего круга не должны создавать особых групп или неофициально встречаться друг с другом иначе как перед очами Сталина» (с. 185).

Чем дальше, тем больше соратники Сталина боролись за интересы вверенных им ведомств или территорий (в стороне от этого остались лишь сам вождь, Молотов и Калинин). Сталин утверждал: они требуют больше ресурсов, чем надо, вместо того чтобы лучше работать. «Защита ведомственных интересов всегда изображалась как зло, однако на практике она была важным *modus operandi* в рамках политбюро и советского правительства. Сталин подозрительно относился к разногласиям среди руководителей, когда речь

шла об идеологии, и не одобрял их, если в деле были замешаны личные или семейные интересы, но как само собой разумеющееся воспринимал то, что члены команды защищали интересы возглавляемых ими ведомств». Более того, если они так не поступали, они проигрывали его в глазах, сам же он гордился своим искусством разбираться во всех хитростях отраслевых и территориальных руководителей (с. 74–77). Однако мысль о том, что подобная ситуация давала Сталину возможность выступать в роли арбитра и, по сути, усиливала его власть¹¹, так и не звучит.

Во времена индустриализации и коллективизации случались и серьёзные разногласия: Ворошилов и Калинин были не в восторге от эксцессов раскулачивания и от голода, Ворошилов прямо говорил о своей дружбе с Томским, Куйбышев сочувствовал видному оппозиционеру А. П. Смирнову и т. д., однако против Сталина никто прямо так и не выступил. Ярким свидетельством изменения отношений внутри команды в это время, полагает Ш. Фицпатрик, стало письмо Ворошилова Авелю Енукидзе, где он называет Сталина «великим пролетарским стратегом», сочетающим в себе «волю государственного и революционного деятеля и душу простого, доброго товарища». «Хорошо, что у нас есть Коба!» (с. 83–88)¹². Это уже слишком очевидный взгляд снизу вверх.

В стране начинается нарастание культа Сталина. Вождь делал вид, будто не одобряет восхвалений в свой адрес, но в действительности ими наслаждался. При этом для заграницы подавался несколько иной образ вождя, нежели для «внутреннего употребления», причём сам он редко общался с иностранными журналистами, но умел производить на них нужное впечатление (это, заметим, неудивительно, если учесть, что Сталин беседовал лишь с теми иностранцами, которые, что называется, сами были рады обмануться), ведя себя с ними не столько как революционер, сколько как Realpolitiker. Не были обойдены вниманием и члены команды (но не их жёны; впрочем, иного трудно было ожидать). Как отмечает автор, менее харизматичный Молотов куда меньше привлекал внимание поэтов-восхвалителей, нежели Сталин, одна-

---

¹¹ См. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 126–127.

¹² Советское руководство. Переписка. 1928–1941 / Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М., 1999. С. 241. № 131.

ко к концу 1930-х гг. положение изменилось. Наблюдение весьма любопытное и требующее объяснения, особенно если учесть, что в те же годы Сталин повёл атаку на Молотова (с. 89–100)¹³.

Несмотря на ужесточение внутреннего режима и подозрительность в отношении «буржуазных спецов», началась новая эра в отношениях с интеллигенцией. РАПП был распущен, те же из представителей интеллигенции, кто был сочтён принадлежащим к её верхушке, получили немалые привилегии, в том числе и материальные. Сталин ввёл в практику новую форму общения с интеллигенцией (та оценила её положительно) — звонки тем или иным деятелям культуры. Члены команды стали входить в роль покровителей искусства, причём Молотов, критиковавший Ворошилова за его «излишне» дружеские отношения с артистами и художниками, сам выступал в качестве патрона многих из них (с. 106–110).

Если говорить о культурном уровне членов команды и их «вождя», то они почти не знали языков и даже в 1930-е гг. не старались повысить свои знания в этой области. Сталин был весьма начитан, интересуясь работами по истории, социологии, экономике, а также художественной литературой. Кроме того, он увлекался театром, однако круг его посещений после гибели Кирова служба безопасности ограничивала Большим, Малым театрами и МХАТом, тогда как раньше он, например, позволял посещать концерты Персимфанса¹⁴ (думается, охрана действовала в духе указаний или настрояний самого «вождя», а не «ограничивала» его) (с. 100–101, 106–107).

Тяжёлым ударом стало убийство Кирова (Ш. Фицпатрик не считает Сталина причастным к нему). А через два с небольшим года началась «большая чистка». Для команды её предвестием стала опала А. С. Енукидзе. Могло показаться, что Сталин колеблется, не зная, как поступить с бывшим другом, но не менее вероятно, что проявлял свою характерную осторожность, учитывая популярность Енукидзе. Расстрел же Зиновьева, Каменева и остальных осуждённых на московском процессе 1936 г. стал своего рода Рубиконом, а сам процесс явился заделом для буду-

---

¹³ См. Хлевнюк О. В. Хозяин. С. 414–418.

¹⁴ Первый симфонический ансамбль (Моссовета). Заметим, что после убийства Кирова Сталин и не мог посещать его концерты, да и накануне его, так как ансамбль прекратил существование в 1932 г.

щих мероприятий подобного рода. Орджоникидзе вступил в конфликт со «вождём», когда люди из НКВД начали арестовывать людей из его ведомства — Наркомтяжпрома, прежде всего заместителя Серго Г. Л. Пятакова. Самоубийство Орджоникидзе стало ещё одним ударом по команде, да и по самому Сталину. Остальным членам команды пришлось заняться «чисткой» собственных ведомств, что со стороны «вождя» было формой шантажа и обеспечения коллективной ответственности. Многие арестованные были тесно связаны с ближайшими соратниками Сталина, и от прежних симпатий, с одной стороны, приходилось отказываться (хотя Ворошилов, например, отдавал многих своих людей на расправу «органам» явно неохотно), с другой — угроза нависла и над ними самими. Практически у всех оказались за решёткой родственники; на каждого, даже на Молотова, «органы» собирали компромат. (Аресты родственников самого генсека Ш. Фицпатрик склонна рассматривать как своего рода уравнивание его с другими членами команды.) Заступничество за «своих», которое было для них нормой в прежние времена, теперь оказалось под запретом. Тем не менее они старались помогать арестованным, в чём особую активность проявлял Микоян.

Между тем репрессии, во время которых появились новые выдвиженцы — А. А. Жданов, Л. П. Берия, Н. С. Хрущёв, Г. М. Маленков, А. А. Андреев (последний, впрочем, не вошёл в «ядро» команды) приобрели невиданный размах — было арестовано две трети членов ЦК, избранных на XVII съезде, из 25 наркомов остались на свободе лишь 5: Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович (т. е. члены команды) и Литвинов. Уже на январском пленуме ЦК ВКП (б) зашла речь о «перегибах» (соответствующие материалы подготовил, возможно, Маленков), а в конце 1938 г. репрессии пошли на спад (хотя на XVIII съезде Жданов говорил лишь об исключениях из партии, но не об арестах и казнях). «Команда имела основания благодарить не только судьбу, позволившую им остаться в живых, но и Сталин, который не утратил самообладания и сумел затормозить потерявший управление поезд» (с. 112–142, цитата на С. 140). С этим тезисом трудно согласиться, поскольку «поезд» отнюдь не терял управления (доказательств обратного не приводится), «вождь» полностью контролировал ситуацию и сократил масштабы террора тогда, когда считал нужным (см. выше мнение О. В. Хлевнюка).

Новым испытанием стала война. Заключённый накануне её пакт с Германией несколько шокировал членов команды, однако они приняли объяснения Сталина, сославшегося на нежелание Англии и Франции идти на союз. Ш. Фицпатрик отрицает ощущение симпатии Сталина к Гитлеру как диктатора к диктатору: вождь просто выигрывал время (а заодно, заметим, расширял границы СССР на запад). После дорогого стоившей советско-финляндской войны он охладел к Ворошилову, чей политический статус понизился. Зато возвысился в глазах Сталина Молотов — как эксперт по международным делам и человек, имевший прямой контакт с Гитлером. Обнаружилось, правда, и расхождение между ними в важных вопросах: Молотов был склонен согласиться на вступление СССР в Тройственный пакт, тогда как Сталин относился к этой идее прохладно (с. 143–149).

Как полагает автор, Сталин знал, что война будет, но ошибся в расчётах, не поверив разведке; члены же команды, насколько известно, по этим вопросам с ним не спорили. Но когда война началась, у них хватило духу явиться к нему без приглашения с предложением создать Государственный комитет обороны (Ш. Фицпатрик сомневается в достоверности версии, будто Сталин счёл, что соратники пришли его арестовывать). В рамках комитета между членами команды произошло «разделение труда». Руководящее ядро образовали, помимо вождя, Молотов, Берия, Маленков и Микоян. Многие ездили по фронтам. Сталин же практически всю войну оставался в Москве. Укрепились позиции нового фаворита — Н. А. Вознесенского, тогда как положение Кагановича, не справлявшегося в условиях войны с управлением железными дорогами, пошатнулось. То же можно сказать и об Андрееве. К концу 1942 г. выбыл из политической игры Ворошилов. Что же касается Берии, то в условиях сталинской системы он был идеальным исполнителем. Последние месяцы войны стали временем наивысшего взлёта Молотова (с. 151–158, 173).

В ходе войны возникли новые связи между военными и политиками — как профессиональные, так и личные. Хрущёв чувствовал себя комфортнее среди военных, нежели с коллегами в Москве. Берия, если верить его сыну, покровительствовал Жукову, Василевскому и другим военным. Даже те члены команды, которые в годы войны в основном оставались в тылу, стремились завести друзей в военном руководстве (с. 162–163).

Несмотря на пессимистические предсказания, советский строй выжил, и в 1944 г. поведение Сталина, в первые годы войны считавшегося с мнением помощников (заметим, он стал это делать не сразу), начало меняться в худшую сторону (приводится уже упомянутый нами случай о разносе Микояну за помощь зерном ряду областей). Однако и ему приходилось считаться с ситуацией. Поначалу Верховный сам хотел на коне принимать Парад Победы¹⁵, но в итоге поручил это Жукову, который был к тому же единственным человеком, который говорил во время парада. Сталин же произнес свой знаменитый тост за русский народ, признав свои ошибки и поблагодарив его за доверие (с. 167–170).

Однако надежды на перемены к лучшему — которые разделял и такой член команды, как Микоян (и, возможно, большинство ближайших соратников Сталина) — после войны не оправдались. Не лучшие времена настали и для других приближённых генсека, среди которых выделялась «четвёрка» — Молотов, Берия, Микоян, Маленков. Молотов, за которого генсек ещё в мае 1945 г. предлагал тост («За нашего Вячеслава»), вновь стал объектом нападок с его стороны; включённый в 1946 г. в политбюро Маленков тогда же на два года лишился поста секретаря ЦК; Микояна ещё в конце войны не взяли на Ялтинскую конференцию и до 1949 г. не выпускали за границу (хотя он был министром внешней торговли). И только влияние Берии росло. То же можно сказать и о Жданове, а также о не блиставшем талантами Н. А. Булганине; Ворошилов же и Андреев практически отходят от большой политики.

Между членами команды имели место трения — например, не любили друг друга Маленков и Жданов (в семье последнего Маленкова насмешливо именовали за немужественную внешность Маланьей), не питали взаимных симпатий Молотов и Микоян. Наблюдалась и расхождённость во взглядах на важнейшие государственные вопросы — если Сталин и Молотов отвергли план Маршалла,

---

¹⁵ Правда, Фицпатрик (с. 170) сомневается в достоверности приписываемой Василию Сталину истории о том, как его отец упал с коня, тренируясь перед парадом, после чего и отказался от идеи принимать его (см. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 3. С. 305). Думается, что такой идеи у «вождя» не было изначально, поскольку тогда он лишался возможности возвышаться над всем действием. Возвышение было возможно лишь при нахождении на трибуне Мавзолея, к подножию которого летят вражеские знамёна.

то Микоян и Берия отнеслись к нему более лояльно. Однако своё мнение члены команды высказывали осторожнее, чем прежде. Новые из них (Маленков, Берия, Булганин) восприняли довоенную «моду» на активные контакты с интеллигенцией. Маленков и Берия предпочитали больше общаться с людьми из интеллигентской среды, чем с политиками, а их сыновья стали учёными (Андрей Маленков — биофизиком, Серго Берия — инженером-конструктором в области радиолокации и ракетных систем). Тоже можно сказать и о детях других членов команды — Юрии Жданове (химик), Сергее Хрущёве (конструктор космических систем), Наталье Андреевой (биолог). Творческие профессии выбрали Майя Каганович, Валентина Маленкова, Галина Куйбышева (архитекторы), Рада Хрущёва (Аджубей, журналистка), и др. (с. 171–188).

Произошли изменения в формах досуга. Сталинские застолья стали роскошнее, чем прежде, однако прежняя относительно непринуждённая обстановка постепенно исчезала. Сталин, если верить очевидцам, любил подпаивать собеседников, а также унижать их, заставляя Хрущёва плясать гопак, а Молотова танцевать вальс с польским коммунистом Якубом Берманом. Постепенно росла тяга элиты к роскоши (по советским меркам). Маленковы, Андреевы и Ждановы жили «демократичнее» многих коллег, но, разумеется, несопоставимо лучше, нежели простые советские граждане.

Причуды Сталина дурно сказывались на здоровье его приближённых — помимо общей гигантской нагрузки и постоянный стресс, им приходилось подстраиваться под ночной режим работы вождя. Всё это вело к хроническому переутомлению. Особенно плохим было здоровье Жданова, умершего в 1948 г. от сердечной недостаточности; Андреев ушёл в отставку из-за почти полной потери слуха. Когда Ворошилов по медицинским причинам захотел избавиться от необходимости следовать сталинскому ночному графику, ему пришлось просить об этом официально (с. 189–191).

Но и сам Сталин всё больше сдавал и всё меньше доверял даже ближайшим соратникам. В его окружении произошла некоторая перемена: ключевые позиции занимала четвёрка в составе Берии, Маленкова, Хрущёва и Булганина, которая, в свою очередь, входила в состав семёрки (те же плюс Молотов, Микоян и Каганович). Они понимали необходимость перемен, но осуществление их приходилось откладывать до кончины Сталина, не склонного ид-

ти на послабления. Он, считает Ш. Фицпатрик, мог и пренебречь мнением команды, примером чего стали гонения на евреев (Молотов сочувствовал идее создания Израиля, Берия вообще считался филосемитом; впрочем, по мнению Ш. Фицпатрик, гонения были обусловлены не антисемитскими, а чисто политическими соображениями). В этих условиях Молотову пришлось развестись с Жемчужиной, которая была еврейкой, а Маленков добился развода дочери с внуком С. А. Лозовского. Впрочем, развод не спас Молотова от снятия с поста министра иностранных дел, Микоян же лишился должности министра внешней торговли.

Настоящим шоком для команды стало «ленинградское дело». Хотя её члены активно интриговали против его будущих жертв, они явно не добивались их гибели. (Микоян не стал препятствовать браку сына с дочерью А. А. Кузнецова!) Соратники Сталина осознали, что находятся в одной лодке, а потому взаимная вражда им же во вред. «Вождь» тем временем явно решил расправиться с Молотовым и Микояном. На октябрьском (1952 г.) пленуме ЦК он объявил их английскими шпионами и подверг жестокой критике, а когда они без приглашения пришли на его последний день рождения, велел более не являться.

Постепенно члены команды стали вести себя с вождём как дети с безумным отцом. Они ждали его кончины, и он явно понимал это. И когда Сталин оказался при смерти, команда выступила как сплочённый коллектив и на мартовском (1953 г.) пленуме ЦК уверенно взяла власть (с. 197–223).

На похоронах Сталина Берия вдруг заговорил о свободах советских граждан, гарантированных им конституцией. И словами «коллективное руководство» (т. е. бывшая команда вождя) не ограничилось. В короткий срок было освобождено более 1 миллиона человек, запретили применение пыток, были снижены налоги с крестьян, улучшилась и жизнь горожан, появилась свобода передвижения, началась дерусификация союзных республик. Правда, не все меры оказались продуманными: сотни тысяч вышедших из лагерей нуждались в жилье и работе, которых не всегда хватало, дерусификация привела к вспышкам национализма и т. д.

На посту преемника Сталина многие видели Молотова. Берия занимал особое положение, выражая презрение к партии (это вызывало особое раздражение Хрущёва); правительство, как он утверждал, важнее ЦК. При этом его репутация в народе отнюдь

не была сугубо отрицательной. Борьба в руководстве, затихшая накануне смерти Сталина, возобновилась — в июле 1953 г. был арестован Берия, в феврале 1955 г. утратил пост премьера Маленков (формально отставку объясняли недостатком у него твёрдости, но то, что заменил его Булганин, заставляет усомниться в подобной мотивировке) (с. 224–239).

Ещё одним рубежным событием стал доклад Хрущёва о культе личности на XX съезде. Решение о нем было принято бывшей командой неохотно, в том числе и Хрущёвым, выказавшим отсутствие желания оглашать текст доклада. Доклад вызвал неоднозначную реакцию, вплоть до демонстраций в Грузии, которые пришлось разгонять с помощью танков. А вскоре танки ввели и в Венгрию, что противоречило реформаторским заявлениям, сделанным на XX съезде (Микоян возражал против такой меры). Но главной проблемой бывших соратников Сталина стала позиция самого Хрущёва, от которого можно было ожидать всего. В мае 1957 г. он сообщил на публике о разногласиях в Президиуме ЦК, что вызвало неодобрение даже лояльного ему Микояна. Однако на июньском (1957 г.) пленуме ЦК Хрущёв взял верх, обвинив оппонентов в создании антипартийной группы (причём Каганович и Маленков нехотя признали элементы заговора в своём поведении). Произошло радикальное обновление руководства, из приближённых покойного «вождя» у руля власти остались лишь Хрущёв и Микоян. Однако переворот не сопровождался репрессиями, что стало предметом гордости Хрущёва (с. 244–255).

Оказавшись «на покое», бывшие приближённые Сталина по-разному отзывались о нём, но никто не занимал однозначной позиции: даже ортодоксальный, казавшийся «динозавром» Молотов признавал, что вождь не всегда был прав, Каганович, в целом разделявший его взгляды, занимал более оборонительную позицию. Двойственными были суждения на сей счёт Хрущёва и Микояна — настроенных куда менее просталински. Большую роль в освещении деятельности Сталина и его окружения сыграли воспоминания их детей, самые известные из них — «Двадцать писем к другу» Светланы Аллилуевой (Серго Берия расценил их как предательство ею отца).

Постепенно члены сталинской команды уходили из жизни. Молотов перед смертью успел получить обратно отобранный у него в 1962 г. партбилет, и, хотя государственных похорон он удосто-

ился, о его кончине сообщили «Известия» (всё-таки, впрочем, не «Правда»). Когда же умер Маленков, до последних дней оставшийся оптимистом, о его смерти центральные газеты умолчали. Последним покинул этот мир Каганович — можно сказать, очень вовремя, 25 июля 1991 г. «Оставалось всего пять месяцев до распада Советского Союза, обратившего в прах труд их жизни» (с. 255–268).

Книга Ш. Фицпатрик производит очень хорошее впечатление. Прежде всего надо отметить, что это первая монография на подобную тему. Её автор демонстрирует великолепное знание источников и литературы, осторожность при работе с материалом, объективность оценок. И хотя в книге попадаются отдельные неточности¹⁶, а в каких-то случаях со сказанным в ней можно не согласиться, труд, проделанный Ш. Фицпатрик, вызывает глубокое уважение. Её книга — важное подспорье для любого изучающего сталинскую эпоху.

Таким образом, наука обогатилась двумя очень качественными, можно сказать, образцовыми работами по одной из самых важных тем в отечественной истории. И хотя во многом выводы их авторов совпадают (отчасти это объясняется характером источников), нельзя сказать, что книги в сколько-нибудь значительной степени подменяют друг друга. Угол зрения, стиль мышления, подача материала у обоих исследователей слишком индивидуальны. Хотелось бы, что бы работ такого уровня было побольше во всех областях исторического знания.

---

¹⁶ Украинское ГПУ названо ОГПУ (с. 61), а А. С. Яковлев — преемником М. М. Кагановича (с. 151), хотя первый был заместителем наркома авиапромышленности, а второй — наркомом (преемником М. М. Кагановича стал А. И. Шахурин). На С. 150 сказано, что Англия и Франция объявили войну Германии после оккупации ею Польши — хотя 3 сентября 1939 г. до оккупации было ещё далеко, речь могла идти только о вторжении. На С. 157 читаем, что Сталин в годы войны покидал Москву только для поездки в Тегеран — хотя были ещё посещения им Западного фронта в августе 1943 г. и Крыма для участия в Ялтинской конференции.

М. Р. Зезина

Гершзон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг.
Очерки. М., 2018. 390 с.

Книга М. М. Гершзона выделяется среди работ последних лет, посвященных периоду «оттепели». Главное отличие бросается в глаза при самом беглом пролистывании работы. Это громадное количество сносок на архивные документы РГАЛИ, ГАРФ и РГАНИ, большинство которых впервые вводится в научный оборот. Это позволило автору расширить круг вопросов, связанных с политикой и управлением культурой в годы «оттепели», и внести уточнения в некоторые представления, сложившиеся в историографии. Одно из открытий автора связано с употреблением термина «оттепель». Принято считать, что этот термин произошел от названия повести И. Г. Эренбурга, изданной в 1954 г. Как пишет Гершзон, эта была далеко не первая «оттепель» в истории России. Еще середине XIX в. так называли начало правления Александра II. Да и Эренбург обращался к образу оттепели задолго до своей нашедшей повести, в стихотворении, написанном в первый год НЭПа.

Все восемь очерков, включенных в книгу, печатались ранее в различных периодических изданиях, включая региональные. Но объединение их под общей обложкой вполне оправдано. Во-первых, они тесно связаны тематически и хронологически, а во-вторых, книга делает их более доступными для читателей.

Очерки расположены в книге в хронологическом порядке. Но начать стоит с двух очерков, которые занимают центральное место в книге по значимости и объему. Один посвящен изменениям в культурной политике в начальный период «оттепели», другой — истории создания и деятельности Министерства культуры СССР.

В общественном сознании «оттепель» часто ассоциируется с XX съездом и антисталинским докладом Н. С. Хрущева. В историографии утвердилось мнение, что «оттепель» началась со смертью Сталина. Однако культурные процессы, происходившие в первые три года до XX съезда, исследованы поверхностно. Автор попытался восполнить этот пробел, сосредоточив свое внимание на преобразованиях в органах управления культурой, а также в кинематографии, театре, изобразительном искусстве и создании памятников.

Большой интерес представляет анализ изменений кадрового состава руководящих работников Министерства культуры СССР. Ведь именно от них зависело принятие решений, определивших поворот в культурной политике и культурной жизни страны. Автор показывает, что обновление руководства произошло не в ходе министерской реформы, когда Министерство культуры было создано, а только через год, года руководители бывших министерств и ведомств, отвечавших за культуру, были выведены из состава коллегии, а вместо них вошли видные деятели культуры.

Кинематография, находившаяся в глубоком кризисе в начале 1950-х гг., когда кино еще было в ведении Министерства кинематографии, занимала особое место в работе Министерства культуры. Выход из кризиса был долгим и непростым. Гершзон подробно рассматривает, как шла работа над годовыми планами производства кинофильмов, как расширялись права Министерства по запуску в производство и выпуску на экраны фильмов, как расширялась самостоятельность директоров киностудий, как изменялся порядок прохождения фильма через различные инстанции. Автор не обходит вниманием судьбы отдельных людей, для многих из которых открывались новые возможности, а у других заканчивалась творческая карьера. Так, И. А. Пырьев был назначен директором Мосфильма. В кино пришли молодые режиссеры М. М. Хуциев, В. П. Басов, Э. А. Рязанов. В то же время актер М. Г. Геловани, бессменный исполнитель роли Сталина во многих

фильмах, безуспешно обивал пороги министерских руководителей с просьбой о трудоустройстве. Режиссер фильмов о Сталине, лауреат нескольких Сталинских премий, орденосец М. Э. Чиаурели был переведен с Мосфильма на Свердловскую студию научно-популярных фильмов.

На основе анализа большого фактического материала автор выделяет ряд поворотных моментов в процессе преодоления кризиса кинематографии: первый — весна 1954 г., когда были отстранены от руководства кино руководители бывшего Министерства кинематографии, второй — весна 1955 г., когда министром стал Н. А. Михайлов, а его заместителем В. Н. Сурин, и был подтвержден курс на перемены.

Анализируя ситуацию в сфере управления театрами, Гершзон отмечает, что инициатива перемен исходила от деятелей театра, предлагавших отказаться от мелочной опеки со стороны министерства. Только после обновления министерского руководства в 1954 г. эти предложения были реализованы, и расширение самостоятельности театров привело к оживлению театральной жизни. Это важное наблюдение автора подтверждает, что «оттепель» в отдельных сферах культуры начиналась снизу, а власть лишь отвечала на запросы творческой интеллигенции, внося изменения в управление.

Новые тенденции, исходящие от власти, были связаны главным образом с прекращением восхваления Сталина и критикой культа личности, до XX съезда без упоминания его имени. Эти изменения затрагивали, главным образом, изобразительное искусство и монументальную пропаганду. Как отмечает автор, несмотря на то, что Сталина перестали изображать на картинах и в монументах, его произведения наряду с другими классиками марксизма издавались большими тиражами вплоть до февраля 1956 г.

Помимо кино и театра, в работе проанализированы перемены, коснувшиеся художественных выставок и музеев, планов установки памятников, условий работы художников, книжного дела, музыки, радио- и телевидения, международного культурного сотрудничества. Можно согласиться с автором, что эти перемены были «в определенной степени революционными» или «стихийной оттепелью» (с. 172). Вместе с тем тезис о том, что «инициатива изменений в культурной политике исходила от высшего политического руководства СССР, но четкие рамки изменений им не определя-

лись» (с. 172–173), нуждается в уточнении. На мой взгляд, инициатива скорее принадлежала интеллигенции, которая в журнальных и газетных статьях и в письмах в ЦК не просто просила о чем-то, но критиковала существующее положение дел в искусстве и предлагала изменения. Какие-то идеи, касающиеся монументальной пропаганды, книгоиздательства, международного культурного обмена могли исходить от власти, но общие принципы культурной политики, заложенные при Сталине, оставались неизблемыми.

Автор совершенно справедливо отмечает, что в отсутствии четких и детальных указаний от партийного руководства роль Министерства культуры СССР в конкретизации и реализации культурной политики была высока. Тем более, что сфера деятельности этого органа была чрезвычайно широкой. Помимо кинематографии, искусства, культурно-просветительной работы, издательского дела, она включала высшее и среднее специальное образование и много другое. Изменения в структуре, кадровом составе руководства, основные направления деятельности Министерства за первые десять лет его существования подробно рассматриваются самом объемном очерке книги.

Большой интерес представляет материал, характеризующий каждого из министров культуры (за десять лет сменилось четверо), состав коллегии, стиль общения на заседаниях.

Одному из заместителей министра культуры посвящен отдельный очерк. Это известный советский режиссер и актер Н. П. Охлопков, первый представитель художественной интеллигенции, который около года занимал этот пост и несколько лет был членом коллегии Министерства.

Тщательное изучение всех сохранившихся стенограмм и протоколов заседания коллегий за десять лет подводит автора к выводу, что наиболее интенсивно коллегия работала в 1953 г., когда было рассмотрено наибольшее за все годы количество вопросов. Можно согласиться с мнением автора, что высокие цифры говорят скорее о чрезмерной централизации управления, нежели о демократизации. В последующие годы полномочия местных органов руководства культурой расширились, и количество вопросов, выносившихся на обсуждение коллегии общесоюзного Министерства, сокращается.

В рядке очерков раскрываются неизвестные и малоизвестные страницы истории кино и создания памятников. Если исто-

рия фильма «Иван Грозный» С. Эйзенштейна довольно широко освещалась в литературе, то о работе И. Пырьева над картиной об Иване Грозном знает лишь узкий круг специалистов. Документы, обнаруженные М. Гершзоном в архиве, позволили существенно дополнить и уточнить историю несостоявшегося проекта, а также многие детали творческой биографии режиссера.

Тема кино продолжена в очерке, посвященном истории советской киноиндустрии конца 1950-х гг. Именно в эти годы начинается активная творческая жизнь нового поколения сценаристов, режиссеров и актеров, благодаря таланту которых этот период вошел в историю как «золотой век» советского кино. В центре внимания автора — изменения в организации кинопроизводства, а также неизвестные страницы истории отдельных кинокартин, включая нереализованные проекты.

Два очерка в книге посвящены истории создания памятников: И. А. Крылову в Калинин (ныне Тверь) и Сталинградского мемориала. Два абсолютно разных проекта, разной идейной направленности, осуществленных в разных городах, в разное время. На первый взгляд, единственное, что их объединяет — длительные сроки выполнения. От решения до установки памятника Крылову прошло более 10 лет. Создание Сталинградского мемориала заняло около 10 лет, а с учетом панорамы, являвшейся частью мемориала, более 20. Подробное описание процессов обсуждения проектов, предпринятое автором, объясняет причины длительности сроков. Прежде всего, это особое внимание государства к монументальной скульптуре. Работа над памятником Крылову выпала на переломные годы в жизни страны. Решение было принято в конце войны. В результате перемен в системе управления культурой и культурной политике после смерти Сталина, подготовленный проект скульптуры не был принят, и работа была продолжена. Сталинградский мемориал имел особое значение, и придти к общему решению участникам обсуждения, среди которых были военные, участники битвы, скульпторы, кинематографисты, писатели, было крайне сложно.

Последний очерк, в котором автор делится опытом работы с документами коллегии Министерства культуры СССР, хранящимися в РГАЛИ, будет особенно интересен профессиональным историкам культуры, архивистам, специалистам по истории театра, кино, изобразительного искусства. Эти документы использова-

лись ранее преимущественно в справочных целях. Фактически автор книги был их первым исследователем. Гершзон отмечает, что материалы коллегии Министерства являются ценным источником для изучения государственной политики в области культуры. Как свидетельствует рецензируемая книга, их информационный потенциал не исчерпывается только этой темой.

Высоко оценивая проделанную автором работу, стоит отметить некоторые упущения. К сожалению, в книге нет введения с изложением концепции автора и задач исследования, отсутствует заключение и указатель имен. О состоянии историографии поднятых в книге тем можно судить по заметкам в начале отдельных очерков. Их стоило бы объединить в общий обзор и дать во введении.

К недостаткам стоит отнести и повтор некоторых сюжетов. Так, например, истории создания памятника И. А. Крылову в Твери посвящен отдельный очерк. Об этом же рассказывается и в очерке об изменениях в культурной политике. Наличие иллюстративного материала могло бы украсить книгу и привлечь больше внимания читателей.

В целом работа М. М. Гершзона является строго документированным оригинальным исследованием мало изученных аспектов и сюжетов истории советской культуры последних лет сталинизма и «оттепели». Содержащийся в ней материал, авторские наблюдения и выводы расширяют и уточняют имеющиеся в историографии представления о системе и методах управления различными сферами культуры, событиях культурной жизни общества, истории создания отдельных произведений искусства.

Сведения об авторах тома

Геннадий Евгеньевич Аляев — доктор философских наук, профессор Полтавского национального технического университета (Полтава, Украина).

Владислав Алексеевич Антонов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН (Москва).

Василий Анатольевич Болтрукевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории Института российской истории РАН (Москва).

Фёдор Александрович Гайда — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Андрей Владиславович Ганин — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Игорь Владимирович Дубровский — старший научный сотрудник Отдела западноевропейского средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Москва), ученый корреспондент «Русского Сборника» в Риме.

Свяц. Александр Ермолин — старший преподаватель кафедры богословия и философии Казанской православной духовной семинарии (Казань).

Мария Ростиславовна Зезина — доктор исторических наук (Москва).

Владимир Александрович Козлов — кандидат исторических наук (Москва).

Марина Евгеньевна Козлова — историк (Москва).

Ольга Алексеевна Кононова — аспирантка факультета политологии МГУ (Москва)

Антон Викторович Короленков — кандидат исторических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва)

Андрей Анатольевич Смирнов — кандидат исторических наук, доцент Московского Архитектурного института (Москва)

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Александр Владимирович Толстиков — кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Кирилл Владимирович Шевченко — доктор исторических наук, Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске (Белоруссия).

Михаил Фёдорович Шумейко — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой источниковедения Белорусского государственного университета (Минск)

Сергей Анатольевич Фалько — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально — гуманитарных дисциплин Национальной академии Национальной гвардии Украины (Харьков, Украина).

Энтони Хейвуд (Anthony J. Heywood) — старший лектор Школы теологии, истории и философии Университета Абердина (Великобритания)

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 27.11.2019. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 35,5. Тираж 500 экз. Заказ №

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-905040-50-4

9 785905 040504 >